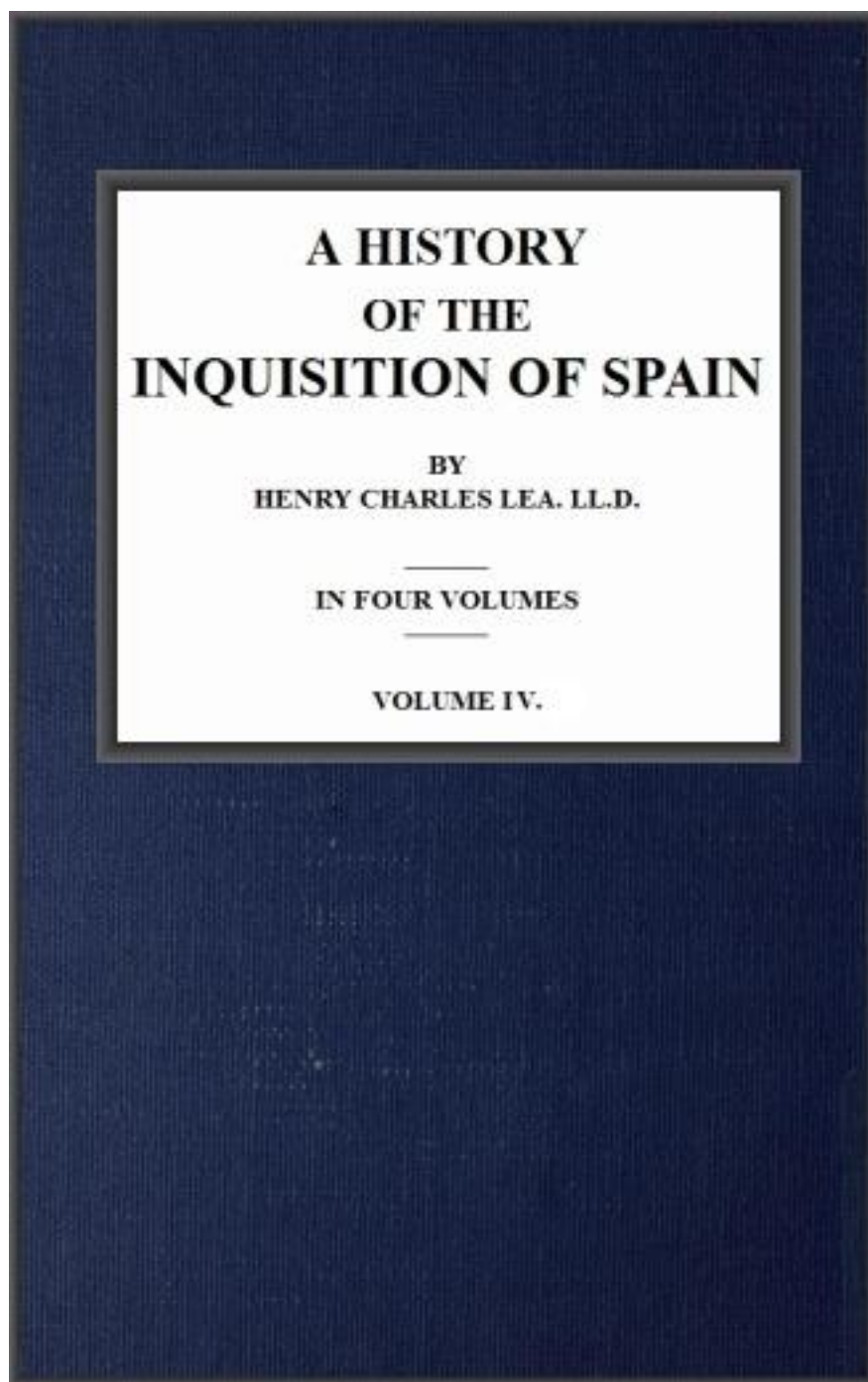

История инквизиции Испании; том 4

Генри Чарльз Ли

Электронная книга проекта Гутенберга по Истории инквизиции Испании; том 4

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История инквизиции Испании; том 4

Автор: Генри Чарльз Ли

Дата выхода: 17 ноября 2013 г. [Электронная книга № 44209]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Чаком Грейфом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, доступных в интернет-архиве)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ ИСПАНИИ"; Т. 4 ***

Были предприняты все попытки воспроизвести оригинальную книгу в том виде, в каком она была напечатана. Исправлены некоторые типографские ошибки. [Список](#) следует за текстом.

Не предпринималось попыток исправить или нормализовать слова в испанском или других языках.

(примечание переводчика etext)

ИНКВИЗИЦИЯ ИСПАНИИ

РАБОТЫ ОДНОГО АВТОРА

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. В трех томах, октаво.

ИСТОРИЯ УШНОЙ ИСПОВЕДИ И ИНДУЛЬГЕНЦИЙ В ЛАТИНСКОЙ ЦЕРКВИ. В трех томах, октаво.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СВЯЩЕННИЧЕСКОГО БЕЗБРАЧИЯ В ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ. Третье издание. (В стадии подготовки.)

ФОРМУЛЯР ПАПСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ ТРИНАДЦАТОГО ВЕКА. Один том, октаво.
(Вышло из печати.)

СУЕВЕРИЕ И СИЛА. Очерки о пари закона, о пари битвы, об испытаниях, пытках. Четвертое издание, переработанное. В одном томе, 12 млн. экземпляров.

ИССЛЕДОВАНИЯ По ИСТОРИИ ЦЕРКВИ. Возвышение светской власти, преимущества духовенства, отлучение от церкви, ранняя Церковь и рабство. Второе издание. В одном томе 12 млн.

ГЛАВЫ Из РЕЛИГИОЗНОЙ ИСТОРИИ ИСПАНИИ, СВЯЗАННЫЕ С ИНКВИЗИЦИЕЙ. Цензура прессы, мистики и иллюминаты, Эндемониады, Эль-Санто-Ниньо-де-ла-Гуардиа, Брианда де Бардакси.

МОРИСКИ ИСПАНИИ. ИХ ОБРАЩЕНИЕ И ИЗГНАНИЕ. В одном томе, 12 млн.

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ В ИСПАНИИ

ГЕНРИ ЧАРЛЬЗ ЛИ, ДОКТОР юридических наук

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ IV.

Нью-Йорк
КОМПАНИЯ MACMILLAN
ЛОНДОН: MACMILLAN & CO., Ltd. 1922 г.
Все права защищены

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Авторское право, 1907 г.,
Компанией MACMILLAN.

-
Установлено и напечатано электротипом. Опубликовано в январе 1907 года.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА IV.

КНИГА VIII—СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ (Продолжение).

Глава V —Мистицизм.

	СТРАНИЦА
Древность мистических устремлений	1
Опасности—Безупречность—Независимость	2
Иллюминизм и квиетизм—Путаница с протестантизмом—Неопределенность в отношении источника видений—Презрение к теологии	4
Развитие в Испании	6
Начало преследований—Мистики Гвадалахары	7
Франциска Эрнандес	9
Мария Касалла —Группа в Толедо—Игнатий Лойола	13
Архиепископ Карранса—Сан—Франциско де Борха—Луис де Гранада—иезуиты	15
Фрай Алонсо де ла Фуэнте — его борьба с иезуитизмом	19
Алюмбрадосы из Льерена	23
Враждебность инквизиции к мистицизму	24
Падре Херонимо де ла Мадре де Диос	26
<i>Мистическая теология</i> Фернандо де Кальдера	29
Судебное преследование мистиков Севильи—Осуждение ошибок Алумбрадо	29
Иллюминизм становится формальной ересью—Процедура	34
Мадре Луиза де Каррион	36
Влияние мистиков—Сестра Мария де Агреда	39
Мистицизм в Италии—каноник Пандольфо Рикасоли—Самозванец Джузеппе Борри- <i>Преследуй меня</i>	42
Пелагини Ломбардская	46
Мигель де Молинос —Осуждение мистицизма	49
Беккарелли	61
Мистицизм во Франции—Осуждение Фенелона	62
Молинизм в Испании—Преследование	68
Епископ Овьедо Торо	71
Мадре Агуэда де Луна	76
Брат Эусебио де Вильяроха —жестokie методы,	77
Мистицизм, рассматриваемый как заблуждение,	79
Распространенность самозванства	81
Magdalena de la Cruz	82
Madre María de la Visitacion	83
Различное отношение к самозванству	86
Беата Долорес—Беата де Куэнка— Беата Клара	89
Сор Патрочинио	92
Глава VI—Домогательство	

Частота соблазнения в исповедальне	95
Изобретение конфессиональной кабинки	96
Снисходительность духовных судов	97
Инквизиция косвенно добивается юрисдикции	98
Павел IV и Пий IV предоставляют Юрисдикцию	99
Обычное духовенство стремится получить освобождение от ответственности	100
Законодательство Григория XV —Борьба с епископами за юрисдикцию	100
Домогательство включено в Эдикт веры	105
Сложность побуждения женщин к доносу на преступников	106
Домогательство — техническое преступление против Причастия, не противоречит морали	109
Сложность практического определения	110
Пассивное домогательство	111
Освобождение Партнера от вины	113
Возможность избежать наказания	114
Бичевание—Связь с иллюминизмом	116
Процедура-Нежность к правонарушителям	119
Требовалось два доноса	123
Ведутся реестры обращений к исповедникам	125
Смягчение наказаний	126
Самоосуждение - это окончательно обеспечивает иммунитет	130
Статистика случаев—Преобладание обычных приказов	134
Глава VII—Предложения	
Рост юрисдикции над высказываниями, публичными и частными	138
Влияние привычных заблуждений	138
Опасность, возникающая из—за тривиальных замечаний	140
Суровость наказаний—Вопрос веры и намерений	142
Особые предложения—Брак лучше безбрачия	144
Прелюбодеяние между неженатыми не является грехом	145
Теологические положения—Дело Фрая Луиса де Леона	148
Схоластический диспут, его опасности	150
Фрай Луис обвиняется в неуважении к Вульгате	151
Арестован и заключен в тюрьму 27 марта 1572 г.	153
Бесконечные дебаты по множасьимся статьям обвинения	154
Голосование в <i>дискордии</i> , 18 сентября 1576 г.	156
Оправдан Супремой, 7 декабря 1576 г.	157
Второй судебный процесс в 1582 году за высказывания в дебатах—Оправдательный приговор	159

Франсиско Санчесу за его неуважение к теологии	162
Его вызывают и делают выговор, 24 сентября 1584 г.	164
Его снова вызывают и сажают в тюрьму, 25 сентября 1600 г. —его смерть	166
Фрай Джозеф де Сигуэнса—Заговор против него в его Ордене	168
Предпочитает суд инквизиции—оправдан	170
Дело падре Алонсо Ромеро, S.J.	171
Преследования неосторожных проповедников	172
Увеличение доли о падежах Предложений, продолжая последнюю	176
Главу VIII —Колдовство и оккультные искусства.	
Накопление суеверия в Испании	179
веротерпимости в эпоху раннего Средневековья	180
Иоанна XXII заказы преследования колдовства	181
стойких терпимости в Испании	182
инквизиция получает юрисдикции	183
вопрос, как в ересь—договор с демоном	184
Демон вездесущий в суеверные обычаи—гермафродиты	186
убеждений, таким образом, укрепить в гадании и магии	189
инквизиция, таким образом, получает исключительную юрисдикцию	190
астрология—учение подавлены в Университете Саламанки	192
процедуры—Руководил чтобы доказать, что пакт с демоном	195
взыскания,—менее серьезные, чем в светских судах	197
рационалистическое лечение в португальской инквизиции	202
возбуждено уголовное дело в реальности, в Испании, до последнего	203
увеличение числа случаев	204
вера остается неизменной и по настоящее время	205
глава IX—колдовство.	
Отличительный характер в колдовстве—шабаш	206
происхождения в 14 веке—быстрое развитие в 15	207
Генезис вера в шабаш—в <i>каноне Эпископи</i>	208
дискуссия иллюзия или реальность—ведьм-сожжения	209
собрание 1526 совещается на эту тему	212
ведьма эпидемий—активное преследование	214
В следующих сдерживает рвение трибуналов	216
просвещенный инструкции	219
авто-наводящий гипнотизм признался ведьмы	220
конфликта со светскими судами о подсудности	222
мягкое наказание	223

регресс—в Логроньо авто 1610	225
отвращение чувств—Педро-де-Валенсия	228
Алонсо де Салазар Фриас поручено расследовать	230
своей рационалистической отчет	231
указания 1614 практически положили конец преследованиям	235
стойкое убеждение—Торребланка	239
эпидемий колдовства исчезнут	240
колдовство в римской инквизиции	242
колдовство увлечение всей Европе	246
глава X—политической деятельности.	
Утверждение о том, что инквизиция была политическим инструментом,	248
Отсутствие следов ее участия в развитии абсолютизма,	249
Редко привлекаемое к посторонним услугам,	251
Дело Антонио Переса	253
Убийство Хуана де Эскобедо	254
Переса заменил Гранвелле— заключен в тюрьму—бежал в Сарагосу—осужден в Мадриде	255
Тщетные попытки привлечь его к ответственности в суде Арагона	258
Вызванная инквизиция преследует его за богохульство	258
Он предается Трибуналу — город восстает и спасает его	259
Армия Филиппа оккупирует Сарагосу—Перес сбегает во Францию—Казнь судьи Ланузы	263
Судебные преследования инквизиции в противовес политике Филиппа II—Аутодафе от 20 октября 1592 г.	267
Суды Таразоны в 1592 г. ограничивают свободы Арагона	269
Смерть Переса в 1611 г.—его память оправдана в 1615 г.	272
Единичные случаи вмешательства инквизиции	273
Это используется в войне за престолонаследие	275
Постепенно становится подчиненный при Бурбонах	276
— политический инструмент времен Реставрации,	277
Иногда используемый для обеспечения соблюдения светских законов — Экспорт лошадей	278
Глава XI-янсенизм.	
Неопределимый характер янсенизма, за исключением противопоставления ультрамонтанству	284
Борьба в Испанской Фландрии	286
Ссора с Римом из—за осуждения кардинала Нориса в Указателе 1747 г.	288
Противодействие ультрамонтанству и иезуитизму, преследуемому как янсенизм	292
Изгнание иезуитов—Реакция при Годое	294

Глава XII-Вольное масонство.

Развитие масонства—Осуждено Святым Престолом	298
Преследуется инквизицией и короной	300
Приобретает революционный характер	303
Преследование при Реставрации	304
Его пагубная деятельность в Конституционный период	306

Глава XIII—Философия.

Рост недоверия к концу Восемнадцатого века	307
Олавиде избран Жертвой	308
Впечатления, произведенного на него Судебным процессом	311
Борьба между консерватизмом и прогрессом	312

Глава XIV—Двоеженство.

Принятие юрисдикции в отношении двоеженства	316
Основано на логически вытекающей ереси	318
Гражданские и Духовные суды стремятся сохранить свою юрисдикцию	319
Наказания	321
Возобновлено оспаривание юрисдикции —Карлос III подразделяет его на три части	323
Инквизиция подтверждает это в рамках Восстановления	326
Количество дел	327

Глава XV—Богохульство.

Различие между еретическим и нееретическим богохульством	328
Споры о юрисдикции с духовными и светскими судами	329
Попытки определения еретического богохульства	330
Совокупная юрисдикция	333
Смягчение наказаний	334
Количество дел	335

Глава XVI-Разное дело.

Брак в орденах	336
Олицетворение Священства	339
Римская строгость и испанская снисходительность	340
Выслушивание признаний мирян	344
Олицетворение должностных лиц	344
Одержимость демонами	348
Оскорбления изображений	352
Неканонизированных святых	355
Пломос дель Сакромонте	357
Непорочное зачатие	359

Противоестественное преступление	361
Юрисдикция, установленная в Королевствах Арагон	363
Португальская инквизиция обладает Юрисдикцией	365
Судебные процессы, проводимые по светской процедуре	366
Наказания	367
Дело дона Педро Луиса Гальчерана де Борха о	370
ростовщичестве	371
Утраченная юрисдикция	374
Мораль	375
Печать исповеди	377
Общая полезность	378
КНИГА IX—ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	
Глава I—Упадок и вымирание.	
Независимость инквизиции в XVII веке	385
Бурбоны.	
Усиление контроля, осуществляемого Филиппом V	386
Постепенное распространение просвещения	387
Прогресс при Карлосе III — он ограничивает привилегии инквизиции	389
Влияние Французской революции	390
Снижение уважения—Усиление умеренности	392
Проекты реформ—Ховельянос—Уркихо	394
Рост оппозиции—епископ Грегуар и его противники	397
Кортесы.	
Наполеоновское вторжение и восстание в Испании	399
Инквизиция поддерживает навязчивое правительство	400
Его беспорядочные функции во время Освободительной войны	402
Чрезвычайное собрание Суда, 24 сентября 1810 г.	403
Декрет о свободе прессы—Споры об инквизиции	404
Принятая Конституция	406
Длительная борьба за подавление инквизиции—26 января 1813 г.	407
Соппротивление духовенства	414
Реакция, предшествовавшая возвращению Фернандо VII	418
Реставрация.	
Характер Фернандо VII	420
Запрещение либералов	421
Инквизиция восстановлена	424
Ее Реконструкция и финансовые затруднения	426

Возобновление функций	429
Ее ослабленный авторитет - ее умеренность	430
Революция 1820 года.	
Растущее недовольство достигает кульминации в успешной Революции	434
Фернандо вынужден упразднить инквизицию, 9 марта 1820 г.	436
Самоубийство либерализма	438
Ссора с церковью—Усиливающаяся анархия	440
Веронский конгресс отдает приказ о вмешательстве	444
Вторжение франции—Фердинанд переносит в Кадис	446
Запрет либералам	448
Фернандо освобожден и возвращается к власти	449
Десять лет реакции.	
Абсолютизм мстит либерализму	450
Фернандо отказывается возродить инквизицию	453
Недовольство экстремистов—Восстание в Каталонии	456
Бездействие инквизиции	458
Епископальная хунта фе—Казнь Каэтано Риполя	460
Кристина.	
Вопрос о престолонаследии приводит к изменению политики	462
Смерть Фернандо VII—Война карлистов—Союз регентши Кристины с либералами	466
Инквизиция окончательно отменена 15 июля 1834 г.	467
Постепенное развитие терпимости	469
Глава II—Ретроспектива.	
Перипетии в истории Испании	472
Причины упадка—Неправильное управление Габсбургов	473
Промышленность, раздавленная налогами	478
Отсутствие средств связи— <i>Место</i>	480
Обесценивание чеканки	482
Отвращение к труду	483
Увеличение числа офисов— <i>Empleomanía</i>	485
Постепенное восстановление при Бурбонах	486
Чрезмерный рост численности и богатства Церкви	488
Деморализация духовенства	496
Влияние клерикальных кругов—развитие нетерпимости	498
Поверхностный характер религии	502
Результаты нетерпимости	504
Влияние инквизиции на людей	507

Современное мнение о ее службе	508
Безразличие к морали	509
Пренебрежение законом—Стремление к господству	511
Подавление негативного мнения	513
Статистика его деятельности	516
Жестокость по соображениям совести	525
Преследование Выгодное	527
Влияние на интеллектуальное развитие	528
Результат стремления контролировать Совесть человека	531
Приложение к документам	535
Указатель	547

ИНКВИЗИЦИЯ ИСПАНИИ.

КНИГА VIII. (Продолжение).

ГЛАВА V.

МИСТИЦИЗМ. [1]

Вера в то, что путем длительной медитации и абстрагирования от мира явлений душа может возвыситься до Творца и даже достичь единения с Божеством, существовала с древнейших времен и среди многих рас. Переходя через экстаз в транс, оно было допущено к тайнам Бога, оно наслаждалось откровениями невидимой вселенной, оно приобрело предвидение и обладало сверхъестественными способностями. Святой Павел подтвердил эти убеждения своим собственным опытом; [2] Тертуллиан описывает влияние Святого Духа на верующего в проявлениях, которые имеют любопытное сходство с теми, с которыми мы встретимся в Испании, [3] и отшельники Нитрийской пустыни были адептами того же рода, которым были открыты все тайны Бога. [4] Эти небесные радости продолжали быть наградой тем, кто заслужил их дисциплинированием плоти, а добродетелям мысленной молитвы, при которой душа теряла сознание всего земного, обучал длинный ряд врачей — Ричард Сен-Викторский, Иоахим из Флоры, святой Бонавентура, Джон Таулер, Джон Рисбрук, Генри Сузо, Генри Херп, Джон Джерсон и многие другие. Если верить кардиналу Жаку де Витри, монахини Льежа в тринадцатом веке были в значительной степени преданы этим мистическим восторгам; об одной из них он рассказывает, что у нее часто бывало по двадцать пять экстазов в день, в то время как другие проводили годы в постели, растворяясь в божественной любви; [5] и Ричард Ролле, отшельник из Хэмпле, который пропустил свою заслужил канонизацию, был в полной мере знаком со сверхчеловеческими радостями единения с Богом. [6] Современные исследования гипноза и самовнушения сводят эти духовные чудеса к общим местам

психологии. Эту связь хорошо иллюстрируют Умбиликарии, благочестивые монахи горы Афон, которые, продолжая созерцать свои пупки, обнаружили, что их души озарены светом свыше. [7]

БЕЗУПРЕЧНОСТЬ

Однако в поисках *виа пургатива* и *виа иллюминатива* были опасности. Последователи Амора Бенского, которые стали широко известны в Германии как Нищие и Бегинки, изобрели термин иллюминизм для описания состояния души, пронизанной божественным светом, и считали, что любой человек, таким образом исполненный Святого Духа, безупречен, независимо от грехов, которые он может совершить; он просто следовал импульсам Духа, который не может совершить грех. Мастер Экхарт, основатель немецкого мистицизма, был привлечен к ответственности за участие в этих рискованных спекуляциях, и, если двадцать восемь статей, осужденных Иоанном XXII, были правильно взяты из его трудов, он признал общую божественность человека и Бога и что в глазах Бога грех и добродетель - это одно и то же. [8] Были и фанатики, которые проповедовали исключительную святость наготы и, подражая безумствам раннехристианских аскетов, предполагали одержать победу над похотями плоти, подвергая себя решающему искушению переспать с другим полом и предаваться похотливым действиям. [9] Осуждение Венским собором в 1312 году принципов так называемых нищих, уважающих безупречность [10] была перенесена в основной текст канона закон и, таким образом, стал привычным для юристов, когда мистицизм стал считаться опасным и был подвергнут инквизиции.

То, что в конечном итоге это должно было быть расценено именно так, было неизбежно. Мистик, считавший себя непосредственно общающимся с Богом и считавший медитацию и мысленную молитву высшими религиозными действиями, был склонен чувствовать себя свободным от церковных предписаний и относиться с безразличием, если не с презрением, к соблюдению предписанных Церковью обрядов как необходимых для спасения. Если внутренний свет был прямым вдохновением от Бога, он заменял повеления Святого Престола, и под влиянием такого импульса следовало следовать личному суждению, независимо от того, что могла предписать Церковь. Во всем этом был зародыш бунта, столь же дерзкого, как у Лютера. Оправданию верой, возможно, и не учили, но оправдание делами было отвергнуто как недостойное истинно духовного человека. Новый иудаизм, осуждаемый Эразмом, который полагался на внешние обряды, был скорее помехой, чем подспорьем к спасению. Франсиско де Осуна, учитель из Санта-Терезы, утверждает, что устная молитва приносит положительный вред тем, кто продвинулся в умственной молитве. [11] Сан-Хуан-де-ла-Крус говорит, что церковные обряды, изображения и места поклонения предназначены только для необразованных, как игрушки, которые забавляют детей; продвинутые люди должны освободить себя от этих вещей, которые только отвлекают от внутреннего созерцания. [12] Сан-Педро-де-Алькантара в своем перечислении девяти вспомогательных средств для набожности значительно опускает все ссылки на обряды, предписанные Церковью. [13] В церковном учреждении, сколотившем свое огромное богатство благодаря бережливому использованию текста "Подавайте милостыню, и вот, все у вас чисто" (Лука, XI, 41), Луис де Гранада осмелился учить, что самым опасным искушением в духовной жизни является желание делать добро другим, ибо первый долг человека - перед самим собой. [14] Тем не менее, все эти люди пользовались высочайшим почетом, и двое из них заслужили высшую награду канонизации.

В этом был определенный привкус лютеранства, но только после того, как опасность последнего была полностью оценена, инквизиция осознала опасность, таящуюся в системе, которая освобождала приверженца от обязанности повиновения авторитету, как в случае с *Алумбрадо* или Просветленным, который признавал превосходство внутреннего света, и в случае с *Деджадо* или квиетистом, который вверял себя Богу и позволял свободно следовать импульсам, проявляющимся в его созерцательной абстракции, из чего следовало, что в том, что не могло быть греха, не могло быть греха. исходит от Бога. Истинное значение того, что было распространено в Церкви на протяжении столетий веков, оставалось незамеченным до тех пор, пока протестантизм не представил себя как угрожающую опасность, когда их объединили, или, скорее, протестантизм рассматривался как развитие мистицизма. В письме Павлу IV от 9 сентября 1558 года инквизиция проследила происхождение первого в Испании дальше, чем до доктора Эджидио и дона Карлоса де Сесо; ереси которых маэстро Хуан де Ория (Ольмильос?) обвинялись и те, кого называли Алумбрадос или Дежадос из Гвадалахары и других мест, которые были семенем этих лютеранских ересей, но инквизиторы, судившие этих еретиков, были недостаточно сведущи в лютеранстве, чтобы применить надлежащую силу репрессий. [15] Необходимо иметь все это в виду, чтобы понять меняющуюся позицию инквизиции в ее постепенном продвижении к осуждению всего мистицизма.

ПРЕЗРЕНИЕ К ТЕОЛОГИИ

Первоначально предпринятая попытка провести различие между мистицизмом, достойным похвалы, и тем, который был опасен, осложнялась признанным фактом, что, хотя видения, откровения и экстазы могли быть особой милостью Бога, они также могли быть делом рук демонов, и не было никакого критерия, который можно было бы применить, чтобы отличить их. Церковь оказалась в неудачном положении, поскольку была привержена вере в особые проявления сверхъестественной силы, в то время как она, по общему признанию, не могла определить, пришли ли они с небес или из ада. Это давно было признано одной из самых коварных ловушек на опасных путях просветления и единения с Богом. Еще в двенадцатом веке Ричард Сен-Викторский предупреждал своих учеников остерегаться этого, а Фома Аквинский указывал, что транс может исходить от Бога, от демона или от телесных привязанностей. [16] Джон Джерсон написал специальный трактат, в котором он попытался сформулировать диагностические правила. [17] Блаженный Хуан де Авила настойчиво предостерегает верующих остерегаться подобных обманов, но ему не удается научить их различать демонические иллюзии и действие божественной благодати. [18] Арбиол описывает неопределенность в отношении источников этих проявлений как величайшую опасность, подстерегающую на пути к совершенству, приводящую к гибели бесчисленных душ. [19] Когда в восемнадцатом веке мистицизм был дискредитирован, доктор Аморт утверждает, что, даже если откровение от Бога, не может быть уверенности в том, что оно не фальсифицировано игрой воображения или работой демона. [20] Когда к этому мы добавим легкость обмана, с помощью которого можно было добывать средства к существованию за счет пожертвований легковых, мы сможем оценить сложность задачи, которую взяла на себя инквизиция в стране, кишасей истериками обоим пола, сдерживать расточительность набожных и наказывать мошенников, не вмешиваясь в дела других людей. пути Божьи, ведущие его святых. Это всего лишь еще один пример неудачи человечества в его попытках истолковать Бесконечное.

Помимо видений и откровений, у мистицизма была еще одна особенность, которая делала его особенно опасным для Церкви и одиозным для теологов. Хотя мистик мог и не оспаривать

общепринятые доктрины веры, все же схоластическая теология, на которой они были основаны, вызывала у него беспечное презрение. Мистическое богословие, говорит Осуна, выше спекулятивного или схоластического богословия; оно не нуждается ни в труде, ни в изучении, только в вере, любви и благодати Божьей. [21] На суде над Марией Касаллой одним из обвинений было то, что она и ее брат епископ Касалла высмеивали Аквинского, Скотта и всю массу схоластического богословия. [22] Когда Херонимо де ла Мадре де Диос предстал перед судом, одно из его сочинений, представленное в качестве доказательства, представляло собой сравнение мистической и схоластической теологии, к большому недостатку последней. Его ученость, по его словам, вполне совместима с пороком; его хозяева проповедуют добродетели, но не практикуют их на практике; они погрязают в грехах, которые сами же и осуждают; они фарисеи, и это настолько повсеместная зараза, что вряд ли найдется хоть один, кто не заразился этой заразой. [23]

НАЧАЛО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Средневековую Испанию мало беспокоила мистическая экстравагантность. Эймерих, который в своем *Directorium Inquisitorum* дает исчерпывающий отчет о ересь, существовавших к концу четырнадцатого века, не делает никаких намеков на подобные ошибки, за исключением своего осуждения особого объекта своей ненависти Раймонда Люлли, которому он приписывает некоторые причуды мистического иллюминизма, и *Repertorium Inquisitorum* 1494 года также молчит. [24] Духовная экзальтация, однако, сопровождала развитие фанатизма, стимулированного учреждением инквизиции и ее преследованием евреев и мавров. Осуна в 1527 году ссылается на святого человека, который в течение пятидесяти лет посвятил себя *recojimiento*, или отвлечению от мысленной молитвы, и уже в 1498 году Франсиско де Вильялобос жалуется на *алюминадо* или иллюминатов, происходящих из Италии, которых было много в Испании, и которых следовало образумить бичеванием, холодом, голодом и тюрьмой. [25] Это указывает на то, что мистицизм укреплялся, и его распространению способствовали *беаты*, женщины, ведущие религиозную жизнь без вступления в Орден, или, самое большее, просто третиарии, живущие обычно на подаяние и часто считающиеся обладателями духовных даров и пророческих способностей. Первая из класса, получившая известность, была известна как *Беата де Пьедрахита*. Впоследствии, как мы увидим, такая карьера, как у нее, была достаточно распространенной, и дискуссия, которую она вызвала, показывает, что пока что она была новым явлением. Дочь крестьянина-фанатика, она была тщательно обучена мистическим упражнениям и полностью отдалась созерцательной абстракции, в которой наслаждалась самыми интимными отношениями с Богом, в объятиях которого растворялась в любви. Иногда она утверждала, что Христос был с ней, иногда что она была самим Христом или невестой Христа; часто она вела беседы с Пресвятой Девой, в которых говорила за обоих. По мере того как ее репутация распространялась, ее видения и откровения закрепили за ней репутацию пророчицы. Многие называли их суеверными и требовали ее подавления, но Хименес, который, как генеральный инквизитор, обладал юрисдикцией в этом вопросе, утверждал, что она была вдохновлена божественной мудростью, а Фердинанд, посетивший ее, выразил свою веру в ее вдохновение. В 1510 году дело было передано на рассмотрение Святого Престола, и Юлий II назначил своего нунция Джованни Руффо и епископов Бургоса и Вича уполномоченными допросить ее и пресечь скандал, если окажется, что это всего лишь женское легкомыслие. Питер Мартир, которому мы обязаны за этот отчет, не смог удостовериться в их решении, но,

поскольку они уволили ее без упреков, можно предположить, что их отчет был благоприятным, поскольку вряд ли могло быть иначе с такими сторонниками, как Фердинанд и Хименес. [26] Такой успех естественным образом стимулировал подражание и был предзнаменованием широко распространенного заблуждения и самозванства.

В этом случае не видно и следа плоти, но это отличительная черта другого случая, произошедшего вскоре после этого, о котором в 1512 году сообщил Хименесу брат Антонио де Пастрана, о созерцательной хрупкой женщине из Оканьи, "озаренной тьмой сатаны". Ему Бог открыл, что он должен родить от святой женщины пророка, который изменит мир. Он был духовным человеком, не отдававшимся женщинам, и в своей простоте написал мадре Хуане де ла Крус, очевидно, приглашая ее к сотрудничеству в благом деле. Брат Антонио, который был смотрителем провинции Кастилия, заключил алумбрадо в тюрьму и подвергал его такому активному обращению, что он быстро признал свою ошибку. [27]

Гвадалахара и Пастрана становились центрами группы мистиков, которые привлекли внимание инквизиции примерно в 1521 году, когда она начала собирать свидетельства о них. Самым ранним распространителем учения, по-видимому, была портниха по имени Изабель де ла Крус, известная своими способностями к изложению Священного Писания, которая начала свою деятельность около 1512 года и была лидером, пока ее не сменила Франциска Эрнандес, о которой подробнее ниже. Серафический орден Святого Франциска, естественно, дал много посвященных, чьи имена включены в число пятидесяти или шестидесяти, составляющих группу. Францисканский страж Эскалоны, отец Хуан де Ольмильос, испытывал экстаз при принятии причастия и во время проповеди, во время которой он говорил и действовал экстравагантно. Когда его перевезли в Мадрид, это привлекло толпы зрителей понаблюдать за его корчами, и его обычно считали святым; он получил звание провинциала Кастилия и умер в 1529 году. Маркиз Вильена в Эскалоне был склонен к мистицизму, возможно, вызванному братом Франсиско де Оканья, который служил там и имел пророческие видения о реформе Церкви. Вильена в 1523 году нанял мирянина-проповедника Педро Руиса де Алькараса, одного из самых выдающихся гвадалахарских мистиков, который, кажется, обратил в свою веру всех членов семьи. Имя Алькараса часто фигурирует в судебных процессах группы; он был женатым мирянином, необразованным, но обладавшим замечательным знанием Священного Писания и искусным в его изложении, и он был искренним миссионером мистицизма. Когда против него было собрано достаточно улик, он был арестован 26 февраля 1524 года и заключен в тюрьму трибуналом Толедо. Официальное обвинение, предъявленное 31 октября, указывает на то, что мистицизм, по крайней мере, некоторых обвиняемых, в полной мере охватывал квиетизм или *Дежавю*, с вытекающим отсюда предположением о безупречности, какими бы ни были действия преданного, что мысленная молитва была единственным необходимым соблюдением, что все предписания Церкви — исповедь, индульгенции, дела милосердия и благочестия — были бесполезны, и что супружеский акт был Единением с Богом. Существовало также отрицание пресуществления и существования ада, которое, вероятно, можно не принимать во внимание как чуждое признанным догматам мистицизма. Последнее, по сути, было, по-видимому, преувеличением высказывания Алькараса, который сказал, что ада боятся невежды и дети, ибо продвинутые служат Господу не из рабского страха, а из боязни оскорбить Того, кого они любили, и, более того, Богу не следует ни о чем молиться — принципы, впоследствии одобренные в Сан-Франсуа де Салье и осужденные в Фенелоне. В Алькарасе не было духа мученичества, и жестокие пытки, которым он подвергся, показались бы излишеством. Он признался в своих ошибках, заявил об обращении в веру и попросил пощады. В его приговоре

от 22 июля 1529 года говорилось, что он получил послабление, но благодаря милосердию был допущен к примирению с конфискацией, несвоевременной тюрьмой и бичеванием в Толедо, Гвадалахаре, Эскалоне и Пастране, где он распространял свои ошибки. Эта суровость указывает на инквизиционную оценку масштабов зла, подлежащего подавлению, но через десять лет, 20 февраля 1539 года, Супрема освободил его, запретив покидать Толедо и обязав выполнять определенные духовные упражнения. [28]

ФРАНЦИСКА ЭРНАНДЕС

В ходе последующих судебных процессов, проводимых с обычной инквизиторской тщательностью, вопрос о сексуальных отклонениях постоянно выпячивается наружу и представляет немалую сложность. В том, что большинство испанских мистиков были совершенно чисты сердцем, не может быть никаких сомнений, но духовная экзальтация, разделяемая обоими полами, сопряжена с постоянным риском того, что она может незаметно стать плотской, когда те, кто воображал, что продвигается по пути совершенства, могли внезапно обнаружить, что плоть обманула дух. Это был опыт столь же древний, как и сам мистицизм, и красноречивое предупреждение, с которым святой Бонавентура обратился к своим братьям, живостью деталей показывает, что он, должно быть, был свидетелем не одного такого грехопадения. [29] Опасность была еще больше в крайнем мистицизме, известном как иллюминизм, с его доктринами внутреннего света, Бездействия, или отказа от импульсов, которые, как предполагается, исходят от Бога, и безупречности продвинутого адепта в сочетании с испытанием воздержанием. Несомненно, были случаи, когда эти отклонения искренне принимались во внимание; было множество других случаев, когда они предполагались в целях обольщения, и мы не всегда можем, исходя из имеющихся у нас доказательств, вынести уверенное суждение.

Некоторые из судебных процессов, увидевших свет, связаны с любопытной личностью Франциски Эрнандес, сменившей Изабель де ла Крус на посту лидера "Учеников-мистиков". Кажется, она обладала силой обаяния, собирая вокруг себя приверженцев самого разного характера. Мы видели, как она опутала Бернардино де Товара и как его брат, Хуан де Вергара, связался с инквизицией после того, как оторвал его от нее. Франсиско де Осуна, самый ранний испанский писатель о мистицизме и учитель Санта-Терезы, был одним из ее учеников, как и Франсиско Ортис, францисканец с предельно чистым сердцем. Приверженцем иного направления был Антонио де Медрано, кюре из Наваррете, который познакомился с ней в 1516 году, когда был студентом в Саламанке. Она была привлекательной и без гроша в кармане, но за долгую карьеру ей всегда удавалось жить в комфорте за счет своих поклонников. Хотя она утверждала, что является невестой Христа, она не практиковала аскезы; она была привередлива в своем питании и спала в мягкой постели, которую без зазрения совести делила со своими преданными мужчинами. Для этого требовались средства, и они с Медрано убедили невестуху по имени Калеро продать свое наследство и направить вырученные средства на поддержку круга Алюмбрадос, которых она собрала вокруг себя. Епископальные власти начали расследование, закончившееся приговором к изгнанию Медрано, когда пара отправилась в Вальядолид, куда Товар последовал за ними, и где инквизиция начала разбирательство в 1519 году; она еще не была склонна к суровому обращению с этими эксцентричными формами набожности и просто запретила ему и Товару дальнейшие беседы с

Франциской; этого они избежали, настоял трибунал, и Медрано отправился к своему кюре в Наваррете. Она находилась под наблюдением, но ее репутация святости была такова, что кардинал Адриан после своего избрания на папский престол в 1522 году приказал своему секретарю Кармоне просить ее помолиться за него и за всю Церковь.

ФРАНЦИСКА ЭРНАНДЕС

В 1525 году инквизиция снова арестовала ее; ее обвинили в подозрительных связях с мужчинами, и, когда ее отпустили, она была вынуждена поклясться, что не допустит непристойной фамильярности. Тем временем Медрано в Наваррете продолжал свою карьеру Алумбрадо, беседуя со Святым Духом и заявляя, что он безупречен. В 1526 году трибунал Логроньо арестовал его, и спустя почти восемнадцать месяцев он был освобожден 4 июня 1527 года с мягким приговором к отречению от престола *де леви* и такой духовной епитимье, какая могла быть ему назначена. Этот побег подтолкнул его к еще большей расточительности и возобновлению преданности Франциске, что привело к очередному судебному преследованию в 1530 году трибуналом Толедо. Были свидетельства крайне непристойного характера их отношений, но он упорно отрицал это, утверждая, что он был настолько благосклонен Богом, что все злые женщины в мире и все дьяволы в аду не могли подтолкнуть его к плотскому греху — благодать, которая снизошла на него после того, как он познакомился с Франциской; он мог лежать в постели с женщиной, не испытывая желаний, и это давало ему благодать делать это с Франциской, ласкать и обнимать ее, что ей нравилось; он верил, что она свободна как от смертного, так и от простительного греха, и считал ее достойной любви. более великая святая, чем кто-либо на небесах, за исключением Богоматери. Однако под пытками он признался во всем, что требовалось — что, когда он говорил людям, что она не может грешить, потому что она была озарена Святым Духом, это делалось для распространения ее репутации и получения денег для них обоих; что он завидовал всем другим ее ученикам, среди которых он назвал Вальдерраму, Диего де Вильяреала, Муньоса, Кабреру, Гумиэля, Ортиса и Сайаведру, а также его брату, показывая, что у нее много последователей. Он признал, что преданные мужчины и женщины могут обнимать друг друга обнаженными, поскольку важна не одежда, а намерение. К этому времени инквизиция сурово разобралась с этими отклонениями, и его приговор, вынесенный 21 апреля 1532 года, освобождал его от наказания как неисправимого еретика, потому что он был всего лишь лицемерным мошенником, целью которого было собрать деньги для увеселительной жизни; он должен был отказаться от своих заявлений в автодозвоне, отречься от *вементий* и быть пожизненно заключенным в монастырь с двухлетним отстранением от своих священнических функций, и не поддерживать дальнейших контактов с Франциской по закону. боль от непроявленного рецидива, но он не был лишен своего лечения в Наваррете. В 1537 году герцог Нахера ходатайствовал о его освобождении, но о том, к какому результату это привело, летописи не сообщают. [30]

Странная способность Франциски к обаянию проявилась в том влиянии, которое она приобрела на человека с гораздо более высоким характером, чем Медрано. Брат Франсиско Ортис был самым многообещающим членом великого ордена францисканцев, который быстро приобретал репутацию выдающегося проповедника в Испании. Он не был в полной мере мистиком, но его проповеди с кафедры, возбуждавшие любовь к Богу, привели к тому, что его считали блуждающим на опасной границе. В 1523 году он познакомился с Франциской, и его чувства к ней выразились в вызывающем заявлении инквизиции во время суда над ним. “Никакое слово любви, каким бы сильным оно ни было, и на сотую долю не подходит для

описания святой любви, такой чистой, сладкой, сильной и великой, полной Божьего благословения и таяния сердца и души, которую Бог по своей благодати дал мне через Свою святую нареченную, мою истинную Мать и Владычицу, благодаря которой я надеюсь в ужасный Судный День быть причисленным к избранным. Я могу назвать ее своей любовью, потому что, любя ее, я не люблю ничего, кроме Бога". Не может быть никаких сомнений в чистоте его отношений с той, кого он так почитал, но они были неприятны его начальству, которое с растущим беспокойством наблюдало за рассеянностью той, кого они считали ценным активом Ордена. Напрасно ему приказывали разорвать с ней все отношения; он яростно отвечал, что Богу следует повиноваться больше, чем человеку, и что если ему будет запрещено видеться с этой возлюбленной Бога, он перейдет к картузианцам. Чтобы добиться разделения, францисканские прелаты побудили инквизицию арестовать Франциску, но неожиданным результатом этого стало то, что Ортис в проповеди перед всеми собравшимися магнатами города 7 апреля 1529 года обвинил инквизицию в великом грехе, совершенном при ее аресте. Такой бунт не имел себе равных, и он был немедленно привлечен к ответственности, не столько для того, чтобы наказать его, сколько для того, чтобы добиться его отречения и подчинения, но он был упрям и непокорен почти три года. Тщетно императрица Изабелла дважды в 1530 году настаивала на его освобождении или ускорении рассмотрения его дела, и столь же тщетным было послание Климента VII кардиналу Манрике от 1 июля 1531 года с просьбой освободить его от должности, если единственным его проступком было публичное осуждение ареста этой святой женщины, Франциски Эрнандес. [31] Наконец, в апреле 1532 года Ортис испытал отвращение к чувствам, и та же эмоциональная импульсивность, которая привела к его вспышке сейчас, побудила его заявить, что Бог даровал ему благодать признать свои ошибки и что он обрел великий покой, отказавшись от них. Он избежал публичного отречения *отвласти*, отстранения на пять лет от священнических обязанностей, двухлетнего заключения в келье монастыря Торрелагуна и полного разрыва отношений с Франциской. Он удалился в свое уединенное место, и, хотя папские указы освобождали его от всех ограничений, а прелаты неоднократно убеждали его покинуть свое убежище, он, кажется, никогда не покидал уединения, которое, по его словам, стало для него сладким. До своей смерти, в 1546 году, он оставался в монастыре, являясь объектом чрезмерного почитания со стороны своих братьев. [32]

СВЯЗЬ С ПРОТЕСТАНТИЗМОМ

К самой Франциске, похоже, относились с удивительной снисходительностью, несмотря на ее предыдущие судебные процессы и показания Медрано. Ее арест был произведен исключительно с целью разлучить ее с Ортисом, и суд над ней, по-видимому, был не более чем формальным, поскольку в сентябре 1532 года мы находим ее просто заключенной в доме Гутьерре Переса де Монтальво в Медина-дель-Кампо вместе со своей служанкой Марией Рамирес, которая прислуживала ей. [33] Возможно, эта милость была заслужена ее готовностью обвинить своих старых друзей и соратников, среди которых были два брата и сестра, Хуан Касалья, епископ Трои в *частибусе*, Педро Касалья и Мария Касалья, жена Лопе де Руида. [34] Суд над последним заслуживает краткого упоминания, поскольку он проливает некоторый свет на путаницу, существовавшую в то время между иллюминизмом и протестантизмом.

Мария Касалла, жительница Гвадалахары, посетила Пастрану, где женщины собирались, чтобы послушать ее чтения и толкования Священных Писаний. Когда в 1524 году против этой группы было возбуждено уголовное дело, она была арестована и допрошена, но вскоре освобождена. В

течение шести лет ее не беспокоили, когда показания Франциски Эрнандес вызвали второе судебное преследование, в ходе которого разнородный характер обвинений фискала показывает, как мало было понято о обсуждаемой ереси. Она была лютеранином, который восхвалял Лютера, отрицал пресуществление и свободу воли, высмеивал исповедь, порицал схоластическую теологию и считал индульгенции бесполезными; она была Алюмбрадой, которая считала Изабель де ла Крус выше святого Павла, которая ставила супружество выше девственности, которая писала письма, полные иллюминизма, и учила алюмбрадос их доктринам на основе Священного Писания, осуждая внешние проявления поклонения и молитвы; она была эразмисткой, которая объявляла церковные обряды иудаизмом, презирала религиозные ордена и высмеивала проповедники проповедей. [35] Она была арестована примерно 1 мая 1532 года, и суд над ней затянулся, как обычно. Чтобы развеять сомнения, ее подвергли жестоким пыткам, и 19 декабря 1534 года ей вынесли приговор, в котором говорилось, что фискал не доказал, что она еретичка, но что в связи с подозрениями, возникшими в ходе судебного процесса, она должна отречься от де леви и понести торжественную публичную епитимью в своей приходской церкви, ей следует избегать любых сношений с Алюмбрадосом или другими подозреваемыми и заплатить штраф в размере ста дукатов. [36]

Перед нами аффилированная группа в Толедо, объединяющая Петронилу де Лусена, незамужнюю женщину 25 лет, живущую со своим братом Хуаном дель Кастильо. У нее была высокая репутация святости, и ей приписывали магические способности; когда герцог дель Инфантацго был смертельно болен, за ней послали, но слишком поздно. Мы слышим о Марии Касалле, Бернардино де Товар и Франциске Эрнандес; есть упоминания об Эразме, и Диего Эрнандес включил ее в свои разоблачения лютеранства. Письма к ней от ее брата Гаспара де Лусены - это просто мистические измышления, показывающие атмосферу, в которой они жили, но другой брат, Хуан дель Кастильо, тогда на суде признавшийся во многих лютеранских доктринах— труды не были необходимы, церковные предписания не были обязательными, у человека не было свободы воли, индульгенции были бесполезны, а книга Николампадия заставила его разувериться в пресуществлении. И Хуан, и Гаспар были под судом, и мы слышим о другой заключенной, Каталине де Фигередо. Петронила была арестована с наложением секвестра 7 мая 1534 года, и суд над ней шел обычным порядком до 20 марта 1535 года, когда, как мы видели (Т. III, стр. 111), было решено, что, поскольку главный свидетель против нее, Хуан дель Кастильо, отказался от показаний, данных под пытками, она может быть освобождена под залог в сто тысяч мараведи, который был внесен незамедлительно. В июне она подала прошение о полном увольнении и снятии секвестра; на это не было обращено никакого внимания, но второе заявление от 20 октября 1536 года обеспечило снятие секвестра. Гаспар де Лусена был приговорен к примирению, и, по-видимому, такая же участь постигла Хуана дель Кастильо, если только он не раскаялся. [37]

ВСЕПРОНИКАЮЩЕЕ ПОДОЗРЕНИЕ

Эти случаи показывают, что преобладание смешанных ересей иллюминизма и лютеранства требовало репрессий, и это не ограничивалось Кастилией. В 1533 году Мигель Гальба, фискал трибунала Лериды, в письме кардиналу Манрике заявил, что только бдительность инквизиции помешала обоим королевствам наполниться последователями двух ересей. [38] В этом, конечно, было преувеличение, но опасения властей заставили их повсюду видеть ересь. Как говорит Хуан де Вальдес, сам склонный к мистицизму, когда кто-либо пытался

продемонстрировать совершенство христианства, его высказывания были неверно истолкованы, и он был осужден как еретик, так что вряд ли нашелся хоть один, кто осмелился бы жить как христианин. [39] Многие пострадали от результатов этой повышенной чувствительности. Когда Игнатий Лойола после своего обращения приехал в 1526 году в Алькалу учиться, к нему присоединились четверо молодых людей; они надели необычные серые одежды, и их рвение привело многих в Приют Мизерикордия, где они проживали, чтобы посоветоваться с ними и присоединиться к их духовным упражнениям. Это вызвало подозрения и потребовало расследования. Каковы были точные полномочия доктора Мигеля Карраско, духовника Фонсеки, архиепископа Толедского, и Алонсо Мехии, который выполнял поручение инквизитора, не указано, но они допросили свидетелей, и приговор, вынесенный генеральным викарием Хуаном Родригесом де Фигероа, заключался всего лишь в том, что помощники должны были снять свою отличительную одежду. После этого число пришедших послушать Лойолу продолжало увеличиваться, и у женщин появилась привычка падать в конвульсиях, в его увещеваниях не было ничего от иллюминизма, но он был открыт для подозрений, и было недопустимо, чтобы молодой мирянин взял на себя функцию наставника душ. На этот раз генеральный викарий Фигероа взял дело в свои руки и бросил Лойолу в тюрьму в 1527 году, окончательно приговорив его и его товарищей не появляться на публике, пока они не наденут обычную мирскую одежду, а также в течение трех лет не проводить собрания публично или частным образом, и то только с разрешения Рядовых. [40] Именно этот опыт побудил Лойолу завершить свое обучение в Париже, где он не подвергался вторжению легковозбудимых приверженцев.

Карранса был слишком уязвимым игроком, чтобы его можно было пощадить. Он был склонен к мистицизму, и в его неудачных *комментариях* было много отрывков, которые, вырванные из контекста, давали материал для порицания. Проницательный Мельчор Кано смог привести отдельные тексты, доказывающие, что он придерживался доктрин алумбрадо о безупречности, внутреннем освещении, высших достоинствах созерцания, о презрении ко всем внешним работам и обрядам - короче говоря, что он защищал ошибки нищих и бегинков, Педро Руиса Алькараса и Алюмбрадос, которые фигурировали в автомобилях Толедо. [41] Для передовой позиции испанской ортодоксии в вопросе мистицизма важно, что эти обвинения не имели веса ни у Тридентского собора, который одобрил Комментарии, ни у Пия V, когда он разрешил публикацию книги в Риме. Когда, наконец, в 1576 году Григорий XIII выдал и осудил книгу и ее автора, из шестнадцати положений, от которых он должен был отречься, только три имели какое—либо отношение к мистицизму, и они находились на границе между ним и протестантизмом: что все дела без милосердия являются грехами и оскорбляют Бога, что веры без дел достаточно для спасения, и что использование изображений и почитание реликвий являются человеческой заповедью. [42]

СВЯТОСТЬ Или ЕРЕСЬ

В этом инквизиторском настрое вопрос о том, канонизировать или осудить религиозного писателя, был делом случая, и, возможно, с ним могло случиться и то, и другое, как это произошло с Сан-Франсиско де Борха, чей *Образ Криштиану* был внесен в Индекс 1559 года, хотя он исчез после указателя Кироги в 1583 году. [43] Сама Санта-Тереза, королева испанских мистиков и, наряду с Сантьяго, святым покровителем Испании, была заключена в монастырь нунцием Сегой, который назвал ее неугомонной бродягой, погрязшей в распутстве под предлогом религии, и была предпринята попытка перевезти ее в Индию, которая была своего

рода каторжным поселением. Если бы не случайность, по которой ею заинтересовался Филипп II, она, вероятно, дошла бы до нас как одна из *беатас ревеландерас*, подавлять которых было особой миссией инквизиции. Когда в 1575 году она основала монастырь своих босоногих кармелиток в Севилье, их объявили *Алюмбрадами*; инквизиторы устроили ужасный скандал, отправившись в дом со стражниками для расследования, но они не смогли доказать ничего, что могло бы оправдать судебное преследование. И так, когда в 1574 году ее духовная автобиография была передана инквизиции, она десять лет находилась в подвешенном состоянии, и герцогиня Альва, у которой была рукопись рукописи, была вынуждена получить разрешение на чтение ее в частном порядке до вынесения приговора - хотя, наконец, в 1588 году она была напечатана братом Луисом де Леоном по особой просьбе императрицы. Даже после канонизации ее *Концепции Божественной любви*, напечатанные вместе с работами ее ученика Херонимо Грасиана, были внесены в Указатель и остались там. [44] Ее самый прославленный ученик, Сан Хуан де ла Крус, избежал судебного преследования, хотя неоднократно доносили инквизиции, и его труды не были запрещены, но он подвергался самым мстительным преследованиям как Алумбрадо, сначала его нереформированными братьями-кармелитами, а затем Орденом Босоногих, и он закончил свои дни в опозоренный, затворник в монастыре в Сьерра-Морене. [45] Однако Франсиско де Осуна, настоятель Санта-Терезы, хотя его труды отличаются высочайшим мистицизмом, сам избежал преследований, а его *Духовный наставник* подвергся лишь единичному изгнанию. [46]

Преподобный Луис де Гранада не был канонизирован, поскольку разбирательство так и не было завершено. Он был одним из самых умеренных из тех, кто проповедовал высшие добродетели *рекохимьенто*, а его *Гия де Пекадорес* причисляется к испанским классикам, однако его произведения были запрещены в Указателе 1559 года. [47] Мельчор Кано заявил, что в его книгах содержатся доктрины Алюмбрадоса и вопросы, противоречащие вере, в то время как брат Алонсо де ла Фуэнте, который был ярким преследователем иллюминизма, пытался привлечь его к ответственности и объявил его "Об Оракуле" худшей из книг, в которой эти ошибки представлены так тонко, что только посвященные могли обнаружить они. Это иллюстрирует разницу между испанскими и римскими стандартами того периода, когда его труды были переведены и свободно распространялись на многих языках и что в 1582 году Григорий XIII написал ему, восхваляя их в самых пылких выражениях и призывая его продолжать свои труды для исцеления немощных, укрепления слабых, утешения сильных и славы обеих Церквей, воинствующей и торжествующей. Когда он умер в 1588 году, это было благоухание святости, и впоследствии он явился преданному, облаченному в плащ славы, сверкающий бесчисленными звездами, которые были душами тех, кто был спасен его писаниями. [48]

Игнатий Лойола был склонен к мистицизму, и мысленная молитва, которой он учил, — *Ejercicio de las tres Potencias* или упражнение памяти, интеллекта и воли — мало отличалась от медитации, которая у мистиков была прелюдией к созерцанию. [49] Тем не менее, он скептически относился к особым милостям, которыми наделяется мистический пыл; такие вещи возможны, сказал он, но они очень редки, и демон часто таким образом обманывает человеческое тщеславие. [50] Его ученики были менее осторожны и предавались экстравагантности более продвинутой школы, произведя на свет многих адептов, одаренных высочайшими духовными качествами. Луис де ла Пуэнте, умерший в 1624 году в возрасте 69 лет, может быть упомянут в качестве примера, поскольку в нем сила божественной любви была настолько велика, что в своих экстазах он сиял светом, наполнявшим его камеру; он поднимался с пола, и все здание сотрясилось, как будто вот-вот упадет; во время его болезни,

которая длилась тридцать лет, часто видели ангелов, служивших ему; он обладал даром пророчества и чтения мыслей своих кающихся, и, когда он умер, его одежды были разорваны в клочья, а волосы отрезаны, чтобы их можно было растерзать. сохранившийся как реликвия. Он проповедовал еретическую доктрину о том, что молитва - это искупление греха, в то время как его взгляды относительно покорности воле Божьей близко подходят к квиетизму, который, как мы впоследствии увидим, был осужден Святым Престолом. Тем не менее, он избежал осуждения, и его работы продолжают множиться до настоящего времени в бесчисленных изданиях и переводах. [51]

Вероятно, именно невозможность провести различие между ересью и святостью объясняет колебания инквизиции. Во время активного разбирательства в суде Толедо Верховный суд в 1530 году издал общие инструкции о том, что ко всем эдиктам, требующим осуждения запрещенных книг, следует добавлять пункт, включающий мистиков, относящихся к иллюминизму и квиетизму. [52] Похоже, что от этого нет никаких следов какого-либо результата, и весь этот вопрос, похоже, перестал привлекать внимание на много лет, пока враждебность, возбужденная иезуитами, не привела к расследованию результатов их учения. Мелчор Кано, который ненавидел их, осудил их как аллюмбродос, таких, которых дьявол постоянно внедрял в Церковь, и он предсказал, что они завершат то, что начали гностики. [53]

ИЕЗУИТЫ

Предупреждение осталось без внимания, и примерно десять лет спустя другой доминиканец, Фрай Алонсо де ла Фуэнте, был вынужден посвятить себя смертельной борьбе с иллюминизмом и с Обществом Иисуса как его источником. В длинном и бессвязном мемориале, адресованном в 1575 году Филиппу II, он рассказывает, что в 1570 году ему довелось посетить место своего рождения, ла Фуэнте-дель-Маэстре, недалеко от Куидад-Родриго, и нашел там иезуита Гаспара Санчеса, высоко почитаемого за святость, но которого обвиняли в постоянном исповедании определенных бит и ежедневном причащении. Санчес обратился к нему за поддержкой, и он проповедовал в его пользу, что привлекло к нему многочисленных бит, чьиоткровения о своих экстазах и других духовных переживаниях сильно удивили его. Это побудило его провести расследование, когда он обнаружил, что практика созерцания была широко распространена, но ее внутренние секреты ревниво охранялись, пока он не убедил свою соседку, девушку 17 лет, раскрыть их. Она сказала, что ее наставник приказал ей погрузиться в созерцание с простой молитвой: “Господи, я здесь, Господи, у тебя я здесь!”, когда на нее обрушивался такой поток злых мыслей, грязных фантазий, плотских движений, неверующих представлений, богохульств против Бога, святых и чистоты Божьей Матери, а также против всей веры, что мучения от них сводили ее с ума, но она стойко переносила это, поскольку ее наставник сказал ей, что это признак совершенства и прогресса на пути. [54]

С тех пор отец Алонсо посвятил себя расследованию и искоренению этой опасной ереси, но работа по расследованию осложнялась сокрытием ошибки под внешним благочестием. Прежде чем обнаружить хоть одно ложное учение, мы встречаемся, по его словам, с тысячами молитв, дисциплин, причастий, благочестивых вздохов и посвящений. Это подобно просеиванию золота из песка; чтобы прийти к одной ереси, вы должны отсеять тысячу

благочестивых дел. Так происходит повсюду в Испании, где есть иезуиты, и, таким образом, мы видим, какой огромный труд требуется, чтобы преодолеть это, поскольку в королевстве нет трех инквизиторов, которые понимают это или обладают энергией и необходимым рвением. Тем не менее, после нескольких судебных разбирательств он проник в это дело достаточно глубоко, чтобы составить список из тридцати девяти ошибок, некоторые из которых, например, приписываемые колдовству, предполагают влияние камеры пыток на получение признаний, удовлетворяющих прокурора. Адепты не только виновны во всех ересь Нищих, осужденных Клементинами, и в том, что они учат, что умственная молитва - единственное, что требуется для спасения, но и в том, что учителя являются великими колдунами и волшебницами, которые заключили договор с демоном, и таким образом они делают себя хозяевами мужчин и женщин, их личностей и имущества, как если бы они были рабами. Они воспитывают многих святых, которые чувствуют в себе Святого Духа, которые видят Божественную Сущность и познают тайны небес; у которых есть видения, откровения и знание Священного Писания, и все это достигается с помощью демона и магических искусств. С помощью магии они овладевают женщинами, которых учат, что это не грех, и иногда демон приходит под видом Христа и вступает в сношения с женщинами.

Если отцу Алонсо было трудно внушить веру в эти ужасы, это легко объяснимо его рассказом о происхождении секты в Эстремадуре, регионе, которому были посвящены его труды. Когда Кристоаль де Рохас был епископом Бадахоса (1556-1562), туда приехал падре Гонсалес, высокопоставленный иезуит, который ввел использование *Упражнений* Лойолы; там уже были два священника, Эрнандо Альварес и лицензиат Сапата, которые были знакомы с этим, и практика быстро распространилась благодаря благосклонности епископа и его провизора Мелендеса, и никто, кто не использовал ее, не мог быть рукоположен или получить лицензию на проповедь и исповедь для епископа передал все это в руки Альвареса; и когда его перевели в Кордову (1562-1571), а затем в Севилью (1571-1580), он продолжал благоволить Алюмбрадос. Его сменил в Бадахосе (1562-1568) Хуан де Рибера, впоследствии архиепископ Валенсии, который поначалу был настроен враждебно к Алюмбрадос, но они расположили его к себе, и он стал относиться к ним так же благосклонно, как Рохас, особенно к женщинам, чьи трансы и стигматы он исследовал, одобрял и вознаграждал. Если какой-либо проповедник выступал против иллюминизма, Рибера изгонял его, и под его защитой секта множилась по всей Эстремадуре. Это правда, что епископ Симанкас, сменивший Рибера (1569-1579), не был столь благосклонен, и его провизор Пикадо в свое время привлек к ответственности нескольких Алюмбрадос, которые нашли убежище в Севилье при Рохасе, среди которых был Эрнандо Альварес, но трибунал Льерены не принимал в этом участия, и большая часть секты осталась нетронутой.

ИЕЗУИТЫ

Поэтому легко представить себе препятствия, с которыми столкнулся Фрай Алонсо, когда он начал свой крестовый поход в 1570 году. Он подробно рассказывает о своих трудах, несмотря на сильное сопротивление, особенно иезуитов, и ему было нелегко побудить инквизиторов Льерены к действию, поскольку они сказали, что это новый и неясный вопрос, требующий инструкций от Верховного. Это правда, что в феврале 1572 года они оказали ему некоторую поддержку и произвели несколько арестов, но, похоже, из этого ничего не вышло. Он хотел отправиться в Мадрид и изложить этот вопрос перед Верховной Властью, но его начальство, которое, очевидно, не одобряло его рвение, отправило его в октябре 1572 года в Авила закупать

древесину, а затем в Усагре читать Великопостные проповеди 1573 года. После этого настоятель отправил его в Аренас по поводу древесины, и Божьим провидением было то, что это дело потребовало действий Совета военных орденов, так что у него был предлог посетить Мадрид. Там он разыскал Родриго де Кастро - похитителя Каррансы, — которому пожаловался на халатность и безразличие инквизиторов Льерены и прочитал памятную записку с перечислением ошибок Алюмбрадос. Это привело к тому, что Верховный суд отправил за бумагами, увидев которые, он приказал арестовать наиболее виновных, когда Эрнандо Альварес, Франсиско Самора и Гаспар Санчес были схвачены в Севилье, где они укрывались. Это произвело лишь кратковременный эффект в Эстремадуре, где алюмбрадос утешали себя уверенностью, что их лидеры будут отправлены в отставку с честью.

Было предложено перенести трибунал из Льерены в Пласенсию, где для него были куплены дома, но в начале 1574 года отец Алонсо обратился с протестом к генеральному инквизитору, указав, что в стране полно Алюмбрадос, многие из них могущественны, и проповеди, которые велись против них под защитой инквизиции, будут прекращены, если их убрать. Это вызвало повестку, и в мае он предстал перед Верховным, где его откровения поразили прихожан, и они спросили его совета. Он настаивал на посещении округа финансовым инспектором Монтойей, который изучил этот вопрос и понял его, в то время как инквизиторы не понимали тонких тайн и различий, связанных с ним. Так было приказано, и Монтойя начал свой визит в Зафру, где 25 июля он опубликовал Эдикт веры и специальный документ против иллюминизма и квиетизма. Сначала он был сильно смущен, не найдя среди алюмбрадос ничего, кроме постов и дисциплины, молитв, созерцания, власяниц, исповедей и причастий или, если появлялись следы злых доктрин, настолько перемешанных со словами Бога и таинствами, что зло скрывалось за добром. Однако брат Алонсо призвал его исследовать жизнь и беседы тех, кто наслаждался трансами, видениями и стигматами, когда стало очевидно, что все это было магическим искусством, работой сатаны и ада. В течение четырех месяцев Монтойя собирал информацию и отправил бумаги в Верховный суд, который распорядился арестовать с наложением ареста на пять человек, четырех адептов и ученицу. Ближе к концу декабря он вернулся в Льерену, чтобы возобновить посещение в марте 1575 года. Во время перерыва Фрай Алонсо был вызван в Мадрид, где ему было приказано сопровождать Монтойю, а инквизиторам было приказано выплачивать ему жалованье; сначала они отказались это делать, а затем назначили ему четыре реала в день за каждый день, в который он должен был проповедовать, но вмешался Супрема, приказав получателю выплатить ему определенную сумму, которая позволила бы ему выполнять свой долг. Посещение длилось с марта по начало ноября и включало шестнадцать мест, в которых, по словам Фрай Алонсо, были обнаружены большие ошибки и грехи. К сожалению, он не сообщает нам, каковы были практические результаты или что было сделано с преступниками, арестованными в прошлом году, и он завершает свой мемориал заверением нас, что иезуиты и алюмбрадосы схожи в доктрине и являются одним и тем же, что настолько очевидно, что сомневаться в этом было бы большим грехом и оскорблением Бога.

АЛЮМБРАДОС Из ЛЬЕРЕНЫ

Таким образом, брат Алонсо мог бы безопасно напасть на детей Лойолы в Испании, но он совершил роковую ошибку, когда его рвение побудило его перенести войну в Португалию. В следующем, 1576 году, он обратился с памятными посланиями к португальским церковным властям, приписывая иезуитам весь иллюминизм, поразивший Испанию; по его словам, они

учили, что их созерцание Страстей Христовых было вознаграждено высочайшими духовными дарами, включая безупречность, из чего следует, что потворство плотским желаниям не было грехом для Просвещенных, в то время как на самом деле их видения и откровения были работой демонов, которых они контролировали своим мастерством в колдовстве. Иезуиты, однако, к этому времени были доминирующей силой в Португалии; кардинал Генри, генеральный инквизитор, передал мемориалы испанской инквизиции с просьбой о снисходительном наказании дерзкого фрейле. Это было не более чем его открытая проповедь и неоднократные призывы к Верховной власти, но быстро приближалось время присоединения Португалии к кастильской короне, и кардинала Генриха следовало умиловить. Отец Алонсо был вынужден отказаться от своих слов и был заточен в монастырь, но это не удовлетворило кардинала, который потребовал его экстрадиции или передачи дела на рассмотрение Святого Престола, когда своевременная смерть хрупкого человека положила счастливый конец делу. [55]

Тем не менее, в Испании отец Алонсо оказал решающее влияние на отношение инквизиции к мистицизму, и до этой неудачной вспышки рвения он имел удовлетворение, видя безразличие трибунала Льерены, возбужденного к активной работе. В 1576 году, проповедуя в этом городе, он сказал, что слышал о людях, которые под маской особой святости давали волю своим аппетитам. На это неосторожная преданная по имени Мари Санс прервала его, воскликнув: “Падре, жизнь этих людей лучше, а их вера крепче вашей”, и, когда он упрекнул ее, она заявила, что ею двигал Святой Дух. Это было опасное признание; она была арестована, и ее признания привели к аресту стольких сообщников, что трибунал был вынужден обратиться за помощью. Был послан опытный инквизитор Франсиско де Сото, епископ Саламанки, который энергично продвигал судебные процессы, пока не умер 29 января 1578 года, отравленный, как сообщалось в настоящее время, своим врачом, который долгое время содержался в тюрьме по этому обвинению. Насколько мало сектанты, по их мнению, ошибались, видно из того факта, что один из них, сапожник по имени Хуан Берналь, подчинился откровению, которое побудило его обратиться к Филиппу II, рассказать ему о несправедливости, совершенной в Льерене, и спросить его, почему он не вмешался и не напомнил об этом самому себе — за мужество, которое принесло ему шесть лет галерной службы и двести ударов плетью.

Доказательства, полученные в ходе судебных процессов, показали ошибки, обычно приписываемые иллюминизму, включая трансы, откровения и сексуальные мерзости, непригодные для расшифровки. После трех лет, проведенных в этой работе, 14 июня 1579 года состоялось судебное разбирательство, на котором среди других правонарушителей фигурировали пятнадцать Алюмбрадос — десять мужчин и пять женщин. Все эти люди, кроме незадачливого сапожника, были священниками, и среди них мы узнаем Эрнандо Альвареса, против которого было предъявлено не менее ста сорока шести свидетелей. Многие из них были *курураторами* из разных городов, и, естественно, незаконные отношения были в основном между исповедниками и их духовными дочерьми. С точки зрения доктрины, их проступок, по-видимому, не считался серьезным, поскольку никто из них не был понижен в звании, а отречения были вызваны легким подозрением, но это снисхождение сопровождалось лишением должностных обязанностей, службой на галерах, затворничеством и подобными наказаниями, в то время как наложенные штрафы составили полторы тысячи дукатов и восемь тысяч мараведи. Несчастливая Мари Санс, устроившая взрыв, искупила свою неосторожность тем, что явилась с кляпом во рту и была приговорена к пожизненному заключению, двум сотням ударов плетью в Льерене и еще двум сотням в ла Фуэнте-дель-Маэстре, по месту своего жительства. [56] Исходя из числа привлеченных к ответственности, можно предположить, что

эта машина не опустошала тюрьмы, и что за ней последовали другие, но если это так, у нас нет записей о них. Впечатление, произведенное этим делом, было широким и глубоким. Парамо, писавший ближе к концу столетия, говорит о нем как о том, в котором бдительность инквизиции спасла Испанию от серьезной опасности. [57]

ВРАЖДЕБНОСТЬ ИНКВИЗИЦИИ

Фактически, это знаменует поворотный момент в отношениях инквизиции к испанскому мистицизму, преследование которого стало одной из ее регулярных и признанных обязанностей. Еще до автокефалии 1579 года Супрема в carta acordada от 4 января 1578 года приказал трибуналам добавить к Эдикту веры раздел, в котором перечислялись ошибки, допущенные в ходе судебных процессов. Они заключались в утверждении, что мысленная молитва является божественной заповедью и что она исполняет все, в то время как вокальная молитва имеет тривиальное значение; что от слуг Божьих не требуется трудиться; что приказами начальства следует пренебрегать, когда они противоречат часам, посвященным мысленной молитве и созерцанию; осуждению таинства брака; утверждению, что совершенным нет необходимости совершать добродетельные поступки; советуя людям не вступать в брак или вступать в религиозные ордена; говоря, что слуги Божьи должны блистать в светской жизни; получая обещания послушания и выполняя их во всех деталях; утверждая, что совершенным нет необходимости совершать добродетельные поступки. , достигнув определенной степени совершенства, они не могут смотреть на святые изображения или слушать проповеди и учить этим ошибкам под залог сохранения тайны. [58]

Примечательно, что здесь нет ни малейшего намека на экстаз, транс или сексуальные отклонения, как в последующих указах, хотя Парамо, примерно двадцать лет спустя, в своих частых упоминаниях Алюмбрадос особо останавливается на последнем и на опасностях, к которым они вели на исповеди. [59] На то, что эта опасность не была мнимой, указывает случай с фраем Хуаном де ла Крусом, францисканцем, лишенным калцинации, настолько убежденным в истинности доктрины алумбрадо, что в 1605 году он предстал перед трибуналом Толедо с мемориалом, в котором он утверждал, что непристойные действия между духовными лицами очищают и возвышают душу и приводят к величайшей духовной пользе, когда не сопровождающийся желанием грешить. Он был немедленно предан суду, и шесть свидетелей дали показания о том, что он проповедовал эту доктрину. К обычному соблазнению на исповеди, как будет показано ниже, когда виновный признавал, что это грех, относились сравнительно снисходительно, но доктринальная ошибка была гораздо серьезнее, и несчастного фрейла, который на протяжении всего процесса настаивал на истинности своих теорий, наказали с гораздо большей суровостью. На него обрушились унижения и инвалидность; он подвергся круговому бичеванию в монастыре своего ордена и ежемесячному наказанию в течение года с шестью годами затворничества. [60]

Однако простой мистицизм, даже без передовых доктрин иллюминизма и квиетизма, становился для инквизиции объектом ярко выраженной враждебности. Земля наполнялась *withbeatas revelanderas*; мистический пыл распространялся и угрожал стать частью национальной религии, чему, несомненно, способствовал растущий культ, воздаваемый ее выдающимся представителям, поскольку Санта-Тереза была причислена к лику блаженных в 1614 году и канонизирована в 1622 году, а Сан-Педро-де-Алькантара был причислен к лику блаженных в последнем году. Помимо всех моральных вопросов, мистик мог в любой момент

заявить о своей независимости; его теория была разрушительна для вмешательства священника между человеком и Богом, а иллюминизм был всего лишь развитием мистицизма. Инквизиция не была полностью последовательной, но ее решимость остановить течение, которое набирало силу, была решительно выражена на процессе над падре Херонимо де ла Мадре де Диос трибуналом Толедо в 1616 году.

Падре был светским священником, сыном дона Санчеса де Молины, который в течение сорока восьми лет был коррехидором Малагона. Он вступил в доминиканский орден, вел нерегулярный образ жизни и, по-видимому, был изгнан, но в 1610 году был обращен от своих дурных привычек видением, а в 1613 году, повинувшись голосу Божьему, приехал в Мадрид и поступил на службу в небольшую больницу при приходской церкви Сан-Мартин. Его проповеди быстро привлекли толпы, включая самых знатных придворных дам; его пылкая набожность, аскетизм его жизни, суровость его умерщвления плоти и самоотречение в благотворительности снискали ему репутацию святого, которая была усилена трансом, в который он обычно впадал во время служения мессы, и народное легкоеверие приписывало ему возвышение над землей. Нет абсолютно никаких доказательств того, что в этом было лицемерие или обман, и самое тщательное расследование не смогло обнаружить никаких обвинений в его добродетели. Все, что он получал, он раздавал бедным, даже одежду со своей спины, и его конфискованное имущество состояло исключительно из благочестивых книг, четок и предметов поклонения. Он быстро собрал вокруг себя учеников, видным среди которых был отец Бартоломе де Алькала, викарий монастыря иеронимитов; число их кающихся, всех *эспиритуалов*, было велико, и они обычно принимали причастие ежедневно или чаще; многие из них получали откровения, и к ним обращались благочестивые люди, поскольку они находились в прямых отношениях с Богом, от которого они получали ответы на прошения.

GERONIMO DE LA MADRE DE DIOS

Во всем этом не было ничего, кроме проявления религиозного рвения, обычного для испанского благочестия, но 20 сентября 1615 года против падре Херонимо было выдвинуто обвинение в том, что он учил, что душа может достичь состояния совершенства, при котором просить Бога о чем-либо было бы актом несовершенства. Это, которое было одним из утончений мистицизма, впоследствии было доказано калификадорами как подрывающее существующие обряды, потому что святые на небесах находились в состоянии совершенства, и, если бы они ничего не могли просить у Бога, что стало бы с их избирательным правом и заступничеством и какая была бы польза от культа и приношений, предлагаемых им? Тем не менее, в то время трибунал не предпринял никаких действий, кроме допроса нескольких свидетелей, и Джеронимо, вероятно, не помешала бы его полезная карьера, если бы он не написал книгу. В своем мистическом рвении он вообразил, что вдохновился на сочинение труда, озаглавленного *"Духовный ученик"*, который он представил нескольким ученым теологам, чьи исправления он перенял. Это имело значительный хождение в рукописях; возник спрос на его печатание, и он подал его в Королевский совет за лицензией, когда ему сообщили, что одобрение епископального провизора Толедо было прецедентным условием. Отправив его этому чиновнику и не получив ответа в течение шести месяцев, он представил копию Супреме 20 октября 1615 года, объяснив, что он сделал, и попросив изучить ее; если в ней было что-то противоречащее вере, он желалее исправления, поскольку хотел, чтобы работа была безупречно ортодоксальной, и отдал бы тысячу смертей в защиту истинной религии.

Он подождал около семи месяцев и 17 мая 1616 года отважился обратиться с запросом к Верховному судье, но месяцем ранее трое калификадоров сообщили об этом неблагоприятно, Верховный суд приказал трибуналу Толедо действовать, и 28 мая был выдан ордер на его арест с наложением секвестра. Масса бумаг, рукописей проповедей, трактатов и разных накоплений была распределена между пятнадцатью калификадорами, которые, как богословы-схоласты, не были умиловлены его презрением к схоластам. Они с жадностью выполнили свою задачу и накопили внушительный набор из ста восьмидесяти шести ошибочных утверждений - многие из них были сущими пустяками, значимыми только с точки зрения их характера, но после всех его объяснений остался внушительный остаток из двадцати пяти, квалифицированных как еретические, двадцати девяти как ошибочные, трех как кощунственные и множества других как скандальные, опрометчивые и отдающие ересью.

Несмотря на жалобные мольбы его престарелого отца, суд над ним длился до сентября 1618 года — около двадцати семи месяцев тюремного заключения, в течение которых его здоровье серьезно пострадало. На протяжении всего этого он никогда не изменял своей позиции смиренного подчинения; стоя на коленях и плача, он умолял о покаянии и наказании, поскольку предпочел бы быть ввергнутым в ад, чем совершить грех или произнести что-либо оскорбительное для благочестивых ушей. Это мало помогло ему. Он был приговорен явиться в аутодафе 2 сентября 1618 года как кающийся грешник, отречься от *отгорячности* и публично отказаться от списка из шестидесяти одной ошибки. Ему пожизненно запретили проповедовать, выслушивать исповеди или писать на религиозные темы; на год он был отшельником в специально отведенном для этого монастыре и еще на пять лет был изгнан из Мадрида и Толедо, а публичный эдикт предписывал выдать все его труды. Таким образом, он был не только публично объявлен еретиком, но и его карьера была подорвана, он был фактически лишен средств к существованию, и все же его первым действием по прибытии в место заключения было смиренное письмо с благодарностью инквизиторам за их доброту. Семь месяцев спустя он обратился к ним, сказав, что болен и ослабел, ему четыре раза пускали кровь, и он умолял Бога о том, чтобы его избавили от затворничества и позволили утешить его престарелого отца. На это не было обращено никакого внимания, и больше мы о нем ничего не слышим.

СЕВИЛЬСКИЕ МИСТИКИ

Для нас интерес этого дела заключается не столько в жестокости, с которой была сломана надломленная трость, сколько в разоблачении тихой революции в испанской церкви в отношении мистицизма. Среди шестидесяти одного осужденного положения было одно или два, заслуживающих порицания, самое опасное из которых приписывалось Нищим — что совершенная душа наслаждается духом свободы, идя по своей воле без законов или правил, и что в этом состоянии Бог наделяет ее способностью творить чудеса. Другой, в котором утверждалось, что поклонение образам, четкам, благословенным четкам и т.д. было ли заблуждение настолько велико, что души, занятые таким образом, не могли иметь надежды на спасение, едва ли более чем преувеличением заповедей Франсиско де Осуны и Хуана де ла Круса. По большей части осуждаемые утверждения были просто общими местами великих мистиков шестнадцатого века - что совершенная душа наслаждается абсолютным покоем, поскольку аппетиты и страсти находятся в покое, а плоть никоим образом не противоречит духу — что транссы являются высшим из Божьих даров — что высшая степень созерцания становится привычной, и что душа по желанию может таким образом войти в присутствие Бога — что

в трансе можно увидеть Бога — что совершенная душа должна просить только о том, чтобы была исполнена Божья воля. Другие осуждения были направлены против притязаний на вдохновение и откровение, против приостановления способностей к мысленной молитве, против Единения с Богом, которое было целью всех мистиков. Короче говоря, это было осуждение доктрин и практик, которые на протяжении веков признавались Церковью проявлениями величайшей святости. Если бы Франсиско де Осуна, Луис де Гранада, Сан-Педро-де-Алькантара, Санта-Тереза, Сан-Хуан-де-ла-Крус и их ученики были судимы по тем же стандартам, они разделили бы судьбу падре Херонимо, если бы, конечно, их убеждения не заставили их отказаться от подчинения, и в этом случае они были бы сожжены. [61] Это было показано в Вальядолиде, когда в 1620 году Хуан де Габана, священник Сан-Мартин-де-Вальверри, и Херонима Гонсалес, вдова, были привлечены к ответственности за мистицизм. Он умер в тюрьме, упорствовавший до последнего, и был должным образом сожжен в виде чучела в 1622 году. Она была менее тверда, и за нее проголосовали за примирение, но Верховный повелел подвергнуть ее пыткам; этого она избежала, умерев, и ее изображение было примирено. [62]

Однако мистический культ слишком прочно укоренился в религиозных обычаях Испании, чтобы его можно было легко искоренить, а инквизиция не была готова к тому, чтобы быть полностью последовательной. В то время как с падре Херонимо таким образом сурово обращались за неопубликованные труды, минимуму брату Фернандо де Кальдере было разрешено беспрепятственно опубликовать в 1623 году его *Мистическую теологию*, возможно, самый безумный из мистических трактатов. Она отлита в форме наставлений, произнесенных Христом от первого лица, и учит иллюминизму и квиетизму самого возвышенного толка. Интеллект должен быть приостановлен, а воля вверена Богу, который делает с ним все, что ему заблагорассудится, наполняя его божественным светом и допуская его к познанию божественных тайн. Похотливые искушения, если они исходят от плоти, следует преодолевать аскезой; если от гордыни — смирением; если они пассивны, их следует встречать с терпением и покорностью, ибо Бог, который их посылает, устранил их в свое время и с большой пользой для души. [63] У Молиноса нет более опасного учения, но, хотя перевод этого труда появился в Риме в 1658 году, он избежал осуждения как там, так и в Испании.

В это время в Севилье надвигалась буря, которая позволила инквизиции навязать свою определенную политику людям, склонным к мистицизму. Мы видели, как мистицизм процветал там под покровительством архиепископа Рохаса, и гонения в Эстремадуре, по-видимому, не распространились на Андалусию, так что они продолжались без подавления. В то время как падре Джеронимо ожидал своей участи в Толедо, гораздо более экстравагантный исполнитель наслаждался культом правоверных в Севилье. Священник по имени Фернандо Мендес пользовался особой репутацией святоши; во время службы он впадал в транс и издавал ужасный рев; он учил своих учеников призывать его к заступничеству, как будто он уже был святым на небесах; фрагменты его одежды хранились как реликвии; он собирал паству битас, и после мессы в его оратории они срывали с себя одежды и танцевали с неприличной энергией — опьяненные любовью к Богу — и на некоторых из своих кающихся женщин он налагал епитимью в виде задирания юбок и обнажения себя перед Богом. Он. Его ученики были набраны не только из низших классов, поскольку, как нам рассказывают, каждое утро у ворот францисканского монастыря, в который он удалился, можно было насчитать до тридцати карет. [64]

СЕВИЛЬСКИЕ МИСТИКИ

Эта истерическая зараза распространилась по Севилье, затронув значительную часть населения. Не было никакого сокрытия и, очевидно, никакой мысли о том, что это влекло за собой подозрение в ереси или что это каким-либо образом отходило от ортодоксии. Особая группа мистиков, известная как la Granata, под руководством сменяющих друг друга духовных наставников, долгое время проводила свои собрания в часовне Нуэстра-Сеньора-де-ла-Гранада, не вызывая неприязни и не призывая к вмешательству инквизиции. [65] Однако, когда властный Пачеко в 1622 году вступил в должность генерального инквизитора, он быстро приказал севильскому трибуналу расследовать мистические излияния, распространенные в городе, и доложить о них, и не составило бы труда собрать достаточный материал для осуждения в соответствии с новыми стандартами. Это привело к опубликованию специального Указа Милости от 9 мая 1523 года, предоставляющего обычные тридцать дней, в течение которых те, кто чувствует себя виноватыми, могли осудить себя и своих сообщников и получить отпущение грехов с благотворной епитимьей и без конфискации или инвалидности, затрагивающих их потомков. Чтобы все могли понять, что это были за новые ереси, эдикт включал список из семидесяти шести ошибок, приписываемых Алюмбрадос, что знаменует прогресс, достигнутый с 1578 года в подавлении мистицизма в целом и в приписывании ему дополнительных злых практик. Последовало более полное осуждение верований, общих для всех мистиков, которые так часто заслуживали канонизации — что их дрожь, жжение или обморок были признаком благодати и влияния Святого Духа — что может быть достигнута стадия совершенства, на которой они могут видеть Божественную Сущность и тайны Троицы, и что в этом состоянии благодать заглушает все способности — что ими руководит непосредственно Святой Дух во всем, что они делают или оставляют незавершенным — что в созерцании они отбрасывают все мысли и сосредотачиваются в присутствии Бога — что в состоянии Единения с Богом, подчинение воли — что в трансе Бог ясно виден в своей славе — что мысленная молитва делает излишними другие дела — что другими обязанностями, как религиозными, так и мирскими, можно пренебречь, чтобы полностью посвятить себя этой высшей преданности.

Помимо этого, шел перечень ошибок, которые обычно с большей или меньшей справедливостью приписываются Алюмбрадос: безупречность; возведение мысленной молитвы в достоинство таинства; причастие более чем одной облаткой; беспорядочные половые сношения среди избранных; непристойные действия на исповеди, считающиеся достойными; обучение жен отказу от сожительства; принуждение девушек давать обеты целомудрия или становиться монахинями; требование клятв абсолютного послушания духовному руководителю; дыхание на устах кающихся женщин, чтобы передать им любовь Божью. — нарушение печати исповеди — что совершенные имеют право на отпущение грехов даже в закрытых случаях — что те, кто следует этой доктрине, избежат чистилища и что многие, кто отказался это сделать, вернулись, чтобы просить освобождения, когда им дадут *Евангелио* и увидят, как они улетят на небеса. В одной статье указывалось бы, что среди преданных, как это обычно и бывало, был по крайней мере один, который хвастался тем, что носил стигматы, беседовал с Богом и жил исключительно причастием, в то время как пункт, требующий отказа от всех уставов и инструкций для своих конгрегаций и собраний, показывает, что они были организованы в более или менее формальные ассоциации. [66]

На дерзкое присвоение власти в этом заявлении убедительно указал Хуан Дионисио Портокарреро в своем заключении, представленном архиепископу Педро де Кастро-и-Киньонесу. Было проявлено вопиющее неуважение к нему, которого держали в неведении, хотя

было известно, что готовится указ, суть которого тщательно скрывалась до тех пор, пока он внезапно не был опубликован во всех церквях. Инквизиторы не могли решать дела безучастия рядовых, в то время как здесь дела рассматривались и стороны допускались к примирению, не обращаясь к епископальной власти. Аналогичная узурпация проявилась в определении ересей, которое было атрибутом Святого Престола и генеральных соборов, а не инквизиции. Ни один генеральный совет не мог сделать больше, чем сделал генеральный инквизитор в определении семидесяти шести ошибок, и сказать, что эти ошибки были широко распространены в Севилье, не без вины тех, кто это допускал, и сделать это, не призвав архиепископа объяснить состояние его паствы, значило осудить его без слушания. Все эти семьдесят шесть положений были названы вопросами веры, хотя многие из них были скорее вопросами дисциплины, относящимися к Обычным людям, но все они были зарезервированы для инквизиции. Более того, генеральный инквизитор не был компетентен решать спорный вопрос о том, было ли аннулировано буллой *in Cœna Domini* право епископов отпускать грехи за тайную ересь. Затем Портокарреро приступил к рассмотрению одного за другим значительной части осужденных положений и показал, что некоторые из них выражали общепринятое учение Церкви, в то время как многие были недоступны инквизиции, потому что не имели ничего общего с верой, а другие он снова опустил как непонятные. Он призвал архиепископа тихо, не вызывая скандала, подтвердить свою юрисдикцию и чтобы эдикт был рассмотрен и квалифицирован учеными людьми, а не доминиканцами, поскольку он был инициирован ими — правда заключалась в том, что внедренные мистики в основном находились под руководством францисканцев и иезуитов и что в условиях ожесточенной вражды между орденами доминиканцы подняли этот вопрос, чтобы нанести удар своим соперникам. [67]

СЕВИЛЬСКИЕ МИСТИКИ

Бедный старый архиепископ, умерший в декабре того же года, конечно, ничего не сделал. Эдикт был опубликован 4 июня, а затем снова 11-го, когда самые благочестивые круги Севильи внезапно оказались обвиненными в ереси. Мистицизм вошел в моду, особенно среди женщин, от самых знатных до низших классов, и они сразу же бросились добиваться помилования, обещанного в течение тридцати дней. В письме из Севильи от 15 июня говорится, что инквизитор с секретарем обосновался в Сан-Пабло (доминиканская церковь, используемая в аутос-де-фе), ел и спал там, а также дежурил с 5 утра до 10 вечера с часовым перерывом на прием пищи, но он не мог принять и двадцатую часть заявителей, и что нужно было предоставить еще тридцать дней. В этом, несомненно, есть преувеличение, но другой авторитетный источник утверждает, что число инкриминируемых составляет 695 человек. [68], конечно, не было преднамеренной ереси и не было упорствующих еретиков, хотя среди них были самозванцы, которые воспользовались народной доверчивостью и любовью к чудесам. Тем не менее, для подтверждения этого впечатления было необходимо аутодафе, и оно состоялось 30 ноября 1624 года, на котором присутствовали одиннадцать Алюмбрадос, но восемь из них были признанными самозванцами. Из оставшихся троих одним был падре Фернандо Мендес, который, умирая, раздал свои одежды и добродетели своим ученикам; в отношении его памяти не было назначено никакого особого наказания, но его изображение было выставлено в автомобиле, его откровения, трансы, видения и пророчества были объявлены вымышленными, и его ученики были обязаны сдать предметы, которые они хранили как реликвии. Другим был раб-мулат по имени Антонио де ла Крус, который присоединил к своему мистицизму некоторые несанкционированные спекуляции относительно власти сатаны; он избежал отречения от престола *де леви* и лишения причастия, за исключением Пасхи,

Пятидесятницы и Рождества. Третьим был Франсиско дель Кастильо, священник, чьи трансы были настолько частыми и неконтролируемыми, что они охватывали его во время еды; он был главой конгрегации, все члены которой, как он хвастался, были спасены и благодаря которым Церковь должна была быть реформирована, поскольку он был одержим духом Иисуса Христа, а его ученики — духом Апостолов - и все это не мешало ему поддерживать неподобающие отношения со своими кающимися женщинами. Его приговорили только к отречению от престола *де леви*, вечному лишению исповеди и четырехлетнему заточению в монастыре с изгнанием из Севильи — обычное наказание, как мы увидим, за домогательства *терпии* на исповеди — с предупреждением о более суровом наказании, если он не откажется от своих видений и откровений. [69]

Очевидно, целью Эдикта было скорее предостережение, чем наказание; но было сочтено необходимым привести несколько примеров, и в них мягкость наказаний указывает на признание того факта, что эти так называемые ереси ранее не считались преступными. Этого было достаточно, чтобы наложить впечатляющую печать осуждения на мистицизм без излишней суровости.

Севилья, однако, еще не была очищена от заразы. На автопробеге, состоявшемся примерно два года спустя, 28 февраля 1627 года, были два выдающихся мистика, маэстро Хуан де Вильяльпандо, священник, возглавляющий один из городских приходов, и мадре Каталина де Хесус, кармелитка беата. Несмотря на эдикт 1623 года, Вильяльпандо содержал конгрегацию обоих полов, которые беспрекословно подчинялись ему во всем, как мирском, так и духовном. Против него было выдвинуто обвинение не менее чем в двухстах семидесяти пяти ошибочных положениях, и от него потребовали отозвать двадцать две статьи. Он был лишен своих священнических обязанностей, на четыре года заточен в монастыре, а затем сослан в Севилью со штрафом в двести дукатов. Мадре Каталина в течение тридцати восьми лет была больна любовью Божьей, и ее многочисленные ученики считали ее дальнейшее существование чудом, которые хранили как реликвии все, что касалось ее личности. Ее обвинили в неподобающих отношениях со священником — вероятно, Вильяльпандо, — который почитал ее как своего наставника и учительницу, и она была догматизатором, поскольку ее труды, как рукописные, так и напечатанные, требовались к передаче. По показаниям ста сорока восьми свидетелей, ее приговорили к шестилетнему заключению в больнице, где она должна была зарабатывать на жизнь трудом. [70]

Это свидетельствует о возрастающей суровости, и еще более устрашающим примером стало убийство в 1630 году автомобиля, в котором, как нам сообщили, восемь алюмбрадос были сожжены заживо, а шесть - в виде чучела. Было также проведено шестьдесят примирений, некоторые из которых, несомненно, касались той же ереси. [71] У нас нет дополнительных подробностей об этом авто, за исключением того, что Бернино характеризует жертв как упрямых; возможно, у них был рецидив, но, как мы видели, отречения были вызваны легкими подозрениями, что не повлекло за собой смягчения наказания за рецидив. Как бы то ни было, это дело указывало бы на то, что иллюминизм теперь рассматривался как формальная ересь, а не просто вызывающая подозрения, и что упорство повлекло за собой наказание.

ЛЕЧЕНИЕ

Упрямство, по сути, превращает в формальную ересь то, что в противном случае можно было бы расценить как легкое подозрение, поскольку оно подразумевает неподчинение решениям

Церкви. Это видно из интересного обзора всего предмета, сделанного инквизитором примерно в 1640 году. Он описывает доказательства, обычно приводимые против исповедников и проповедников алумбрадо, о преподавании чувственности под прикрытием умерщвления плоти. Некоторые считают, что непристойное обращение с женщиной и секс с ней достойны того, чтобы попираť дьявола и преодолевать искушение; так же обстоит дело и с тем, чтобы заставить кающегося раздеться и встать у стены с вытянутыми руками, и с другими деталями, которые вполне можно опустить. Существует также учение о том, что послушание лучше, чем причастие, и что оно оправдывает то, что в противном случае было бы злом, или что Бог открыл им, что такие вещи не являются грехом, или что внутренним импульсам следует следовать, делая или не делая что-либо. Такие люди, по его словам, содержатся в секретной тюрьме без секвестра, хотя, если есть подозрение в ереси, секвестр существует. Если, как это обычно бывает, они исповедуются в этих учениях, оправдывая их как результат легкомыслия или невежества без ошибок веры, и если они священники или немощные, приговор зачитывается в зале для аудиенций, и наказание такое же, как за домогательства на исповеди, то есть заточение в монастырь на несколько лет и лишение способности исповедоваться. Но, если эта злая доктрина причинила большой вред, как в Льерене, они появляются в общественном транспорте с несколькими годами службы на галерах, и, если они священники, владеющие собственностью, они оштрафованы по своему усмотрению.

Если возникнет упрямство и неприятие доводов теологов, призванных их урезонить, то будет отсрочка на несколько месяцев, чтобы дать время для обращения, как это произошло в Логроньо с неким священником и в Вальядолиде с фрайле. Священник учил своих кающихся женщин, что нет греха ни в поцелуях, ни в непристойном обращении, ни в том, что они спят с женщиной, если опущен заключительный акт. Он неоднократно отказывался и колебался между покорностью и настойчивостью, но в конце концов был убежден и предстал перед общественным судом, отрекся от своих намерений, был словесно унижен пятью годами галер и еще десятью изгнаниями, помимо вечного лишения признания. Если преступник невосприимчив к аргументам и не отказывается от своих заблуждений, с ним следует обращаться как с еретиком и быть снисходительным, даже если он отрицает свои намерения. Был один, который отрекся от *отрастности* и впал в рецидив. В его Приказе утверждалось, что он сошел с ума, поскольку пользовался высокой репутацией добродетельного и образованного человека; на него была наложена тайная епитимья, но настолько суровая, что о нем больше никто никогда не слышал. [72]

Из этого заявления следует, что крайняя позиция, занятая Пачеко, не была поддержана и что простой мистицизм допускался, если только он не осложнялся безумствами иллюминизма, особенно в том, что касалось отношений между полами. Политика инквизиции, на самом деле, ни в коем случае не была единообразной; какое-то время многим безобидным мистикам было позволено спокойно наслаждаться почитанием своих учеников, в то время как, если имел место скандал, обман или какой-то скрытый мотив, судебное преследование было легким делом. Одним из таких случаев был случай с фраем Франсиско Гарсиа Кальдероном, которого мы видели (Vol. II, стр. 135), посвященной делу монахинь Сан-Плачидо и маркиза Вильянуэвы в 1630 году. Современницей была донья Луиза де Кольменарес, более известная в народе как мадре Луиза де Каррион, монахиня монастыря Санта-Клара в Каррион-де-лос-Кондес, которая в возрасте семидесяти лет провела пятьдесят три года в монастыре. Строго говоря, она была не Алумбрадо, а мистиком типа Санта-Терезы, и ее случай поучителен, поскольку показывает, насколько распространенной была вера, приписывающая сверхъестественные силы

существам, благодетельствованным Богом, насколько выгодно эту веру могло использовать умелое руководство и насколько эффективно инквизиция могла вмешаться перед лицом самого сильного народного сопротивления. Нет никаких оснований предполагать, что мадре Луиза была сознательной самозванкой; она была просто невежественной старой женщиной, гипнотически приученной к трансам и видениям, как и многие другие, и францисканский орден, к которому она принадлежала, видел в ней спекулятивную ценность, которой они придавали наибольшее значение. Филипп IV почитал ее, и папы были ее корреспондентами; существовал огромный спрос на предметы, освященные ею, — кресты, четки, изображения младенца Христа и тому подобные безделушки, продажа которых приносила большие прибыли, и, как говорили, с учетом всего этого и пожертвований паломников Орден заработал двести тысяч крон и рассчитывал получить гораздо больше, если это могло обеспечить ее канонизацию после смерти.

MADRE LUISA DE CARRION

Внезапно, в 1635 году, инквизиция взялась за ее расследование. В ее карьере не было ничего исключительного, кроме успеха, и под руководством францисканцев она в основном избегала ошибок, осужденных в эдикте Пачеко. Мотив действия неясен, и наиболее вероятным предположением является то, что противники графа-герцога Оливареса стремились, по моде того времени, использовать в политических целях безграничное народное почитание, объектом которого она была. Тем не менее, в предварительных выступлениях была проявлена значительная осторожность. Хуану Сантосу, старшему инквизитору Вальядолида, было приказано допросить ее, когда он притворился визитом к епископу Паленсии и по дороге остановился на две недели в Каррионе. Вовлечь необразованную монахиню в ошибочные теологические спекуляции было нетрудно, и последовал ордер на ее арест; ее поместили в карету к родственнице одного из инквизиторов, когда ее путешествие в Вальядолид было триумфальной процессией. В небе был виден столб света, переходящий в крест; повсюду толпилось население, и меры предосторожности по въезду в Вальядолид ночью оказались напрасными, так как толпа была так велика, что ее с трудом пронесли в целости и сохранности сквозь бушующую толпу, стремившуюся собрать какой-нибудь лоскуток ее платья в качестве талисмана. Ее поместили в монастырь августинцев, где она была объектом почитания монахинь, которые объявили, что ей суждено стать самой могущественной святой в анналах Церкви; но было замечено, что у нее больше не было экстазов, хотя в Каррионе они были обычным явлением и отмечались звучанием органа, когда все спешили их увидеть.

Францисканцы официально взяли за ее защиту; население Вальядолида во главе с епископом было настолько демонстративно настроено в ее пользу, что трибунал заколебался, и Верховной власти пришлось послать специального уполномоченного, которым был не кто иной, как наш старый знакомый Хуан Дионисио Портокарреро, вскоре после этого награжденный епископством Гуадикс. Было легко заставить ее обвинить себя в ереси, потому что она была глупа и невежественна, полна тщеславия и всего лишь орудием алчных монахов, которые эксплуатировали ее. В обращении были подписанные ею бумаги, в которых она заявляла, что увидела Божественную Сущность, что она была утверждена в благодати, что в шестилетнем возрасте Христос удалил ее сердце из плоти и заменил своим собственным, что он дал ей райское яблоко, с помощью которого она останется бессмертной до Судного дня, когда она будет сопровождать Еноха и Илию в войне с Антихристом; что Бог поддерживал ее без пищи и многое другое, что свидетельствует о невероятной доверчивости людей и беспринципной

дерзости монахов. На допросе она заявила, что видела Божественную Сущность, но доказала, что совершенно не знакома с ортодоксальным учением о Троице, и наговорила тысячу глупостей, включая откровение от Бога о том, что все, кто владеет ее крестиками, четками или другими предметами поклонения, будут спасены безоговорочно и смогут быть уверены в своем предопределении.

Предначертанному осуждению предшествовал указ от 23 октября 1636 года, требующий передачи всех писем, портретов, крестов, четок и т.д., Которых было так много, что через несколько дней у кюре прихода Сан-Мигель была полная комната. Бедная старая карга была слепа, беззуба и измучена истерической жизнью; потрясение от пережитого было слишком велико для ее слабых жизненных сил, и она умерла в ноябре. Это, конечно, не было препятствием для суда над ней, и трибунал был справедливо разгневан, узнав, что епископ похоронил ее без его разрешения. Когда его вызвали к ответу за это, он пригрозил народным восстанием, но трибунал остался при своем мнении, эксгумировал тело и установил его личность, после чего Верховный распорядился провести вторую эксгумацию и захоронение под своим контролем.

Похоже, что официального приговора так и не было вынесено. Францисканцы говорили об апелляции к папе, но над ними только посмеялись. Мадре Луиза перестала иметь значение, но о том, что ее приверженцы не утратили к ней всякого благоговения, свидетельствует инквизиция в 1638 году, запретившая всякое обсуждение этого дела. В 1643 году это было передано Арсе-и-Рейносо вместе с делом Сан-Пласидо, а в 1644 году, как говорили, он энергично продвигал это дело, но, вероятно, было мудро оставить его без внимания, так и не придя к окончательному выводу. Тем не менее, несмотря на указ инквизиции, не все ее кресты были возвращены и продолжали рассматриваться как обогащенные индульгенциями, поскольку мы находим, что они были осуждены Римской конгрегацией индульгенций в 1668 и снова в 1678 годах. [73]

ВЛИЯНИЕ МИСТИКОВ

Если бы не предполагаемые политические мотивы, побудившие ее к судебному преследованию, можно предположить, что Мадре Луиза была бы внесена в список святых. Ее карьера была не более экстравагантной, чем у ее современницы, блаженной Марии Аны де Хесус, *Мадриленки*, которая родилась в 1565 году и умерла в 1624 году. Она принадлежала к ордену Ла Мерсед, и ее биография была написана в 1673 году отцом Хуаном де ла Презентационом, официальным историографом Филиппа IV, который сообщает нам, что, будучи грудным младенцем, она свидетельствовала о своей будущей святости; в возрасте четырех лет она постоянно молилась, а в шесть у нее были экстазы, видения и откровения. Она сама говорит, что ее душа обычно была озарена Богом, который безошибочно проявлял свою волю по отношению к ней. Усилия по ее канонизации начались вскоре после ее смерти и периодически возобновлялись, пока она не была причислена к лику блаженных в 1783 году. [74] Другой современницей Марии Аны де Хесус была уроженка Перу, известная как *Асусена де Кито*. Родившись в 1618 году и умерев в 1645-м, она начала творить чудеса еще до своего рождения, и она начала умерщвлять плоть, отказываясь кормить грудью до полудня. Напрасно в своем смирении она молилась о том, чтобы ей было отказано в милости видений и чудес. В 1670 году были начаты попытки добиться ее канонизации, но только в 1850 году она была причислена к лику блаженных Пием IX. [75]

Эти святые мистики, напрямую общавшиеся с Богом, обладали влиянием, которое мы едва ли можем осознать. Их стало так много, а их откровения принимались так без колебаний, что Испания была окутана атмосферой мистицизма, в которой искали божественного руководства, а не советов человеческой мудрости. Оливарес вполне мог опасаться любых негативных высказываний мадре Луизы, поскольку его падение в 1643 году ускорили видения, которыми пользовался дон Франсиско де Чирибага, хотя иезуит падре Галиндо, который был заинтересован в том, чтобы о них стало известно, был заключен в тюрьму своим начальством за действия без их разрешения. [76] Когда дела испанской монархии в то время находились в самом тяжелом состоянии, любопытным проявлением импульсов, которыми она руководствовалась, является жалоба Филиппа IV на затруднения, которым его подвергли видения, принесенные ему фрейлами; по его словам, этот вопрос откровений требует пристального рассмотрения, особенно когда он говорят, что Бог приказывает ему наказать тех, кто оказал ему хорошую услугу, и возвысить тех, чьи методы не снискали им хорошей репутации. Все, чего не хватает для полноты этой картины необоснованного суеверия, обнаруживается в том факте, что это высказывание обращено к другому мистик, к которому он обращается за руководством и ходатайством перед Богом, чтобы тот послал ему свет. [77]

Мария де Хесус, широко известная как сестра Мария де Агреда, к которой Филипп таким образом обратился за советом, была слишком прочно закреплена в королевской милости, чтобы подвергаться опасности со стороны инквизиции, но, несмотря на эту милость, ее откровения были отвергнуты Римом, что стало еще одним примером трудности проведения различия между святостью и ересью. Она практиковала мысленную молитву с тех пор, как смогла использовать свой разум, и находилась в постоянном общении с Богом, Пресвятой Девой и ангелами. [78] Ее слава распространилась по всей стране, а ее объемистые труды, претендующие на богодухновенность, до сих пор являются частью религиозной литературы верующих. Она настолько завоевала доверие Филиппа, что он сделал ее своим главным советником; в течение двадцати двух лет, вплоть до ее смерти в 1665 году, за четыре месяца до его собственной, он поддерживал с ней постоянную переписку по каждой почте. Таким образом, ее влияние было почти безграничным, но она, кажется, никогда им не злоупотребляла; ее советы обычно были здравыми, и она никогда не стремилась обогатить обедневший монастырь Агреда, настоятельницей которого она была.

SOR MARIA DE AGREDA

При всей мощи францисканского ордена и испанского двора, поддерживающего ее притязания на святость, канонизация такого персонажа казалась бы почти само собой разумеющейся, и это, несомненно, было бы осуществлено, если бы она не изложила свои откровения в письменном виде. Как бы они ни удовлетворяли аппетиты испанского благочестия, так долго питавшегося мистической экстравагантностью, они не взывали к трезвому суждению остального католического мира. Несмотря на их божественное вдохновение, ее *Летания и имена святых Королевы дель Сьело* и ее *Мистика Сьюдад-де-Диос* были осуждены в Риме, и указ о последнем был вывешен на дверях собора Святого Петра 4 августа 1681 года. *Мистика Сьюдад* была чрезвычайно популярна в Испании, и по решению испанского суда ее запрет был приостановлен. Инквизиция воспользовалась этим в 1686 году, чтобы издать указ, разрешающий ее распространение, на что Конгрегация Индекса, естественно, была оскорблена, и в 1692 году папский указ об осуждении появился в Приложении к Индексу Иннокентия XI, несмотря на то, что книга была официально разрешена испанской инквизицией.

[79] Когда в 1695 году во Франции появился перевод отца Тома Крозе, Сорбонна указом от 27 сентября 1696 года осудила его как содержащий положения, противоречащие правилам церковной скромности, а также множество басен и снов из апокрифов, подвергающих католицизм презрению еретиков. [80] Испанский суд усердно добивался возобновления приостановления действия и, в конце концов, добился успеха, так что книга была исключена из Указателя Климента XI за 1716 год. Затем, в 1729 году, эта тема была поднята снова, когда после долгих дебатов книга была разрешена, хотя доктор Евсевий Аморт рассказывает нам, что в Риме в 1735 году ему показали указ Бенедикта XIII, возобновляющий запрет и утверждающий, что его изъятие было получено обманным путем; тем не менее, с тех пор книга больше никогда не появлялась в Указателе. [81] Аналогичная борьба велась за *Летанию*, которое все еще было включено в Индекс Климента XI 1716 года и первый индекс Бенедикта XIV в 1744 году, но исчезло из всех последующих выпусков. [82] Менее успешными до сих пор были настойчивые попытки добиться канонизации Мадре Марии, что привело к папскому указу от 27 апреля 1773 года, запрещающему все будущие разбирательства по этому делу. Несмотря на это, Лев XIII 10 марта 1884 года приказал Конгрегации обрядов тайне рассмотреть вопрос о том, можно ли снять этот запрет. Предлагать такое обсуждение почти равносильно утвердительному суждению, но до того, как решение было принято, случайность привела к публикации в *Deutscher Merkur* от 29 декабря 1889 года всей тайной истории этого дела, что, вероятно, положило конец, по крайней мере на данный момент, перспективе занесения в календарь святых того, чьи откровения неоднократно осуждались как иллюзорные или исходящие от сатаны.

Хотя, как мы увидим, чума *beatas revelanderas* и более или менее сознательные самозванцы продолжали поражать страну, случаев, признанных Алюмбрадос, было сравнительно немного в течение оставшейся части семнадцатого века. В летописи Толедо, начинающейся в 1648 году, первое упоминание встречается в 1679 году, когда был осужден францисканец Фрай Франсиско де Толедо. В этом случае преступление трактовалось как формальная ересь, требующая примирения, и наказание было чрезвычайно суровым. Он должен был подвергнуться круговому наказанию в своем монастыре; его должны были заточить в келью на два года и еще на два года отшельничать, в течение которых он должен был заниматься делами смирения. Кроме того, он был навечно отстранен от исполнения орденов, лишен активного и страдательного залога и допущен к мирскому причастию. Возможно, именно на это или на какое-то движение, в котором участвовал брат Франсиско, ссылается Мигель Молинос в письме от 16 февраля 1680 года генералу-иезуиту Оливе, говоря, что когда в 1679 году сатана попытался возродить секту иллюминатов в Испании, и они обратились к нему, он высказал мнение, настолько противоречащее их безумию, что это напугало их и остановило попытку. [83]

ИТАЛЬЯНСКИЕ МИСТИКИ

В то время как Испания таким образом боролась с мистицизмом, Рим оставался сравнительно безразличным, поскольку в Италии он не перерос в популярную манию подавления, независимо от аморальных выходов, к которым это иногда приводило. В Эдикте инквизиции, требующем разоблачения всех преступлений, подпадающих под ее юрисдикцию, нет упоминания о мистицизме или иллюминизме. [84] Тщательно продуманные фолианты авторов о

Священной канцелярии — Карены, Дель Бене, Лупо, Дандино - умалчивают о ее эксцентричности. Тем не менее, они ни в коем случае не были неизвестны Римской Священной канцелярии, которая приняла их к сведению, когда они были доведены до ее сведения. Иногда какая-нибудь книга, слишком экстравагантная в своем учении, попадала в Указатель. [85] Кардинал Скалья († 1639), член Конгрегации инквизиции, в своем небольшом практическом руководстве, распространенном только в MS., при рассмотрении проблем, обычных в женских монастырях, говорит, что из-за головокружения, или тщеславия, или иллюзии монахини часто утверждают, что у них бывают небесные видения и откровения, а также общение с Богом и святыми когда, если исповедник неосмотрительно предан духовности, он сводит свои высказывания к письменной форме и, если он образован, он защищает их, очень часто используя положения, наказуемые инквизицией. Иногда, добавляет он, речь идет о чувственности, что приводит к утверждению, что плотские действия не греховны, а достойны уважения, когда, если исповедник желает воспользоваться этим, он пытается с помощью откровений и ложных доктрин доказать, что они законны. Случаи такого рода имели место в Святой канцелярии, когда священники, оправдывающие себя таким образом, подвергались наказанию за ересь. Такие случаи также происходят между женщинами, считающими себя духовными, и их духовниками, которые учат их этому, даже без откровений и видений, заставляя своих духовных дочерей верить, что это дела заслуги и умерщвления плоти. [86]

Бернино говорит нам, что в начале семнадцатого века иллюминизм был широко распространен по всей Италии, где инквизиция часто насаждала отречения, но, вероятно, это преувеличение, столь частое у ересиологов. [87] Однако хорошо известный случай потряс Флоренцию в 1640 году, когда каноник Пандольфо Рикасоли, весьма уважаемый член благородного дома баронов Траппола, человек широкой образованности и большого состояния, был арестован вместе со своей главной сообщницей Фаустиной Майнарди, ее братом Джироламо и маэстро Серафино де Серви, доктором Карло Скаландрини, священник Джакомо Фантони, Андреа Билиотти, Франческо Борджески и двое других, Моццетти и Кокки. Некоторые монахини Санта-Анна-суль-Прато также были замешаны в этом, но если их привлекли к ответственности, то никакая информация об этом не стала достоянием общественности. Похоже, они сформировали кружок иллюминатов, которым Рикасоли учил, что всевозможные непристойные действия ведут к чистоте, если совершаются с умом, сосредоточенным на Боге; они утверждали, что имеют особые отношения с небесами и свободны от греха во всем, что они делают для вящей славы Божьей. Это продолжалось восемь лет; слухи распространились за границей и были переданы инквизиции, когда Рикасоли выступил вперед и осудил себя с выражениями раскаяния. 28 ноября 1641 года в большой трапезной монастыря Санта-Кроче состоялось публичное *атто ди Феде*, на котором присутствовали великий герцог, кардинал Медичи, нунций и другие знаменитости. Один из преступников, Серафино де Серви, умер в тюрьме и появился в виде чучела, остальные отреклись от *ярости*. Рикасоли, Фаустина и Фантони были приговорены к пожизненному заключению, остальные - к тюремному заключению с привилегией просить о помиловании, в то время как двое, Кокки и Борджески, имели личное убежище и были заключены в тюрьму Стинче по воле инквизиции. Рикасоли, когда его уводили, заявил, что действовал глупо и невежественно, и попросил прощения у народа за скандал, который он вызвал; он пробыл в своей тюрьме до июля 1657 года, когда умер в возрасте 78 лет, до конца протестуя против того, что допустил ошибку по невежеству, а не из-за похоти; был некоторый вопрос относительно его погребения, но в конце концов он получил христианское погребение.

Римская конгрегация сурово упрекнула инквизитора фра Джованни Муццарелли за неуместное милосердие, и его быстро заменил инквизитор с более суровым характером. [88]

Самозванцы также не были неизвестны, как видно из карьеры Франческо Джузеппе Борри, блестящего, но распутного отпрыска благородного миланского дома. Злоключение в Риме вынудило его найти убежище в церкви, где, в знак признания милости Божьей, он изменил свою жизнь. Вскоре у него были видения и откровения, на основе которых он построил новую теологию, демонстрирующую близкое знакомство с тайнами Троицы и вселенной. То, что святая Анна была зачата действием Духа и, следовательно, Дева Мария была Божеством, было одной из двадцати ошибок, изложенных в его предложении. Более того, он был избран основать Царство Всевышнего, в котором все человечество будет подчинено папской власти, и мир будет жить в мире в течение тысячи лет; философский камень, секрет которого был у него, послужит средством для создания папских армий, во главе которых он будет руководиться святым Михаилом. Рим вскоре стал опасен для нового пророка, и в 1655 году он перенес свою пропаганду в Милан, где основал тайный мистический орден, члены которого обучались медитации и мысленной молитве, обязались пролить свою кровь при выполнении работы и, что более того, внесли все свое имущество в общий фонд. Миланский инквизитор пронюхал о новой секте и арестовал нескольких ее членов; Борри подумывал поднять беспорядки, но решил в пользу более безопасной альтернативы бегства. Его дело было передано Римской конгрегации, которая 20 марта 1659 года потребовала, чтобы он явился в течение девяти дней, а затем заочно судил его, в результате того, что его изображение со всеми его нечестивыми писаниями было сожжено 3 января 1661 года. Его обманутые были должным образом привлечены к ответственности, но, похоже, не понесли сурового наказания.

ИТАЛЬЯНСКИЕ МИСТИКИ

Тем временем он начинал новую карьеру в Северной Европе как человек, владеющий всеми секретами алхимии и медицины, с успехом, которому мог бы позавидовать даже Калиостро. У Страсбурга и Амстердама были причины раскаты в его искусстве обольщения. В Гамбурге Кристина из Швеции предоставила ему средства для судебного преследования работы Великого Аркана. Датский король Фредерик III щедро одаривал его крупными суммами и даже назначил главным политическим советником, что вызвало ненависть предполагаемого наследника Кристиана V, при восшествии на престол которого в 1670 году он был вынужден спасать свою жизнь бегством. Он пытался найти убежище в Турции, но в Моравии, в одном дне пути от границы, был арестован по ошибке по подозрению в соучастии в венском заговоре. Там папский нунций узнал его и предъявил права на него, но Леопольд I, благосклонность которого он быстро завоевал своими химическими чудесами, выдал его только при условии сохранения ему жизни. Перед инквизицией он признался в своих ошибках и приписал их дьявольскому вдохновению, и его приговор, вынесенный 25 сентября 1672 года, сводился всего лишь к вечному тюремному заключению и определенным духовным покаяниям. Даже здесь удача сопутствовала ему, поскольку кардинал д'Эстре, влиятельный посол Людовика XIV, находясь в опасной болезни, попросил о консультации и, после выздоровления, добился его перевода в более легкое заключение в замке Святого Ангела, где ему были предоставлены особые привилегии и возможность иногда выходить и навещать больных. Там он оставался до своей смерти 20 августа 1695 года — всего за столетие до того, как Калиостро пришел к такому же концу. [89]

Хотя римская инквизиция не издавала общих обвинений, за приверженцами мысленной молитвы и созерцания велось наблюдение ввиду экстравагантности, на которую они могли быть доведены, когда, полностью веря себя Богу, они чувствовали себя безответственными за то, что Бог мог заставить их делать в упоении квиетизмом. В Генуе сформировалось небольшое сообщество такого рода, где они были известны как *Sequere me*, по фразе, используемой при обращении к тем, кого они выбрали присоединиться к ним. Под руководством монаха-тринитариста они купили дом в пригороде, где жили в предельном аскетизме, посвятив себя созерцанию. Так пришли видения и откровения о том, что через них Церковь будет реформирована новым папой, апостолами которого они должны были стать. Один из них сообщил об этом викарию инквизиции, который немедленно доложил об этом трибуналу. Все они были вызваны перед этим; некоторые пришли в экстаз и, как единое целое, пригрозили инквизитору Божьим возмездием и были брошены в тюрьму. Конгрегация инквизиции приказала привлечь их к ответственности, в результате чего они были признаны скорее сумасшедшими, чем злонамеренными. Монах был лишен активного и страдательного залога в своем Ордене, а остальные были уволены с угрозами каторги, если они соберутся снова и продолжат носить принятую ими рясу. [90]

Более стойкой была секта, известная как пелагини, которая около 1650 года возникла в Валькамонике и распространилась по всей Ломбардии. Джакомо Филиппо ди Санта Пелагия был мирянином из Милана, высоко ценимым за заметное благочестие. От Марко Морозини, епископа Брешии (1645-1654), он получил разрешение основывать собрания или оратории в Валькамонике, но это показывает, что мысленная молитва считалась опасным упражнением, когда Морозини поставил условие, что ее не следует практиковать на этих небольших собраниях. Запрет был проигнорирован, и преданные в значительной степени предались созерцанию, в результате чего у них были трансы и откровения; они отказались от подчинения своим священникам и были обвинены в утверждениях, что мысленная молитва необходима для спасения, что никто, кроме Пелагини, не может быть спасен, что те, кто практикует ее, становятся безупречными, что миряне могут проповедовать и выслушивать исповеди, что индульгенции ничего не стоят и что Бог через них изменит мир. В 1654 году кардинал Пьетро Оттобони (впоследствии Александр VIII) получил престол в Брешии и случайно обнаружил нескольких корреспондентов, распространяющих Катехизис Кальвина вместе с трактатами Пелагини. В марте 1656 года он отправил в Валькамонику трех уполномоченных со словесными инструкциями, вооруженных всеми полномочиями, которые временно подавили оратории и произвели ряд арестов, но вмешалась инквизиция, забрав дело из его рук и привлекая к ответственности лидеров. [91]

ПЕЛАГИНИ

Мы больше ничего не слышим о Филиппо, за исключением того, что его так и не осудили. Вероятно, он умер в начале истории секты, и память о нем хранилась как о святом, обладавшем тауматургической силой. В 1686 году было обнаружено, что протоиерей Морбеньо в Вальтеллине распространял его мощи и собирал материалы о его жизни и чудесах, от всего этого он был вынужден отказаться после того, как подчинился вызову Кальки, инквизитора Комо. Были также заданы вопросы мэру Таламоны относительно его мотивов хранить фотографию Филиппо и молились ли перед ней. [92]

После исчезновения Филиппо мы слышим о Франческо Катанеи и протоиерее Марке Антонио Рикальдини как о лидерах секты, но Агостино Рикальдини, брат последнего и женатый мирянин, на самом деле был центром, вокруг которого она собралась. По обвинению Оттобони, он был заключен в тюрьму в 1656 году и трижды подвергнут пыткам, а 19 сентября 1660 года трибунал Брешии приговорил его к изгнанию из Валькамоники и отправил в Тревизо. Упорствуя в своих ошибках, он снова предстал перед судом в Тревизо, был вынужден отречься от *эвменгии* и приговорен к пожизненному заключению, а написанная им книга была публично сожжена. Сколько длилось его заключение, неизвестно, но в 1680 году мы находим его живущим в Тревизо под наблюдением генерального викария епископальной церкви. [93]

Если Оттобони и инквизиция воображали, что разгромили секту, они ошибались. Она поддерживала тайное существование более двадцати лет, что позволило ей распространиться далеко за пределы своего первоначального местонахождения, и примерно в 1680 году у нее были ассоциации и оратории для мысленной молитвы, основанные в Брешии, Вероне, Виченце, Тревизо, Падуе, Пезаро, Лукке и, несомненно, многих других местах, в то время как ее приверженцы ожидали, что она распространится по всему миру. Рикальдини в Тревизо был занят перепиской с главами ассоциаций и принимал их визиты. В Брешии Бартоломмео Бона, священник церкви Святого Рокко, руководил молельней из шестидесяти прихожан, и, как говорили, под его руководством даже находилось шестьсот душ. Их звали Пеллегрини ди Сан Рокко, они усердно практиковали мысленную молитву и даже получили епископальную лицензию для своей ассоциации. В Вероне Джованни Баттиста Бониоли руководил группой из тридцати учеников, многие из которых были весьма уважаемыми людьми. По большей части преданные, по-видимому, были тихими и благочестивыми людьми, смиренно ищущими спасения внутренним путем, но были и такие, кто был склонен к экстравагантности. У Маргариты Росси были видения и откровения, странным образом повторяющие фрагменты фантастической теологии Борри, и когда они были записаны верующим, Доном Джованни Антонио, было нетрудно извлечь из них сто тридцать четыре ошибки, по поводу которых ее пытали как по поводу намерения, так и по поводу *in caput alienum*. Двое других, Козимо Дольчи и Франческо Нигра, имели видения и пророческое озарение, за что последний был приговорен в 1684 году к пяти годам тюремного заключения. [94]

Секта не могла продолжать распространяться бесконечно, не будучи обнаруженной. В 1682 году инквизиция внезапно осознала необходимость действий и повторила эдикт, изданный ею в 1656 году, запрещающий все оратории и собрания для мысленной молитвы. Рикальдини чувствовал, что его положение критическое, поскольку он отрекся от *отгорячности* и был приговорен к костру за рецидив. Он исчез из Тревизо, и все, что смогла узнать инквизиция, это то, что он находился где-то на швейцарской границе. Наконец, в 1684 году было обнаружено, что его убежище находится в Кьюро, в Вальтеллине, и Антонио Чеккотти, инквизитор Брешии, предпринимал бесплодные попытки побудить власти Вальтеллины и подесту Брешии объединиться для обеспечения его выдачи, но в марте 1685 года Чеккотти с огорчением узнал, что он умер 6 октября прошлого года, приняв все таинства и с репутацией самого благочестивого христианина. [95]

MOLINOS

Выдающиеся Пелагини были должным образом привлечены к ответственности, но, по-видимому, в отношении них было мало мстительности и мало приписываемой им ереси.

Назначенные наказания были легкими, поскольку в 1685 году мы слышали, что Бона, один из лидеров, вернулся в свой округ и жил на пенсии, а другой Беллери находился в Валькамонике, где епископ назначил его миссионером для всего округа. Очевидно, ученики сбежали, получив предупреждение. Против чего возражали церковные власти, был не мистицизм и его давно принятые практики, а организация, более или менее тайная, под руководством лидеров вне иерархии и свободная от ее надзора, когда разгоряченные мозги, по божественному вдохновению, предавались мечтам о возрождении Церкви. Только после того, как дело Молиноса привлекло внимание к другим опасностям, из Рима пришел строгий приказ о запрете всех ораторий и практики мысленной молитвы — того упоения медитацией, которое было отличительной привычкой мистиков на протяжении веков. [96]

Мигель де Молинос был испанцем, родившимся, вероятно, около 1630 года в Муниесе (Теруэль). Получив в Коимбре степень доктора богословия, он приехал в Рим в 1665 году в связи с канонизацией — вероятно, Сан-Педро Арбуэса, который был беатифицирован в 1668 году. Там он быстро приобрел известность как исповедник и духовный наставник. Иннокентий XI ценил его так высоко, что предоставил ему апартаменты в папском дворце; самые знатные женщины отдали себя под его опеку; его репутация распространилась по всей Италии, и его переписка стала огромной. Говорят, что в день его ареста почтовые расходы на письма, доставленные в тот день в его дом, составили двадцать три дуката; он внес небольшую плату для покрытия расходов, и при наложении ареста на его имущество было обнаружено четыре тысячи золотых крон, полученных из этого источника. Сообщалось, что изъято от двенадцати до двадцати тысяч писем, из которых двести были от Кристины Шведской и две тысячи — от принцессы Боргезе. Мистицизм, который оказался столь привлекательным, когда был изложен его обаятельной личностью, не содержал в себе — по крайней мере, внешне — ничего такого, что давно не получило одобрения Церкви в трудах великих испанских мистиков и святого Франсуа де Салье. Это правда, что Молинос отказался от механизма экстазов и видений, которые так часто встречаются в трудах Санта-Терезы, и ограничил свой путь совершенствования брахманическим идеалом уничтожения чувств и интеллекта, мистическим безмолвием или смертью, в которых больше нет речи, мыслей и желаний и в которых Бог говорит с душой и учит ее высшей мудрости. [97] Этот одухотворенный гипноз никоим образом не был оригинальным для Молиноса, но был целью, к достижению которой стремились все святые-мистики. Чтобы достичь этого, он говорит нам, что душа должна полностью вверить себя Богу; она не должна сопротивляться мыслям или импульсам, которые Бог может послать или позволить послать сатане; если на нее нападают навязчивые или чувственные мысли, им не следует противостоять, а следует спокойно презирать и приносить в жертву Богу возникающие в результате страдания. [98] Это был квиетизм — испанское *дехамьенто*, — который впоследствии был так сурово осужден; нет сомнений, что в нем были свои опасности, если чувствам позволялось управлять духом, и противники Молиноса максимально использовали это, но он учил, что душа должна преодолевать искушения терпением и смирением. Когда души обретают контроль над собой, говорит он, если на них нападает искушение, они вскоре преодолевают его; страсти не могут устоять перед божественной силой, которая наполняет их, даже если насилие продолжается и поддерживается внушениями врага; душа одерживает победу и наслаждается бесконечным результирующим благом. [99]

MOLINOS

Все́му этому Молино разрешалось преподавать в течение многих лет в Святом Городе под всеобщие аплодисменты, хотя в Пелагини это преследовалось. В 1675 году, на пике своей популярности, он воплотил свое учение в *Руководстве по спиритуализму*, небольшом томе, который вышел с решительного одобрения пяти выдающихся богословов — четверо из них были консультантами или цензорами инквизиции, и все они занимали высокое положение в своих соответствующих орденах францисканцев, тринитариев, иезуитов, кармелитов и капуцинов. Книга сразу же получила широкое распространение и была переведена на многие языки. Даже в Испании в 1676 году вышло мадридское издание, одно в Сарагосе в 1677 году и еще одно в Севилье в 1685 году, но без захватывающей анимационной рекламы. И все же такая карьера, как у Молиноса, не могла продолжаться бесконечно, не возбуждая враждебности, тем не менее опасной из-за того, что ее тщательно скрывали. Его огромный успех вызывал зависть, и, если мистическое созерцание было в значительной степени принято как самый верный путь к спасению, каким должен был быть результат бесконечного разнообразия внешних работ, которым Церковь была обязана столь значительной частью своего могущества и богатства? Было обнаружено, что во многих женских монастырях Рима, исповедники которых приняли его взгляды, обитательницы отбросили свои четки и венки и полностью зависели от созерцания. Было замечено, что во время мессы приверженцы мистики не поднимали глаз при вознесении Воинства и не смотрели на святые изображения, но непрерывно продолжали свою мысленную молитву. Молинос дал еще один повод для критики, опубликовав трактат о ежедневном причащении, в котором он утверждал, что душа, уверенная в том, что она не находится в смертном грехе, может безопасно принимать причастие без предварительной исповеди — доктрина, которая, однако, является теологически оправданной, но в случае широкого применения грозит в значительной степени снизить авторитет священства, в то же время поощряя грешника сводить счеты непосредственно с Богом.

Нападение как еретика на человека, столь уважаемого всеми и столь прочно укоренившегося, как Молинос, вполне могло показаться отчаянием, и неудивительно, что заслуга в этой работе была возложена на иезуитов, как на единственную достаточно смелую и могущественную организацию. Текущая история такова, что, решившись на это, они наняли отца Лашеза, чтобы побудить Людовика XIV приказать своему послу кардиналу д'Эстре неустанно трудиться над устранением скандала, вызванного учением Молиноса. Так ли это было, сомнительно, но несомненно, что первая атака исходила от иезуитов и что д'Эстре, который выражал самое горячее восхищение Молиносом, стал его безжалостным преследователем. Кампания началась в 1678 году, когда Готтардо Белл'Уомо, S. J., опубликовал в Модене работу о сравнительной ценности обычной и мистической молитвы, которая была должным образом разоблачена инквизицией. Молиноса разными способами заставили распознать надвигающуюся бурю, и он попытался вызвать ее таким образом, чтобы выявить свою сознательную слабость. 16 февраля 1680 года он обратился к генералу-иезуиту Оливе с длинным оправдательным письмом. Он не нападал на Общество, но всегда относился к нему с величайшим почтением, и когда в Валенсии университет запретил иезуитскому колледжу преподавать теологию, он был единственным, кто ослушался ордена и пришел ему на помощь. Он никогда не осуждал Духовные упражнения Лойолы, но признавал огромное благо, приносимое ими, хотя и считал, что для тех, кто подходит для этого, созерцание лучше медитации. В течение нескольких лет он подвергался преследованиям и клейму как еретик в своих письмах и проповедях со стороны самых выдающихся членов Общества, но он радовался этому и только молился Богу за тех, кто поносил его, и, защищая *Гвиду*, он не искал ничего, кроме славы Божьей, и, будучи далек от

того, чтобы защищать Нищих и иллюминатов, он всегда осуждал их. Очевидно, работа иезуитов по его дискредитации была активной и лучше организованной, чем показывают записи, и он считал более разумным разоружиться, если это возможно, а не бороться со столь могущественными противниками. Ответ Оливы от 28 февраля в коей мере не был обнадеживающим. Он похвалил Молиноса за его христианский дух воздавать добром за зло и за лестные условия, предоставленные Обществу и его основателю. Он никогда не читал книг Молиноса и не мог говорить о них со знанием дела, но, если они соответствовали его письму, его ученики причиняли ему большую боль, применяя его систему созерцания, на которую были способны только редчайшие души, без разбора по отношению к монахиням и мирским молодым женщинам. Наконец, он не мог понять, почему такой выдающийся член Общества, как падре Белл'Уомо, должен был предстать перед Конгрегацией Индекса, и он вознес бесконечную благодарность Богу за то, что тот защитил его перед ней.

Буквально на следующий день, 29 февраля, Молинос ответил на это обескураживающее послание. Он долго обличал себя в сочинениях и высказываниях, ложно приписываемых ему. Он высоко ценил медитацию как упражнение, подходящее для всех; самая возвышенная форма созерцания была даром Божиим, дарованным редким душам, пригодным для нее. Он снова заговорил о преследованиях, которым подвергался, а что касается падре Белл'Уомо, которого он не знал, то, если бы его учение было таким же здоровым, как представлено Оливой, Бог просветил бы его служителей, чтобы они признали это. Ответ Оливы на это от 2 марта, по-видимому, написан в стиле нарочитой неясности, в нем много говорится и мало что значит, но один отрывок раскрывает источник вражды иезуитов, ссылаясь на количество монастырей, которые вышли из-под руководства Общества, чтобы практиковать новый метод. [100]

MOLINOS

Попытка Молиноса умиловить своих врагов только ободрила их признанием своей слабости. Их следующий шаг был ловким. Падре Паоло Сегнери был не только самым популярным иезуитским проповедником в Италии, но и его расположение к Иннокентию XI было почти таким же большим, как у Молиноса. Его выбрали следующим спортсменом, и в 1680 году он выпустил небольшую книгу “Concordia tra la fatica e la quiete nell’ oratione”, в которой утверждал, что высшая жизнь - это та, которая сочетает активность с созерцанием. Ему быстро ответил Пьетро Маттео Петруччи, горячий поклонник Молиноса, который был награжден Иннокентием престолом Джези. Segneri rejoined in a “Lettera di risposta al Sig. Игнасио Барталини”, и к спору справедливо присоединились. Более агрессивным антагонистом был падре-минорит Алессандро Реджио, чей труд “Clavis Aurea qua aperiuntur errores Михаэлиса де Молиноса” появился в 1682 году и смело утверждал, что *Руководство* возродило осужденные ошибки нищих, что квиетизм разрушает все представления о Троице, в то время как практика молитвы без дел разрушает все благочестивые обряды, предписанные Церковью, а учение о том, что искушение следует переносить без сопротивления, опасно и противоречит Писанию и врачам. Петруччи энергично ответил, в то время как Молинос хранил молчание. По крайней мере, у него было преимущество в виде официальной поддержки, поскольку книга Белл'Уомо была запрещена *после исправления*; “Lettera” и “Clavis Aurea” Сегнери были безоговорочно осуждены, а “Конкордия” Сегнери, хотя и не попала в Указатель, была негласно запрещена, и ему было поручено ее переработать. [101]

Однако иезуиты были не единственной организацией, заинтересованной в падении Молиноса. Существует любопытный анонимный трактат, посвященный объяснению того, что он называет тайной политикой квиетистов, предполагающей, что их главной целью является уничтожение всех религиозных орденов, и особенно доминиканцев и францисканцев. Очевидно, воспользовавшись развитием "Пелагини" примерно в это время, в нем утверждается, что квиетисты организовали собрания и оратории по всей Италии; что у них была общая казна, в которой было найдено 14 000 дукатов; что они льстили светскому духовенству и стремились объединить их в противостоянии обычным людям, которых они систематически порицали, собирая воедино все истории об их развращенности и невежестве. Короче говоря, квиетизм был глубоко законспирированным заговором, с помощью которого Молинос рассчитывал произвести революцию в Церкви и довести религиозные ордена до бессилия. [102] Единственная важность трактата заключается в проявлении отношения постоянных членов к Молиносу и враждебности, вызванной его успехом в завоевании у них, для своих учеников, управления душами, которое было их особой областью.

Огромное влияние элементов, объединившихся таким образом для его уничтожения, не оставляло сомнений в результате. Первая открытая атака была предпринята в июне 1682 года, когда кардинал Караччоли, архиепископ Неаполя, ученик иезуитов, доложил папе, что он обнаружил, что его епархия глубоко заражена этим новым квиетизмом, подрывающим общепринятые предписания Церкви, и он попросил инструкций по его пресечению, и не он один в этом, поскольку аналогичные призывы поступали и от других итальянских епископов. Молинос слишком прочно завоевал расположение папы, чтобы это могло сместить его, но враждебные силы постепенно набирали силу, и в ноябре 1684 года Конгрегация инквизиции официально приступила к рассмотрению этого вопроса. Во главе его стоял кардинал Оттобони, фанатик, чей опыт общения с Пелагини, когда он был епископом Брешии, обострил его ненависть к мистицизму. Дух, в котором он проводил дознание, раскрывается в написанном его рукой меморандуме с пунктами, которые будут проработаны на заседании Конгрегации на следующий день: что эта ересь наихудшая из всех и, если ее оставить в покое, станет неугасимой; что она распространяется в Испании через архиепископа Севильи и во Франции с помощью множества книг самого опасного характера; что она разрушает католическую веру и все религиозные ордена; что в Джези каноники и кюре собора содержат школу для ее распространения; что богатый и влиятельный гражданин Джези угрожает свидетелям и что некий священник в Джези угрожает свидетелям. туда должен быть направлен энергичный уполномоченный; что монастыри Фаэнцы и Равенны заражены, а в одном из Феррарских есть исповедник—квиетист; что эта эпидемия требует огня и стали. [103] В суде под председательством столь сурового прокурора решение было вынесено заранее.

Какое-то время противоборствующие силы, по-видимому, были в равной степени уравновешены, и восемь месяцев ушло на сбор показаний, достаточных для оправдания ареста. Наконец, 3 июля 1685 года на заседании конгрегации кардинал д'Эстрес настоял на том, чтобы никто не покидал зал заседаний до тех пор, пока не будет отдан приказ об аресте и приведен в исполнение. С этим согласились; сбирки были отправлены, а Молинос заключен в тюрьму инквизиции. [104] Тем не менее, когда 9 ноября Святая канцелярия Испании осудила *Гиа эспиритуале* как содержащую положения, отдающие ересью и иллюминизмом, Конгрегация обратилась к папе с решительным протестом против ее действий по вопросу, который все еще находился на рассмотрении в штаб-квартире. [105]

MOLINOS

Нам говорят, что влияние королевы Кристины было оказано на то, чтобы добиться для Молиноса лучшего обращения, чем обычно обращались с заключенными. О деталях судебного процесса мы знаем мало или вообще ничего, но, поскольку пытки были обычным делом в римской инквизиции, маловероятно, что его пощадили. Поскольку его книги не были осуждены, использованные доказательства были взяты исключительно из огромной массы его переписки и рукописей, которые были изъяты, показаний свидетелей и его собственных признаний, так что мы не можем судить, насколько это оправдывало выводы, изложенные в приговоре, хотя, исходя из того, каким образом проводится различие между тем, что он признал, и тем, что он отрицал, справедливо предположить, что это правильно отражает доказательства, представленные суду. Судебный процесс был неизбежно затянут. В 1687 году протоколы допросов в его защиту были направлены в Сарагосу и Валенсию, где его свидетели были должным образом допрошены. [106] Цензоры извлекли двести шестьдесят три ошибочных утверждения из массы материалов, лежащих перед ними, на которые он, конечно, должен был дать подробный ответ, и они, по-видимому, были сведены в девятнадцать для рассмотрения Собранием. [107]

Петруччи подвергся угрозам, и его возведение в кардиналы 2 сентября 1686 года было приписано желанию Иннокентия спасти его от судебного преследования. Вскоре после этого были арестованы два главных помощника Молиноса, братья Леони из Комо, из которых Симоне был священником, а Антонио Мария - портным. Затем, 9 февраля 1687 года, последовал арест графа и графини Веспиниани, Паоло Рокки, духовника принцессы Боргезе, и семидесяти других, вызвавший всеобщий ужас, не уменьшившийся от последующего заключения в тюрьму еще около двухсот человек. Конгрегация тщательно выполняла свою работу, и даже поговаривали, что 13 февраля она назначила комиссию, которая обследовала самого папу римского. Революция в традиционных стандартах ортодоксии не могла быть произведена без ущерба для множества людей, и победители были полны решимости добиться полной победы. 15 февраля кардинал Чибо, секретарь Конгрегации, направил всем епископам Италии циркуляр, в котором говорилось, что во многих местах существуют или формируются ассоциации, называемые духовными конференциями, под руководством невежественных руководителей, которые, руководствуясь максимумами изысканного совершенства, ввели их в самые пагубные заблуждения, приведшие к явной ереси и отвратительной безнравственности. Поэтому епископам было приказано провести расследование и, если такие собрания будут обнаружены, немедленно упразднить их, уделяя при этом особое внимание тому, чтобы этой чуме не было позволено заразить монастыри.

MOLINOS

У этого судебного процесса мог быть только один конец. Против Молиноса были выдвинуты все возможные обвинения, вплоть до глупой самохвальной речи, произнесенной в адрес арестовавшего его сбирри, и его восхищения некоторыми анаграммами, сделанными из его имени. Одно из обвинений, которое он отрицал, заключалось в том, что он отдал некоему человеку испачканную рубашку, в которой приехал из Испании, сказав, что после его смерти это будет великая реликвия. Похоже, он откровенно отреагировал на различные статьи, отрицая одни и признавая другие. Из статей наиболее важными были его оправдания святотатства разбивания икон и распятий; обесценивания религиозных обетов и отговаривания людей

вступать в религиозные ордена; высказывания о том, что обеты разрушают совершенство; что тихой молитвой душа становится не только безгрешной, но и безупречной, поскольку она лишена свободы, и Бог управляет ею, желая, чтобы мы иногда грешили и оскорбляли его, и демон побуждает члены к непристойным действиям; что три пути духа, до сих пор описанные врачами, абсурдны и что есть только один, внутренний путь; что он создавал сообщества мужчин и женщин и позволял им совершать аморальные поступки и есть мясо в постные дни. Он признал, что оправдывает разбивание икон и распятий; он отрицал обесценивание торжественных обетов, но признал это как уважение к личным, и он только отговаривал от обращения в религию тех, кто, как он знал, мог вызвать скандал. Он отрицал учение о том, что в квиетизме душа становится безупречной, но только то, что она не соглашалась на греховный акт, и он сказал, что знал многих людей, практикующих его, которые прожили много лет, не совершив даже незначительного греха. Он отрицал также, что квиетизм лишает душу свободы воли, но сказал, что в этом совершенном союзе с Богом действовал Бог, а не способности, и когда он сказал, что Бог иногда желает греха, он имел в виду материальный грех (в отличие от формального), и что демон, как Божий инструмент для умерщвления плоти и очищения души, иногда заставляет руку и другие члены совершать похотливые действия. Он отрицал, что осуждал три пути духа, имея в виду только то, что внутренний путь был настолько совершеннее, что остальные были ничтожны по сравнению с ним. Он отрицал, что создавал сообщества, в которых разрешались похотливые действия, и исключал некоторых людей, которые не воздерживались от них. Он признался, что ел мясо в запрещенные дни и что с тех пор, как приехал в Рим, не соблюдал в совершенстве ни одного Великого поста, но сказал, что это было сделано по разрешению его врача. Он признался, что в течение многих лет совершал самые непристойные поступки с двумя женщинами, подробности которых нет необходимости повторять; он считал это не грехом, а очищением души и что в них он наслаждался более тесным единением с Богом; это были просто действия чувств, в которых высшие способности не принимали участия, поскольку они были соединены с Богом. Когда ему сказали, что это были положения еретические, скотские и скандальные, он ответил, что во всем подчиняется Святой Канцелярии, признавая, что ее свет выше его собственного. [108]

Приговор об осуждении был неизбежен. Оно было составлено 20 августа 1687 г.; 28-го был подписан инквизиционный указ, содержащий шестьдесят восемь положений, взятых из свидетельств и признаний, которые были осуждены как еретические, подозрительные, ошибочные, скандальные, богохульные, оскорбительные для благочестивых ушей, подрывающие христианскую дисциплину и мятежные; их нельзя было преподавать или практиковать под страхом лишения должности, пособия и вечной инвалидности, а также анафемы, оставленной за Святым Престолом. Все труды Молиноса, на каком бы языке они ни были, было запрещено печатать, владеть ими или читать, и все копии под тем же наказанием подлежали передаче инквизиторам или епископам, которые должны были их сжечь. [109] Это было опубликовано в обычных местах 3 сентября, в день, назначенный для "Атто ди Феде", в котором должен был появиться Молинос.

Накануне вечером его под усиленной охраной перевели из тюрьмы инквизиции в церковь Санта-Мария-сопра-Минерва, где должен был совершаться атто. Утром в комнате рядом с ризницей его показали нескольким любопытствующим знатным людям, вызвав у него выражение негодования, истолкованное как указание на то, как мало он чувствовал настоящего раскаяния. Это подтвердилось тем, что последовало, объяснимое, возможно, невозмутимостью испанца, но более вероятно, квиетизмом, который заставил его считать себя пассивным

орудием Божьей воли и в высшей степени безразличным ко всему, что могло с ним случиться, пока его душа была погружена в радости мистической смерти, которую он считал *высшим благом*. Когда его попросили заказать еду, он выбрал такую, которая по количеству и качеству могла удовлетворить самого прожорливого *гурмана*, и, отведав ее, прилег отдохнуть, пока его не разбудили, чтобы занять свое место на помосте, где, несмотря на кандалы, он держался как судья, а не как осужденный.

ОСУЖДЕНИЕ МОЛИНИЗМА

Огромная церковь была забита до самого дальнего угла всеми, кто был замечен в Риме, включая двадцать три кардинала, а просторная площадь перед ней и все соседние улицы были переполнены. Для всех присутствующих была объявлена индульгенция на пятнадцать дней и пятнадцатый карантин, но в Риме, где полные индульгенции можно было получить почти каждый день в году, просто посещая церкви, это не могло объяснить рвение, с которым швейцарские гвардейцы, стоявшие у порталов, отмахивались от них, что потребовало усиления войск и привело к значительному кровопролитию. По мере того, как читалось длинное предложение с подробностями чудовищных деяний Молиноса, занявшее два часа, оно прерывалось частым ревом "Сжечь его!" Сжечь его! возглавляемый восторженным кардиналом и поддержанный толпой снаружи. Как нам сказали, несмотря на все это, его наглость никогда не подводила его, что считалось безошибочным признаком его стойкой порочности. Приговор завершился тем, что он был признан виновным как еретик-догматик, но, поскольку он заявил о своем раскаянии и молил о пощаде и помиловании, ему предписывалось отречься от своей ереси и быть пожизненно заключенным в санбенито без надежды на освобождение, а также выполнять определенные духовные упражнения. Это было должным образом исполнено, и он оставался, как говорили, раскаявшимся, до своей смерти 28 декабря 1696 года. На следующий день после атто ди феде его ученики совершили свое отречение. Не было никакого желания обращаться с ними сурово, и они были уволены с незначительными наказаниями, за исключением братьев Леони. Священник Симоне, который был популярным исповедником, был приговорен к десяти годам тюремного заключения; портной Антонио Мария, который был странствующим миссионером и организатором, был пожизненно заключен в тюрьму. Была еще одна жертва, секретарь Молиноса Педро Пенья, арестованный 9 мая 1687 года за защиту своего хозяина. Он был полностью осужден за квиетизм и 16 марта 1689 года приговорен к пожизненному заключению. [110]

Все еще оставалось обнародовать христианскому миру новую позицию Святого Престола по отношению к мистицизму. Шестьдесят восемь положений, осужденных инквизиционным указом от 28 августа, были напечатаны на местном языке и поступили в продажу, но были быстро изъяты. Должно быть, в Священной коллегии или со стороны Иннокентия XI все еще существовала оппозиция, поскольку булла *ClesLestis Pastor* была составлена и подписана только 20 ноября и окончательно обнародована миру только 19 февраля 1688 года. В нем излагалась та же серия предложений и осуждение Молиноса и подтверждался указ от 28 августа. Осуждаемые положения состояли, по большей части, из несостоятельных излишеств квиетизма, включая безупречность и безгрешность действий, совершенных в то время, когда душа была поглощена Богом, но это было невозможно сделать, не осудив многое из того, чему учили и практиковали святые-мистики, и не было никаких спасительных оговорок, позволяющих

отличить законное общение души с ее Создателем от незаконного. Церковь определенно порвала с мистицизмом и косвенно дала верующим понять, что спасение следует искать на проторенной дороге, с помощью предписанных обрядов и под руководством иерархической организации. [111]

Эта смена фронта подчеркивалась различными способами. Благосклонность Иннокентия спасла кардинала Петруччи от официального судебного преследования; к неудовольствию инквизиции, его дело было передано четырем кардиналам, Чибо, Оттобони, Казанате и Аззолини; он заявил, что готов отказаться от всего, против чего возражал папа, и, хотя инквизиция считала отречение необходимым, от него этого не требовали; он был переведен в Джези, а затем отозван в Рим, где содержался под наблюдением. Более того, он не мог избежать унижения, увидев, что книги, которые были так горячо одобрены, были осуждены указом от 5 февраля 1688 года. Ко многим другим произведениям, которые давно стали общепризнанными пособиями по набожности, относились подобным образом — к произведениям Бенедетто Бискаиа, Хуана Фалькони, Франсуа Малаваля и многих других — даже к *"Божественной благодати"* доминиканца Томмазо Менгини, самого генерального инквизитора Феррары и автора *Устава трибунала Святого Служения*, который долгое время оставался стандартным руководством для трибуналов. То, что считалось высшим проявлением религиозной преданности, внезапно превратилось в ересь. [112] По-видимому, только в мае 1689 года повсюду были разосланы инструкции с требованием сдать все книги Молиноса и сообщать о любом подозреваемом в молинизме. [113]

БЕККАРЕЛЛИ

Преследования получили новый импульс, когда кардинал Оттобони в качестве Александра VIII сменил Иннокентия XI 6 октября 1689 года. Бернино рассказывает нам, что он явился ему ангелом во взгляде и апостолом в речах, когда заявил, что в мире нет существа, столь лишенного разума, как еретик, ибо, как он был лишен веры, так и разума. Его первой заботой было отстранить от должности и бросить в неприемлимую тюрьму каждого, кто хоть в малейшей степени подозревался в молинизме; при этом он не пощадил даже своего апостольского фотоаппарата, поскольку арестовал апостольского протонотария, и, хотя в Конгрегации инквизиции было четверо родственников заключенного, ревность к вере преобладала над кровным родством. [114] К счастью, его понтификат длился всего шестнадцать месяцев, так что у него было мало возможностей для удовлетворения своего ярого фанатизма и скандального кумовства.

Несмотря на все это, все еще находились те, кто потакал своим чувственным инстинктам под прикрытием возвышенной духовности. В 1698 году в Риме было дело священника по имени Пьетро Паоло ди Сан-Джов. Эвангелиста, которого уже судили трибуналы Неаполя и Сполето, так что его карьера, должно быть, была продолжительной, в то время как ссылки на падре Бениньо и падре Филиппо дель Рио показывают, что он был не одинок. У него были экстази и последователи-приверженцы; он учил, что причастие можно принимать без предварительной исповеди и что, когда дух соединен с Богом, какие бы действия низшая часть ни совершала, они не являются грехами. Он свободно признавался в неопишуемых непристойностях со своими кающимися женщинами, которых впоследствии уверял, что они были чисты, как Пресвятая Дева. Он был приговорен к пожизненному заключению без надежды на освобождение и к ряду

тяжелых духовных покаяний, в то время как фра Бениньо отделался семью годами тюремного заключения. [115]

Другое проявление тех же тенденций — вероятно, сохранившееся от Пелагини - было обнаружено в Брешии в 1708 году. Сектанты называли себя учениками св. Августин, занятый отстаиванием своих взглядов на предопределение и благодать, но в народе они были известны как Беккареллисти, по имени двух братьев, священников по фамилии Беккарелли, которых они считали своими лидерами. В течение двадцати пяти лет — то есть с момента мнимого подавления Пелагини — секта тайно распространялась по всей Ломбардии, где, по слухам, насчитывала около сорока двух тысяч членов, включая многих дворян, богатые семьи и высокопоставленных священнослужителей. У них была общая казна и регулярная организация, возглавляемая старшим Беккарелли в качестве папы римского, с кардиналами, апостолами и другими высокопоставленными лицами. Непосредственной целью движения, как нам говорят, было сломить власть религиозных орденов и вернуть светскому духовенству функции исповеди и направления душ, которые оно почти утратило, но там преподавалась квиетистская доктрина божественной благодати, которой преданный отдавал все свои способности. Этому было позволено действовать без сопротивления, и Беккарелли считал, что Молинос был единственным истинным учителем христианского совершенства, но мы можем смело отвергнуть как преувеличение утверждение о том, что потворство плотским желаниям считалось заслужением полного снисхождения, применимого к душам в чистилище. Кардинал Бадоаро, в то время епископ Брешии, предпринял энергичные меры, чтобы искоренить это возрождение осужденных доктрин; лидеры разбежались по Швейцарии, Германии и Англии, в то время как Беккарелли предстал перед венецианской инквизицией и был приговорен к семи годам каторги. [116]

Вероятно, последними жертвами, поплатившимися жизнью за свою веру в действенность мысленной молитвы и мистической смерти, были бегинка по имени Гельтруда и монах по имени Ромуальдо, которые были сожжены в палермском атто ди Феде 6 апреля 1724 года как нераскаявшиеся молинисты после того, как томились в тюрьме с 1699 года. [117]

ФЕНЕЛОН И БОССЮЭ

Если при осуждении Молиноса мистицизм не был полностью осужден, то недостающее было восполнено, когда поединок между двумя славными Галликанской церкви — Боссюэ и Фенелоном - побудил обратиться к Святому Престолу. За пределами Альп мистический пыл в семнадцатом веке не был широко распространен, и все же были те, кто упивался муками и блаженством внутреннего пути. Святой Франсуа де Салье, умерший в 1622 году, причисленный к лику блаженных в 1661 году и канонизированный в 1665 году, проповедовал квиетизм столь же ярко выраженный, как у Молиноса, хотя и избегал обращения к чувственности. Душа полностью вверяла себя Богу; когда божественная любовь овладевала ею, Бог лишал ее всех человеческих желаний, даже духовных утешений, упражнений в благочестии и совершенствования добродетели. Он сказал, что у него почти нет желания и, если бы он хотел снова жить, у него бы его не было; если бы Бог пришел к нему, он пошел бы ему навстречу, но, если бы Бог не пришел, он остался бы спокойным и не искал бы Бога. Свобода духа заключалась в отрешении от всего, в подчинении воле Божьей, не заботясь ни о местах, ни о людях, ни о практике добродетели. [118] Из этого следовало, что душе, поглощенной божественной любовью, нечего было просить у Бога; она покоилась в тишине созерцания, в то время как громкая молитва и все принятые

религиозные обряды были отброшены, как подобает только тем, кто не достиг этих мистических высот. Затем была Антуанетта Буриньон (1616-1680), которая в своих объемистых трудах учила превосходству внутреннего света, преданию своих способностей воле Бога и полному отречению от себя в пылу божественной любви. [119] Был Жан де Берньер-Лувињи (1602-1659), чьи труды имели огромный тираж и чьи взгляды на мистическую смерть были практически такими же, как у Молиноса. [120] Все эти и другие преподавали и писали без помех, за исключением полемики, подобной полемике Пера Арканжа Рипо, Настоятеля монастыря капуцинов Святого Жака в Париже, который посвятил их опровержению и порицанию том объемом около тысячи страниц. Если верить ему, эти сверхчеловеческие высоты духовности сопровождались во Франции, как и везде, чувственностью. [121]

Осуждение Молиноса и шестидесяти восьми приписываемых ему утверждений, естественно, привлекло внимание к более или менее квиетистическому развитию мистицизма, но вполне вероятно, что во Франции не было бы предпринято никаких действий по этому вопросу, если бы личные мотивы не подсказали преследование той, кто на данный момент оказалась самой выдающейся представительницей внутреннего пути - этой очень любопытной личности, Жанны Мари Бувьер де ла Мот Гийон, чья автобиография, написанная с откровенным отсутствием сдержанности, дает живую картину самопожертвования, которому подверглась в борьбе за свободу. освободи душу от земных уз. Когда она достигла финальной стадии, она говорит нам, что раньше Бог был в ней, теперь она была в нем, погруженная в его необъятность без зрения, света или знания; она потерялась в нем, как волна в океане; ее душа была подобна листу или перышку, гонимому ветром, отдавая себя действию Бога во всем, что она делала, внешне или внутренне. Она приобрела способность творить чудесные исцеления, и ее власть над демонами была такова, что, окажись она в аду, они все отказались бы от нее. Временами изобилие благодати было таким чрезмерным и таким угнетающим, что она могла только безмолвно лежать в постели; это так переполняло ее, что на ней рвалась одежда, и она могла найти облегчение, только изливая избыток на других. [122]

Не в нашей компетенции вдаваться в печальную историю ее преследований, начатых некоторыми из ее родственников и продолженных Боссюэ, приведших к ее затворничеству в монастырях и заключению в Венсенне и Бастилии. Для нас достаточно того, что ее влияние стимулировало склонность Фенелона к мистицизму и превратило дружбу между ним и Боссюэ в ожесточенную вражду. Комиссия, назначенная для изучения ее доктрины и возглавляемая Боссюэ, составила в 1694 году список из тридцати четырех мистических заблуждений, который Фенелон охотно подписал и который Боссюэ и Ноай, тогдашний епископ Шалон-сюр-Марн, выпустили с инструкциями для своих епархий, включая осуждение *Руководства* Молиноса, *Практической работы* Малаваля, *Ассоциации поклонников Иисуса*, *Анализа Муайенском дворе* Лакомба и мадам Гийон и *Песне песнопений*, написанной в стиле Кантискс. К этому времени мадам Гийон была устранена, и дело можно было бы уладить в соответствии с исчерпывающими определениями буллы *ClesLestis pastor*, но воинственный дух Боссюэ пробудился, и он был полон решимости искоренить все остатки мистицизма, не обращая внимания на то, что Церковь принимала веками. Он составил Наставление о различных видах молитвы, в котором в решительных выражениях указал на опасности, сопутствующие созерцанию. Ноай, ныне архиепископ Парижа, подписал его вместе с ним, и они пригласили Фенелона присоединиться, но он отказался, несмотря на мольбы и увещевания, поскольку в нем мадам Гийон приписывалось все самое предосудительное в иллюминизме.

ФЕНЕЛОН И БОССЮЭ

Разрыв между друзьями начался и безвозвратно расширился, когда Фенелон, в свое оправдание, опубликовал в феврале 1697 года свое *Объяснение Сентенций святых о внутренней жизни* письмом мадам де Ментенон, в котором резко осуждал несправедливость Боссюэ. Книга была основана главным образом на высказываниях святого Франсуа де Салье, но она тщательно оберегала практику квиетизма от любых нежелательных выводов. Не было самоотречения перед искушениями и претензий на безупречность; души высочайшего уровня могли совершить смертный грех; они были обязаны ежедневно просить у Бога прощения, ненавидеть свои грехи и искать прощения не из корыстных побуждений собственного спасения, а повинувшись воле Бога. Это правда, что они не были привязаны к формальным обрядам, но устную молитву нельзя было осуждать, хотя ее ценность зависела от того, что она была оживлена внутренней молитвой. Безразличие, против которого больше всего возражали в квиетизме, было сильно ограничено Фенелоном. Бессмысленная решимость ничего не желать была нечестивым сопротивлением известной воле Божьей и всем импульсам его благодати; это правда, что продвинутая душа ничего не желает для себя, но она желает всего для Бога; она не желает совершенства или счастья для себя, но она желает всякого совершенства и счастья, поскольку Богу угодно, чтобы мы желали этих вещей импульсом его благодати. В этом высшем состоянии душа желает спасения не в своих собственных интересах, но желает его во славу и благоволение Божие, как то, чего он желает и желает, чтобы мы желали ради него.

Трудно понять, какие возражения можно было бы выдвинуть против квиетизма, столь строго ограниченного и охраняемого, и никто, кто сравнивает *Максимы святых* с экстравагантностью великих святых-мистиков, не может не признать, что возникшая ожесточенная ссора была чисто личным делом. При этом Фенелон защищался с достоинством и умеренностью, в то время как жестокость нападения Боссюэ иногда граничила с грубостью. Он был уверен в поддержке двора. Людовик XIV был покорен, и вскоре для него стало предметом личной гордости преодолевать всякое сопротивление своей воле. Фенелон был сослан в свою епархию Камбре и лишен должности наставника королевских детей, что показало, что он был в полной немилости, и предупредило всех служителей времени отказаться от него.

Вскоре стало очевидно, что этот вопрос придется решать в Риме. Боссюэ заранее отправил копию своей Инструкции Иннокентию XII, указав, что он применяет во Франции принципы, подтвержденные в осуждении Молиноса. Фенелон последовал его примеру и 27 апреля отправил *Максимы*, заявив, что он представил их на рассмотрение Святого Престола. Курия с радостью приняла эту задачу, обрадовавшись возможности авторитетно вмешаться в ссору внутри Галликанской церкви. Фенелону было отказано в разрешении поехать в Рим и защищать себя, но у него был могущественный защитник в лице кардинала де Бульона, тогдашнего посла Франции и члена Конгрегации инквизиции, который преданно поддерживал его, даже несмотря на упрек со стороны его королевского хозяина. Он также заручился поддержкой иезуитов, чей колледж де Клермон одобрил *Максимы*, и которые пообещали проявить в его защиту столько же энергии, сколько они проявили, добившись осуждения Корнелиса Янсена. Эти весомые факторы могли бы обеспечить отсрочку и обсуждение, но они не могли повлиять на результат из-за непреодолимого давления такого монарха, как Людовик XIV, который 27 июля 1697 года написал папе римскому, что он изучил *Максимы* и что они признаны “безумными и опасными”, поэтому он попросил безотлагательно вынести по ним решение. Затем, 16 мая 1698 года, нунций в Париже сообщил, что король жаловался на задержку; это было проявление

неуважения к его личности и короне, и если Рим не предпримет незамедлительных действий, он примет такие меры, какие сочтет нужным. Подобными угрозами нельзя было пренебрегать, и еще более зловещим было письмо с автографом папы римского от 23 декабря, в котором он выражал свое недовольство затягиванием дела и призывал к его скорейшему завершению.

ФЕНЕЛОН И БОССЮЭ

Представителю Боссюэ и великому викарию, аббату Фелиппо, мы обязаны подробным отчетом о длительном состязании, который дает интересный взгляд изнутри на ведение подобных дел, показывая, как мало внимания уделялось задействованным принципам и насколько полностью результат зависел от интриг и влияния. Дело проходило обычные стадии. Была создана комиссия из семи консультантов, к которым после борьбы были добавлены трое. Они долго спорили по поводу тридцати семи положений, извлеченных из книги, и, когда, наконец, они представили свой отчет Конгрегации инквизиции, они стояли пять к пяти, показывая, что каждой стороне удалось ввести в комиссию равное количество друзей. В Конгрегации борьба возобновилась и продолжалась на протяжении тридцати восьми заседаний. Если бы на карту была поставлена судьба Европы, этот вопрос не мог бы обсуждаться более горячо. Наконец за неизбежное осуждение проголосовали, а затем началось новое состязание по поводу формулировки декрета. Агенты Боссюэта не удовлетворились простым осуждением двадцати трех положений и запретом книги, и они энергично боролись за положения, осуждающие и унижающие самого Фенелона, показывая, насколько чисто личным был спор. В этом они потерпели неудачу, так же как и в попытке охарактеризовать свои положения как еретические; они были лишь объявлены соответственно опрометчивыми, скандальными, дурно звучащими, оскорбительными для благочестивых ушей, пагубными на практике и ошибочными. Основная доктрина, направленная на то, чтобы чистая любовь к Богу была полностью бескорыстной, и что ее действия и мотивы должны быть лишены всякой корыстной надежды на вознаграждение. Краткое изложение было окончательно согласовано 12 марта 1699 года и опубликовано 13-го. Оно было оформлено в форме *motu proprio*, что в соответствии с действующими во Франции правилами, касающимися папских указов, исключало его принятие и регистрацию парламентом, но Людовик, обычно столь стойкий к папскому вмешательству, нашел косвенные способы обойти эту трудность.

Фенелон, однако, не ожидал такой трудоемкой процедуры. В почтенном письме-представлении папе римскому от 4 апреля 1699 года он заявил, что уже подготовил *предписание* для своей епархии, осуждающее книгу с ее двадцатью тремя положениями, которые он опубликует, как только получит королевское разрешение. Это было незамедлительно дано, и 9 апреля он издал его, запретив владение и чтение *Максими* осудив положения “просто, абсолютно и без тени ограничений”. Иннокентий XII, который неоднократно выражал сочувствие Фенелону, ответил 12 мая, вкратце выразив свое сердечное удовлетворение, даровав ему свое любящее благословение и призвав на помощь Бога в его пастырских трудах. Боссюэ с королевской помощью одержал победу ценой пятна на своей репутации; трудно сказать, чего добилась Церковь, осудив возвышенные спекуляции утонченного и непрактичного мистицизма. [123]

Однако, как бы указывая на то, что в этих вопросах нет окончательного решения, Пий VI в 1789 году причислил к лику блаженных блаженного Джованни Джузеппе делла Кроче († 5 марта 1734 г.), который был сильно предан созерцанию и единению с Богом, в котором все его способности были утрачены так же полностью, как в трансе его прототипа, Сан-Хуана де ла Круса, или как в

мистической смерти Молиноса. О том, что его мистицизм не лишил небес благосклонности, свидетельствовало его обладание даром билокации — нахождения в двух местах одновременно, — многочисленные примеры чего приводились в ходе процедуры беатификации. [124]

Испанская инквизиция, которая так долго в одиночку вела борьбу с мистицизмом, с удовлетворением наблюдала за римским процессом против Молиноса. Как мы видели, за его арестом 3 июля 1685 года немедленно последовало, 9 ноября, осуждение *Guida*, которой в течение девяти лет разрешалось свободно распространяться в Испании. В эдикте было объявлено, что он содержит положения, дурно звучащие, оскорбительные для благочестивых ушей, опрометчивые, отдающие ересью алюмбрадос, и некоторые ошибочные, а название было объявлено вводящим в заблуждение, поскольку в нем говорилось только о внутреннем пути. [125] Когда 3 сентября 1687 года был опубликован приговор Римской инквизиции, хотя, как правило, Святая канцелярия Испании не обращала внимания на ее постановления, шестьдесят восемь положений были быстро переведены на местный язык и широко распространены. 11 октября шестьдесят экземпляров были отправлены в Валенсию для отправки с приказом напечатать еще, если они потребуются. Они сопровождались указом, требующим повиновения и угрожающим самым строгим судебным преследованием за небрежность, в то время как всем лицам было приказано в течение десяти дней сообщать о нарушениях любого рода, ставших им известными. Этот указ должен был быть опубликован во всех церквях столиц *partidos*, и подлинная запись о такой публикации должна была быть прикреплена к дверям. В свое время, когда была издана булла *ClesLestis pastor*, она была распространена с теми же предписаниями. [126] Очевидно, было решено максимально использовать этого нового союзника в борьбе с мистицизмом.

МОЛИНИЗМ

Севильский трибунал, действительно, не стал дожидаться этого, поскольку он уже 24 апреля 1687 года арестовал каноника церкви Сан-Сальвадор Джозефа Луиса Наварро де Луна-и-Медина, который был корреспондентом Молиноса и отправил ему свою автобиографию, чтобы получить инструкции для своего духовного руководства. Ранее он был лишен лицензии духовника по обвинению в неблагоразумном поведении на посту духовного настоятеля женского монастыря, но Хайме де Палафокс, архиепископ Севильи, который был горячим поклонником Молиноса, восстановил лицензию, представил его во всех монастырях и принял в качестве духовника себя и своей семьи. В течение четырех лет Наварро терпел тюремное заключение и пытки, от которых его не избавляли, но в конце концов он сдался, признался и добивался примирения. Его приговор объявлял его виновным в ошибках лютеран, кальвинистов, ариан, несториан, тринитариев, вальденсов, Агапетов, байанистов и алюмбрадос, помимо того, что он был догматизатором ошибок Молиноса, с добавлением, что злые мысли, возникающие при молитве, должны быть приведены в исполнение, а также в том, что, когда его ученики собирались в его доме, гасли огни, и он преподавал доктрины, слишком грязные, чтобы их можно было описать. Сам трибунал вряд ли мог поверить во все это, поскольку от него требовалось только отречься от престола, быть лишенным льгот и должностных обязанностей, находиться в затворничестве в течение двух лет и быть сосланным еще на шесть. Когда срок истек, он вернулся в Севилью и затем, до самой своей смерти в 1725

году, проводил свои дни в церквях, где Преподобные Дары были выставлены для поклонения, неся с собой вращающийся табурет, на котором он сидел, пристально глядя на Хозяина. [127] Он был не единственным молинистом в Севилье, поскольку в 1689 году, после трехлетнего судебного разбирательства, фрай Педро де Сан Хосе был осужден как ученик Молиноса за совершение непристойностей со своими кающимися и предсказание своего избрания папой и его страданий под властью Антихриста, которому уже было двадцать лет в Иерусалиме. Он был приговорен к отречению от веры, к круговому воспитанию в своем монастыре, к вечному лишению права преподавания и исповеди, а также к шестилетнему заточению в монастыре с обычными нарушениями. [128] Вскоре после этого, 18 мая 1692 года, в автокатастрофе была наказана женщина по имени Ана Рагуза, известная в народе как *ла лабеза*, как алюмбрада и молиниста. Она приехала из Палермо как миссионерка, чтобы обращать нечестивых, вероятно, в свите Палафокса, который был архиепископом Палермо. Она называла себя невестой Христа, у нее были видения и откровения, она отрицала эффективность месс и постов и обладала способностью определять состояние совести по обонянию. Она отделалась двумя годами затворничества и еще шестью - изгнанием. [129]

МОЛИНИЗМ

Осуждение Молиноса, по-видимому, побудило инквизицию к большей активности в подавлении мистицизма, поскольку случаи начинают чаще появляться в архивах, и с этого момента термин молинизм в значительной степени заменяет иллюминизм. Мы слышим о молинисте, покаянном в Кордове 12 мая 1693 года, [130] и он не мог быть там единственным, потому что брат Франсиско де Поссадас из этого города рассказывает нам, что его побудил написать свою книгу против плотских заблуждений Молиноса его опыт на исповеди, показывающий, что некоторые из его кающихся были введены в заблуждение. ими. [131] Отчет трибунала Валенсии за 1695 год содержит три дела, находившихся тогда на рассмотрении. Францисканец, брат Висенте Селлес, был арестован в 1692 году. Он вел внешне аскетичный образ жизни, практикуя медитацию и созерцание, и он свободно признал, что, когда Молиноса осудили, он считал, что папу римского неправильно проинформировали. Его перенапряженный мозг не выдержал напряжения заточения; временами он был полон религиозных эмоций и заботился о своем спасении, в то время как в другие моменты он был совершенно безумен, совершая различные безумные поступки. 24 августа он попытался покончить с собой, ударившись головой о выступающий кусок железа, в результате чего рана была настолько серьезной, что несколько осколков черепа были извлечены, и 6 февраля 1693 года хирурги сообщили, что его жизнь все еще в опасности. Он оставался *меланхоличным*, переменчивым в настроении, делающим признания и отказывающимся от них, пока 23 октября полностью не признался в молинизме, назвав на исповеди одиннадцать женщин, с которыми у него были отношения, а также признавшись в неестественных преступлениях и других правонарушениях. На дату составления отчета судебный процесс над ним был еще не завершен. Другой этап этих эксцентричных методов спасения представлен в случае с Висенте Эрнаном, отшельником из Сан-Кристобалья Концентайнского, которого три женщины обвинили в том, что он научил их способу поранить голову змеи, переспав с ними и сопротивляясь искушению, а также в попытках совершить непристойности, которые они не разрешали. Он был арестован 23 сентября 1692 года и на двух аудиенциях дал *отрицательный ответ*. Затем, 17 декабря, он попросил аудиенции, на которой сказал, что в течение восьми дней какие-то маленькие мухи и черные голуби кусали его и напоминали о забытых вещах, после чего он рассказал о женщинах, с которыми ему приходилось спать, иногда по две или три за раз, а также упомянул

многочисленные чудесные исцеления, которые он совершил. В январе 1693 года он сказал, что демоны с голосом мух вспоминали о его грехах, и рассказал о трех других женщинах. Возникли сомнения относительно его вменяемости, и в конце 1693 года были предприняты шаги по расследованию этого дела, которые все еще продолжались на момент закрытия отчета. Третий случай был связан с Мозеном Антонио Серрой, чьи доктрины, по сообщениям *calificadores*, были молинистическими. Он был арестован 19 декабря 1695 года, так что суд над ним только начался. [132]

В 1708 году трибунал Толедо арестовал брата Мануэля де Паредеса, созерцательного монаха, который поощрял мистические практики среди своих кающихся, что привело к нескольким судебным процессам, которые иллюстрируют возросшую суровость, применяемую к этим осужденным формам набожности. [133] Вскоре та же тенденция стала заметна в Кордове, где в доминиканском монастыре Сан-Пабло было открыто небольшое сообщество *Молинистас алумбрадос* под руководством беаты по имени Изабель дель Кастильо. Ее ученики отдали ей свою свободную волю и все свои способности; они не нуждались в постах и епитимьях, но могли переложить на нее свои грехи, и путь спасения лежал через потворство своим чувствам. В авто от 24 апреля 1718 года семеро из них были подвергнуты епитимье, Изабель была приговорена к двумстам ударам плетью и вечному тюремному заключению; монахи были примирены, лишены своих функций и заключены в тюрьму, некоторые безвозвратно, а некоторые навсегда, в то время как миряне понесли епитимьи различной степени тяжести. [134]

В этот период произошел случай, заслуживающий рассмотрения в некоторых деталях, не только из-за выдающейся роли преступника, но и потому, что он позволяет яснее, чем другие, увидеть странную смесь чувственности и духовности, которая была отчетливо известна как молинизм, и самообман, который позволял мужчинам и женщинам потакать своим страстям, полагая, что они живут на мистической высоте Единения с Богом. Возможно, это можно частично объяснить учениями о более мягкой морали, распространенными в шестнадцатом веке и известными под общим названием вероятности, и различием между материальным и формальным грехом, согласно которому только этот смертный грех признавался совестью как таковой, причем совесть была еще более облегчена уточнениями в отношении внимания и согласия. В умелых руках казуистов границы между добром и злом стали опасно размытыми, и появилось множество аргументов, с помощью которых люди могли убедить себя, что все, что они решат сделать, законно.

ЕПИСКОП ОВЬЕДО ТОРО

Джозеф Фернандес де Торо был инквизитором в Мурсии, глубоко проникнутым квиетическим мистицизмом. В 1686 году он анонимно издал в Севилье небольшой трактат с многозначительным названием “Средства исправления ошибок при использовании и упражнениях Орасиона”, который со временем должным образом попал в Указатель. [135] Как инквизитор он проявил свои наклонности, когда перед ним предстал прелат с высокой репутацией и положением в религиозном ордене за домогательства *ad turpia* в исповедальне. Ведомый внутренним светом, Торо убедился, что это был всего лишь случай одержимости демоном; он убедил Верховного принять эту точку зрения, и преступник отделался отстранением от служения мессы и слушания исповедей до тех пор, пока одержимость не пройдет. В 1706 году он был назначен епископом Овьедо, которым вступил во владение 1 октября. К несчастью для него, в Овьедо находился иезуитский колледж Сан-Матиас; его

репутация квиетиста, по-видимому, опередила его, и руководители колледжа превратились в отряд детективов. Заявляя о своей глубочайшей дружбе, они быстро завоевали его доверие, и он свободно разговаривал с ними. Они действовали быстро, поскольку в январе 1707 года падре Хосе дель Кампо составил для генерального инквизитора тщательно продуманный секретный донос, в котором рассказывалось, как Торо в разговоре предложил объяснить ему созерцание Молиноса; с момента приезда в Астурию он ни с кем не говорил об этих вещах, поскольку знал, что они вызвали много ропота против него, но он описал способ, которым душа достигает вершины совершенства в Союзе с Богом, в то время как низшая чувственная часть может быть оставлена самому низкому искушению. Об этих опасных спекуляциях сообщалось во всех подробностях и сопровождалось долгими и искусными аргументами, доказывающими, что Торо был молинистом во всех смыслах этого слова.

Другие иезуиты составили аналогичные доносы или засвидетельствовали их истинность, и дело было рассмотрено Святой канцелярией справедливо. Это было слишком серьезно для поспешных действий, и в Мурсии было проведено расследование, где были арестованы его сообщники, и было получено достаточно подтверждающих доказательств из их признаний и восемнадцати его писем. Дело Каррансы преподало урок о том, что с епископами можно связаться только через папскую власть, и 7 ноября 1709 года генеральный инквизитор Ибаньес направил Клименту XI накопленные доказательства, на которые папа ответил 8 марта 1710 года, что дело будет тщательно изучено и будут приняты необходимые меры. Сначала Торо был склонен вступить в спор, утверждая, что Бог сотворит чудеса в защиту женщин и что их заключение в тюрьму было мученичеством; что свет, вложенный в него Богом, сделал его выше инквизиции и что он был озарен выше всех других мужчин. Однако к этому времени он осознал свое положение; 8 февраля 1710 года он сделал через своего духовника частичное признание и вслед за этим отправил несколько писем папе римскому, прося разрешения прибыть в Рим для вынесения приговора. Затем папский отчет от 7 июня предписал Ибаньесу в течение трех лет и по совету Верховного суда возбудить уголовное дело, для чего были предоставлены все полномочия; если доказательств будет достаточно, Торо должен был быть арестован, и дело продолжалось до вынесения приговора, когда все документы должны были быть переданы в Рим, где папа вынес бы решение.

Торо был должным образом заключен в тюрьму, и суд над ним продолжался. Ибаньес умер 3 сентября 1710 года, и его сменил Джудиче, который в соответствии с приказом от 3 октября 1711 года был уполномочен продолжить процесс. Торо был признан *диминуто* по ста четырем статьям обвинения; он был неразговорчив и отказывался отвечать на допросы, искренне умоляя отправить его в Рим. Его просьба была удовлетворена в записке от 7 июня 1714 года, но его отъезд был отложен, и только 11 июня 1716 года он добрался до Рима и был поселен в замке Сант-Анджело. Андрес де Кабрехас, фискал Верховного суда, сопровождал его, чтобы представлять испанскую инквизицию на судебном процессе, который протекал медленно. Признания и письма Торо были богатой добычей для калификадоров, которые извлекли из них четыреста пятьдесят пять утверждений различной степени ошибочности, некоторые из которых были идентичны утверждениям Молиноса. В конце концов он отказался от всякой защиты и признал, что был еретиком-догматиком, подстрекателем-соблазнителем, богохульником против чистоты Бога, Иисуса Христа и Пресвятой Девы, возрожденцем грязных сект нищих, иллюминатов и молинистов и подлежал такому же наказанию.

МОЛИНИЗМ

На самом деле он, кажется, осознал свои ошибки и признался со свободой, свидетельствующей об искреннем раскаянии. Большая часть его признаний не поддается расшифровке, но краткий отрывок укажет на самообман, который примирял самую грубую чувственность со стремлением к совершенству. Так, об одном из своих сообщников он говорит, что, полагая, что его просветило жертвоприношение во время мессы, он написал, что никто из ее руководителей не мог оценить ее духовное состояние с точки зрения ее совершенства и Единения с Богом, несмотря на сотрясения ее низшей части, возбужденные одержимостью, из-за которых могли быть обмануты те, кто был неспособен понять ее внутренние добродетели и совершенное состояние. Хотя в непристойных действиях женщина может внешне казаться грешницей, все же, утверждая, что она не давала согласия, она может внутренне быть совершенной и пребывать в Союзе с Богом. Что, как Воплощенное Слово не совершило первородного греха в своем союзе с человечеством, так и с людьми, уничтоженными, очищенными и усовершенствованными, Бог мог направлять их на сверхъестественные действия таким образом, чтобы действия низшей части не наносили ущерба их состоянию совершенства, и что непристойные действия женщины могли проистекать из одержимости, и она была пассивной без согласия.... Что он верил, что это учение было вложено в него Богом и, следовательно, является истинным, подобно доктрине Церкви, которой следует придерживаться без колебаний, особенно теми, кто одержим, и он написал, что готов отдать свою жизнь в ее защиту.... Что он верил, что непристойности, совершенные с этой же женщиной, могли быть упражнением и мученичеством, посланными Богом для унижения и очищения обоих, но, тем не менее, он исповедался в них и позаботился о том, чтобы она сделала это. Она привыкла говорить, что в низшей части она была лишена чувственности, а в высшей части была поглощена созерцанием и любовью к Богу.... Что в своей речи после мессы и ее причастия он обнял ее и сказал, что она получила свет и что это была любовь Бога к своим созданиям.... Что Иисус был в нем и действовал в нем, потому что ни он, ни женщина не испытывали чувственности в том, что они делали, и не делали этого с порочными намерениями.... Что он придерживался этой веры в течение семи лет до своего епископства и впоследствии придерживался ее до июля 1708 года, но затем, исповедуя свои грехи, достойный исповедник просветил его слепоту, и с тех пор он возненавидел свои ошибки и следовал путем католической истины.

Наконец папа назначил 27 июля 1719 года для вынесения приговора. Кабрехас приказал просмотреть записи об осуждении Каррансы, и был соблюден тот же церемониал. Торо доставили из замка Сант-Анджело в один из залов папского дворца, и там был зачитан приговор. Это лишило его епископства и всех других привилегий, это лишило его возможности занимать какие-либо должности и навсегда отстранило его от священнических функций; это потребовало от него отречься от своей ереси и заблуждений, это потребовало от него оплачивать на благочестивые цели, насколько он мог, все доходы, накопленные с момента его впадения в ересь, и это обременяло его престол пенсией за его содержание, которая определялась папой; это обрекло его на затворничество в каком-нибудь монастыре за пределами Испании, когда он должен был нести вечную епитимью, на хлеб насущный. скорбь и вода скорби, и это предписывало определенные духовные обряды. Выслушав свой приговор, Торо отрекся от престола, принял епитимью и исчез из виду. [136]

Другим выдающимся преступником был священник дон Франсиско де Леон-и-Луна, рыцарь Сантьяго и член Совета Кастилии, которого судил мадридский трибунал за молинизм и формальное домогательство. В качестве *негатива* он подлежал послаблению, но 24 ноября

1721 года было проголосовано за предоставление ему девяти аудиенций, на которых инквизиторы с несколькими калификадорами должны были призвать его к исповеди и обращению под угрозой применения всей строгости закона. Похоже, он уступил, и 11 августа 1722 года его приговор *по делу мерито* был зачитан в присутствии двенадцати членов Советов Кастилии, Индии, Орденов и Гасиенды. От него потребовали отречься от *де вементи*, его навсегда лишили возможности исповедовать мужчин и женщин, направлять души и наставлять их в молитве, а также почестей ордена Сантьяго; половина его имущества была конфискована, и он был сослан на три года с приостановлением всех священнических функций, за которыми последовали пять лет ссылки. [137]

МОЛИНИЗМ

Льоренте очень подробно описывает молинистское движение, которое вскоре после этого предоставило достаточно места трибуналам Логроньо и Вальядолида. Хуан де Каусадас, пребендарий Туделы, был ревностным учеником Молиноса и распространителем его доктрин. Он был сожжен в Логроньо, но то ли за упорство, то ли за отрицание, нам не сообщают. Его племянник, брат Хуан де Лонгас, из Босоногих кармелитов, также был догматиком и в 1729 году был приговорен к двумстам ударам плетью и десяти годам галер с последующим пожизненным заключением. Эта суровость, по-видимому, не обескуражила прозелитов, которые, по-видимому, не были преданы Лонгасом. Главной среди них была донья Агуэда де Луна, которая поступила в монастырь кармелиток в Лерме в 1712 году с репутацией святой. Ее экстаз и чудеса были распространены повсюду Хуаном де Лонгасом, приором Лермы, провинциалом ордена Хуаном де ла Вегой и ведущими монахинями, которые нашли свое отражение в толпах преданных, ищущих ее заступничества. Сам Хуан де ла Вега получил имя *extático* и был представлен как самый святой мистик со времен Хуана де ла Круса. В Корелле для madre Агуэда был основан женский монастырь, настоятельницей которого она стала, и монахини были полностью ознакомлены с принципами и практикой молинизма. От Madre Агуэды у Хуана де ла Веги было пятеро детей, которые были задушены при рождении и, вместе с другими безвременными плодами господствующей распущенности, были похоронены поблизости. После длительного периода беззакония и обмана madre Агуэда была передана в трибунал Логроньо; ее сообщники и ученики были арестованы, и судебные процессы над ними велись с беспощадной суровостью. Она погибла под пытками, и в 1743 году фрейлы были заточены в разные дома, а монахини распределены по монастырям своего Ордена. [138] Дело madre Агуэды было рассмотрено несколькими годами ранее, поскольку в Приложении к Указателю 1707 года, опубликованном в 1739 году, первая запись относится к ней, “о которой было написано апокрифическое жизнеописание и о которой в качестве реликвий передаются камни, ткани, медали и бумаги”, все из которых должны были быть переданы, а также ее родственники. вундеркинды и добродетели. Камни, о которых здесь идет речь, очевидно, те, что описала Льоренте, сделанные из кирпичной крошки и оттиснутые с крестом на одной стороне и звездой на другой, которые, как говорили, были опорожнены ею при родовых муках и повсеместно ценились как амулеты. Можно предположить, что это дело привело к изданию инквизицией в 1745 году эдикта, направленного против пяти ошибок молинизма. [139]

Случаи все еще продолжали происходить, но нечасто и не имели большого значения. Инквизиторы начали смешивать аморальный мистицизм с вымогательством на исповеди, о чем

подробнее ниже, в то время как более безобидные виды были классифицированы как *embusteros* (самозванцы) или *ilusos* (обманутые). Однако есть дело в Мексике, которое настолько наглядно демонстрирует злоупотребления, которым были подвержены методы инквизиции, что заслуживает упоминания. Францисканец, брат Эусебио де Вильяроха, отличался ученостью, красноречием и безупречной жизнью. Он был склонен к мистицизму и написал работу под названием *"Внутреннее повествование"*, которая, по признанию инквизиции, не содержала порицаемой доктрины, но все же была опасна для массового использования. Монастырь в Пачуке устроил его туда, и в 1783 году, в возрасте 38 лет, он прибыл в Мексику, где его добрая серьезность быстро завоевала всеобщее уважение. Через два или три года ему довелось принять духовное руководство двух девушек, Гертрудис и Хосефы Паласиос, которые были адептами мистических приемов экстаза и откровений. Гертрудис умерла, и Вильяроха был полностью поглощен Хосефой. Он ограничился тем, что записал ее видения и пророчества, пока не исполнил семьдесят шесть книг и в своем пылу не стал совершать странные поступки, привлекающие нежелательное внимание. Монастырский врач предположил, что чрезмерная строгость породила ипохондрический настрой, и Опекун вмешался, приказав ему заняться другими обязанностями, ограничить Хосефу часовым посещением исповедальни и никогда не заходить к ней домой. Его послушание было безоговорочным и быстрым; он перестал говорить о ее видениях и пророчествах, и она, естественно, перестала их получать. Год спустя, отвечая на вопрос брата Хуана Санчеса, посетителя Провинции, он сказал, что, как только Guardian упрекнула его, он признал свою ошибку и больше не повторит ее - так что дело, казалось, закончилось естественной смертью.

К несчастью, The Guardian, не ожидавший такой покорности, сообщил об этом инквизиции, которая начала собирать свидетельские показания, но когда несколько месяцев спустя он оказался в городе Мехико и был вызван в качестве свидетеля, он заявил, что эксцентричные выходки Вильярохи прекратились, и он, очевидно, считал дело закрытым. Тем не менее трибунал настаивал, и в июле 1789 года он изъял дневники Вильярохи, в которых последней записью было смиренное подчинение суду Церкви как самого себя, так и подлинности видений.

После того, как была собрана огромная масса свидетельств, свидетельствующих о выдающемся благочестии и добродетели Вильярохи, в июле 1790 года его вызвали, чтобы он представился. Ему не сообщили, что он предстанет перед судом, поскольку в своем глубоком смирении он сразу же представил бы свое мнение на рассмотрение трибунала, но он был втянут в дискуссию о том, позволил ли бы Бог, ради большего совершенства творения, демону подстрекать к грязным и непристойным действиям — позиция, которую он занял, чтобы оправдать некоторые грязные привычки Хосефы. Это был, как мы видели, один из опасных догматов квиетизма, и по этому поводу возник длительный и тонкий спор. Впоследствии он заявил, что, по его мнению, инквизитор всего лишь стремился узнать его мнение, тогда как на самом деле его хитроумно заставляли накапливать улики против самого себя, в то же время возбуждая противоречивую гордыню инквизитора Прадо-и-Обехеро, который объявил тщетными его попытки отличить свою доктрину от доктрины Молиноса.

Он был брошен в секретную тюрьму 13 октября 1791 года, и суд над ним проходил в обычной форме. Ничто не могло превзойти его покорное смирение. При каждом подходящем случае он заявлял, что невежество подло ввело его в заблуждение; он умолял не заблуждаться в том, в чем он ошибся, и подчинился исправлению Священной Канцелярии, ибо превыше всего желал освобождения своей совести и спасения своей души. Судьям потребовалась незаурядная

изворотливость, чтобы сделать из такого смиренного и кающегося еретика, но когда 26 апреля 1793 года был вынесен его приговор, он представлял его как закоренелого и упрямого Алумбрадо и молиниста, приговаривая его к отречению *отверы*, к вечному лишению способности исповедоваться, к трехлетнему заточению во францисканском монастыре Мексики и к отправке в Испанию, когда инквизиторы сочтут нужным. Если бы он был обычным совратителем своих духовных дочерей, приговор был бы менее суровым.

ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Обращение со слабым человеком, отшельником в монастыре его братьев, обычно было крайне суровым, но доброта и кротость отца Эусебио настолько покорили его хозяев, что они объявили его повседневную жизнь назиданием, в то время как жители Пачуки, которым пришлось нести расходы по его судебному разбирательству, продолжали относиться к нему с неизменной любовью. Однако его наказание было гораздо более суровым, чем просто положения вынесенного ему приговора. Восемнадцать месяцев заключения в сырой камере привели к тому, что у него развилась прежняя склонность к ревматизму, и он стал калекой. Его просьба о переводе в Пачуку была отклонена, и в марте 1795 года он обратился к генеральному инквизитору Лоренцане. По его словам, его страдания усиливались, и, если бы его оставили в Мехико или отправили в Испанию, он бы наверняка умер. Результатом этого стал приказ переправить его в Испанию, о чем он был уведомлен в июне 1796 года, когда он напрасно протестовал, что это убьет его. Его высылка была отложена до октября, когда его легкими этапами доставили в Вера-Крус и 9 ноября поместили на борт добротного корабля "Аврора", переданного комиссару в Севилье. "Аврора" отплыла на следующий день, но его пророческий дух оправдался, и по истечении девяти дней его кроткий дух перешел к судье более милосердному, чем его земные предки. [140]

Брату Эусебио лучше бы жилось в Испании, где росла тенденция считать обвиняемых подверженными заблуждениям, когда не было сознательного обмана и учения опасному мистицизму. Заблуждение было признано на раннем этапе, но первое дело, с которым я столкнулся, в котором оно легло в основу судебного преследования, произошло в суде Барселоны, который в 1666 году сообщил, что установил, что процесс, возбужденный в 1659 году против сестры Марии де ла Крус, монахини монастыря ла Консепсьон в Тортосе, в *пор-Илусе*, так и не был завершен. [141] В 1694 году суд Толедо приговорил дону Франсиско де лас Куэваса-и-Рохаса из Мадрида как *илусо пасивок* выговору, отпущению грехов *каутеламу*, отказу от определенных положений, воздержанию от духовных дел и годичному затворничеству, в течение которого калификадор должен был преподавать это был самый безопасный метод молитвы, в то время как все его писания должны были быть запрещены. В том же году беата по имени Мария де ла Пас, *известная как илуса*, должна была просто отречься *отде леви*, получить строгий выговор и быть переданной калификадору для обучения. Итак, в 1716 году дон Эухенио Агуадо де Лара, кура Альгете, был приговорен тем же трибуналом за подозрение в обмане по отношению к беате, к отречению *отде левис* выговором и запретом дальнейшего общения с ней, в то время как он должен был воздерживаться от направления душ, насколько это было совместимо с его священническими функциями. Беата, его сообщница, Агустина Сальгадо, считалась более предосудительной, поскольку, помимо того,

что она была *илусой*, она была признана виновной в ложных разоблачениях; она отреклась от *леви*, получив бессрочное изгнание из Алжета и двухлетнее заключение в больнице для обучения. [142]

Даже эта умеренность со временем усилилась. В 1785 году трибунал Валенсии приостановил рассмотрение дела и отправил в больницу для душевнобольных Эсперансу Буэно из Пуча, широко известную как *Санта*, обвиненную в притворных откровениях и утверждавшую, что она может отпустить грехи. [143] Та же тенденция проявляется в случае с Марией Риверо из Вальядолида в 1817 году, которую Верховный охарактеризовал как ошибочно и самонадеянно полагающую, что она украшена откровениями и особыми милостями. Ей было приказано безоговорочно верить себя руководству духовного наставника, предупредив, что в противном случае с ней будут обращаться со всей строгостью суда, в то время как директору было поручено разочаровать ее и обратиться к врачу за консультацией относительно ее вменяемости, что было сомнительно. [144]

Хотя инквизиция, таким образом, становилась все более рационалистичной в своем подходе к этим делам, искоренить народную доверчивость с сопутствующим ей соблазном эксплуатации было невозможно. В последнем деле, рассматривавшемся трибуналом Кордовы, 9 июля 1818 года было вынесено постановление о заключении в секретную тюрьму в качестве *илусы* беаты Франциски де Паулы Кабальеро и Гарриды из Лусены, в то время как ее сестра Мария Доминга Кабальеро была заключена в *карселес медиас*, а два кураса из Лусены, Хоакин де Бургос и Джозеф Барранко, были заключены в монастырь без связи друг с другом. Беата творила чудеса и получала откровения, которые, похоже, нашли доверие в кругу учеников, поскольку, когда после всестороннего расследования 5 июля 1819 года Супрема отдал приказ о судебном преследовании четырех заключенных, он распорядился начать судебное разбирательство против семи других сторон, включая священнослужителей и мирян обоего пола. К счастью для этой группы *илусо*, революция 1820 года положила конец всем судебным разбирательствам, и когда трибунал Кордовы был подавлен, единственными заключенными, найденными в его тюрьме, были двое беаты из Лусены. [145]

САМОЗВАНЦЫ

В то время как инквизиция была, таким образом, милосердна к тем, кого она считала просто заблуждающимися в притязаниях на духовные милости, она становилась суровой с теми, кто торговал народной доверчивостью. Эта доверчивость была настолько всеобщей и безграничной, что профессия *беаты ревеландера* была легкой и прибыльной. Люди жаждали быть обманутыми; никакая выдумка не была слишком грубой, чтобы ей не поверили, и верующие выдумывали чудеса, которые приписывали объектам своего почитания. Наказание самозванца и разоблачение мошенничества не смогли подавить ни веру, ни навязывание, и со временем страна была наводнена ордой этих практикующих, в основном женщинами. Это была духовная язва самого унижительного характера, распространявшаяся на все классы, со смягчающими обстоятельствами, заключавшимися в том, что некоторые из самых смелых случаев самозванства получили одобрение Святого Престола. Инквизиция проделала хорошую работу в своих неустанных усилиях по пресечению этой проституции мистицизма — работу, на которую не отважился бы ни один другой трибунал. Если оно сочло подавление невозможным, то, по крайней мере, остановило развитие событий, которое в свое время угрожало превратить популярную религию Испании в предмет истерики.

В начале были некоторые сомнения относительно обращения с этими спекулянтами из-за доверчивости людей. Когда Беате Пьедрахита разрешили продолжить свою карьеру, у нее, естественно, нашлись подражатели. В 1525 году Алонсо де Мариана, толедский инквизитор, во время посещения своего округа обратил свое внимание на донью Хуану Мальдонадо из Гвадалахары, вдову алькаиды из ла Вега-де-ла-Монтанья. Она была арестована и представила письменные заявления или признания о своих снах и видениях Девы Марии и Христа, святого Иоанна Богослова и Святого Бернарда. Разбирательство было неофициальным, и на аудиенции 27 марта в Алькала-де-Энарес, после публикации доказательств, она признала их правдивость, заявив, что рассказала о своих видениях, чтобы получить какую-то помощь в своей бедности, и просила о пощаде и покаянии. Очевидно, не было никакого желания обращаться с ней сурово или считать ее самозванкой, поскольку о ней говорят как *оилусе* или *соньядере* (мечтательнице), и от нее требовалось только поститься по пяти пятницам и субботам в честь Христа и Пресвятой Богородицы с пятнадцатью молитвами "Отче наш" каждый день и содержать свой дом в качестве тюрьмы до освобождения судом, после чего шесть суббот она должна была посещать церковь Пресвятой Богородицы за городом. [146] Столетие спустя ей пришлось бы гораздо хуже.

Разоблачение в 1543 году более опытной практикующей, Магдалены де ла Крус, устранило все дальнейшие колебания при рассмотрении подобных случаев. Она долгое время была чудом Испании и даже христианского мира. Измученные штормом моряки зывали к ее заступничеству, когда она являлась им и шторм утихал. Самые благородные дамы, приближаясь к родам, посылали *лайетт*, чтобы она их благословила, как это делала императрица Изабелла перед рождением Филиппа II. Когда в 1535 году Карл V отправлялся из Барселоны в поход в Тунис, он послал свое знамя Кордове, чтобы она благословила его. Кардинал Манрике, генеральный инквизитор, и Джованни ди Реджио, папский нунций, совершили к ней паломничество, и папа послал просить ее помолиться за Христианскую республику. Это правда, что Игнатий Лойола был настроен скептически и в 1541 году сурово упрекнул Мартина де ла Санта Круса, который пытался расположить его к себе, за то, что тот принимал внешние признаки, не ища истинных; Преподобный Хуан де Авила также был настроен скептически, и, когда он был в Кордове, ему было благоразумно отказано в доступе к ней.

САМОЗВАНЦЫ

Когда в 1504 году, в возрасте 17 лет, она поступила во францисканский монастырь Санта-Исабель-де-лос-Анхелес в Кордове, на нее уже смотрели как на сосуд, переполненный божественной благодатью, и эта вера была подтверждена серией экстазов, трансов, видений, откровений и чудес. Не хватает места, чтобы перечислить разнообразную серию чудес, многие из которых делают бесконечную честь ее богатому воображению, в то время как некоторые из них требовали помощников, в которых, похоже, недостатка не было, учитывая пользу для монастыря, получаемую от содержания в нем столь святой личности. Избранная настоятельницей в 1533 году, она сохраняла эту должность до 1542 года, и в течение этого времени посвящала ей большой поток подношений, которые сыпались на нее. Потерпев поражение при переизбрании в 1542 году, она больше не использовала свои средства подобным образом, и победившая фракция осудила ее перед the Guardian и the Provincial как самозванку, но на карту был поставлен авторитет Ордена, и их заставили замолчать. Однако ей не суждено было украсить календарь святых-мистиков, поскольку в 1543 году она опасно заболела, и ее предупредили, чтобы она готовилась к смерти. Под этим давлением она сделала

полное признание, приписав свои обманы одержимости демонами. Она пришла в себя, и инквизиция схватила ее. Судебный процесс длился до 3 мая 1546 года, было собрано огромное количество свидетельских показаний, подтверждающих ее признание, которое было искусно сфабриковано, чтобы свалить вину на ее демонов Балбана и Паторрио. Короче говоря, она начинала как мистик, не смогла устоять перед искушением принять чудеса, навязанные ей народными суевериями, она стимулировала это своими махинациями и, наконец, искала оправдания, ссылаясь на демоническое влияние. Огромная толпа посетила аутодафе, состоявшееся 3 мая 1546 года, когда чтение ее приговора *con méritos* длилось с 6 утра до 4 часов дня, пока она сидела на сцене с кляпом во рту, поводком на шее и зажженной свечой в руке. Ее приговор был умеренным — вечное затворничество в монастыре без активного или страдательного залога, занятие последнего места в хоре, трапезной и капитуле, а также некоторые духовные епитимьи. Ее отправили в монастырь Санта-Клара в Андухаре, где она вела образцовую жизнь, и после ее смерти в 1560 году все благочестиво надеялись, что ее грехи были искуплены. [147]

Если бы человеческий разум разделял эти убеждения, такое разоблачение положило бы конец индустрии *beatas revelanderas*, но народный аппетит к чудесному был ненасытен, и было множество практикующих, готовых пойти на сопутствующий риск ради сопутствующей славы и прибыли. Повсюду были женщины, сведущие в этих искусствах и искусные производить впечатление на соседей своими откровениями и пророчествами; в каждом городе и почти в каждой деревушке был свой местный святой, к которому относились с глубоким почтением и который был обеспечен обильными средствами к существованию. [148] Использовались все ветви сверхъестественного: одни могли предсказывать будущее; другие видели вещие сны или могли толковать сны своих приверженцев; третьи могли освобождать души из чистилища; третьи могли творить целебные чудеса; народная вера в этих одаренных духов была безграничной, и на этом наживались бесчисленные шулеры обоего пола.

Люди вполне могли бы быть легковерными, если бы не следовали примеру самых высокопоставленных лиц Церкви и государства. У Магдалены де ла Крус был достойный подражатель в доминиканской церкви Марии де ла Визитасьон из лиссабонского монастыря Аннунсиады, чьи близкие отношения с Христом начались в возрасте 16 лет, в 1572 году. Около 1580 года ей явился распятый Христос, когда огненный луч из его груди пронзил ее левый бок, оставив рану, из которой по пятницам с сильной болью вытекали капли крови. В 1583 году она была избрана настоятельницей, а в 1584 году в другом видении распятого Христа огненные лучи из его рук и ног пронзили ее и таким образом завершили Стигматы. Доминиканский провинциал Антонио де ла Серда, не теряя времени, распространил новость об этом в заявлении, датированном 14 марта 1584 года и отправленном в Рим для представления Григорию XIII. Это было подтверждено подписями нескольких монахов, среди которых есть почетное имя великого мистика Луиса де Гранада. [149] Провинциал последовал за этим, 30 марта, с другим письмом в Рим, в котором говорилось, что произведенное впечатление было настолько велико, что многих джентльменов побудили покинуть мир и вступить в Орден, и даже что трое мавров пришли посмотреть на сестру Марию, чья внешность произвела на них такое впечатление, что они попросили крещения на месте — к этому он добавил два чудесных исцеления, произведенных с помощью предметов, к которым она прикасалась. [150]

Слава Сор Марии проникла в христианский мир и даже, как нам говорят, в Индию. Григорий XIII был должным образом впечатлен и написал ей письмо, призывая не сворачивать с пути, на

который она вступила. Она могла бы продолжать делать это, имея репутацию святой, если бы воздержалась от политики. К несчастью, она позволила втянуть себя в движение за свержение испанского ига, и власти, которые были довольны тем, что позволили ей приобрести влияние, сочли необходимым разоблачить ее, когда это влияние угрожало стать сильным на стороне мятежников.

САМОЗВАНЦЫ

"Аннунсиада" не была лишена внутренней зависти, которая способствовала получению информации, оправдывающей расследование. Была назначена комиссия в составе архиепископов Лиссабона и Браги, епископа Гуарды, провинциального доминиканца, инквизиторов Лиссабона и доктора Пабло Альфонсо из Королевского совета. Собравшись в монастыре, они взяли показания многих монахинь о том, что святость святой Марии была притворной, а ее стигматы были нарисованы. Затем ее привели к ним и привели к присяге, когда она, несмотря на угрозы и увещания, настаивала на рассказе о стигматах и своем общении с Христом. На следующий день потребовались горячая вода и мыло; она протестовала и притворилась, что испытывает сильную агонию, но энергичное нанесение моющего средства на ее ладони привело к тому, что раны исчезли, когда она бросилась к ногам своих судей и взмолилась о пощаде. На последующей аудиенции она подробно объяснила приемы, с помощью которых она обманывала верующих, — как ей удалось подняться над землей, как вокруг нее разлился божественный свет, а одежда на ее боку была испачкана кровью. Суровость приговора, вынесенного 6 декабря 1588 года, показывает, насколько большим преступлением, чем просто святотатственный обман, было ее вмешательство в политику. Она была пожизненно заточена в монастыре иного порядка, чем ее собственный; в течение года ее должны были пороть каждый понедельник и пятницу за то, что она была Мизерере; в трапезной она должна была есть на полу, то, что она оставляла, должно было быть выброшено, а в конце трапезы она должна была лежать в дверях и быть растоптанной сестрами при выходе; она должна была соблюдать постоянный пост; она была лишена возможности занимать должность; она всегда должна была быть последней и ни с кем не должна была разговаривать без разрешения родителей. настоятельница; она не должна была носить вуаль; по средам и пятницам ей полагалось есть только хлеб и воду, и всякий раз, когда монахини собирались в трапезной, она должна была громким голосом рассказывать о своих преступлениях. Говорят, что в этой живой смерти она совершила свою жестокую епитимью с таким терпением и смирением, что на самом деле стала святой. [151] Не исключено, что она с самого начала могла быть инструментом в руках дизайнера. Современник рассказывает, что перед разоблачением он написал фраю Альберто де Агуахо в Лиссабон, спрашивая, следует ли ему поехать туда, чтобы проконсультироваться с ней по поводу угрызений совести, и получил в ответ, что в ней нет ничего удивительного, кроме милости Божьей, даровавшей ей такие милости, ибо она была проста, как шестилетний ребенок. Однако она была богатым источником дохода, поскольку португальцы из Индии присылали ей золото, бриллианты и жемчуг, чтобы купить ее заступничество перед Богом. [152] Даже ее осуждение не полностью разубедило ее обманщиков. Четыре года спустя некий Мартин де Айала, привлеченный к ответственности в 1592 году за разоблачения и обман, утверждал, что имел с ней духовное общение, и предсказал ужасные вещи о завоевании Испании иностранцами, когда пещера в Толедо станет единственным местом, где немногие избранные смогут найти безопасность. У него был коллега, дон Гильен де Казанс, который также подвергся судебному преследованию. [153]

Можно было бы предположить, что случай, подобный случаю с Сестрой Марией, которому должна была быть придана максимальная огласка, дискредитировал бы стигматы как особый знак божественного благоволения, но, скорее всего, это побудило честолюбивых людей обладать ими, показав, как легко им можно подражать. Они стали почти повседневным явлением. В 1634 году иезуит небрежно упоминает в письме о двух новых случаях, о которых только что сообщалось, — об одном из монахинь ла Консепсьон в Саламанке и другом в Бургосе, — добавляя, что они стали настолько распространенными, что ни одна женщина не считает себя служительницей Бога, если она не может их продемонстрировать. [154]

САМОЗВАНЦЫ

Когда самозванство не было связано с политикой, к нему продолжали относиться снисходительно, и это было исключением, когда в 1591 году трибунал Толедо приговорил Марию де Моралес к двумстам ударам плетью за транс, откровения и другие обманы, чтобы приобрести репутацию святой. [155] Таким образом, на Севильском автосалоне 1624 года, когда Пачеко был полон решимости искоренить ошибки мистицизма, было восемь самозванцев, виновных во всех ухищрениях использовать суеверия, шестеро из которых отделались годом или двумя затворничества. Только с двумя поступили более сурово. Мариана де Хесус, босоногая кармелитка, была *маэстрой Эспириту*, которая преподавала иллюминизм и имела послужной список бесконечных видений, пророческого вдохновения и конфликтов с сатаной. Она жила в роскоши, продавая свои духовные дары, и это было доказательством того, что бедняки жертвовали свое домашнее имущество, чтобы купить ее заступничество за души своих родных, но в вергуэнце ее выставили напоказ только после четырехлетнего затворничества в монастыре и вечного изгнания из Севильи. Самое тяжелое наказание постигло Хуана де Хесуса, известного как *эль Эрмито*, который утверждал, что нечувствителен к плотским искушениям, поскольку Бог лишил его всякой свободы воли и им управлял только дух. Религиозные обряды для него были излишни, ибо он всегда находился в присутствии Бога, и так горяча была его любовь к Богу, что вода шипела, когда он пил ее. Он не только утверждал, что исцелял больных, но и что однажды он вымолил восемь тысяч душ из чистилища, тридцать тысяч в другой раз, затем двадцать две тысячи и, наконец, всех, кто остался. В целом его отношения с женщинами не поддаются описанию, и ему проницательно открылось, что все, кто подаст ему милостыню, будут спасены. Его почитатели были не только невеждами, ибо он был принят в домах знатных дам Севильи, и знатные люди допускали его к своим столам. Он получил меньше, чем по заслугам, когда был приговорен к ста ударам плетью и пожизненному заключению в монастыре или больнице, где он должен был работать за свой счет и ежедневно молиться по трети четок. [156]

В своих настойчивых и бесплодных попытках искоренить эту заразу инквизиция начала применять более суровое обращение, как в случае с сестрой Лоренцей Мурга из Симанкаса, францисканкой третьего уровня, которая в течение шестнадцати лет пользовалась большой репутацией в Вальядолиде. Она испытывала экстаз и откровения, когда хотела, и ее маленький дом был объектом паломничества, когда она впадала в транс по просьбе любого человека. Это было прибыльное занятие, поскольку она поднялась из крайней нищеты к комфортному достатку. Ее арест 29 апреля 1634 года вызвал немалый ажиотаж, и ходили слухи, что ее уличили в том, что она содержала двух любовников, помимо своего духовника. На своих аудиториях она упорно отстаивала правдивость своих откровений, постоянно добавляя новые чудеса, пока инквизиторы не подвергли ее жестоким пыткам, и она не призналась, что все это

было обманом. Ее карьера была прервана двумястами ударами плетью и изгнанием на шесть лет из всех мест, где она жила. [157]

Опытный инквизитор, которого я так часто цитировал, рассказывает нам примерно о том времени, что эти самозванцы были очень распространены; что существовали правила обучения их своему ремеслу, и, поскольку это было настолько пагубно и дискредитирующе, они должны были быть наказаны со всей строгостью. Он упоминает случай в Льерене, где женщина упорствовала в утверждении истинности своих откровений и чудес, пока ее не подвергли пыткам, после чего она призналась в мошенничестве и была приговорена к бичеванию и затворничеству, по усмотрению трибунала, с голоданием на хлебе и воде. [158] И все же нельзя не испытывать сочувствия к Марии Котанилья, бедной слепой старухе, приговоренной в 1676 году трибуналом Толедо к ста ударам плетью и четырем годам заключения в специально отведенном месте, где она могла прокормить себя попрошайничеством, ежемесячно отчитываясь перед комиссаром. [159]

Строгость могла сдерживать, но не могла подавить профессию, которая была неизбежным результатом массового спроса. То, как это стимулировалось, хорошо видно на примере Марии Мануэлы де То, молодой женщины 23 лет, арестованной мадридским трибуналом в апреле 1673 года. Она безоговорочно призналась в огромном разнообразии обманов, притворной одержимости дьяволом, посещениях ангелов Гавриила и Рафаэля и многих других. Она рассказала, что ее почитали как святую; ее подпись, написанная на клочках чистой бумаги, была распространена ее духовником и хранилась так, как если бы это была подпись Санта-Терезы; у него были кресты из оливкового дерева, которые она благословила, и они ценились как реликвии и амулеты; она исцеляла больных и творила много других чудес. Происхождение всего этого, как она рассказала, в высшей степени проливает свет. Она случайно рассказала некоторым людям, что во сне видела душу в чистилище; они мудро покачали головами и сказали, что это было больше, чем сон, и содержало в себе великие тайны. Тогда они начали восхищаться ею, и она, обнаружив, что ее уважают, ею восхищаются, ее осыпают подарками и что деньги приходят к ней без труда, переходила со ступеньки на ступеньку со своими видениями и чудесами. Она знала, что это неправильно, но, поскольку были ученые и выдающиеся люди, знающие об этом, которые могли бы ввести ее в заблуждение, но не сделали этого, и, поскольку не было никакого договора с демоном, она продолжала, ибо, хотя она была жалкой грешницей, она всегда была тверда в вере во Христа как истинная христианка-католичка. [160] Когда жажда чудес была столь всеобщей и безрассудной, недостатка в них быть не могло, какими бы ни были усилия инквизиции.

САМОЗВАНЦЫ

Эти практикующие, естественно, продолжали работать в трибуналах, но их дела мало чему могут нас научить, кроме как отметить суровость, с которой к ним иногда относились. В мадридском суде 1680 года было четверо самозванцев, из которых плотник по имени Альфонсо де Ареназ получил отречение от престола, двести ударов плетью и пять лет галер, за которыми последовали еще пять изгнаний. [161] В "малом конvente", арестованном в 1708 году трибуналом Толедо (стр. 71), четыре женщины и мужчина были наказаны в 1711 году как самозванцы, мужчина, Пабло Диес, аптекарь из Йепеса, примирением, конфискацией и пожизненным заключением, в то время как одна из женщин, Мария Фернандес, получила двести ударов плетью и ссылку. . [162] В 1725 году трибунал Мурсии применил такое же

бичевание и восемь лет ссылки к Мариане Матозес, которая добавила к другим своим мошенничествам претензию на стигматы, а в 1726 году в Валенсии Хуан Вивес из Кастильон-дела-Плана получил такое же количество нашивок, с годичным затворничеством и восьмилетним изгнанием из Валенсии и Каталонии. [163] Поэтому нелегко понять милосердие, проявленное трибуналом Толедо в 1729 году к Ане Родригес из Мадридехоса, которая описывается как скандальная самозванка, введенная в заблуждение, дерзкая, святотатственная, хвастающаяся своим освобождением от шестой заповеди, еретически богохульствующая, яростно подозреваемая и формально виновная в ереси Молиноса и Алюмбрадос, оскорбляющая Пресвятую Деву и Святого Бернарда и упрямая во всех своих заблуждениях. Ее упорство дало выход, что спасло ее от расслабления, и она избежала формального отречения, примирения и заключения для обучения в иезуитском колледже Навалькарnero на то время, которое трибунал мог бы счесть необходимым для спасения ее души. [164]

Вряд ли стоит продолжать перечисление этих неясных случаев, и мы можем перейти к одному, который вызвал живой интерес. Мария де лос Долорес Лопес, известная как Беата Долорес, делала успешную и скандальную карьеру в течение пятнадцати или двадцати лет, начиная с двенадцатилетнего возраста, когда она покинула отчий дом, чтобы жить наложницей со своим духовником. Ее слава распространилась повсюду, и в течение десяти лет инквизиция время от времени получала доносы на ее проступки, не предпринимая никаких действий, пока в 1779 году один из ее исповедников, чтобы облегчить свою совесть, не донес на себя и на нее севильскому трибуналу. На суде она решительно отстаивала правду об особой милости, которой пользовалась с четырехлетнего возраста. У нее были постоянные и близкие отношения с Пресвятой Девой, она была обвенчана на небесах с младенцем Иисусом, со святым Иосифом и св. Огюстен, как свидетели, она освободила миллионы душ из чистилища, причем гораздо больше таких, которые так хорошо знакомы нам, к которым она добавила одну из ошибок молинизма, утверждая, что злые поступки перестают быть греховными, когда на то есть воля Бога. Таким образом, она была не просто самозванкой, но формальной и нераскаившейся еретичкой, для которой послабление было единственным наказанием, известным инквизиции. Сожжение, однако, почти вышло из моды, и трибунал честно не жалел усилий, чтобы спасти ее от костра. Выдающиеся богословы растратили на нее свои знания и красноречие. Брат Диего де Кадис, выдающийся проповедник своего времени, работал с ней в течение двух месяцев и, наконец, сообщил, что ничего не оставалось, как сжечь ее. Все было напрасно. Бог, по ее словам, открыл ей, что она должна умереть мученицей, после чего через три дня он докажет ее невиновность. Закон должен был действовать своим чередом, и 22 августа 1781 года она была официально приговорена к смягчению наказания. Поскольку это не тронуло ее, казнь была отложена на три дня, чтобы испытать эффект новых увещеваний. Это не удалось, и во время проповеди и церемоний посвящения ей пришлось заткнуть рот кляпом, чтобы скрыть свое богохульство. Однако, как это часто случалось, по дороге в бразеро нервы ее не выдержали; она разрыдалась и попросила позвать исповедника, получив таким образом привилегию удушения до того, как были сожжены хворост. [165]

САМОЗВАНЦЫ

Самозванство продолжало процветать. В 1800 году трибунал Вальядолида был занят обширным “соучастием”, результатом которого стало судебное преследование madre Марии Игнасии дела Презентасьон, наемницы монастыря Торо, за мнимые чудеса, а также девяти фрейлин того же Ордена в качестве сообщников. [166] Одновременно с этим произошел случай в Куэнке, в

который почти невозможно поверить. Жена крестьянина из Вильяр-дель-Агила Исабель Мария Эррайс, известная как Беата де Куэнка, имевшая репутацию святоши, объявила, что Христос открыл ей, что для того, чтобы более полно соединиться с ней в любви, он перелил ей свое тело и кровь. Богословие того периода иллюстрируется возникшим ученым спором: некоторые врачи утверждали, что это невозможно, потому что это сделало бы ее более святой, чем Пресвятая Дева, и лишило бы причастие исключительного отличия быть телом и кровью Господа; другие считали, что это возможно, но доказательств в данном случае было недостаточно; другие, опять же, приняли это и настаивали на добродетелях беаты и отсутствии мотива для обмана. Люди не испытывали никаких угрызений совести, и их доверчивость поощряли два францисканских монаха, Хоакин де Алустанте и Доминго де Каньисарес, а также кармелит Себастьян де лос Долорес. Ее верующие поклонялись ей, пронося ее процессией по улицам, зажигая перед ней свечи и падая ниц в знак обожания. Скандал достиг масштабов, требовавших репрессий, и инквизиция арестовала ее 25 июня 1801 года вместе с ее сообщниками. Возможно, с ней жестоко обошлись, поскольку она умерла в секретной тюрьме без исповеди и, следовательно, была сожжена как чучело. Кюра Вильяра и две фрейли были сосланы на Филиппины; двое мирян получили по двести ударов плетью каждый с пожизненным отбыванием наказания в пресидио, а ее служанка Мануэла Перес была отправлена на десять лет в *Рекохидас*, или исправительный дом для женщин. [167]

Пока эта комедия шла в Куэнке, похожая постановка шла в Мадриде, в высших слоях общества. Сестра Мария Клара Роза де Хесус, известная как Беата Клара, приобрела большую известность благодаря своим видениям и чудесам. Она была парализована или притворялась парализованной и не могла вставать с постели, и когда она объявила, что особое повеление Святого Духа требует от нее вступить в орден капуцинов, Пий VI разрешил ей принять постриг без постоянного места жительства. Атанасио де Пуял, впоследствии епископ Калахорры, получил разрешение на возведение личного алтаря в ее комнате, где ежедневно служилась месса, и она причащалась, делая вид, что не принимает никакой другой пищи. Все знатные придворные дамы привыкли умолять ее о заступничестве в своих бедах и давали ей большие суммы на благотворительность. К чести инквизиции следует отметить, что она пресекла этот спекулятивный обман, арестовав ее в 1801 году вместе с матерью и духовником как сообщников. Было нетрудно доказать их вину, и в 1803 году они были милосердно приговорены к затворничеству. [168]

Таким образом, в течение трехсот лет, вплоть до момента своего подавления, инквизиция тщетно пыталась положить конец этим спекуляциям на доверчивости верующих. Оно делало все возможное, но народная тяга к чудесному, к конкретным доказательствам божественного вмешательства в человеческие дела была слишком всеобщей и слишком сильной, чтобы ее можно было контролировать даже верховной властью. Карьера печально известного Сора Патрочинио после его падения доказывает, насколько это было неискоренимо, и служит тому, чтобы вернуть средневековые к нашему времени.

САМОЗВАНЦЫ

Мария Рафаэла Кирога, известная в религии как сестра Мария Чиприана дель Патрочинио де Сан-Хосе, в 1829 году приняла постриг в монастыре Сан-Хосе, и вскоре у нее начались видения и откровения, за которыми последовало появление стигматов. Ее репутация распространилась, и ткани, испачканные кровью из ее ран, стали востребованы в качестве лечебных амулетов.

Когда за смертью Фернандо VII 29 сентября 1833 года последовала карлистская война, клерикалы, благоволившие дону Карлосу, увидели в ней полезный инструмент. Ее заставили предсказать успех Претендента и представить доказательства незаконнорожденности молодой королевы Изабеллы. Как и в случае с португальской Марией де ла Визитасьон, этот опасный фактор политической ситуации потребовал вмешательства правительства, и после некоторого сопротивления в ноябре 1835 года Сор была переведена из монастыря в частный дом, где она находилась под присмотром матери и священника, в то время как для осмотра стигматов были вызваны три врача. Они объявили их искусственными и пообещали быстрое излечение, если не допустить вмешательства. Это было подтверждено, и, несмотря на то, что с одного из них был сорван струп, они были исцелены к 17 декабря. 21 января 1836 года официальная проверка, проведенная рядом высокопоставленных лиц, подтвердила этот факт, с которым согласилась Sor, а 7 февраля она сделала полное признание, заявив, что капуцин, падре Фирмин де Алькарас, дал ей едкое средство с указаниями наносить его на руки, ноги, бока и голову, сказав ей, что возникающая в результате боль будет спасительной епитимьей. Против нее и викария, настоятельницы и наместницы монастыря было должным образом возбуждено судебное преследование, поскольку падре Фирмин предусмотрительно исчез. Приговор был вынесен 25 ноября 1836 года, на который была подана апелляция, что привело к незначительному ужесточению наказания. Монастырь был закрыт; викарий Андрес Ривас был изгнан из Мадрида на восемь лет, а три женщины были отправлены в монастыри своего ордена, причем 27 апреля 1837 года Сор Патрочинио был переведен в женский монастырь в Талавере. [169]

Прошли годы, и о ней, казалось, забыли, когда реакция 1844 года предположила, что ее снова можно использовать. В 1845 году для нее был построен монастырь Иисуса; она вернулась с обновленными стигматами и укрепленной репутацией святой. пышные церемонии произвели впечатление на ее появление, и ее доставили в монастырь под балдахином, как королевскую особу. Вместе с падре Фульхенсио, духовником короля-консорта дона Франсиско де Асиса, и со своим братом Мануэлем Кирогой, которого она сделала кавалером королевской опочивальни, она стала силой, стоящей за трон. Доктор Аргумоса, вылечивший ее стигматы, подвергся преследованиям, а брат Фирмин Алькарас, вышедший из своего укрытия, был назначен епископом Куэнки. В 1849 году считалось, что она вынудила Изабеллу отправить в отставку герцога Валенсии (Нарваэса) и его кабинет министров. За этим последовало то, что было известно как *Ministerio Relámpago*, или Министерство молний, которое занимало свой пост в течение трех часов 19 октября 1849 года и было вынуждено уйти в отставку из-за угрожающего вида людей. Нарваэс была отозвана и немедленно отстранена от Сор Патрочинио, ее брата падре Фульхенсио и некоторых их сообщников.

Однако вскоре ее отозвали, и она пользовалась влиянием, которому Нарваэс не мог сопротивляться. Его преемник, Браво Мурильо, пытался получить передышку, убедив нунция Брунелли отправить ее в Рим, но это мало что дало, поскольку вскоре она вернулась, более могущественная, чем когда-либо, с благословения Пия IX. Под ее руководством в течение оставшейся части правления Изабеллы II камарилья практически правила королевством и ускорила революцию 1868 года, которая на какое-то время заменила монархию республикой. С падением Изабеллы она исчезла из поля зрения общественности, удалившись в Гвадалахарский монастырь, настоятельницей которого она была. Там она пробыла в уединении до 27 января 1891 года, когда безмятежно скончалась, утешенная в свои последние минуты телеграфным благословением от Льва XIII. [170]

Инквизиция могла подавить иудаизм, она могла уничтожить протестантизм, она могла сделать необходимым изгнание морисков, но она потерпела неудачу, когда попыталась искоренить злоупотребления мистицизмом, которые не только свидетельствовали о пылкости испанской веры, но и были так трудно отличимы от верований, давно признанных и поощряемых Церковью. По-видимому, в обычном человеческом сознании существует ненасытная тяга к проявлениям сверхъестественного. Современная наука с ее материализмом может ослабить или даже искоренить это в большинстве случаев и может психологически объяснить многое из того, что кажется чудесным, но успех в нашей собственной стране любопытного суеверия, известного как христианская наука, показывает нам, насколько поверхностно современное просвещение, и должен научить нас сочувствовать, а не презирать фантастические проявления легковерия, которые мы рассмотрели.

ГЛАВА VI.

ДОМОГАТЕЛЬСТВО

Соблазнение кающихся женщин их исповедниками, эвфемистически известное как *solicitatio ad turpia* или "домогательство", было постоянным источником проблем для Церкви с момента введения исповеди, особенно после того, как Латеранский собор 1216 года сделал обязательной ежегодную исповедь приходскому священнику. Это было признано преобладающим пороком, и канонисты стремились хоть как-то смягчить это зло, утверждая, что священник, заведомо пристрастившийся к нему, утратил свою юрисдикцию над своими прихожанками, которые, таким образом, были вольны искать таинства покаяния у других. [171] Испанские власти, однако, считают, что для этого требуется разрешение самого приходского священника, и, когда он отказывается от этого, женщина должна исповедаться ему, помолившись Богу о силе противостоять его домогательствам. [172]

Это было зло, подавление которого было невозможно, несмотря на беспрепятственные угрозы наказания. Требовалась добродетель необычайной стойкости, чтобы противостоять искушениям, возникающим из доверительности исповедующегося, и это было так хорошо понято, что из правила, требующего совершенной исповеди, было сделано исключение, поскольку советовалось воздерживаться от плотских грехов, когда репутация священника позволяла это сделать. [173] От немногих женщин, к которым обращались таким образом, можно было ожидать, что они, уступая или нет, донесут на своих пасторов епископу или провизору, и для той, кто уступила, путь ко греху был облегчен благодаря повсеместному злоупотреблению отпущением грехов ее сообщником, и это, хотя и оспаривалось по этическим соображениям, было признано действительным. [174] С другой стороны, грешный исповедник мог рассчитывать на получение отпущения грехов от сочувствующего коллеги ценой епитимьи, которая стала привычно тривиальной.

Общение между священником и кающимся было особенно опасным, потому что тогда еще не было изобретено устройство исповедальни — будки или кабинки, в которой исповедник сидит, приложив ухо к решетке, через которую шепотом рассказывается о задуманных или совершенных грехах. Сидя рядом с ним или стоя на коленях у его ног, было больше риска разжечь страсть и гораздо больше возможностей для провокационных заигрываний. Только в

середине шестнадцатого века была изобретена исповедаляня, несомненно, вследствие нападков еретиков, которые находили в этих скандалах благодатный повод для вражды. Самый ранний намек на это, который я встречал, содержится в мемориале Силичео Толедского Карлу V 1547 года. [175] В 1565 году Совет Валенсии предписал его использование, и одновременно С. Карло Борромео ввел его в своей миланской провинции, в то время как в 1614 году римский ритуал предписал его использование во всех церквях. [176] Командовать было легче, чем добиться повиновения, поскольку духовенство оказывало пассивное сопротивление, преодолеть которое даже инквизиции было почти невозможно. Еще в 1625 году он запретил приходским священникам принимать исповеди у себя дома; между 1709 и 1720 годами мы находим, что он был занят попытками обеспечить использование исповедаляни и предотвратить уклонения, такие как слушание исповедей в кельях и часовнях, а не в церкви. [177] Насколько длительной была оппозиция и насколько прозрачными были уловки, направленные на то, чтобы обойти правила, видны из эдикта от 3 ноября 1781 года, который привел к значительным неприятностям. Сославшись на неоднократные распоряжения по этому вопросу и прискорбные результаты их игнорирования, он предписал, чтобы женщин слушали только через решетки закрытых исповедальен, или из открытых кабинок в корпусе церквей, или в открытых и хорошо освещенных часовнях. Он запрещал использование решеток для рук или носовых платков, сит, пучков веток, вееров или других насмешливых заменителей и предписывал подробные и наводящие на размышления правила в отношении ораторий и частных часовен, в то время как аналогичная серия, касающаяся кающихся мужчин, показывает страх осквернения даже ими. [178]

ТЕРПИМОСТЬ ДУХОВНЫХ СУДОВ

Преступление в виде домогательства подпадало под юрисдикцию епископальной инстанции, и на протяжении всего средневековья не существовало общего законодательства, предписывающего наказание за него. Некоторые апокрифические каноники отнесли к нему с заслуженной суровостью, и в 1217 году Ричард Пур, епископ-реформатор Солсберийский, пригрозил ему пятнадцатилетней епитимьей с последующим заключением в монастырь. [179] Духовные суды, однако, были печально известны своей снисходительностью, и преобладающая сексуальная распущенность вызвала сочувствие, которое обезоруживало строгость в тех редких случаях, когда они рассматривались. Когда во время Реформации это преступление стало излюбленной темой еретиков, возник спрос на более суровое обращение. В 1587 году Иньиго Лопес де Сальседо приводит это в качестве причины для строгого наказания и высоко оценивает Маттео Гиберти, епископа-реформатора Вероны († 1543), который установил ряд суровых наказаний за покушения на добродетель кающихся женщин, кульминацией которых были лишения свободы и бессрочное заключение, когда они были успешными. [180]

Однако эта добродетельная строгость была чисто исключительной. Принятая обычно терпимая точка зрения проявляется в деле, которое в 1535 году в Толедо рассматривал генеральный викарий Блас Ортис, человек настолько уважаемый, что вскоре после этого он был назначен инквизитором Валенсии. Алонсо де Вальделамар, приходской священник Альмодовара, был обвинен в черном списке преступлений — воровстве, богохульстве, мошенничестве с индульгенциями *Cruzada*, взимании платы с кающихся за отпущение грехов, посещении публичных домов и домогательствах. Это было доказательством того, что он отказал в

отпущении грехов девушке, если она не отдастся ему, что он соблазнил женатую кающуюся грешницу, муж которой был вынужден уйти от Альмодовара, чтобы увести ее от него, в то время как донья Леонор де Годой призналась, что он неоднократно применял к ней насилие в самой церкви. В его приговоре, вынесенном 26 февраля 1535 года, говорилось, что фискал полностью доказал свои обвинения, но за все эти преступления он был наказан только тридцатидневным покаянным затворничеством в своей церкви, штрафом в размере десяти дукатов, помимо четырех реалов фискалу, дуката епископальному адвокату, десятидневной зарплаты нотариусу, который отправился к Альмодовару для дачи показаний, и судебных издержек. В связи с этим фискал обратился к архиепископу, но на следующий день отозвал апелляцию; Вальделамар принял ее и был отправлен обратно в свой приход, чтобы продолжить свой путь расточительства. Очевидно, епископальный трибунал был больше озабочен прибылью от своей юрисдикции, чем пресечением вымогательства. [181]

ПОДВЕРГНУТ ИНКВИЗИЦИИ

Из этого можно сделать вывод, что виновные исповедники вряд ли подвергались судебному преследованию, если только не было других обстоятельств или правонарушений, стимулирующих действия, и это подтверждается другим делом примерно того же времени, что также свидетельствует о готовности трибунала заявить о своей юрисдикции. Педро Бермудес, действующий глава Чемпосуэло, нанимал священника по имени Пареха в качестве викария с 1525 по 1529 год. Они поссорились; Пареха был уволен, нашел работу в Вальдеморо и подал иск против Бермудеса. Последний в ответ подстрекает некую Каталину Ролдан, которая родила ребенка Парехе, и ее мать пожаловаться Ромеро, приезжему инквизитору из Толедо, на совращение, прося, чтобы его заставили предоставить приданое и найти для нее мужа. Ромеро взялся за это дело. Бермудес занялся сбором свидетельских показаний, и ему помог священник по имени Солорзано, чья вражда была вызвана тем, что Пареха был комиссаром по сбору свидетельских показаний о его совращении замужней женщины, за что он был привлечен к ответственности в Алькале. Собранные против Парехи доказательства были неопровержимыми. Двое из его кающихся признались, что уступили ему, и еще несколько человек дали показания о его домогательствах во время исповеди. Когда одну из них спросили, призналась ли она ему в их общем грехе, она сказала, что он сказал ей не делать этого, а потом допустил ее к причастию. Были также доказательства того, что он нарушил печать исповеди и проявил непочтительность при совершении таинства. Судебный процесс шел обычным чередом, основными обвинениями были его проступки с кающимися женщинами, в которых он более или менее открыто признался. Когда документы были отправлены в Верховный суд, он вернул их, заявив, что обвинения по большей части выходят за рамки компетенции трибунала и относятся к епископальному суду, которому они должны быть переданы, в то время как трибунал может приступить к тому немногому, что осталось. Таким образом, обвинения, после исключения домогательств, были сокращены до четырех: что он убедил своих сообщников в том, что их общий грех не нуждается в исповеди, что он сказал им, что они могут принимать причастие без исповеди, что он сказал, что лучше отслужить мессу, чем платить долги, и что почти все свидетели считали его плохим христианином, еретиком и злым человеком.

Пареха и его адвокат утверждали, что дело находится вне юрисдикции инквизиции, но трибунал довел его до конца по этим второстепенным пунктам и 23 мая 1532 года приговорил его к

бессрочному лишению права выслушивать признания женщин, штрафу в размере двадцати тысяч мараведи и заключению в тюрьму Толедо на два года, в течение которых он должен был поститься и читать псалмы по пятницам. Поскольку от него не требовалось отречься даже по незначительному подозрению, обвинение в ереси было снято, а поскольку вымогательство не было включено в приговор, он подлежал дальнейшему судебному преследованию Обычным судом. Тем не менее, характер наказаний показывает, что вымогательство было реальной тяжестью, в отношении которой трибунал пытался косвенно приобрести юрисдикцию. [182]

Очевидно, что для излечения или смягчения последствий этой разъедающей раковой опухоли требовался какой-то менее благожелательный трибунал, чем епископальный, и инквизиция стремилась восполнить недостаток, однако делам было позволено плыть по течению еще четверть века. Возможно, именно лютеранская тревога 1558 года побудила архиепископа Гранады Герреро искать средства правовой защиты и обратить внимание Святого Престола на частоту преступлений и необходимость их более энергичного подавления. [183] Его апелляция была услышана, и Павел IV в кратком послании от 18 февраля 1559 года выразил свое сожаление, узнав, что некоторые священники Гранады вводили в заблуждение своих кающихся и злоупотребляли таинствами, поэтому он предоставил инквизиторам Гранады юрисдикцию в отношении ереси, подразумеваемой в преступлении, и отменил все исключения из религиозных орденов. [184] Какую активность проявил трибунал Гранады при выполнении своих новых функций, не зафиксировано, но открывшееся таким образом поле было достаточно привлекательным для Вальдеса, чтобы в 1561 году добиться от Пия IV краткого предоставления ему и его делегатам по всей Испании одинаковых полномочий. [185] Требовалась некоторая изобретательность, чтобы отнести преступление к компетенции инквизиции, но утверждалось, что никто, чья вера была правильной, не мог таким образом злоупотреблять таинствами Церкви Божьей. Этот момент не лишен важности, поскольку в нем речь шла о вере, а не о морали, что привело, как мы увидим, к заметному ограничению эффективности предпринятой реформы.

Обычное духовенство стремилось спастись от более мягкой милости своего собственного начальства и утверждало, что в конституции Пия IV 1562 года, которая в целом подвергала их инквизиции, были исключения из случаев, когда начальство принимало более ранние меры. [186] Применение, однако, этого исключения к преступлению в виде вымогательства было отменено в 1592 году указом Климента VIII, в котором говорилось, что юрисдикция инквизиции в этом вопросе была исключительной, а не совокупной, и он предписывал членам всех привилегированных орденов доносить инквизиции на своих виновных братьев. [187] В 1608 году Павел V предоставил те же полномочия инквизиции Португалии, а в 1612 году он разрешил в пользу веры возникший вопрос о том, охватывались ли в сводках дела домогательства мужчин так же, как женщин. [188] Еще до этого домогательство в Италии подвергалось римской инквизиции, поскольку она издала 15 декабря 1613 года указ, предписывающий исповедникам инструктировать своих кающихся, что они должны сообщать трибуналам о любых попытках склонить их ко злу, а 5 июля 1614 года он включал в себя то, что она назвала частым правонарушением, обсуждение непристойных вопросов с женщины на исповеди, даже без исповеди. [189]

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ГРИГОРИЯ XV

Таким образом, Церковь постепенно осознавала необходимость более строгих мер по обузданию дурных наклонностей тех, кому она доверяла спасение душ, но пока она

устанавливала только местные правила. Григорий XV признавал, что необходим общий закон, который охватывал бы все земли римского подчинения, а не только те, которые принадлежали инквизиции, и в то же время более полно определял характер преступления. До сих пор в сводках это ограничивалось соблазнением в процессе выслушивания признаний. Папское законодательство всегда толковалось самым строгим образом, и исповедники чувствовали себя в безопасности, если ограничивали свои обольщения временем, предшествующим и следующим за фактическим произнесением исповеди. Если бы речь шла только о моральном и духовном благополучии священника и кающегося, было бы легко включить в общих чертах любые непристойные или недозволенные высказывания между ними, независимо от того, когда и где они были совершены, но было выдвинуто обвинение в ереси, чтобы привлечь к нему инквизицию, и это стало рассматриваться как чисто техническое преступление, наказуемое только тогда, когда оно могло быть напрямую связано с причастием, что привело к печальному выводу, что в остальном это был тривиальный вопрос, не заслуживающий особого рассмотрения.

Соответственно, Григорий в своем кратком изложении *Universi Dominici Gregis* от 30 августа 1622 г., расширяя определение, ограничил его тем, что было сказано или сделано в месте, предназначенном для слушания исповедей, независимо от того, было ли это до или после исповеди, или даже если был только предлог для исповеди. Он распространил положения своих предшественников на все страны и делегировал всех инквизиторов и ординариев в качестве специальных судей, обладающих исключительной юрисдикцией расследовать подобные дела и прилежно преследовать их в судебном порядке в соответствии с канонами в вопросах веры. Далее он издал указ о наказаниях в виде отстранения от исполнения обязанностей, лишения льгот и почестей с пожизненной нетрудоспособностью для тех же лиц, а для постоянных сотрудников - с активным и страдательным залогом; помимо этого, предусматривались временные наказания в виде ссылки, галер, бессрочного и несвоевременного тюремного заключения и, в случаях исключительной порочности, деградации и расслабления. Ввиду сложности доказывания для вынесения приговора должно быть достаточно одного свидетеля, если обстоятельства допускают надлежащую презумпцию невиновности. Исповедники, обнаружившие, что к их кающимся ранее обращались с просьбой, должны были увещевать их выдать преступников, и за пренебрежение этим они должны были понести должное наказание. Это последнее положение было трудно привести в исполнение, поскольку Урбан VIII в 1626 году счел своим долгом обратиться ко всем архиепископам, поручив им обратить на него внимание исповедников и включить соответствующий пункт во все лицензии. Обычное духовенство, по-видимому, было предметом особого беспокойства, поскольку в 1633 году настоятелям всех религиозных домов было приказано ежегодно собирать заключенных и предупреждать их о соблюдении этих указов, и это также должно было делаться во всех капитулах, генеральных, провинциальных и монастырских. [190]

Святой Престол действовал серьезно, но результат не соответствовал его усилиям. Франция и Германия практически не обратили внимания на указы, а в Испании инквизиция не внесла никаких изменений ни в свою процедуру, ни в мягкость наказаний. Единственным результатом выступления Григория было поднятие вопроса о том, не подтверждает ли оно, по крайней мере в совокупности, епископам юрисдикцию, которой они были практически лишены. Не было проведено никакого различия между землями с инквизицией и землями без нее, и первоначальные записки Павла IV и Пия IV не лишали епископов юрисдикции, хотя последние приложили мало усилий, чтобы отстоять ее от исключительных претензий трибуналов. Нам

довелось услышать о деле доктора Мигеля Буэсо, который был выдан архиепископом Валенсии в 1608 году для суда по этому обвинению и после наказания был возвращен архиепископскому суду. [191] Вскоре после этого де Суза утверждает, что, несмотря на папские указы, епископы обладают совокупной юрисдикцией, хотя генеральный инквизитор может возбуждать дела. [192] В 1620 году генеральный инквизитор Луис де Алиага поссорился со своим братом Исидором де Алиага, архиепископом Валенсии, по делу Гаспара Флори, настоятеля Уржеля, который предстал перед судом генерального викария за различные правонарушения, включая домогательство. Трибунал потребовал признать это особое обвинение; генеральный викарий заявил о совокупной юрисдикции, добавив, что он уже рассматривал два дела подобного рода. Генеральный инквизитор яростно доказывал, что с точки зрения веры это принадлежит инквизиции; если бы это не было вопросом веры, это осталось бы безнаказанным, поскольку не было бы обязанности доносить, а без этого женщины никогда не подвергли бы опасности свою честь, поскольку опыт показывал, как редко они делали это добровольно, и их приходилось принуждать отказом в отпущении грехов. Несмотря на все это, архиепископ Валенсии держался молодцом; его генеральный викарий рассмотрел дело и привел приговор в исполнение. [193] Однако было мало епископальных судов, столь дерзких, как этот, и притязания инквизиции на исключительную юрисдикцию в целом были признаны.

ЗАЯВЛЕННАЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

Краткое изложение Григория XV не было опубликовано в Испании, но каким-то образом ординарий Севильи раздобыл копию и продемонстрировал ее инквизиторам. Верховный суд незамедлительно, 14 января 1623 года, направил консультацию Филиппу IV, заявив, что ему не известно, что дело дошло до какого-либо другого епископа, и красноречиво остановившись на частоте и отвратительности преступлений, энергии и строгости инквизиции в ее репрессиях, а также катастрофических последствиях параллельной епископальной юрисдикции, где мягкость наказания поощряла злодеев, а публичность процедуры передавала знания мужьям и родственникам. Поэтому королю было предложено ходатайствовать об освобождении Испании от действия сводки; это было быстро организовано, и 10 апреля посол Альбуркерке сообщил о направлении указа Конгрегации инквизиции, в котором говорилось, что в намерения папы не входило, чтобы сводка распространялась на испанские владения. Кардинал Миллино в то же время написал, что папа заявил, что инквизиция должна продолжать преследовать подобные дела в своей обычной форме. [194]

Это просто оставило дело там, где оно было раньше, но инквизиция смело заявила, что ей была предоставлена исключительная юрисдикция, и, когда Урбан VIII предоставил епископу Асторги осведомленность об этих делах среди обычного духовенства, у нее хватило наглости обратиться к нему с иском. [195] 19 мая 1629 года он разослал трибуналам копии сводки Григори с инструкциями следовать ее предписаниям, поскольку наказание за преступления такого частого характера должно быть единообразным. Хотя, добавило оно, судебное разбирательство, по-видимому, наделяет только совокупной юрисдикцией, папа заявил королю, что в его владениях оно носит исключительный характер, так что, если какой-либо рядовой возьмется рассматривать такое дело, ему следует воспрепятствовать и незамедлительно доложить об этом Верховному судье. В довершение всего за этим последовал приказ от 9 августа о том, что это исключительное знание должно быть закреплено в Эдикте веры. [196]

Вскоре из-за этого произошла еще одна ссора с архиепископом Валенсии Алиагой. В 1631 году Висенте Палмер, настоятель Хативы, был привлечен к уголовной ответственности архиепископским судом за различные правонарушения, включая обвинение в вымогательстве, которое предпочла Ана Мартинес. Нанятый нотариус был знакомым, который проинформировал суд. Суд незамедлительно уведомил Ординарца об опущении этого уточнения, на что Алиага ответил, что его суд всегда обладал юрисдикцией в отношении данного вопроса, а краткое изложение Григория XV подтвердило совокупную юрисдикцию обоих трибуналов; если Урбан VIII исключил юрисдикцию инквизиции, он не видел этого краткого изложения, но если ему покажут, он, конечно, подчинится ему. Затем наступила пауза, во время которой Палмер вернулся в Хативу и с кафедры осудил всех, кто свидетельствовал против него, заявив, что все, кто обвинял священнослужителей, были отлучены от церкви, и он не будет слушать их исповедь, особенно Ану Мартинес; в городе поднялся шум, и один человек умер без исповеди. Через несколько месяцев трибунал в своей обычной высокомерной манере, с угрозами отлучения от церкви, потребовал от архиепископа сдать бумаги и признать, что ему что-то мешало. На это он дал пространственный ответ, указав, что было бы неразумно просить его лишиться себя установленной юрисдикции на основании простого утверждения инквизиторов о том, что у них есть краткое изложение дела Урбана VIII, которое они не будут предъявлять. Он предложил передать этот вопрос папе римскому или сформировать компетенцию обычным способом, но оба предложения были отклонены, хотя трибунал принял более умеренный тон. Записи несовершенно, и мы не знаем результата, но, вероятно, Супрема спокойно упустила это дело из виду из-за задержки, предпочитая спровоцировать расследование, которое выявило бы фальсификацию ее заявлений. [197]

ВКЛЮЧЕНО В ЭДИКТ ВЕРЫ

Смелость этого утверждения возрастала со временем, и в формуле Эдикта веры, использовавшейся в 1696 году, содержалось абсолютное утверждение, что Григорий XV заявил, что в испанских владениях преступление находится в исключительной компетенции инквизиции, а не епископов, их викариев, провизоров или ординариев. [198] Несмотря на это, когда епископы заявили о своих правах, Верховный суд отказался от прямого оспаривания. Таким образом, в 1755 году, когда епископ Кито взялся рассматривать подобные дела, Верховный судья просто представил королю длинную и аргументированную консультацию. Итак, в 1807 году епископ Бадахоса судил Джозефа Мендеса Родригеса, священника Льерены, за вымогательство, по-видимому, без возражений с его стороны, и когда в 1816 году трибунал Льерены привлек Родригеса к ответственности за высказывания и *малую доктрину*, Верховный суд приказал получить у епископа документы предыдущего судебного разбирательства и приобщить их к новому разбирательству. [199]

В то время как инквизиция, таким образом, проявляла агрессивность в захвате исключительной юрисдикции, она некоторое время колебалась относительно активного использования своих полномочий. Очевидно, что он мог сделать немногим больше, чем бездействующие епископальные суды, если только не включать вымогательство в Эдикты веры, в которых оговаривались правонарушения и обязанность их осуждения, но это влекло за собой постоянный страх скандала и необходимость привлечения внимания к столь деликатному

вопросу. Это объясняет первоначальные колебания политики. Когда юрисдикция была впервые предоставлена, Верховный суд распорядился исключить ходатайство, а затем указом от 17 июля 1562 года постановил включить его. [200] Это быстро вызвало энергичный протест, в котором искренне подчеркивалась необходимость сохранения тайны для предотвращения скандала и придания признанию одиозности. Никогда не следует допускать, что такое зло было возможно; оно, фактически, существовало всегда, но никогда не представлялось такого средства, которое заставило бы мужчин не пускать своих жен и дочерей на исповедь, дворян воздерживаться от помещения своих дочерей в монастыри, презирать религию и ненавидеть само христианство. Хорошие исповедники были бы вынуждены отказаться от исповеди, а духовенство, видя, что их слабости будут наказаны инквизицией, прекратило бы свою поддержку, что привело бы к серьезным результатам. По крайней мере, наказание должно быть тайным, чтобы люди, не видя никаких результатов, могли поверить, что не было никаких злых людей, совершавших таинство. [201] Это последнее предложение было излишним, поскольку церковные правонарушители, за исключением тех, кто подвергался деградации и расслаблению, всегда наказывались тайно.

Противодействие этому публичному признанию слабости клерикала стало настолько сильным, что Супрема в carta acordada от 22 мая 1571 года заявила, что после многих обсуждений было решено, что связанные с этим недостатки требуют его упущения, и инквизиторам было велено найти какие-то другие средства, включая уведомление ординариев, чтобы они инструктировали исповедников увещевать кающихся доносить на нарушителей в Святую Канцелярию. Исключение, сделанное таким образом в пользу привлечения исповедников, очевидно, привело к заметному уменьшению числа доносов, что заставило Супрему колебаться, поскольку в хартии от 20 сентября 1574 года, повторяя приказы об отказе, Супрема говорил об этом как о возможном временном регулировании. [202], похоже, усилилось убеждение, что никаким другим способом злоупотребление не могло быть остановлено, и в carta acordada от 2 марта 1576 года инквизиторам было приказано заменить этот пункт в Эдикте веры. [203]

ОТВРАЩЕНИЕ К ОСУЖДЕНИЮ

Несмотря на публичность Эдикта, который налагал отлучение от церкви за отказ от доноса, судебные процессы показывают, что наиболее плодотворным источником доноса был отказ исповедников отпустить грехи кающимся, у которых их просили, если только они не обвиняли своих виновных партнеров перед инквизицией. Несмотря на заверения в секретности, женщины, естественно, неохотно, независимо от того, уступили они или нет, подвергали себя необходимости рассказывать более или менее отвратительные подробности и подвергать себя, по крайней мере, подозрениям. Одной особенностью, которая делала это разоблачение особенно удручающим, была необходимость ратификации, когда все грязные или компрометирующие материалы репетировались в присутствии еще двух человек, и, поскольку большая часть этих показаний снималась на месте, комиссарами и нотариусами, назначенными *ad hoc*, в небольших местах, где все было известно, такие разоблачения могли быть сделаны только под жесточайшим давлением. И снова возникла вражда, которая, несомненно, разгорелась, поскольку в этих случаях средство сокрытия имен свидетелей не было защитой от опознания, с таким риском было нелегко столкнуться, особенно когда преступником был приходской священник, чья способность к мести была неограниченной. Инквизиция с сожалением признала, что даже когда у нее есть один обвиняющий свидетель, получить подтверждающие доказательства практически невозможно. [204]

Даже там, где не было возбуждено прямой вражды, случайные неприятности, к которым мог привести донос, можно проиллюстрировать на примере Сор Марии де Санта Рита, 29-летней монахини из монастыря Ла Магдалена в Алькала-де-Энарес в 1737 году. В отсутствие постоянного духовника она исповедовалась трижды в неделю в течение пяти недель маэстро Диего де Азуманесу, пастору Алькалы. Когда она упомянула о неких плотских искушениях, он продвинул свои расспросы дальше некуда, а затем, день за днем, излил ей в уши поток грязных и непристойных разговоров с личными обращениями к ней и к себе в манере, наиболее вызывающей похоть - или отвращение. Постоянный исповедник, вернувшись, проинструктировал ее сообщить об Азуманесе инквизиции. При этом она, к несчастью, упомянула, что настоятельница дома, сеньора Тереза де Сан-Бартоломе, девственница с тридцативосьмилетним монастырским стажем, видя ее отвращение исповедоваться Азуманесу, сказала ей не обращать на него внимания; это правда, что он был слишком ясен и недвусмыслен в обсуждении подобных вопросов, что приводило к временному возбуждению страстей, но она скоро преодолет это. Трибунал приказал комиссару допросить сестру Марию и, получив его отчет, поручил ему допросить сестру Терезу, что он и сделал с прямотой, которая, должно быть, была чрезвычайно неприятной, и легко догадаться, насколько несчастной, должно быть, была последующая жизнь сестры Марии в монастыре. Можно добавить, что трибунал ничего не предпринял, кроме как удостоверился, что против Азуманеса не было выдвинуто никаких других обвинений. Ему было позволено продолжать заражать умы кающихся своей непристойностью вплоть до своей смерти несколько лет спустя в счастливом неведении о том, что на него были поданы какие-либо жалобы. [205] Когда существовало так много причин удерживать женщин от доноса, легко понять, насколько мала доля случаев домогательства, дошедших до инквизиции. В 1695 году, помнится, брат Луис Аритио был обвинен трибуналом Валенсии двумя женщинами, и на суде он признался в десяти преступлениях. [206]

ЯВЛЯЕТСЯ ТЕХНИЧЕСКИМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ

Наиболее доступным средством преодоления этого отвращения было возложение на женщину обязанности по доносу. Чтобы добиться этого, насколько это возможно, когда в 1571 году действие пункта Эдикта веры было приостановлено, Верховный суд издал указ, требующий от исповедников под страхом отлучения от церкви не отпускать грехи кающимся, признающимся в том, что их домогались, если они не пообещают донести на преступника. [207] Однако признавалось, что существовали степени опасности, которые освобождали женщину от обязательств, и казуисты пытались определить это со своей обычной остротой и отсутствием единомыслия. Один ученый писатель около 1620 года даже сформулировал общий принцип, согласно которому естественное право превосходит позитивное право, и сохранение репутации принадлежит первому, в то время как обязанность по разоблачению принадлежит второму. [208] Римская инквизиция в 1623 году пошла на уступку этой слабости, предусмотрев, что, когда благородных или скромных женщин невозможно было склонить к доносу, их исповедникам могли быть предоставлены полномочия отпускать им грехи при условии, что, когда причина страха будет устранена, они выполнят свой долг, но этим разрешением, по-видимому, злоупотребили, поскольку в 1626 году инквизиторов и епископов предупредили предоставлять такие полномочия только при наличии серьезных оснований. [209] То, что опасность действительно иногда возникала, следует из некоторых фрагментарных случаев в записях Валенсии. В одном из них сбивший с толку исповедник угрожает своей кающейся смертью, если она предаст его; в другом священник, обнаружив, что на него донесли, аналогичным образом угрожает исповеднику, который был посредником доноса, если он не напишет, что женщины

отказались от своих показаний. [210] Испанская инквизиция, однако, не сделала никаких допущений. Очевидно, чтобы положить конец утонченности казуистики, в 1629 году, когда суд распространил среди трибуналов свод законов Григория XV, он предоставил всем инквизиторам право наказывать исповедников, которые учили, что кающиеся не обязаны доносить на таких поверенных. [211] Чтобы сделать это более эффективным, в 1713 году было приказано допрашивать всех женщин, предъявивших обвинения в домогательствах, не пренебрег ли какой-либо духовник возложением на них обязанности доноса, и если да, то должны быть установлены его имя, место жительства и все обстоятельства, чтобы его можно было привлечь к ответственности. [212]

В то время как испанская инквизиция, таким образом, была похвально строга в требовании доносов, она была столь же строга в толковании пределов технического правонарушения, определенных в папских указах. Как указывалось выше, мораль не имела к этому никакого отношения; задачей трибуналов было не предотвращать разорение женщин их духовными отцами, а лишь следить за тем, чтобы таинство покаяния не было осквернено настолько, чтобы оправдать подозрения в ортодоксальности духовника. В 1577 году инквизиторов предупредили, что для судебного преследования недостаточно того, что исповедники вступали в незаконные отношения со своими кающимися, или что они домогались исповеди, когда на самом деле исповеди не было, а в 1580 году было прямо заявлено, что они не подлежат судебному преследованию, если они скажут, что не намерены добиваться признания своих кающихся. [213] Это касалось свиданий под предлогом исповеди, чтобы обмануть зрителей, что, как нам сказали, было частым обычаем, и, поскольку там не было исповедальных кабинок, а церкви были в основном пустыни, опасность прерывания была небольшой. Утверждалось, что не было исповеди и причастия, поэтому не могло быть никакой ереси, но Римская инквизиция в 1614 году решила, что это домогательство, и краткое изложение Григория XV в 1622 году решило вопрос, хотя потребовалось еще одно краткое изложение Урбана VIII в 1629 году, чтобы придать ему авторитет в Испании. [214] Это включало в себя вопрос о знании, которым могла обладать любая из сторон о намерениях другой стороны, открывая дверь бесконечным усовершенствованиям предшествующего или последующего непреодолимого невежества, в котором пребывали казуисты. [215]

Еще более сомнительным и плодотворным предметом обсуждения был вопрос о том, что представляло собой само домогательство. По поводу торпед или физических непристойностей не могло быть никаких рациональных сомнений, хотя даже здесь слабость вероятностного подхода давала возможность опровергнуть их. [216] Именно такие вещи обычно встречаются нам на судебных процессах в форме, не допускающей дебатов, но был и широкий спектр менее компрометирующих действий, таких как слова лести и нежности, восхваление красоты кающейся или высказывание ей, что если бы он был мирянином, то женился бы на ней. Теоретически то, что было известно моралистам как *parvitas materiae* — мелочи, недостаточные для обращения к животным, — не допускалось в домогательствах. Пожатие руки, прикосновение к ноге, нецензурные выражения и тому подобное были признаны объектами для осуждения, но градации таких достижений бесконечны, и подробные обсуждения в некоторых работах на эту тему являются примерами извращенной изобретательности, очевидно, направленной на то, чтобы научить похотливых священников удовлетворять чувственность без риска. [217] Вопрос о непристойных разговорах был особенно озадачивающим, поскольку конфиденциальность исповеди предполагает вольность в вопросах, обычно запрещенных между полами, которыми легко может злоупотреблять жестокий или сквернословящий

священник, и невозможно сформулировать определение, которое на практике жестко отличало бы нравоучения от беспечной похоти или преднамеренного разврата. О том, насколько трудно подвести черту в таких вопросах, свидетельствует дело, рассматривавшееся трибуналом Валенсии в 1786 году. Монахиня монастыря Санта-Клара в Хативе пожаловалась на неприличные и ненужные вопросы, неоднократно задаваемые ей на исповеди наблюдательным братом Висенте Гонсалесом. По совету основателя Ордена она уполномочила его донести на Гонсалеса инквизиции. Затем постоянный духовник монастыря заявил, что вопросы были необходимыми и уместными, и убедил составителя определения написать в трибунал с соответствующим заявлением. [218]

СОМНИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Были и другие запутанные вопросы, возникающие из-за человеческой извращенности. Кунья говорит нам, что более вероятное мнение подтверждает вину исповедника, который действует как сводник со своим кающимся в интересах другого, а также в более частых случаях, когда он домогается кающегося выступить для него сводницей со своей дочерью или другом. Де Суза, однако, проводит различие и положительно утверждает, что в первом случае он несет ответственность в соответствии с папскими указами, а во втором - нет, как и в том случае, если он пытается соблазнить женщину, которая исповедуется другому священнику. [219] Затем был хороший вопрос о священниках, не имеющих права принимать исповеди или находящихся под временным отстранением от церкви или отлучением, по которому мнения врачей разделились поровну. [220] Отдаленно похожими на это были случаи, когда миряне уединялись в исповедальнях и выслушивали признания, будь то из похотливых побуждений, или из-за ревности, или чтобы получить возможности для соблазнения. Если они доводили обман до дарования отпущения грехов, они подвергались серьезному наказанию, как мы увидим ниже; если они просто домогались кающегося, вес власти таков, что нет никакого таинства и никакой ответственности перед папскими инстанциями. [221]

Был еще один аспект, по которому врачи безнадежно расходились во мнениях, — так называемое пассивное домогательство, когда искусительницей была женщина. Этот случай, как нам сказали, был редким, и мы легко можем в это поверить, хотя нет недостатка в ревностных защитниках сутаны, которые утверждают, что в большинстве случаев кающийся действительно является виновной стороной. Самое раннее упоминание об этом есть у Парамо в 1598 году, чье рассмотрение этого вопроса показывает, что официального решения еще не было; если исповедник сопротивляется, говорит он, он должен осудить женщину; если он уступает, он должен осудить и ее, и себя, хотя, возможно, было бы лучше проконсультироваться с папой. [222] Что касается исповедницы, то власти непримиримо расходятся во мнениях, но они практически единодушны в том, что, поскольку женщина не упоминается в папских сводках, она не подлежит инквизиции. [223] Тем не менее, несмотря на отсутствие папской власти, мы случайно обнаружили Марию Искьерду, привлеченную к ответственности за это преступление в 1715 году трибуналом Валенсии, а в 1772 году Антонию Кокис, жену Бруно Видаля, трибуналом Мадрида. [224]

Будет видно, что домогательство, подлежащее преследованию инквизицией, было настолько чисто техническим преступлением и настолько сложным для точного определения, что предлагало множество сомнительных моментов, предоставляющих широкие возможности для

уклонения ловким людям. Григорий XV стремился быть точным и недвусмысленным, но изобретательность казуистов и злодеев продолжала находить исключения, и в 1661 году Римская инквизиция вынесла шестнадцать решений по спорным пунктам, но ее изобретательность была поставлена в тупик столь запутанным предметом, и она была вынуждена оставить некоторые вопросы скорее затемненными, чем освещенными. [225] Затем было указано, что в папских сводках ничего не говорится о передаче любовных писем кающимся во время исповеди, и, поскольку все, что конкретно не запрещалось, считалось законным, это считалось допустимым, пока Александр VII не признал это утверждение ошибочным. [226] После этого извращенная изобретательность казуистов получила полный простор, пока в 1741 году Бенедикт XIV в торжественной булле *Sacramentum Pœnitentiæ* не выразил сожаление по поводу того, что человеческое зло извращает, приводя к гибели душ, то, что Бог установил для их спасения. Он обновил и подтвердил краткое изложение Григория XV и добавил к его определениям все попытки на исповеди ввести кающихся в заблуждение знаками, кивками, прикосновениями, неприличными словами и письменами, независимо от того, будут ли они прочитаны там или впоследствии. В красноречивых словах он предостерег всех, кто обладает властью, от того, чтобы они следили за тем, чтобы заблудшие овцы, пытающиеся вернуться в стадо, не были брошены на растерзание жестоким зверям, ищущим их уничтожения, и он заклеил святотатственных соблазнительей как слуг сатаны, а не Христа. [227] Тем не менее, рассматривалась только техническая ересь, а не мораль, и незаконные отношения между духовным отцом и дочерью вне исповедальни оставались безнаказанными, как и прежде.

ОТПУЩЕНИЕ ГРЕХОВ СООБЩНИКУ

В то же время он пытался пресечь самое вопиющее злоупотребление, связанное с домогательством, — злоупотребление, которое больше, чем что-либо другое, расчищало путь соблазнителью, — освобождение женщины от ответственности ее партнером по вине. Александр VII в 1665 году зашел так далеко, что осудил утверждение о том, что это отпущение грехов освобождало ее от обязанности изобличать своего соблазнителя, — утверждение, которое доказывает, насколько смелыми были более слабые моралисты того периода, утверждавшие это. [228] Бенедикт теперь официально запретил виновному исповеднику выслушивать исповедь своего сообщника, за исключением смертного одра, когда другого исповедника быть не могло; он лишил его права даровать отпущение грехов, которое, следовательно, было недействительным, и попытка сделать это наложила *ipso facto* отлучение от церкви, строго зарезервированное за Святым Престолом. [229] Поскольку это отлучение приостанавливало все функции священника до его снятия, его соблюдение позволило бы предотвратить любое злоупотребление, которое не было неизлечимым, но ни священник, ни кающийся не обратили на это ни малейшего внимания. В делах испанской инквизиции невозможно проследить какой-либо результат благонамеренного законодательства Бенедикта. Судебные процессы по обвинению в домогательствах продолжались так же часто, как и прежде, и единственное заметное отличие состоит в том, что во второй половине восемнадцатого века приговоры почти неизменно предполагали, что преступник подвергся отлучению от церкви за то, что отпустил грехи своему сообщнику; что до тех пор, пока он не получит отпущения грехов, он должен воздерживаться от использования своих функций, что он должен посоветоваться со своей совестью относительно своего служения до сих пор, когда оно было нарушено, и что его кающихся следует ненавязчиво предупредить повторить их признания, которые, будучи сделаны ему, были недействительными. Это продолжалось до

конца и является характерной чертой дела Фрая Йозефа Монтеро, последнего, приговоренного трибуналом Кордовы 24 апреля 1819 года. [230]

ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ МОРАЛЬЮ

Неудивительно, что исповедники старались обойти технические определения папских протоколов, поскольку, если бы они могли это сделать, какой бы чудовищной ни была их вина, наказания практически не было. Хуан Санчес утверждает, что священник, имеющий дело со своим кающимся, не обязан указывать этот факт при исповеди, поскольку это не инцест и папского запрета на него нет. [231] Все авторитеты с того времени и по сей день говорят нам, что он может получить отпущение грехов у любого исповедника, поскольку это не закрытый случай, что показывает всеобщую благосклонность епископов и пап, которые имеют право оставить за собой отпущение любых грехов, какие им заблагорассудится. [232] Поэтому легко понять, как на судебных процессах инквизиторы прилагали все усилия, чтобы получить определенные доказательства относительно точного места и времени совершения актов домогательства, и как обвиняемый стремился доказать не свою невиновность, а свою ловкость в уклонении от определений, содержащихся в папских указах. Показательным примером является случай с доктором Педро Мендисабалем, куратором прихода Санта-Ана в городе Мехико. 21 июня 1809 года донья Мария Гваделупе Резейро осудила его по приказу своего духовника, заявив, что в январе 1807 года она сделала ему общую исповедь, слишком длинную, чтобы закончить ее за один день. Когда он вернулся в свою церковь, чтобы завершить работу, ей было велено подняться к нему в комнату, но он сказал, что слишком занят, чтобы слушать ее. Она удалилась, но, спускаясь по лестнице, его слуга вспомнил о ней и, войдя в свою квартиру, обнял ее, признался в горячей любви и пообещал поддержать, если она станет его любовницей, на что она ответила отказом. Поскольку он таким образом избежал определений Бенедикта XIV, четверо калификадоров из шести сообщили, что технически он не был виновен в домогательстве. Донос был отправлен в архив, и в 1817 году последовал другой, о котором его предупредили, чтобы он мог спонтанно обвинить себя, что он и сделал. Оно было от привлекательной молодой девушки 17 лет, и расследование выявило еще четыре случая с девушками, у которых он был духовником. Многочисленные свидетельства свидетельствовали о привычных неприличных вольностях — объятиях, поцелуях, сидении у него на коленях в присутствии своих семей или даже на общественных курортах. Ему было приказано покинуть два дома, и, после обращения к архиепископу, ему запретили исповедовать одну из девушек, которая была пансионеркой в женском монастыре. Рассеянность матери первого обвинителя, пытающейся спасти свою дочь от человека, авторитет которого как священника внушал ей благоговейный трепет, очень трогательна и наводит на размышления. Однако при всем этом акт исповеди ничего не доказывал — как благочестиво заметил один из калификадоров: “Бог в своей доброте уберег его от этого”. Двое калификадоров долго доказывали, что он невиновен в домогательстве; затем двое других доказали, что он виновен, и, наконец, еще двое усердно доказали, что первая пара была верна. Это последний документ в деле. Оно датировано 3 ноября 1819 года, и, поскольку инквизиция была подавлена в июне 1820 года, и поскольку в протоколе нет никаких подтверждений, свидетельствующих о завершении дела, Мендисабаль, несомненно, сбежал, чтобы продолжить свою коррупционную карьеру, тем более что четверо из шести калификадоров были в его пользу. [233]

Технические аспекты, исключавшие из рассмотрения мораль, привели к любопытным контрастам. В ноябре 1762 года брат Клементе де Картахена отправился в Толедо, чтобы помочь в постриге своей сестры Геронимы в монастыре бернардинок, где у него уже была сестра. Они с сестрой были в исповедальне возле алтаря, когда какой-то долг позвал ее, и она велела Джерониме идти к своему дяде. Она села в исповедальне, а он занял место кающегося снаружи и в нежной беседе попросил ее поцеловать его. На следующий день он сказал ей, что в тот момент забыл, что они были в исповедальне; это не произвело на нее никакого впечатления, пока она не услышала, как монахини говорили о чрезвычайной деликатности подобных вопросов, и она посоветовалась с отцом Фернандо де Сан-Хосефом, который приказал ей донести на своего дядю. Она сделала это в письменном виде, и отец Фернандо передал это в трибунал, который должным образом рассмотрел дело. Мы увидим, что судебное преследование потребовало двух отдельных доносов; согласно обычаю, были проведены расследования во всех других трибуналах; к счастью для отца Клементе, против него ничего не было найдено, и дело было приостановлено, но если бы таковое имело место или если бы впоследствии он случайно навлек на себя донос, невинный поцелуй в губы будет считаться, как если бы он намеренно соблазнил кающуюся грешницу. [234] Решающим было место, а не характер действия.

Против этого можно привести случай Кристобаля Химено, приходского священника Мансанеры, грубияна, имевшего привычку насиловать молодых девушек из своей церкви, которые приходили к нему домой для освидетельствования по *Христианской доктрине*, в качестве подготовки к причастию на свадьбе, пока матери не перестали доверять своих дочерей там одним. Они были его кающимися грешниками, но возмущение было вызвано не в исповедальне, и ему нечего было бояться папских указов. В конце концов, однако, он привлек себя к ответственности перед инквизицией, притворившись, что исповедует Паскуалу Торрес во время ее бракосочетания, не отпустив ей грехов, а затем, причащая ее и ее жениха, бросил угощение в храм — святотатство, за которое он был должным образом наказан трибуналом Валенсии. [235] Действительно, настолько полным является разобщение морали и домогательств, что некоторые врачи считают, что, когда священник исповедует больную женщину, если она впадает в бред или ступор, он может изнасиловать ее, не подвергая себя осуждению. Однако приятно слышать, что вес авторитета противоречит этому мнению. [236]

БИЧЕВАНИЕ

Тем не менее, существовал один вид злоупотребления исповедью, не предусмотренный в папских протоколах, который испанская инквизиция, используя несколько вынужденную конструкцию, квалифицировала как вымогательство. Это, известное как бичевание, состояло в наложении дисциплинарной епитимьи и исполнении ее на месте, или позволении кающейся исполнять ее самой, в любом случае требуя, чтобы она разделась и обнажила себя в большей или меньшей степени. Иногда к этому примешивался низменный мистический пыл, примеры которого мы видели выше, что приводило к тому, что обе стороны разоблачали себя и хлестали друг друга плетью. Самый ранний случай, с которым я столкнулся, произошел в 1606 году в Нахере, когда Мария Эскудеро, 40-летняя вдова, засвидетельствовала, что она давно исповедовалась францисканцу брату Диего де Бургосу. Они обменялись клятвами послушания друг другу; он навещал ее в ее доме, когда они почти полностью подвергали друг друга

дисциплине, договорившись, что их глаза должны быть закрыты. Затем он ввел благочестивое упражнение, еще более неприличное, но он всегда был скрупулезно корректен на исповеди. Ей довелось исповедаться в общих чертах другому священнику, который отказал ей в отпущении грехов, если она не донесет на брата Диего. Дело, очевидно, было новым и тянулось до 1609 года, когда дошло до Верховного суда, который передал дело двум калификадорам. Один высказал мнение, что эти действия отдавали ересью адамитов и алюмбрадосов; другой приписал это просто неосторожной простоте и невежеству. Очевидно, прецедента для руководства не было, и рассмотрение дела, похоже, было приостановлено. [237] Параллельным случаем с другим концом был случай, в котором было замешано несколько женщин, и практика была отвратительной почти до невероятности. Священник был невежественным и простым человеком, который по совету другого духовника пришел вместе с женщинами, чтобы разоблачить себя. Он был приговорен к строгому затворничеству в женском монастыре, где и умер, подав самый поучительный пример, а женщины не подверглись судебному преследованию, поскольку в основном это были босоногие кармелитки и капуцинки. [238]

The *Флагелант* вскоре был признан преступником, сродни солиситору, и считался объектом папских разбирательств. Старый инквизитор, который рассказывает о последнем случае, и такие писатели, как де Суза и Альбергини, все говорят о раздевании кающихся и привлечении их к дисциплинарной ответственности как о разновидности домогательства, к которому должны применяться те же наказания. [239] На самом деле, как правило, это считалось более серьезным преступлением, поскольку предполагало нечто большее, чем формальное подозрение в ереси, особенно после того, как молинизм усугубил вину иллюминизма, и мы находим намеки на *hereges flagelantes*. Случаи становятся частыми в архивах, и мы даже в 1730 году находим фрая Доминго Кальво, спонтанно дающего показания мадридскому трибуналу за то, что он подвергся бичеванию, показывая, к каким средствам извращенные сексуальные инстинкты прибегали для удовлетворения. [240]

О том, до каких масштабов иногда доходила эта практика, свидетельствует судебный процесс над падре Паулино Висенте Аревало, священником Йепеса, в 1795 году, обвинявшимся в "солиситанте и флагеланте". Он признался в самых вопиющих непристойностях, совершенных таким образом, со своими кающимися женщинами, среди которых были девять учениц или сестер монастыря бернардинок. Иногда он заставлял их вести себя дисциплинированно в его присутствии, и, поскольку бич должен был быть применен к грешным частям тела, у него был выбор такого воздействия, какое он желал, возможностью, которой он, по его признанию, воспользовался. Протокол благоразумно умалчивает о худших эксцессах, но, поскольку шестеро из его кающихся были обязаны повторить другому исповеднику все признания, указанные в свидетельских показаниях, из этого следует, что должны были быть совершены грехи, за которые он их отпустил. За это извращение стольких молодых жизней он был приговорен всего лишь к году затворничества в монастыре, тридцатидневным духовным упражнениям, лишению способности исповедоваться, вечному изгнанию из Йепеса и восьмилетнему изгнанию из некоторых других мест — наказаниям, которые, хотя и были суровыми по мягким стандартам инквизиции, были совершенно неадекватны его преступлениям. [241]

Значительная часть дел последних лет инквизиции характеризуется как "солиситант и флагелант", и многие из них иллюстрируют легкий переход от иллюминизма к домогательству. Еще в 1651 году мы встречаемся с делом доминиканца фрая Херонимо де лас Эррераса,

приговоренного трибуналом Толедо к лишению права исповеди и трехлетнему отшельничеству в монастыре в качестве “алюмбрадо и солиситанте”, признанного виновным в неоднократных действиях непристойного характера со многими женщинами. Когда молинизм вышел на первый план, с теми, кто проповедовал его с его развратными последствиями, поступили более сурово, как в случае с Буэнавентура Фрутосом, кюрор Мочехона, который в 1722 году был объявлен толедским трибуналом формальным еретиком и догматизатором, упрямым адвокатом и соблазнителем. Таким образом, его приговор был зачитан при открытых дверях, он явился в санбенито *де дос аспас*, был примирен, словесно унижен и бесповоротно сослан пожизненно в монастырь, где в течение двух лет он был заперт в камере под руководством инструктора. [242] Подобные случаи продолжали время от времени происходить, но более многочисленными в более поздний период были те, в которых домогательство сочеталось с *малой доктриной*, показывая, что злое учение носило менее опасный характер, чем полностью развитый молинизм — простое успокоение совести кающейся заверениями в том, что то, чего желал ее исповедник, не было смертным грехом, — но даже это считалось возрастающим подозрением в ереси, требующее более сурового наказания. [243]

ПРОЦЕДУРА

Возможно, небезынтересно отметить преклонный возраст, до которого некоторые из этих домогающихся исповеди сохраняли пыл, толкнувший их на преступление. Случаи семидесятилетия ни в коем случае не редкость. Доминиканцу фраю Антонио де Арагону, приговоренному 24 июля 1734 года в Толедо, было 78 лет, а наблюдателю фраю Мигелю Гранадо, осужденному в 1786 году трибуналом Куэнки, было 80. В первом случае наказание было смягчено с учетом его возраста, хотя менее благожелательный суд ужесточил бы его, принимая во внимание зло, которое такой грешник, должно быть, совершил за столь продолжительную карьеру. [244]

Когда в 1561 году инквизиция получила юрисдикцию в отношении вымогательства, у нее не было прецедентов, на которых можно было бы основывать свою процедуру или регулировать наказания. Епископальные суды были инертны и милосердны, и тот факт, что дело о преступлении было передано им, свидетельствовал о том, что новая юрисдикция, как ожидалось, будет энергичной и строгой. Однако его первой заботой было сохранить тайну и предотвратить скандал, чтобы ни один непрофессионал не был допущен к знанию о преступлениях священнослужителей. Самым ранним изречением является *carta acordada* 1562 года, предписывающая, что, когда донос содержит неопровержимые доказательства, он должен быть рассмотрен инквизиторами и ординарцами, без привлечения обычных консультантов, и арест должен быть произведен с максимальной осмотрительностью; обвиняемый должен быть освобожден под залог; когда дело будет завершено, если он немог, он должен быть заключен в свой монастырь с приказом не проповедовать и не выслушивать исповеди, а также не иметь активного и страдательного залога; если он светский священник, он должен быть заключен в другое место, кроме там, где было совершено преступление, он не должен выполнять свои функции, и окончательное решение по делу остается за Верховным судом. [245] В 1572 году консультантам было разрешено изучить доказательства перед арестом, но они должны были быть исключительно священнослужителями, и результат должен был быть представлен Верховному суду перед

принятием мер. То, что подчеркивалась тяжесть преступления и необходимость примерного наказания, не имело особого значения, когда с преступником обращались с такой исключительной нежностью. [246] В 1600 году даже Рядовые были исключены из предварительных обсуждений, и перед принятием каких-либо мер необходимо было проконсультироваться с Верховной властью. [247] Те же меры предосторожности, что и в отношении публичности, должны были соблюдаться в отношении приговоров, которые должны были быть зачитаны в зале для аудиенций при закрытых дверях, единственными присутствующими свидетелями были предписанное число братьев преступника - членов его Ордена, если он был слабым, или курасов и ректоров, если он был светским священником. [248] Забота, предпринятая для отвлечения внимания от этих правонарушений, проиллюстрирована в случае с братом Антонио де ла Портерия в 1818 году; он проживал в монастыре Мондоне, и опекуну было приказано отправить его под каким-либо предлогом в дом Ордена в Сантьяго, где его должным образом судили. [249]

ПРОЦЕДУРА

Еще больший фаворитизм проявился в вопросе доказательств. Мы видели, что в обычных судебных процессах, хотя по каждому факту требовалось два свидетеля, на практике одного свидетеля было достаточно не только для ареста, но и для применения пыток, и что показания самых мерзких людей приветствовались без какой-либо дискриминации. При возбуждении дела было самоочевидно, что по каждому конкретному акту может быть только один свидетель, так что волей-неволей трибуналам было дано указание довольствоваться “единичными” свидетелями. Однако одного доноса было недостаточно для ареста, но в 1571 году, а затем снова в 1576 году им было разрешено обсудить это и проконсультироваться с Верховной властью. Даже это считалось слишком суровым, и в 1577 году было принято правило, согласно которому до ареста и суда должно быть два отдельных и независимых доноса — правило, чреватое, как мы увидим, далеко идущими последствиями, поскольку, когда было так трудно заставить женщин обвинить своих соблазнителей, бесчисленные преступники избежали наказания, потому что две из их жертв не действовали независимо. [250] Аналогичное исключительное внимание было проявлено в отношении личности свидетелей, были даны неоднократные инструкции о том, что это должно быть тщательно расследовано, а результаты должны быть занесены в протокол и доведены до сведения Верховного суда, чтобы ему было уделено должное внимание как при постановлении об аресте, так и при назначении наказаний — меры предосторожности, заслуживающие высшей похвалы, но, к сожалению, отсутствующие в судебных процессах по другим преступлениям. [251] Оправдание такой заботы искали в обычном монашеском насилии над женщинами в целом. К несчастью, их показания вообще были получены, но, исходя из характера преступления, это было неизбежно, и Парамо говорит нам, что по своей природе они лживые, лживо выражающие себя клятвопреступники, коварные, изменчивые, хрупкие, непостоянные и тлетворные — ежедневное проклятие, врата дьявола, хвост скорпиона, побелевшая могила, неизлечимая язва, но они единственные свидетели, которых должно быть достаточно для полного доказательства, и двух из них, если они хорошего характера, должно быть достаточно для полного доказательства. [252] Такие тирады показывают разницу в подходе инквизиторов к рассмотрению этих дел и дел евреев или протестантов.

После ареста преступник мог быть заключен в тайную тюрьму, но это было исключением, поскольку обычай заключался в том, чтобы содержать заведомо опасных под стражей в домах их

Ордена и выпускать светских лиц под залог, используя город в качестве тюрьмы, таким образом, чтобы привлекать как можно меньше внимания. Судебный процесс шел обычным чередом, был задан вопрос о намерениях и вере в таинство покаяния, на котором основывалась юрисдикция инквизиции. Конечно, все еретические тенденции были отвергнуты, но в возможном случае ошибки или упорства предусматривалось заключение в секретную тюрьму с конфискацией имущества и изъятием бумаг. [253]

В испанской инквизиции вымогательство, не осложненное иллюминизмом или молинизмом, вызывало лишь легкое подозрение в ереси, требуя простого отречения *де леви*. Следовательно, обвиняемый не подвергался пыткам. Это правда, что, с академической точки зрения, хотя его нельзя было подвергнуть пыткам относительно намерений и убеждений, он мог быть подвергнут им, если бы отрицал факты, но на практике это никогда не применялось, хотя в официальном обвинении содержались *требования отроси*. [254] Однако, когда существовала *малая доктрина* или иллюминизм, пытки применялись без зазрения совести, как в случае 1725 года с Мануэлем Мадригалом в Толедо, обвиняемым как “адвокат, молинист и бичеватель”. [255] Однако в римской инквизиции после доклада Григория XV подозрение в ереси было сильным, отречение от престола было *de vehementi* и не было исключений из общего правила применения пыток по умыслу. Свидетельства одной женщины с хорошим характером, подкрепленного такими указаниями, как дурная репутация исповедницы, или двух женщин, не получивших подтверждения, было достаточно. Во всех отношениях Рим отнесся к этому преступлению с меньшим милосердием, чем Испания. [256]

Инструкции относительно допроса обвинителей резко контрастируют с небрежностью, обычной при судебных процессах по делам о формальной ереси, наказания за которые были гораздо более суровыми. Трибуналы были предупреждены, что это требует особого внимания и предельной точности; женщина должна точно указать место и время, была ли исповедь настоящей или имитированной, и она должна во всех подробностях повторить слова и действия исповедника без пропусков. Если кто-то находился достаточно близко, чтобы видеть или слышать, она должна была указать, кто это был; если она с кем-то разговаривала, должно быть названо имя, и инквизитору было предложено проявить свою изобретательность в соответствии с обстоятельствами дела. Если впоследствии она исповедовалась тому же священнику, она должна изложить свои причины и указать, отпустил ли он ей грехи. Требовалось провести специальное расследование относительно какой-либо причины вражды с ее стороны или со стороны ее родственников; слышала ли она о том, что он делал то же самое с другими женщинами; что она думала или знала о его характере и говорил ли ей какой-либо другой исповедник, что она не обязана доносить на него. [257] Все это были спасительные меры предосторожности, которые, будь они общими, а не исключительными, предотвратили бы большую несправедливость.

ТРЕБУЕТСЯ ДВА ДОНОСА

Эта инструкция, по-видимому, требует, чтобы в случае согласия свидетельница была вынуждена рассказать о своем позоре. Защита от этого, по-видимому, была необходима для преодоления нежелания делать донос, и Римская инквизиция указом от 25 июля 1624 года постановила, что ни женщина, ни обвиняемый не должны быть допрошены по этому поводу, и, если информация была предоставлена добровольно, она должна была быть опущена из протокола, в то время как исповедникам было приказано заверить кающихся, что таких

расследований не будет. [258] Если такое правило и существовало в Испании, то оно не соблюдалось почти до конца, поскольку протоколы судебных процессов показывают, что экспертиза была доведена до последней точки, и результаты были полностью изложены в ходе судебного разбирательства. Еще в середине восемнадцатого века инструкции для комиссаров, дающих показания по этим делам, требовали от них получить все подробности относительно слов и действий и записать их полностью и отчетливо, какими бы непристойными они ни были. [259] Вскоре после этого, однако, появляется первый намек на скрытность, с которым я столкнулся, в инструкциях комиссару от 27 января 1759 г. относительно получения показаний от монахини, в которых ему велено уведомить ее, что, если она добровольно расскажет о своем собственном разорении, это не должно быть указано или включено в показания. [260] Впоследствии это стало правилом, как следует из инструкций 1816 и 1819 годов. [261]

Наиболее важной дискриминацией в пользу этих преступников было требование о двух независимых доносах для оправдания ареста и судебного разбирательства. Это было достигнуто не без некоторых колебаний. Самые ранние официальные инструкции, которые у нас есть по этому вопросу, содержатся в письме трибуналу Сардинии в 1574 году, когда ему передавалась записка Пия IV. Поскольку считается, что это преступление очень распространено на острове, инквизитору приказано строго преследовать его в судебном порядке в соответствии с процедурой, применяемой в случаях ереси, без каких-либо исключений в отношении единичных доносов. [262] В инструкциях для трибунала Перу, примерно в то же время, указывается, что для обвинения достаточно одного свидетеля и что могут быть допущены индианки. [263] Затем, как мы видели, в carta acordada от 2 марта 1576 года есть склонение в пользу обвиняемого, предписывающее принимать единичные обвинения, но перед принятием мер следует проконсультироваться с Верховной властью. Эта тенденция усилилась, и более полные инструкции для Сардинии в 1577 году требовали наличия двух свидетелей с убедительными доказательствами в качестве предварительного условия для ареста. [264] Это повторялось в общих инструкциях, изданных в 1580 году, и после некоторых изменений оставалось абсолютным правилом до конца. [265] Даже это было расценено церковниками как слишком суровое. Некий Кунья считает, что, хотя двух свидетелей может быть достаточно для обвинения, для вынесения обвинительного приговора их должно быть по крайней мере четверо, и он становится все красноречивее, указывая на достоинство священника, скандал для Церкви и ликование еретика. Де Суза также считает, что двух свидетелей недостаточно для вынесения обвинительного приговора, хотя, если они обладают образцовым характером, их показания могут оправдать некоторое умеренное наказание. [266]

Вполне вероятно, что какое-то время практика не была единообразной во всех трибуналах. В деле Вальядолида в 1621 и 1622 годах есть несколько случаев, когда решение об аресте принималось на основании показаний одного свидетеля, и эти голоса были подтверждены Верховным судом. [267] С другой стороны, примерно в 1640 году инквизитор сообщает нам, что, когда обвиняемый отрицает свою вину, для вынесения приговора требуются показания трех свидетелей, которых он не смог обезвредить из-за вражды, низкого жизненного ранга или сомнительной репутации. Некоторые авторы, добавляет он, настаивают на необходимости четырех, но он признает, что, когда есть двое, чьи характеры выдерживают тщательное расследование, и есть подтверждающие показания, может последовать обвинительный

приговор. [268] Невозможно не признать благотворительные мотивы, побудившие к такому нежеланию наказывать.

Установленное таким образом требование о двух независимых доносах создавало серьезные препятствия на пути пресечения преступления, в котором, как известно, было так трудно найти обвинителей. Постепенно установившаяся рутина заключалась в том, что при получении доноса производился поиск в записях предыдущего доноса. Если ничего не было найдено, во все другие суды направлялись письма с просьбой провести аналогичную проверку их реестров, и, если это не увенчалось успехом, донос откладывался в долгий ящик, чтобы дожидаться, когда другой обвинитель представится, что дало обвиняемому, в случае его вины, возможность продолжить свою распутную карьеру, и заставило женщину поверить, что дело было слишком тривиальным, чтобы заслуживать внимания инквизиции. Эти длительные периоды безнаказанности иллюстрируют трудность получения доносов и преобладающие шансы скрыться, когда судебному преследованию таким образом препятствовали.

ТРЕБУЕТСЯ ДВА ДОНОСА

Бесчисленные случаи показывают, насколько длительным часто был этот период неприкосновенности в преступной карьере, не говоря уже о еще более частых случаях, когда второго доноса так и не поступало. Так, в Валенсии 22 сентября 1734 года Мария Тереза Терраса обвинила брата Агустина Солвеса в том, что он отвел ее после исповеди и причастия в комнату за алтарем и совершил над ней насилие. Это было отложено на четырнадцать лет, когда 12 ноября 1748 года сор Витория Хулиан из монастыря Сан-Хулиан явилась и обвинила его в том, что примерно пятнадцать лет назад он около двадцати раз домогался ее в исповедальне монастыря, постоянным духовником которого он был, хотя до сих пор она не понимала обязательности доноса. Тем временем его перевели в монастырь Вильяхойоса, и он, несомненно, в полной мере воспользовался предоставленным таким образом перерывом. [269] Это ни в коем случае не крайний случай. В списке лиц, домогавшихся признания, хранящемся Мадридским трибуналом, в 1772 году встречается имя брата Андреса Искьердо в качестве обвиняемого в Вальядолиде, со ссылкой на 1751 и 1752 годы. Брат Бартоломе де Монтихо фигурирует как осужденный в 1740 году и снова в 1776 году. Брат Фернандо Лопес, бывший провинциал *Эскуэлас пайас*, был осужден в 1780 году за вмешательство в жизнь подопечных детей, и снова в 1795 году, когда его судили и сослали. Иезуит Хуан Франсиско Ньето был осужден в Толедо в 1708 году и снова в 1731 году в Мадриде. Брат Джозеф де Сан Хуан был обвинен в Толедо в 1732 году и в Гранаде в 1772 году. Брат Педро де ла Мадре де Диос был осужден в Барселоне в 1722 году и снова в 1744 году. Даже двух доносов во многих случаях было недостаточно, чтобы положить конец этим порочащим карьерам, и требовалось три или четыре. Брат Алонсо де Арройя был осужден в 1768, 1788 и 1803 годах; брат Франсиско де ла Асунсьон Торквемада в 1735, 1770 и 1776 годах; Доминго Галиндо, ректор Нулеса, в 1790, 1792 и 1795 годах; брат Франсиско Эскрива в 1769, 1775, 1786 и 1787 годах; и падре Фелисиано Мартинес, S. J., в 1767, 1771, 1784 и 1800 годах. Вряд ли стоит умножать примеры, которыми изобилуют летописи. [270]

Поскольку большинство правонарушителей были немощными людьми, не имевшими постоянного места жительства, для выполнения исключительного требования о двух доносах стало необходимым установить связь между несколькими трибуналами. Это почувствовалось еще в 1601 году, когда каждому было приказано разослать всем остальным информацию о

адвокатах, чьи дела были приостановлены без судебного преследования. Этому, по-видимому, мало кто подчинялся, в то время как дела о домогательствах постоянно становились все более важной частью инквизиторских обязанностей, что привело к более масштабным усилиям в 1647 году. Трибуналы должны были просмотреть свои архивы тридцатилетней давности и составить списки лиц, обвиняемых в вымогательстве, со всеми необходимыми подробностями; копии этих списков должны были направляться в Верховный суд и во все другие трибуналы, и каждый год новые дела должны были распространяться аналогичным образом. Должен был быть составлен полный алфавитный список всего этого дела, а копии должны были быть направлены во все суды, подающие ходатайства. [271] Если в то время этому соблюдали, то вскоре это, должно быть, вышло из употребления, поскольку после получения доноса стал повсеместным обычай обращаться ко всем сестринским трибуналам с запросом о том, фигурирует ли имя обвиняемого в их записях. Чтобы облегчить эти частые исследования при составлении *Libras Vocandorum* и других реестров, отдельный том был зарезервирован для запросов. [272]

Когда все препятствия были преодолены и был вынесен обвинительный приговор, назначенные наказания были совершенно непропорциональны тяжести преступления, особенно по сравнению с суровостью, применяемой к тем, чья вина заключалась в том, что они надевали чистое белье по субботам и избегали употребления свинины. Самое раннее определение наказания встречается в сардинских инструкциях 1577 года, где предписания воплощают общие черты политики, проводимой до конца, включая соблюдение тайны при зачитывании приговора в зале для аудиенций. Указывается, что наказания обычно произвольны и варьируются в зависимости от характера, степени и частоты совершения правонарушения, но во всех случаях должно быть отречение от левы и бессрочное лишение способности совершать таинство покаяния; что касается других таинств и проповеди, затворничества или ссылки, то это по усмотрению. Для верующих может быть введена дисциплина в капитулах их монастырей, пока нотариус зачитывает приговор, или, в особо тяжких случаях, дисциплина в аудиенц-зале; также могут быть другие епитимьи, такие как затворничество и отстранение от исполнения священнических обязанностей, лишение активного и страдательного залога, нахождение последним в хоре и трапезной, а также епитимья за тяжкий грех, дисциплина, молитвы и т.д. Для светских священников, помимо общих наказаний, могут применяться затворничество, лишение или приостановление функций и пособий, штрафы, тайные дисциплины, посты и молитвы. [273]

Наказание

О том, как эти общие правила применялись на практике в тот период, можно судить по нескольким примерам в Толедо, все из которых, конечно, имели обычное отречение от власти и выговор. В 1578 году кармелит фрай Агустин де Сервера, против которого было десять свидетелей, был приговорен к вечному лишению исповеди, затворничеству на год в монастыре своего Ордена, где он должен был пройти дисциплинарное взыскание, и пятничному посту на хлебе и воде. Доминиканец Фрай Доминго де Ревисто, против которого было сорок девять свидетелей, не считая других, пришедших после завершения дела, был навсегда лишен исповеди и заточен в пустынном монастыре на десять лет, в течение которых в течение года он был лишен активного и страдательного залога, проповеди и служения мессы. В 1581 году у Педро де Вильялобоса, исполняющего обязанности кюре Галии, было много свидетелей его действий на исповеди и бесконечное количество свидетелей его общей распущенности,

поскольку он содержал наложницу, развратил двух сестер и их тетю и совершил многое другое в том же роде. Эти последние грехи находились вне юрисдикции инквизиции; за подстрекательство он был изгнан из Халии на три года, из которых первый должен был пройти в монастыре с отстранением от совершения богослужений, его навсегда отстранили от исповеди и оштрафовали на пятнадцать тысяч мараведи. Пять женщин обвинили брата Хуана Ромеро; он признался, что употреблял нежные слова, но невинно, поскольку утверждал, что является импотентом. Либо это заявление, либо сам факт, по-видимому, были расценены какотягчающее обстоятельство, поскольку он был лишен признания и находился в затворничестве в течение десяти лет, без активного и страдательного залога, чтобы быть последним в хоре и трапезной, с ежемесячным наказанием в течение первого года, наказанием в зале для аудиенций и наказанием в монастыре Сан-Пабло на время оглашения приговора. [274]

Этих примеров будет достаточно, чтобы показать, в каком духе рассматривались дела с отягчающими обстоятельствами. Лицам с меньшей тяжестью были предоставлены льготы по различным факторам, но лишение признания было постоянным. Около 1600 года Мигель Кальво обобщает эту практику с явной тенденцией к большей строгости и добавляет, что, когда преступник домогался мужчин, наказания должны быть ужесточены. [275] С другой стороны, в 1611 году Кунья призывает к умеренности и предупреждает инквизитора не доводить преступника до отчаяния, в то время как де Суза пытается оспорить суровые наказания, предписанные Григорием XV, и повторяет предупреждение об отчаянии. [276]

Умолять о снисхождении было совершенно излишне. Испанская инквизиция не обратила внимания на заключение Грегори, хотя в 1629 году она приказала трибуналам следовать ее предписаниям, поскольку даже начала проявлять повышенную склонность к великодушию. Самый суровый приговор, который я встречал в этот период, касался особенно скандального дела в трибунале Вальядолида, где в 1625 году брат-тринитарий Хуан де Рамирес был обвинен пятью юношами и одной женщиной, и, кроме того, он однажды отслужил мессу, не признавшись в содеянном. Он был словесно унижен, постоянно лишен возможности исповедоваться и приговорен к десяти годам затворничества, пожизненному изгнанию из Бургоса и строгому воспитанию в своем монастыре. Это было правосудие, смягченное милосердием, но в 1637 году в деле францисканца фрая Алонсо дель Валье перед тем же трибуналом было много милосердия и мало справедливости. Две сестры его Ордена обвинили его; в дискордии было проведено голосование, и Супрема распорядилась приостановить дело, но, прежде чем это удалось сделать, появились еще два свидетеля с показаниями самого подлого характера. Результатом стал приговор от 14 апреля 1638 года о лишении женщин права исповедоваться, годичном затворничестве и четырехлетнем изгнании из Торо и Асторги. Не менее удачливым оказался доминиканец Фрай Хуан Гомес, обвиняемый двумя женщинами, с одной из которых в течение пятнадцати лет он поддерживал незаконные отношения в часовнях, используемых для исповеди. Некоторые сестры его Ордена также донесли на него, и за все это 4 февраля 1638 года он был приговорен к лишению женщин права исповедоваться и шестимесячному пятничному посту. Еще большей была благосклонность, проявленная в 1642 году к лиценциату Моралесу, куре Робадильо, против которого было два обвинителя. Голосование консультативного совета по делу *Сумари* не было единодушным, когда Супрема прервала рассмотрение дела, приказав приостановить дело с частным выговором обвиняемому в апартаментах инквизитора. [277]

Наказание

Очевидно, инквизиция начинала относиться к преступлению с состраданием, и было бы излишним приводить другие случаи его мягкости. Тем не менее, обычная схема наказаний номинально оставалась в силе, и ее должным образом воспроизвел старый инквизитор около 1640 года, который включает штрафы для светских священников и добавляет, что могут быть назначены галеры, и что те, кто совершил рецидив, заслужили их. Отречение от престола *de vehementi* никогда не вводилось, и, хотя папская конституция допускала послабление, оно никогда не использовалось, хотя хорошо, что для этого есть возможность в крайних случаях. [278] Даже упомянутые здесь штрафы не были большими. Другой авторитетный источник примерно того же времени утверждает, что, если священник богат, он может получить от шести до десяти тысяч мараведи. [279] Самое тяжелое денежное взыскание, которое я встречал, было наложено в 1744 году на Фернандеса Пуялона, кюре Чемпосуэло, который был оштрафован на половину своего имущества, но здесь вымогательство было осложнено еретическими высказываниями, которые, как мы видели, значительно усиливали вину. [280]

Что касается галер, я встречался лишь с одним случаем их использования — случаем с лицензиатом Лоренцо де Эльдора, помощником куратора в Торре-де-Беленья, которого судили в Толедо в 1691 году. Он уже был наказан за то же преступление в Гранаде и совершил рецидив, что объясняет суровость приговора, согласно которому он был отстранен от исполнения служебных обязанностей и изгнан из ряда мест на десять лет, из которых первые пять должен был провести на галерах. [281] То, что это наказание было назначено за рецидив, можно заключить из дела, которое примерно в то же время рассматривалось трибуналом Барселоны и которое, безусловно, этого заслуживало. Наемник падре Эстеван Рамонеда был обвинен в 1690 году, но только в 1694 году второй донос позволил принять меры. После многих уверток, не зная точного обвинения, он признался в гораздо большем, чем требовалось. С тех пор как пятнадцатилетним мальчиком он поступил в монастырь в 1660 году, его жизнь была полна сексуальных мерзостей, что почти оправдывало веру в то, что монастыри того времени были форпостами Содомы. Число женщин, чьи показания были получены, составляло всего восемь, но среди них были и такие, с которыми в церкви совершались необычайные непристойности. Ему нечего было предложить в свою защиту, и в его приговоре от 11 сентября 1696 года все ссылки на его естественные преступления всех видов были тщательно опущены. Он был лишен исповеди, подвергнут строгому наказанию в своем монастыре и на четыре года был заточен в доме Н. Сеньоры дель Оливар, откуда ему было разрешено вернуться в октябре 1700 года. [282] Это считалось достаточным наказанием для негодя, чья жизнь была потрачена на развращение мужчин, женщин и животных.

В этих случаях есть одна особенность, которая показывает, насколько велик был страх скандала. Мы часто находим подробности худших бесчинств, совершенных в церквях. Согласно каноническому праву (глава 5, Дополнительно, v, xvi), церковь, оскверненная таким образом, должна быть примирена, но ни в одной из записей нет никаких следов соблюдения этого правила. По-видимому, казуисты обнаружили, что осквернение происходит только тогда, когда акт является публичным, а не оккультным. [283]

Это был излюбленный прием, когда у исповедника были основания опасаться надвигающегося доноса, чтобы он сам себя осудил в ожидании милосердного обращения. Римская практика

поощряла это, предоставляя фактический иммунитет в таких случаях, как это было с минимом Иларио Каоне из Безансона, который бежал из Испании в 1653 году и предстал перед Римской инквизицией, заявив, что в течение десяти лет он выслушивал исповеди в церкви Сан-Франциско-де-Паула в Севилье, и что он пришел по почте, чтобы признаться, что он домогался исповеди около сорока женщин, в основном успешно. Когда его спросили о вере и намерениях, он ответил удовлетворительно и был приговорен всего лишь к отречению от *веры*, посещению семи привилегированных алтарей собора Святого Петра и в течение трех лет еженедельно возносить венок Пресвятой Богородицы. Это не было исключительным милосердием, поскольку в том же году аналогичный приговор был вынесен Винченцо Барци, который аналогичным образом осудил себя, и существующее правило заключается в наложении только духовной епитимьи на самообвинителя с советом избегать в будущем тех, к кому он обращался. [284]

САМООТРЕЧЕНИЕ

Испанская инквизиция, по крайней мере поначалу, была не столь снисходительна и следовала своему правилу *espontaneados* допрашивать для подтверждения тех, кого преступник назвал объектами своих домогательств. В первых делах разница в приговорах между теми, кто сам себя осудил, и теми, кто был обвинен, невелика. В 1582 году францисканец брат Себастьян де Гонтория предъявил суду Толедо обвинение в том, что, будучи викарием женского монастыря, развратил нескольких монахинь при особо отягчающих обстоятельствах. На допросе они подтвердили его признание, и он был приговорен к строгому наказанию в монастыре Сан-Хуан-де-лос-Рейес, лишению права исповеди и затворничеству в монастыре на десять лет, без активного или страдательного залога и последнего места в хоре и трапезной. [285] Он признался полностью и добровольно. В другом случае, в 1589 году, перед тем же трибуналом францисканец Фрай Маркос де Латансон, обвиняя себя, скрыл худшие черты своего преступления. Он признался, что в Орче непристойно обращался примерно с пятью или шестью незамужними и, возможно, с шестью или восемью замужними женщинами, но утверждал, что это было без каких-либо распущенных чувств или намерения склонить их к греху. Были допрошены пять девушек, чьи одновременные показания показали, что признания были заслушаны в камере, в которой стояла кровать. Когда каждый входил, он запирали дверь; когда исповедь заканчивалась наполовину, он прерывал ее самыми отвратительными выражениями и насилием, после чего исповедь возобновлялась и получалось отпущение грехов. За это осквернение таинства наказание было таким же, как и в предыдущем случае, за исключением того, что отшельничество длилось всего четыре года. [286]

До тех пор, пока продолжалась практика допроса женщины, самоотвод всегда имел то преимущество, что они очень часто, защищая свою честь, все отрицали. Результат этого и преобладающая тенденция к снисхождению указаны в правилах, принятых примерно в 1640 году, которые гласят нам, что, если один свидетель уже дал показания против преступника, самоотвод гарантирует более мягкое наказание; тюремного заключения не предусмотрено, и принято лишать его возможности давать признательные показания женщинам. Если он обвиняет себя до того, как против него появятся какие-либо доказательства, и если женщин много и они подтверждают его показания, дело переходит клишению признания; если они

отрицают, дело приостанавливается, с вынесением ему предупреждения. Если есть только один человек и случай не является серьезным, ему просто делают выговор. [287]

Обычай допрашивать женщин, скомпрометированных самообвинителем, постепенно устарел, несомненно, потому, что они в основном защищали себя от разоблачения отрицанием. Так, в 1707 году в мадридском трибунале, когда падре Пабло Дельгадо, ректор Каса дель Эспириту Санто, предъявил обвинение самому себе, допроса женщин, по-видимому, не проводилось, и его дело было немедленно приостановлено с требованием воздерживаться в течение шести месяцев от признания женщин. [288] Итак, в деле наблюдательного Фрая Габриэля Пантохи, который 8 мая 1720 года подал в суд Толедо на себя за преступления, совершенные в течение предыдущих десяти лет, которые показывают, что он не упускал возможности соблазнять женщин, на исповеди или вне ее, и обещать отпущение грехов, если они уступят его желаниям, отсутствие его имени в протоколе свидетельствует о том, что он не упускал возможности соблазнять женщин, как на исповеди, так и за ее пределами. из *autos particulares* следует, что ни одна из женщин не была обследована и что никаких действий не было сочтено необходимым. [289] Действительно, что больше всего поражает в ряде этих случаев, так это то, как все — священники, кающиеся и инквизиторы — кажется, считают само собой разумеющимся, что подобные вещи были само собой разумеющимся делом и что исповедник должен преследовать каждую женщину, которая предстала перед ним. Так, в письме мексиканского трибунала от 13 мая 1719 года своему комиссару по делу брата Антонио Домингеса, который сам себя осудил, содержатся инструкции о том, что виновного следует призвать воздерживаться в будущем и разорвать незаконную связь с дочерью исповедника; он должен быть отпущен сакраментально, что, как правило, во всех случаях самоосуждения, должно быть доведено до сведения всех исповедников в округе “для утешения их душ” - таким образом, предполагается, что все они виновны в одном и том же преступлении. оскорбление. [290]

БЕЗРАЗЛИЧИЕ

Тем не менее, практика все еще не была единообразной. В 1740 году достопамятный Фрай Джозеф Ривз обвинил себя перед трибуналом Валенсии, когда были взяты показания двух женщин, показывающие, к какому свинству прибегали такие мужчины, чтобы разжечь страсти своих кающихся. Последовал официальный судебный процесс, закончившийся лишением его признания и трехлетним изгнанием из Валенсии со сценами его бесчинств. [291] Вероятно, это был один из последних случаев, когда пострадал *эспонтанеадо*. Автор вскоре после этого жалуется на неопределенность практики, поскольку Верховный суд постоянно выносил различные решения при точно таких же условиях, но он утверждает, что правило заключается в том, что, когда священник обвиняет себя, в реестрах проводится обыск, и, если против него ничего не обнаружено, он освобождается от должности с предупреждением о милосердии и рекомендацией воздерживаться от исповеди, за исключением случаев, когда это необходимо для предотвращения скандала. [292] Вскоре последовал полный иммунитет для самообвинения. В 1780 году Верховный суд, по-видимому, пожелал ввести единообразие и поинтересовался у трибуналов, привыкли ли они заставлять *эспонтанеадос* отречься от престола, а затем освобождать их от ответственности, или же они приостановили рассмотрение дел, на что Валенсия ответила, что обычай заключается в приостановлении без отречения или отпущения грехов, если только не возникло осложнений *малой доктрины*. [293] Когда саморазоблачение таким образом обеспечивало иммунитет, это, естественно, было частым

явлением. В списке из ста восьми случаев, имевших место в Мадриде в период с 1670 по 1772 год, тридцать два, или тридцать процентов, являются *espontaneados*. [294]

На самом деле, в более поздний период все это дело, по-видимому, вызывало лишь вялый интерес и обычно воспринималось с безразличием. Мы сталкиваемся со случаями, когда обвинения откладываются в долгий ящик, даже не проводя предписанных расследований в других судебных инстанциях, или дела приостанавливаются без допроса обвинителя. [295] Дисциплина была настолько ослаблена, что, когда в 1806 году францисканец Фрай Франсиско де Паула Лозано был лишен Кордовой права давать признательные показания и не только проигнорировал запрет, но и усугубил свое преступление, открыв письмо из трибунала Гранады в кюре Салара, Гранада судила его и просто сделала выговор с предупреждением о том, что может привести к смерти. что случится с ним, если он будет упорствовать в своих дурных намерениях. [296]

Было бы интересно с социологической точки зрения, если бы можно было собрать полную статистику с того времени, когда юрисдикция была передана инквизиции, но это невозможно, поскольку существует всего несколько фрагментарных источников более раннего периода, хотя для восемнадцатого века имеются удовлетворительные материалы в специальных реестрах, ведущихся по этому классу дел. Однако они ни в коем случае не являются стандартом для оценки частоты совершения преступлений, поскольку из-за трудности склонения женщин к обвинению подавляющее большинство дел держится в секрете, вдобавок к этому характерной чертой протоколов является диспропорция между обвинениями и судебными процессами, обусловленная главным образом препятствием, возникающим из-за требования предъявления по крайней мере двух обвинений, так что судебных процессов и приговоров сравнительно немного. Действие этого метода продемонстрировано еще в 1597 году в отчете инквизитора Барселоны Эредиа о посещении части его округа, в ходе которого перед ним было возбуждено десять дел о домогательствах. Из них семь отмечены как отстраненные из-за присутствия всего одного свидетеля, еще один отстранен из-за того, что преступник уже был судим и наказан, остаются только двое, в отношении которых были вынесены постановления об аресте и судебном разбирательстве. В деле о посещении общее число дел составило восемьдесят восемь, и единственными правонарушениями, более многочисленными, чем домогательство, были неестественные похоти, которых было пятнадцать, предложения, которые привели к двенадцати, утверждение, что брак лучше безбрачия, которое дало одиннадцать, в то время как богохульство равнялось десяти. Все или почти все эти последние категории, несомненно, привели к судебному преследованию, в то время как вымогательство привело только к двум судебным процессам. [297]

Статистика

Льоренте объясняет несоответствие между обвинениями и обвинительными приговорами неправильным толкованием допросов исповедниц, из-за чего простодушные монахини воображают, что их домогаются. [298] Это подразумевает стремление женщин выдвигать такие обвинения, когда, как мы видели, главная трудность заключалась в том, чтобы побудить их к доносу угрозами отлучения от церкви и отказом в отпущении грехов; в большинстве случаев это

делалось только по приказу последующего исповедника, и это часто происходило через пять, десять или более лет после происшествия. Дело в том, что лишь небольшая часть правонарушителей была осуждена, и лишь малая часть из них предстала перед судом. Более того, поскольку доказательства были лишь плодом возбужденного воображения молодых девушек, редко случалось, чтобы дело доходило до суда без вынесения обвинительного приговора — предварительные слушания слишком тщательно охранялись, а страх скандала был слишком велик, чтобы допустить арест священника, против которого улики не были убедительными.

Таким образом, число дел, по которым был вынесен приговор, было невелико. Летопись Толедо за период с 1575 по 1610 год насчитывает всего пятьдесят два из тысяча ста тридцати четырех произведений всех видов. [299] В более поздний период, когда деятельность трибуналов значительно ослабла, вымогательство составляло гораздо большую долю их бизнеса. [300] У нас есть отчет обо всех делах, рассмотренных в Толедо с 1648 по 1794 год, в которых число случаев вымогательства составляет всего шестьдесят восемь. Это кажется немногочисленным, и все же, когда мы сравниваем это общее количество с другими преступлениями, по которым не было особых препятствий для судебного преследования, оно становится удивительно большим, поскольку было зарегистрировано всего шестьдесят два случая двоеженства, тридцать семь случаев богохульства, семьдесят четыре случая высказываний и сто случаев колдовства и гадания. Между 1705 и 1714 годами общее количество приговоров составило всего двадцать шесть, и из них восемь были вынесены за вымогательство, в то время как между 1757 и 1763 годами было рассмотрено шесть дел из общего числа восьми. [301]

Когда мы переходим к количеству обвинений, мы обнаруживаем, что их неожиданно много. Реестры ходатайств, которые велись в течение последнего столетия инквизиции, содержат достоверную статистику, показывающую, что с 1723 года до окончательного пресечения в 1820 году общее количество возбужденных дел составило 3 тысячи семьсот семьдесят пять. Из них следует отметить, что светское духовенство предоставило только девятьсот восемьдесят один, оставив постоянным посетителям две тысячи семьсот девятьсот четыре, или почти три четверти. Отчасти это объясняется большей популярностью завсегдатаев как исповедников, но, в большей степени, возможностями облагодетельствованных священников, которые обычно были состоятельными, удовлетворять свои страсти, не подвергаясь опасности осквернения исповедальни. [302] Одним примечательным фактом является значительная доля тех, кто занимает видные должности провинциалов, Опекунов, министров, настоятелей, комендадоров, визитадоров, Настоятелей, ректоров, Лекторов и т.п., чьи титулы появляются в реестрах с частотой, большей, чем, казалось бы, оправдывает их простое количество.

Статистика

В 1797 году Тавира, тогдашний епископ Осмы, а затем Саламанки, предположил, что число преступлений, связанных с вымогательством, значительно возросло и продолжает расти, что он частично объяснял влиянием иллюминизма и молинизма, но еще больше тем, что епископы были осведомлены об этом, а инквизиция потребовала двух доносов до судебного преследования. [303] То, что последнее положение предоставляло практический иммунитет многим виновным, самоочевидно, но это, вероятно, было менее эффективным, чем обычное безразличие и снисходительность духовных судов, их боязнь скандала и неизбежного позора, которые удерживали женщин от участия в их публичных разбирательствах. Практически нет

оснований предполагать, что преступление было более или менее распространенным в конце восемнадцатого века, чем это было с тех пор, как в тринадцатом веке признание в ушах стало обязательным, или чем это было с начала девятнадцатого века. Напряжение исповеди слишком велико для обычной человеческой натуры, и самое большее, что Церковь может сделать в своих самых последних постановлениях, - это скрыть эти грехи плоти от верующих. [304]

ГЛАВА VII.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО

ХОТЯ испанская инквизиция была основана для подавления криптоиудаизма, она быстро подтвердила свою юрисдикцию в отношении всех отклонений от веры. В то время в Испании не существовало других официальных ересей, но люди в целом не были сведущи во всех тонкостях теологии, а пассивность духовных судов допускала вольность высказываний, в которых опытный богослов мог распознать потенциальную ошибку. Все это Инквизиция взялась исправить, и в конечном итоге, под общим названием "Предположений", появилось обширное поле деятельности, которое к концу стало основной функцией этого учреждения. Опрометчивые или необдуманные выражения, произнесенные в гневе или в шутку, по невежеству или беспечности, давали благочестивому рвению или злобе возможность тайного доноса, который со временем внушил каждому испанцу необходимость осторожности и наложил свой отпечаток на национальный характер. Как мы видели, самые тесные семейные узы не освобождали от обязанности выдвигать обвинения, и каждый человек жил в атмосфере подозрительности, окруженный возможными шпионами в своем собственном доме. [305] Более того, люди, занимавшие самое высокое положение в области образования или благочестия, подвергались пыткам длительного судебного преследования и возможного разорения за сказанные или написанные слова, которым могли быть приписаны еретические намерения, в связи с самыми темными пунктами теологии, и, таким образом, развитие испанского интеллекта было приостановлено в то время, когда оно обещало стать доминирующим в Европе. Таким образом, со всех точек зрения различные правонарушения, сгруппированные под общим термином "Суждения", ни в коем случае не были наименее примечательным предметом инквизиционной деятельности. [306]

Как быстро начался шпионаж, который в конечном итоге привел каждого человека под его пагубное влияние, видно на примере Хуана де Саморы, приговоренного на аутодафе в Сарагосе 10 февраля 1488 года к пожизненному заключению за то, что в Медине в беседе со случайными знакомыми он, как говорили, неуважительно отозвался о Евхаристии и отрицал ее реальное присутствие, в то время как на аутодафе 10 мая 1489 года нотариус Хуан де Энбун был наказан за то, что сказал, что десять флоринов для него важнее, чем Бог. [307] Еще более значительным примером нависшей над каждым человеком опасности было дело Диего де Учеды перед трибуналом Толедо в 1494 году по очень серьезным обвинениям в том, что он заявил, что Евхаристия - это всего лишь хлеб, что такая злодейская шайка, как евреи, не могла предать Христа смерти и что он ел мясо в дни поста. Он объяснил, что примерно шесть или восемь лет назад в Фуэнсалиде священник, совершавший богослужение, обнаружил, что облатка сломана,

и в гневе бросил ее на пол, приказав ризничему принести ему другую; люди были возмущены, и Диего попытался успокоить их, объяснив, что облатка перед освящением была всего лишь хлебом. Следующее обвинение возникло из-за замечания в ходе обсуждения пылкой проповеди о Страстях Христовых. Что касается третьего, то он доказал, что был набожным католиком, пунктуальным во всех обрядах, с особой преданностью святому Григорию, чьему заступничеству он приписывал свое избавление от хронических заболеваний желудка и печени, которые одно время вынуждали его есть мясо в постные дни. Шесть месяцев он пролежал в секретной тюрьме с конфискацией имущества и в конце концов был приговорен к сожжению, которое он совершил с графом Фуэнсалидой и двумя священниками в качестве сопровождающих, но если бы он не был человеком с положением и влиянием, его могли бы сжечь как нераскаявшегося еретика. [308] Для ереси не существовало временных ограничений, и, таким образом, в любой момент могли быть подняты тривиальные вопросы, имевшие место много лет назад, когда они стерлись из памяти всех, кроме тех, кто затаил обиду, которую требовалось удовлетворить.

Вездесущая опасность, нависающая над каждым человеком, хорошо проиллюстрирована случаем с семидесятилетним Альваро де Монтальваном в 1525 году. Вернувшись в Мадрид после однодневной увеселительной экскурсии по стране, Алонсо Руис, священник, входивший в группу, воспользовался случаем, чтобы морализировать ожизненных невзгодах в сравнении с перспективами будущего блаженства. Альваро (который впоследствии признал, что был не в себе) заметил, что мы знаем, что имеем здесь, но ничего не знаем о будущем. Примерно шесть месяцев спустя один из участников вечеринки в своей пасхальной исповеди случайно упомянул об этом, и ему было поручено донести на Альваро. Он был арестован, и при изучении записей было обнаружено, что почти сорок лет назад, в 1486 году, во время срока отсрочки, он признался в некоторых еврейских обрядах без намерения и был освобожден от должности без примирения или покаяния. По этому новому обвинению его заставили признаться в намерениях, и 18 октября 1525 года он был приговорен к примирению, конфискации и пожизненному заключению, причем последнее было заменено 27 ноября 1527 года заключением в собственном доме. [309]

ТРИВИАЛЬНОСТИ

Едва ли было что-нибудь, сколь бы невинно это ни было сказано, что не могло быть подвергнуто пыткам в предосудительном смысле, и поскольку в столь обширном и расплывчатом регионе нельзя было установить никаких формальных правил, сдерживающих рвение инквизиции, это предоставляло широкие возможности для угнетения и жестокости, особенно до того, как трибуналы были полностью подчинены Верховной власти. Случайные визиты инспектора могли выявить злоупотребления, но не могли предотвратить их. Случай с де Сото Салазаром в Барселоне дает достаточно доказательств безрассудства, с которым инквизиторы использовали свою власть. В 1564 году мы слышим о враче Маэстре Пла, привлеченном к ответственности за то, что он сказал, что его жена была настолько истощена, что походила на распятие, умершее от голода. Хуан Гаравер, свинопас, был вынужден появиться в автомобиле с митрой, за чем последовало бичевание, за то, что он сказал, что если у него будут деньги и достаточно еды, дьявол может забрать его душу, которая, по решению Верховного суда, должна принадлежать епископальной, а не инквизиционной юрисдикции. Суд резко упрекнул трибунал за то, что он ослабил полномочия Гильена Берберии Гуачо по одному-единственному предложению, не привлекая ученых людей для убеждения и консультирования его, тем более

что один из свидетелей заявил, что он произнес эти слова по-французски. Клеменса Пареса была оштрафована на десять дукатов и подвергнута епитимье за слова: “Ты видишь, что мне достаточно хорошо в этом мире, и ты не увидишь, чтобы меня наказали в другом”, а Хуана Сералвис за то же самое высказывание была приговорена к публичному покаянию. Бадиа, священник Фальсета, был оштрафован на двадцать дукатов и наложил духовную епитимью за то, что сказал, что не простит Бога. Хуан Каналверо был оштрафован на шесть дукатов и наказан за то, что сказал, что обманет своего отца или Бога при покупке или продаже. Было много других подобных случаев, в некоторых из которых Верховный суд распорядился вернуть штрафы и вычеркнуть имена из реестров. [310]

Сама тривиальность этих случаев иллюстрирует атмосферу неизвестности и недоверия, в которой существовало испанское население, и мы не можем полностью осознать их значение, если не вспомним, что, какими бы незначительными ни казались наказания, они были наименьшей частью наказания, поскольку наказание инквизицией было фатальным для лимпьеры. Насколько легко карьера человека может быть таким образом разрушена соперниками или врагами, видно на примере доминиканца Алонсо де лос Рэзос на Канарских островах. В 1568 году некоторые его утверждения относительно чистилища привлекли внимание, но не привели к официальному судебному разбирательству, поскольку он не отрицал его существования, а богословы не пришли к единому мнению относительно его точного местонахождения и характера. Несколько лет спустя в Ордене возникла междоусобица из-за попытки выделить Канарские острова в отдельную провинцию, когда приор Блас де Мерино, который надеялся стать провинциалом и который рассматривал отца Алонсо как возможного соперника, передал его в трибунал за это предложение. Он был брошен в тюрьму и в 1572 году приговорен к епитимье и затворничеству, что сделало его неподходящим для этого. [311]

В предыдущей главе мы видели, какие наказания считаются достаточными за преступление совращения на исповеди, и сравнение между ними и наказаниями, налагаемыми за высказывания в пылу дискуссии, свидетельствующие об отсутствии устойчивой склонности к ереси, выявляет очень любопытный этический стандарт, преобладавший в тот период. В 1571 году священник по имени Мигель Лидуэна де Осорио был обвинен в Валенсии в том, что он сказал, что епископы на Тридентском соборе заслуживают сожжения, потому что они считали себя папами, и, более того, что святая Анна заслуживала более высоких почестей, чем святой Хоакин. За это от него потребовали отречься от *де вементи*, он был отстранен от исполнения приказов, отшельник на шесть лет и навечно изгнан из Валенсии. [312] нечасто вопиющие случаи домогательства рассматривались с такой серьезностью.

ПРАВИЛА ПРОЦЕДУРЫ

Бесконечное разнообразие и неосязаемый характер преступления сделали невозможным выработку жестких правил для трибуналов, которые, таким образом, были оставлены на их усмотрение в вопросе, который постоянно составлял большую часть инквизиционных дел. Место, отведенное этому Рохасом в его небольшой книге, указывает на его растущую важность, и он говорит нам, что его побудило так подробно рассматривать это дело, потому что очень многие обвиняемые признают факты, отрицая веру и намерения, и он видел такие диаметрально противоположные способы обращения и наказания, принятые в разных трибуналах. Он решительно настаивает на том, что следует учитывать невежество и грубоватость большинства преступников, и указывает, что, принимая во внимание ограничения в защите, инквизитор

должен быть особенно осторожен, придавая вес всему, что может быть выдвинуто в пользу обвиняемого, был ли он невежественным и грубым, или образованным и утонченным. Следует тщательно продумать манеру и случай произнесения, а также происхождение говорящего, если он родом из стран, где процветает ересь. Насколько это зависело от настроения трибунала, видно на примере дела, в котором человек, придя на мессу и обнаружив, что она окончена, сказал: “достаточно одной веры”, и был привлечен к ответственности за это замечание. Рохас решил, что его нельзя обвинять в утверждении, что достаточно веры без дел, что было бы еретично, поскольку сомнительные слова следует толковать в зависимости от обстоятельств, но более ревностный или менее добросовестный инквизитор легко мог бы осудить его. По его словам, в обычных случаях обвиняемого редко следует заключать в секретную тюрьму; отречение от престола может быть *де леви* или *де вементи* в зависимости от обстоятельств, а чрезвычайным наказанием должно быть бичевание или штрафы. [313]

По мере того как Верховная Власть постепенно брала на себя контроль над трибуналами, выработались определенные более или менее признанные правила процедуры. Таким образом, если имелись доказательства еретических высказываний, и обвиняемый признавался в них, но отрицал намерение, он подлежал пытке; если это приводило к признанию намерения, он должен был примириться с конфискацией в общественном транспорте как формальный еретик; если он преодолевал пытки, он должен был отречься от *de vehementi* в автомобиле, с бичеванием, вергуэнцей, изгнанием и т.д., в зависимости от его положения и характера обвинений. Нам говорят, что это было милосердно, поскольку общее мнение врачей состояло в том, что, если положения были формально еретическими, преступник должен быть смягчен, несмотря на его отрицающее намерение. Милосердие простиралось еще дальше, поскольку, если невежество утверждалось с вероятным основанием, обвиняемого не пытали и не осуждали как еретика, но он отрекался от *де левис* применением дискреционных наказаний. Более того, как мы видели, существовал широкий спектр утверждений, из которых ересь была лишь умозаключением, характеризовалась как скандальная, оскорбительная для благочестивых ушей и т.д., за которые отречение *де леви* считалось достаточным с наложением духовной епитимьи. [314]

В этом перечислении наказаний нет никакого намека на штрафы, которыми, однако, ни в коем случае нельзя было пренебречь. Например, в 1579 году Бачиллер Монтесинос, защищая взрослую женщину, привел цинично-изобретательный аргумент, чтобы доказать, что она не совершала никакого греха. Это было передано в трибунал Толедо, калификадоры которого нашли в нем четыре еретических положения, помимо цитаты из апостола Павла, приравненной к еретическому богохульству. Монтесинос отдался на милость трибунала, плакал и ломал руки, протестовал, что он, должно быть, был не в своем уме из-за преклонного возраста, и приводил все возможные оправдания. Он отделался отречением от должности *де леви*, шестимесячным отстранением от исполнения обязанностей адвоката и штрафом в размере восьми тысяч мараведи. Из истории Толедо можно было бы привести множество подобных случаев, но будет достаточно еще двух. В 1582 году Бачиллер Пабло Эрнандес осудил себя за то, что в пылу дискуссии позволил себе сказать, что при канонизации папа должен полагаться на свидетелей, которые могут быть ложными, и поэтому нет необходимости верить, что все канонизированные таким образом были святыми. Его приговорили к отречению от *де леви*, выплате шести тысяч мараведи и оглашению приговора в его приходской церкви во время мессы. Исходя из этого, он обратился к Верховному судье, который смягчил унижение в церкви, но предусмотрительно увеличил штраф до двадцати тысяч мараведи. В 1604 году трибунал получил более богатую

награду в лице старого немца по имени Хиральдо Парис, жителя Мадрида, который, по-видимому, увлекался алхимией. Его обвинили в том, что он сказал, что Ветхий Завет - это басня, что святой Иов был алхимиком, что христианская вера - это вопрос общественного мнения и многое другое в том же роде. Доказательства, должно быть, были неубедительными, поскольку, какими бы серьезными ни были эти обвинения, возникли *разногласия* по вопросу о его аресте, и для этого требовался приказ Верховного, прежде чем его заключат в секретную тюрьму. Постепенно он признал истинность обвинений, но не был приговорен к примирению, отделавшись отпущением грехов *de vehementi*, годичным отшельничеством в монастыре, сдачей всех книг и бумаг, касающихся алхимии и квинтэссенций, и штрафом в размере трех тысяч дукатов. Общее впечатление, производимое группой этих случаев, таково, что бичевание было зарезервировано для тех, кто был слишком беден, чтобы заплатить умеренный штраф, и что размеры штрафов зависели скорее от способностей преступника, чем от степени его вины. [315] Однако при определении наказаний было рекомендовано предусмотреть значительное смягчение наказания за пьянство, готовность и откровенность виновного при признании вины, а также за его невежество или простодушие. [316]

БРАК ЛУЧШЕ БЕЗБРАЧИЯ

Были два особых предложения, которые были настолько широко распространены и так часто рассматривались трибуналами, что они почти составили особый класс. Одним из них было утверждение, что супружеское состояние так же хорошо, как и безбрачие, предписанное священнослужителям и религиозным деятелям, или даже лучше этого. То, что это было явно еретическим, не могло быть подвергнуто сомнению после анафемы Тридентского собора в 1563 году, и его распространенность является заслуживающим внимания фактом. [317] В летописи Толедо за период с 1575 по 1610 год приведено тридцать подобных случаев: строго говоря, за утверждение доктрины, противоречащей учению Церкви, и осужденной как еретическая, следовало ожидать примирения или, по крайней мере, отречения от престола *de vehementi* и суровых наказаний, но, поскольку ересь была одной из Определение "Трезубец" и новинка, к нему милосердно относились с отречением *де леви* и обычно с умеренным штрафом или вергуэнцей, или даже с меньшим. Крайняя снисходительность была проявлена к Себастьяну Вальехо в 1581 году, который заявил, что если бы у него было сто дочерей, он не стал бы делать из них монахинь ввиду распущенности слабых, поскольку те, кто в монастырях, были такими же развратными, как и те, кто снаружи; ни один родитель не должен посвящать своих детей в религию до достижения ими совершеннолетия, а что касается брака, он выдвинул общепринятый аргумент, что он был установлен Богом, в то время как монашество было делом святых. Он пришел, чтобы заявить о себе, и сослался на пьянство в качестве оправдания, что, вероятно, объясняет его побег с выговором. Вскоре после этого с Марией де Ордуња обошлись столь же милосердно после того, как она признала себя виновной в том же проступке, предположительно по той причине, что она была очень простодушной женщиной. [318] Поскольку преступление было таким образом расценено легкомысленно, из этого следует, что пытки не были разрешены в ходе судебного преследования. [319] Ошибку было трудно устранить. В 1623 году автор обращает внимание на количество дел, все еще находящихся на рассмотрении трибуналов, и предлагает для подавления этого дела зачитывать приговоры правонарушителям в церквях, чтобы распространить информацию об ошибочном характере обвинения. [320] Примерно двадцать лет спустя это все еще было достаточно частым явлением,

чтобы к нему относились как к отдельному классу, хотя нам говорят, что его посещали с меньшей суровостью, чем раньше, поскольку оно предположительно возникло по незнанию и не должно рассматриваться как ересь. [321] Это примечательно ввиду легкости, с которой это могло быть расценено как лютеранство.

Еще более распространенным утверждением, искоренить которое было очень трудно, было то, что блуд между неженатыми людьми не является смертным грехом. Хотя теологи считали, что это утверждение само по себе было смертным грехом, [322] на самом деле в нем не было ничего, что отдавало бы ересью, и его признание инквизицией было произвольным необоснованным расширением юрисдикции. Возможно, существовало какое-то смутное представление о том, что это произошло от мавров, сексуальная распушенность которых была хорошо известна, но обычным аргументом, приводимым в его защиту теми, кто придерживался этого мнения, было терпимое отношение государства к публичным женщинам и борделям, из чего естественным был вывод, что это не могло быть смертным грехом.

БЛУД НЕ ГРЕХОВНЫЙ

Кажется, между 1550 и 1560 годами инквизиция начала свои усилия по пресечению этого популярного заблуждения. Самое раннее упоминание о его действии, с которым я столкнулся, содержится в большом севильском авто от 24 сентября 1559 года, где было зафиксировано не менее двенадцати случаев, из которых восемь отреклись от *де леви*, один *де вементи*, шестерых провели парадом в вергуэнсе, четверых выпороли сотней ударов плетью (из них одна женщина), а двое прослушали мессу как кающиеся. [323] Требование отречения от престола показывает, что предположению уже приписывалось подозрение в ереси, но это еще не было общепризнанным, поскольку в 1561 году Верховный суд направил в трибунал Калаорры письмо, в котором Педро Кестеро, которого оно наказало за это преступление, следовало привлечь к ответственности как еретика, поскольку это, по-видимому, является ересью. [324] Таким образом, в него была внедрена ересь, и мы быстро обнаруживаем, что это стало ведущим источником бизнеса в кастильских трибуналах. Севилья была особенно активна. В авто от 28 октября 1562 года было зарегистрировано девятнадцать случаев. [325] В том, что от 13 мая 1565 года из семидесяти пяти кающихся двадцать пять высказались за это предложение. Наказания были суровыми. Все отреклись от *де леви* и появились в своих рубашках с уздечкой и свечой; всем, кроме одного, заткнули рты; четырнадцать были подвергнуты бичеванию общей суммой в тысячу девятьсот ударов плетью; пятерых выставили напоказ в вергуэнсе, двоих оштрафовали на двести дукатов за штуку, а двоих других - на тысячу мараведи каждого; шестерых сослали, а одному запретили покидать Севилью без разрешения. Кроме них, был один мужчина, получивший сотню ударов плетью за то, что сказал, что нет греха в содержании любовницы, и три женщины были наказаны за то же самое - за сожительство, из которых две получили по сто ударов плетью каждая, а третья была выставлена напоказ в вергуэнсе. Появились двое мужчин, заявивших, что иметь любовницу лучше, чем жениться, и одному из них был вставлен кляп. К ним мы можем добавить двоих, которые считали, что брак лучше, чем безбрачие слабых, и мы имеем в общей сложности тридцать три случая, или почти половину всех в авто, ошибок, касающихся отношений полов. [326]

Какой бы активной ни была эта работа, она не удовлетворила Верховную Власть, которая в *carta acordada* от 23 ноября 1573 года говорит о распространенности преступления, указанного в отчетах *autos*, и о незначительном прогрессе, достигнутом к настоящему времени в его

пресечении; поэтому было предписано усилить меры, и в будущем все правонарушители должны были преследоваться как еретики. За ней последовала еще одна, 2 октября, 1574, заказ предложением включить в эдикт веры, и еще один декабрь 2^д, в том же году, повторяя жалобу, его активности и незначительное улучшение достигнуто. Очевидно, это была ошибка невежества, и, чтобы исправить это, было приказано повсюду опубликовать специальный указ, объявляющий это ересью, осужденной Церковью, и что все, кто произносит это и верит в это, будут наказаны как еретики; более того, всем проповедникам было поручено предупреждать и увещевать людей с кафедр. [327]

Все это было полезно, и все же трудно понять это горячее рвение к нравственности мирян по сравнению с небрежностью в обращении с просьбами. Как бы то ни было, деятельность трибуналов в рамках этого стимула была вознаграждена обильным количеством виновных. Нам довелось услышать о восьми случаях в автокатастрофе 1579 года в Льерене и о пяти в Куэнке в 1585 году. [328] Более наглядным примером является протокол Толедо за период с 1575 по 1610 год, в котором число дел составляет двести шестьдесят четыре - безусловно, самая большая совокупность всех преступлений, иудействующих всего сто семьдесят четыре, а морисков — сто девяносто. [329] Эти статистические данные охватывают только суды короны Кастилии; имеющиеся в распоряжении королевств Арагон скудны, но из тех, которые доступны, представляется вероятным, что либо было меньше энергии, либо гораздо меньшее число виновных. Единственные случаи, с которыми мне довелось встретиться, - это два случая в сарагосском авто от 6 июня 1585 года, в то время как в списке Валенсии за пять лет 1598-1602, включающем всего триста девяносто два случая, есть только четыре таких преступления и ни одного в отчетах за три 1604-6 гг. [330]

Несмотря на квалификацию преступления как ереси, пытки в ходе судебного разбирательства применяться не должны были, хотя заключение в секретную тюрьму и арест были разрешены. [331] Энергия и суровость, с которыми было возбуждено уголовное дело, фактически вовремя подавили его. В 1623 году автор говорит о нем как о менее распространенном, чем раньше, и в списке дел, рассмотренных в Толедо, начиная с 1648 года, первое из этих преступлений относится к 1650 году, следующее - к 1665 году и третье - к 1693 году. С тех пор это, можно сказать, практически исчезло из поля зрения судов, хотя еще в 1792 году дона Амбросио Переса, священника-бенефициара Кандамаса, судили за это в Сарагосе, а в 1818 году было дело в Валенсии. [332] Таким образом, инквизиции удалось подавить выражение этого мнения, хотя, поскольку она не предприняла никаких действий против греха, ее влияние на мораль было незначительным.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПОДАВЛЕНИЕ

Ссылка на дела о пропозициях, рассматривавшиеся трибуналом Толедо в период с 1575 по 1610 год (см. Т. II, стр. 552) укажет на очень разный характер высказываний, для которых было использовано его вставление. В них участвовали преступники из всех классов общества, и поскольку по большей части они касались более или менее неясных богословских вопросов, этот метод обеспечения чистоты веры часто подвергал критике передовые умы Испании и превращал инквизицию в инструмент, с помощью которого соперники или враги могли испортить карьеру тем, в ком заключалась единственная надежда на интеллектуальный прогресс. развитие. Между его цензурой и скрупулезным надзором, который подвергал

преследованию каждую мысль или выражение, в которых богословская недоброжелательность могла обнаружить скрытую склонность к ошибкам, испанский мыслитель обнаружил, что его путь полон опасностей. Безопасность заключалась только в проторенной колее общепринятых условностей, и в то время как Европа в семнадцатом и восемнадцатом веках переживала период эволюции, испанский интеллект атрофировался. Великолепное обещание шестнадцатого века было разрушено неуклонным подавлением всякой оригинальности и прогресса, и Испания из передовой нации превратилась в последнюю.

Тщательность придирчивой критики, которая подвергла самых выдающихся людей ужасам инквизиционного преследования, лучше всего можно понять на примере двух или трех случаев. Из них, пожалуй, наиболее примечательным является труд августинца брата Луиса де Леона, который был не только одним из самых выдающихся богословов своего времени и непревзойденным проповедником, но и считается кастильским классиком как в прозе, так и в поэзии. [333] Это настолько напоминает инквизиционную процедуру в подобных вопросах, что заслуживает более детального изучения.

С блестящим интеллектом Луиса де Леона соединилась личная активность, которая привела его к тому, что он принимал видное участие в лихорадочной жизни школ, не только в диспутах, но и в частых соперничествах и конкурсах, посредством которых заполнялись профессорские вакансии, поскольку в Саламанке профессора избирались сроком на четыре года студентами факультета, которому принадлежала кафедра, после диспута между кандидатами. В них у него было множество возможностей нажить врагов, поскольку в возрасте 34 лет он был избран на кафедру Фомы Аквинского, с которой перешел на кафедру Дюранда. Эти возможности он в значительной степени улучшил, если мы можем доверять его характеристикам многочисленных оппонентов, которых он стремился вывести из строя в качестве свидетелей в ходе своего судебного процесса. Даже в своем собственном Ордене у него были враги из-за его активного и влиятельного участия во внутренней политике.

Теологические споры редко лишены злобы, какими бы незначительными ни были спорные моменты. В Саламанке не только часто происходили диспуты, но и, как в ведущей теологической школе, Верховная Власть часто задавала ей вопросы, по которым проводились конференции и собрания, что приводило к нескончаемым спорам. Аспилькуэта говорит нам, что эта мания ведения споров побуждала участников отстаивать то, что было ложью, с целью продемонстрировать свою ловкость, не только вводя в заблуждение своих слушателей, но и часто закрывая глаза на правду, а сам Луис де Леон говорит, что горячность дебатов иногда выводила их за пределы разума и настолько сбивала с толку, что они с трудом могли вспомнить, что они сами говорили. Один из его свидетелей, брат Хуан де Гевара, подтверждает это замечанием, что маэстро Леон де Кастро (главный обвинитель Луиса де Леона) иногда мог не понимать сказанного, но это случалось со всеми теологами, когда они горячились в спорах. [334]

Вряд ли можно было придумать более справедливое поле для инквизиторского вмешательства, и, с одной точки зрения, сдерживание этого диалектического пыла было бы не лишним, но его влияние на интеллектуальное развитие было плачевным, поскольку оно заставляло каждого человека чувствовать, что он стоит на краю пропасти, в которую в любой момент он может быть низвергнут. Такой ужас не был напрасным; пока Луис де Леон находился под судом, три других профессора Саламанки оказались в таком же затруднительном положении — Антонио Гудьель,

Гаспар де Грахаль и Мартин Мартинес, в то время как еще один, доктор Баррьентос, был освобожден незадолго до ареста Луиса. Разоблачение было легким средством для потерпевшего поражение участника спора; неосторожное высказывание в жарких дебатах, неправильно понятое или искаженное в памяти, давало средство. Даже лекции на обычных курсах вносили свою лепту, когда усердные студенты не соглашались со своими преподавателями или допускали ошибки в своих поспешных записях.

LUIS DE LEON

Двумя главными фигурантами судебного преследования брата Луиса были Леон де Кастро и Бартоломе де Медина. Де Кастро был пожилой человек, *jubilado* профессор грамматики, которые часто многословны встречи с Фрай Луис, как правило, к его смущению.

Он возлагал большие надежды на Комментарий к Исаяе, публикация которого была отложена из-за того, что Верховный суд потребовал от него представить его на экспертизу; ему пришлось провести несколько месяцев при дворе, прежде чем он смог получить разрешение на его продажу, а затем он потерпел неудачу, что повлекло за собой потерю тысячи дукатов — все это он приписал Фраю Луису, который в то время находился в Мадриде. Бартоломе де Медина был молодым человеком, амбициозно продвигавшимся по карьерной лестнице и встретившим несколько отказов со стороны брата Луиса, что подчеркнуло традиционную враждебность между доминиканцами и августинцами, к которым они соответственно принадлежали. Они обычно выступали против друг друга в спорах, но кажется несколько эксцентричным, что Медина обвиняет Луиса и его друзей Грахалья и Мартинеса во внедрении новшеств, учитывая, что его собственная репутация в основном основана на его изобретении величайшей новинки того периода — вероятностного подхода, который произвел революцию в этическом учении Церкви и дал начало новой науке Морального богословия. [335]

Для этой вражды было нетрудно найти средства удовлетворения. Издание латинской Библии Робертом Стивенсом с примечаниями Франсуа Ватабля вовлекло этого печатника в бесконечные споры с Сорбонной, которая обвинила его в еретичестве над комментариями насквозь ортодоксального редактора. В 1555 году Университет Саламанки предпринял его исправление, но результат не удовлетворил чуткость испанского богословия, и издание было запрещено в Указателе 1559 года. Тем не менее, работа была востребована в Испании, и по приказу Suprema в 1569 году университет взялся за эту задачу заново. Были проведены многочисленные собрания, на которых каждый пункт горячо оспаривался. Медина, который еще не получил степень магистра, не принимал участия в собраниях, но у Леона де Кастро и брата Луиса было много встреч с оружием в руках. Де Кастро обвинил его в недостаточном уважении к тексту Библии вульгаты и в том, что он предпочитает авторитет еврейского и греческого оригиналов. Он заклеил Луиса, который имел обратное происхождение, как еврея и иудействующего и однажды заявил, что его следует сжечь. По правде говоря, вопрос о Вульгате был одним из важных. Новые ереси в значительной степени основывались на предположении о ее несовершенстве и стремились доказать это ссылкой на оригиналы. Схоластическое богословие опиралось на Вульгату, и в целях самозащиты Тридентский собор в 1546 году объявил, что она должна приниматься как подлинная во всех публичных лекциях, диспутах, проповедях и разъяснениях и что никто не должен осмеливаться отвергать ее ни под каким предлогом. [336] Тем не менее, было печально известно, что с течением веков текст был поврежден; Тридентские отцы включили в свой указ требование об усовершенствованном издании, но труд был велик и

не был завершен до 1592 года, когда был выпущен текст Клементины с тысячами исправлений. Между тем подвергать сомнению его точность означало вступать на опасную почву и призывать к вмешательству инквизицию. Как заявил один из калификадоров во время суда над Фраем Луисом, “Католические врачи утверждают, что теперь иврит и греческий должны быть исправлены Вульгатой, как более чистым и правдивым текстом. Исправить Вульгату с помощью древнееврейского и греческого - это именно то, к чему стремятся еретики. Это делается для того, чтобы уничтожить средства их опровержения и дать им возможность свободного толкования”. [337] Фрай Луис не только сделал это в дебатах, но и в лекции на эту тему четырьмя годами ранее он поддержал точность текста на иврите, утверждая, что святой Иероним переводчик не был вдохновлен, слова не были продиктованы Святым Духом, и, более того, Тридентский декрет никоим образом не подтверждает такое словесное вдохновение. [338]

С другой стороны, он тоже был уязвим. Десятью или одиннадцатью годами ранее по просьбе доньи Исабель де Осорио, монахини монастыря Санто-Спирито, он сделал кастильскую версию Песни Песней Соломона с изложением. Он потребовал это у нее, но во время его отсутствия брат Диего де Леон, который отвечал за его камеру, нашел это и сделал копию, которая была в значительной степени расшифрована и распространена. В то время, когда народные версии были так жестко запрещены, это было, по меньшей мере, рискованным мероприятием, и Бартоломе де Медина усугубил нескромность, обвинив в том, что в своем изложении он представил произведение как любовный диалог между дочерью фараона и Соломоном.

LUIS DE LEON

В декабре 1571 года де Кастро и Медина представили официальные доносы на брата Луиса, Грахала и Мартинеса комиссару саламанкского трибунала Вальядолида, обвинив их в отрицании авторитета Вульгаты и предпочтении толкований раввинов толкованиям отцов церкви, в то время как распространение песнопений на народном языке не было забыто. Другие обвинители, включая студентов, присоединились к нападению, всего их было тринадцать, с огромным количеством обвинений. Вскоре после этого Грахаль был арестован, и брат Луис, предупрежденный о надвигающейся опасности, 6 марта 1572 года явился к Диего Гонсалесу, бывшему инквизитору Каррансы, который в то время находился с визитом в Саламанке, с копией своей лекции о Вульгате и извлеченных из нее положениях, а также со своей работой над песнопениями. Он попросил, чтобы их обследовали, и заявил о полном подчинении Церкви, с готовностью отозвать все, что может быть сочтено хоть в малейшей степени предосудительным. [339]

В любой другой стране этого было бы достаточно. Инкриминируемые произведения были бы изъяты или запрещены, если бы это было необходимо. Луис отказался бы от любых выражений, которые были сочтены ошибочными, и дело закончилось бы без ущерба для веры. Однако при инквизиции высказывание нежелательных утверждений было преступлением, подлежащим наказанию, и покорность преступника только спасала его от наказания за упорную ересь. 26 марта был выдан ордер на арест Фрая Луиса, а 27-го он был выписан алькаидом секретной тюрьмы Вальядолида. К нему относились с необычным вниманием, учитывая его немощь и хрупкое здоровье, поскольку по его ходатайству ему разрешили плеть, заостренный нож для нарезки пищи, свечу, нюхательные табакерки и несколько книг. [340] Сначала судебный процесс проходил с необычной скоростью. К 15 мая фискал представил официальное обвинение, в котором фраю Луису было предъявлено обвинение в утверждении, что Вульгата

содержит много лжи и что можно создать лучшую версию; в осуждении Септуагинты и предпочтении Ватикана, раввинов и евреев святым в качестве толкователей Священного Писания; в заявлении, что Тридентский собор не делал Вульгату предметом веры и что в Ветхом Завете не было обещания вечной жизни; в утверждении доктрины, предполагающей оправдание верой, и что простой смертный грех разрушает веру; в распространении изложения Вульгаты. Песнопения, объясняющие их как любовную поэму Соломона к своей жене, - все это было законно основано на различных свидетельствах свидетелей, выступавших против него. [341] На это, как и требовалось, Фрай Луис ответил на месте, статью за статьей, приписывая обвинения злему умыслу своих врагов, отрицая некоторые и объясняя другие четко и откровенно.

Это было особое одолжение, что ему сразу же предоставили адвоката и позволили организовать его защиту — одолжение, которое навлекло на трибунал выговор от Верховного суда 13 января 1573 года как противоречащее *estilo*, которому необходимо следовать, какими бы ни были мольбы обвиняемого. Брат Луис опознал многих свидетелей — из девятнадцати он узнал восьмерых — и провел шесть серий допросов, в основном направленных на то, чтобы доказать свои утверждения о смертельной вражде. Из них инквизиторы отклонили три как “дерзкие”, а ответы на остальные были в значительной степени неудовлетворительными, что было почти неизбежно при системе, которая заставляла обвиняемого вслепую искать доказательства. По мере того как шло время в этом неизбежно затянувшемся деле, отец Луис становился все нетерпеливее из-за застоя, который, казалось, препятствовал всякому прогрессу, не осознавая, что на самом деле все шло нерегулярно. [342]

Было бы утомительно подробно следить за процессом, который тянулся так медленно. Выступили дополнительные свидетели, чьи показания должны были пройти обычные формальности; отец Луис представил бесчисленное количество бумаг по мере того, как ему приходили в голову вопросы; он блестяще защищался, и в ходе судебного процесса было мало обычных длительных перерывов, поскольку его нервное нетерпение заставляло его постоянно засыпать трибунал аргументами и апелляциями, которые он принимал со своим обычным равнодушием. Наконец, через два года, в начале марта 1574 года, суд постановил, что нет оснований для подозрений против него в тридцати статьях, взятых из показаний свидетелей, в то время как он не может быть привлечен к уголовной ответственности по семнадцати положениям, извлеченным из его лекции о Вульгате, поскольку он представил их спонтанно и подчинился Церкви. Фискал, однако, обжаловал это в Верховном суде, и его апелляция, должно быть, была успешной, поскольку судебный процесс начался заново. [343]

LUIS DE LEON

После некоторых промежуточных разбирательств 1 апреля Фраю Луису было приказано выбрать *патронессу теологосу* для оказания помощи в его защите. Он сразу же назвал доктора Себастьяна Переса, профессора королевского колледжа, основанного Филиппом II в Парасесе в связи с Сан-Лоренцо-дель-Эскориал, а два дня спустя добавил другие имена.

Вместо того чтобы принять их, трибунал попытался заставить его взять людей, о которых он ничего не знал и которые на самом деле были калификадорами, которые уже осудили его предложения. Борьба продолжалась до тех пор, пока 3 августа Супрема не написал, что он мог

бы заполучить Переса, но сначала должна быть доказана его правота и получено согласие Филиппа на его отсутствие. Мы видели, насколько длительными, дорогостоящими и тревожными были расследования в отношении лимпъезы, как заметил отец Луис, это означало одновременно и соглашаться, и отказывать. Наконец, после бесконечных дискуссий, в октябре он в отчаянии принял доктора Мансио, доминиканца и ведущего профессора теологии в Саламанке. Мансио приехал в октябре, снова ближе к концу декабря и, наконец, 30 марта 1575 года, в то время как отец Луис тем временем терзал свое сердце отчаянием. Наконец, 7 апреля Мансио одобрил защиту брата Луиса, заявив, что он удовлетворил все статьи, как "серию из семнадцати", так и "серию из тридцати", которые были доказаны против него или которые он признал произнесенными. [344]

Если отец Луис вообразил, что эта двенадцатимесячная работа, которой придавалось такое значение, улучшила его перспективы, то он быстро развеялся. Мы больше ничего не слышим ни о докторе Мансио, ни о его одобрении. Предложения вместе с защитой были снова представлены трем калификадорам (людям, которых ему навязали в качестве покровителей), и это иллюстрирует неопределенность теологии и ошеломляющие тонкости, которыми восхищались доктора, то, что не только первоначальные семнадцать статей были объявлены по большей части еретическими, но и пять новых, столь же плохих, были обнаружены в защите, которая вызвала одобрение доктора Мансио, и с тех пор эти пять составили третью категорию ошибок, фигурирующих в разбирательстве. [345] Нам нелегко понять религиозные концепции, которые ставили жизни, свободы и репутацию людей под угрозу диалектики, с которой расходились большинство ортодоксальных богословов.

Когда отцу Луису сообщили, что пять новых еретических положений проросли из гидроглобин старых, он был встревожен. Больной и измученный, перспективы окончательного освобождения после нескончаемого судебного процесса, казалось, становились все более и более отдаленными. Споры и дискуссии продолжались и были затяжными. Были приглашены новые калификадоры, которые обсудили, высказали свое мнение и представили письменные заключения по всем трем сериям предложений. Было бы бесполезно подробно следить за этими схоластическими упражнениями, главный интерес которых состоит в том, чтобы показать, как в этих бесконечно малых моментах одна группа теологов могла отличаться от другой и насколько полностью игнорировалась вражда двух главных свидетелей, Леона де Кастро и Бартоломе де Медины. Так прошли остаток 1575 года и первая половина 1576 года. Не было никаких причин, по которым дело не могло бы продолжаться в том же духе бесконечно, но инквизиторы, похоже, наконец почувствовали, что конец должен быть достигнут, и наконец была проведена консультация, на которой доктор Фречилла, один из калификадоров, осудивших эти предложения, представлял ординария епископальной церкви. [346]

Это дело иллюстрирует один случай из этих затянувшихся судебных процессов. В ходе его слушали семь инквизиторов, из которых Гихано де Меркадо был единственным, кто служил от начала до конца, а его коллега по консульте Андрес де Алава появился на нем только в ноябре 1575 года и после декабря не присутствовал ни на каких аудиенциях. Кроме того, в присутствии члена Верховного суда Франсиско де Менчаки была необычная черта, указывающая, возможно, на то, что это дело рассматривалось как дело более чем обычной важности. Было пять консультантов: Луис Тельо Мальдонадо, Педро де Кастро, Франсиско Альборнос, Хуан де Ибарра и Эрнандо Ниньо, но двое последних заболели, когда рассмотрение объемистых показаний было наполовину завершено, и больше не принимали участия в разбирательстве.

При принятии окончательного решения 18 сентября 1576 года Менчака, Алава, Тельо и Альборнос проголосовали за применение пыток в соответствии с намерением, включая предложения, которые, как заявили богословы, удовлетворили отца Луиса, после чего следует провести еще одну консультацию. Они гуманно добавили, что наказание должно быть умеренным, учитывая слабость обвиняемого. Те, кто лучше знаком с делом, Гихано и Фречилла, были более снисходительны. Они проголосовали за выговор, после которого на общем собрании профессоров и студентов брат Луис должен был зачитать декларацию, составленную *calificadores*, в которой предложения объявлялись двусмысленными, подозрительными и способными вызвать скандал. Более того, его августинскому начальнику было сообщено во внесудебном порядке, чтобы он в частном порядке приказал ему использовать свои исследования в других направлениях и воздержаться от преподавания в школах. Народная версия Песнопений должна была быть запрещена, если генеральный инквизитор и Супрема сочтут нужным. [347] **Каким бы** сравнительно мягким ни мог показаться этот приговор, он в полной мере удовлетворил мстительность его врагов — он полностью унизил его и разрушил его карьеру.

Поскольку произошла дискордия, дело с необходимостью вернулось к Верховному суду, который, по-видимому, признал, что оба голосования признали недействительным трудоемкий подсчет голосов, с помощью которого калификадорес обнаружил опасные ереси в своих признанных положениях. Однако обсуждение, должно быть, затянулось, поскольку окончательный приговор был вынесен только 7 декабря. Это полностью сняло с Фрая Луиса все обвинения, но назначило выговор в зале аудиенций и предупреждение относиться к подобным вопросам в будущем с большой осмотрительностью, чтобы не возникло скандала или ошибок. Верховный суд вряд ли мог бы сказать меньше, если бы весь этот мрачный фарс, длившийся почти пять лет, не был признан полностью неоправданным, и он приложил приговор к письму, предписывавшему трибуналу обязать отца Луиса хранить глубокое молчание и избегать разногласий с теми, кого он подозревал в даче показаний против него. Вероятно, 15 декабря был зачитан приговор и объявлен выговор. Брат Луис принес необходимые присяги, он дал требуемые обещания и был освобожден как невиновный после тюремного заключения, *несвободы*, которое длилось четыре года, восемь месяцев и девятнадцать дней. Были удовлетворены его просьбы о выдаче свидетельства *об отсутствии препятствий* и о постановлении казначея школ выплачивать ему профессорскую зарплату с момента его ареста до истечения четырехлетнего срока. [348]

Во время этого длительного заключения к фразу Луису, похоже, относились с необычным вниманием. Ему было разрешено посылать за всеми книгами, необходимыми для его защиты и учебы — даже для отдыха, поскольку мы находим его 6 июля 1575 года просящим о прозаических произведениях Бембо, о Пиндаре на греческом и латыни и о экземпляре Софокла. [349] Он избавил от отвлекающих факторов своей защиты и тревог своей позиции сочинением своего *"De los Nombres de Christo"*, которое осталось классическим. И все же это было лишь слабым облегчением тягот и безысходной скуки его тюремной камеры. 12 марта 1575 года он просит о причастии; хотя он и не еретик, по его словам, он был лишен его на три года. Это ходатайство было направлено в Верховный суд, который в ответ сухо посоветовал трибуналу завершить рассмотрение дел брата Луиса, Грахаля и Мартинеса, как только позволит возможность. [350] На аудиенции 20 августа того же года, когда его перевели в камеру, он

сделал паузу, чтобы представить, что, как хорошо известно инквизиторам, он был очень болен лихорадкой; в его камере не было никого, кто мог бы позаботиться о нем, кроме товарища по заключению, маленького мальчика, который был прост; однажды он потерял сознание от голода, так как некому было дать ему еды, и он спросил, может ли быть допущен слабый из его Ордена, чтобы помочь ему умереть, если только они не хотят, чтобы он умер в одиночестве в своей камере. В этом не было отказано, но поскольку было выдвинуто условие, что товарищ, как обычно, должен до конца разделить его тюремное заключение, просьба оказалась напрасной. Затем, 12 сентября, в своем ответе на пять внезапно возникших у него предложений он с чувством упомянул годы тюрьмы и страдания, вызванные отсутствием удобств в связи с его слабостью и болезнью, как пытку, достаточно долгую и жестокую, чтобы очистить от всех подозрений. [351] Еще более жалкой была петиция к Верховной Власти в ноябре того же года: “Я умоляю ваше преосвященнейшее тело Иисусом Христом, предоставив мне достаточную безопасность, приказать поместить меня в один из монастырей этого города, даже в монастырь Сан—Пабло (доминиканский), любым способом, который вам может понравиться, до вынесения приговора, чтобы если за это время Бог призовет меня, чего я очень боюсь, ввиду моих больших забот и слабого здоровья, я могу умереть как христианин среди религиозных людей, с помощью их молитв и принятием таинств, а не как неверующий, один в тюрьме с мавром у моей постели. И поскольку злоба моих врагов и мои собственные грехи лишили меня всего желанного в жизни, пусть христианское благочестие вашего преосвященнейшего корпуса даст мне это утешение в смерти, ибо большего я не прошу”. [352] Возможно, излишне говорить, что это трогательное обращение даже не получило ответа.

LUIS DE LEON

После истечения срока его профессорства, примерно 1 марта 1573 года, на его место был избран его заклятый враг Бартоломе де Медина, который в августе 1576 года был назначен на ведущую кафедру теологии, в то время как брат Гарсия дель Кастильо сменил Дюрандуса. По возвращении отца Луиса он был тепло и с почетом принят на собрании Сената, созванном специально для этой цели, где комиссар инквизиции объявил, что Святая канцелярия распорядилась восстановить его в звании профессора. Луис, однако, отказался беспокоить Кастильо, и в январе 1577 года для него была создана необычная кафедра Священного Писания. На следующий год, когда кафедра моральной философии стала вакантной, он получил ее и впоследствии стал постоянным профессором Священного Писания — одной из самых высоких должностей в университете. Его коллеге Граджалу повезло меньше, он погиб в тюрьме до окончания судебного процесса над ним. [353]

Умственная энергия брата Луиса не пострадала, хотя его хрупкое тело так и не оправилось полностью от последствий длительного заключения. Такого опыта опасностей, сопутствующих дискуссиям в школах, могло показаться достаточным, чтобы умерить его полемический пыл, но в богословии, которое стремилось свести к жестким рамкам все тайны неизвестного духовного мира, в каждом предположении таился риск ереси. Наакте университета, состоявшемся 20 января 1582 года, дебаты переросли в дискуссию о предопределении и свободе воли, в ходе которой брат Луис и брат Доминго де Гусман были категорически против друг друга. Это было продолжено в другом богословском Акте на следующей неделе; студенты пришли в возбуждение и призывали отца Баньеса пресечь эти нововведения, что он и сделал в лекции, заявив, что взгляды Фрая Луиса отдают пелагианством. Последний был разгневан, и на следующий день на собрании всех факультетов обсуждался вопрос: “Если Бог дарует равную и

достаточную благодать двум людям, и ничто больше не мешает, может ли один обратиться, а другой отвергнуть помощь?" Дискуссия между Фраем Луисом и Баньесом была жаркой, и волнение росло. Затем, 27 января, состоялось еще одно собрание, на котором обсуждались сложные вопросы, связанные с превентивной помощью и сотрудничеством с людьми. [354]

Это было началом долгих дебатов о вспомогательных действиях между иезуитами и доминиканцами, которые длились столетие, пока Святейший Престол не заставил обе стороны замолчать, так и не сумев заявить о победе. Брат Луис возбудил много вражды — хотя и не так много, как он имел привычку заявлять, — и случай был благоприятным для того, чтобы нанести удар по нему и по тем, кого он поддерживал. Брат Хуан де Санта Крус составил отчет о дискуссиях, с осуждением защищаемых ошибочных и еретических положений; это не было личным осуждением кого-либо, но он заявил, что волнение и беспокойство школ требуют разрешения инквизицией. Это он представил 5 февраля в Вальядолиде инквизитору Хуану де Аррезе, и из заметок на полях следует, что, помимо отца Луиса, два иезуита и бенедиктинец были привлечены к ответственности. В марте инквизитор Аррезе прибыл в Саламанку с миссией подавить астрологию и воспользовался возможностью, чтобы собрать показания по поводу схоластической ссоры. Различные свидетели, некоторые из которых были августинцами, спонтанно выступили с доказательствами, а наемник Франсиско Зумель представил ряд утверждений, якобы взятых из лекции Фрая Луиса о предопределении, худшим из которых было то, что Христос на кресте был лишен Бога и был спровоцирован на грех. Зумель был злейшим врагом Луиса, который победил его четыре года назад в конкурсе на кафедру моральной философии; у обоих были свои сторонники, и их ссоры были причиной многих неприятностей. [355]

LUIS DE LEON

Опыт работы Фрая Луиса в инквизиции, естественно, побудил его добиваться оправдания. Трижды он добровольно появлялся перед Аррезе и делал устные и письменные заявления, в которых рассказывал о своем участии в дебатах. Он признал, что отстаивал позицию, противоположную тому, чему он преподавал ранее, которая была не лишена определенной смелости, поскольку отличалась от обычного школьного языка и не подходила для публичных дебатов, поскольку была деликатной, трудной для понимания и могла ввести слушателей в заблуждение. Он возразил, что у него не было намерения оскорбить католическую доктрину и, если он сказал что-либо необдуманно, он представил это на порицание и исправление священного трибунала. Он также придавал большое значение пресловутой ненависти доминиканцев к нему и тому, как они не упускали возможности порицать его учение, его личность и его мораль. [356]

Инквизитор Аррезе вернулся в Вальядолид с доказательствами, после чего наступила пауза перед рассмотрением дела брата Луиса. По-видимому, по этому поводу были некоторые колебания, поскольку Верховный Суд предпринял необычный шаг, вызвав его на допрос, от которого он отказался, сославшись на болезнь, и в качестве обоснования направил справку врача. Следующим документом в деле является письмо Верховного суда в трибунал от 3 августа, в котором содержится требование предоставить документы по делам богословов Саламанки с изложением своего мнения относительно них. В своем ответе трибунал заявил, что отец Луис признался во всем, что было засвидетельствовано против него, подчинившись исправлению и признав, что то, что он сказал, не было лишено безрассудства; он, очевидно, говорил со

страстью и после прений попросил прощения у Доминго де Гусмана за то, что сказал ему, что то, что он защищал, было лютеранской ересью. Ввиду всего этого трибунал предложил вызвать его к себе и допросить, когда, если ничего больше не даст, ему следует сделать серьезный выговор, а поскольку школа Саламанки была серьезно взволнована и поскольку некоторые августинцы хвастались, что его высказывания были приняты трибуналом как истинные, от него следует потребовать публично зачитать в своем кресле составленную для него декларацию с осуждением положений, а также заявить, что он говорил неправильно, когда охарактеризовал противоположное как ересь. [357]

Это было бы глубоким унижением для гордого и властного богослова, но снова Кирога, похоже, вмешался, чтобы спасти его. В отчетах за восемнадцать месяцев есть пробел, объясняемый тем, что дело находится в руках Верховного Суда. Что происходило в течение этого промежутка, неизвестно, но исход описан в заключительном акте судебного разбирательства, состоявшегося 3 февраля 1584 года в Толедо. Там отец Луис предстал перед генеральным инквизитором Кирогой, который сделал ему выговор и мягко предостерег его впредь не защищать, публично или частным образом, утверждения, которые, по его признанию, были не лишены безрассудства, добавив предупреждение, что в противном случае он будет привлечен к ответственности по всей строгости закона, которому отец Луис обещал подчиняться. [358] То, что он ни в коем случае не потерял уважения своих товарищей, видно по его избранию в провинциалат ордена Августинцев в 1591 году, незадолго до своей смерти.

В дополнение к тому, что эти два процесса над братом Луисом демонстрируют отношение инквизиции к самым выдающимся интеллектуалам того времени, они иллюстрируют ее произвольные методы, действовавшие тайно. Его вина, если она вообще была, была одной и той же в обоих случаях — высказывание мнений, по которым расходились самые ученые врачи. В обоих случаях он осудил себя, свободно признался в том, что говорил или написал, и безоговорочно подчинился суду церкви. В первом случае он был арестован; он провел почти пять лет в заключении и избежал пыток или краха своей карьеры только благодаря любезному вмешательству Кироги. Во втором случае ареста не было, дело было вынесено посумариими или приостановлено, и хотя Кирога, вероятно, снова вмешался, это было только для того, чтобы спасти обвиняемого от унижения, которое удовлетворило бы недоброжелательство. Если судить по ее собственным стандартам, инквизиция злоупотребляла своими полномочиями — либо, в одном случае, непростительной строгостью, либо, в другом, чрезмерной умеренностью, но она ни перед кем не несла ответственности и не боялась общественного мнения.

ФРАНСИСКО САНЧЕС

Как раз в тот момент, когда дело Фрая Луиса подходило к концу, было возбуждено уголовное дело против другого профессора из Саламанки, столь же или даже более выдающегося. Как человек с чистой душой, никто в то время не был ровней Франсиско Санчесу, известному как эль Броченсе по месту его рождения, лас-Брозас. Тщеславный, сварливый, язвительный и безрассудный в речах, он нажил себе множество врагов, но, вероятно, избежал бы инквизиции, если бы ограничился своей кафедрой грамматики и риторики. Однако ему нравились парадоксы, и он считал себя настолько неизмеримо выше богословов и был настолько уверен в точности своих разнообразных знаний, что не мог удержаться от высмеивания их притязаний, разоблачения ошибок, содержащихся в благочестивых легендах, и осуждения некоторых

наиболее грубых народных суеверий, тем самым подвергая себя преследованиям инквизиции всякий раз, когда злоба или рвение могли привлечь внимание трибунала к его эксцентричности. Он льстил себе мыслью, что не вмешивается в догматы веры, но он не понимал, насколько эластичны границы веры и что, нападая на вульгарные заблуждения, он может быть расценен как подрывающий устои Церкви. Скандал был удобным словом, которое наводило мост через грань между мирским и священным. [359]

Его обычная невоздержанность в речи была вызвана существовавшим в лекционных залах Саламанки обычаем, когда студенты задавали вопросы, на которые лектор должен был отвечать, и, по-видимому, он испытывал злонамеренное удовольствие, провоцируя его таким образом демонстрировать свои хорошо известные особенности. Именнораслучай такого рода послужил поводом для первого доноса, сделанного 7 января 1584 года Хуаном Фернандесом, священником, посещавшим лекции. За ним последовали другие, и характер его высказываний проявляется в предложениях, представленных калификадорам: — Что Христос был обрезан не святым Симеоном, а своей матерью Девой. — Что не должно было быть никаких изображений и, если бы не явное подражание еретикам, они были бы упразднены. — Что это были глупцы, которые во время процессии Тела Христова преклоняли колени на улицах, чтобы поклониться изображениям, ибо поклоняться следовало только Христу и его кресту. — На небесах следовало поклоняться только святым, а не изображениям, которые были всего лишь деревянными и гипсовыми. — Христос родился не в конюшне, а в доме, где жила Дева Мария. — Что одиннадцать тысяч девственниц было всего одиннадцать. — Сомневается, были ли Три царя царями, поскольку Писание говорит только о волхвах. — Что цари-волхвы пришли не при рождении Христа, а через два года после и застали его играющим с мячом. — Об этом теологи ничего не знают. — Что многие доминиканцы думали, что вера основана на святом Фоме Аквинском; это было не так, и ему было наплевать на святого Фому. — Когда его спросили, почему Святая Люсия была нарисована без глаз, он сказал, что она их не вырывала, но она считалась покровительницей глаз по своему имени — *Luciaa lucere*.

То, что эти свободно высказанные предложения должны быть должным образом охарактеризованы *calificadores* как еретические, опрометчивые, ошибочные, оскорбительные и так далее, было само собой разумеющимся, и 18 мая совет федерации проголосовал за заключение в секретную тюрьму с наложением ареста при условии подтверждения Верховной властью. Последний отложил действия до 29 августа, а затем проявил необычное внимание к эксцентричности Санчеса, которая, несомненно, была хорошо известна. Он должен был просто предстать перед трибуналом, подвергнуться тщательному допросу и получить строгий выговор с предупреждением не давать больше повода для скандала, поскольку в противном случае с ним будут обращаться со всей строгостью. [360]

Его первая аудиенция состоялась 24 сентября. В его ответе на обычный вопрос, знает ли он причину своего вызова, есть освежающая и характерная откровенность. Он предположил, что это потому, что примерно на Рождество в его аудитории его спросили, почему Святая Люсия нарисована с глазами на блюде и почему она является покровительницей глаз, на что он ответил, что она не такая дура, чтобы вырывать себе глаза, чтобы отдать их другим; простонародье верило во многие вещи, которые не имели никакого авторитета, кроме как у художников, и именно из-за ее имени она была покровительницей глаз. Затем, добавил он, несколько дней спустя его спросили, почему он выступает против того, чего придерживается Церковь; это разозлило его, и он сказал им, что они большие дураки, которые не знают, что

такое Церковь; они, должно быть, думают, что ризничие и живописцы - это Церковь; он выступал бы против Церкви, если бы выступал против Отцов Церкви и Соборов. Если бы они увидели одиннадцать тысяч девственниц, нарисованных на картине, они бы подумали, что их было одиннадцать тысяч, но в древнем календаре было только *неопределившихся девственниц* — мучениц было десять, и Урсула стала одиннадцатой. Затем, около трех лет назад, Обрезание было представлено в кафедральном соборе Саламанки, где появились Богородица, Симеон и младенец Иисус. Он сказал многим присутствующим, что жаль, что в Саламанке разрешены подобные дерзости; что Пресвятая Дева не ходила в храм до истечения сорока дней, и для обрезания не требовался священник, поскольку скорее всего Пресвятая Дева совершила его в своем собственном доме. Он упомянул различные другие критические замечания, высказанные им в отношении картин, таких как "Тайная вечеря", где Христос и апостолы должны быть изображены на триклинии, и "Жертвоприношение Авраама", где Исаак должен быть мужчиной 25 лет. За все это в Саламанке его называли опрометчивым и дерзким человеком, и он предположил, что это было причиной его вызова; если было что-то еще, дайте ему знать, и он подчинится Церкви; если то, что он сказал, вызвало скандал, он был готов взять свои слова обратно и подчиниться Церкви. [361]

ФРАНСИСКО САНЧЕС

Эта бесстрашная откровенность была сохранена при последующем допросе по обвинениям, не объясненным в его признании. Когда его спросили, знал ли он, что эти вещи еретичны, и было ли его намерение выступить против Церкви, он ответил, что по форме обвинений он считал их еретическими, но он произнес их только так, как он заявил, с намерением доброго христианина и в назидание другим, но, если он допустил ошибку, он просил пощады с покаянием и был готов заглаживать все, что потребуется. Его признания были должным образом представлены калификадорес, которая достаточно разумно сообщила, что он отрицал некоторые, объяснял другие и оставлял третьи такими, какими они были, но что в целом он заслуживал выговора и наказания, потому что он превышал свои полномочия без разбора, и, если его не сдерживать, он совершал многочисленные ошибки и ереси. При обычных обстоятельствах его наказание было бы образцовым, но трибунал действовал в соответствии с инструкциями Верховного Суда, и 28 сентября он получил надлежащий выговор и предупреждение воздерживаться в будущем от подобных высказываний, поскольку за них последует строгое наказание. Он пообещал это сделать и был уволен. [362]

С любым другим этот чудом избежавший наказания игрок, демонстрирующий сильное нежелание жестко обращаться с ним, обеспечил бы длительную осторожность, и даже на Санчеса это, похоже, наложило отпечаток на несколько лет. Впечатление, однако, рассеялось, и неудержимое желание продемонстрировать свое презрение к теологии и богословам и продемонстрировать превосходную точность своей обширной учености постепенно взяло верх над благоразумием. В 1588 году он напечатал небольшой томик под названием "*О недопустимости порфирии и ее искажении*", который, когда впоследствии был изучен калификадоресом, как утверждалось, доказывал, что автор был наглым, дерзновенным и ожесточенным, как и все грамматик и эразмисты; что, если бы его выводы были верны, мы могли бы сжечь всю теологию и философию, преподаваемые схоластами, от Мастера предложений до Кайетано, и всеми университетами, от Саламанки до Болоньи. Другая его работа носила выразительное название "*Парадокс Теулугии*", выдержавшая два издания и подвергшаяся критике как требующая удаления. Богословие, по-видимому, имело для него

такое же роковое значение, как свеча для мотылька, и с его темпераментом он не мог прикоснуться к ней, не навлекая на себя неприятностей. Постепенно он вернулся к своей свободной речи и повторил свои старые утверждения, которые обещал пресечь, и к ним добавил новые, такие как одобрение замечания каноника Саламанки о том, что тот, кто плохо отзывался об Эразме, был слабаком или ослом, добавив, что, если бы в мире не было слабаков, ни одна из работ Эразма не была бы запрещена. С 1593 по 1595 год доктор Росалес, комиссар в Саламанке, неоднократно направлял в трибунал Вальядолида отчеты и доказательства относительно его возвращения на эти порочные пути и настаивал, чтобы его вызвали, исправили и сказали, чтобы он не вмешивался в богословие, а ограничился грамматикой, поскольку больше ничего не знает. [363]

Трибунал предъявил эти различные обвинения калификадорес, которая должным образом охарактеризовала их в подходящих выражениях, но он не предпринимал никаких действий до 18 мая 1596 года, когда поручил Росалесу оформить информацию против Санчеса. Росалеса сменил Франсиско Гаска де Салазар, которому 17 сентября было поручено завершить дело без промедления. Он вернул документы как заполненные 29 сентября, добавив, что Санчес был настолько откровенен, что заявил об этих вещах публично, как человек, не осознающий ошибок, и, если бы его допросили, сказал бы правду и привел свои доводы; он, казалось, ошибался не из упрямства, а подобно грамматикам, которые обычно имеют дело с парадоксами, по этой причине Гаска сказал, что не обратил на них внимания. [364]

ФРАНСИСКО САНЧЕС

Вероятно, некоторая сдержанность, проявленная Верховной Властью, объясняет, почему после этих приготовлений четыре года прошли без каких-либо действий. Если это так, то это ограничение было внезапно снято, поскольку нет никаких доказательств того, что какие-либо новые неосторожности со стороны Санчеса побудили трибунал, когда 25 сентября 1600 года было проведено голосование за то, чтобы, принимая во внимание предыдущее предупреждение и продолжающееся повторение одних и тех же положений и дополнительных, и особенно *De Erroribus Porphyrii* и других книг, подозреваемых в вероучении, его вызвали в трибунал и выделили ему дом в качестве тюрьмы, а все его книги и бумаги были изъяты. Верховный суд подтвердил это; 20 октября была выдана повестка, а 20 ноября книги и бумаги были отправлены. 10 ноября Санчес предстал перед трибуналом, и с любезным вниманием дом его сына, доктора Лоренцо Санчеса, врача, проживающего в Вальядолиде, был назначен ему тюрьмой. Были проведены три аудиенции - 13, 16 и 22 ноября, на которых он сказал, что, если он произнес или сделал что-либо, противоречащее вере, он готов признаться в этом и посвятить себя единству Церкви. Поскольку обвинения еще не были ему предъявлены, он попытался объяснить различные вопросы, которые в них не содержались, такие как отрицание свободы воли, как то, что Магдалина не была сестрой Лазаря и что Иуда не вешался. [365]

Больше аудиенций не проводилось. Следующий документ - петиция, датированная 30 ноября, в которой Санчес утверждал, что он был смертельно болен и оставлен врачами; что он всю жизнь был добрым христианином, веря во все, во что верит Святая Римская церковь, и теперь, в смертный час, он заявил, что умер в этой вере и за нее. Если, проработав шестьдесят лет преподавателем в Саламанке и других местах, он говорил или был обвинен в высказывании чего-либо против святой католической веры, которую он отрицал, если все же это была языковая ошибка, он раскаивался и просил у инквизиции прощения и епитимьи во имя Бога.

Когда он брал в руки перо, он всегда рекомендовал себя Богу и, если в своих рукописях. если обнаруживалось что-либо дурно звучащее, он желал, чтобы это было вычеркнуто, и, если там были полезные вещи, он просил инквизицию разрешить их напечатать, поскольку он не оставил никакой другой собственности своим детям, а также чтобы его враги и соперники были посрамлены. Наконец, находясь в тюрьме, по приказу инквизиции он умолял о почетных похоронах, соответствующих его положению, и о том, чтобы Университету Саламанки было приказано оказать ему обычные почести. [366]

Так завершилась, в горе и унижении, карьера одного из самых выдающихся литераторов, которых когда-либо создавала Испания. При существующей системе инквизиция не могла поступить иначе, чем она поступила, и ее обращение с ним было беспрецедентно терпимым. Однако эта терпимость, похоже, прекратилась с его смертью. Протоколы несовершенно, и у нас нет никаких сведений о ходе его судебного процесса, который, как обычно, был доведен до конца, но исход, по-видимому, был неблагоприятным. 11 декабря калификадорес, изучавшие его документы, сделали неожиданно умеренный доклад. Было определенное количество мелочной и придирчивой словесной критики, но в итоге можно было подвести итог тому, что он казался несколько свободным в своих изложениях Священного Писания, слишком много внимания уделяя человеческим знаниям и слишком легко отходя от общепринятых мнений, но его легко было простить, поскольку это были частные исследования и в основном незаконченные, так что его окончательное мнение нельзя было принять. [367]

Несмотря на это, его предсмертные просьбы не были удовлетворены. Погребение было частным и без погребальных почестей. Что касается Университета Саламанки, доктор Лоренцо Санчес сообщил 22 декабря, что у его отца там было много врагов, что было много волнений и скандалов, и было предложено не оказывать ему обычных почестей, к большому ущербу для чести его детей, поэтому он ходатайствовал о приказе выплатить почести, а также зарплату за время его содержания под стражей. На эту мольбу не обратили внимания, и такое же безразличие было проявлено, когда много времени спустя, 25 июня 1624 года, другой сын, Хуан Санчес, каноник Саламанки, заявил, что злоумышленники утверждали, что его отец умер в секретной тюрьме, поэтому он обратился за справкой о том, что его отец не был заключен ни в секретную, ни в государственную тюрьму и что против него не было вынесено никакого приговора. Влияние всего этого на судьбу его потомков можно легко оценить. Что касается рукописей, которые занимали мысли умирающего, то вынесенный им окончательный приговор мало что оставлял для детей. [368]

ДЖОЗЕФ ДЕ СИГУЭНСА

Другой современный случай заслуживает упоминания хотя бы потому, что жеронимит Джозеф де Сигуэнса обычно включался в число жертв инквизиции, вместо которой он добивался ее юрисдикции, чтобы защитить себя от махинаций своих братьев. В раннем возрасте он вступил в Орден, где его таланты и разносторонняя образованность обеспечили ему быстрое продвижение по службе. Когда Эскориал был достроен, Филипп II послал за ним, чтобы произнести первую проповедь в церкви Сан-Лоренцо; с тех пор он проповедовал чаще, чем кто-либо другой, и многие придворные кавалеры и дамы выбрали его своим духовником. Филипп

назначил его ответственным за королевские архивы и *засагрии* и реликварии двух библиотек, что позволило ему часто общаться с королем, и он использовал это для назначений и увольнений, а также для проведения реформ в колледже Парасес. Это вызвало ревность и вражду, и Диего де Йепес, настоятель его монастыря в Сан-Лоренцо, попытался добиться его смещения. Затем он навлек на себя враждебность приора колледжа Кристобаля де Зафра, который был цветистым проповедником. В проповеди перед царем в предыдущий день Рождества Богородицы (8 сентября) он сказал, что Минотавр был Христом, Лабиринт - Евангелием, Ариадна - Богородицею, а ребенок, которого она родила Тесею, был верой, и если кто-то желает войти в Лабиринт, он должен помолиться Богородице за ее ребенка. Такие проповеди были в моде, и Диего де Йепес превзошел это 1 января, когда сказал своей аудитории, что когда Далила истощила Самсона, она забрала его от себя и передала филистимлянам, поэтому, когда Дева истощила Бога, она забрала его и поместила в ясли, с другими не менее грязными темами. Брат Джозеф стремился подавить этот стиль проповеди, настаивая на том, чтобы он ограничивался изложением Евангелия и нравоучениями, что наживало ему врагов среди тех, чью эксцентричность и безвкусицу он порицал. Другим источником вражды было то, что ему было поручено отбирать студентов для посещения лекций Ариаса Монтано по ивриту, когда он приехал в Сан-Лоренцо, что разозлило тех, кого пропустили. Для его гибели была сформирована грозная клика; за его высказываниями в незащищенные моменты и с кафедры тщательно следили, и было нетрудно собрать утверждения, которые, будучи преувеличенными или искаженными, могли послужить материалом для судебного преследования.

Было безопаснее довериться предвзятому суду внутри Ордена, чем инквизиции. Было предписано посетить монастырь и колледж с инструкциями отозвать лицензию у любого проповедника или исповедника, которых сочтут недостаточными. Посетители пришли 13 апреля 1592 года и сообщили 17-го. Фрейлы были допрошены отдельно и тайно, и из двадцати двух все, кроме одной, высказали возражения против мнений, высказанных братом Джозефом. Из их показаний была извлечена серия из девятнадцати утверждений, большинство из которых были совершенно тривиальными. Его обвинили в порицании схоластического богословия, в том, что проповедь должна основываться на голых Священных Писаниях, в преувеличенном восхвалении Ариаса Монтано за счет других толкователей Священного Писания, в том, что он советовал слабоумному изучать Священное Писание вместо религиозных книг и во многом другом в том же духе. Фрейлы были знакомы с процессами инквизиции; они представили эти положения для уточнения Гутьерресу Мантилье, главному профессору теологии колледжа, который высказал три мнения, различающиеся по тону, но последнее гласило, что некоторые из положений склоняются к лютеранству и виклифитизму, а другие - к иудаизму. Более того, 18 мая он написал королю, объявив об обнаружении опасной ереси в колледже Сан-Лоренцо, которая, если ее не пресечь с самого начала, может навлечь на Испанию те же опасности, что и в других странах. Это распространилось среди студентов, некоторые из которых, благодаря бдительности настоятеля, уже служили в инквизиции Толедо, и он умолял Филиппа активизировать неустанные усилия настоятеля, чтобы предотвратить зло.

Все это делалось тайно, но до ушей отца Джозефа дошло достаточно, чтобы убедить его в неминуемой гибели от рук его братьев. Подобные вопросы относились исключительно к юрисдикции инквизиции, и они не могли помешать ему обратиться в этот трибунал, в котором он не терял времени даром. 23 апреля он явился в Толедо с письмом от своего настоятеля Диего де Йепеса, в котором говорилось, что он образованный, способный и является приором

Ордена, но что некоторые из его высказываний в проповеди и беседах вызвали скандал, вследствие чего его судили приезжие; этот процесс Йепес был готов передать в трибунал, и он просил, чтобы к брату Джозефу отнеслись с присущей ему снисходительностью. После этой ссоры Джозеф подал письменное заявление, содержащее то, что ему удалось собрать относительно обвинений, и подчинился суду инквизиции, как в исправлении того, что было неправильно, так и в принятии любого наказания, которое могло быть назначено.

Трибунал отправил за материалами судебного процесса и назначил ему монастырь ла-Сисла в качестве тюрьмы, которую он не должен был покидать без разрешения в соответствии с обычными мерами наказания. Это заключение, однако, было едва ли более чем номинальным, поскольку 14 мая он заявил, что король и двор находятся в Сан-Лоренцо, и его отсутствие было бы для него большим позором, поэтому он попросил по возвращении своего гонца разрешения отправиться туда, что было немедленно предоставлено. Впоследствии ему была оказана необычная услуга - проконсультироваться со своим адвокатом в доме последнего, и 21 октября он попросил разрешения вернуться в Сан-Лоренцо на месяц, потому что у него была лихорадка, а его врач заявил, что его жизнь в ла-Сисла находится под угрозой — просьба, которая, несомненно, была удовлетворена. Заметен контраст между его обращением и обращением с Луисом де Леоном.

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРИВИАЛЬНОСТИ

Тем временем судебный процесс шел полным ходом с соблюдением всех обычных формальностей. Предложения были представлены калификадорес, и 30 июля фискал представил обвинение, объявив его еретиком-отступником и отлученным от церкви лжесвидетелем, потребовав его смягчения и прося, чтобы его пытали так часто, как это необходимо. Он должным образом прошел проверку по обвинению и опубликованию доказательств и представил восемь свидетелей, которые подтвердили его выдающуюся репутацию ученого, набожного и ортодоксального человека, а также то, что фрей Кристобаль де Зафра был известен тем, что приносил басни и поэзию в свои проповеди, и что фрей Хусто де Сото, обвинивший его в том, что евреи и турки могут быть спасены, был невеждой, мало знающим грамматику и ничего - теологию.

Только 22 октября состоялось консультативное заседание, на котором единогласно проголосовали за оправдательный приговор; Верховный суд утвердил приговор 25 января 1593 года, когда отец Джозеф, вероятно, отсутствовал, поскольку прошел почти месяц, прежде чем он появился, 19 февраля, чтобы услышать его зачитывание. По его просьбе ему была передана копия, и таким образом было положено конец делу, в котором инквизиция была защитником невинности от братской злобы. [369]

Степень, до которой испанский интеллект растрачивал себя в бесконечных спорах о бесконечно малом, и опасности, которой подвергались все люди, проявлявшие малейшую оригинальность, проиллюстрированы на примере падре Алонсо Ромеро, S. J., лектора теологии в иезуитском колледже Вальядолида. За предложение, касающееся сложного вопроса, нарушает ли человек закон поста, ничего не съедая в день поста, его товарищ-иезуит Фернандо де ла Бастида с несколькими учениками донесли на него инквизиции 29 августа 1614 года. Основное положение и ряд других, на которых оно было основано или которые были выведены

из него, были объявлены *calificadores*, или, по крайней мере, некоторыми из них, ложными, скандальными, опрометчивыми и близкими к ошибке. Против него было допрошено не менее семнадцати свидетелей, и когда 9 января 1615 года он предстал перед судом, он признал, что высказывал это предложение, но сказал, что консультировался со многими учеными людьми и ведущими университетами, и он представил в защиту подписи многих иезуитов и профессоров Саламанки, Алькалы и Вальядолида, о том, что оно не подлежит теологической цензуре. Дело дошло до голосования в *дискордии* 15 октября, когда Супрема приказал заключить его в иезуитский дом, прекратить чтение лекций и изучить бумаги в его камере. 29 октября, когда он был задержан в зале для аудиенций, у него отобрали ключи и изъяли бумаги, хотя во время этой аудиенции он заявил, что, когда он обнаружил, что многие ученые люди осудили его предложение, он публично отказался от него и защищал противоположное, что он и предложил сделать снова. Обычному человеку это могло бы показаться излишним для дальнейшего разбирательства, но предполагаемый ущерб, нанесенный вере, требовал возмещения, и дело продолжалось.

Тридцать три предложения, зависящие от первого, были представлены калификадоресу и осуждены, как и прежде, в то время как девятнадцать других, извлеченных из его бумаг, были им объяснены и исключены. Уныло и медленно тянулся процесс. 3 марта 1616 года было предъявлено обвинение, но только 6 июня 1619 года дошло до публикации доказательств. Тем не менее, дело, похоже, все еще находилось на предварительной стадии, поскольку 10 июля Верховный суд постановил, что предложения, число которых к настоящему времени выросло до пятидесяти семи, должны быть представлены калификадорес, и по их докладу трибунал должен решить, переводить ли его в секретную тюрьму. Суд ждал более шести месяцев, прежде чем 5 февраля 1620 года принял решение ничего не менять, но, когда Верховный узнал об этом, он приказал отправить его в тюрьму фамильяров, что и было сделано 12 августа. Затем, 18-го числа, он выбрал патронов для консультирования, а 25 сентября представил протоколы допросов свидетелей защиты. 12 мая 1621 года ему сообщили, что все, что он требовал, было сделано для него. 5 июля совет федерации проголосовал за то, чтобы его предупредили и потребовали отозвать предложение о poste и вытекающие из него положения, что он уже сделал спонтанно шесть лет назад; что касается остальных, то он был оправдан. Верховному суду потребовался почти год, чтобы рассмотреть это дело, и он подтвердил его только 2 июня 1622 года, когда судебный процесс завершился зачитыванием приговора 30 июня. [370] Все это читается как пародия и вполне могло бы стать предметом насмешек, если бы не серьезное значение для судьбы нации системы, при которой восемь лет человеческой жизни могли быть потрачены на решение вопроса, результат которого оказался таким несерьезным, не говоря уже о неопределенном количестве калификадоров и чиновников, чья энергия была потрачена впустую на это торжественное пустяковое мероприятие. .

КАФЕДРА

Проповедники, как и профессора, подлежали судебному преследованию за свои высказывания, а испанское красноречие с кафедры, как мы видели, проиллюстрированное в случае с братом Джозефом де Сигуэнсой, давало достаточно поводов для порицания. Аудитору, который возражал против чего-либо, услышанного в проповеди, оставалось только осудить

говорящего, и, если предложение было спорным, следовало судебное преследование. Так, в 1580 году брат Хуан де Толедо, иеронимит Мадридского монастыря, был осужден трибуналом Толедо за то, что в проповеди перед Филиппом II утверждал, что королевская власть настолько абсолютна, что король может забирать имущество своих вассалов, а также их сыновей и дочерей, чтобы использовать их по своему усмотрению. Возможно, это проявление преданности могло бы избежать осуждения, если бы проповедник не привлек внимание к огромным доходам епископов, растрачиваемым на их родственников, и не призвал короля и папу объединиться, чтобы довести их до апостольской нищеты. На суде он признал свои высказывания в несколько менее оскорбительной форме; он попытался вывести из строя свидетелей и представил доказательства хорошего тона, но без особого успеха. Совет федерации проголосовал в споре, и Верховный суд приговорил его к отречению от *де леви*, к отречению с кафедры в праздничный день от предложений, содержащихся в разработанной для него формуле, к заточению в монастырь на два года, к отстранению от проповеди на пять лет и к наложению определенных духовных епитимий. [371]

Суровость этого приговора показывает, как мало церемоний было в сдерживании эксцентричности испанских проповедников, даже когда было бы трудно понять, откуда взялись подозрения в ереси. Предписанная формула опровержения сделала унижение церемонии наиболее горьким. Существовали формы, подходящие для различных характеров высказываний, но все они имели ту существенную черту, что преступник с кафедры признал, что произнес осужденное выражение; что инквизиторы приказали ему взять его обратно; что он признал, что оно должно быть взято обратно, и, как послушный сын Церкви и выполняя приказ, он заявил по своей собственной воле, что он произнес предложение, еретическое и противоречащее четким отрывкам Священного Писания, и, как таковой, он отказался от него и не сказал его, и признался, что не понял его, когда сказал это также, из-за недостатка знаний, он не понимал зла, содержащегося в этом, и не верил в это в его еретическом смысле, и не понимал, что это была ересь, и, поскольку он говорил зло и дал повод справедливо заподозрить, что он сказал это в еретическом смысле, он был опечален и просил прощения у Бога и святой Римско-католической церкви, а также просил прощения и милости у Святой Канцелярии. Нотариус с копией сопровождал его слова и, если исполнение было правильным, официально подтверждал этот факт. [372]

Случаи такой жесткой цензуры проповеднического красноречия ни в коем случае не были редкостью. Таким образом, в едином трибунале Толедо, после отделения Мадрида от него, отец Хуан де Наваррете, францисканский страж Талаверы, был приговорен 19 декабря 1656 года за еретическое предложение в проповеди отречься от своих слов. 21 апреля 1657 года от отца Диего Осорио, регента по учебе в августинском монастыре Толедо, потребовали отречения, он был отстранен на два года от проповеди и на такой же срок изгнан из Мадрида и Маскарака. 23 апреля 1659 года наемник, маэстро Лукас де Лозоя, генеральный дефинитор своего ордена и синодальный судья провинции, был приговорен к самоотречению, отстранен от проповеди на два года и изгнан из Мадрида и Толедо. Аналогичные приговоры были вынесены 14 июля 1660 года тринитарию Хасинто Хосе Суше и 31 августа францисканцу Хуану де Терану. Тринитарию Хуану де Рохасу Бесерро 24 декабря 1660 года было разрешено отречься в зале для аудиенций, но он был отстранен от должности и сослан на один год. Хуан Родригес Коронель, S. J., 28 июня 1664 года был отстранен от должности и сослан на два года, но от него не требовали отречения. Этих примеров будет достаточно, чтобы указать на частоту подобных судебных преследований и то, как рассматривались такие дела. Они представляют собой любопытный контраст с

милосердием, проявленным 31 января 1665 года к Себастьяну Браво де Буиза, помощнику священника Фресно-ла-Фуэнте, которому был сделан всего лишь выговор и от которого потребовали объяснить с кафедры самое оскорбительное утверждение о том, что Пресвятая Дева была грешницей и умерла во грехе. [373]

Этот последний случай предполагает, что фаворитизм иногда вмешивался, чтобы защитить виновных, и это, по-видимому, подтверждается снисхождением, проявленным в 1696 году к фраю Франсиско Эскереру. Он был ведущим наблюдательным проповедником и богословом в Валенсии и преподавателем богословия в монастыре Сан-Франциско в Хативе. Это был эпизод в ссоре между доминиканцами и францисканцами из-за Непорочного зачатия, когда 13 ноября 1695 года доминиканец Фрай Хуан Гаскон донес на него трибуналу Валенсии за то, что он защищал в Хативе 9 октября 1693 года утверждение о том, что Христос за три дня до своей смерти был причастен живым в сердце Девы Марии; что тот, кто умрет, защищая Непорочное Зачатие, умрет мучеником, поскольку это был вопрос веры, установленный Священным Писанием, Тридентским собором, Апостольским советом. Иерусалима и культом Церкви. Гасконец в то время осудил это, но трибунал не обратил на это внимания, и теперь он повторил обвинение, добавив, что Эскерер, проповедуя в 1693 году в Оллерии, считал, что поклонение в *латрии* принадлежит святому Франциску; в том же году в Хативе он проповедовал, что Христос больше обязан святому Антонию Падуанскому, чем святой Антоний Христу. Кроме того, проповедуя об образе, известном как Дева Спасения, он сказал, что она была скорее Матерью Спасения, чем Матерью Христа. Затем, 28 августа 1695 года, проповедуя августинцам Хативы, он логически доказал, что мудрость св. Августин был выше мудрости Логоса, и 6 ноября 1695 года, обращаясь к францисканцам Хативы, он объявил, что Александр VII и Иннокентий XI сделали Непорочное Зачатие предметом веры. Затем трибунал, наконец, был побужден к действию; он собрал доказательства и добился от *calificadores* определения, согласно которому некоторые утверждения были богохульными, другие еретическими, а третьи плохо звучащими. В начале 1696 года Эскерера бросили в секретную тюрьму; он попытался опровергнуть выдвинутые обвинения; судебный процесс продолжался с необычной быстротой, и 9 сентября рассмотрение дела было приостановлено с обычным выговором и отменой утверждений от 9 октября 1693 года. [374] Очевидно, инквизиция была довольна тем, что люди питались такими доктринами.

Вероятно, исход дела минима, брата Н. Серра, лектора барселонского монастыря Святого Франческо де Паула, был вызван не столько фаворитизмом, сколько ленью. В день святой Варвары, 4 декабря 1721 года, он произнес проповедь, в которой, среди множества других глупостей, сказал, что святая Варвара была девственницей и все же беременна, и что Христос был четвертым лицом Троицы. Расквартированный артиллерийский полк был отведен в церковь, и вечером несколько офицеров, навещавших донью Бернарду Вуэльтафлорес, развлекались, повторяя его гротескные высказывания. Неделью спустя она случайно упомянула об этом брату Антонио де ла Консепсьону, и он, для успокоения своей совести, передал эту историю в суд. Послали за доньей Бернардой, которая рассказала все, что помнила, и сообщила имена свидетелей. Они были вызваны и дали свои показания. Фискал засуетился по этому поводу, сказал, что у него есть только два свидетеля одновременно, и хотел, чтобы остальные присутствующие были подняты и допрошены, чего сделано не было. Был проведен поиск в реестрах, но никаких прежних жалоб на Фрай Серра обнаружено не было. Затем налоговый инспектор попросил направить письма во все другие суды Испании, что было отложено. 22 апреля 1722 года он передал предложения калификадорам, пятеро из которых

единогласно заявили, что одно из них, касающееся Христа, формально еретично, а остальные скандальны и непочтительны, что делает преступника крайне подозрительным и лишенным здравого смысла. Затем последовала пауза до 1726 года, когда в июле были получены ответы от всех трибуналов о том, что они ничего не имеют против Фрай Серра. Затем последовала еще одна пауза, до 27 июня 1728 года, когда инквизиторы решили, что дело следует приостановить после консультации с Верховной властью, которая согласилась с мягким упреком в том, что, поскольку сумария была образована в 1721 году, действовать следовало немедленно, а не ждать до 1728 года. [375]

Осведомленность о более или менее тривиальных высказываниях отдельных лиц сохранялась до последнего и составляла все большую часть инквизиционных дел по мере постепенного исчезновения иудаизма. О том, как людей все еще учили присматривать за своими собратьями, свидетельствует случай с Мануэлем Рибесом из Валенсии в 1798 году. Это был мальчик всего девяти лет от роду, посещавший начальную школу, который был осужден сокурсником за еретическое высказывание. О том, что дело было серьезно рассмотрено, можно заключить из того факта, что оно было приостановлено, а не прекращено, и в отношении ребенка сохранились записи на случай совершения им будущих правонарушений. Более того, насколько проницательным было око инквизиции, распознавшее опасность для веры, видно из судебного преследования в Мурсии в 1801 году дона Рамона Рубина де Челис-и-Норьегу, сановника кафедрального собора Картахоны и ректора соборной семинарии, за предложение, скрытое в его напечатанном плане обучения латыни. [376]

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

При таких импульсах неудивительно, что в этот более поздний период “предложения” составляли половину работы трибуналов. В составленном в Валенсии реестре всех дел, рассмотренных в Испании после 1780 года и до подавления инквизиции в 1820 году, совокупный объем составляет 6569 дел, из которых 3026, или почти половина, отнесены к обвинительным заключениям. Из этих последних 748 отмечены как временно отстраненные от работы или отложенные в Валенсии, в результате чего 2278 были продолжены в судебном порядке. Из 3543 дел по другим преступлениям 1469, как мы видели, были возбуждены в связи с вымогательством, и только 2074 из общего числа рассматривались в различных судах. Обвиняемые по обвинительным статьям представляют все сферы жизни, но большая часть, чем раньше, принадлежит к образованным классам — священнослужителям, профессиональным работникам, армейским офицерам, муниципальным чиновникам, профессора колледжей и тому подобному. [377]

То, что этот класс бизнеса должен был увеличиться, было естественным ввиду проникновения нерелигиозной философии и либеральных идей конца восемнадцатого века, которые избежали цензуры и бдительности в портах. Наполеоновская война пролила этот поток на землю, по которой почти со всех сторон ходили армии, будь то враждебные, как французская, или союзные еретики, как английская. После Реставрации обязанностью инквизиции было в значительной степени искоренение этих семян зла как в политическом, так и в духовном смысле, и положения, *антиполитические*, как мы увидим, так же свободно подпадали под ее юрисдикцию, как и *нерелигиозные*. Назначаемые наказания обычно не были суровыми, но сам судебный процесс был достаточным наказанием, поскольку обвиняемый был брошен в

секретную тюрьму во время затяжного рассмотрения его дела, на его имущество наложен запрет, а его карьера разрушена, в то время как в большинстве случаев впоследствии он находился под строгим наблюдением, для которого инквизиторская организация предоставила специальные помещения.

В качестве типичного случая достаточно сослаться на дело двух кадисских купцов, Хулиана Боррего и Мигеля Вильявисьосы, приговоренных в 1818 году севильским трибуналом за “высказывания и богохульства” к отречению от веры и к десятилетнему изгнанию из Кадиса, Севильи и Мадрида, включая службу в пресидио. Говорят, что с учетом чрезвычайно длительного тюремного заключения, которому они подверглись, срок службы первого должен был составить всего четыре года в Сеуте, а второго - шесть лет в Мелилье. Как это часто случалось в то время, Верховный суд выступил за снисхождение и сократил срок президентства для обоих до двух лет. Они были женатыми мужчинами; суд и приговор фактически означали разорение, и, вероятно, в их пользу было оказано влияние, поскольку через шесть месяцев Верховный суд разрешил им вернуться в Испанию, чтобы прокормить свои семьи. [378]

Какова была точная природа этих предложений, протокол нам не сообщает, но, если бы преступление носило политический характер, маловероятно, что такое милосердие было бы проявлено. Если бы это было религиозное действие, то, возможно, это было преднамеренное выражение ошибочной веры или поспешное восклицание, вызванное вспышкой гнева, поскольку, как и в старые времена, инквизиция брала во внимание все и, в своей внушающей благоговейный трепет манере, обязывалась дисциплинировать нравы, а также веру людей. В 1819 году приговор Бартоломе Лопесу из Кордовы за обвинения предупреждает его о последствиях его необузданной страсти к азартным играм и похоти, которые стали причиной его проступка, а в другом случае необдуманные высказывания преступника приписываются его ссорам с женой, с которой его призывают помириться. [379]

Таким образом, до последнего инквизиция, как в малом, так и в большом, стремилась контролировать мысли и речь всех людей и заставить каждого испанца почувствовать, что он находится во власти невидимой силы, которая в любой момент может призвать его к ответу и наказать пожизненно.

ГЛАВА VIII.

МАГИЯ И ОККУЛЬТНЫЕ ИСКУССТВА.

Стремление ЧЕЛОВЕКА преодолеть ограничения своих сил с помощью духовных сил и получить предвидение будущего восходит к древнейшим эпохам и характерно для всех рас. Когда это пытаются сделать с помощью формул установившейся религии, это рассматривается как акт благочестия; когда это делается с помощью обращения к падшим богам, или к служителям Злого Начала, или с помощью извращенного использования священных обрядов, это становится предметом самого сурового неприятия со стороны законодателя. Когда он предполагает использовать таинственные тайны природы, иногда это считалось безвредным, а иногда его приравнивали к колдовству, и усилия по его подавлению основывались не на том, что это обман, а на преступлении.

Когда римское господство в Испании было свергнуто висяготами, варвары принесли с собой суеверия своих предков, которые были присоединены к древним лигурийским верованиям и более позднему христианизированному язычеству. На более современные предосудительные практики указывают репрессивные законы сменявших друг друга монархов-висяготов, и это иллюстрирует нетленную природу суеверий, к которым в соответствии с их обобщениями можно отнести большинство приемов, выдерживавших непрерывающуюся войну Церкви и законодателя на протяжении тысячи лет. Висяготские постановления были перенесены, с небольшими изменениями, в Фуэро Джужго, или романскую версию кодекса, но их умеренность вызвала недовольство Рамиро I, который в 943 году предписал сжигание магов и колдуний и, как говорят, применял это наказание во многих случаях. [380] Маловероятно, что эта суровость была постоянной, поскольку, как правило, средневековое законодательство было исключительно мягким к этим преступлениям, хотя примерно в середине XIII века Якобо де лас Лейес в работе, адресованной Альфонсо X, относит к числу худших преступников тех, кто убивает людей с помощью чар. [381]

Сам Альфонсо в "Партидас" относился к магии и гаданию как к искусствам, не связанным с ересью, которые должны вознаграждаться или наказываться в зависимости от того, использовались они во благо или во зло. [382] Ни в одной стране они не были так широко развиты и так прочно укоренились в народных верованиях, поскольку Испания не только сохранила старые заблуждения времен висяготов, но и дополнила те, что принесли мавры, и переняла другие у многочисленного еврейского населения. Фатализм ислама был плодотворным источником приемов для обретения предвидения. Астролог и прорицатель не только не подвергались преследованиям, но и пользовались большим почетом у мавров, и их искусству публично обучали как необходимому для общего благосостояния. В великой школе Кордовы было два мастера, преподававших астрологию, три некромантии, пиромантию и геомантию, и один из *ars notoria*. Насчитывается семь тысяч семьсот арабских авторов, посвященных толкованию снов, и столько же - гоэтической магии, в то время как использование амулетов как предохранителей от зла было универсальным. [383] Испания была классической страной магии, куда в средние века со всей Европы обращались за наставлениями те, кто искал познания ее тайн, и труды по оккультным искусствам, которые были распространены повсюду, носили по большей части, истинно или ложно, имена арабских авторов.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТЕРПИМОСТЬ

Долгое время после того, как эти занятия были запрещены Церковью в других местах, средневековый дух терпимости сохранялся в Испании. До тех пор, пока четырнадцатый век не подошел к концу, астрология, как нам говорят, была в моде среди высших классов, в то время как низшие полностью доверяли бродячим мошенникам, населявшим страну, — в основном мавританкам или еврейкам, — которые занимались своим ремеслом под разнообразными именами *салудадорес*, *ансальмадорес*, *кантадорес*, *энтенедерас*, *адивинас* и *аджодадорес*, зарабатывая на жизнь различными видами искусства. предсказание судьбы, сохранение урожая и скота, излечение от болезней, защита от сглаза и возбуждение любви или ненависти. [384] В этих занятиях было так мало порицания, что Мигель де Урреа, епископ Таразоны с 1309 по 1316 год, был широко известен как *эль Нигромантико*, а на его портрете в епископском дворце Таразоны была надпись, описывающая его как самого искусного некроманта, который даже дьявола ввел в заблуждение своим искусством. . [385]

Церковь, однако, не разделяла этот дух терпимости и готовилась сурово относиться к подобной практике. В 1317 году Астесан, ведущий канонист своего времени, проявил сравнительную мягкость в определении своей политики, который, перечислив жестокое имперское законодательство, добавляет, что каноны налагают за эти искусства сорокадневную епитимию; если нарушитель отказывается выполнять это, он должен, если мирянин, быть отлучен от церкви, а если священнослужитель, то заключен в монастырь. Если он упорствует на своих злых путях, его следует, как раба, выпороть, а как свободного человека - заключить в тюрьму. Епископы должны изгнать из своих епархий всех таких лиц, и в некоторых местах это похвально сопровождается обрезанием их одежды и волос. Тем не менее, на все еще преобладающую неопределенность указывают разногласия среди врачей относительно того, допустили ли нарушения священники, которые неправильно использовали в магических обрядах Евхаристию, миро и святую воду, или кто крестил фигурки, чтобы причинить зло представленным сторонам, и в этом сомнении Астесан советует получить разрешение как самый безопасный план. [386]

Все сомнения относительно подобных вопросов были быстро устранены. Папа Иоанн XXII разделял свою беспокойную деятельность между преследованием духовных францисканцев, войной с Висконти, борьбой с Людвигом Баварским и вселением здорового ужаса перед колдовством во всех его формах. Вообразив, что заговорщики добиваются его жизни с помощью магических искусств, он приказал назначить специальных инквизиторов для их уничтожения и призвал обычных назначенцев к активному преследованию. В различных буллах, и особенно в одной, известной как *Super illius specula*, изданной около 1326 года, он выразил свое сожаление по поводу быстрого роста призывания демонов и поклонения им по всему христианскому миру и приказал публично предать анафеме всех, кто пользовался такими услугами, как еретиков, и должным образом наказать, а все книги на эту тему сжечь. Верующих предупреждали не вступать в соглашения с адом или заключать демонов в зеркала и кольца, чтобы предсказывать будущее, а всем, кто не повиновался, угрожали наказаниями за ересь. [387] Таким образом, Церковь авторитетно подтвердила истинность сил, на которые претендовали колдуны, — первое из длинной серии подобных высказываний, которые, возможно, больше, чем что-либо другое, стимулировали веру и способствовали развитию зла. Процветание колдуна основывалось на народном легковереии, и сдерживающее влияние возможного наказания мало что значило по сравнению с уверенностью в том, что он действительно может оказать услугу, за которую ему заплатили.

В Кастилии не было инквизиции, и пресечение этих неосвященных искусств возлагалось на светскую власть, которая была безответственна к приказам папы. Партиды, с их квази-одобрением магии, были официально подтверждены Кортами 1348 года как закон страны и оставались основой ее юриспруденции. Однако вскоре после этого новый импульс из Рима начал давать о себе знать. Около 1370 года закон Энрике III объявил виновным в ереси и подлежал наказанию всех, кто консультировался с прорицателями. [388] В этом насаждение ереси является важным источником новой политики, получившей дальнейшее отражение в законе Хуана I от 1387 года, который утверждает, что все прорицатели, колдуны и астрологи, а также те, кто верит в них, являются еретиками, подлежащими наказанию, как это предусмотрено в *Partidas*, миряне - королевскими чиновниками, а священнослужители - их прелатами. [389] На то, что эти законы мало что дали, указывает усиливающаяся суровость "прагматики" от 9 апреля 1414 года, которая предписывала всем королевским и местным судьям под страхом потери должности и конфискации одной трети имущества предавать смерти всех

колдунов, в то время как те, кто укрывал их, должны были быть изгнаны, а саму "прагматику" ежемесячно зачитывать на рынках, чтобы никто не мог притворяться невежественным. [390] Даже мудехарцы уподобились в этом своим христианским завоевателям, угрожая практике колдовства смертью и предупреждая всех избегать гаданий, авгурства и астрологии. Однако это мало чего дало, и после своего насильственного обращения мориски продолжали пользоваться репутацией мастеров черного искусства. [391]

ИНКВИЗИТОРСКАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

В королевствах Арагон светская власть, по-видимому, проявила небрежность, и выполнение обязанностей перешло к епископату, который по большей части был безразличен. Однако это было не совсем так, поскольку в 1372 году Педро Класкерин, архиепископ Таррагоны, приказал провести *расследование в своей провинции с помощью синодальных тестов*, и среди вопросов, которые необходимо было выяснить, было наличие колдунов. Даже инквизитор Эймерих, по-видимому, никоим образом не считает это делом Святой Канцелярии, когда он пытается внушить всем епископам обязанность разыскивать таких врагов Христа и наказывать их со всей строгостью. [392]

В Кастилии, хотя все виды колдовства считались еретическими, юрисдикция над ними оставалась светской даже после учреждения инквизиции, хотя среди положительных качеств Изабеллы числится ее крайнее отвращение к прорицателям, колдунам и всем, кто занимается подобными искусствами. [393] Очевидно, не было и мысли о том, чтобы отвлечь инквизицию от ее работы среди новых христиан, когда королевский указ 1500 года предписал всем коррехидорам и юстициям расследовать наличие в их округах прорицателей и подобных лиц, которые должны были быть арестованы и наказаны, если они миряне, в то время как если священнослужители, они должны были быть переданы своим прелатам для надлежащего наказания. [394]

Вопрос о юрисдикции, по сути, был сложным, для решения которого потребовались длительные дебаты. Это правда, что в 1511 году случай в Сарагосе показывает, что инквизиция применяла его, но дискуссия, к которой это привело, указывает на то, что пока это было в новинку. Некоторые некроманты были осуждены трибуналом, и инквизиторы спросили, последует ли конфискация. Генеральный инквизитор Энгера принял положительное решение, но обратился к Фердинанду за подтверждением. Король поручил архиепископу собрать инквизиторов и нескольких беспристрастных юристов, чтобы обсудить этот вопрос и доложить ему; их заключение было в пользу короны, и только после этого он приказал распорядителю наложить арест на имущество, которое было значительным, и вступить во владение им. Тот факт, что на него не был наложен арест, указывает на отсутствие прецедента, которым мог руководствоваться трибунал. [395] Вскоре после этого в Каталонии появилось требование о более эффективной юрисдикции инквизиции, для подавления колдовства. Когда была подписана Конкордия 1512 года, одно из ходатайств кортов состояло в том, чтобы привести в исполнение буллу *Super illius specula* Иоанна XXII и чтобы король добился от папы подтверждения этой буллы. Возражений на это не последовало, и Лев X, соответственно, возродил буллу и приказал привести ее в исполнение в Арагоне. [396] Должно быть, сразу после этого Эдикт веры в арагонских королевствах требовал осуждения колдовства, поскольку в сицилийских инструкциях 1515 года, изданных для смягчения народного недовольства, было предусмотрено, что этот пункт должен действовать только тогда, когда колдовство было

еретическим. [397] Обвинительных приговоров, однако, было немного, по крайней мере в Арагоне, поскольку после приговоров 1511 года не было никаких послаблений за колдовство до 28 февраля 1528 года, когда был сожжен брат Мигель Кальво; следующим делом было дело Моссена Хуана Омеллы, 13 марта 1537 года, и в списке, который простирается до 1574 года, больше никаких послаблений не было. [398]

Кастилия последовала примеру Арагона, и архиепископ Манрике (1523-1538) добавил к Эдикту веры шесть пунктов, в которых во всех подробностях описываются методы магии, колдовства и гадания. [399] Тем не менее, еще в 1539 году Чируэло, по-видимому, рассматривал преступление как полностью подпадающее под светскую юрисдикцию, поскольку он предупреждает суверенов, что, поскольку они занимают место Бога на земле, они должны проявлять больше рвения к чести Бога, чем к своей собственной, и должны соответствующим образом наказывать этих преступников, будучи уверенными, что они будут привлечены к строгой ответственности за свою халатность. [400]

ДОГОВОР С ДЕМОНОМ

Вопрос, на самом деле, был несколько запутанным, допускающим приятную дискуссию. В 1257 году, вскоре после основания Старой инквизиции, Александра IV спросили, должна ли она заниматься гаданием и колдовством, когда он ответил, что она не должна отвлекаться от своих надлежащих обязанностей и должна предоставлять таких преступников их обычным судьям, если только речь не шла о явной ереси, решение, которое повторялось неоднократно и, наконец, было воплощено в каноническом праве Бонифацием VIII. [401] Однако не было определения того, что представляет собой ересь в этих вопросах, до огульного заявления Иоанна XXII о том, что все они еретики, но из этого был сделан четкий вывод, что его буллы были направлены исключительно на вредоносную магию, действующую через призыв демонов и поклонение им. Это, однако, составляло лишь малую часть огромного множества суеверных обрядов, на которых богословская тонкость исчерпывала свою диалектику. Многие из них были совершенно безвредны, например, простые заклинания мудрых женщин для излечения от болезней. Другие были псевдонаучными, как Каббала, Ars Notoria и Ars Paulina, с помощью которых универсальное знание достигалось с помощью определенных формул. Другие снова учили заклинаниям, невинным сами по себе, для защиты урожая от нашествия насекомых и скота от падежа. Существовало бесконечное количество градаций, ведущих к призыванию демонов и поклонению им, помимо умноженных ресурсов прорицателя в хиромантии, гидромантии, кристалломантии и остальном — онейроскопии, или толковании снов, что было особым камнем преткновения, учитывая его библейское обоснование. Определить, где в них начиналась и заканчивалась ересь, сделать выбор между предполагаемым знанием тайн природы и обращением к злым духам, было непросто, и по общему согласию решение зависело от того, был ли заключен договор, явный или подразумеваемый, с демоном. Это только создало необходимость в новом определении того, что представляет собой пакт, и в 1398 году Парижский университет попытался урегулировать этот вопрос, заявив, что во всех суеверных обрядах подразумевается пакт, результата которого нельзя разумно ожидать от Бога или от природы. [402] Это ознаменовало явный прогресс в концепции еретического колдовства, но все еще оставляло открытым вопрос о том, что может быть или не быть разумным ожиданием, и это было всего лишь мнение, хотя и самого авторитетного теологического органа в Европе.

Дискуссия продолжалась так же оживленно, как и прежде. В 1492 году Бернардо Басин, ученый каноник Сарагосы, считал необходимым логически доказать, что любой договор с демоном, скрытый или явный, если не ересь, все же должен рассматриваться как ересь. [403] В 1494 году "*Реперториум Инквизиторум*", цитируя каноническое право, что колдовство должно отдавать ересь, чтобы передать юрисдикцию инквизиции, все еще признает, что существует немалая трудность в определении того, что подразумевается под "отдачей ересь", в то время как даже в конце шестнадцатого века Пенья говорит нам, что без сомнения возбужденные более частыми спорами. [404] Это правда, что в 1451 году Николай V наделил Хьюга ле Нуара, инквизитора Франции, знанием гадания, даже если оно не было еретическим, но это было специальное положение, давно забытое. [405]

Однако была непреодолима тенденция расширять определение еретического колдовства и подводить все под инквизицию. В 1552 году епископ Симанкас утверждает, что демон внедряется во все суеверные обряды и чары даже без намерения человека; он признает, что многие юристы утверждают, что неясно, имеют ли гадания и колдовство привкус явной ереси, и поэтому инквизиторы не знают о них, но законом, разумом и обычаем признается обратное, поскольку это хорошо известное правило, что, когда есть сомнения в том, обладает ли судья юрисдикцией, юрисдикция принадлежит ему, и этот вопрос не является исключительным; инквизиторы могут возбуждать дела против всех виновных в этих преступлениях в качестве исключения. подозревают в ереси, и это подтверждается на практике. [406] Однако на практике эти выводы были сделаны ориентировочно. В 1537 году доктор Хирон де Лоайса, сообщая о результатах посещения трибунала Толедо, говорит, что он изучил множество процессов колдовства и желает получить инструкции, поскольку есть ряд более грязных, чем еретических; и даже еще в 1568 году Супрема, действуя в связи с посещением де Сото Салазара в Барселоне, упрекает инквизитора Мехию в наложении штрафа в десять дукатов и духовной епитимьи на Перебону Нат за использование чар и произнесение определенных слов над больной женщиной; в таких случаях говорится, что, не относясь к инквизиции, и в будущем он должен оставить все подобные вопросы Обычным людям, которым они принадлежат. [407]

ЛОГИЧЕСКИ ВЫТЕКАЮЩАЯ ЕРЕСЬ

Трибуналы, очевидно, сомневались в своих полномочиях меньше, чем Верховный суд. Среди практиков, спекулировавших на легковерии населения, были некоторые по имени захори, которые утверждали, что обладают особым даром видеть под поверхностью, когда она не прикрыта синей тканью, и которых нанимали для обнаружения источников воды, металлических жил, зарытых сокровищ и трупов, а также пародонтита и других внутренних заболеваний. В этом не было никакого намека на магию, но в 1567 году Хуан де Матеба, 14-летний мальчик, который, помимо прочего, утверждал, что он захори, был приговорен трибуналом Сарагосы к пятидесяти ударам плетью в тюрьме, к шести годам затворничества в монастыре под руководством инструктора, а затем к годичному изгнанию вместе с запретом под страхом двухсот ударов плетью по улицам лечить заклинаниями или утверждать, что у него есть благодать производить исцеления, предсказывать будущее или видеть трупы и другие вещи под землей. [408]

Какие бы сомнения ни существовали, они быстро исчезли. Было бы трудно понять, в чем заключалась ересь, за которую трибунал Сарагосы в 1585 году приговорил Грасию Мелеро к публичному бичеванию, потому что она хранила палец повешенного человека вместе с куском недоуздки, думая, что они принесут ей удачу. [409] Фактически, к этому времени вездесущий

демон был привлечен к ответственности за все. Делом, привлечшим значительное внимание в 1588 году, было дело Эльвиры де Сеспедес, рассматривавшееся трибуналом Толедо, которая, будучи рабыней в возрасте 16 лет, была замужем за Кристофелем Ломбардо из Хаэна и родила ему сына, все еще живущего в Севилье. Впоследствии в Сан-Лукаре она влюбилась в свою хозяйку и соблазнила ее, как и многих других женщин. Убегая, она переоделась в мужскую одежду и во время восстания в Гранаде служила солдатом в роте дон Луиса Понсе. В Мадриде она работала в больнице, получила сертификат хирурга и практиковала эту профессию. В Йепесе она предложила девушке выйти замуж, но отсутствие бороды и ее женоподобная внешность заставили усомниться в ее поле зрения; ее осмотрели с медицинской точки зрения, признали мужчиной, и мадридский викарий выдал разрешение, в соответствии с которым брак был заключен. Сомнения, однако, все еще продолжались; на нее донесли магистратам Оканыи, которые арестовали ее и передали инквизиции. В ходе судебного разбирательства она была должным образом осмотрена врачами, которые объявили, что она женщина и что ее карьера может быть объяснена только искусством демона. Это объяснение развеяло все сомнения; ее приговорили к явке в автозаке, к отречению от *де леви*, к получению двухсот ударов плетью и к десяти годам пребывания в больнице без сохранения заработной платы. В этом трибунал был милосерден, поскольку гермафродиты обычно пользовались более суровой мерой правосудия. [410]

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ВЕРЫ

Таким образом, легко понять, почему определение пакта Парижским университетом было настолько расширено, что охватывало все возможные действия, которые можно было бы отнести к категории суеверий — все лекарства старых женщин и все традиционные обычаи и верования, накопленные легковверными поколениями, приученными доверять непонятным фразам и бессмысленным действиям, — поскольку любой результат, больший, чем мог бы быть достигнут естественным путем, если бы его не приписывали Богу, волей-неволей приписывался договору с демоном. Таким образом, Торребланка уверяет нас, что при излечении болезни следует заключить пакт, когда не используется ничего естественного или сверхъестественного, а только слова, тайно или открыто произносимые, прикосновение, дыхание или простая ткань, которые сами по себе не имеют никакой ценности. Так же обстоит дело с молитвами и словесными формулами, одобренными Церковью, но используемыми не для тех целей, для которых они были созданы, или даже с экзорцизмами или заклинаниями против болезней, бурь, гусениц и засухи, применяемыми без обрядов, предписанных Церковью, или теми, у кого нет Ордена Экзорцистов. Существует соглашение об использовании праздных молитв, например, для остановки кровотечения с помощью *In sanguine adæorta est mors*, или *Sanguis mane v te ut sanguis Christi mansit v se*; или ложных, например, от головной боли *Virgo Maria Jordanum transivit et tunc S. Stephanus ei obviavit*; или абсурдных, как старые *Danatadaries*, или более современные *Abrach Haymon* и т. д. ., или надпись на хлебе *Irvni Teherioni* и т.д.; или надпись от укусов бешеных собак, *Нах, Рах, Мах*. Подозрительными в сговоре являются благочестивые и святые молитвы, в которых вводится какой-либо посторонний или неизвестный знак, пишется и вешается на шею, или что-либо, при ношении чего ожидается защита от внезапной смерти, тюремного заключения или виселицы; также использование природных предметов, которые по своей природе не соответствуют ожидаемым результатам, или которые сами по себе неэффективны и, как предполагается, извлекают пользу из употребляемых слов, или применяются с молитвами и обрядами, не предписанными Церковью, и, наконец, все способы лечения болезней, которые врачи не могут объяснить. [411] Более того, теологи решили, что в

колдовстве нет *parvitas materiæ*, или тривиальности, которая избавляла бы его от того, чтобы быть смертным грехом. [412]

Таким образом, все знахарки и шарлатанки попали под юрисдикцию инквизиции, и нет более богатого поля для изучения фольклора, чем их многочисленные судебные процессы, где подробно описываются все детали их мелких уловок, заклинаний и чар. На него была возложена соответствующая обязанность истребить все популярные суеверия по всей стране, и, возможно, оно добилось бы определенного успеха в этом, если бы могло относиться к этим практикующим как к самозванцам. К сожалению, его юрисдикция над ними была основана на реальности их использования демонических сил, и их преследование только укрепляло народную веру в эффективность их служения, в то время как публичное оглашение их приговоров *con meritis* распространяло за границей знания об их силах и формулах.

Если чего-то и недоставало для укрепления веры в колдовство и прорицания, то это было предоставлено в 1585 году Сикстом V в его торжественной булле "*Люди и земли*". В нем он осудил астрологию и все другие виды гадания, все магические заклинания, призыв демонов и консультации с ними, злоупотребление таинствами, притворное заточение демонов в кольца, зеркала и флаконы, получение ответов от одержимых демонами, лимфатических или фанатичных женщин; он приказал всем прелатам, епископам и инквизиторам усердно преследовать и наказывать всех, кто был виновен в этих незаконных гаданиях, колдовстве, суевериях, магии, заговорах и прочем отвратительном зле, даже если до сих пор они не имели возможности это делать. сделайте это, и правила Тридентского указателя, запрещающие все работы по гаданию и магии, должны были строго соблюдаться. [413] Испанская инквизиция, как мы видели, задолго до этого использовала все возможности, дарованные буллой, и трудно понять, почему в 1595 году она впервые получила в поручении, выданном генеральному инквизитору Манрике де Ларе, пункт, охватывающий всех, кто практиковал эти дьявольские искусства, и всех, кто верил в них и применял их, - а оговорка сохранена во всех последующих комиссиях. [414] Инквизиция, по сути, не приветствовала буллу, возможно, опасаясь основанных на ней претензий на совокупную епископальную юрисдикцию. Это не позволяло публиковать роман в Испании до 1612 года, когда по какой-то причине романтическая версия была напечатана и разослана по всем трибуналам с приказами о его публикации и приведении в исполнение, что побудило последующих авторов приписать ему осведомленность инквизиции в этих вопросах. [415]

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

Инквизиция, как мы видели, не только осуществляла юрисдикцию в отношении колдовства, но и, как обычно, заявляла, что оно является исключительным, и предупреждала всех нарушителей границы. Формально он признал, что нееретическое колдовство было *mixti fori*- подлежало рассмотрению либо светским, либо духовным судом, который первым возбудил дело [416]-но нееретического колдовства больше не существовало, и инквизиция была столь же решительна в отстаивании своих исключительных претензий в этом, как и во всем остальном. Не имело большого значения, что в 1598 году Корты обратились с петицией о полной отмене всех видов колдовства, гаданий, авгуров и чар, и что Филипп II в ответ приказал возродить и привести в исполнение жестокий закон 1414 года, предусматривающий суровые наказания для светских судей, которые не приговаривали колдунов к смерти. [417] Если это и произвело какой-либо эффект, что сомнительно, то он был лишь временным. Уже в 1594 году мы находим, что трибунал

Толедо вынудил коррехидора выдать Исабель де Сото после того, как он вынес приговор. Ее проступками были раздача любовных порошков, которые, по ее утверждению, были святыми и не нуждались в исповеди; исцеление ребенка с помощью пергамента, исписанного крестами, и использование определенных гаданий, чтобы вызвать мужчину из Индии, - все это было достаточно безобидным мошенничеством, за которое она была приговорена к отречению от *де Леви*, прослушиванию мессы в зале для аудиенций и шестилетнему изгнанию. Однако эта суровость была сама по себе милосердием по сравнению с приговором коррехидора, который предусматривал бичевание и вечное изгнание. [418]

Это утверждение об исключительной осведомленности продолжалось. В 1648 году Ана Андрес подвергалась судебному преследованию как в светском, так и в епископальном судах, когда трибунал Вальядолида предъявил на нее претензии, схватил ее, судил и приговорил. [419] В 1659 году Педро Мартинес Рувио, архиепископ Палермо, издал эдикт, в котором он предложил ввести в действие "Краткое послание Григория XV" 1623 года, направленное против колдунов. Верховный суд незамедлительно представил Филиппу IV консультацию, в которой говорилось, что простые суеверия могут быть оправданы епископами, но там, где возникало даже легкое подозрение в ереси, инквизиция имела исключительную компетенцию. По его словам, это могло бы помешать ему с порицаниями, но королевский приказ, запрещающий ему применять столь пагубное нововведение, был предпочтительнее как менее демонстративный, и не может быть никаких сомнений в том, что Филипп подписал все письма, которые Верховный положил перед ним. [420]

Имея дело с обычными чиновниками, инквизиция отстаивала свои требования со своей обычной безапелляционной агрессивностью. В 1701 году трибунал Валенсии узнал, что *пахересы*, или местные чиновники Тортосы, судили за колдовство Хусепу Зориту, Франциску Касет и девушку. 30 ноября им было приказано прекратить разбирательство под страхом отлучения от церкви и выплатить по пятьсот дукатов каждому соответствующему должностному лицу, в то время как Педро Мартину Айкарту, архидиакону собора, было поручено, в случае неповиновения, вывесить их на дверях церкви как отлученных от церкви, а обвиняемых поместить в королевскую тюрьму и содержать там до дальнейших распоряжений. Произошла некоторая задержка, и 4 января 1702 года властям Тортосы было предъявлено требование, под тем же наказанием, передать заключенных и документы Айкарту с уведомлением, что за отказом последует судебное преследование. Это возымело действие; заключенные были выданы и должным образом предстали перед трибуналом. [421]

Возможно, наиболее решительное утверждение авторитета инквизиции можно увидеть в ее трактовке астрологии. Все гадания, которые претендовали на то, чтобы открывать будущее, долгое время считались еретическими из-за их отрицания свободы воли человека и утверждения о судьбе. Особенно это относилось к астрологии с ее множеством гороскопов и предположением, что судьбами людей управляют звезды. Именно на этом основании Пьетро д'Абано, величайший врач своего времени, подвергся судебному преследованию и избежал осуждения только благодаря своевременной смерти в 1316 году в Падуе, а Чекко д'Асколи, выдающийся астролог того времени, был сожжен заживо во Флоренции в 1327 году. Несмотря на эти примеры, профессия астрологии продолжала беспрепятственно процветать, и астрологи были незаменимыми должностными лицами при дворах принцев и прелатов. Богословы и

канонисты упорствовали в его осуждении. Чируэло, признавая, что изучение влияния звезд на погоду и людей законно, как и медицинская практика, считает, что предсказать по ним то, чего они не могут предсказать, можно только с помощью демона, и все, кто практикует это, должны быть наказаны как полунекроманты. [422] Симанкас относит астрологию ко всем другим методам гадания, которые он приписывает действию демона, а те, кто все ставит в зависимость от звезд, являются совершенными еретиками. [423], однако, эти осуждения были чисто академическими; старые запреты устарели; вера в науку была почти всеобщей; ее не только открыто практиковали, но и открыто преподавали, и имеет значение тот факт, что в Индексе 1559 года, хотя существуют общие запреты на все книги по некромантии и гаданию по жребиям, нет ни одной из книг по астрологии, которая должно быть, их было много, и только две малоизвестные работы о туземцах запрещены. [424] Действительно, одна из петиций Кортес от 1570 года представляет, что из-за того, что врачи не изучали астрологию, многие потерпели неудачу в своих излечениях, поэтому короля попросили распорядиться, чтобы в университетах никто не получал диплом врача, не являющегося бакалавром астрологии, на что королевский ответ заключался в том, что Совет проконсультируется с университетами и определит, что лучше. подходит. [425]

АСТРОЛОГИЯ

Таким образом, тот факт, что до того, как Сикст V в своей булле 1585 года приказал инквизиции запретить астрологию, Верховный суд в 1582 году напал на нее в ее цитадели, Университете Саламанки, направив туда в марте инквизитора Вальядолида Хуана де Аррезе с эдиктом, осуждающим всю практику так называемой науки, свидетельствует о немалой целеустремленности. В письме от 10-го числа Аррезе говорит, что пробыл там восемь дней, не имея возможности опубликовать указ, но он рассчитывает сделать это на следующий день. Затем, 20-го числа, он сообщает, что получает первые результаты и ошеломлен ими; есть много людей, которые преподают судебную астрологию, как генетическую, так и в выборе нативности и в ответах на все задаваемые им вопросы, и они оправдывают себя, говоря, что они преподают только то, что есть в разрешенных книгах. Тех, кто был привлечен к ответственности в соответствии с эдиктом, так много, что наказывать их было бы бесконечным делом, а не обращать на них внимания было бы еще хуже, поскольку они ожидают, что им будет позволено продолжать. Тем временем он снял показания относительно некоторых и приостановил работу других до получения приказа, на что получил ответ продолжать снимать показания и сообщать о результатах. Затем, 31 марта, он пишет, что все еще собирает доказательства против учителей астрологии, среди которых есть те, кто занимается вызовом демонов и некромантией, особенно Диего Перес де Месса, который был изгнан за другие преступления *маэстро эскуэлой* и скрывается, но Аррезе приказал его арестовать. Затем, 24 апреля, Аррезе препровождает декларацию, составленную Маэстро Муньосом, профессором астрологии, для таких действий, которые может пожелать предпринять Верховная Власть. В то же время он говорит, что все те, кто занимается составлением астрологических предсказаний, оправдываются тем, что, согласно уставу университета, этому предписано обучать; он предполагает, что Супрема запретит преподавание по таким книгам, а также судебной астрологии, за исключением погоды, но есть также указания на магию, о которой он обещает дополнительную информацию. [426] В документах, находящихся передо мной, не указано, какие действия Супрема предпринял в отношении профессоров и преподавателей, но то, что это было условием в передовом

учебном заведении Испании, указывает на масштаб задачи искоренения верований, столь широко распространенных и столь прочно укоренившихся. На то, что это немедленно пресекло публичное преподавание астрологии, указывает Запретительный указатель, который появился в следующем, 1583 году. Это запрещало все книги и сочинения, в которых говорится о науке предсказания будущего по звездам, и запрещало всем людям составлять прогнозы относительно вопросов, зависящих от свободной воли или удачи. Тем не менее, он допускал влияние звезд, допуская астрологию, которая имела отношение к погоде и общим событиям в мире, сельскому хозяйству, навигации и медицине, а также ту, которая указывала при рождении на склонности и телесные качества младенца. [427]

Это половинчатое осуждение не было рассчитано на то, чтобы ниспровергнуть вековую веру, и астрология сохранила свою власть над народным легковерием. Говорят, что при рождении Филиппа IV в 1605 году Филипп III проконсультировался со знаменитым Арголи, магистром астрологии в Падуе, относительно гороскопа своего сына, и ему сказали, что звезды угрожают ребенку столькими бедствиями, что он наверняка умер бы в нищете, если бы ему не достались в наследство обширные владения Испании — пророчество, которое, по-видимому, было подсказано этим событием. [428] Как бы то ни было, инквизиция сохранила свою позицию и активно преследовала практиков науки как средства гадания. Опытный писатель около 1640 года утверждает, что с 1612 года астрологи подвергались строгому наказанию. Судебная астрология была разрешена только в той мере, в какой она касалась торговли, сельского хозяйства и медицины. Составление гороскопов для предсказания будущего, особенно в отношении смерти отдельных лиц — частая практика, приносящая много зла, — каралось появлением в общественном транспорте, отречением от власти, изгнанием и штрафом, пропорциональным средствам правонарушителя, в то время как еще большая суровость была обусловлена его использованием для обнаружения воров и нахождения потерянных вещей. [429] В Эдикты веры был введен пункт, требующий осуждения всех, кто занимается подобной практикой, с тщательным накоплением деталей, которые показывают, насколько широка была сфера влияния, приписываемая звездам. [430]

ПРОЦЕДУРА

Суровость, с которой относились к астрологам, показывает решимость инквизиции и ее оценку сложности задачи. Церковники, как мы видели, за исключением тех случаев, когда они расслаблялись, были избавлены от появления в общественных автомобилях, чтобы предотвратить скандал, но астрология была сделана исключением, и наказания были суровыми. Так, в Толито аутодафе от 7 октября 1663 года фигурировал дон Педро Закоме Прамоселлас, архиепископ Бримано (Кремона), приговоренный к отречению от престола *де леви* и вечному изгнанию из Испании после трех лет службы на галерах, помимо запрета заниматься астрологией или читать книги по этому предмету. Итак, в суде Толедо от 30 октября 1667 года лицензиат Педро Лопес Камарена Монтесинос, священник Сан-Лоренцо из Валенсии, получивший пособие за судебную астрологию и поиски сокровищ, был приговорен к отречению от престола *де леви*, к четырем годам заключения в африканском пресидио с последующим шестилетним изгнанием из Мадрида и Толедо, отстранением от Орденов и лишением всех церковных доходов. [431] Эта суровость, несомненно, во многом способствовала развитию интеллекта в преодолении древних верований, но уже в 1796 году мы находим брата-мирянина из Сан—Педро-де-Алькантара, Фрая Мигеля Альберолу, привлеченного к ответственности в Валенсии за использование “колеса Беды” - очевидно,

Петосируса, устройства, с помощью которого движения человека изменялись. луна использовалась вместо многочисленных и сложных деталей звезд и планет. [432]

Процедура в случаях колдовства мало чем отличалась от процедуры в случае обычной ереси, за исключением того, что, как правило, пытки не применялись. Один авторитетный источник, действительно, утверждает, что, хотя в Италии пытки применялись в случаях еретического колдовства, в Испании они никогда не применялись, но другой предполагает, что в определенных случаях это оставалось на усмотрение трибунала. [433] То, что это усмотрение использовалось, видно из дела мексиканки Исабель де Монтойя, несчастной старухи, в 1652 году, которая свободно призналась в многочисленных приспособлениях для добывания денег — талисманах, зельях и заклинаниях. В дополнение к этому были доказательства того, что ее обманули, а также ее рассказы о ее отношениях с демоном, которые требовали разъяснения. Ее пытали, не добившись дальнейших признаний, а затем приговорили к ста ударам плетью, трем годам содержания в больнице и вечному изгнанию из Пуэблы. [434]

Поскольку договор с демоном был основой инквизиционной юрисдикции в отношении колдовства, было важно добиться от обвиняемого признания его существования. С этой целью в 1655 году Верховный Суд издал специальные инструкции относительно проведения экспертизы во всех случаях, зависящих от пакта, — инструкции, которые выявляют скрытую веру в реальность сил, заявленных для колдовства. Обвиняемого должны были спросить, привели ли применяемые молитвы, средства правовой защиты и другие средства к ожидаемым результатам полностью или частично, и поскольку они не обладали естественными достоинствами, чтобы добиться этого, какова была причина такого результата. Когда в молитвах или заклинаниях вызывались определенные демоны, делалось это для того, чтобы заставить их появиться и заговорить, и в каком виде. Был ли призыв произведен в силу договора, явного или молчаливого, с демоном, и, если да, то каким образом он был заключен. Появлялся ли демон иногда в результате молитв или заклинаний, и если да, то в каком обличье и что он говорил или делал. С какой верой они делали все это и разрабатывали средства правовой защиты, и было ли это с намерением и надеждой на то, что будет достигнут желаемый эффект, и с верой, что они его достигнут, и были ли они уверены в этом — с помощью других подобных методов опроса, подходящих для конкретных случаев. [435]

Наказание

На основе этих инструкций была составлена любопытная серия формул, адаптированных для всех различных классов правонарушителей. В качестве примера мы можем взять тот, который использовался при допросе Захори, которые предполагали, что обладают природным даром видеть под поверхностью земли, не связанным с ересью, так что они подвергались инквизиции только из-за произвольного предположения, что их работа обязательно должна требовать помощи демона, в котором не было *parvitas materiae*, и что использовать их было смертным грехом. В Zahorí необходимо спросил, правда ли это, что он сможет ясно и отчетливо видеть то, что скрыто под землей и на каком расстоянии его зрение проникает; имеет ли эта власть ограничивается клад, или распространяется и на другие вещи; в каком возрасте и по какому случаю он впервые признается обладание властью, будь то непрерывное или сильнее в разы, чем у других; будь он прилагал эту силу и нашла ее эффективности; то ли он таким образом получил сокровища и, если да, какое либо количество; кто оказывал ему помощь и может ли

сокровища были разделены и что тогда произошло; будь то, чтобы добраться до сокровищ, либо в подготовке или в момент привлечения его, все остальное было сделано, например массы, молитвы, заклинания, курений, вызовы святых или других неизвестных имен, или используется святая вода, благословенная пальмы, фонари, коленопреклонений, чтение книги или бумаги, или с помощью иных аналогичных средств; то ли сокровищ, получить сложнее, чем другие и, если да, то почему, например, чары; если Zahories иметь каких-либо признаков, с помощью которых эта власть признали и признают ли они друг друга, в том, что принципиально не состоят; если деньги были выплачены ему за то, что указали место, где клад был спрятан и, если да, то где он его получил и что было то самое место, места. [436] Мы можем легко увидеть, насколько подходящим было бы такое допросное расследование, за которым следовал опытный эксперт, чтобы привести к признаниям, оправдывающим подразумеваемый договор, тем более что существовало повальное увлечение поиском зарытых сокровищ и широко распространенная вера в то, что их запасы были спрятаны под землей в ожидании пришествия Антихриста и охранялись демонами, которых нужно было умиротворить или подчинить, прежде чем золото могло быть найдено. будьте в безопасности.

Из всего этого очевидно, что инквизитор, если он добросовестен, должен был сам быть твердо убежден в истине, что все искусства колдовства, какими бы простыми многие из них ни были, основаны на демонической помощи. Тем не менее, случайное использование термина *embustero* показывает, что иногда признавалось, что имело место как обман, так и пакт. Так, в суде Кордовы от 21 декабря 1627 года появились три женщины: Ана де Ходар, приговоренная к двумстам ударам плетью в Кордове и ста в Вильянуэва-дель-Арзобиспо с шестью годами ссылки; Мария де Сан-Леон, к ста ударам плетью и четырем годам ссылки и Франсиска Мендес к вергуэнце и ссылке. Теперь все они были объявлены колдуньями, вызывателями демонов, с которыми у них были договоры, и их подвиги, подробно описанные в предложениях, показывали, что они были адептами, и все же все они были дополнительно заклеены как *эмбустеры*. [437] Итак, в сарагосском авто от 6 июня 1723 года Себастьян Гомес описан как *суеверный и буйнопомешанный*, хотя его приговор к двумстам ударам плетью и вечному пребыванию в больнице с кандалами на ногах показывает, что его преступление не было расценено как простое мошенничество. [438]

Какими бы суровыми ни казались некоторые из упомянутых приговоров, нет сомнений в том, что в большинстве случаев преступникам повезло, что судьей была инквизиция, а не светские суды, которые повсюду проявляли себя безжалостными там, где дело касалось колдовства. Мы видели, как в 1598 году потребовали возрождения дикого закона 1414 года, и эта строгость получила поддержку не только общественного мнения, но и ученых. Чируэло учил, что все суеверия и колдовство были изобретениями дьявола, поэтому те, кто изучал и практиковал их, были учениками дьявола и врагами Бога. Не было никакого различия между классами правонарушителей; все они подлежали преследованию с беспощадной строгостью. Воры, утверждал он, были должным образом повешены или обезглавлены, потому что каждый вор считается убийцей, и в гораздо большей степени так должно быть с каждым колдуном, поскольку его усилия были направлены скорее против людей, чем против собственности. [439] Торребланка говорит нам, что Гус, Уиклифф, Лютер и почти все еретики выступают против наказания колдунов, но это еретично, отвратительно и скандально, и все ортодоксальные авторитеты учат, что их следует беспощадно предавать смерти и преследовать как духовными,

так и светскими мечами. [440] Это общее мнение хорошо иметь в виду при рассмотрении практики инквизиции. В трибуналах ничто не могло контролировать усмотрение судей, кроме Верховного суда, и это усмотрение проявлялось в труднообъяснимой снисходительности чаще, чем в неоправданной суровости, и даже их суровости следовало опасаться меньше, чем милосердия светского закона. Систематические авторы устанавливают правило, согласно которому, если преступник признается в сговоре с демоном, он предположительно является отступником; если он просит пощады, он должен быть допущен к примирению в автомобиле с конфискацией и сотней ударов плетью или вергуэнцей; если он не отступник, примирение заменяется отречением от престола *de levi* и бичеванием в вергуэнце. [441] Эти правила, однако, не соблюдались; примирение было чрезвычайно редким, отречение от престола *de vehementi* было необычным, отречение от престола *de levi* почти повсеместным, и трибуналы применяли широкую свободу действий при назначении самых разнообразных наказаний.

Наказание

Несколько случаев проиллюстрируют, насколько сильно характер трибунала повлиял на приговоры. В 1604 году в Валенсии, по-видимому, были исключительно снисходительные инквизиторы. Алонсо Верланго, желая пойти на компромисс в судебном процессе, нанял женщину, которая сотворила заклинание *сампулами*, или флаконами, поместив в них вино, серу и другие вещества и бросив их в огонь с заклинанием, чтобы по мере того, как они будут гореть, сердца людей приходили к согласию. Было также заклинание с апельсинами, когда разрезали девять из них и положили в них масло, мыло, соль и другие ингредиенты с формулой, согласно которой, как масло придает аромат, так и мужчины должны быть ароматными; также вонзили в каждого по гвоздю и сказали, что гвозди были вбиты в их сердца. В обоих этих заклинаниях были вызваны Берсабу, Сатаны и другие демоны, великие и увечные, а также святой Петр, святой Павел и другие святые. Было также долгое заклинание с девственным младенцем, с помощью которого можно было узнать все, что пожелаешь. Более того, сам Верланго использовал заклинания для поиска сокровищ и владел сонником Соломона “Вакерио” и Карданом *de Proprietatibus Rerum*. За все это он отделался выговором и прослушиванием мессы в зале аудиенций, отречением от престола *de levi* и двумя годами ссылки. Другим случаем был случай с братом Мигелем Рексаке, священником ордена Монтеса, который обвинил себя в том, что отправился с итальянской хрупкой девушкой-девственницей и некоторыми другими на поиски сокровищ. Они вырыли яму; итальянец оливковой палочкой очертил круг, в котором была зажжена освященная свеча; были воскурены благовония и вызваны ангелы, чтобы прогнать демонов, охраняющих сокровище на случай пришествия Антихриста, а также был получен ответ от демона, когда девушка посмотрелась в зеркало. Когда документы были представлены Верховному суду, он постановил объявить Рексаке выговор и приостановить дело, в то время как девушкам, которые исполняли обязанности, грозило всего годичное изгнание и некоторые духовные епитимьи. Более серьезной была непринужденность Франсуа Дифора, французского священника, и Франсиско Хусерии, студента, поскольку это было сопряжено со святотатством. Они обратились за советом к адепту, который сказал им окрестить три монеты определенными именами, и монеты после выплаты вернутся в их кошельки. Дифор торжественно крестил три песо; Хусерия потратил их на оладьи и сдобное тесто, но они не вернулись. По указанию духовника они осудили себя; их должным образом судили и приговорили к отречению от *de levi*, строгому выговору и наложению некоторых незначительных духовных покаяний. [442]

"Вальядолид" представляет аналогичные примеры снисхождения. В 1629 году Изабель Гарсия, замужняя женщина, на суде призналась, что, чтобы вернуть любовника, она призвала демона, который появился в человеческом облике, когда она заключила с ним явный договор и совершала различные другие колдовские действия, но ее приговорили только к отречению от престола *де Леви* и к четырехлетнему изгнанию из Вальядолида и Астудильи. В следующем году Габриэль де Арройя под давлением исповедника осудил себя и заявил, что, увлеченный страстью к азартным играм, он за последние семь лет пять раз выходил в открытое поле и призывал демона, чтобы тот дал ему денег для ставок, обещая взамен посвятить демону своего первенца и предлагая подписать своей кровью соответствующий договор. Это правда, что демон так и не появился, и он не получал денег, которые, казалось, поступали из такого источника. На консультативном совете некоторые члены объявили его сильно подозреваемым, другие - слегка, но в конце концов было принято решение приостановить дело без вынесения приговора и объявить ему выговор в зале для аудиенций. [443]

Наказание

Существует контраст между этими случаями и некоторыми случаями 1641 года, собранными инквизитором Вальядолида во время посещения Асторги. Восемь стариков и женщин *курандерос*, чьи преступления заключались в суеверных излечениях самого безобидного характера, были арестованы и доставлены в Вальядолид, где их месяцами держали в секретной тюрьме, чтобы в конце концов приговорить к более или менее длительному изгнанию, причем их простое служение было охарактеризовано как негласный договор с демоном. С другой стороны, лицензиат Пелайо де Раваналь, куратор Анисио, взявший двадцать три реала за благословение и безрезультатное окропление святой водой стада больного скота и потерпев неудачу в суеверном исцелении мужа и жены, не был арестован, но был вызван частным образом и получил выговор в покоях старшего инквизитора. Было также два случая *слоберос* — практикующими врачами, чья специальность заключалась в защите овец от волков. Одним из них был Масиас Перес, пастух из Медина-дель-Кампо, обвиняемый десятью свидетелями в том, что он имел в своем распоряжении волков и использовал их, чтобы причинять вред кому ему заблагорассудится; пятеро показали, что он угрожал им волками, и в результате многие из их овец были уничтожены. Другой, Хуан Гутьеррес из Барадиллы, спекулировал на своих соседях, которые давали ему зерно, детей, овец и т.д., чтобы сохранить свои стада. Калификадорес сочли это негласным соглашением, но, хотя оба были арестованы, оба отделались выговорами. [444] Такая же умеренность была продемонстрирована трибуналом Толедо в любопытном деле в 1659 году. Хуан Северино де Сан-Пабло из Вильны в Литве жил отшельником в Сьерра-Морене. У него был череп, который он старательно инкрустировал серебряными изображениями; он выставлял его напоказ и выдавал сертификаты как средство от терцианской лихорадки. После того, как судебное разбирательство было доведено до предъявления обвинения, оно было приостановлено; он получил строгий выговор и пригрозил сотней ударов плетью за рецидив; череп был похоронен в освященной земле, но только после того, как серебро было аккуратно извлечено и передано получателю в качестве частичной компенсации за содержание преступника в тюрьме. [445]

Есть два дела о колониях, которые иллюстрируют непостоянный характер этих судебных решений. В 1760 году в Лиме гвинейского негра-раба по имени Мануэль Галиано, 70 лет, судили как *курандеро*. Известно несколько случаев, когда он излечивал опухоли, ставившие в тупик профессорский состав, делая небольшой надрез, вставляя полую трость и высасывая кровь,

которая сопровождалась личинками, скорпионами, ящерицами, змеями и тому подобным, после чего он прикладывал определенные измельченные травы. Было решено, что это подразумевало соглашение с демоном; он был арестован и добровольно согласился на лечение, объяснив, что прятал животных в тростнике и выдувал их наружу, как будто они были извлечены из опухолей; он объявил пациентов околдованными и получил четыре или пять песо за лечение; он также притворился, что отдает амулет другому рабу. Дело было достаточно простым, но судебный процесс затянулся на три года, в течение которых он находился в тюрьме, чтобы в конце концов быть приговоренным к явке на автомобиле со знаками отличия за колдовство и недоуздком в вергуэнцу и к пяти годам (считая с момента его ареста) службы в больнице. [446]

В отличие от этого, аналогичный случай произошел в Мексике в 1794 году. Хуана Мартинес была индианкой 40 лет, замужем за мулатом. Она зарабатывала на жизнь как *куруандера*, используя отвар корня растения, известного как *пало де Тексер* или *пейотль*, который она собирала с помощью призывания Троицы и трех знаков креста - церемоний, которые она повторяла при введении лекарства, — и она сказала, что ее пациенты выбрасывали изо рта и носа насекомых, мух и т.д., что было признаком того, что они были заколдованы. У нее также было изображение Пресвятой Богородицы, которое она хранила в маленьком ковчежце и заявляла, что оно творит чудеса. Короче говоря, она была опытной *эмбустерой*, и она заслужила прозвище симулятора чудес в обвинении. Мариано де ла Пьедрас Паласио, куратор и церковный судья их деревни Темасунчал, арестовали пару и наложили арест на их небольшое имущество. Активными угрозами бичевания он добился признания в том, что она призвала дьявола, который явился и научил ее этому искусству, и что она действовала его силой. Это был явный случай колдовства, и он передал их инквизиции. Долгое путешествие в Мексику они проделали в наручниках, и 22 июля их отправили в секретную тюрьму. Небольшое умелое давление заставило Хуану признать, что и чудеса Пресвятой Богородицы, и насекомые, изъятые ее пациентами, были обманом. Фискал оказался в некоторой степени рационалистом и 4 августа представил отчет необычного для инквизиции характера.

Он указал, что совершенное невежество Кура Мариано уже причинило этим бедным созданиям достаточно страданий, оторвав их от дома, опорочив, грубо арестовав и отправив в тюрьму трибунала без всякой причины или справедливости. Именно он был виноват, ибо их невежество приписывалось ему, чьей обязанностью было наставлять их. Предположив тогда, что не было законных оснований для судебного преследования и что их ложь была достаточно наказана тем, что они пережили, фискал предложил их уволить с приказом воздерживаться в будущем от исцелений и чудес под страхом строгого наказания, в то время как куратора следовало предупредить, чтобы он в будущем не вмешивался в то, что относилось к инквизиции. Ему также следует сказать, чтобы он вернул им кобылу и жеребенка, на которых он незаконно наложил запрет, прислал за свой счет надлежащих людей, которые с комфортом доставят заключенных домой, и, более того, что он и его викарии должны позаботиться о надлежащем обучении своей паствы. Трибунал не был готов возвыситься до такой высоты правосудия, но он освободил заключенных и приказал Мариано вернуть им кобылу и жеребенка и все остальное, что у него было изъято, без взимания платы за их содержание, а также лично предстать перед трибуналом во время своего первого визита в столицу. [447]

СТОЙКАЯ ВЕРА

Тем не менее, несмотря на разумность выводов, сделанных в этом случае, никто не отказался от веры в реальность колдовства и демонического влияния. Гораздо более эффективной для подавления колдунов была позиция, занятая в 1774 году португальской инквизицией под руководством Помбала. В своих реформированных правилах он исходит из того, что злые духи не могут посредством соглашений с колдунами и волшебницами изменять непреложные законы Природы, установленные Богом для сохранения мира; что теологический аргумент о случаях, в которых Бог разрешает таким духам мучить людей, не имеет применения к законодательной власти или закону. Те, кто верит, что существуют искусства, которые учат, как с помощью призывания демонов, или проклятий, или знамений творить чудеса, приписываемые колдунам, впадают в абсурд приписывания демонам атрибутов, принадлежащих исключительно Богу. Таким образом, два соглашения, скрытое и эксплицитное, одинаково невероятны, и в судебных процессах, которые на протяжении двух столетий проводила инквизиция, нет никаких доказательств их существования, за исключением неподтвержденных признаний обвиняемых. Из этого следует, что все колдовство, гадания и ведьмовство являются явным обманом, и практические инструкции, основанные на этих предпосылках, заключаются в том, что преступники должны быть осуждены не за ересь, а за обман и суеверие, на все это следует указать в приговоре, не приводя подробностей, как ранее. Налагаемые наказания суровы — бичевание, галеры и президио, в то время как если кто-либо защищает себя, утверждая, что эти методы законны, что с демоном можно заключить договор и что его действия эффективны, он должен быть заключен, без лишних церемоний, в больницу Реал де Тодо ос Сантос - больницу для душевнобольных. [448]

Испанская инквизиция была слишком ортодоксальной, чтобы принять столь рационалистический взгляд на колдовство, и продолжала преследовать его как реальность. В 1787 году Мадрид был взбудоражен судебным разбирательством, в ходе которого самозванец по имени Коксо был приговорен к двумстам ударам плетью и десяти годам тюремного заключения. Он процветал, продавая снадобья для возбуждения любви, неприличным образом сделанные из костей и кожи мужчины и женщины, на которые у него было множество покупателей, включая знатных дам. Это дело изобиловало похотливыми подробностями, которые, будучи записанными на знаках отличия, висевших в церкви, вызвали немалый скандал. [449] В 1800 году суд Севильи привлек к ответственности 13-летнего Диего Гарриго за суеверные излечения, когда, вероятно, из-за своего нежного возраста, он отделался предупреждением. [450] Судебный процесс в Валенсии над Розой Конехос в 1807 году показывает, как ненасытная доверчивость простонародья подпитывалась неистощимой изобретательностью самозванки. Она давала инструкции относительно чар, с помощью которых можно было обрести сверхъестественные силы, для характеристики которых будет достаточно одного примера. После 11 часов вечера поставьте на огонь сосуд, полный масла; когда оно закипит, бросьте туда живую кошку и накройте крышкой; с ударом полуночи снимите ее, и внутри черепа кошки будет найдена маленькая косточка, которая сделает человека, несущего ее, невидимым и позволит ему делать все, что ему заблагорассудится; кость спросит: “Чего ты хочешь?”, но если ее перенести через проточную воду, она потеряет свою силу. [451]

При Реставрации количество дел стало меньше, чем в прежние времена, но отношение инквизиции не изменилось. Например, в 1818 году Верховный суд 12 февраля приказал севильскому трибуналу арестовать и заключить в тюрьму Ану Барберо за суеверие, богохульство и союз с демоном, и за эти преступления она была приговорена 15 октября к отречению от престоладе леви, духовным упражнениям, шести годам ссылки и двумстам ударам

плетью — последнее было гуманно заменено Верховным судом на восемь лет заключения в исправительной колонии для распущенных женщин. Тот же суд 17 июня постановил заключить Франциску Ромеро в секретную тюрьму с конфискацией имущества как суеверную *курандеру*, а год спустя, 18 июня 1819 года, мы находим ее приговоренной к обычным наказаниям в виде ссылки и двухсот ударов плетью, последние из которых были милосердно опущены Верховным судом. [452] Вера в достоинства освященной облатки была такой же живой, как и прежде, и за ее сохранение часто подвергались судебным преследованиям, как в случае с доньей Антонией де ла Торре в 1815 году трибуналом Гранады за повторное причащение в течение дня, сохранение форм и использование их во зло. [453] Поиск сокровищ не был забыт. В 1816 году трибунал Сантьяго обнаружил книгу заклинаний для этой цели, которая была немедленно запрещена указом, все экземпляры должны были быть изъяты, было приказано провести расследование народных верований, и фрай Хуан Кунтин-и-Дюран был привлечен к ответственности за использование заклинаний. Вероятно, это привело к открытию в 1817 году в Туделе аналогичной рукописи, которую Верховный распорядился скрыть. [454]

СТОЙКАЯ ВЕРА

Легко понять, что судебное преследование за колдовство составляло немалую часть обязанностей инквизиции, по крайней мере, на более поздних этапах ее карьеры. Дел было сравнительно немного, пока под его юрисдикцию попадали только серьезные дела, но с расширенным определением пакта их количество значительно возросло, и по мере того, как бизнес судебного преследования морисков и иудействующих приходил в упадок, его энергия в большей степени направлялась на знахарок и шулеров, которые находили ненадежные средства к существованию в вульгарных суевериях, пронизывающих сообщество. Так, в протоколах Толедо за период с 1575 по 1610 год из общего числа 1172 дел о колдовстве фигурирует только восемнадцать, или чуть более полутора процентов., в то время как в том же суде с 1648 по 1794 год из 1205 дел насчитывается сотня, или около восьми с одной третьей процентов. [455] Иногда они составляют основную часть работы трибунала. В суде Валенсии от 1 июля 1725 года пятнадцать из восемнадцати кающихся были колдунами, а в суде Кордовы от 5 декабря 1745 года - пятеро из восьми. [456] Отчет о работе всех трибуналов с 1780 года до подавления в 1820 году содержит в общей сложности четыреста шестьдесят девять дел, из которых сто шестнадцать могут быть отнесены к категории "злонамеренных", а триста пятьдесят три - просто к категории "суеверных". [457]

Вера в силу колдовства была слишком сильно укоренена, чтобы исчезнуть с прекращением преследований. Современный писатель уверяет нас, что все старые суеверия процветают так же энергично, как и прежде, — заклинания и формулы, исцеляющие или убивающие, предсказывающие будущее, вызывающие любовь или ненависть, делающие мужчин бессильными, а женщин бесплодными, уничтожающие стада и жатвы, вызывающие бури и град. Мудрая женщина так же могущественна, как и в былые времена, в своем контроле над силами природы и страстями человека, и профессия эта так же богата и так же хорошо оплачивается, как и в шестнадцатом веке. [458] Мы можем легко поверить в это, когда падре Каппа, С.Дж., в своей защите инквизиции серьезно заверяет нас, что связи и соглашения с демоном неоспоримы и происходят так же часто, как и раньше. [459]

Нам еще предстоит рассмотреть дальнейшее развитие веры в пагубную силу демона, действующую с помощью человеческих инструментов, в чем испанская инквизиция оказала немалую услугу.

ГЛАВА IX.

КОЛДОВСТВО.

Кульминацией магии было колдовство, и все же это было не одно и то же. В нем больше не говорится о договоре с демоном, явном или молчаливом, для получения определенных результатов, с расчетом смыть грех на исповеди и таким образом обмануть дьявола. Ведьма оставила христианство, отказалась от своего крещения, поклонялась сатане как своему Богу, отдалась ему телом и душой и существует только для того, чтобы быть его инструментом в причинении зла своим ближним, чего он не может совершить без посредника-человека. То, что такое существо вызывало всеобщее отвращение, было неизбежно, и что не следовало жалеть усилий для его уничтожения, было самым очевидным долгом законодателя и судьи. Нет страниц европейской истории, более наполненных ужасом, чем те, которые повествуют о безумии ведьм на протяжении трех столетий, с пятнадцатого по восемнадцатый. Ни одна страна не была более подвержена заражению этим безумием, чем Испания, где на протяжении более ста лет оно постоянно угрожало вспыхнуть. То, что это было подавлено и стало сравнительно безвредным, произошло благодаря мудрости и твердости инквизиции.

ШАБАШ

Это безумие ведьм было, по сути, болезнью воображения, созданной и стимулируемой преследованием колдовства. Куда бы инквизитор или гражданский судья ни отправлялся, чтобы уничтожить его огнем, по его следам вырастал урожай ведьм. Если какая-нибудь старая карга отплачивала за жестокое обращение проклятием, и корова преступника случайно умирала или его ребенок заболел, она считалась ведьмой; судье не составляло труда добиться желаемого признания и получить солидный список сообщников; каждый, кто сталкивался с неудачей, спешил высказать свои подозрения и обвинения. Каждое судебное преследование расширяло круг, пока в него не могло быть вовлечено почти все население, за которым следовали казни, исчисляемые не десятками, а сотнями, в слепом повиновении библейскому предписанию “Не оставляй ведьму в живых”. Все разрушительные стихийные бедствия— засухи или наводнения, бури или град, голод или мор - приписывались колдовству, и разыскивались жертвы, как бы для того, чтобы умиловать адских богов или принести искупительные жертвы Создателю.

Вера в колдовство возникла сравнительно недавно, в середине четырнадцатого века. Злонамеренное колдовство было известно и раньше, но отличительная черта Шабаша впервые проявляется в этот период — полуночное собрание, на которое приверженцев сатаны переносили по воздуху, где они отрекались от Христа и поклонялись своему учителю, обычно в облике козла, но иногда в облике красивого или уродливого мужчины; где они пировали, танцевали и предавались беспорядочным связям, соглашаясь с демонами, служащими инкубами или суккубами, и возвращались домой, где другие демоны, приняв их облик, скрывали их отсутствие от посторонних глаз. [460]

Развитие этого мифа, по-видимому, можно приписать растущей жестокости преследований к концу четырнадцатого века, когда, как мы видели, Парижский университет сформулировал теорию о том, что соглашение с сатаной присуще любой магии, что побудило судей в их жадном изучении рассматриваемых ими дел связать этот предполагаемый договор со старой верой в ночных всадников по воздуху, которые проносились по воздуху, собирая воинство. При таких методах у судьи или инквизитора не возникнет особых трудностей в поиске того, что он ищет. Когда однажды такая вера распространялась в ходе судебных процессов и казней, обвиняемые пытались избежать бесконечных пыток, формулируя признания в соответствии с наводящими вопросами, и таким образом была разработана сносно последовательная, хотя иногда и противоречивая формула, которой должны были следовать ведьмы во всех странах. То, что это было новое развитие событий, показано демонологами пятнадцатого века — Нидером и Джакериусом, Шпренгером и Бернардо да Комо — рассматривавшими ведьм как новую секту, неизвестную до той эпохи, и на это Иннокентий VIII косвенно дал санкцию Святого Престола в своей хорошо известной булле *"Итоги желаний"* в 1484 году. Эта быстро растущая вера в силу колдовства и обязанность его искоренения поощрялась почти каждым папой на протяжении почти ста лет — Евгением IV в 1437 и 1445 годах, Каликстом III в 1457 году, Пием II в 1459 году и, после особого заявления Иннокентия VIII, Александром VI в 1494 году, Юлием II, Львом X в 1521 году, Адрианом VI в 1523 году и Климентом VII в 1524 году. [461]

Хотя, по большей части, так называемые признания ведьм на суде были результатом столь нещадно применявшихся пыток, не может быть никаких сомнений в том, что по крайней мере часть из них были правдивыми рассказами о действительно существовавших иллюзиях. Подобно тому, как трансы и видения мистиков, таких как Санта-Тереза и преподобная Мария де Агреды, приписываются самовнушению, так и когда детали Шабаша были полностью установлены и стали такой же частью народных верований, как и величие, наблюдаемое в мистическом экстазе, легко понять, как определенные темпераменты, стремящиеся избавиться от отвратительных страданий тяжелой бедности, могли приобрести способность вызывать трансы, в которых перемещение к месту встречи, поклонение дьяволу и последующие чувственные наслаждения были связаны с самовнушением. запечатлевается в воображении как реальность. Демонографы дают нам множество отчетов об экспериментах, в ходе которых подозреваемая ведьма была повергнута в транс действием своей магии и, очнувшись, дала подробный отчет о своем посещении Шабаша и о том, что она там делала и видела. Это следует иметь в виду, когда следишь за долгими спорами между теми, кто отстаивал реальность Шабаша, и теми, кто утверждал, что это обычно или всегда было заблуждением.

ШАБАШ

Чтобы оценить позицию испанской инквизиции в этом споре, необходимо понять происхождение мифа. Ночные полеты женщин-колдуний к местам собраний были древней верой, которой придерживались индуисты, евреи и классические народы. Это передавалось из поколения в поколение в средние века, но Церковь рассматривала это как пережиток язычества, подлежащий подавлению. Не позднее IX века было высказывание, в котором осуждалось как ошибка, наведенная дьяволом, популярное поверье о том, что порочные женщины по ночам летают по воздуху под предводительством Дианы и Иродиады, поэтому священникам повсюду было приказано разуверять верующих и учить, что те, кто заявлял, что принимает участие в этих ночных прогулках, были введены в заблуждение снами, навеянными демоном, так что тот, кто верил в их реальность, исповедовал веру дьявола, а не Бога. Это

высказывание было приписано неизвестному ранее собору в Анкире; оно прошло через все собрания канонов — Реджино, Бурхарда и Иво — и, наконец, нашло место в авторитетном Декрете Грациана, где стало известно канонистам как *canon Episcopi*. [462]

Поэтому, когда в пятнадцатом веке была сформулирована совершенная теория Шабаша ведьм, ей пришлось бороться за существование. Ни один богослов не стоял выше святого Антонино, архиепископа Флоренции, однако в своих наставлениях исповедникам он требует, чтобы они выясняли у кающихся, верят ли они, что женщины могут превращаться в кошек, летать по ночам и сосать кровь детей, все это, по его словам, невозможно, и верить в это безумие. И он был не одинок в этом, поскольку аналогичные инструкции даны Анджеоло да Кивассо и Бартоломмео де Чаймисом в их авторитетных руководствах. [463] Новая школа могла соответствовать только определениям сап. Епископы, утверждая, что колдовство было порождением новой секты, более пагубной, чем все прежние изобретения демона. Это вызвало горячую дискуссию между юристами, такими как Понцинибио, с одной стороны, и папскими богословами - с другой, такими как Сильвестр Приериас, магистр Священного Дворца и его преемник Бартоломмео Спина, и авторитет Святого Престола восторжествовал над скептицизмом.

Испания в пятнадцатом веке находилась несколько в стороне от течений европейской мысли, и новое учение о Шабаше нашло там лишь постепенное признание. Альфонсо Тостадо, епископ Авильский, самый ученый испанский богослов того времени, в 1436 году трактовал шабаш как заблуждение, вызванное действием наркотиков, но впоследствии он опроверг эту версию. Епископы и говорит, что истина доказывается бесчисленными делами и применяемыми судебными наказаниями. [464] Даже такой фанатичный и легковверный писатель, как Алонсо де Эспина, рассматривает это как наваждение, вызванное демоном, которому отдалась ведьма, как и кардинал Торквемада в своем Комментарий к Декрету. [465] Мартин де Арль, каноник Пампелуны, говорит о *броксах*, которые процветали главным образом в провинциях Басков, к северу от Пиренеев; веру в них он считает ложным мнением и цитирует сап. Епископы столь же авторитетно доказывает, что это заблуждение. В то же время он признает, что колдуны могут связывать женатых людей, могут ранить мужчин и опустошать их поля и урожаи, что является работой демона, действующего через них. [466] Бернардо Басин из Сарагосы, который учился в Париже, выбрал золотую середину; Совет Анкиры не является авторитетным, в некоторых случаях могут быть иллюзии, насланные демоном, в других Шабаш является реальностью. [467] В 1494 году Инквизиторский репертуар признает существование ведьм, которые были широко известны как *Ксоргуины*; в нем цитируется существенная часть закона. Епископы в ответ на вопрос, могут ли они быть привлечены к ответственности инквизицией, добавил, что такая вера является иллюзией, созданной демоном, но, хотя это безумие, это неверие хуже язычества и может преследоваться как ересь. [468] Сама инквизиция не могла сомневаться в своих силах; если Шабаш был правдой, ведьма была отступницей; если заблуждением, она была еретичкой и в любом случае подпадала под ее юрисдикцию.

СОМНЕНИЕ И ВОПРОШАНИЕ

Эта ссылка на Хоргинас показывает, что ведьмы уже были хорошо известны в Испании, и, исходя из последующих событий, мы можем предположить, что их основное местопребывание находилось в горных районах вдоль Пиренеев, проникнув, возможно, из Франции, и им благоприятствовали невежество населения, его малочисленность и бедность. [469] Однако

самый ранний случай судебного преследования инквизицией, с которым я столкнулся, был в 1498 году, когда Грасия ла Валле была сожжена в Сарагосе. За этим последовало сожжение в 1499 году Марии, жены Гарсиа Биесы, а в январе 1500 года трех женщин: Нанавины, Эстефабиты и Мариеты, жены Аснара Переса. Затем был перерыв до 1512 года, когда было две жертвы, Мартина Джен и Мария де Арбуэс. В Сарагосе не было никого другого до 1522 года, когда пострадала Санча де Арбуэс, и последней в записях значится Каталина де Жоан Диес в 1535 году. [470] Преследование, по-видимому, более активно в Бискайе, поскольку Льоренте цитирует высказывание современницы мисс а о том, что в 1507 году там было сожжено более тридцати ведьм, что побудило Мартина де Арль-и-Андосиллу написать ученый трактат на эту тему, напечатанный в Париже в 1517 году. [471] Похоже, что в 1517 году в Каталонии началось массовое преследование, поскольку барселонским инквизиторам было приказано посетить горные районы, особенно в епархии Уржеля, опубликовать указы против ведьм и преследовать их со всей строгостью. [472] Несомненно, были и другие события, от которых до нас не дошло никаких следов, и были все шансы, что Испания станет очагом эпидемии колдовства, которая, если ее усилить преследованиями, будет соперничать с опустошениями, начавшимися по всей остальной Европе.

Едва ли пришло время для изменения политики, но налицо проявление духа сомнения и исследования, сильно отличающегося от безрассудной свирепости, преобладающей в других местах. Арнальдо Альбертино рассказывает, что в 1521 году в Сарагосе по приказу кардинала Адриана Верховный судья вызвал его на консультацию по двум случаям, когда он объявил Шабаш иллюзией. [473] Возможно, одним из таких случаев могла быть женщина, которая, как мы видели, была сожжена в Сарагосе в 1522 году, но эффект от такого обсуждения виден в том же 1522 году в Эдикте Милосердия, адресованном ведьмам Хаки и Рибаторсы, предоставляющем им шесть месяцев на то, чтобы выступить и признаться в своих преступлениях. [474] Учитывая, что примерно в это же время Лев X и Адриан VI энергично пропагандировали массовое истребление ведьм в Ломбардо-венецианских долинах и возмущались любым вмешательством в деятельность инквизиторов, такие действия со стороны Супремы имеют большое значение.

Оно, очевидно, считало, что этот вопрос требует самого тщательного рассмотрения, и после вспышки повального увлечения ведьмами в Наварре, спровоцированного светскими властями, оно собрало в 1526 году “конгрегацию” в Гранаде, разложило перед ней документы и попросило изучить весь предмет, который был сведен к шести вопросам, доходящим до сути дела: 1. Действительно ли ведьмы совершают преступления, в которых признаются, или они находятся в заблуждении. 2. Должны ли, если эти преступления действительно совершены, виновные быть примирены и заключены в тюрьму или переданы в руки светских властей. 3. Независимо от того, подлежат ли они такому же наказанию, если они обманывают и не совершают этих поступков, или иным образом. 4. Имеет ли отношение инквизиция к этим преступлениям, и если да, то уместно ли это. 5. Следует ли судить обвиняемых на основании их признаний без дополнительных доказательств и приговаривать их к обычному наказанию. 6. Какое будет полезное средство для искоренения вредителя этих ведьм? [475] Простое вынесение на рациональное обсуждение такого ряда вопросов свидетельствует о желании найти справедливый метод лечения, полностью расходящийся с практикой других стран, когда законодатели и судьи были заняты исключительно разработкой схем борьбы с дьяволом его собственным оружием и осуждением, *по закону и неправде*, несчастных, которым посчастливилось навлечь на себя подозрение. [476]

СОМНЕНИЕ И ВОПРОШЕНИЕ

Все десять членов конгрегации были уважаемыми людьми, в том числе лицензиат Вальдес, в котором мы можем узнать будущего генерального инквизитора. По первому вопросу, касающемуся реальности или бреда, голоса разделились шесть к четырем в пользу реальности, Вальдес был одним из меньшинства и объяснил, что он считает доказательства обвинений недостаточными и желает, чтобы инквизиторы были проинструктированы приложить больше усилий для проверки. Второй вопрос имел первостепенное значение. Для обычной ереси исповедь и раскаяние гарантировали освобождение от костра, но в стремлении наказать за колдовство, когда ведьма признавалась, было принято отказываться от нее, формально или неформально, чтобы быть наказанной светскими властями за преступления, которые, как предполагалось, были доказаны против нее — обычно сосание крови детей или смерть взрослых. Повиновение библейскому предписанию не оставлять ведьму в живых было общим. [477] По этому вопросу существовало большое разнообразие мнений, но большинство решило, что, когда виновные были допущены к примирению, они не должны были передаваться светским судьям для наказания за убийства, поскольку такие убийства могли быть иллюзорными, и не было никаких доказательств, кроме их признаний; после того, как они отбыли назначенную им епитимью, если светские судьи не согласятся, они не будут переданы светским судьям для наказания за убийства. решили судить их за убийство, инквизиция не могла вмешаться. Это решение было принято на практике и несколько лет спустя приводилось в обоснование защиты осужденных ведьм от светских судов.

АКТИВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

По третьему вопросу голоса разделились слишком сильно для какого-либо определенного результата. По четвертому вопросу было достигнуто значительное согласие. На пятом заседании пятеро проголосовали за то, что признания было достаточно, но Вальдес ограничил его незначительными наказаниями в виде изгнания, вергуэнцы и бичевания. Что касается последнего вопроса, касающегося исправительных мер, стоит отметить, что только трое предложили усилить активность и суровость инквизиции; почти все высказались за отправку проповедников для наставления и просвещения невежественного населения; двое предложили реформировать обычное духовенство, а один - духовенство, пользующееся светской помощью; несколько человек высказались за строительство церквей или монастырей в местах проведения шабашей; один рекомендовал эдикт, обещающий освобождение от конфискации для тех, кто объявится в течение определенного времени, а двое проголосовали за то, чтобы инквизиция оказывала материальную помощь более бедным подозреваемым, в частности чтобы избавить их от искушения. Вальдес далее представил подробные инструкции для инквизиторов, наиболее важными из которых были те, что заявления ведьм, обвиняющих другие стороны, не должны приниматься в качестве удовлетворительного доказательства, и что при предъявлении инквизиции обвинения следует установить, подвергались ли они уже пыткам светскими судьями. [478] Какими бы прерывистыми ни казались эти обсуждения, они демонстрируют проблески здорового скептицизма и искреннего желания достичь истины, в то время как в других частях христианского мира подобные вопросы считались не подлежащими обсуждению. Однако какое-то время Верховный не был готов позволить этим мнениям влиять на действия. В 1527 году в Наварре произошла вспышка колдовства, о лечении которой инквизитор Авельянеда сообщает в письме, написанном в ответ на запрос Иньиго де Веласко, констебля Кастилии. Он заявил, что колдовство было худшим злом того времени; он написал королю и

дважды Верховному правителю, настаивая на лекарстве, но ни при дворе, ни на месте не нашлось никого, кто понял бы, как его лечить. В течение шести месяцев он трудился в горах, где, с Божьей помощью, обнаружил множество ведьм. Во время рейда в долину Салазара он захватил несколько человек и доставил их в Пампелуну, где с регентом, членами Королевского совета и другими врачами и юристами была обсуждена вся тема; было решено, что ведьм можно переносить по воздуху на Шабаш и что они совершали приписываемые им преступления — главным образом, по-видимому, на основании эксперимента, который он провел с одним из своих заключенных. В пятницу в полночь он позволил ей помазать себя волшебной мазью, которой они пользовались; она открыла окно, нависающее над пропастью, где кошка была бы разорвана на куски, и призвала демона, который пришел и благополучно опустил ее на землю, чтобы в понедельник ее поймали вместе с семьей другими в трех лигах отсюда. Все они были казнены, после чего он продолжил свои исследования и обнаружил три места скопления — одно в долине Салазар с двумястами пятьюдесятью членами, из которых он захватил шестьдесят, другое с восьмьюдесятью членами в другой долине и третье недалеко от Ронсесвальеса с более чем двумястами. Пятьдесят человек были казнены, и он надеялся, что с Божьей милостью отправит на тот свет еще двадцать. Он открыл то, что, если бы ему была оказана надлежащая помощь, послужило бы великому служению Богу и принесло пользу Республике, ибо без Божьей милости зло разрасталось бы и ничья жизнь не была бы в безопасности. Чтобы удовлетворить любопытство констебля, Авельянеда приступил к подробному рассказу о чудесах и порочности Шабаша и зле, творимом ведьмами. Несмотря на все свои усилия, демон подталкивал их к еще большим преступлениям, показывая им призраки казненных, притворяясь, что он воскресил их и будет воскрешать всех, кто может быть приговорен к смерти. Это зло, заключает он, распространено по всему миру. Если констебль желает выяснить, есть ли ведьмы в его округе, ему нужно только понаблюдать, не засохло ли зерно во время цветения, не опали ли желуди в горах, не задушили ли детей, потому что везде, где происходят подобные вещи, есть ведьмы. [479] В целом, Авельянеда представляет собой типичную иллюстрацию того, каким образом колдовство создавалось и распространялось охотниками за ведьмами.

Нет никаких оснований предполагать, что Авельянеду упрекали в чрезмерном рвении, поскольку его политика была продолжена в 1528 году, когда эпидемия ведьм распространилась на Бискайю, а гражданские власти арестовывали и судили правонарушителей. Больше стремясь утвердить юрисдикцию инквизиции, чем принять выводы конгрегации, 22 февраля 1528 года генеральный инквизитор Манрике приказал Санчо де Каррансе де Миранде, инквизитору Калахорры, отправиться туда со всеми полномочиями для расследования, суда и вынесения приговоров, даже к смягчению наказания, ведьмам, которые, как сообщается, отказались от веры, предложили себя дьяволу и совершили много зла, убив младенцев и уничтожив урожай. Он должен потребовать от гражданских властей всех арестованных и документы, касающиеся их дел, поскольку это вопрос, относящийся к инквизиции. Во всех зараженных местах должно быть проведено тщательное расследование, и должны быть опубликованы указы, призывающие в установленный срок и под таким наказанием, какое он сочтет нужным, всех виновных выйти вперед и всех, кто осведомлен о таких преступлениях, осудить их. [480] В этом нет предписания о благоразумии и осторожности, нет требования о передаче дел на утверждение в трибунал Калахорры; Каррансе предоставлены фискалы и нотариус, чтобы он мог быстро вершить правосудие, а Эдикт Милосердия заменен Эдиктом Веры.

Только в 1530 году мы находим свидетельства того, что дискуссия 1526 года привела к изменению взглядов на колдовство и методы его подавления. Хартия акордада, адресованная всем трибуналам, предписывала особую осторожность во всех делах о колдовстве, поскольку это был очень деликатный вопрос, и за этим последовал другой, демонстрирующий здоровый скептицизм и желание подавить народные суеверия, поскольку в нем говорилось, что *ensalmadores*, которые излечивали болезни с помощью чар, утверждали, что все болезни были вызваны ведьмами, поэтому их следовало спросить, что они имели в виду и почему они так сказали. [481]

СДЕРЖАННЫЙ ПЫЛ

Практическую позицию, занятую к этому времени, можно понять из письма Верховного суда Королевскому совету Наварры от 11 декабря 1530 г., когда новая вспышка повального увлечения ведьмами, как обычно, вызвала разногласия между трибуналом и светскими судами, поскольку последние отказались признать исключительную юрисдикцию инквизиции и жаловались на ее задержки и мягкость приговоров по сравнению с быстрыми и беспощадными действиями, которых требовал народный шум. Верховный судья теперь, в ответ на жалобы Королевского совета на трибунал Калахорры, ответил, что это дело о ведьмах не ново; в предыдущем случае было такое же столкновение; некоторые из дел, вызвавших наибольшее количество жалоб, были переданы в суд и по приказу императора были рассмотрены учеными людьми, когда после долгих дебатов было приказано передать заключенных инквизиторам, которые, изучив их, должны были судить тех, кто относится к их юрисдикции, и выдать остальных. Было много сомнений относительно подтверждения предполагаемых преступлений, и Верховный суд выразил сожаление по поводу казней, совершенных светскими судами, поскольку дела были не столь ясны, как предполагалось. Ввиду всего этого инквизиторам было предписано проявлять осторожность и умеренность, поскольку в этих делах так много двусмысленности, что человеческому разуму кажется невозможным докопаться до истины. Когда те же вопросы возникали в других местах, Верховный Суд приказал инквизиторам действовать с величайшей осмотрительностью, поскольку эти вопросы были самыми деликатными и опасными, и некоторые неопытные судьи были введены в заблуждение при рассмотрении их. Поэтому Suprema отвергла компетенцию; он умолял Королевский совет передать все дела трибуналу, который вернул бы те, которые не подпадают под его юрисдикцию, а инквизиторам было бы приказано снять порицания и штрафы — что показывает, что ссора дошла до крайности. [482] В противодействии искам епископальных судов о юрисдикции была проявлена такая же решимость. В 1531 году трибунал Сарагосы жалуется на вторжение епископа Сан-Анджело, который отказался выдать заключенного и пригласил трибунал присоединиться к нему в судебном преследовании ведьм в местах, находящихся под его юрисдикцией. Верховный суд направил ему соответствующее письмо, в котором утверждал исключительную компетенцию инквизиции и требовал от него передать трибуналу всех арестованных им заключенных. [483]

Осторожная и скептическая позиция Верховного была тем более похвальной, что ведущие авторитеты того периода были тверды в своей убежденности в реальности колдовства. Арнальдо Альбертино, сам инквизитор, который в 1521 году считал Шабашиллюзией, пишет о 1535 году, говорит, что с тех пор, по зрелом размышлении, он пришел к противоположному мнению; теперь он принимает все ужасы и преступления, приписываемые ведьмам, и оспаривает это. Epiſcopi. Альфонсо де Кастро, еще один выдающийся писатель того времени,

полностью доверяет самым экстравагантным историям о Шабаше и выбрасывает банку. Епископи, утверждая, что это относится к совершенно другой секте. [484]

Несмотря на все это, Верховный суд продолжал свой курс по сдерживанию жестокого рвення трибуналов. Повальное увлечение распространялось в Каталонии, где требовалось, чтобы трибунал Барселоны представил ему для утверждения все приговоры по этим делам. В 1537 году, 11 июля, суд вернул ряд приговоров со своими решениями по каждому из них и инструкциями на будущее. Трибунал был раздосадован непривычным ограничением, а фискал был возмущен заботой, проявленной к несчастным, лишенным друзей, которые повсюду, кроме Испании, были лишены самых обычных средств защиты от несправедливости, но невозмутимый Супрема сохранял свою умеренную мудрость. В нем говорилось, что необходимо проявлять максимальную осторожность, чтобы проверить все показания и избежать осуждения, когда этого недостаточно. Аресты производились только на основании репутации ведьм, за что инквизиторов упрекали и говорили, что они не должны никого арестовывать ни на таких основаниях, ни на показаниях сообщников, и что те, кто отрицал свою вину, не должны быть осуждены как *negativos*. Когда кто-либо признается в том, что присутствовал при убийстве детей или повреждении урожая, необходимо запросить подтверждение того, что дети умерли в то время, от какой болезни и пострадал ли урожай. После проведения такой проверки могут последовать аресты и, если этого требует характер дела и обвиняемого, могут быть применены пытки. [485] Следует отметить, насколько более тщательной была осторожность в этих случаях, чем в случаях с морисками и иудействующими, и особенно заметно ограничение применения пыток, поскольку это было универсальным средством в колдовстве по всей Европе.

СДЕРЖАННЫЙ ПЫЛ

В Барселоне было трудно соблюдать эти правила. Результатом посещения Франсиско Вака в 1550 году стала длинная серия упреков, в основном касающихся процедуры в делах о ведьмах и в конечном итоге приведших к увольнению инквизитора Сармьенто, хотя его проступки были просто тем, что считалось, везде, кроме Испании, простой обязанностью тех, кто был вовлечен в прямое противоборство с сатаной, представленным его инструментом - ведьмой. Сармьенто сообщают, что он производил аресты без достаточных доказательств и принимал показания, полученные светскими чиновниками, не проверяя их, как того требует практика инквизиции, и, хотя Супрема приказал принять определенные меры предосторожности перед завершением дел, он завершил их, не сделав этого, и подверг стороны примирению и бичеванию, которые не были включены в приговор. Хотя Верховный повелел представить ему все смягчающие приговоры, он расслабил семь человек как ведьм, пренебрегая этим, и когда ему неоднократно приказывали явиться, он никогда этого не делал. Затем фискалу было предъявлено обвинение, потому что он присутствовал при допросе ведьм, сам проводил допрос, задавал наводящие вопросы, говорил им, в чем нужно признаться, и уверял их, что это не похоже на светский суд, где признавшихся казнят. В случае с Хуаной, дочерью Бенедиты де Бургосера, он сказал ей, что она ведьма, что ее мать сделала ее ведьмой и отвезла в Баха-де-Витерна, и подробно рассказал ей об убийствах, совершенных ее матерью. В делах о ведьмах он вызывал аресты, не предъявляя *кламозасов* и не представляя доказательств, но когда он узнавал, что посетитель приближается, он фабриковал и вставлял их в газеты. В этом деле нотариус дель Секрето был его сообщником помимо участия в допросах, издевательств над обвиняемыми и принуждения их к признанию в том, чего они добивались угрозами и внушениями. Тюремный алкаид позволил одному из заключенных, который пытался спасти себя, обвиняя других, войти в камеры и убедить

заклученных признаться, а не отказываться от показаний; алкаид также убеждал женщин признаться, говоря им, что они виновны, и обещая им освобождение, если они сознаются, и, когда он возвращал в камеру мужчину, который отказался от своего признания, он так угрожал бедняге, что тот вернулся и отозвал свое признание. [486] В других странах, кроме Испании, такие методы получения признания были самым обычным явлением в процессах над ведьмами.

Тем временем хронические проблемы с колдовством в Наварре вызвали в 1538 году серию просвещенных инструкций инквизитору Вальдеолитасу, который был послан со специальным поручением. Ему было велено не обращать внимания на народное требование сжечь всех ведьм, но проявлять максимальную осмотрительность, поскольку это был очень деликатный вопрос, в котором легко было обмануть. Он не должен был ничего конфисковывать, но мог наложить штрафы для выплаты заработной платы. Он должен был объяснить наиболее умным людям, что гибель урожая была вызвана погодой или посещением Бога, поскольку это происходило там, где не было ведьм, в то время как обвинения в убийстве требовали самой тщательной проверки. *Маллеус Малефикарум*— этой Библии охотника за ведьмами — нельзя было верить во всем, поскольку автор был подвержен обману, как и все остальные. Требования коррехидоров о выдаче кающихся, которые впоследствии должны были понести наказание за свои преступления, не подлежали удовлетворению в соответствии с решением конгрегации от 1526 года. Затем, год спустя, 27 октября 1539 года, трибунал Калаорры был уведомлен о том, что Королевский совет Наварры согласился выдать тридцать четыре заключенных; один из инквизиторов должен был отправиться в Пампелуну для рассмотрения дел; дела, относящиеся к инквизиции, должны были рассматриваться в строгом соответствии с инструкциями, а остальные должны были быть оставлены гражданским властям. [487]

В инструкциях к Вальдеолитас есть фраза, представляющая особый интерес, предписывающая особую осторожность в отношении снов ведьм, когда они отправляются на Шабаш, поскольку они очень обманчивы. Насколько я заметил, это самое раннее официальное признание точки зрения, высказанной в сап. Епископи утверждает, что ночные полеты были иллюзией. Мы видели, как это отрицали Альбертино и де Кастро. Чируэло признает, что есть два способа, которыми Ксоргина посещает Шабаш: один - лично летая, а другой - помазываясь и впадая в ступор, когда ее духовно передают, но оба являются работой демона, и он не признает различий в наказании. [488] Епископ Симанкас, также инквизитор, не сомневается в телесной транспортировке ведьмы на Шабаш; он признает, что большинство юристов придерживаются теории иллюзии, выраженной в сап. Епископи, но богословы, по его словам, единодушны в поддержании реальности; он утверждает, что может. *Episcopi* не относится к ведьмам, и это оцепенение от иллюзий гораздо труднее понять, чем правду о Шабаше. [489]

СДЕРЖАННЫЙ ПЫЛ

При таком единодушии во мнениях относительно истинности Шабаша, или *Aquelarre*, как его стали называть (от бискайского слова, означающего “поле козла”), неудивительно, что Супрема медленно продвигался вперед в определении его как иллюзии, хотя практически его инструкции предполагали, что нельзя полагаться на многочисленные свидетельства о его существовании, о мерзких ужасах, разыгрываемых там, и о присутствии там других приверженцев сатаны. Здесь можно упомянуть любопытный случай, произошедший в несколько более поздний период, поскольку он показывает заключение, сделанное по этому

вопросу, и проливает свет на самовнушение и гипнотическое состояние, которые лежали в основе Шабаша, хотя его связь заключается всего лишь в потворстве плотским желаниям, которые составляли заметную черту ночных собраний. В 1584 году 28-летняя Анастасия Сориана, жена крестьянина, призналась в суде Мурсии в том, что долгое время поддерживала плотские отношения с демоном. Трибунал мудро расценил это как иллюзию и оставил дело без рассмотрения. Двенадцать лет спустя, в 1596 году, она предстала перед трибуналом Толедо с тем же самообвинением и снова, после должного обдумывания, была освобождена от должности, хотя в любой другой стране ей пришлось бы нелегко. [490]

Тем временем Супрема продолжала благую работу по защите так называемых ведьм от жестокости светских судов и сдерживанию невозддержанного рвения своих собственных трибуналов. В 1551 году это повальное увлечение распространилось на Галисию, где в то время не было инквизиции. Было произведено много арестов, и магистратами велись судебные процессы, когда седужа от 27 августа, очевидно составленная Супремой за подписью принца Филиппа, адресованная всем должностным лицам, сообщила им, что дело о колдовстве было очень деликатным, в котором многие судьи были обмануты, поэтому по совету генерального инквизитора он приказал, чтобы все показания были отправлены в Супрему для принятия решения, в ожидании которого обвиняемые должны содержаться под стражей без дальнейшего рассмотрения их дел или других подобного рода. [491] Затем, в сентябре 1555 года, Верховный суд направил в трибунал Логроньо два меморандума из некоторых городов Гипускоа с выражением сожаления по поводу того, что так много людей были так внезапно арестованы, поскольку, исходя из имеющихся показаний и прежнего опыта, он считал, что для таких действий было мало оснований и что многим могло быть причинено зло. невинные люди. Доказательства должны быть тщательно проверены, и, если они окажутся ложными, заключенные должны быть освобождены, а свидетели наказаны; если есть основания для судебного преследования, судебные процессы могут быть продолжены, но приговоры должны быть представлены для утверждения, и больше никаких арестов не производиться без направления показаний и ожидания приказов. Шесть месяцев спустя, в марте 1556 года, Верховный суд пришел к выводу, что эти дела не были обоснованы; необходимы более тщательные предварительные расследования, поскольку в столь сомнительном деле требовалась большая осторожность, чем в других случаях. [492]

Светские власти были обеспокоены лишением их юрисдикции в отношении преступлений, вменяемых ведьмам; они продолжали настаивать на своих требованиях, и в 1575 году этот вопрос был вынесен на официальное решение. Высокий суд Наварры арестовал несколько женщин и судил их, когда трибунал Логроньо в обычной диктаторской манере с угрозами наказания выдал повестку о выдаче всех заключенных и документов. Это было должным образом зачитано 24 ноября алькальдам во время заседания в суде, на что они ответили, что стороны были арестованы на основании информации о том, что они убивали детей и младенцев, что женщины имели плотские сношения с козами, убивали крупный рогатый скот и повреждали урожаи и виноградники ядами и порошками, и похищали многих детей ночью из их постелей, одновременно одурманивая взрослых порошками, в отношении которых они, как алькальды, были законными судьями. Поэтому они обратились к генеральному инквизитору с жалобой на грозящие наказания и пообещали, что, если заключенные совершили ересь, они будут переданы инквизиторам после того, как понесут наказание в соответствии с законом. В конце концов они пожаловались на проявленное к ним неуважение и попросили предоставить им компетенцию.

УМЕРЕННОСТЬ

Далее алькальды направили королю меморандум, в котором изложили свои претензии на юрисдикцию в отношении преступлений, отличных от ереси, протестуя против предположения, что инквизиторы являются единоличными судьями в том, что их касается, чтобы препятствовать судебному разбирательству в промежуточный период и вмешиваться в смертную казнь, которую алькальды могли бы назначить. Королевский суд также обратился с петицией к королю в том же смысле, добавив, что заключенные говорили на диалекте, непонятном инквизиторам, и что, если дела будут переданы, король лишится конфискаций, которые обещали быть крупными. Все это оказалось напрасным. В письме Верховного суда трибуналу от 1576 года сообщается, что алькальдам было приказано выдать всех заключенных и документы по этим делам. [493] Пока рассматривался этот вопрос, аналогичный спор возник по поводу многочисленных ведьм в Сантандере, поскольку в письме от 10 января 1576 года трибуналу Логроньо было дано указание возбудить против них дело за что-либо, напоминающее ересь, требуя от светских судей тем временем приостановить разбирательство; факты должны быть тщательно проверены, и все должно быть представлено Верховному суду. [494]

Об использовании трибуналами юрисдикции, закрепленной за ними таким образом, в соответствии со столь тщательно внушаемыми предостережениями, можно почерпнуть из дела, рассмотренного трибуналом Толедо в 1591 году, которое дополнительно показывает, что колдовство не ограничивалось полностью горными районами востока и севера. Викарий Алькалы арестовал трех женщин из Касара: Каталину Матео, Хоану Искьерду и Олаллу Собрину. За предыдущие четыре года произошло четыре или пять детских смертей; среди жителей деревни эти три женщины имели репутацию ведьм, и шестнадцать свидетелей подтвердили это. Викарий пытал их и добился от Каталины признания в том, что примерно четыре или пять лет назад Олалла спросила ее, хотела бы она стать ведьмой и вступить в плотскую связь с демоном. Затем Джоана однажды ночью пригласила ее к себе домой, где она нашла Олаллу; демон явился в облике козы, они станцевали вместе, и после некоторых деталей, которые нет необходимости повторять, Олалла помазала суставы своих пальцев на руках и ногах, они разделись и полетели по воздуху к дому, в который вошли через окно; подложив снотворные травы под подушки родителей, они задушили младенца женского пола, обжигая ему спину и ломая руки. Шум разбудил родителей, и они полетели с козой обратно в дом Олаллы. Все это она подтвердила через определенное время и повторила, когда столкнулась лицом к лицу с Олаллой, которого пытали без признания и который отрицал историю Каталины. Что касается Джоаны, то она также перенесла пытку, но рассказала жене тюремщика, что однажды ночью около пятнадцати ведьм, мужчин и женщин, насильно помазали ее и отнесли на поле, где они танцевали, Каталина была одной из предводительниц, а Олалла - последовательницей. Это она повторила викарию, добавив истории о том, что присутствовала при убийстве детей, но не принимала в этом участия, после чего должным образом подтвердила все. На этом этапе викарий передал своих заключенных трибуналу. Каталина на своей первой аудиенции просила пощады для лжесвидетельства, которое она дала против себя и других под пытками. Шестнадцать свидетелей дали показания о смерти детей, и она была приговорена к пыткам, когда перед тем, как ее раздели, ее решимость дрогнула, и она повторила и подтвердила признание, сделанное викарию. Джоана утверждала, что ее признание викарию было сделано из страха перед пытками, и она выдержала пытки, не признавшись, как и Олалла. Результатом стало то, что Каталину приговорили к появлению в автомобиле с эмблемой ведьмы, к отречению от *де леви*, к бичеванию двумястами ударами плетью и к затворничеству по усмотрению

трибунала. Двое других должны были просто появиться в машине и отречься от *де леви* без дальнейшего наказания. Это было не совсем логично, но в любом другом месте, кроме Испании, всех троих пытали бы до тех пор, пока они не удовлетворили бы своих судей, а затем сожгли бы после того, как они изобличили многочисленных сообщников и подняли панику по поводу колдовства. Как бы то ни было, до конца 1610 года в суде Толедо больше не рассматривалось дел о колдовстве. [495]

АВТОМОБИЛЬ ЛОГРОНЬО 1610 ГОДА

В 1597 году трибунал Барселоны был более рациональным. В отчете Верховному суду о посещении, сделанном инквизитором Диего Фернандесом де Эредиа, встречаются записи Аны Ферреры, вдовы и Гидаберты, вдовы, обеих из Вильяфранки, которых многие свидетели обвиняют в том, что они слыли ведьмами и убили множество животных и младенцев в отместку за мелкие неприятности. Кроме того, Франсиско Сикар из Беллини, недалеко от Виллафранки, неоднократно обвинялся как волшебник, использующий заклинания, сообщающий, где можно найти пропавших животных, зачаровывающий их, чтобы волки не могли причинить им вреда, и убивающий скот тех, кто его обидел. Это было ядром целого расследования по делу Виллафранки, но все эти дела помечены на полях отчета как приостановленные, и из них ничего не вышло. [496] Трибунал Логроньо также продемонстрировал свой здравый смысл, в 1602 году, когда молодая женщина 25 лет по имени Франциска Буйтран из Алегрии со многими подробностями обвинила себя перед доном Хуаном Рамиресом в колдовстве, включая посещение аквелааре. Она предстала перед трибуналом, который отклонил все дело как лишённое правды; снова магистраты отправили дело обратно, прося восстановить его и привлечь к ответственности, а когда в этом было отказано, они бичевали ее в Алегрии как самозванку, опорочившую своих соседей. [497]

И все же именно этот трибунал должен был дать повод для волнений, приведших к более ясному, чем было достигнуто до сих пор, пониманию природы повального увлечения ведьмами и исключаящих возможность того, что Испания в будущем будет опозорена судебными убийствами, или, скорее, массовыми убийствами, которые в других местах очерняют анналы семнадцатого века. В Наварре поднялась одна из обычных паник. Светские власти действовали быстро и ревностно; они произвели много арестов, вымогали признания и поспешно казнили своих жертв, очевидно, чтобы опередить инквизицию. Трибунал отчитался перед Верховной Властью, которая приказала одному из инквизиторов посетить зараженный район. Соответственно, Хуан Валье де Альварадо провел несколько месяцев в Сигаррамунди и его окрестностях, где он собрал доказательства, свидетельствующие о том, что более двухсот восьмидесяти человек перешли на сторону демона, не считая множества детей, которые становились ведьмами, но были еще слишком малы для судебного преследования. Лидеры и те, кто совершил наибольшее зло, в количестве сорока человек, были схвачены и предстали перед трибуналом. К 8 июня 1610 года он был готов к проведению консульта де фе, состоящего из трех инквизиторов, Алонсо Бесерры, Хуана Валье де Альварадо и Алонсо де Салазара Фриаса, ординарного епископа и четырех консультантов. В своем голосовании Салазар проанализировал показания и показал их надуманный и неубедительный характер; похоже, у него не было сомнений в реальности колдовства, но он хотел получить более компетентные доказательства, в то время как его коллеги, очевидно, не испытывали опасений. [498]

Это был не единственный шаг назад. В течение семидесяти пяти лет Верховная Власть последовательно подавляла пыл преследований и поддерживала, не утверждая абсолютно, теорию иллюзии, но ее состав постоянно менялся, и сейчас у, похоже, большинство слепо верующих. 3 августа оно представило Филиппу III консультацию, в которой с глубокой скорбью рассказывалось об условиях в горах Наварры и уже предпринятых шагах. С тех пор дальнейшие сообщения показали, что демон был более чем когда-либо занят введением в заблуждение этих бедных невежественных людей, и зло увеличилось настолько, что теперь они собираются в более чем двадцати аквеларах, и зло все еще распространялось; люди были сильно огорчены понесенным ущербом, и родители, видевшие, что их дети введены в заблуждение, были в таком отчаянии, что хотели предать их смерти. Был опубликован Эдикт Благодати, но демон настолько ослепил их, что немногие воспользовались этим, и у них быстро случился рецидив. Распространение инфекции было таково, что для ее строгого подавления абсолютно требовалась могущественная рука короля, а народное невежество было настолько сильным, что следовало отдать приказ архиепископу Бургоса и епископам Калахорры, Пампелуны и Таразоны, чьи епархии были затронуты, а также провинциальным религиозным орденам прислать благочестивых и образованных людей для наставления народа, в то время как инквизиторам, которые не брезговали никаким трудом, не хватало бдительности. [499] Верховный, очевидно, расценил чрезвычайную ситуацию как самую серьезную и призвал к объединению усилий, чтобы противостоять победоносному натиску демона. Оно полностью забыло о разумной осторожности, которую так усердно насаждало с 1530 года, и возникла неминуемая опасность того, что Испанию захлестнет европейский поток истребления ведьм.

Мы не знаем, организовал ли любящий удовольствия король запланированный проповеднический крестовый поход, но он был достаточно впечатлен, чтобы пообещать, что почтит своим присутствием предстоящее аутодафе, которое было назначено на 7 ноября. Что-то отвлекло его внимание, и в последний момент было объявлено, что важные дела не позволят ему присутствовать. Разочарованные инквизиторы 1 ноября написали Верховному Суду, выражая свое сожаление и сообщая, что в авто будет находиться тридцать один человек, не считая большого количества заключенных, над которыми ведутся судебные процессы.

АВТОМОБИЛЬ ЛОГРОНЬО 1610 ГОДА

К настоящему времени было обнаружено двадцать два аквелара, а обвиняемых было так много, что для победы над злом потребовалась бы особая милость небес. К этому прилагалось письмо королю, в которое были вложены два предложения *con méritos*, чтобы просветить его относительно разрушительного действия дьявола среди его подданных. Эта секта ведьм, по их словам, возникла в Пиренеях с незапамятных времен и в последнее время распространилась по всему региону; инквизиторы посвящали свои жизни ее пресечению; они сражались с дьяволом в ближнем бою и надеялись пробудить королевское рвение оказать инквизиции эффективную поддержку. На этих письмах стояли подписи Салазара, а также его коллег. [500]

Были проведены большие приготовления, чтобы придать автомобилю впечатляющий вид. Толпы собирались издалека, и считалось, что в процессиях участвовала тысяча приближенных и официальных лиц. На торжественные мероприятия ушло два дня, а на второй день, чтобы закончить работу между рассветом и заходом солнца, многие приговоры пришлось сократить, поскольку, как обычно, они были *con meritos*, с подробным описанием мерзостей семьи аквеларрес и преступлений виновных. Все гротескные непристойности, которые грязное

воображение обвиняемых могло изобрести, чтобы удовлетворить своих обвинителей, были приведены подробно и, несомненно, произвели на разинувших рты толп желаемый ужас и отвращение. Одним из новшеств в чувственных удовольствиях аквеларре было то, что пир обычно состоял из разлагающихся трупов, которые ведьмы выкапывали и переносили туда - особенно трупы своих сородичей, так что отец иногда ел сына, а сын отца, — и было заявлено, что мужское мясо имеет более приятный вкус, чем женское. Ходили также обычные истории об уничтожении урожая с помощью порошков, о высасывании крови у младенцев, о том, что болезни и смерть вызываются ядами, настолько тонкими, что одно прикосновение, притворная ласка, положили бы конец всему. Когда демон упрекнул их в небрежности в совершении злодеяний, две сестры, Мария Пресона и Мария Хоанто, согласились убить сына и дочь другой, 8 и 9 лет, и они сделали это с помощью порошков. Было естественно, что население, полностью верящее в существование зла, вооруженного этими силами, должно быть безжалостно настроено на его истребление. И все же автомобиль по своему абсолютному результату вряд ли можно было отнести к тем кровавым выставкам, к которым привык испанец. Всего было выявлено пятьдесят три преступницы, из которых только двадцать девять были ведьмами обоего пола. Из них было одиннадцать расслабленных — пятеро, которые умерли в тюрьме, превратившись в чучело своими костями, и пятеро *негативистов*, которых не принудили к признанию вины. Было только одно смягчение в отношении *buen confitente*, Марии Зозайи, чье ужасное признание вышло за рамки дозволенного, поскольку показало, что она является догматизатором. Даже при таком волнении инквизиция придерживалась своего правила не казнить тех, кто сознался и раскаялся; при любой другой юрисдикции восемнадцать примирившихся были бы сожжены, а из них, по-видимому, бичеванию подверглись только пятеро. [501]

Каким бы милосердным это ни было, эффект авто должен был вызвать отвращение у более разумных людей. Когда местные магистраты, как обычно, приступили к аресту подозреваемых, алькальды Королевского двора Наварры в начале 1611 года вмешались, арестовав их по очереди за превышение полномочий и привлекли к ответственности. Это привело в ярость трибунал Логроньо, который 17 мая обратился с энергичным протестом к вице-королю; действия местных властей оказали неоценимую услугу, не только отправив виновных инквизиции, но и приведя ко многим спонтанным самообвинениям; теперь все это прекратилось, и те, кто сознался, начали отрекаться; трибунал полагался на помощь суда в истреблении этой проклятой расы, и теперь он защищает их. Возможно, трибунал также мог сослаться на авторитет Верховного Суда, но, если это так, он, возможно, не нашел сочувствия, поскольку там также произошла смена взглядов и возврат к старой политике. 26 марта было издано распоряжение об издании Эдикта Милосердия, который Салазару было поручено взять с собой во время посещения зараженных районов, и после некоторой задержки 22 мая он приступил с ним к выполнению миссии, призванной открыть ему глаза и навсегда положить конец опасности эпидемий колдовства в Испании. [502]

PEDRO DE VALENCIA

Определенный вклад в это дело, хотя и не такой влиятельный, как считалось ранее, внес Педро де Валенсия, ученик Ариаса Монтано и один из самых образованных людей своего времени. По просьбе генерального инквизитора Сандовала-и-Рохаса он составил подробный “дискурс” о

колдовстве, адресованный Сандовалю и датированный 20 апреля. Здесь, после того, как он предположил о великой скорби и сострадании, с которыми он прочитал репортажи the auto за ноябрь прошлого года, он переходит к обсуждению трех гипотез. Первая - рационалистическая; в ней нет демона, aquelarres - это собрания для потакания чувствам, куда участники ходят пешком, а председательствующий демон - переодетый мужчина. Вторая - иллюзия, вызванная договором с демоном, который дает ведьме мазь, повергающую ее в ступор, во время которого она воображает все, что связано с аквеларрами, откуда следует, что свидетельства ведьмы о тех, кого она там видела, не должны приниматься. Уничтожение скота и урожая является работой демона или может быть осуществлено с помощью ядов. Третье предположение, в которое верят обычные люди, в соответствии с доказательствами и признаниями, является самым поразительным и ужасным из всех, и против этого он приводит свои сильнейшие аргументы со всеми подробностями. Педро не высказывает никакого собственного положительного заключения, но все его рассуждения склонны поддерживать вторую гипотезу — о ступоре и иллюзии, вызванных демонической мазью, и из этого он делает вывод, что ведьмы ни в коем случае не невинны. Они наслаждаются преступлениями, которые, по их мнению, совершают сами, и желают упорствовать в своем отступничестве от Бога и служении дьяволу. Люди иногда становятся еретиками по невежеству и ошибочному рвению, но они ищут дьявола во всей его отвратительности с целью предаваться грязным и неосвященным удовольствиям. Они заслуживают любого наказания, которое может быть им назначено, ибо такие гнилые конечности должны быть отрублены, а раковая опухоль искоренена огнем и кровью. Их заговоры с целью убийства, преступления, которые они совершают, и увечья, нанесенные их соседям до и после этих снов, заслуживают всего этого и большей строгости.

Это фактическое уравнивание преступности в призрачном и реальном колдовстве вряд ли пошло бы на пользу так называемым ведьмам, но была мудрость в осторожности, с которой Педро призывал судей убедиться в реальности предполагаемых преступлений, а не из-за предвзятых взглядов направлять свои допросы так, чтобы заставить невежественных, глупых, сумасшедших или одержимых демонами людей, таких как свидетели и обвиняемые по этим делам, давать показания или признаваться в экстравагантности, потому что они видят, что этого ожидают, и надеются снискать расположение тех, в чьих руках власть над жизнью или смертью. Похожие истории рассказывали о первых христианах, и, принимая во внимание все это, а также полную юридическую несостоятельность свидетелей, вся совокупность доказательств и признаний рассеивается как дым. Среди всех этих обманов благоразумный судья должен искать истинное и вероятное, а не чудовищные вымыслы, ибо, если он пожелает найти последнее, он будет полностью удовлетворен стоящими перед ним несчастными лживыми женщинами — ученицами, по их собственному признанию, отца лжи. [503]

Несоответствия в этом рассуждении наводят на мысль, что, вероятно, у Педро были более сильные убеждения, чем он считал разумным выражать. Возможно, инквизитор Салазар прочитал статью и находился под ее некоторым влиянием, когда в мае начал рассказывать о посещении, которое оказалось поворотным моментом в истории испанского колдовства, но мы видели, что на консультациях от предыдущего 10 июня его внимание уже было привлечено противоречиями и неудовлетворительным характером доказательств, на основании которых трибунал привык действовать, и, когда однажды его разум был направлен на исследование предложенных таким образом проблем, близкое знакомство с фактами, предоставленными посещением, позволило ему прийти к гораздо более определенным выводам чем все, что осмелились сформировать его предшественники.

ALONSO DE SALAZAR FRIAS

Он начал, как мы видели, 22 мая 1611 года с Эдикта Милости; его работа была полностью добросовестной, и он вернулся только 10 января 1612 года, после чего до 24 марта занимался составлением своего отчета для Верховного Суда, к которому прилагались оригиналы документов, насчитывающие более пяти тысяч фолиантов. Следует помнить, что Эдикт Благодати был опубликован в 1610 году с небольшим результатом или вообще без него. В отличие от этого, демонстрируя влияние иного духа в управлении, Салазар принял восемнадцать сотен двух заявителей, из которых тысяча триста восемьдесят четыре были детьми в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет, и, кроме них, было восемьдесят одно лицо, отказавшееся от ранее сделанных признаний. Все заявители на примирение полностью признались в совершенных проступках после любезного предупреждения об обязанности говорить правду и об опасности лжесвидетельства, и им было обещано хранить тайну, чтобы избавить их от страха. Огромную массу собранных таким образом доказательств Салазар тщательно проанализировал и представил по четырем разделам — I, способ, которым ведьмы отправляются в аквеларр, остаются и возвращаются; II, то, что они делают и терпят; III, внешние доказательства этих вещей; IV, доказательства, полученные для наказания виновных. Первые два из них представляют собой любопытную смесь чудес, таких как погружение аквалангистов в море без намокания, и свидетельство трех женщин о том, что после общения с демоном они за несколько часов произвели на свет больших жаб; но нам нет необходимости подробно останавливаться на этих подвигах воображения. Важность доклада заключается в последних двух разделах.

Приводится множество примеров, доказывающих иллюзорный характер случаев, когда кающаяся искренне верила в то, в чем она исповедовалась. Мария де Эчаверрия, 80 лет, одна из рецидивисток, сделала обильные признания, с обильными слезами и искренним горем, стремясь спасти свою душу с помощью инквизиции. По ее словам, без ее согласия ее каждую ночь — даже предыдущую — переносили в аквеларр, она просыпалась во время транспортировки и возвращалась бодрой. Никто не видел, как она уходила и возвращалась, даже ее дочь, ведьма из той же аквеларры, спящая в той же постели. Все хрупкие люди, присутствовавшие на ее исповеди, долго беседовали с ней, и все были единодушны в том, что то, что эта добрая женщина рассказала о своем колдовстве, было сном. Каталина де Састреарена заявила, что, пока она ждала примирения, ее внезапно перенесли в аквеларре, но ее спутники сказали, что разговаривали с ней в то время, когда она утверждала, что отсутствовала. Мать Марии де Тамборин засвидетельствовала, что девушка рассказала ей о походе в аквеларре, поэтому она пристально наблюдала за ней и держала ее за руку, но не знала о ее отсутствии. Физическое обследование в нескольких случаях показало, что девушки были девственницами, которые признались в общении с демонами. Многие мальчики свидетельствовали, что, когда Салазар поехал в Сан-Эстебан, там проходила большая аквеларра, но в ту ночь два его секретаря случайно оказались на указанном месте и ничего не видели. Тридцать шесть человек были допрошены относительно местонахождения девяти аквеларров, но некоторые сказали, что не знают, а другие опровергли то, в чем они признались, так что никого из девяти опознать не удалось. Что же касается отваров, мазей и порошков, которые, как часто описывают, использовались для полетов к аквеларрам и творения зла, то здесь вообще ничего нельзя было узнать. Во время посещения было предъявлено

двадцатьolla, но расследование показало, что все они были мошенническими, поскольку врачи и аптекари использовали материалы на животных, не причиняя ни малейшего вреда. Из всего этого Салазар делает вывод, что то, в чем он признался, было бредом демона, и обвинения против сообщников также были вызваны демоном. От тех, кто не был сообщником, невозможно было получить никаких показаний, и он считает большим чудом, что в деле, которое, как считается, имеет столь широкий размах, не было доступных внешних доказательств. [504]

Столь же разрушительными для доверия, по его словам, были угрозы и насилие, применявшиеся для вымогательства признаний. Один из них заявил, что его сожгли на пылающих углях, и вызывает ужас даже представить, как они были таким образом вынуждены извращать правду. Иногда отец, муж или брат объединялись с магистратом или комиссаром инквизиции. Таким образом, все были вынуждены признаться и свидетельствовать против своих соседей, так что кажется удивительным, что кто-то спасся. Беспочвенность всего этого была еще одним примером того факта, что многие из тех, кто настойчиво просил признать их ведьмами для примирения, не смогли признаться ни в чем, что требовало этого. Было всеобщее убеждение, что никто не находится в безопасности, если не выйдет вперед и не воспользуется эдиктом, так что некоторые выдумывали признания, в то время как другие признавались, что им не в чем признаваться, но все хотели получить сертификаты, поскольку одним из совершенных актов насилия было отказ в причастии всем, кто считался ведьмами или свидетельствовал против них, и когда они обратились к Салазару, их самой большой заботой было получить сертификаты, дающие им право на причастие.

ALONSO DE SALAZAR FRIAS

Что касается восьмидесяти одного человека, который отказался от своих признаний, Салазар уверен, что они сделали это, чтобы облегчить свою совесть. Сначала он отказался принять их отзыв в соответствии с мнениями своих коллег, но впоследствии получил приказ Верховного Суда принять их. Их было бы гораздо больше, если бы все понимали, что они могут сделать это безопасно; это были индивидуальные действия со стороны каждого, поскольку были предприняты все меры, чтобы не стало известно, кто отозвал отзыв, и некоторые из них сказали, что они должны отозвать отзыв, если им придется сгореть за это, поскольку они несправедливо обвинили других. Одним из особенно печальных случаев был случай с Маркитой де Жорри, пожилой женщиной, с которой помирились в Логроньо. Она вернулась домой с тяжелым грузом совести из-за тех, кого несправедливо обвинила, и по примеру дочери обратилась к своему духовнику. Он приказал ей отозвать свое признание перед Фелипе Диасом, комиссаром Маэсту, но тот с оскорблением отверг ее, сказав, что ее придется сжечь за злонамеренный отказ от того, в чем она честно призналась, после чего через несколько дней она утопилась. Следует помнить (Т. II, стр. 582), что аннулирование признания проводилось для доказательства нераскаянности и каралось смягчением наказания.

Салазар добавляет, что ценность доказательств была еще больше снижена приказом демона обвинять невиновных и оправдывать виновных, а также тем фактом, что взятки давались для того, чтобы привлечь врагов к ответственности. В Вере каждый из нескольких мальчиков обвинил около двухсот сообщников, а в Фуэнтеррабии двенадцатилетний мальчик-нищий обвинил сто сорок семь человек. Помимо тех, кто отозвал свои показания, было много тех, кто просил вычеркнуть имена тех, кого они ложно обвинили, так что в общей сложности было

известно о тысяче шестистах семидесяти двух людях, которые давали против них ложные показания, так что, когда было так много признанных лжесвидетельств, другим обвинениям можно было мало верить. Причину широко распространенной и глубокой народной веры в реальность колдовства он приписывает исключительно самовыдвижению Логроньо, Эдикту веры и отправке инквизитора по округу, что вызвало такие опасения, что не было ни одного обморока, ни смерти, ни несчастного случая, которые не были бы приписаны колдовству. Отец Доминго де Веласко из Сан-Себастьяна, после оглашения Эдикта, сказал Салазару, что в течение четырех месяцев не было ни одной естественной бури или града, но все это было делом рук ведьм, однако, когда его спросили, у него не было никаких доказательств, кроме уличных сплетен. Моряки преувеличивали эти слухи, и они были спровоцированы мошенниками, известными как *сантигедорес*, которые заявляли, что знают ведьм, и продавали амулеты и заклинания для противодействия им.

Подводя итоги своего опыта, Салазар заявляет, что “Рассматривая вышесказанное со всем христианским вниманием, на которое я был способен, я не нашел даже указаний, из которых можно было бы сделать вывод, что на самом деле имел место хоть один акт колдовства, будь то посещение аквеларреса, присутствие на них, нанесение увечий, или другие из заявленных фактов. Это озарение значительно укрепило мои прежние подозрения в том, что показаний сообщников без внешних доказательств со стороны других сторон недостаточно даже для оправдания ареста. Более того, мой опыт приводит к убеждению, что из тех, кто воспользовался Эдиктом Благодати, три четверти и более ложно обвинили себя и своих сообщников. Я также полагаю, что они свободно пришли бы в инквизицию, чтобы отозвать свои признания, если бы они думали, что их примут доброжелательно и не понесут наказания, поскольку я боюсь, что мои попытки добиться этого не были должным образом доведены до сведения общественности, и я также боюсь, что в мое отсутствие комиссары, которым по вашему приказу я приказал сделать то же самое, не действуют с должной точностью, но с возрастающим рвением обнаруживают с каждым часом все больше ведьм и аквиларров таким же образом, как и раньше.

“Я также уверен, что в нынешних условиях нет необходимости в новых указах или продлении существующих, а скорее в том, что в болезненном состоянии общественного сознания любая агитация по этому вопросу вредна и увеличивает зло. Я делаю вывод о важности молчания и сдержанности из того опыта, что не было ни ведьм, ни околдованных, пока о них не заговорили и не написали. Это произвело на меня впечатление недавно в Олагу, недалеко от Пампелуны, где те, кто исповедовался, заявили, что это началось там после того, как отец Доминго де Сардо приехал туда проповедовать об этих вещах. Итак, когда я отправился в Вальдерро, недалеко от Ронсевала, чтобы примирить некоторых признавшихся, алькальды, собираясь возвращаться, умоляли меня отправиться в Валле-де-Эскоа, в двух лье от нас, не потому, что там было обнаружено какое-либо колдовство, а только для того, чтобы его почитали наравне с другим. Я только отправил туда Эдикт Благодати и через восемь дней после его опубликования узнал, что уже есть мальчики, которые исповедуются. Получив отчет уполномоченного, которого я назначил, я послал из Аспейтии к настоятелю Сан-Себастьяна Урдакского, чтобы тот отпустил им грехи вместе с секретарем Перальтой. Это успокоило их, но с момента моего возвращения в Логроньо к трибуналу обратились с просьбой устранить последствия распространения нового зла и колдовства, все из которых происходят из вышеперечисленного”.

ГУМАННЫЕ ИНСТРУКЦИИ

Коллеги Салазара не согласились с ним и попытались ответить на его доводы, но Верховный судья был убежден. Суд последовал его совету, заставив замолчать прошлое, в то время как суд Наварры продолжал преследовать в судебном порядке и наказывать местных чиновников, чье чрезмерное усердие причинило столько страданий. Второе посещение было совершено в 1613 году, и мы находим, что Салазар настаивает на третьем посещении оставшейся части зараженного региона и указывает на мир, царивший в районе, который он посетил. Его следующим шагом было составить серию предложений, охватывающих политику инквизиции в отношении колдовства, охватывающих как возмещение ущерба за прошлые, так и будущие действия. Казалось бы, вряд ли он рискнул бы сделать это без приказа, но предполагается, что документ был составлен добровольно ввиду настоятельной необходимости данного вопроса. Как бы то ни было, эти предложения легли в основу тщательно разработанной инструкции, изданной Верховной властью 31 августа 1614 года, которая оставалась постоянной политикой инквизиции. Он принял почти каждое предложение Салазара, часто с его слов, и является непреходящим памятником его спокойному здравому смыслу, который спас его страну от опустошительного безумия ведьм, охватившего тогда остальную Европу.

Эти инструкции состоят из тридцати двух статей и начинаются с заявления о том, что Верховный суд после тщательного рассмотрения всех документов полностью признал совершенную серьезную ошибку в сокрытии истины в вопросе, который так трудно доказать, и направил следующие статьи как для проверки будущих дел, так и для возмещения ущерба за прошлое.

За этим следует ряд постановлений, подробно указывающих на внешние доказательства, которые необходимо искать в каждом случае, как в отношении посещения аквеларров, так и в отношении убийства детей, забоя скота и порчи урожая, и никто не должен был быть арестован без строгого соблюдения этих мер предосторожности. Существует осторожное воздержание от отрицания сил, приписываемых ведьмам, но в целом это скептицизм, и проповедникам было приказано разъяснить людям, что гибель урожая послана за наши грехи или вызвана погодой, и что это прискорбная ошибка - воображать, что такие вещи и болезни, которые обычны во всем мире, вызваны ведьмами. Полномочия уполномоченных были строго ограничены снятием показаний и выяснением того, могут ли они быть проверены внешними доказательствами. Когда свидетели или обвиняемые приходили, чтобы заявить об отзыве, будь то до или после вынесения приговора, их должны были принимать любезно и позволять им оправдаться перед своей совестью, освободившись от столь распространенного страха, что они будут наказаны за отзыв (как мы видели в случае с другими преступлениями), и об этом следовало сообщать комиссарам, которые должны были направлять все полученные заявления об отзыве. Тех, кто спонтанно донес на себя, следовало спросить, упорствовали ли они в дневное время в отречении от Бога и поклонении демону; если они признавали, что делали это, они должны были быть примирены, но, принимая во внимание сомнения и обман, связанные с этим вопросом, это примирение не должно было влечь за собой конфискацию или ответственность за рецидив, последнее оставалось на усмотрение трибунала после консультации с Верховной Властью, и, кроме того, с Верховной Властью следовало консультироваться, прежде чем предпринимать действия против тех, кто признается в рецидиве. Те, кто отрицал упорство в отступничестве, должны были получить отпущение грехов *ad cautelam* и примириться с уполномоченными точно так же, как иностранные еретики, обращающиеся в христианство. Ввиду сомнений и трудностей, связанных с колдовством, никакие действия не могли быть предприняты иначе, как единогласным голосованием всех инквизиторов с последующей консультацией с Верховной Властью. Все незавершенные дела должны были быть

приостановлены без лишения права занимать должности. На основании всех доказательств необходимо было отметить насилие или пытки, использованные при их получении, с тем чтобы можно было оценить их достоверность; когда проводилось голосование, если только оно не касалось приостановления, дело должно было быть передано на рассмотрение Верховного суда. Все дела о тех, кто умер во время отбывания наказания, должны были быть прекращены без потери трудоспособности их потомков. Что касается аутодафе 1610 года, санбенито тех, кто расслабился или примирился, никогда не должны были вывешиваться в церквях, их имущество не подлежало конфискации; подробное изложение этого факта и наложенных штрафов с отчетом о расходах должно было быть представлено Верховной раде, и это должно было быть отмечено в протоколах их дел, чтобы они не несли ответственности в случае рецидива, а их потомки не могли занимать должности, и не должны были быть дисквалифицированы те, кто с тех пор был наказан отречением.

РАСПОЗНАННЫЙ БРЕД

Таким образом, возместив ущерб за прошлое и предупредив о будущем, Супрема стремилась защитить известных ведьм от чрезмерного рвения местных властей и отстоять свою исключительную юрисдикцию. Членов комиссии должны были вызывать одного за другим и разъяснять им скорбь и справедливое негодование Святой Канцелярии по поводу насилия алькальдов и других лиц по отношению к тем, кого считали ведьмами. Они должны были опубликовать это и дать понять, что, поскольку Верховный суд Наварры обязался наказать этих посредников, это будет разрешено сделать, но что в будущем инквизиция примет строгие меры для наказания всех, кто вторгается в ее юрисдикцию, как нарушителей спокойствия и помех Святой Канцелярии. Исповедникам было приказано требовать от всех, кто был виновен в клевете на других, доносить на себя перед трибуналом для очищения своей совести и восстановления чести пострадавших, а священникам было приказано не отказывать в причастии тем, кто слывет ведьмами, в то время как комиссаров предупредили, чтобы они ограничивались их инструкциями и действовали со всей умеренностью. [505]

В этой замечательной статье мы не можем не поаплодировать, особенно моральному мужеству, проявленному при возмещении ущерба автомашине Логроньо, которое, должно быть, получило санкцию Верховного Суда. Вся эпидемия ведьм в Наварре и провинциях Бискайя, очевидно, рассматривалась как бред, но, принимая во внимание позицию Церкви на протяжении последних двух столетий, об этом нельзя было открыто заявлять, и был принят самый мудрый курс на подавление, насколько это возможно, народного фанатизма и защиту его жертв на будущее. Это суеверие было слишком укоренившимся, чтобы его можно было легко искоренить, но усилия по защите его жертв не были оставлены. Существует формула указа, датированного 162 годом (год оставлен незаполненным для заполнения), изданного Салазаром, ныне старшим инквизитором, и его коллегами, в котором говорится, что многолетнее судебное преследование дало им достаточный опыт серьезного зла и сокрытия истины в результате угроз и насилия, которым подвергались те, кто сознался или подозревался в колдовстве, поскольку многие люди под предлогом родства с подозреваемым или с лицами, которые, как утверждается, пострадали, пытаются заставить их публично признаться в том, что касается их самих и других, поэтому всем лицам было приказано публично признаться в колдовстве, воздерживаться от угроз или побуждений, чтобы каждый мог иметь свободный доступ к трибуналу и его уполномоченным под страхом строгого наказания в соответствии с обстоятельствами преступления. [506] Из этого можно сделать вывод, что люди, не доверяя

снисходительности инквизиции, не поощряли обращения к ней и скорее стремились получить удовлетворение во внесудебном порядке.

СТОЙКОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Фактический надзор, взятый на себя Верховной Властью за всеми случаями колдовства, осуществлялся с умеренностью, которая, должно быть, сильно обескураживала верующих. Под влиянием этого импульса трибуналы стали чрезвычайно снисходительными, часто используя предоставленное им право приостанавливать рассмотрение дел. Чрезвычайно важное событие произошло в Вальядолиде в 1622 году. По просьбе своего духовника Касильды де Пабанес, девушки 19 лет из Вильямеля, недалеко от Бургоса, представилась и призналась, что на Рождество 1615 года (когда ей было 12 или 13 лет) она лежала в постели с лихорадкой, а ее родители ушли на мессу, оставив дом закрытым. Внезапно соседка, вдова по имени Марина Вела, появилась у ее постели и, угрожая убить ее, заставила встать, одеться и сопроводить ее в уединенный дом в окрестностях, где они нашли высокого обнаженного мужчину, смуглого и с рогами, как у быка, который приветствовал их и заставил раздеться до сорочки, обменявшись непристойными поцелуями. Затем они оделись и вернулись; хотя двери дома были закрыты, они вошли, и она снова оказалась в постели до того, как вернулись ее родители. Затем следовали подробные описания других подобных приключений, в которых главенствующий демон обычно носил облик козла. Он заставил ее отречься от Бога и написал ее кровью свое имя на бумаге; ей дали демона-инкуба, которого она могла вызвать, сломав палку; вместе с Мариной она проникала в дома по ночам, убивая детей порошками или посасывая их пальцы. Здесь нет никаких намеков на аквеларре, но все остальные особенности колдовства детально описаны. По совету Марины она притворилась одержимой и была доставлена в Сан-Торибио-де-Либара, где ее изгнал брат Гонсало де Сан Миллан, которому она призналась. Инквизиторы внимательно осмотрели и подвергли перекрестному допросу ее, не меняя ее рассказа; они безуспешно искали доказательства иллюзии или вымысла, но в ходе расследования было установлено, что она действительно заболела лихорадкой на Рождество 1615 года, и что впоследствии она, казалось, дрожала и была как одержимая. У фрейлов были получены подтверждающие показания, и, очевидно, в соответствии с инструкциями были исчерпаны все средства проверки ее признания. В любой другой стране эта жертва истерического самовнушения была бы если не сожжена, то, по крайней мере, выставлена напоказ, что вызвало бы всеобщее увлечение, но трибунал, после прохождения предварительных стадий рассмотрения дела, проголосовал за приостановление его рассмотрения без вынесения приговора и за примирение и отпущение грехов в зале для аудиенций без конфискации. [507] Та же политика применялась в отношении нескольких других дел, переданных на рассмотрение трибунала. Марии де Мельгар из Осорно, умершей во время судебного разбирательства, было предоставлено христианское погребение в 1637 году; в 1640 году суд приостановил рассмотрение дела Марии Санс из Тригероса, против которой были показания о колдовстве, а в 1641 году суд вынес выговор Марии Альфонсе де ла Торре, обвиняемой в убийстве скота, хотя свидетель поклялся, что видел ее в полночь верхом на палке по ржаному полю с шумом, как будто ее сопровождало множество демонов. [508]

Когда мы сравниваем эти случаи с наказаниями, применявшимися в то время к вульгарным колдуньям и бедным старым курандерам за скрытый сговор, становится очевидным, что инквизиция пришла к выводу, что колдовство было фактически иллюзией или что изобличающие показания были лжесвидетельствованы. Это не могло быть открыто

опубликовано; вера была слишком давней и слишком твердо отстаивалась Церковью, чтобы быть объявленной ложной; колдовство по-прежнему считалось преступлением, подлежащим наказанию, когда оно было доказано, но, согласно правилам, доказательство становилось невозможным, и признания считались иллюзиями.

Консерваторам было трудно отказаться от своих заветных убеждений и консервной банки. Епископи оставался яблоком раздора. У Торребланки нет ни малейшего намека на сомнения; для него аквеларре и все его непристойные ужасы - реальность; ведьма должна быть сожжена не за иллюзии, а за деяния, как это предписано Церковью во многих конституциях. [509] Его книга была должным образом лицензирована Советом Кастилии в 1613 году, но какой-то цензор выступил с ученой критикой в ее адрес, обратив особое внимание на этот момент, сославшись на сап. Епископи и опыт инквизиции, а также утверждение, что подвиги, приписываемые ведьмам, превосходят силы демона. Это было настолько эффективно, что лицензия была отозвана. Затем Торребланка выступил с многословной и дискурсивной “Защитой”, в которой он утверждал, что консервная банка. Епископи был апокрифом; он показал, что Церковь всегда наказывала таких злоумышленников смертью, так что либо его критик, либо Церковь должны ошибаться, а Церковь не может, ибо она озарена Богом. [510] Это было успешно, его лицензия была восстановлена в 1615 году, а его работа увидела свет в 1618 году. Жофреу в своих заметках о “Репровасьоне” Чируэло защищает банку. Epiſcopi, но находит в нем три вида ведьм — тех, кто отрекается от Бога и ищет помощи дьявола, тех, кто суеверен и знает, что их иллюзии — дело рук злого духа, и тех, кто ими обманут, - и современные ведьмы такие же, отсюда он приводит доводы в пользу осторожности и политики милосердия. [511] Альбергини, около 1640 года, признает, что аквеларре - это фантазм, но он тем не менее считает ведьм отступниками от Бога и дьяволопоклонниками, и, похоже, он считает, что все еще остается открытым вопрос, следует ли смягчать наказание тем, кто убивает с помощью колдовства, даже если они действительно раскаиваются и обращаются. [512] Примерно в то же время все, что признает старый инквизитор, это то, что, даже если в аквиларре царит иллюзия, ведьма одобряет все, что там делается, когда бодрствует, с удовольствием размышляя об этом и помазывая себя для этой цели, но он признает, что обманы дьявола требуют более веских доказательств, чем в других преступлениях, и что, как он представляет в призраки невиновных людей, показания сообщников должны быть подкреплены другими доказательствами. [513] Почти такую же позицию занял в 1650 году падре Диего Тельо, S. J., в качестве калификадора в деле невезучего маньяка, которого судил трибунал Гранады, которого он пытался доказать виновным, показав, что ведьмы, которые летают с Дианой и Иродиадой, как в банке. Епископи обладали свободной волей, что делало их виновными в их общении с демоном. [514] Даже ближе к концу семнадцатого века один систематический автор считает несомненным, что ведьмы отрекаются от веры, поклоняются демону и заключают с ним договор, и, если это может быть доказано признанием или свидетелями, они должны быть наказаны как еретички обычными мерами наказания. [515]

ВИРТУАЛЬНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Однако инквизиция невозмутимо следовала своим путем. Он не отрицал существование колдовства и не изменял наказания за преступление, но, как мы видели, практически делал невозможным доказывание, тем самым препятствуя предъявлению официальных обвинений, в то время как его запрет на предварительное разбирательство со стороны его уполномоченных и местных должностных лиц, светских и церковных, был эффективным в предотвращении

вспышки эпидемий колдовства. Насколько показывают имеющиеся у меня записи, случаев стало очень мало после событий в Логроньо в 1610 году. Время от времени случаются рассеивающие случаи, подобные тем, на которые ссылались выше, но в записях Вальядолида, из которых они взяты, охватывающих все шестьсот шестьдесят семь случаев между 1622 и 1662 годами, говорится всего о пяти случаях колдовства, из которых последний относится к 1641 году. [516] В Толедо с 1648 по 1794 год нет ни одного дела, ни одного среди девятист шестидесяти двух дел в шестидесяти четырех судебных процессах, рассмотренных всеми трибуналами Испании в период с 1721 по 1727 год. [517] Дело было не в том, что народное верование было искоренено, поскольку оно неискоренимо и все еще существует среди всех народов, но его смертоносные последствия были предотвращены. Некоторые фрагментарные документы показывают, что с 1728 по 1735 год в Валенсии и Кастельон-де-ла-Плане велось довольно активное расследование случаев смешанного колдовства. Были свидетельства использования мазей, с помощью которых люди могли перемещаться по воздуху и проходить сквозь стены, а также о том, что люди были заколдованы и заболели, показывая, что суеверие по-прежнему прочно держалось в низших классах. [518] В 1765 году в Каллоса-де-Энсаррия (Аликанте), когда исчезло несколько маленьких детей, это было приписано Анджеле Пьере, которая имела репутацию ведьмы, способной летать в Тортосу и обратно, и которая, как предполагалось, убила их за свои заклинания. [519] Эти разрозненные дела со временем становятся все реже. В отчете обо всех действиях испанских трибуналов с 1780 по 1820 год их всего четыре. В 1781 году трибунал Сарагосы обвинил Изабель Каскар из Мальпики в том, что она была ведьмой. В 1791 году в Барселоне Мария Видаль-и-Декардо из Тамарита, 45-летняя вдова, обвинила себя в явном сговоре с демоном, в плотских сношениях с ним, в том, что она четыре раза в неделю посещала аквеларрес, где поклонялась ему как Богу, и в том, что растоптала освященное воинство и бросила его на навозную кучу — случай, который невольно напоминает случай с Касильдой де Пабанес в 1622 году как иллюстрацию гипнотических иллюзий, которые так сильно помогли распространению веры. Последними являются два дела, произошедших в 1815 году, подробностей о которых не хватает, за исключением того, что они не были доведены до суда. [520]

Таким образом, вера, столь настойчиво утверждаемая Церковью, продолжала существовать среди богословов. Даже такой ученый, как брат маэстро Альварадо, в 1813 году, защищая инквизицию от кордебалетов Кадиса, сказал депутатам, что Сервантес был большим авторитетом в пользу веры, чем они были против нее, и привел в пример недавний случай в Льерене, когда демоны носили по воздуху двух женщин в церкви на глазах у всего народа. [521] Тем не менее, пока вера была академической и не приводила к костру, она была сравнительно безвредной, и инквизиция заслуживает полной похвалы за то, что лишила ее силы творить зло.

РИМСКАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

В этом есть замечательное совпадение между Священными Канцеляриями Испании и Рима, хотя последняя несколько запоздала с благой работой. После организации Конгрегации Павлом III в 1542 году прошел значительный промежуток времени, прежде чем она утвердила исключительную юрисдикцию в отношении колдовства. Это правда, что в 1582 году в папском городе Авиньон светская власть передала восемнадцать ведьм в одном предложении, [522] но в следующем, 1583 году, когда жители долины Мезольчина оказались разоренными

многочисленными среди них ведьмами, они обратились за помощью не к инквизиции, а к своему архиепископу Сан-Карло Борромео. После предварительного расследования он прибыл с группой ученых богословов и так воздействовал на совесть преступников, что добился почти полного раскаяния — говорят, что более ста пятидесяти человек признались и отреклись от престола одновременно. Было, однако, двенадцать упрямцев, включая ректора Ровередо; он был отстранен от Должности, и все они были должным образом сожжены — они, конечно, были негативистами, которые отказались признать свою вину. [523] Инквизиция, по сути, была готова разделить свою юрисдикцию с епископами, но не со светскими судами, с которыми в 1588 и 1589 годах мы находим ее в противоречии. Суд утверждал, что, поскольку колдовство влечет за собой отступничество, его компетенция является церковной и находится либо у епископа, либо у инквизиции, и, кроме того, когда гражданский суд начал судебное преследование, инквизитор имеет право проверить разбирательство и решить, принадлежит ли ему дело. Различные решения и инструкции с этого времени по 1603 год указывают направление действий. Юрисдикция является исключительно духовной, в отношении ереси и отступничества, и не учитывает предполагаемые убийства или другие преступления; следовательно, наказанием является всего лишь епитимья, обычно бичевание, и инквизиторам приказано не изгонять ведьм в места, где их не знали, а поселять их там, где за ними можно было бы наблюдать. То, что эта снисходительность не удовлетворила народ, было продемонстрировано в Губбио в 1633 году, когда население напало на женщину, подвергшуюся бичеванию, и забило ее камнями до смерти. Да и сама инквизиция не всегда была последовательной, поскольку в 1641 году миланский трибунал передал Анну Марию Памолеа светскому суду за колдовство и убийство. [524]

Когда предъявлялись обвинения в убийствах, правило гласило, что, если светский суд начинал судебное преследование, виновный возвращался к нему для надлежащего наказания после того, как духовное преступление было наказано, но, если инквизиция действовала первой, она не должна была передавать своего кающегося в руки светских властей, за исключением случаев рецидива. Практическое применение этого можно увидеть на примере дела в Падуе в 1629 году, когда три ведьмы, заключенные в общественную тюрьму, были переданы трибуналу, который заставил их официально отречься от престола, а затем вернул их, когда магистраты сожгли их. То, что существовал значительный скептицизм относительно истинности Шабаша, можно предположить из правила, согласно которому свидетельства ведьм о людях, замеченных на этих собраниях, не должны приниматься во вред таким людям, поскольку все это считается иллюзией. [525]

Этот скептицизм усилился, и появилось желание приучить людей к неверию, как явствует из весьма похвального акта 1631 года. Инквизитор Новары сообщил, что его викарий в “Валлис Вигелли” возбудил дело о колдовстве против женщины, когда она повесилась в тюрьме, и он попросил указаний, продолжать ли судебное преследование против трупа или она была задушена демоном или другими ведьмами; также, должен ли он возбудить дело против девушки и ее сообщников, которые во внесудебном порядке признались, что были на Шабаше. В ответ Конгрегация приказала ему направить судебное разбирательство по делу о самоубийстве, а также о снятии показаний с девушки; тем временем он должен был отстранить викария и заменить его надлежащим лицом, а сам с помощью приходских священников постараться разъяснить людям ложность колдовства. Тот же дух проявился в 1641 году, когда был дан утвердительный ответ инквизитору Мантуи, который спросил, должен ли он преследовать в судебном порядке тех, кто избивал и оскорблял ведьм под предлогом того, что они ведьмы. [526]

Конгрегация, однако, не включила в Указатель *Compendium Maleficarum* отца Франческо Марии Гуаччо (2-е издание ^d, Милан, 1626), в котором излагались все верования, касающиеся ведьм, и который был украшен вырезанными из дерева изображениями, изображающими их верхом на демонах по воздуху и поклоняющимися сатане на Шабаше.

РИМСКАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

Что делает снисходительность Конгрегации особенно замечательной, так это то, что она противоречила указу Григория XV от 1623 года, ужесточавшему наказания для тех, кто вступал в сговор с демоном; если они причиняли смерть с помощью колдовства, они должны были быть переданы в руки светских властей даже за первое преступление, в то время как за причинение импотенции, немощи или повреждения урожая или скота они должны были быть заключены в тюрьму пожизненно. [527] Не рискуя, конечно, формально смягчать суровость этих наказаний, Конгрегация могла, по крайней мере, избежать их практически, создавая трудности на пути осуждения, что она и сделала в 1657 году в серии инструкций инквизиторам. Предполагалась полная вера в реальность колдовства, но было приведено отвратительное перечисление злоупотреблений, из-за которых было осуждено так много невинных женщин. Предписанный порядок действий был основан в основном на испанских инструкциях 1614 года, и особое внимание уделялось умеренности в применении пыток, которые никогда не должны были применяться до тех пор, пока все документы по делу не будут представлены Конгрегации и не будет получено ее согласие, в то время как общая известность не должна была рассматриваться как признак, оправдывающий арест. Судебный запрет 1593 года, запрещавший принимать показания о тех, кого видели на Шабаше, был продлен по той причине, что эти собрания были в основном иллюзией, и правосудие не требовало судебного преследования тех, кого узнали благодаря иллюзии. [528]

Хотя, таким образом, никаких уступок в принципе не было, на практике преследование колдовства стало гораздо менее смертоносным. В руководстве, датированном примерно 1700 годом, говорится, что в этих делах инквизиция привыкла действовать медленно и с величайшей осмотрительностью, поскольку показания, как правило, косвенные, *асостав преступления* наиболее трудно доказать. Если доказательства убедительны, применяются пытки как для подтверждения факта, так и намерения; если признается вероотступничество, требуется формальное отречение; если это или злая вера отрицаются, отречение осуществляется *de vehementi*; соучастники преследуются по закону, но не те, кто назван поименно, как показано в Шабаше, из-за иллюзий демона. Расслабление - это наказание за еретическое колдовство, приводящее к смерти, но доказать это очень сложно. [529]

Таким образом, постепенно худшие черты преследования ведьм в Италии исчезли, в то время как вера в реальность колдовства осталась нетронутой. Еще в 1743 году Бенедикт XIV проявил полное согласие с этим, обсуждая хороший вопрос, совершает ли ведьма, напуганная угрозами и побоями, новый грех, перенося на быка смертельные чары, которые она наложила на сына человека, который ее бил. Он приходит к выводу, что она виновна в новом грехе, в то время как отцу это простительно, поскольку он, по-видимому, не знает, что ей приходится прибегать к помощи демона, чтобы осуществить перенос, и его единственная цель - спасти своего сына. Более того, Бенедикт в своей великой работе о канонизации не только признает общепринятое мнение относительно инкубов и суккубов, но и не отрицает, что каким-то образом такие союзы могут привести к появлению потомства. [530] Фактически, высший авторитет современной

католической церкви, святой Альфонсо Лигуори, без осуждения повторяет распространенное мнение врачей о том, что ведьмы переносятся по воздуху и что теория иллюзии очень пагубна для Церкви, поскольку освобождает их от предписанного для них наказания. [531]

СТОЙКАЯ ВЕРА

Таким образом, две страны христианского мира, в которых инквизиция была тщательно организована, избежали худших ужасов повального увлечения ведьмами. Заслуги, оказанные, особенно Святой Канцелярией Испании, в пресечении развития постоянно возникающих эпидемий, можно оценить, только рассмотрев разрушения в других странах, где протестанты, у которых не было оправдания в подчинении папской власти, были столь же безжалостны, как католики, в этой смертоносной работе. Если бы позволяло место, было бы интересно проследить развитие и упадок безумия по всей Европе, но этого должно быть достаточно, чтобы сослаться на Николаса Реми, судью-колдуна в Лотарингии, который хвастается, что его работа по этому вопросу основана примерно на девятистах случаях, расстрелянных за пятнадцать лет, [532] и на оценку того, что общее число колдунов в Германии в семнадцатом веке составляло сто тысяч. [533] В них сожжение заживо часто считалось недостаточным наказанием, и жертв разрывали раскаленными клещами или поджаривали на медленном огне. Франция была меньшей жертвой этого наваждения, чем Германия, но в 1609 году Генрих IV направил комиссию по очистке мест, оплачивающих труд, от ведьм, которая за спешную работу, длившуюся четыре месяца, сожгла почти сотню человек, в том числе нескольких священников, и была вынуждена оставить свою задачу незавершенной, поскольку страна была полна ведьм; две тысячи детей доставлялись в аквелларес почти каждую ночь, и собрания состояли из ста тысяч человек, хотя некоторые из них были призраками. [534] Для Великобритании общая оценка жертв составляет тридцать тысяч, из которых примерно четверть, возможно, приходится на Шотландию. [535] Когда в 1775 году сэр Уильям Блэкстоун смог сознательно написать: “Отрицать возможность, более того, фактическое существование колдовства и волшебства - значит одновременно категорически противоречить богооткровенному слову Божьему и это само по себе является истиной, о которой каждая нация в мире, в свою очередь, засвидетельствовала”, [536] мы не можем строго судить инквизицию за то, что до последнего поддерживал ее существование в теории, отказываясь при этом сводить эту теорию к практике.

Примечание.— Поскольку эта глава была напечатана, неутомимый дон Мануэль Серрано-и-Санс напечатал в *Revista de Archivos* (ноябрь-декабрь 1906 г.) вторую речь Педро де Валенсии об Авто де фе в Логроньо. В этом он заявляет, что в предыдущем случае у него была возможность лишь бегло ознакомиться с работой авто и были приняты во внимание исключительные случаи, которые Бог, возможно, допускал в древности. Теперь, когда он тщательно изучил признания преступников, он переходит к подробному описанию чудовищ, о которых они рассказывают, и завершает кратким изложением обвинительных приговоров, вытекающих из них. Дело в том, что в аквелларе нет ничего сверхъестественного, такого как полет по воздуху и президентство демона в облике козла. Это всего лишь ночное пешее сборище мужчин и женщин для удовлетворения беспорядочных appetites, разжигаемых, возможно, по наущению дьявола, и что их признания являются вымыслом, придуманным для прикрытия их порочности. Из этого он делает вывод, что их следует рассматривать не как признающихся, а как отрицающих, что, согласно кодексу инквизиции, обрекло бы их на

огненную смерть *занегативное нераскрытие*. Более того, он старается не дискредитировать отравления и действия, вызывающие сон и сновидения. К сожалению, документ не датирован; возможно, его видел Салазар Фриас, но если так, то это не оказало на него никакого влияния, как явствует из другого вывода, сделанного в его отчете.

Сеньор Серрано-и-Санс утверждает, что в 1900 году он напечатал первую речь Педро де Валенсии в *"Ревиста де Эстремадура"*.

ГЛАВА X.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

РАЗВИТИЕ АБСОЛЮТИЗМА

Жозеф де Местр, в своем глубоком незнании инквизиции, выдвинул теорию о том, что это был всего лишь политический орган. [537] Апологеты, такие как Хефеле, Гамс, Хергенротер и другие, с энтузиазмом развили эту идею, чтобы освободить Церковь от ответственности за ее проступки, совершенно упуская из виду более глубокий позор, связанный с предположением, что в течение трех столетий Святой Престол соглашался на такое злоупотребление делегированными папскими полномочиями и стимулировал его ассигнованиями церковных учреждений. доходы. [538] Они основывают свои аргументы на разнице между Старой и Новой инквизицией — первая состояла из инквизиторов, выбранных доминиканцами или францисканцами из провинций, а вторая была организована со своим генеральным инквизитором и верховным советом, назначаемым сувереном или с его согласия, так что фактически весь ее корпус состоял из государственных чиновников [539] — забывая, что их полномочия состояли из апостольских полномочий, делегированных папами и осуществлялись без ограничений через их признание государством. Ранке впадает в ту же ошибку, что и Моренбрехер и некоторые другие протестантские историки, очевидно, в чрезмерном стремлении к беспристрастности и без исследования фактов. [540] В условиях католической реакции со времен Хефеле самые передовые авторы этой веры больше не стремятся извиняться за инквизицию и выдвигать королевское превосходство, чтобы освободить ее от ответственности. Они справедливо представляют его как церковный трибунал, который выполнял обязанность по сохранению религиозной чистоты, для которой он был создан. [541]

Синхронность развития инквизиции и абсолютизма в Испании делает соблазнительной теорию о том, что одно было продуктом другого, но это совершенно ошибочно. Нигде в процессе трансформации государства инквизиция не фигурирует как фактор. Изабелла, как мы видели, заложила основы монархизма, когда усмирила анархию, охватившую Кастилию, энергичным утверждением и расширением королевской юрисдикции. Фердинандустранил некоторые из наиболее вызывающих беспокойство элементов феодальной власти, когда передал короне руководство великими военными орденами. Непривычная сдержанность дворян проявилась, когда в 1506 году они стеклись к Филиппу и Хуане, и если бы инквизиция была политической силой, Фердинанд использовал бы ее, поскольку ему был предан генеральный инквизитор Деза, вместо которого он приостановил ее действие. После смерти Филиппа I, во время отставки Хуаны и отсутствия Фердинанда, дворяне попытались заявить о себе, но, когда он вернулся, суровое наказание маркиза Приего, великого герцога Медина-Сидония, дона Педро Хирона и

других стало серьезным ударом по феодализму, удвоившимся после смерти Фердинанда, когда Хименес в качестве губернатора собрал постоянную армию и подавил восстание жирионов и их союзников, наказав их разрушением города Вильядефрадес. То, что осталось от феодализма, исчезло при неуклонной политике Карла V и Филиппа II, державших знатных людей в стороне от высших государственных должностей и нанимавших их на военную службу за границей или в качестве вице-королевских чиновников, пока они не стали простыми придворными, растрачивающими свое состояние на то, чтобы приумножить величие трона. Во всем этом нет и следа инквизиции, как нет его и в возвышении и подавлении Коммунидадов, которые уничтожили привилегии коммун и оставили корону верховной. Коммунисты не имели претензий к инквизиции и не принимали никакого участия в их поражении и наказании, хотя Карл V обратился к Льву X за специальными записками, уполномочивающими его действовать, и одно из них было удовлетворено, поручив кардиналу Адриану судить и наказывать священнослужителей, причастных к движению. [542] Даже когда Акунья, епископ Саморы, был привлечен к ответственности, как мы видели, инквизиции не было предъявлено обвинение в этой работе, как ошибочно утверждает Ранке. Восстание возникло из-за принудительных мер, примененных Карлом к кортам 1518 и 1520 годов, которыми он довел до бессилия единственный представительный и совещательный орган нации. Таким образом, последнее препятствие на пути к автократии было сметено, и отныне королевская власть была верховной. Этот процесс был нормальным развитием событий, подобным тому, которое сопровождало падение феодализма по всей Европе, и от начала до конца он осуществлялся сам по себе без помощи или противодействия со стороны инквизиции.

Много говорилось о высказывании, приписываемом Филиппу II, что он поддерживал мир в своих владениях с четырьмя старыми священнослужителями, и Suprema любила ссылаться на это, когда заявляла о своих услугах, но это ничего не значило, за исключением того, что инквизиция поддерживала религиозное единство, которое в ту эпоху и ввиду беспорядков во Франции, Нидерландах и Германии, естественно, рассматривалось как единственная гарантия внутреннего спокойствия — фактически, Suprema, цитируя это замечание в 1704 году, прямо говорит, что Филипп произнес его в отношении церкви. мятеж гугенотов. [543] То, что сам Филипп недостаточно рассматривал инквизицию как политический инструмент, видно из его частных и конфиденциальных инструкций от 7 мая 1595 года Херонимо Манрике де Лара при назначении его генеральным инквизитором; он беспокоится исключительно о вере, и нет ни малейшего намека на то, что от него можно ожидать политической службы. [544]

НЕРЕГУЛЯРНЫЕ ФУНКЦИИ

Однако средний государственный деятель не испытывает особых угрызений совести при использовании любого подручного средства для достижения своих целей, и в этом испанские монархи не были исключением. Когда им было удобно использовать инквизицию, они так и делали, но, ввиду их контроля над ней, до прихода династии Бурбонов они пользовались ею исключительно редко. В Старой инквизиции, с которой такие авторы, как Хефеле, пытаются провести контраст в этом вопросе, Филипп Красивый использовал ее для уничтожения тамплиеров, регент Бедфорд сжег Жанну д'Арк, а Александр VI избавился от Савонаролы — три случая, которым нет параллелей в анналах Святой канцелярии Испании. Ближайший подход к

ним можно найти в судебных процессах над Каррансой, Антонио Пересом и Вильянуэвой. В первом и последнем из них, как мы видели, генеральные инквизиторы предприняли действия в своих собственных целях, и монархи были привлечены к их поддержке. Случай Антонио Переса будет обсуждаться в настоящее время, и в дальнейшем упоминании о нем здесь нет необходимости.

Тем не менее, трибунал, чьи неопределенные полномочия и секретность действий так идеально подходили для использования в качестве политического агента, вряд ли мог существовать столетиями без того, чтобы к нему время от времени не обращались, и единственным законным источником удивления является то, что он применялся так редко и что цели его вмешательства обычно были такими тривиальными. Фердинанд иногда находил это удобным для решения вопросов, выходящих за рамки его обычных функций, как, например, когда Марко Пеллегрин обратился к нему в споре с властями своего города, и Фердинанд 31 августа 1501 года написал местному инквизитору, поручая ему изучить вопрос и свершить правосудие, для чего он наделил его всей полнотой королевской власти. Поэтому, когда в 1500 году из Валенсии до него дошли жалобы на несправедливость в начислении платы за обслуживание, он приказал представить документы инквизитору, который должен был отчитываться перед ним, а в 1501 году потребовал отчета у инквизитора Лериды о необходимости определенного ремонта замка. [545] Когда в 1498 году он пытался провести в Арагоне реформу монастыря францисканцев, которую Хименес предпринял в Кастилии, и они получили папские предписания, ограничивающие его, он обратился к папе с просьбой отозвать письма, а тем временем получил от нунция другие, которые тот передал трибуналу Сарагосы с инструкциями действовать незамедлительно. Инквизиторы провели реформу к большому его удовлетворению, и, когда хилые получили защиту от государственных властей, он поручил инквизиторам представлять, что они действуют под апостольской властью, что не было нарушения свобод королевства, что они получали жалованье от короля не только для инквизиции, но и для любых обязанностей, которые он мог бы возложить на них; следовательно, они были государственными служащими, и, если власти Сарагосы попытаются устроить скандал, они будут должным образом наказаны. Это различие между инквизиторскими и неинквизиторскими функциями, однако, не мешало ему, когда того требовали обстоятельства, проводить внешние операции с помощью инквизиторских полномочий. В 1502 году, преследуя таким же образом францисканскую реформу на Сардинии и епископа Оканьи, на основании тайного папского письма, освобожденного из замка Фазар францисканского викария, Фердинанд с большим возмущением написал ему и губернатору Кабо-де-Лугадор; это была большая дерзость - вмешиваться в дело, касающееся инквизиции, не посоветовавшись с ним или генеральным инквизитором; заключенный должен быть немедленно схвачен и содержаться под стражей до тех пор, пока инквизитор и *реформатор приходит апостолико*. [546]

Это указывает на опасную тенденцию расширять инквизиторскую деятельность за ее первоначальные пределы, и примечательно, что монарх, придерживающийся этих концепций и вовлеченный в борьбу с феодализмом, не должен был часто обращаться за помощью к Святой Канцелярии. Единственный известный мне конкретный случай его политического использования произошел в 1507 году, когда Цезарь Борджиа бежал из замка Медина-дель-Кампо в Наварру и был назначен командующим своей армией Жаном д'Альбре, на сестре которого Шарлотте он был женат. Фердинанд тщетно пытался добиться его капитуляции, а затем возбудил против него уголовное дело инквизиции за еретическое богохульство и подозрение в атеизме и материализме. Поскольку Цезарь пришел к своей смерти 12 марта 1507 года во время

осады замка Виана, который защищал Луиса де Бомона, и преследование было прекращено, мы можем только догадываться, каким мог быть результат. [547] Наварра также была ареной тривиального политического использования инквизиции в 1516 году, когда, как мы видели (т. I, стр. 227) было поручено установить имена лиц, дружественных Жану д'Альбре.

АНТОНИО ПЕРЕС

Очевидно, существовала цель использовать инквизицию против восстания германии Валенсии, когда от Льва X был получен приказ от 11 октября 1520 года, предоставляющий кардиналу Адриану право возбуждать дела против всех лиц, участвующих в заговоре против общественного спокойствия. Похоже, что пользы от этого не было никакой, но трибунал Валенсии имел возможность дать о себе знать ближе к концу беспорядков. После того, как Висенте Перис, лидер *агерманадос*, был убит во время беспорядков 3 марта 1522 года, таинственный человек, известный как *эль Энкубьерто*, которого по-разному описывали как отшельника из Кастилии и еврея из Гибралтара, представил себя мстителем за Периса и стал духовным лидером тех, кто поддерживал восстание в Хативе и Альсире. Он считал себя пророком и посланником Бога, что привело его под обычную юрисдикцию Святой канцелярии, и это зафиксировало ереси, произнесенные им в проповеди, произнесенной в Хативе 23 марта. Он организовал заговор в Валенсии, но один из сообщников, по имени Хуан Мартин, был предан и схвачен инквизицией. Эль Энкубьерто был убит 18 мая в Бурхасоте, и ему отрубили голову; труп был доставлен в Валенсию, где инквизиторы протащили его по улицам по пути в трибунал. Он был осужден как еретик, обезглавленное тело расслабили и сожгли, а голову установили над одними из ворот. [548] Действия инквизиции никак не повлияли на ход дел, но они свидетельствуют о готовности трибунала заявить о себе как о политической силе.

Басня о том, что инквизиция была вызвана для казни дона Карлоса в 1568 году, была достаточно опровергнута, чтобы не привлекать здесь внимания. Вероятно, однако, больше правды в утверждении, что примерно в то же время Филипп II, продвигая свои замыслы в отношении остатков Наварры, поручил генеральному инквизитору Эспинозе собрать показания относительно печально известной ереси Жанны д'Альбре и ее детей и организовал с помощью личин заговор с целью похитить ее и передать трибуналу Сарагосы, но тайна не была сохранена, и попытка была прекращена. [549] Возможно, мы также можем отнести к политической службе использование Филиппом инквизиции для снабжения его галерными рабами.

Наиболее ярким примером применения инквизиции в государственном деле было дело Антонио Переса. Его драматический характер привлек внимание всей Европы; тайна, лежащая в его основе, никогда не была полностью развеяна, и его результирующее воздействие на институты Арагона придает ему важность, оправдывающую рассмотрение в некоторых деталях.

Антонио Перес был блестящим и способным фаворитом Филиппа II, который в 1571 году сменил своего покровителя Руя Гомеса, принца Эболи, завоевав полное доверие своего хозяина и став самым могущественным подданным в Испании. В 1573 году венецианский посланник Бадозеро описывает его как наиболее образованного человека, чья вежливость и привлекательные манеры успокаивали чувства тех, кто был спровоцирован задержками и скудостью короля, в то время как его ловкость и способности обещали вскоре сделать его главным министром. В то же время он был человеком удовольствий, и великолепие его повседневной жизни вызывало восхищение его соотечественников. [550] Он нашел свою судьбу в вдове своего покровителя,

принцессе Эболи. Происходившая из благородного дома Мендоса, она была гордой, мстительной и страстной, непоколебимой в удовлетворении своих желаний и безрассудной в средствах. Был ли Филипп II ее любовником, и если да, то пользовался ли он благосклонностью или был отвергнут, - это спорный вопрос, который нам не нужно обсуждать; достаточно того, что Перес, у которого была преданная жена в лице Хуаны Коэльо, был очарован ее зрелым обаянием и стал рабом ее властной воли.

АНТОНИО ПЕРЕС

Дон Иоанн Австрийский был отправлен в Нидерланды с отчаянной задачей умиротворить их и остался без ресурсов. К большому неудовольствию короля, в июле 1577 года он отправил своего секретаря Хуана де Эскобедо в Мадрид настаивать на необходимости выделения средств. Эскобедо был безупречно честен, но груб и невежлив, и энергичность его выступлений усиливала королевское дурное настроение. Перес в течение некоторого времени тайно раздувал подозрения короля относительно замыслов своего сводного брата, вплоть до того, что, как говорят, неправильно переводил зашифрованные депеши. Он представлял Эскобедо как эмиссара, посланного для совершенствования планов дон Хуана, включая нападение на Сантандер и поднятие Кастилии на восстание. Убеденный, что Эскобедо необходимо убрать с дороги, Филипп приказал Пересу добиться его смерти. Если Перес и испытывал какие-то сомнения по этому поводу, то они были устранены тем фактом, что Эскобедо, который был вассалом дома Мендоса, обнаружил отношения между принцессой и фаворитом; он протестовал против свободы и угрожал донести королю. Его судьба была предрешена, и после двух безуспешных попыток отравления были наняты бравы, которые убили его на улице в ночь на 31 марта 1578 года и были вознаграждены чинами в армии Италии.

Подозрение пало на Переса, чей коллега-секретарь и злейший враг Матео Васкес сообщил об этих слухах королю. Принцесса в своем гневе пригрозила, что Васкес разделит судьбу Эскобедо; двор разделился на фракции, которые Филипп тщетно пытался умиротворить. Он был обязан честью защищать свой инструмент и неоднократно заверял его, что ему ничто не угрожает, но, то ли он начал понимать, что был непростительно обманут, то ли был вызван ревностью к отношениям между Пересом и принцессой, он, наконец, был готов пожертвовать своим секретарем, чтобы избежать ситуации, которая становилась невозможной. Требовался кто-то на замену ему; послали за кардиналом Гранвелле, который в то время жил на пенсии в Риме; он прибыл в Эскориал 29 июля 1579 года, а предыдущей ночью Перес и принцесса были арестованы в Мадриде. Ее перевезли в замок Пинто и держали в строгом заключении до февраля 1581 года, когда ей разрешили вернуться в свой дворец в Пастране, когда из-за ее экстравагантных выходок ее дела были переданы в ведение комиссии, что привело к ее фактическому заключению до ее смерти 2 февраля 1592 года.

Тем временем Перес претерпел различные превратности тюремного заключения, более или менее суровые. В мае 1582 года Филипп приказал провести расследование в различных ветвях администрации, направленное в основном против Переса. В результате было доказано, что он обычно продавал королевскую милость, и в январе 1585 года он был приговорен к двум годам тюремного заключения в замке Турруэгано, к десяти годам изгнания от двора и к возврату 12 224 739 мараведи, из которых 7 371 098 достались fisc, а остаток - наследникам Руя Гомеса в качестве компенсации подарков, преподнесенных ему принцессой. Семья убитого Эскобедо тщетно добивалась справедливости. Филипп боялся быть скомпрометированным в этом деле,

но теперь, когда Перес был полностью опозорен, если бы удалось заполучить документы, доказывающие его собственное соучастие, Переса можно было бы смело принести в жертву правосудию. Его жену, Хуану Коэльо, заключили в тюрьму и угрожали голодной смертью, если она не отдаст его документы; она героически сопротивлялась, пока записка от Переса, которая, по его словам, была написана его кровью, не позволила ей сделать это, но он со своей обычной предусмотрительностью заранее отказался от них и поместил в безопасное место то, что считал необходимым для своего оправдания.

Летом 1585 года Филипп разрешил родственникам Эскобедо начать судебное преследование. Антонио Энрикес, паж Переса, который организовал убийство, дал полные показания, но *оспаривание* и подтверждение другим свидетелем отсутствовали. Дело тянулось до тех пор, пока 28 сентября 1589 года Педро Эскобедо, сын жертвы, не отказался от него за сумму в двадцать тысяч дукатов и не простил убийц своего отца. Однако со временем злоба Филиппа усилилась, и судебное преследование было продолжено. 22 февраля 1590 года Переса пытали, когда на восьмом повороте *корделес* его решимость поколебалась; он признался в преступлении по королевскому приказу и изложил причины, побудившие короля отдать приказ об убийстве. Вскоре после этого он слег в постель, и ему сообщили, что он опасно болен; в начале апреля его жене разрешили ухаживать за ним, а 20-го числа он сбежал ночью через боковую дверь, от которой он раздобыл фальшивый ключ и с которой были сняты засовы. Друзья с лошадьми ждали его, и он отправился в Арагон. Он был арагонского происхождения, так что мог претендовать на фуэрос и суд Справедливости, который, как мы видели, выносил решения между сувереном и его подданными.

Арагон в тот момент был особенно взволнован защитой своих привилегий, среди которых было утверждение, что никто, кроме арагонца, не может быть вице-королем. Филипп оспаривал это и послал графа Альменары для рассмотрения иска по этому вопросу в суде Justicia. Альменара заслужил всеобщее недоброжелательство, присвоив себе превосходство над всеми местными чиновниками; граф Састаго, тогдашний вице-король, воспротивился его притязаниям и был смещен и заменен Андресом Химено, епископом Теруэля, робким и нерешительным человеком; непопулярность Альменары стала настолько велика, что была предпринята почти успешная попытка сжечь ночью дом, который он занимал; за границей царил дух смуты, особенно благоприятный для Переса, который пришел просить защиты фуэрос как верный слуга, которого его король пытался защитить. уничтожить в награду за его верность.

АНТОНИО ПЕРЕС

Гневу Филиппа не было предела. Его первым побуждением было отомстить беспомощной жене и детям, которых бросили в тюрьму, где они просидели девять лет, пока их преследователь не пришел к своему последнему отчету. Немедленно был отдан приказ схватить беглеца живым или мертвым, прежде чем он переправится через Эбро, и преследователи были настолько стремительны, что достигли Калатаюда, где он сделал свой первый привал, всего через десять часов после него. Он бросился в доминиканский монастырь в поисках убежища, в то время как его верный друг Хиль де Меса, сопровождавший его, поспешил в Сарагосу и потребовал для него *манифестации*, которая обеспечивала ему юрисдикцию Justicia. Алонсо Сельдран, помощник губернатора, примчался в Калатаюд и после некоторых трудностей силой увез Переса из монастыря, но везуэро из Юстиции прибыл с письмами-манифестациями и вынудил его сдать свою добычу. Знать и джентльмены стекались в Калатаюд, а Переса проводили в

Сарагосу в настоящей триумфальной процессии, где он был принят населением как король и благополучно поселен в *карсель-де-лос-манифестадос*. Затем началось любопытное зрелище смертельной дуэли между опозоренным беглецом и всей властью величайшего монарха христианского мира, заставляющее нас с еще большим уважением относиться к фуэрос Арагона, видя, что монарх был беспомощен, пока не призвал на помощь высшие силы инквизиции под предлогом того, что его жажда мести была вопросом веры.

Если бы политическая полезность инквизиции была обычным средством, о котором говорилось, к нему немедленно прибегли бы. Как только стало известно о бегстве Переса, в Мадриде была сформирована специальная хунта для управления этим делом, и там Хуан де Гурреа, губернатор Арагона, знакомый с институтами своей родной страны, посоветовал немедленно обратиться к инквизиции, но делать это было нежелательно, и было решено положиться на обычный судебный процесс. Филипп представил суду официальное обвинение, утверждая, что Перес приказал убить Эскобедо, ложно используя имя короля; что он предал короля, разгласив государственные секреты и изменив депеши, и что он бежал. Документы были отправлены Альменаре, который подтолкнул судебное преследование, в то время как Перес пытался убедить короля, что было бы лучше закрыть дело и позволить ему жить в неизвестности, а не предавать огласке компрометирующие документы, поскольку в арагонской процедуре не было никакой секретности. Он написал по этому поводу брату Диего де Чавесу, королевскому духовнику, и тот отправил копии документов Филиппу через приора Готора, который дал приору две или три аудиенции, прочитал документы, а затем, 1 июля, опубликовал приговор, приговаривающий Переса к повешению и обезглавливанию с конфискацией. В то же время Альменаре были отправлены инструкции усилить судебное преследование и найти какие-либо средства для захвата Переса и доставки его в Кастилию.

Перес уже составил меморандум в ответ на обвинения, в котором он заметил значительную скрытность. Теперь он отбросил все сомнения и подготовил другое, подкрепленное документами, разоблачающими причастность Филиппа к трагедии и представляющими его как подвергшегося десятилетним преследованиям в награду за верную службу. Филипп попросил Батисту де Ланузу, лейтенанта юстиции, прислать ему копию меморандума с его мнением относительно результата. Лануза в ответ сказал, что ожидает оправдательного приговора, после чего Филип отозвал обвинение на том основании, что оно раскроет факты, неподходящие для публикации, заявив в то же время, что Перес совершил настолько тяжкие преступления, насколько это возможно для любого субъекта, и он оставляет за собой право преследовать его в другом месте. Судья, однако, продолжил рассмотрение дела, в результате которого был вынесен оправдательный приговор. Затем было выдвинуто обвинение в том, что Перес отравил своего астролога Педро де ла Гера и своего слугу Родриго де Моргадо, но эти обвинения были легко опровергнуты, и снова он был оправдан. Затем была предпринята попытка в соответствии с законом Арагона, разрешающим *инквизицию* или дознание по обвинению должностных лиц королем, и он был привлечен к ответственности за служебные проступки, но он доказал, что служил Филиппу как королю Кастилии, а не Арагона, и что он уже был судим и наказан за предполагаемые преступления, так что это также провалилось. Главной целью этих последовательных действий было предотвратить его освобождение из тюрьмы, но они привели к усилению народного энтузиазма в отношении Переса, причину которого стали отождествлять с сохранением фуэрос.

В качестве последнего средства, когда все юридические процедуры были исчерпаны, пришлось прибегнуть к инквизиции. Для этого было необходимо какое-то обвинение, связанное с верой, и первым предположением была предполагаемая попытка бегства к еретикам Беарна. Однако более безопасная операционная база была придумана Альменарой, который подкупил старого слугу Диего Бустаменте и учителя по имени Хуан де Басанте, которым Перес полностью доверял. По их словам, во взрывахотчаянного гнева он произносил выражения, свидетельствующие о неверии в Бога и богохульном бунте против Его воли. Мы видели, сколько инквизиторской деятельности было направлено против более или менее тривиальных высказываний подобного рода, и действовать по таким доносам было строго в правилах. Не имело большого значения, на каких основаниях Святая Канцелярия могла бы завладеть им; попав в ее руки, он был бы препровожден, открыто или тайно, в Кастилию, где его судьба была предрешена, и перед страшными словами “вопрос веры” все преграды были напрасны.

АНТОНИО ПЕРЕС

Инквизитор Медрано привел показания в надлежащую форму и направил их Верховному судье. Филипп приказал, чтобы единственным калификадор был брат Диего де Чавес, и тот в течение двадцати четырех часов объявил эти выражения еретическими. Исходя из этого, генеральный инквизитор Кирога и верховный суд 21 мая 1591 года издали приказ об аресте Переса и заключении его в секретную тюрьму для суда.

Это письмо было поспешно отправлено в Сарагосу, где было получено 23-го, а 24-го трое инквизиторов, Медрано, Мендоса и Морехон, выдали ордер на арест, который был предъявлен в тюрьме Манифестацион, но им было отказано в повиновении. Затем, между 9 и 10 часами утра, трибунал направил помощникам судьи предписание, предусматривающее обычные меры наказания, требующее сдачи, несмотря на предполагаемое право манифестации, которое было отменено в вопросах веры. Этого нельзя было избежать, и чиновники юстиции были отправлены в тюрьму с приказом доставить Переса в альгуасиль трибунала. Его посадили в карету и отвезли в Альхаферию, недалеко от ворот, где располагалась резиденция инквизиции.

Двое слуг Переса сообщили эту новость Диего де Эредиа и Хиль де Меса, которые собрали своих друзей и вышли на улицы с криком: *"Контрафуэро!" Вива ла либертад и аюда а ля либертад!* — клич, который, согласно закону, мог быть поднят только по приказу Правосудия и который, как мы видели, призывал каждого гражданина взяться за оружие и защищать свободу своей страны. В соборе ударили в набат, и город восстал. Под предводительством знати часть толпы бросилась к жилищу ненавистного Альменары. Судья Хуан де Лануза со своими двумя сыновьями и чиновниками попытался защитить его, но дверь была выбита; он отказался бежать, но позволил отвести себя в тюрьму под обещание толпы сохранить ему жизнь, но по дороге на него напали, и, когда он добрался до тюрьмы, он скончался от полученных травм в течение двух недель.

Другая часть населения поспешила в Альхаферию и потребовала восстановления Переса и его друга Франсиско Майорини, которые были привлечены к ответственности и сдались. Говорят, что дон Педро де Сесе привез четыреста возов дров, чтобы сжечь замок в случае отказа, и ситуация была крайне угрожающей. Вице-король, епископ Теруэля, прибыл и призвал инквизиторов к согласию. Архиепископ Бобадилья написал три записки, во все возрастающем отчаянии сообщая, что его дворец и дворец правосудия будут сожжены этой ночью, если Перес не будет выдан. В течение пяти часов инквизиторы сопротивлялись этому давлению, но в конце

концов уступили, хотя даже тогда они сохранили свою власть приказом о том, чтобы место заключения Переса было изменено с секретной тюрьмы на тюрьму манифестадос. В 5 часов вечера заключенные были доставлены к графам Аранда и Мора с протестом, что судебный процесс будет продолжен. Переса доставили обратно в карете в его бывшую тюрьму; люди не могли его видеть и не были удовлетворены, пока вице-король не заставил его встать и показаться, когда они закричали, что он должен трижды в день появляться у окна, чтобы доказать, что ему не было причинено никакого вреда в нарушение их свобод и фуэрос.

Существовало предание, что королева Изабелла однажды выразила пожелание, чтобы Арагон поднял восстание, чтобы можно было положить конец фуэрос, которые ограничивали королевскую власть. Теперь такая возможность представилась, и Филипп был не из тех монархов, чтобы пренебрегать ею. Кабрера рассказывает, что, когда он лежал больной в Атеке и граф Чинчон сообщил ему эту новость, он сразу же поднялся с постели, оделся и начал рассылать депеши во все стороны, отдавая приказ о наборе войск. Он также написал в города Арагона и знати, протестуя, что не имел в виду нарушения их привилегий, и ответы его очень ободрили, поскольку они осуждали беспорядки в Сарагосе и предлагали свои услуги. Более того, инквизиция открыла для него расширенное поле деятельности, для чего у него было множество оснований. Уже 4 июня Совет Арагона представил консультацию, обратив внимание на препятствование его действиям в виде угроз инквизиторам и убийства слуги одного из них; поэтому они должны начать снимать показания и арестовывать виновных, одного за другим, которые должны быть смягчены; в таком вопросе веры дворяне не могли ссылаться на привилегии, и не могло быть никаких манифестаций и постановлений.

АНТОНИО ПЕРЕС

Работа с этой целью была немедленно начата в Мадриде. Антон де Альмуния, который давал показания против Переса, бежал туда с рассказом об угрозах, высказанных в его адрес, чтобы заставить его отказаться от своих показаний. Это было преступление против инквизиции, и Педро Пачеко, инквизитор Арагона, был назначен для дачи показаний; расследование расширилось; были заслушаны все беженцы из Арагона и враги Переса, и было показано, что зачинщики беспорядков стремились передать Арагон Франции или основать республику, и в этом были замешаны Дипутадо королевства, хурадо Сарагосы и джентльмены, которые благоволили Пересу, включая герцога Вильяэрмосу, который был главой арагонской знати, и графа Переса. из Аранды, самого богатого и могущественного дворянина. Даже инквизитор Морехон, который не был таким ревностным, как его коллеги, попал под подозрение. В качестве подготовки к предстоящей борьбе трибунал Сарагосы по приказу из Мадрида опубликовал 29 июня во всех церквях эдикт, воплощающий в себе жестокую буллу "О защите протесте" Пия V, касающуюся противников инквизиции, в силу которой все лица были призваны помогать ему не только в деле Переса, но и во всех других. Это вызвало сильное волнение; вооруженная толпа собралась на площади перед собором и обсуждала, подпадают ли они под папские порицания, и если да, то какие средства следует использовать для сохранения их свобод, в то время как множество людей искали своих исповедников и просили освободить их от *ipso facto* отлучения от церкви. Дипутадо пожаловались королю и Кироге на это разжигание беспорядков, когда требовались все усилия для поддержания тишины, но они получили от короля только ответ с благодарностью за их рвение к миру.

Тем временем Перес и его друзья были заняты тем, что провоцировали ажиотаж обращениями и пасквиадами в прозе и стихах, клеймя позором своих противников и призывая к бдительности в защиту фуэрос. Он также обратился в Залмедину с просьбой расследовать методы, с помощью которых Альменара и Медрано собирали улики против него, и полученные таким образом показания о взятках, обещаниях и угрозах оказали большое влияние на общественное мнение. Однако, когда Дипутадо прислали Филиппу результаты, он просто ответил, что не читал их, поскольку все это недействительно, поскольку в нем могут быть оспорены только свидетели инквизиции; Перес должен быть возвращен трибуналу, прежде чем что-либо еще привлечет внимание. Документы, однако, были тщательно сохранены, поскольку само расследование было тяжким преступлением против инквизиции, в чем впоследствии были обвинены их авторы. Инквизиция судила всех людей, и никто не должен был судить ее, и из-за святости, которая ее защищала, любая попытка исследовать ее методы была преступлением.

Когда лето подходило к концу, хладнокровные горожане стали беспокоиться о жилье. Были проведены совещания с юристами, и было признано, что позиция была несостоятельной, что Перес должен быть выдан, и с инквизиторами было достигнуто взаимопонимание относительно некоторых несущественных условий, которые позволяли избежать видимости полного отказа. Вид населения, однако, был угрожающим, и знать привела в город своих слуг для наведения порядка. Филипп не возражал против задержек, которые позволили ему собрать свои силы в Агреде, на кастильской границе, и 24 сентября было назначено на выдачу Переса в качестве торжественного публичного акта. Он полностью осознавал опасность и решил сбежать; ему предоставили напильник, с помощью которого в течение трех ночей он работал над решетками на окнах. Еще несколько часов могли бы освободить его, но его предал его ложный друг Хуан Басанте, который все еще сохранял к нему доверие и должен был разделить его бегство. Его перевели в более прочную камеру, где он содержался в уединении под охраной из тридцати аркебузирова, наблюдавших за ним днем и ночью.

22 сентября скончался судья Хуан де Лануза, старый и опытный человек, которому наследовал его сын с тем же именем, которому было всего 27 лет, всеми любимый за свои многие хорошие качества, но неопытный и лишенный влияния. 24-го числа были проведены большие приготовления к капитуляции. Ворота были закрыты, войска выставлены, улицы от тюрьмы до Альхафери патрулировались кавалерией, и за малейшее нарушение порядка грозила смерть. Были соблюдены сложные формальности, когда Лансман де Сола, секретарь трибунала, представил судебному суду мандат на доставку Переса и Майорини. Под охраной аркебузирова была сформирована процессия из чиновников и сановников, которые, достигнув рыночной площади, расположились в выходящих окнами окнами. Они вошли в тюрьму, привели Переса и Майорини, надели на них кандалы и официально передали Лансману де Сола. Подъехали кареты, которые должны были их доставить, и они спускались по лестнице, когда рев толпы снаружи вызвал паузу.

АНТОНИО ПЕРЕС

Друзья Переса не сидели сложа руки. Джентльмены, все еще верные ему, привели в город своих слуг; пропаганда была активной, и большинство аркебузирова заявили, что готовы умереть, защищая фуэрос. Улицы были заполнены шумной толпой; уже во время шествия процессии были забросаны камнями, и теперь, под предводительством Диего де Эредиа и Хилья де Месы, рыночная площадь подверглась нападению с нескольких сторон. Некоторые охранники были

убиты, другие бежали, а третьи присоединились к нападавшим. Площадь была усеяна примерно тридцатью убитыми и множеством раненых; лошадь губернатора была подстрелена, и он убежал в дом, который был немедленно подожжен; знатные люди в окнах пробili путь к отступлению с тыла и поспешили скрыться под оскорбления народа. Внутри тюрьмы чиновники спаслись бегством по крыше, за исключением лейтенанта юстиции, который заставил Переса выглянуть в окно, чтобы успокоить толпу, которая подняла радостные крики и начала ломиться в двери, когда он был доставлен к ним через заднюю дверь. Его с триумфом доставили в дом Диего де Эредиа, и тогда вспомнили о Майорини. За ним послали; тюрьма была найдена заброшенной, и он был освобожден.

Перес сел на лошадь и в сопровождении Хиля де Меса и Франсиско де Айербе, с парой слуг, бежал в горы, достигнув Алагона той же ночью и Таусте на следующий день, где он отдыхал пять дней в доме Франсиско де Айербе. Агенты инквизиции выследили его и были близки к тому, чтобы схватить; когда, обнаружив, что побег во Францию заблокирован, он тайно вернулся в Сарагосу по совету Мартина де Лануза, в доме которого он скрывался, одновременно руководя ходом дел. В городе царил хаос, магистраты не осмеливались показываться на глаза, но благодаря его советам при Диего де Эредиа было восстановлено относительное спокойствие. Он приступил к работе по организации Арагона, Каталонии и Валенсии в противовес Кастилии с целью образования республики под защитой Франции, но его усилия не встретили практического отклика.

Сам Арагон был тепловатым. Сбор армии в Агреде под командованием Алонсо Варгаса, выдающегося капитана, под предлогом экспедиции во Францию послужил предупреждением о том, что восстание будет подавлено тяжелой рукой, и обе стороны обратились за поддержкой ко всему королевству. В Сарагосе был применен закон фуэро, запрещающий ввод иностранных войск, и новый судья Хуан де Лануза был вызван дипутадо, чтобы призвать королевство к оружию для сопротивления *контрафуэро*. Он сделал это прокламацией 31 октября, приказав городам и знати отправить свои квоты в Сарагосу 5 ноября, но за ходом дел в Сарагосе наблюдали с неодобрением. Хака ответил протестами, а не людьми; Дарока послал тридцать мушкетеров; Бьельса, Пуэртолас и Гистейн предоставили двести человек, которые повернули назад, достигнув Барбастро. В Теруэле произошли беспорядки, которые привели лишь к последующему наказанию лидеров. Другие города объединились в письме в Юстицию, объявив Филиппа защитником фуэрос, а тех, кто сопротивлялся ему, нарушителями, и ту же позицию заняли дворяне за пределами Сарагосы. Вильяэрмоса и Аранда остались в городе по приказу Филиппа и были вынуждены участвовать в сформированном военном совете, но к ним относились с подозрением, им оскорбляли и угрожали.

Это практическое оставление вызвало глубокое уныние, и ворота были заперты, чтобы предотвратить дезертирство, но все, кто мог, покинули город. Однако лидеры были слишком глубоко скомпрометированы, чтобы уйти, и в своем раздражении они спровоцировали ссоры и раздоры. Чтобы придать сопротивлению видимость законности, необходимо было руководство Justicia, и они вызвали Хуана де Ланусу, чтобы тот выступил на поле боя вместе с муниципальными силами. Он и Дипутадо Хуан де Луна установили отношения с Вильяэрмосой и Арандой, и все четверо согласились сбежать по случаю смотра, который должен был состояться 7 ноября, но когда Лануза приказал открыть ворота и провести смотр за стенами, раздались крики об измене. Вильяэрмосе и Аранде удалось бежать, и они укрылись в Эпиле, укрепленном

городе, принадлежащем Аранде, но Ланузу и Луну стащили с лошадей, и их с трудом спасли живыми.

Однако, несмотря на все свои побои, Лануза был вынужден на следующий день выступить в бой во главе четырехсот человек, остальные силы последовали за ним на следующий день, и с так называемой двухтысячной армией он двинулся к Утебо, чтобы отразить наступление Варгаса, который пересек границу 7 ноября с хорошо оснащенными силами в двенадцать тысяч пехотинцев и две тысячи всадников, поддержанный достаточным количеством артиллерии. Посланец от Варгаса, предложивший условия, дал ему возможность сбежать, и в сопровождении Луны он нашел убежище в Эпиле. Когда весть об этом распространилась по лагерю, маленькая армия распалась, и Варгас 12 ноября предстал перед Альхаферией, к великой радости инквизиторов. Вице-король и чиновники вышли поприветствовать его, и он триумфально въехал в город. Площадь перед собором была превращена в военную площадь, были выставлены усиленные караулы, на улицах командовали пушки, а солдаты были расквартированы среди горожан. Рабочий класс покинул город, и в нем оставалось более полутысячи пустующих домов.

АНТОНИО ПЕРЕС

Перес наблюдал за крушением своих планов мести и, не желая участвовать в тех разрушениях, которые он учинил, стремился спастись сам. Мартин де Лануза проводил его до ворот, велел открыть их для него, и 10-го числа, за два дня до прибытия Варгаса, он направился по дороге в Саллент, на французской границе. На следующий день дон Мартин предложил Дипутадо умереть за город, если они согласятся защищать его, но, поскольку они этого не сделали, он предложил открыть ворота и позволить уйти всем желающим. Это было сделано, и во время последовавшего исхода он отправился в горы, чтобы спасти Переса.

Сопrotивление прекратилось, но все еще сохранялись некоторые опасения относительно того, что было известно как Хунта Эпилы, куда Лануза пригласила конференцию для консультаций относительно наилучших средств сохранения фуэрос. Такие опасения были излишни. Вильяэрмоса и Аранда по настоятельной просьбе Варгаса вернулись в Сарагосу; Луна скрылась, а Лануза удалился на свои земли в Бадаллуре, впоследствии переехав в Сарагосу и возобновив свои функции судьи. Варгас вел себя с большой ловкостью, любезно принимая депутации из городов, приглашая отсутствующих вернуться и заверяя каждого, что фуэрос будут уважать. Затем, 28 ноября, прибыл маркиз Ломбей в качестве специального королевского уполномоченного с письмами, гарантирующими сохранение фуэрос и помилование виновных. Его приняли с большим почетом, и он был назван *Анхелем де Пасом*; считалось, что все уладилось мирно, и беженцы вернулись. Варгас и Ломбей убеждали Филиппа объявить всеобщее помилование с определенными исключениями, ограничить инквизицию исключительно ее собственными делами, собрать суды под его собственным председательством и даже предложили Аранду в качестве нового вице-короля.

Внезапно эта мечта об умиротворении была развеяна. Никому не сообщая о своем решении, Филипп отправил с тайным посольным приказ, написанный его собственной рукой и не скрепленный подписью, немедленно арестовать Юстицию “и сообщить мне о его смерти, как только он будет арестован”. Он должен был быть обезглавлен, его поместья конфискованы, а замки и дома стерты с лица земли. Вильяэрмоса и Аранда также должны были быть арестованы и отправлены в Кастилию.

Варгас остро ощущал свое положение из-за того, что был вынужден таким образом опровергнуть свои обещания о помиловании, но он был солдатом, обученным подчиняться приказам. Ломбей был возмущен тем, как его использовали, и попросил освободить его от должности, просьба была незамедлительно удовлетворена, поскольку суд в нем больше не нуждался. Варгас, не теряя времени, выполнил королевские приказы. На следующее утро, 19 декабря, в 11 часов, Лануза был арестован, когда он и его лейтенант направлялись на мессу перед открытием суда. Вильяэрмоса и Аранда были заманены в квартиру Варгаса под благовидным предлогом; он задержал их для дружеской беседы до тех пор, пока не стало известно об аресте Ланузы, после чего он отпустил их, и они были арестованы, когда уходили от него. Через три часа их посадили в кареты, в каждой из которых двум капитанам было поручено не терять их из виду. Четыре роты конницы и тысяча пехотинцев охраняли их до границы, после чего две пешие роты проводили их: Вильяэрмоса - до замка Бургос, а Аранда - до Мота Мединадель-Кампо. Оба умерли в тюрьме.

Ранний свет следующего рассвета высветил черные эшафоты, воздвигнутые на рыночной площади; войска были при оружии, а подступы охранялись пушками. Горожане заперлись в своих домах, и там не было никого, кроме солдат, которые, как нам сказали, хотя и были кастильцами, проливали слезы над судьбой Ланузы, чье короткое трехмесячное пребывание на посту привело его к такому концу. Палач отрубил ему голову, когда он читал гимн Пресвятой Деве, и он был с почестями похоронен в усыпальнице своих предков в церкви Сан-Фелипе, причем носилки несли на плечах высшие офицеры кастильской армии.

Этот неожиданный удар вызвал неопиcуемый ужас по всему Арагону, и впечатление, вызванное раскрытием скрытых намерений короля, усилилось после того, как он предоставил губернатору полномочия наказывать заведомо виновных, не обращая внимания на фуэрос. В связи с этим последовали аресты и казни тех, кто был скомпрометирован в смутах, особенно тех, кто был причастен к смерти Альменары, включая многих высокопоставленных людей, которые обычно считались невиновными или, в лучшем случае, слегка виноватыми. Никто не чувствовал себя в безопасности, и чувство незащищенности усилилось после сноса домов жертв — дворца Лануза, одного из самых заметных в Сарагосе, а также домов Диего де Эредиа, Мартина де Лануза, Педро де Болеа, Мануэля Дона Лопе и других — руины, образовавшиеся на главных улицах, символизировали для людей уничтожение их свобод. Инквизиция также не упустила случая отстоять свое оскорбленное достоинство. Инквизиторы были заменены, и теперь трибунал состоял из Педро Саморы, Веларде де ла Конча и Хуана Мориса де Салазара, которые полностью выполнили работу, ожидаемую от них. Они заполнили тюрьмы Альхаферины людьми всех сословий, принимавшими участие в препятствовании деятельности Святой Канцелярии, хотя впоследствии, по приказу Филиппа, они доставили в Варгас некоторых своих заключенных, которые были приговорены к казни за преступления, не подпадающие под юрисдикцию инквизиции.

АНТОНИО ПЕРЕС

Удовлетворенный произведенным таким образом впечатлением, Филипп принял меры, чтобы утихомирить волнение. Он отозвал специальную комиссию губернатора Арагона и пообещал обвиняемому обычное судебное разбирательство беспристрастным арагонским судьей. Затем, 17 января 1592 года, в Сарагосе было торжественно провозглашено всеобщее помилование, в котором король говорил о своей любви к Арагону и о своем милосердии, а также о своем долге

вершить правосудие и поддерживать инквизицию. Были определенные категории, на которые не распространялась амнистия, которая, когда впоследствии была применена к отдельным лицам, составила 196 человек, каждому из которых прокламацией было приказано арестовывать везде, где его обнаружат. Обещанный беспристрастный судья был назначен в лице доктора Мигеля Ланца, чье невежество и жестокость были причиной ожесточенных жалоб.

Частью успокаивающей политики Филиппа было то, что инквизиция одновременно издавала эдикт о помиловании, с исключениями, подобными его собственному. Эти два класса преступников были в значительной степени различны, и напряжение общественного сознания не могло быть снято до тех пор, пока не будут известны масштабы того и другого. С этой целью, составляя свое собственное воззвание, он приказал Верховному сделать то же самое, но столкнулся с сопротивлением. Инквизиция играла в свою пользу. Он должен был не только отомстить за нанесенные оскорбления, но и был полон решимости максимально использовать возможность сломить упорное сопротивление в Арагоне его произволу. Поэтому Супрема была не в состоянии удовлетворить пожелания Филиппа и в консультациях от 2 января попросила об отсрочке. На это Филипп ответил своим собственным почерком, что отсрочка помешает желаемому восстановлению доверия и, поскольку в этом замешано так много людей, достаточно наказать наиболее виновных. Он собирался опубликовать свое собственное прошение о помиловании и поручил Верховной Власти сделать то же самое со своей стороны со всей срочностью.

Подобные соображения не имели никакого значения для Верховного, который спокойно игнорировал желания короля. Молчание инквизиции поддерживало тревогу в народе, и 3 марта Филипп вновь заявил о своей настойчивости. Прощение должно быть таким, чтобы принести удовлетворение людям, избавляя от позора тех, кто в нем замешан, кто должен прийти и сознаться спонтанно. Против арестованных и скрывающихся от правосудия лиц могло быть возбуждено судебное разбирательство, которые могли быть вызваны указами, и помилование могло быть общим, за исключением заключенных и тех, на кого ссылались и будут ссылаются по обвинению, без указания имен, но все это он предоставил Верховной Власти делать то, что она сочтет наилучшим для авторитета Святой Канцелярии.

Филипп, очевидно, уклонился от слишком решительной настойчивости, и Верховный суд под разными предлогами продолжал откладывать помилование. В ответ на возобновившуюся срочность он представил "консульту" от 29 апреля с отчетом о своей деятельности, согласно которому трибунал Сарагосы недавно проголосовал за арест ста семидесяти шести человек; в его тюрьмах уже семьдесят четыре человека, и он рассматривает возможность судебного преследования трехсот — что объясняет нежелание объявить всеобщее помилование. Это настолько противоречило политике короля, что он в ответ предложил освободить под залог тех, чьи преступления признавались в этом, и приостановить арест в случаях, которые можно было бы оправдать. На этот раз он не сделал ни намека на всеобщее помилование, и инквизиция добила своего. Не объявив о помиловании, 20 октября он отпраздновал аутодафе с участием более восьмидесяти виновных, все из которых препятствовали его свободным действиям, за исключением нескольких морисков и двоеженца. Шестерым было смягчено наказание, якобы как виновным в убийстве во время беспорядков 24 сентября 1591 года, а остальные были наказаны, в основном изгнанием из Арагона, хотя некоторые были отправлены на галеры, среди которых был Мануэль Дон Лопе. Процессию у авто завершала фигура Переса, приговоренного к сожжению в приговоре, который, как нам сказали, содержал миллион высокомерных и дурно

звучащих высказываний против Бога и короля, его привязанности к Вандому (Генриху IV), измены, совершенные на посту секретаря, явные признаки содомии, его бегства во Францию, его прослушивания проповедников и принятия причастия с гугенотами, достаточных для доказательства того, что он гугенот, с предположением, что все его действия были направлены на достижение этой цели и уничтожение инквизиции, как таковой. Он был потомком евреев и правнуком Обона Переса, еврея, у которого случился рецидив после обращения в христианство, его сожгли, а его санбенито повесили в церкви Калатаюда. Приговором было послабление, с инвалидностью потомков.

АНТОНИО ПЕРЕС

В день аутодафе Филипп был в Риохе, на пути в Тарасону, где сидел вызванный Суд и почти закончил свои труды. Поскольку инквизиция все еще отказывалась от общего помилования, он снова настоял на том, чтобы оно было оформлено и отправлено ему, чтобы все могло быть завершено до того, как он доберется до Таразоны. Все еще неудовлетворенный и медлящий, Верховный ответил, назвав имена одиннадцати человек, которых он охарактеризовал как главных руководителей беспорядков, и попросил его дать такие инструкции, какие ему заблагорассудятся. Он ответил, что отложит ответ до тех пор, пока не доберется до Таразоны и не сможет ознакомиться с положением дел там. Несколько дней спустя он написал с просьбой обсудить уместность выдачи помилования, а также форму, которую оно должно иметь. После этого Верховный выслал ему бланк с письмом к инквизиторам, которое он мог переслать, в то же время заявив, что есть возражения. Королевское помилование было безоговорочным и вступило в силу само по себе, но инквизицию было не так-то легко удовлетворить, и она требовала, чтобы все, кто воспользовался ее милостью, подали личное прошение и подчинились. Папский указ *Si de protegendis* наложил *ipso facto* анафему на всех, кто каким-либо образом препятствовал деятельности Святой канцелярии, и это порицание должно было быть снято, поэтому предложенная формула требовала, чтобы все просители о помиловании искали освобождения от порицаний, присутствующие в течение двух месяцев, а отсутствующие в течение четырех, но Верховный суд добавил, что публикации должны предшествовать указы против семи указанных лиц и других заведомо виновных, которых нельзя назвать, не нарушая тайны инквизиции. Даже это Suprema сочла слишком большой уступкой и на следующий день направила другую консультацию, в которой говорилось, что она получила от трибунала Сарагосы имена некоторых сторон, пользующихся дурной славой и глубоко запятнанных; у трибунала были доказательства их вины, и он начал действовать против них указами. Это было передано королю, чтобы он мог приказать инквизиторам начать до опубликования помилования, чтобы стороны могли быть исключены. Филипп проигнорировал эту последнюю попытку инквизиции сохранить свою власть над теми, кто ее оскорбил. Без дальнейшей переписки он отправил прошение о помиловании в Сарагосу с приказом опубликовать его, что и было сделано с большой торжественностью 23 ноября, когда явились более пятисот кающихся.

Тем временем Корты были заняты изменением институтов Арагона в соответствии с пожеланиями короля. Решив таким образом в полной мере воспользоваться представившейся возможностью, он был достаточно проницателен, чтобы понять, что такое урегулирование, чтобы быть прочным, должно соответствовать фуэрос. В то время как его армия все еще внушала благоговейный трепет перед страной, поэтому он созвал Корты, которые собрались в Таразоне 15 июня 1592 года. Согласно правилам, он должен был председательствовать на нем,

но он пожелал не въезжать в Арагон до завершения процессов и казней под руководством доктора Мигеля Ланца, и, хотя он покинул Мадрид 30 мая, он выбрал кружной путь через Вальядолид, и его неспешное путешествие было прервано приступами подагры. После некоторых трудностей корты приняли президентство архиепископа Бобадильи и изменили извечное правило, требующее единогласия в каждом из четырех *бразо*, или палат. Путь, таким образом расчищенный и еще более сглаженный щедрой раздачей "милостей", был просто делом времени, чтобы добиться принятия тщательно разработанной серии фуэрос, которые, не меняя формы арагонских институтов, устранили ограничения королевской власти, которая так долго была предметом особой гордости королевства. Изменений было слишком много, чтобы перечислять их здесь полностью; некоторые из них были полезны для облегчения наказания за преступления, но наиболее важными с точки зрения монарха были те, которые устанавливали его право назначать вице-королей, которые не были арагонцами; которые передавали в его руки назначение и увольнение судей и назначение его заместителей с преобладанием в механизме рассмотрения жалоб на последних; которые отняли у *дипутадо* полномочия созывать города и граждан, которые ограничивали сумму, которую они могли потратить, и которые передавались от них к коронному контролю над сельской полицией; который запрещал поднимать крик "либертад" под страхом наказания, вплоть до смертной казни; который предусматривал наказание за преступления против королевских должностных лиц; который устанавливал выдачу за преступления между Кастилией и Арагоном; который требовал королевской лицензии на печатание книг и который лишал земли знати, светской и церковной, права убежища для преступников. Таким образом, Юстиция и его суд, которые были гордостью страны, фактически, если не номинально, стали королевским судом; *Дипутадо*, которые были исполнителями народной воли, были лишены всякого опасного осуществления власти, барьеры против посягательств произвольной власти были сняты, и все это было достигнуто через представителей народа, по-видимому, по их собственной воле.

АНТОНИО ПЕРЕС

Когда в начале декабря Филипп в Таразоне провел *солио*, на котором он подтвердил действия судов, за ним последовало всеобщее помилование, освободившее всех тех, кого преследовал доктор Ланц, за исключением юристов и помощников судьи, которые советовали оказать сопротивление и были наказаны изгнанием. Косме Париенте, неудачливый поэт, был отправлен на галеры как автор пасквинад, спровоцировавших восстание, и было еще одно существенное исключение. Неугасимая ненависть Филиппа к своей фаворитке до сих пор удерживала в тюрьме Хуану Козльо и ее семерых детей, младший из которых родился в неволе. Так они томились девять лет, пока их тюремщик не скончался. Филипп III ознаменовал первый год своего правления помилованием тех, кто был исключен из указов его отца, и в апреле 1599 года Хуана была освобождена. Она не решалась оставить своих детей, старшей из которых шел двадцатый год, но в конце концов сделала это, чтобы добиться их освобождения, чего и добилась в августе следующего года. Друзья Переса пытались привлечь его к королевской милости, но им сказали, что его преступление является делом инквизиции, в которое король не может вмешиваться.

Прежде чем вывести из Арагона свою армию, Филипп приказал укрепить Альхаферию и разместил там гарнизон из двухсот человек, чтобы держать беспокойный город в узде.

Инквизиторы решительно возражали против этого и просили перевести их в какое-нибудь другое жилище, но он отказался, так как их защита служила оправданием для гарнизона. Они так и не примирились со своими незваными гостями, и в 1617 году, а затем и в 1618 году мы видим, как они жалуются на то, что солдаты осуществляли контроль над замком и что их дерзкие притязания значительно уменьшили уважение народа к Святой Канцелярии. [551] Их протесты оставались без внимания, пока в 1626 году Филипп IV в качестве особой милости не перевел гарнизон в Джаку.

Пересу и его друзьям удалось добраться до Беарна, где их встретила гувернантка Екатерина, сестра Генриха IV. Воображая, что небольшой отряд поднимет арагонцев на защиту их свобод, они убедили Генриха провести эксперимент, за которым, в случае успеха, последует армия в пятнадцать-двадцать тысяч человек, чтобы вырвать у Испании Арагон, Каталонию и Валенсию и образовать республику под защитой Франции. Таким образом, в феврале 1592 года около полутора тысяч беарнцев под предводительством Мартина Ланузы, Хиля де Месы, Мануэля Дона Лопе и Диего де Эредиа предприняли попытку вторжения, но арагонцы восстали против них. Смущенные глубокими снегами в горах, они попытались отступить, но подверглись яростному нападению, и большинство из них были взяты в плен, включая Дионисио Переса, Франсиско де Айербе и Диего де Эредиа. Варгас освободил беарнцев, но беженцев отправили в Сарагосу, где они искупили свою измену на эшафоте.

Несмотря на это злоключение, Генрих IV тепло приветствовал Переса и отправил его на пенсию как важную персону, государственного деятеля, сведущего во всех искусствах испанской дипломатии. Однако Вервинский мирный договор 1598 года низвел его до ничтожества. Возраст и немощи настигли его, и его полное приключений существование оборвалось в нищете 3 ноября 1611 года, когда он проявил все признаки ревностного католицизма. После его смерти Хуана Коэльо и его дети взялись за восстановление его памяти и попросили, чтобы их выслушали в его защиту. Однако только 22 января 1613 года Верховный суд представил Филиппу III консультацию, рекомендующую, чтобы вдова и дети были заслушаны трибуналом Сарагосы. Приговоры, вынесенные *заочно*, как мы видели, никогда не считались окончательными, но трибунал был неумолим. Суд допустил задержки, а затем, 16 марта 1615 года, вынес неблагоприятное решение. Это Верховный отказался подтвердить, и, после упорного сопротивления, трибунал 19 июня был вынужден вынести приговор, оправдывающий память и славу Антонио Переса, объявив лимпьеzu его крови и объявив, что его потомки не имеют инвалидности. Однако ничего не было сказано об отмене конфискации его имущества, вероятно, потому, что это было предусмотрено как светским приговором от 17 июля 1590 года, так и инквизиционным приговором от 20 октября 1592 года. [552]

СЛУЧАЙНЫЕ СЛУЧАИ

Таким образом, в этом наиболее выдающемся случае инквизиционного политического вмешательства Святая канцелярия была задействована только в качестве последнего средства, когда все другие методы потерпели неудачу, и, когда ее призвали, она была далека от того, чтобы быть послушным инструментом королевской воли, она решительно стремилась продвигать свои собственные интересы, не обращая внимания на политику монарха.

Однако впечатление, произведенное в то время, отражено в отчете венецианского посланника Агостино Нано в 1598 году, когда он говорит, что короля можно назвать главой инквизиции, поскольку он назначает инквизиторов и должностных лиц. Он использует это, чтобы держать в узде своих подданных и наказывать их секретностью и строгостью своей процедуры, когда он не может сделать этого с помощью обычной светской власти Королевского совета. Инквизиция и Королевский совет взаимно помогают друг другу в государственных делах на службе королю.

[553] Такой вывод можно было сделать из случая подобного рода, но королевская власть к тому времени была слишком надежно укреплена, чтобы нуждаться в такой помощи. Только особые черты арагонских фуэрос требовали выдумки обвинения в ереси по политическому вопросу. Инквизиция, как правило, не считала частью своих обязанностей поддержание королевской власти, поскольку в 1604 году, как мы находим, она приговорила Бартоломе Переса к строгому выговору, штрафу в десять тысяч мараведи и году ссылки за то, что он сказал, что повиновение королю предшествовало повиновению папе и Церкви. [554] Таким образом, простое отрицание превосходства духовной власти над мирской было преступлением.

Имели место спорадические случаи, когда особые соображения требовали помощи инквизиции, но они были немногочисленны и, как правило, были направлены против церковнослужителей, чьи привилегии освобождали их от светских судов. Таков был опыт иезуита Хуана де Мариана, выдающегося во многих отношениях, но особенно своей классической историей Испании. Он хорошо служил инквизиции в качестве цензора книг, но в его *сентябрьском трактате*, анонимно опубликованном в Кельне в 1609 году, в эссе об испанской чеканке, свобода, с которой он осуждал ее пороки и говорил о неправомерных действиях чиновников, сильно оскорбила королевского фаворита Лерму и его приспешников. Если бы Мариана был мирянином, ему не составило бы труда сурово наказать его, но, чтобы добраться до иезуита, Филипп обратился к папскому нунцию Караффе, и суд Толедо приложил к этому руку. Все судебное разбирательство было незаконным, и папе было предложено вынести приговор, но после года тюремного заключения Мариана был освобожден без каких-либо обвинений в его адрес, и он умер в 1624 году, преисполненный лет и чести, в возрасте 87 лет.

[555]

Это правда, что, когда барселонский трибунал боролся за сохранение своих претензий к кортам Каталонии, в 1632 году в мемориале Филиппа IV он представил, среди других своих претензий к рассмотрению, секретные службы, часто оказываемые при получении информации и аресте влиятельных лиц, что в противном случае не могло быть выполнено так хорошо. Его тщательная организация, без сомнения, иногда позволяла использовать его таким образом, и не было никаких угрызений совести привлекать его к такой работе, как в 1666 году, когда дон Педро де Сосса, сборщик налогов в миллонесе в Севилье, скрылся с крупной суммой денег и, как считалось, направлялся во Францию, Верховный суд написал в Барселону и, несомненно, в другие суды в портах и пограничных округах, с описанием его личности и приказом арестовать его и наложить эмбарго на его имущество. [556]

Судебные преследования двух павших фаворитов, Родриго Кальдерона в 1621 году и Оливареса в 1645 году, были не государственными делами, а интригами, направленными на предотвращение их возвращения к власти, и оказались ненужными в одном случае из-за обезглавливания Кальдерона, а в другом - из-за смерти Оливареса. [557] Секретность инквизиции и ее процессуальные методы сделали ее особенно благоприятным инструментом для таких маневров, как это было замечено в деле Вильянуэвы, а также для удовлетворения

личной злобы, и ею, несомненно, часто злоупотребляли, но это не имеет отношения к ее использованию в качестве политического органа.

ВОЙНА ЗА НАСЛЕДСТВО

С приходом династии Бурбонов произошли перемены. В правительственной теории Людовика XIV Церковь была частью государства и подчинялась диктату монарха. В отчаянной борьбе за престолонаследие советники молодого Филиппа V без колебаний использовали все доступные ресурсы, и ожидалось, что инквизиция сыграет свою роль. В ранний период конфликта Верховный Судья разослал трибуналам приказы искренне призвать всех их должностных лиц к верности королю, который, таким образом, имел хорошо распределенную армию миссионеров в каждой четверти страны. [558] Как мы видели, инквизиционной логике было легко растянуть эластичное определение ереси в любом желаемом направлении, и отсутствие лояльности к Филиппу вошло в ее границы. В указе от 9 октября 1706 года Верховный указал, что Климент XI пригрозил наказанием всем священникам, которые дрогнули в своей преданности королю, но, несмотря на это, были некоторые, кто на исповеди призывал кающихся к неповиновению и освобождал их от обязанности приносить клятву верности. Это было явное злоупотребление таинством, и, поскольку обязанностью инквизиции было поддерживать чистоту веры и предотвращать зло, проистекающее из столь пагубного учения, всем кающимся, которых так просили, было приказано в течение девяти дней выдать своих исповедников под страхом отлучения от церкви и других произвольных наказаний. [559]

Инквизиция во время войны была особенно полезна в общении с церковниками, которые были вне досягаемости светских и военных судов, и это в тех случаях, когда не было никаких намеков на ересь. События 1706 года — захват и потеря Мадрида союзниками и революции в Валенсии и Каталонии — вызвали ряд судебных процессов по обвинению в государственной измене. Супрема все еще находился в Бургосе, когда Филипп V сообщил генеральному инквизитору Видалю Марину, что он приказал арестовать Хуана Фернандо Фриаса, священнослужителя, который должен был быть как можно скорее доставлен инквизиции в Бургос для суда за государственную измену. 13 августа Верховный суд ответил, что он поместил Фриаса под надежную стражу, инкомуникадо; генеральный инквизитор поручил приору Санта-Мария-де-Паласио-де-Логроньо служить в трибунале, и должна быть минимально возможная задержка в проверке и наказании преступления. Это заверило короля, что он может рассчитывать на скорейшее исполнение своих желаний и на *vindicta publica*, поскольку апостольская юрисдикция Верховного Суда распространяется на вынесение смертных приговоров. [560] В своем лояльном рвении он не подумал о неправильности. Действительно, Верховный Суд, по-видимому, поручил трибуналам действовать в подобных случаях. В 1707 году Исидро де Бальмаседа, инквизитор Валенсии, подписывается как “Инквизитор апостольского суда против еклезиастических дифидентов” в деле брата Перегрин Геральта, брата-мирянина монастыря сервитов в Кварто, который, как показали показания, был приверженцем эрцгерцога Карла, усердно передавал разведданные союзникам, а по возвращении распространял ложные сообщения, приводя в смятение умы людей. В этом судебном процессе формальность *clamosa* со стороны фискала была опущена; инквизиторы взяли показания и, получив их, приказали арестовать Геральта, не передавая их калификадорес. [561]

С этого времени инквизиция была на службе государства всякий раз, когда от нее требовалось подавлять мнения, которые считались опасными, хотя, когда ее интересы сталкивались с

интересами короны, дела Маканаса и Беландо показывают, что она все еще могла отстаивать свою агрессивную независимость. Однако по мере того, как шел век, она становилась все более и более подчиненной. Писатель около 1750 года, сожалея о том, что это не подавило вероятностность модного морального богословия, искренне хвалит его за его политическую полезность; по его словам, оно не только занимается сохранением чистоты веры, но и оригинальным способом поддерживает мир в государстве и подчинение королю и магистратуре. В своих войнах Филипп V время от времени пользовался его трибуналами в сложных ситуациях со счастливыми результатами, и поэтому он чтит и отличал его на протяжении всего своего правления. [562]

В СТАДИИ РЕСТАВРАЦИИ

Таким образом, по мере того, как его первоначальные функции приходили в упадок, была открыта новая карьера. Мы видели, как его цензура использовалась для предотвращения вторжения современного либерализма, и его процедура аналогичным образом применялась против отдельных людей. С началом Французской революции его бдительность была направлена особенно против распространения опасных доктрин народной свободы, и любого выражения сочувствия событиям за пределами Пиренеев было достаточно для оправдания судебного преследования. Еще в 1790 году Жак Жорда, француз, предстал перед трибуналом Барселоны за высказывания, враждебные духовным и светским властям, и судебные преследования за подобные преступления продолжали быть частыми. В 1794 году, во время войны с Французской Республикой, даже такая важная персона, как дон Антонио Рикардо, главнокомандующий армией в Руссильоне, предстал перед мадридским трибуналом за высказывания в поддержку событий во Франции, и в то же время его секретарь дон Хосеф дель Борке проходил аналогичный опыт в трибунале Логроньо. [563] Война, ведущаяся таким образом, не могла не привести к катастрофическим последствиям.

Это использование церковного трибунала в мирских целях было одной из причин, приведенных кортесом Кадиса для его отмены. Даже его главный защитник, брат маэстро Альварадо, не смог опровергнуть обвинение, но он поменялся ролями, возложив вину на янсенистов, которым ортодоксы приписывали все зло того времени. Он утверждал, что именно они смешали религию и политику и поставили государство выше Церкви. [564] Он не дожил до опровержения своей диалектики, когда ультрамонтанизм восторжествовал при Реставрации, и политические функции инквизиции стали еще более заметными. В 1814 году копия договора от 30 июля с Людовиком XVIII была разослана трибуналам, чтобы они могли привести в исполнение относящиеся к ним положения, и когда в 1815 году было получено известие о возвращении Наполеона с Эльбы, король Фернандо приказом от 8 апреля включил трибуналы инквизиции в инструкции, данные военным и церковным властям, чтобы они следили за границей от неожиданностей и охраняли внутренние районы от ухищрений и соблазнов недовольных. [565] Фактически, мы можем сказать, что главной работой, ожидаемой от инквизиции, была работа *высшей полиции*, для которой ее организация делала ее особенно подходящей. 8 апреля 1817 года мы находим сообщение о том, что беженцы, генерал Реновалес и полковник Пеон, соучастники попытки восстания Хуана Диаса Порлье в Галисии, находились на португальской границе. Следовательно, трибунал Сантьяго (Галисия) должен был установить связь с трибуналом Коимбры, разработать средства для их поимки и через своих уполномоченных и приближенных выяснить, кто находится в пути, поскольку безопасность трона и алтаря требовала от Святой Канцелярии чрезвычайной бдительности в существующих

обстоятельствах. Генеральный инквизитор переслал это в Галисию с приказом привести это в исполнение “немедленно, немедленно, немедленно”, и, не удовлетворившись этим, инструкции были разосланы трибуналам Мурсии, Кордовы, Сарагосы и Барселоны, все из которых ответили обещаниями максимальной активности и бдительности в отношении реакционеров. [566] Итак, в 1818 году трибунал Логроньо сообщил, что его комиссар в Эрнани (Гипускоа) сообщил, что он слышал, как человек произнес предложение “*La nación es soberana*”. На это Верховный судья ответил, что это вопрос высокой важности и может привести к большим результатам. Льяно должен выступить с официальным доносом со всеми подробностями; также он должен заявить, почему он подозревал дона Джозефа Хоакина де Мариатеги, и откуда он знает о его поездке во Францию и Англию и о его отношениях с тамошними беженцами — все это должно быть сделано с максимальной осторожностью и быстротой, и о результатах будет сообщено. [567]

Вряд ли стоит умножать подобные тривиальные детали, чтобы показать, насколько эффективным политическим органом стала инквизиция при Реставрации. Его деятельность в этом направлении продолжалась до конца, и когда во время революции 1820 года в Севилье, 10 марта, двери секретной тюрьмы распахнулись, трое освобожденных заключенных были политическими. [568]

Помимо этих прямых политических услуг, государство иногда призывало инквизицию к помощи в обеспечении соблюдения светских законов, когда гражданская организация оказывалась не в состоянии справиться с этой обязанностью. Наиболее яркий пример этого можно найти в несколько неуместном вопросе о предотвращении экспорта лошадей.

ВЫВОЗ ЛОШАДЕЙ

С самого раннего периода к этому относились с большой завистью. Начиная с XII века, корты Леона и Кастилии в своих петициях постоянно просили о введении запрета в действие, и на кортах Бургоса в 1338 году Альфонсо XI приговорил за это к смертной казни и конфискации, даже если нарушителями были идальго, жестокое положение, которое было возобновлено Фердинандом и Изабеллой в 1499 году. [569] Арагон, расположенный между Кастилией и Францией, пострадал от этого эмбарго. Корт Монзона в 1528 году обратились к Карлу V с петицией о помиловании некоторых граждан, которые вывезли лошадей из Кастилии и были приговорены к смертной казни и другим наказаниям, на что Карл ответил, что он не простит тех, кто переправил лошадей во Францию; что касается тех, кто просто отвез их в Арагон, если на них можно будет указать, он дарует им помилование. Еще одна жалоба Córtes указывает на жесткие методы, принятые для предотвращения уклонений. Если араговец отправлялся в Кастилию по делам, ему разрешалось оставаться там девятью днями; если он превышал установленный срок, по возвращении его лошадь отбирали на границе, хотя и в том же месте, через которое он въехал. [570] Какими бы суровыми ни были эти меры, они оказались неэффективными. Контрабандная торговля всех видов процветала в диких горных районах вдоль французской границы, и запрет в отношении вьючного животного, которое перевозило само себя, был общеизвестно труднодоступен.

В 1552 году мы находим, что Верховный суд приказал трибуналу Сарагосы привлечь к ответственности и наказать одного из своих уполномоченных в горах Хака, обвиняемого в

переправке лошадей во Францию, но это, очевидно, было связано с тем фактом, что преступник имел право на фуэро инквизиции. [571] До сих пор не было изобретательного приписывания подозрений в ереси этой контрабандной торговле, и когда в 1564 году суды Монзона запретили вывоз лошадей и кобыл из Арагона, единственной предполагаемой причиной была их нехватка в королевстве. [572] Однако третий Латеранский собор в 1179 году осудил отлучение от церкви и суровые наказания для всех, кто снабжал неверных воинственными материалами, и это было внесено в Свод законов; Николай IV специально включил лошадей и ужесточил наказания; Бонифаций VIII в 1299 году передал преступление под юрисдикцию Святой канцелярии и приказал все инквизиторы должны были проводить бдительное расследование в своих округах, и запрет был повторен в ежегодных буллах *In cœna Domini*. [573] Юг Франции, и особенно прилегающая территория Беарна, были охвачены ересью, и был предоставлен благовидный предлог для обращения за помощью к инквизиции для пресечения контрабандного оборота.

ВЫВОЗ ЛОШАДЕЙ

Впервые это было доведено до сведения трибунала Сарагосы в 1573 году комиссией, уполномочившей его действовать в этом помещении. Соответственно, он включил в Эдикт веры пункт, требующий осуждения всех, кто продавал оружие или лошадей неверным, еретикам или лютеранам, или кто передавал их в лютеранские земли или помогал передавать их. Это вызвало многочисленные доносы, но, поскольку не было возможности узнать, что стало с лошадьми после того, как они пересекли границу, трибунал был бессилён возбудить уголовное дело и поэтому доложил Верховному судье. 25 августа 1573 года суд ответил, что необходимы дополнительные меры; предполагая, что Беарн населен еретиками при правителях-еретиках, трибунал может возбудить дело против и наказать, как покровителей еретиков, тех, кто покупал, продавал или передавал лошадей Беарну, даже если не было похоже, что они были проданы еретикам, и ему было настоятельно рекомендовано принять активное участие в этом вопросе. Поэтому эдикт был изменен, чтобы включить в него в качестве защитников еретиков всех, кто связан с передачей лошадей в Беарн; он был разослан с секретарем по всем основным ярмаркам, где продавались лошади, для опубликования в церкви с уведомлением, что уполномоченный примет любого, кто пожелает облегчить свою совесть. Вывоз был запрещен, если только владелец не был известен и не гарантировал, что лошади не будут отправлены в Беарн, или же не представал со своими лошадьми перед инквизиторами в назначенное время, чтобы можно было принять животных к сведению и получить отчет об их назначении. Другим средством, оказавшимся эффективным, была регистрация всех лошадей на ярмарках с описаниями и именами владельцев, которые должны были вести учет всех продаж и покупателей. Это, однако, относилось только к туземцам; что касается французов и беарнцев, то все имевшиеся у них лошади изымались без церемоний; если владельцем был француз, лошади оставались на хранении в ожидании инструкций от Верховного; если беарнец, его изымали вместе с его лошадьми и привлекали к ответственности, как включенного в Указ. С испанцами, которых обнаружили с лошадьми, направляющимися во Францию или Беарн, обращались как с французами — лошадей продавали, чтобы оплатить расходы, и, если оставались какие-то остатки, они передавались получателю. Более того, были предприняты усилия, чтобы найти тех, кто занимался торговлей поставками лошадей во Францию; они были арестованы под каким-либо предлогом и брошены в тюрьму; если против них были найдены улики, они подвергались судебному преследованию; если нет, то после задержания их освобождали под залог, потому что, как заявили инквизиторы, ни в Эдикте, ни в законах королевства не было предусмотрено наказание. Ввиду риска того, что стороны могут обратиться

за фирмой или манифестацией, у Suprema попросили дальнейших инструкций, когда 1 июля 1574 г. она ответила, что судебное преследование должно проводиться так же, как в случаях ереси, обвиняемые должны предоставить свои родословные, а затем, если потребуется обратиться к манифестации, должно быть удовлетворено утверждением, что дело является вопросом веры. Однако мошеннический характер этого предположения раскрывается в признании того, что светские магистраты могут привлечь к ответственности за это преступление. [574]

Таким образом, рвение и активность инквизиции, проявлявшиеся в пренебрежении всеми законами и ее процессуальными методами, фактически поставили под свой контроль всю торговлю кониной в королевстве. Воодушевленный этим, трибунал Сарагосы добился еще большего расширения юрисдикции и в 1576 году доложил Верховному суду о большой активности по экспорту во Францию, Беарн и Гасконь аркебуз, пороха, листового железа для кирас и других боевых материалов, а также предложил издать указ, касающийся этой торговли, аналогичный тому, что касается лошадей. На это Верховный согласился, предупредив, что следует понимать, что это оружие и амуниция предназначались для еретиков. [575] Сложность, связанная с этим, вероятно, помешала принятию мер, поскольку я не встречал ни одного случая их приведения в исполнение.

Следует отметить, что трибунал Сарагосы указал, что законом за данное преступление не предусмотрено наказание. Это упущение было исправлено в суде Таразоны в 1592 году, который лишил того, что было известно как *via privilegiata*, длинного списка преступлений, включая передачу лошадей и военного снаряжения Беарну и Франции, с добавлением, что это могло быть наказано смертной казнью. [576]

Решение Верховного суда, вынесенное трибуналу Барселоны в 1582 году, гласило, что, если лошади были вывезены во Францию, необходимо установить, принадлежали ли они еретикам, чтобы оправдать судебное преследование инквизицией, но, по мнению Беарна, одного этого было достаточно. [577] Со временем от этого приятного различия отказались, хотя поддерживалась фикция, что это вопрос веры. Примерно в 1640 году инквизитор сообщает нам, что было принято наказывать тех, кто экспортировал лошадей или военное снаряжение во Францию, даже несмотря на то, что не было никаких доказательств того, что они принадлежали еретикам, поскольку этот акт был очень пагубным. Обвиняемый, как правило, содержался в секретной тюрьме, судебный процесс проводился как судебный процесс веры и был одобрен на регулярных консультациях, включая ординариев епископальной церкви. Если случай не был легким, преступник появлялся на общественном автомобиле. Если он принадлежал к низшим классам, его иногда бичевали; если принадлежал к высшему сословию, его подвергали изгнанию и штрафу вместе с конфискацией лошади или, если она была успешно сдана, он платил двойную ее стоимость. В случае с аббатом-бенедиктинцем, который передал одну или две лошади Франции, Верховный суд оштрафовал его на шестьсот дукатов и отстранил от исполнения обязанностей на год. Иногда приговор предусматривал инвалидность при занятии государственных должностей как для виновного, так и для его потомков. [578]

Как ни странно, в случае с Антонио Пересом этот вопрос на мгновение всплывает в виде важного из тех применений, которым его можно было бы найти. Весной 1591 года, когда было желательно подавить Диего де Эредиа, генеральный инквизитор Кирога 20 марта написал трибуналу Сарагосы, что его подозревают в поставке лошадей во Францию. К 4 апреля трибунал

собрал показания, свидетельствующие о том, что годом или двумя ранее он продал двух лошадей французу за триста шестьдесят либр и что они должны были быть доставлены во Францию. В сделке не было никакой секретности, и были получены дополнительные доказательства того, что Эредиа привез лошадей из Кастилии в Сарагосу, откуда их увезли в горы, и больше их никто не видел. [579] События 24 мая, однако, сделали дальнейшие исследования в этом направлении излишними.

Когда была отменена эта своеобразная инквизиторская функция, четко не указано. В 1667 году трибунал Барселоны привлек к ответственности Эудальдо Пенстевана Бонгеро за экспорт лошадей во Францию. Уже могло показаться, что осознание этого преступления устарело, поскольку в 1664 году Верховный суд поставил под сомнение компетенцию трибунала рассматривать его, когда 23 июля он ответил, что провел папский брифинг о присвоении полномочий. Супрема запросил подлинную копию этого документа или инструкций, уполномочивающих его действовать, но ни того, ни другого не последовало, и 11 ноября 1667 года Супрема снова запросил их, чтобы вынести решение по делу Бонгеро. [580] Вероятно, нам не следует ошибаться, рассматривая это как последнюю попытку обеспечить соблюдение юрисдикции, столь чуждой реальным целям Святой Канцелярии.

ЧЕКАНКА

Еще более эксцентричное обращение к ужасу, испытываемому инквизицией, когда светский механизм не смог выполнить свою задачу, произошло, когда обесценивание чеканки монет привело испанские финансы в неразбериху. Жалкие жетоны веллона были введены в обращение по ценам, значительно превышающим их внутреннюю стоимость, и государственные деятели исчерпали всю свою изобретательность, изобретая неуклюжие способы остановить их неизбежное обесценивание — всевозможные наказания, чтобы снизить надбавку к серебру, и максимальные законы, регулирующие цены, от рубашек до арендной платы за жилье. Монеты грубой чеканки, в основном потрепанные и изношенные, легко подделывались, и их производство за границей приносило большую прибыль и наводняло Испанию ими по фиктивной стоимости. Для противодействия этому искушению были приняты кровавые законы, и это преступление каралось, как и ересь, сожжением, конфискацией и инвалидизацией потомков. Чтобы сделать это более эффективным, это было объявлено делом инквизиции, и, подобно вывозу лошадей, была предпринята попытка замаскировать это под вопрос веры. Хартия акордада от 6 февраля 1627 года уведомляла трибуналы, что под их юрисдикцию подпадает, если какой-либо еретик или покровитель еретиков импортирует деньги веллона с целью экспорта золота, серебра или других военных припасов, тем самым ослабляя силы короля, и все подобные преступления относятся исключительно к компетенции инквизиции. Но когда это было сделано католиками ради выгоды, юрисдикция принадлежала исключительно королю, и как таковой он предоставил ее инквизиции в совокупности с предостережением о том, что в компетентных случаях не следует применять порицания. Ожидалась папская сводка, подтверждающая это, а между тем подобные судебные преследования должны были проводиться по вопросам веры. Маловероятно, что Урбан VIII снизошел до разрешения такого злоупотребления полномочиями, делегированными инквизиции, поскольку немногим более чем через год Филипп IV отменил это действие и ограничил рассмотрение преступления светскими судами. [581]

Если, как мы видели, инквизиция не была политической машиной той важности, которую представляли, то это произошло не из-за отсутствия желания с ее стороны быть задействованной таким образом. Когда требовались его услуги, они оказывались в распоряжении государства, и если при принцах Габсбургов это случалось редко, то лишь потому, что в них не было необходимости.

ГЛАВА XI.

ЯНСЕНИЗМ.

ЯНСЕНИЗМ - удобный термин, с помощью которого можно заклеить как ересь все, что не нравится ультрамонтанству, будь то в Церкви или государстве, и это послужило предлогом для продолжения существования инквизиции после того, как старые отклонения были уничтожены. Однако, как конкретная ересь, она не поддается точному богословскому определению. Она возникла в бесконечных спорах о неразрешимых вопросах предопределения, благодати и свободной воли, разрешенных св. Августина и Второго Оранского собора и принимался Церковью до тех пор, пока использование предопределения Кальвином не вынудило Тридентский собор внести изменения, а отважный иезуит Луис де Молина возродил проблему. Затем дискуссия превратилась в пробу сил между восходящим обществом Иисуса и его старшими соперниками, августинцами и доминиканцами, когда Климент VIII тщетно пытался заставить спорщиков замолчать. Корнелис Янсен, епископ Ипрский, стремился оправдать св. Августин в своем труде под названием "Августинус", вокруг которого бушевала полемика, пока иезуиты не одержали победу в 1653 году, добившись осуждения знаменитых Пяти положений, взятых из этого труда, — осуждения, с которым согласились последователи Янсена, отрицая при этом, что он их учил. [\[582\]](#)

ПРИРОДА ЕРЕСИ

Еще одно состязание, результаты которого мы увидим, разгорелось из-за трудов кардинала Генри Нориса, в котором иезуиты потерпели поражение. Он также был августинианцем и профессором церковной истории в Пизе, который занимался обоснованием доктрин св. Augustin. Две его работы, "*История Пелагианы*" и "*Диссертация о Кинта Синодокуменика*", перед публикацией были обвинены в байанизме и янсенизме; рукописи были отправлены в Рим и тщательно изучены редакторами, которые признали их ортодоксальными и выдали лицензию на печать. После публикации интерполяции в прессе были опровергнуты. Иннокентий XI вызвал Нориса в Рим в качестве заведующего библиотекой Ватикана, и, поскольку это было расценено как шаг к кардинализму, против него были выдвинуты новые обвинения в янсенизме. Его продвижение по службе было отложено; восемь теологов были отправлены работать над его книгами; их благоприятный отзыв был подтвержден Конгрегацией инквизиции, и Иннокентий назначил его одним из своих консультантов. Нападки на него продолжались, на что он ответил в пяти диссертациях, напечатанных в 1685 году, когда Иннокентий наградил его кардинальской шапкой и сделал членом нескольких важных конгрегаций, включая конгрегацию инквизиции, в которой он с отличием служил до своей смерти в 1704 году. [\[583\]](#)

Франция, однако, была главным очагом янсенизма, где неосозаемые доктринальные моменты, связанные с решением 1653 года, были затемнены более насущными проблемами. Янсенисты представляли более строгую и пуританскую часть духовенства, в противоположность

сторонникам смягченной морали вероятностного подхода, главными сторонниками которого были иезуиты — аспект полемики, увековеченный Паскалем. Кроме того, поскольку Рим принял решение против Янсена, те, кто защищал его, естественно, были вынуждены принизить авторитет Святого Престола, игнорировать его осуждающие высказывания как подковерные, утверждать верховенство генеральных соборов и превозносить независимость и привилегии Галликанской церкви, которая со времен Людовика Святого в XIII веке неуклонно сопротивлялась посягательствам папства. В ходе ссоры произошло повторное вливание теологии, когда иезуиты добились осуждения в Булле *Unigenitus* взглядов Кенеля на достаточное раскаяние и зачаточную благотворительность, но это был лишь еще один инцидент в борьбе между ригоризмом и лаксизмом.

Хотя янсенизм, таким образом, был осужден как ересь, на самом деле он был связан гораздо меньше с верой, чем с дисциплиной и моралью, и каждый, кто враждебно относился к вероятностизму, иезуитизму и ультрамонтанству, клеймился как янсенист. Людовик XIV и мадам де Ментенон, которые преследовали первых янсенистов, принадлежали к этой секте из-за того, что они насаждали королевскую прерогативу; Боссюэ подозревался в янсенизме за его защиту Декларации галликанского духовенства в 1682 году против ультрамонтанских доктрин папской власти; кардинал Агирре был янсенистом, потому что он выступал против распущенности вероятностного подхода, и таким же был даже генерал-иезуит Тирсо Гонсалес, потому что он написал книгу, доказывающую, что не все иезуиты были слабаками. Когда под защитой Леопольда, великого герцога Тосканского, епископ Шипионе де'Риччи на своем Соборе в Пистойе в 1786 году попытался без папской власти осуществить внутреннюю реформу своей Церкви, он был янсенистом, и после того, как его покровитель был переведен на императорский трон, Пий VI в 1794 году имел удовольствие осудить в булле *Auctorem fidei* не менее восьмидесяти пяти ошибок Собора, в основном янсенистских. Во Франции духовенство по большей части было приверженцем галликанизма и в значительной степени было ригористом, поэтому практически янсенизм процветал и давал о себе знать такими мерами, как изгнание иезуитов. Бывший иезуит Болгени отомстил, написав книгу, доказывающую, что якобинство революции было всего лишь янсенизмом в действии. На самом деле, Гражданская конституция духовенства 1790 года была явно янсенистской, потому что, не вмешиваясь в догмы, она воплощала демократическое развитие галликанизма.

БОРЬБА ВО ФЛАНДРИИ

Испания уделяла мало внимания теологическим спорам вокруг Янсена, хотя его работы и работы его последователей были должным образом осуждены инквизицией. [584] Любопытной иллюстрацией этого безразличия является то, что, когда великий библиограф Николас Антонио, защищая Пруденция от нападок Хинкмара Реймсского, провозгласил как добрую католическую доктрину утверждение Пруденция о том, что кровь Христа была пролита только за верующих, а не за неверующих, это, фактически совпадающее с пятым из осужденных положений Янсена, ускользнуло от внимания. Книга была напечатана в Риме на средства кардинала Агирре; испанская инквизиция не обратила на нее внимания в Указателях 1707 и 1747 годов, и отрывок сохранен в издании 1788 года, выпущенном под эгидой Карлоса III. [585] Тем не менее, Испания не могла полностью остаться в стороне от ссоры, поскольку ее фламандские провинции были рассадником янсенизма, который не мог быть искоренен в Университете Лувена. В 1649 году доктор Решт, как представитель Университета и его великого защитника Энгельберта Дюбуа, архиепископа Малинского, прибыл в Мадрид, где напечатал и распространил мемориал против

буллы Урбана VIII и эрцгерцога Леопольда, настолько оскорбительный для обоих, что инквизиция запретила его указом от 13 сентября 1650 года. [586] Это не охладило пыл фламандских последователей Янсена, и в 1656 году Александр VII счел своим долгом обратиться к дону Иоанну Австрийскому, тогдашнему губернатору Нидерландов, с настоятельным призывом пресечь распространение осужденных ошибок. [587]

Борьба продолжалась, и вскоре после 1690 года Карлос II был вынужден издать приказ, согласно которому все янсенисты, ригористы и другие новаторы должны быть уволены и лишены всех должностей и привилегий, светских и церковных. В соответствии с этим декретом некоторые видные янсенисты были лишены прав и сосланы, среди них пять врачей из Лувена — Гуммар Гюйгенс, Э. ван Гит, Г. Бартс, Р. Бакц и Виллем ван ден Энден. Преследуемая секта обратилась в Рим и добилась от Иннокентия XII распоряжения от 6 февраля 1694 года, адресованного епископам, запрещающего обвинять кого-либо в янсенизме по неясным обвинениям или отстранять от какой-либо духовной функции или поста, если только он не будет признан виновным в обычном порядке правосудия в том, что заслужил столь суровое наказание. Это затруднило действия епископата, поскольку было заявлено, что от епископов нельзя ожидать расходов и труда в ходе регулярных судебных процессов, требующих абсолютных доказательств и юридических придинок, но это не повлияло на светскую власть, и курфюрст Баварии, тогдашний губернатор Фландрии, повторил в октябре и ноябре 1695 года советам провинций и университету неоднократные королевские приказы отстранять от всех церковных званий и светской работы лиц, подозреваемых в янсенизме и ригоризме. Затем, 1 марта 1696 года, Карлос изменил свои указы таким образом, чтобы подбодрить раскольников, которые, похоже, пользовались широкой народной и официальной поддержкой. Мы слышим о письме в защиту католической партии, которое было публично сожжено палачом в Брюсселе перед дворцом, а 29 января 1698 года жители Брюсселя в беспорядке обратились к архиепископу Малинскому Фердинанду де Берло де Брюсу с требованием, чтобы он прекратил свое сопротивление Н. ван Эсбеке, который был назначен капитулом церкви Святой Гудулы их приходским священником. Такое положение дел побудило генерала-иезуита Гонсалеса обратиться к памятнику Карлосу, предупредив его, что этот дух, если его не подавить, приведет к разрушению религии и его владений, и умоляя в выражениях, гораздо менее уважительных, чем требовали испанские обычаи, чтобы он сообщил папе об опасных последствиях папского указа, чтобы он наказал тех, кто его раздобыл, а также авторов памятного письма, представленного Карлосу в 1696 году, и чтобы он приказал фламандским епископам игнорировать выдвинутые в качестве туманных обвинений предлоги. Иезуиты перешли черту в этом наглом вмешательстве, и мемориал был запрещен испанской инквизицией указом от 28 сентября 1698 года как оскорбительный для властей, светских и церковных, Фландрии. [588]

ССОРА ИЗ - ЗА КАРДИНАЛА НОРИСА

Испания, хотя и с меньшим успехом, чем Франция, долгое время боролась за освобождение от папского контроля, и любопытный парадокс заключается в том, что ее наиболее решительное отстаивание политического янсенизма возникло из попытки дискредитировать доктринальный янсенизм. Влияние иезуитов постепенно доминировало в инквизиции, и, как мы видели, кардинал Норис был особым объектом ненависти иезуитов. Когда в 1721 году августинец Мансо опубликовал в Вальядолиде свой “S. Августин де Виртутибус Неверующий”, работа была

осуждена и запрещена в 1723 году, в то время как яростные нападки на него со стороны иезуитов, как на латыни, так и на местном наречии, были допущены к свободному распространению. [589] Кульминация наступила, когда падре-иезуит Рабаго, духовник Фернандо VI, контролировал слабого и нерешительного генерального инквизитора Переса де Прадо-и-Куэста, что привело к аномальному состоянию, при котором инквизиция бросила вызов Святому Престолу, так называемые янсенисты стали самыми горячими защитниками папской власти, а иезуиты утвердили верховенство регалий.

Когда Прадо-и-Куэста вступил в должность в сентябре 1747 года, было объявлено, что у Suprema появился новый Index Expurgatorius, находящийся на продвинутом этапе подготовки иезуитами Казани и Карраско. Печатание было почти закончено, когда издание *Библиотеки янсенистов* иезуита Доминика де Колонии 1744 года достигло Мадрида. По сути, это был полемический труд, каталог писателей и книг, выступающих против иезуитизма, и иезуитам пришла в голову блестящая идея напечатать его в качестве приложения к Указателю и таким образом одним ударом подавить всю враждебную литературу. Были допущены некоторые незначительные упущения, но, когда Указатель появился, в нем содержались "*Пелагианская история* Нориса и "*Диссертация*". Существовало много других не менее ортодоксальных книг, но именно они стали эпицентром бури, поскольку неоднократно и официально одобрялись Святым Престолом после специальной экспертизы. Была подана апелляция к Бенедикту XIV, который 31 июля 1748 года обратился к Прадо-и-Куэсте с кратким изложением расследования книг Нориса и указал, что все вопросы, касающиеся их, были окончательно урегулированы торжественным решением Рима, так что испанская инквизиция не имела права вновь открывать этот вопрос, а тем более осуждать книги. Он не мог терпеливо переносить обиду, таким образом, без причины нанесенную Норису, и посоветовал Прадо-и-Куэсте найти средства предотвратить раздор между Испанией и Римом. [590]

Генеральный инквизитор применил излюбленный прием инквизиции - уклонение от ответственности. Он ответил, что обнаружил Указатель почти напечатанным, когда вступил в должность; он пытался издать его без своего имени, но это было невозможно; он не знал, что имя Норис было в нем, пока августинцы не пожаловались, и он подробно остановился на трудности внесения изменений, особенно с учетом серьезных причин, по которым книги были включены. Эта переписка была строго засекречена, но краткое содержание было показано в Риме генеральному прокурору августинцев, который отправил копию в Мадрид, где она была усердно расшифрована и распространена по стране, вызвав огромную сенсацию. Прадо-и-Куэста, адресованное 16 сентября 1748 года Бенедикту с горькой жалобой, в которой говорилось о неосмотрительности позволения сплетничать о подобных вещах на улицах и предоставления такого утешения еретикам. Партия иезуитов открыто провозгласила независимость испанской инквизиции в подобных вопросах и заявила, что на карту поставлена ее честь. Падре Рабаго взялся управлять королем и убедил его сообщить папе, что он не допустит никакого посягательства на привилегии инквизиции.

Роман затянулся. Портокарреро, посол в Риме, поспешил в Испанию и пришел к компромиссу с Прадо-и-Куэста, но Рабаго, который не соглашался ни на что, кроме подчинения Святого Престола, убедил Фернандо держаться твердо, и дело переросло в борьбу между регалиями и папским превосходством, в которой Норис был всего лишь инцидентом. 1 июля 1749 года Фернандо написал Бенедикту, прямо заявив, что он не допустит ущемления своих прав и прав инквизиции. Не имело значения, могли или не могли верующие в Испании читать труды Нориса,

но для него было чрезвычайно важно устранить раздор, возникший среди его подданных. Бенедикт ответил сдержанно, и король смягчился настолько, что предложил компромисс, который закрыл бы дело, если бы оно не было вдвойне осложнено папским указом от 24 сентября, осуждающим *библиотеку Янсениста в Колонии*, таким образом, включив в римский указатель значительную часть испанского языка. В письме испанскому агенту в Риме Рабаго в отместку пригрозил, что король запретит не только работы Нориса, но и сам Римский указатель. Еще более смелыми были инструкции, которые он отправил Портокарреро. Из них было два набора, один длинный и аргументированный, другой более краткий, который следовало использовать только в случае необходимости. В нем нагло утверждалось, что папское рвение в защиту Нориса было новым аргументом против непогрешимости; что папы Либерий и Гонорий за не менее серьезные подозрения были преданы анафеме синодом, и для его Святейшества было бы унижительно, если бы то же самое случилось с ним. Портокарреро был опытным дипломатом, но на аудиенции 26 ноября 1749 года он вручил Бенедикту копию этого знаменательного документа, переведенную на отборный итальянский, а на следующий день он весело написал Рабаго, что, по его мнению, это положит конец делу; папа был недоволен, но, зная его характер, это не должно вызывать тревоги.

ССОРА ИЗ - ЗА КАРДИНАЛА НОРИСА

Бенедикт, кажется, с достоинством обошел молчанием эту непристойную угрозу о том, что он может быть предан анафеме за ересь, но брешь была шире, чем когда-либо. Весной 1750 года дело было передано из рук Портокарреро Мануэлю Вентуре Фигероа, аудитору Рота, который умело убедил Бенедикта прекратить это дело, в то время как с таким же мастерством и неограниченным подкупом он вел переговоры о Конкордате 1753 года, который фактически предоставил короне покровительство испанской церкви. Затем, в 1755 году, последовало увольнение Рабаго за его участие в возбуждении сопротивления парагвайских иезуитов договору 1750 года о передаче этой колонии Португалии. Его сменил на посту исповедника Мануэль Кинтано Бонифас, который в том же году стал генеральным инквизитором после смерти Прадо-и-Куэсты. Бенедикт никогда не переставал требовать выполнения предложения, однажды сделанного Фернандо, убрать имя Нориса из Списка, и в 1757 году он убедил короля предоставить ему это удовлетворение перед своей смертью в обмен на многочисленные оказанные милости.

Влияние иезуитов больше не было первостепенным, и Фернандо приказал провести расследование. Документы были собраны и переданы Бонифазу, который в декабре представил консультацию, в которой подробно остановился на тщательности, обычно проявляемой инквизицией перед осуждением самой незначительной книги, в то время как в данном случае Казани и Карраско включили в Индекс произведения Нориса без какой-либо предварительной проверки и без ведома генерального инквизитора, что было грубым злоупотреблением оказанным им доверием. Книга Нориса была напечатана в Испании в 1698 году, посвящена генеральному инквизитору Рокаберти, и имела неоспоримый тираж до тех пор, пока эти два падре не обнаружили в ней следы янсенизма. Поэтому Бонифаций пришел к выводу, что у папы были веские основания для недовольства и что королевское обещание должно быть выполнено. Соответственно, 28 января 1758 года был издан указ, излагающий запрет и заканчивающийся словами “Но, с тех пор рассмотрев этот вопрос со зрелым и серьезным

размышлением, соответствующим его важности, мы приказываем удалить указанное произведение из Индекса и заявляем, что и оно, и его самый выдающийся автор остаются в той же репутации и почете, что и прежде”. По этому поводу старый добрый папа римский в теплых выражениях выразил Фернандо свое удовлетворение. [591]

Это можно предположить как последнюю борьбу за то, что считалось доктринальными ошибками янсенизма, и последующие преследования были направлены против него как противника ультрамонтанства и иезуитизма, а также как сторонника королевских прерогатив. При Филиппе II в испанской церкви существовала сильная тенденция к галликанству, которое стало известно как янсенизм. В 1598 году Агостино Зани, венецианский посланник, говорит, что испанское духовенство зависит сначала от короля, а затем от папы римского; поговаривали об отделении от Святого Престола и формировании при Толедо национальной церкви в подражание галликанской. [592] Конкордат 1753 года, сосредоточивший патронаж в руках короны, мог только усилить эту зависимость духовенства, в то время как вторая половина восемнадцатого века стала свидетелем зловещей тенденции по всей Европе отказаться от подчинения Риму. Знаменитое произведение “Февроний”, [593] в 1763 году смело атаковал папское самодержавие и поощрял утверждение регалий; притязания Святого Престола как в духовных, так и в мирских вопросах были поставлены под сомнение со свободой, неизвестной со времен великих соборов пятнадцатого века, в то время как реформы Иосифа II и его брата Леопольда Тосканского были приостановлены. и “Пунктуация” Эмского конгресса была тревожным проявлением духа восстания. Было удобно заклеить этот дух как ересь под названием янсенизма, который с тех пор стал объектом самой ожесточенной папской вражды.

ЕГО РАЗВИТИЕ

Брат Мигелес сообщает нам, что Бонифаса за его участие в защите Нориса обвинили в янсенизме, и что с тех пор инквизиция стала простым инструментом в руках суда, крайне враждебного Риму; что вместо того, чтобы быть ужасным подавителем ереси, она была защитником регалий и преследователем ультрамонтанства — другими словами, что она была янсенистской — и что ее использовали в попытке заложить основы раскольнического общества в Испании. Церковь, похожая на Утрехтскую. [594] Это было не так, но поскольку янсенизм теперь был всего лишь доктринально неверным обозначением принципа, частично политического, частично дисциплинарного, инквизиции предстояло пройти узкий и трудный путь. Карлос III был полностью убежден в масштабах регалий; он был вовлечен в постоянную борьбу с римским двором и без колебаний диктовал инквизиции свои условия. Оно не осмеливалось вмешиваться в королевские прерогативы, но, насколько это было возможно, поддерживало ультрамонтанство, преследуя тех, против кого могло выдвинуть обвинения под видом янсенизма.

Министры Карлоса III, которые дожили до первых лет правления Карлоса IV, были воодушевлены этим духом восстания и вели активную пропаганду. Книга Феврония была тайно напечатана в Мадриде и широко распространялась, поскольку, несмотря на осуждение, инквизиция была вынуждена благоразумно закрыть на это глаза. [595] Акты синода Пистойи были переведены на испанский, и предпринимались настойчивые попытки получить лицензию на их публикацию, пока Пий VI не вмешался с письмом королю и не сорвал попытку. [596] Когда в 1794 году булла *Auctorem fidei*, осуждающая ошибки синода, достигла Испании, Совет

Кастилии выступил против ее принятия. [597] Университет Саламанки считался рассадником янсенизма. Ховельянос рассказывает нам, что все, кто там обучался, были портороялистами из секты Пистойя; работы Опстрата, Зуолы и Тамбурины были в руках у всех; до появления эдикта о запрете было распространено более трех тысяч экземпляров, а тогда был распространен только один том. [598] Мы слышим, как маркиз Рода, один из самых влиятельных министров Карлоса III, горячо восхваляет Порт-Ройял и великих людей, связанных с ним. [599] Естественно, епископские вакансии были заполнены епископами того же убеждения, и один из них, Джозеф Климент из Барселоны, имел проблемы с инквизицией за восхваление раскольниковой церкви Утрехта. В 1792 году Агустин Абад-и-ла-Сьерра, епископ Барбастро, был осужден в Сарагосском трибунале как янсенист, поддерживавший Французскую революцию, но вскоре после этого его брат Мануэль был назначен генеральным инквизитором, и судебное преследование было приостановлено, но, когда последнему в 1794 году Карлос IV приказал уйти в отставку, он, в свою очередь, был немедленно осужден. [600]

Инквизиция, по сути, не могла не выступать против янсенизма, поскольку одной из целей янсенистского движения было восстановление епископских прав и привилегий, столь серьезно урезанных Святой Канцелярией, и перестройка ее организации считалась необходимой для свержения ультрамонтанства. [601] Таким образом, иезуиты неизбежно были союзниками инквизиции; они испытывали сильную враждебность к Карлосу III, который с момента своего восшествия на престол в 1759 году уменьшил их влияние, отстранив от должности тех, кто был им предан. Их недовольство достигло кульминации в беспорядках в апреле 1766 года, которые распространились по королевству от Гипускоа до Андалусии и унизили Карлоса до последней степени. Очевидно, что это был результат согласованных действий, разумно направленных и поддерживаемых достаточными средствами, направленными на подавление народного недовольства, вызванного дефицитом и высокими ценами. Длительное расследование убедило короля в том, что Компания Иисуса была ответственна за беспорядки, что объясняет строгость, с которой было произведено изгнание в 1767 году, и неумолимую решимость Карлоса требовать от Климента XIII и Климента XIV упразднения Ордена. [602]

РЕАКЦИЯ

Устранение иезуитов стало триумфом так называемого янсенизма. Это привело систему образования Испании в замешательство, и этим воспользовались, чтобы перестроить ее таким образом, чтобы обучать подрастающее поколение галликанским идеям относительно отношений Церкви и государства и заменить средневековые современной наукой. [603] Однако инквизиция продолжала борьбу, и ее ревнивая бдительность проявилась, когда в 1773 году несколько случайных высказываний студента привели к осуждению барселонским трибуналом преподавания великого Каталонского университета Сервера как зараженного байанизмом и янсенизмом, в соответствии с *Лионской теологией*, книгой, осужденной в Рим за его галликанские принципы — донос, за которым должным образом последовало судебное преследование одного из профессоров, доминиканца по имени Пьер. [604]

Реакция в политике двора последовала с приходом к власти печально известного королевского фаворита Годоя. Указом от 19 октября 1797 года Карлос IV разрешил репатриацию выживших иезуитов, изгнанных в 1767 году. Оккупация папской области Наполеоном лишила их убежища в Болонье, и они почувствовали себя не в своей тарелке в Лигурийской республике, в которую они отправились. Поэтому им из сострадания разрешили вернуться с предосторожностями,

которые должны были рассеять их там, где они не должны были нарушать общественный порядок, но они быстро дали о себе знать и были заняты разоблачением инквизиции как янсенистов всех, кто не разделял их слепой преданности Святому Престолу. [605] Еще более угрожающим было принятие в 1800 году буллы *Auctorem fidei*, выпущенной под влиянием Годоя и приведенной в исполнение королевским указом от 10 декабря, предписывающим епископам наказывать все мнения, противоречащие определениям буллы, в то время как инквизиции было приказано уничтожить все труды в поддержку осужденных положений, и король пообещал использовать всю власть, данную ему Богом, для исполнения этих повелений. Триумф ультрамонтанизма был полным, и Годой заслужил гротескно нелепый титул, присвоенный ему Пием VI, Столпа Веры. [606]

Выдвинуть это обвинение было легко, и интеллигентные классы Испании пребывали в состоянии волнения и дурных предчувствий. Показательным был случай с двумя братьями, Херонимо и Антонио де ла Куэста, одним из заключенных, а другим - архидьяконом церкви Авилы. Они навлекли на себя враждебность своего епископа Рафаэля де Мускиса, духовника королевы Марии Луизы Пармской: он организовал против них грандиозный заговор, и в 1801 году трибунал Вальядолида объявил их янсенистами. Музквиса повысили до архиепископского престола Компостелы, но энергия судебного преследования не ослабевала. Антонио сбежал в Париж, но Джеронимо был брошен в секретную тюрьму, где пролежал пять лет. Несмотря на массу накопившихся против него свидетельских показаний, трибунал оправдал его, но Верховный суд отказался принять это решение и отстранил инквизиторов. У братьев были влиятельные друзья при дворе, которые убедили Карлоса вмешаться, когда ему представили все бумаги и он сам решил дело — предположение о королевской юрисдикции, для которого было бы трудно найти прецедент. Королевскими указами от 7 мая 1806 года он приказал, чтобы вальядолидские инквизиторы никоим образом не пострадали от своего смещения, но были способны к продвижению по службе. Джеронимо был восстановлен в своем достоинстве в церкви Авилы с церемониями, раздражавшими его противников; он должен был получить все долги своего пребенды; его суд и тюремное заключение не должны были нанести какой-либо увечья ему или его родственникам, и его имя должно было быть стерто из записей, чтобы от него не осталось и следа. Документы по делу против беглого брата Антонио должны были быть опечатаны и доставлены в *Secretaria de Gracia y Justicia*. Кроме того, со всех сторон обвинения были наложены крупные штрафы, чтобы покрыть судебные расходы, а любое превышение должно было быть выплачено Херонимо. Всего они составили 11 455 дукатов, начисленных двадцати одному человеку, всем священнослужителям, за исключением одного или двух чиновников, и, в дополнение к ним, было девять постоянных членов — кармелитов, бенедиктинцев, францисканцев и доминиканцев, — которые были изгнаны на тридцать лиг вокруг Мадрида и королевских резиденций. Двое из них были калификадорами, а один - нотариусом комиссара, которые были недееспособны для выполнения своих функций. [607]

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Архиепископу Маскизу удалось спастись не полностью. Защита Херонимо поставила его в положение клеветника, и в своих попытках освободиться он обвинил инквизиторов Вальядолида и генерального инквизитора Арсе-и-Рейносо в пристрастности. Это подвергло его судебному преследованию в соответствии с буллой *Si de protegendis*; его епископское

достоинство защитило его от ареста, но он был оштрафован на восемь тысяч дукатов, а епископ Вальядолида, который, будучи каноником Авилы, присоединился к заговору, был оштрафован на четыре тысячи. Им бы так легко не удалось спастись, если бы не влияние на Годоя одной дамы, которая, по слухам, получила миллион реалов за свои услуги. [608]

Как мы видели, в янсенизме затронутые доктринальные моменты представляли интерес только для возвышенного теолога, и в ранний период они были практически утеряны из виду. Будучи, таким образом, неспособным к точному теологическому определению, оно было излюбленным оружием для разжигания вражды, поскольку могло быть направлено против всех противников любого характера. Подобно тому, как французские якобинцы были заклеены как янсенисты, так и те испанцы, которые подчинились “навязчивому” правительству Жозефа Бонапарта, были причислены к янсенистам, как и их самые активные антагонисты, либеральные депутаты кортов Кадиса. [609] Дело в том, что Французская революция, которую ортодоксальные авторы представляют как триумф янсенизма, на самом деле была его смертельным ударом, поскольку в этом катаклизме исчезла могущественная и хорошо организованная иерархия, которая единственная могла бороться внутри Церкви против наступления ультрамонтанизма и сопутствующего ему вероятностизма.

При Реставрации мы мало слышим о янсенизме, хотя иногда он фигурирует второстепенно в обвинениях в антиполитических взглядах. Однако горечь, все еще испытываемая по отношению к этому, хорошо выражена Велесом, архиепископом Сантьяго, еще в 1825 году, когда он по неведению заявляет, что Янсен вызвал восстание Нидерландов против Испании на Ассамблее 1633 года, в то время как его ученики, объединившись в Бург-Фонтене и Португалии, составили заговор против жизни всех принцев. Янсен поддерживал доктрины кальвинистов и лютеран, направленные против веры, а его последователи проповедовали величайшие заблуждения против Церкви и ее дисциплины. [610]

ГЛАВА XII.

ВОЛЬНАЯ КАМЕННАЯ КЛАДКА.

НЕМНОГИЕ темы были столь плодотворны, как вольное масонство, в развитии легенд и мифов. Если мы можем верить некоторым из ее чрезмерно увлеченных членов, Архангел Михаил был великим мастером самой ранней масонской ложи; строители Вавилонской башни были злыми масонами, а те, кто держался в стороне от нечестивой работы, были вольными каменщиками. Другие прослеживают ее происхождение от Ламеха, а третьи снова говорят нам, что первая Великая ложа в Англии была основана Сент-Олбаном в 287 году. Его противники столь же экстравагантны; если мы можем им доверять, это предшественник антихриста и пережиток манихейства; он главенствует в европейских кабинетах министров и направляет политику цивилизованного мира в противовес Церкви. Каждый папа римский в девятнадцатом веке обрушивал на него свою анафему. Аббат Давен уверяет нас, что янсенизм является шедевром сил зла и что в форме масонства он стал самым грозным из тайных обществ, организованных для разрушения христианской монархии. [611] Есть ревностные испанские масоны, которые уверяют нас, что Коммуны Кастилии и Германии Валенсии были делом рук масонов; что Агустин

и Педро Касалья и другие жертвы автокатастрофы 21 мая 1559 года были масонами, и что несчастный Дон Карлос стал жертвой масонства. [612]

ЗАПРЕЩЕНО РИМОМ

Возвращаясь к объективности фактов, масонство предстает в свете истории в 1717 году, когда доктор Дезагюлье, Энтони Сейер, Джордж Пейн и несколько других сформировали в Лондоне организацию, основанную на терпимости, доброжелательности и товариществе. Ее рост был медленным, и ее первое появление в Испании состоялось в 1726 году, когда лондонская ложа выдала чартер одной из них в Гибралтаре. Говорят, что лорд Уортон основал один из них в Мадриде в 1727 году, а вскоре после этого другой был организован в Кадисе. Они были в первую очередь предназначены для жителей Англии, хотя, несомненно, местные жители имели право на членство. Пока что он не был под запретом Церкви, но его введение в Тоскане побудило великого герцога Джана Гастоне запретить его. Его быстрая смерть (9 июля 1737 г.) привела к тому, что его указом пренебрегли; духовенство представило этот вопрос Клименту XII, который послал во Флоренцию инквизитора; он произвел ряд арестов, но партии были освобождены новым великим герцогом Франциском Лотарингским, который объявил себя покровителем Ордена и участвовал в организации нескольких лож. [613] Климент поддержал своего инквизитора и издал 28 апреля 1738 г. свою буллу *In eminenti*, обратив внимание на связанную клятвой секретность лож, что было справедливым поводом для подозрений, поскольку их цель не была бы скрыта, если бы это не было злом, что привело к их запрету во многих штатах. Поэтому, ввиду серьезных последствий, угрожающих общественному спокойствию и спасению душ, он запретил верующим оказывать им покровительство или присоединяться к ним под страхом *ipso facto* отлучения от церкви, снимаемого только Святым Престолом. Прелатам, настоятелям, ординариям и инквизиторам было приказано расследовать и преследовать в судебном порядке всех нарушителей и снисходительно наказывать их как сильно подозреваемых в ереси, на все это он предоставил все полномочия. [614] Таким образом, единственным обвинением, выдвинутым против масонства, была его секретность, но этого было достаточно для создания новой ереси, предоставившей инквизиции новый предмет для ее деятельности.

Характер грозившего таким образом снисходительного наказания был оставлен на усмотрение местных судов, но стандарт был установлен эдиктом кардинала-государственного секретаря от 14 января 1739 года, предусматривающим смертную казнь не только для всех членов Ордена, но и для всех, кто будет соблазнять других присоединиться к Ордену, сдавать ему дом или оказывать ему какую-либо иную услугу. Говорят, что единственной жертвой этого жестокого указа был француз, написавший книгу о масонстве; это правда, что в том же 1739 году инквизиция во Флоренции пыталась масона по имени Крудели и продержала его в тюрьме значительное время, но смертная казнь была делом светских властей, и во Флоренции они не находились под контролем. Действительно, когда инквизиция предложила помилование за самоотвод и сто крон за информацию, а также произвела несколько арестов, великий герцог вмешался и освободил заключенных. [615] Даже когда архи-самозванец Калиостро в 1789 году рискнул основать ложу в Риме и предстал перед инквизицией, в приговоре, вынесенном 7 апреля 1791 года, говорилось, что, хотя он и понес смертную казнь, она была милосердно заменена пожизненным заключением. [616] Соответственно, он был заключен в тюрьму в замке Сан-Леоне, где, как предполагается, умер в 1795 году.

Парижский парламент отказался зарегистрировать буллу 1738 года, и когда в 1750 году юбилей привлек в Рим толпы паломников, столь многим пришлось искать освобождения от наложенного на них отлучения, что Бенедикт XIV был вынужден возродить ее 18 мая 1751 года в своей конституции *Providas*, указав, кроме того, на ущерб чистоте веры, причиняемый объединением людей разных верований, и призвав на помощь всех католических князей для обеспечения исполнения указов Святого Престола. [617] Когда таким образом, без провокации, Рим объявил войну ножу против новой организации, она, естественно, стала враждебной по отношению к Риму, и когда верующим было запрещено членство в ней, оно неизбежно ограничивалось теми, кто был либо безразличен, либо настроен враждебно к римской вере.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

В то время как во Франции папские приказы игнорировались, в Испании их горячо приветствовали. Булла *In eminenti* получила королевскую экзекватуру, и генеральный инквизитор Орбе-и-Ларреатеги опубликовал ее в эдикте от 11 октября 1738 года, указав, что инквизиция обладает исключительной юрисдикцией в этом вопросе. Он пообещал со всей строгостью преследовать за всякое неповиновение булле и потребовал в течение шести дней заявить о всех нарушениях под страхом отлучения от церкви и штрафа в двести дукатов. Эдикт должен был быть прочитан в церквях и прикреплен к их порталам, таким образом, давая эффективную рекламу новому учреждению, сообщая о его существовании населению, которое до сих пор пребывало в счастливом невежестве. [618]

Инквизиции, однако, недолго было позволено пользоваться заявленной исключительной юрисдикцией, поскольку Филипп V в 1740 году издал указ, согласно которому, как нам сообщили, несколько масонов были отправлены на галеры, в то время как инквизиция отстояла свои права, распустив ложу в Мадриде и наказав ее членов. [619] Таким образом, была установлена совокупная юрисдикция, которая сохранялась, поскольку государственная автократия и церковная автократия одинаково ревниво относились к тайной организации неизвестной силы, которая в смутные времена могла стать опасной. Фернандо VI продемонстрировал это прагматикой от 2 июля 1751 года, в которой он запретил создавать ложи под страхом королевского негодования и наказания по королевскому усмотрению; все судьи были обязаны сообщать о правонарушителях, а все командующие армиями и флотами увольнять с позором любых виновных, обнаруженных на службе. То, что, несмотря на эти репрессивные меры, вольное масонство распространялось, можно предположить из публикации примерно в это же время двух изданий небольшой книги против него, в которой воплощен этот декрет. [620] Падре Фейджу помогал рекламировать Орден, посвятив ему письмо, в котором с мягкой сатирой он обращался с ним как с домовым, обманывающим доверие публики ложными предложениями, хотя среди безобидных могут быть злые духи. [621]

Инквизиция тем временем не бездействовала, хотя и не подражала суровости папского правительства или королевских эдиктов. В 1744 году Мадридский трибунал приговорил к отречению от престола *Леви* и изгнанию из Испании дону Франсиско Ориона де Роскобеля, каноника Кинтанара, за вольное масонство; в 1756 году тот же трибунал постановил примирить Доминго де Отаса, а в 1757 году француз по имени Турнон избежал годичного заключения и изгнания из Испании, хотя, пытаясь склонить своих сотрудников присоединиться к Ордену, он считался догматиком. [622] Другой случай примерно в то же время демонстрирует странное безразличие, возможно, объясняемое нерешительностью при нападении на зависимого от

могущественного министра. Священник по имени Хоакин Пареха предстал 19 апреля 1746 года перед трибуналом Толедо и рассказал, что, когда в 1742 году он сопровождал инфанта Фелипе в Италию, тот провел несколько месяцев в Антибе, где познакомился с Антонио де Роселлоном, членом палаты маркиза ла Энсенады, который свободно беседовал с ним о вольном масонстве, членом которого он был. Он лишь недавно узнал, что масоны - это адская секта, осужденная папской буллой, и поспешил осудить Розеллона. В течение восемнадцати месяцев не предпринималось никаких действий, когда 13 октября 1747 года трибунал попросил мадридских инквизиторов допросить Розеллона после консультации с Верховной властью. Верховный суд немедленно отругал его за небрежность и приказал ему провести расследование в других судах; обычные допросы были разосланы с отрицательными результатами, и 8 января 1748 года налоговый инспектор отчитался соответствующим образом; был только один свидетель, и поэтому он рекомендовал приостановление, за которое было должным образом проголосовано. Прошло около двадцати месяцев, когда внезапно, 7 сентября 1751 года, Супрема вернулся к этому вопросу и написал в Толедо, требуя отчета. Толедо ждал больше месяца, а затем, 16 октября, ответил, что передает все дело в мадридский трибунал, поскольку Пареха и Роселлон оба находятся в этом городе. [623] Вероятно, на этом дело и закончилось.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Вольное масонство росло и распространялось во влиятельных кругах. В 1760 году была организована *Великая испанская логия* и была установлена независимость Лондона; в 1780 году это было изменено на Великий Восток, символическое масонство было подчинено Шотландскому обряду. В нем нам говорят, что такие люди, как Аранда, Кампоманес, Родригес, Нава дель Рио, Салазар-и-Валье, Ховельянос, герцог Альва, маркиз Вальделириас, граф Монтихо и другие, были активными; что министры Карлоса III были в основном масонами и что им приписывались энергичные действия против иезуитизма и ультрамонтанизма. [624] Насколько это верно, было бы невозможно говорить положительно, но, несомненно, масонство предоставило убежище современному духу, в котором он мог развиваться против деспотичного мракобесия инквизиции.

Тревожный элемент был внесен Калиостро, который во время своих двух визитов в Испанию основал испанскую ложу, конкурирующую с Великим Востоком. Это привлекло более предприимчивых людей и приобрело революционный характер. Это был центр глупого республиканского заговора 1796 года, известного как заговор Сан-Бласа, с того дня, который был выбран для вспышки. Оружие было собрано в ложе, но заговор был выдан полиции; трое руководителей были приговорены к смертной казни, но по заступничеству французского посла приговор был заменен пожизненным заключением. Вожди были депортированы в Лагуайру, где они завоевали симпатии своих охранников и смогли сбежать. В 1797 году они организовали новый заговор в Карачкасе, но он был раскрыт, и шестеро из замешанных были казнены. [625]

В последующие смутные времена революционная часть масонства естественным образом развивалась за счет консервативной. Вероятно, есть доля истины в утверждении, что французской оккупации способствовала организация независимых лож под руководством Мигеля де Азанзы, одного из министров Карлоса IV, который был великим магистром. Последовавшая за этим война благоприятствовала росту Ордена. Французские армии стремились создать ложы, чтобы популяризировать “навязчивое” правительство, в то время как

английские войска на их стороне делали то же самое, а испанские войска были усеяны *trincheras*, или укреплениями, как назывались эти военные ложи.

С падением Наполеона и освобождением папства Пий VII поспешил повторить осуждение масонства. 15 августа 1814 года он издал указ против ее адских собраний, подрывающих троны и религию. Он сетовал на то, что в беспорядках последних лет спасительные эдикты его предшественников были забыты и что масонствораспространилось повсюду. К их духовным наказаниям он добавил временные наказания — сильные телесные страдания с большими штрафами и конфискацией, и он предложил вознаграждение доносчикам. Этот указ был одобрен Фернандо VII и был воплощен в эдикте инквизиции от 2 января 1815 года, предлагающем Отсрочку в пятнадцать дней, в течение которых будут приниматься кающиеся и после чего будут применяться все строгие законы, светские и канонические. Очевидно, результат был незначительным, поскольку 10 февраля срок был продлен до Пятидесятницы (14 мая) и была обещана нерушимая тайна. [626] Фернандо не ждал этого, но уже запретил масонство под страхом наказания за преступления первого порядка против государства, и во исполнение этого 14 сентября 1814 года было произведено двадцать пять арестов по подозрению в членстве. [627]

В СТАДИИ РЕСТАВРАЦИИ

Таким образом, как и прежде, над масонством существовала совокупная юрисдикция. Прошло время компетенции между инквизицией и королевскими судами; она была слишком тесно отождествлена с государством, чтобы предаваться ссорам, но все еще оставалась ревливой восприимчивостью и стремлением к самоутверждению. Еще в 1815 году это проявилось в судебном преследовании Диего Диликадо, приходского священника Сан-Джорджо в Корунье, за то, что он сообщил о существовании там ложи государственным властям, а не инквизиции. [628] Несколько случаев в 1817 году показывают, что, когда королевские суды судили и приговаривали виновного, инквизиция настаивала на самостоятельном привлечении к ответственности и наказании. Таким образом, когда Жан Рост, француз, был отправлен в президио Сеуты канцелярией Гранады, севильский трибунал также судил его и распорядился заключить в тюрьму пресидио, в то же время потребовав от канцелярии масонский титул и знаки отличия заключенного и все остальное, относящееся к юрисдикции инквизиции. [629] Мадридский трибунал 8 мая 1817 г. приговорил француза Альберта Леклерка за вольное масонство; он уже был судим и осужден королевским судом, и, как и в других подобных случаях, алькальду Каса-и-Корте была адресована вежливая записка с просьбой доставить его в секретную тюрьму для выполнения духовных упражнений под руководством духовника, которому поручено проинструктировать его об ошибках масонства и освободить от нареканий, после чего он будет возвращен алькальду для приведения в исполнение его приговора об изгнании. Итак, в июле 1817 года трибунал Сантьяго собрал доказательства против Мануэля Льоренте, сержанта гренадер, и Верховный суд распорядился, чтобы, как только светский процесс будет завершен, он снова был заключен в тюрьму и предстал перед трибуналом. [630]

Такая щепетильность объяснялась тем, что папские указы объявляли масонство церковным преступлением, влекущим за собой отлучение от церкви, о котором светские суды не могли знать. Такое дублирование наказаний, возможно, объясняет крайние различия в строгости назначаемых наказаний. В 1818 году Мадридский трибунал приговорил Антонио Каталу, капитана добровольческого полка Барбастро, к очень умеренному наказанию, сославшись в

качестве причины на его длительное заключение и плохое состояние здоровья. Верховный суд вернул приговор на пересмотр, когда мера пресечения была изменена *с де леви на де вементи*. Затем Верховный суд взял дело в свои руки и приговорил его к понижению в звании на четыре года службы в сеутском полку, что было почти равносильно четырем годам президентства. С другой стороны, в 1819 году был подтвержден приговор Мартину де Бернардо, который сводился всего лишь к отречению от престола *де леви*, отпущению грехов и каутеламу, месячному затворничеству и духовной епитимье. Несомненно, большую суровость можно было бы проявить в случае со священником Висенте Пердигерой, комиссаром трибунала Толедо, когда в 1817 году мадридский трибунал предложил, чтобы ввиду его печально известного масонства и незаконного поведения он был лишен своей должности и знаков отличия, а также фуэро инквизиции. На это Верховный согласился, и с этими словами он сбежал. [631]

Тот факт, что, несмотря на бдительность инквизиции, число случаев было таким небольшим, ставит под сомнение сообщения о масштабах вольного масонства. С 1780 по 1815 год их было всего девятнадцать. Затем, в 1816 году, их число внезапно увеличивается до двадцати пяти; в 1817 году их стало четырнадцать, в 1818 году - девять и в 1819 году - семь. [632]

Возможно, были и другие дела, рассмотренные гражданскими или военными судами, которые избежали действий инквизиции, но, принимая во внимание ревностную заботу о своей юрисдикции, их не могло быть много.

Тем не менее, все авторитеты того периода сходятся во мнении, что во времена Реставрации масонство процветало и распространялось, особенно в армии; что оно было эффективным источником многих заговоров, которые нарушали невозмутимость Фернандо, и что революция 1820 года была его делом, подкрепленным широко распространенным народным недовольством, вызванным угнетением и неэффективностью его правления. Когда в январе 1820 года движение было начато войсками, направлявшимися в Америку, в их местах расквартирования близ Кадиса в каждом полку была ложа. Риго, возглавивший восстание, был масоном, как и граф ла Бисбаль, который обеспечил его успех, когда в Оканье, куда его послали командовать войсками, собранными для его подавления, он заставил их провозгласить Конституцию. В Сантьяго первым актом революционеров было свергнуть инквизицию и освободить графа Монтихо, великого магистра масонских организаций, который находился в секретной тюрьме. [633]

Позже у нас будет возможность увидеть разрушительную роль, которую сыграло масонство и его ответвление "Комунерос" в течение короткой конституционной эпохи с 1820 по 1823 год. С восстановлением абсолютизма коммунисты исчезли, и масоны стали объектом преследований гораздо более суровых, чем со стороны инквизиции. Они были подчинены военным комиссиям, созданным повсюду по всей Испании, и те, кто не захотел выступить вперед и заявить о себе, были объявлены приказом от 9 октября 1824 года подлежащими наказанию смертью и конфискации. [634]

ГЛАВА XIII.

ФИЛОСОФИЯ.

В более ранний период испанская ортодоксия, по-видимому, мало беспокоилась о свободомыслии, и, когда с этим столкнулись, ее, по-видимому, не преследовали с такой же мстительностью, как протестантизм. С мирской точки зрения это было менее опасно, и отрицание Бога считалось меньшим преступлением, чем отрицание папского верховенства. В автомобиле в Толедо 8 ноября 1654 года появился дон Франсиско де Вега Винеро, которого характеризовали как “великого отступника, атеиста”, который избежал примирения, конфискации, десяти лет тюрьмы и трех лет изгнания из Толедо, Мадрида и Ренедо. [635] Интеллектуальное движение восемнадцатого века во Франции, однако, не могло не отозваться эхом в Испании, несмотря на строгость цензуры и карантин в портах. Происходило неуклонное проникновение либерализма, политического и духовного; культурные испанцы, которые путешествовали или были отправлены за границу с миссиями, возвращались с расширенным кругозором мышления и не могли не сравнивать отсталость своей родной страны с деятельностью, во благо или во зло, других европейских наций. Чем больше осуждались труды модных философов Франции, тем больше становилось любопытства к их изучению. Реакционный писатель сообщает нам, что произведения Филанджери, Руссо, Мабли, Кондильяка, Перейры, Феврония (Хонтхейма) и Сципиона де'Ричи имели полное хождение в университетах и колледжах. Некоторые профессора преподавали многие из своих принципов, студенты были заражены, и эта моральная зараза быстро распространялась, не привлекая должного внимания. [636] В 1768 году аббат Клеман обнаружил, что одним из препятствий на пути к успеху его янсенизационной миссии были тайная терпимость и индифферентизм; трудно было поверить, насколько велики были свидетельства недоверия в сочетании со всеми внешними проявлениями набожности, даже под гнетом привычного страха перед суровостью инквизиции. [637] Таким образом, во второй половине XVIII века декадентская деятельность Святой Канцелярии обнаружила новую ересь для борьбы, которую она назвала философизмом или натурализмом.

Ведущих министров Карлоса III, таких как Аранда, Кампоманес, Рода и Флоридабланка, справедливо подозревали в сочувствии этим опасным спекуляциям, но прошло время, когда маркиза Вильянуэва можно было арестовать и привлечь к ответственности без согласия короля. Безопаснее было приводить в пример людей, не защищенных таким образом, но все же достаточно заметных, чтобы служить предупреждением. Таким случаем был доктор Луис Кастельянос, санитарный врач порта Кадис — вольнодумец, называющий себя философом, агностик, который утверждал, что ничего не знает о Боге, и который, вероятно, был нескромен в выражении своих мнений. На процессе в севильском трибунале он сначала все отрицал, но впоследствии сознался и взмолился о пощаде. 30 июня 1776 года в часовне замка Триана состоялось автопробег с открытыми дверцами, на котором присутствовали, несомненно, по приглашению, от которого нельзя было отказаться, герцог Медина Чели, граф Торрехон и бесчисленное множество других выдающихся личностей, на котором Кастельянос был приговорен к отречению от престола и конфискации, ношению *санбенито де дос аспас* и десятилетнему пребыванию в больнице пресидио Оран — строгость, подчеркивающая ужас, навеянный этим отрицанием общественного мнения. [638]

ПАБЛО ОЛАВИДЕ

Одновременно с этим произошел случай более далеко идущего влияния. Пабло Олавиде, молодой юрист из Лимы и судья Аудиенсии, отличился во время страшного землетрясения 1746 года и был назначен хранителем сокровищ, извлеченных из руин. Удовлетворив требования тех, кто мог доказать свои претензии, он использовал оставшиеся средства на строительстве церкви и театра. Были разочарованные истцы, которые направили свои жалобы в Мадрид. Олавиде был вызван туда, лишен адвокатской лицензии, приговорен к выплате различных сумм и заключен в тюрьму. Его здоровье пошатнулось, и ему разрешили уехать в Леганес, где он заключил брак с Изабель де лос Риос, чьи два сменявших друг друга мужа оставили ей большие состояния. Он был удивительно умен, блистал в обществе и с помощью денег своей жены быстро занял видное общественное положение. Он путешествовал и во Франции завязал отношения с Вольтером и Руссо, с которыми поддерживал переписку. Аранда, который втайне сочувствовал ему в этом, был тогда на пике своего могущества и стал его теплым другом, стремясь использовать свои способности в проектах, направленных на то, чтобы вывести Испанию из состояния нищеты.

Практичные государственные деятели давно признали серьезным злом бальдиос, или обширные и многочисленные участки необработанной земли, бесполезные для любых целей, кроме как в качестве пастбищ для мигрирующих стад *Места*, этой могущественной группы овцевладельцев, которые добились принятия законодательства, ограничивающего любое возделывание, ущемляющее их привилегии. Еще в 1749 году маркиз ла Энсенада вынашивал проекты создания колоний иностранцев для заселения этих незанятых земель; в 1766 году идея была возрождена, и *Nuevas Poblaciones*, как их называли, были основаны в разных местах. Был заключен контракт на то, чтобы привезти шесть тысяч немецких и швейцарских католиков и поселить их на южном склоне Сьерра-Морены, вдоль главной дороги из Мадрида в Кадис — дикую и суровую страну, прибежище грабителей с большой дороги. Кампоманес разработал план, согласно которому создание религиозных орденов было категорически запрещено; у поселенцев должны были быть пасторы своей расы; все духовные дела должны были находиться в руках приходских священников, подчиняющихся епископальной юрисдикции, и страшному *Mesta* не разрешалось вторгаться. Олавиде был назначен суперинтендантом колонии, а также стал *assistente*, или губернатором Севильи.

Он с энтузиазмом погрузился в проект, проявил интеллектуальную активность, преодолел первоначальные трудности, и в течение нескольких лет успех казался гарантированным. Однако постепенно возникли проблемы с монахами-капуцинами, которые сопровождали колонистов в качестве их священников. Монах Ромуальд Фрейбургский, префект группы, был беспокойным элементом, вовлеченным в ссоры с епископальными чиновниками; между ним и Олавиде возникли трения, которые переросли в ненависть, и инквизиция предоставила готовые средства для удовлетворения недоброжелательства. В сентябре 1775 года Ромуальд представил официальное обвинение суперинтенданту как атеисту и материалисту, который состоял в переписке с Вольтером и Руссо, которые читали запрещенные книги, отрицали чудеса и считали, что некотолики могут быть спасены. Было предоставлено множество подробностей о его нерелигиозной походке и беседе, некоторые из которых указывают на моменты, из—за которых возникали ссоры: не прибегать к молитве и добрым делам для предотвращения бедствий, запрещать звон колоколов во время бури, желать, чтобы трупы хоронили на кладбищах, а не в церквях, и защищать систему Коперника, осужденную Церковью. Защитник

Олавиде, Аранда, отстранен от власти в 1773 году, и инквизиция не должна была упустить возможность нанести удар по человеку, достаточно заметному, чтобы служить устрашающим примером, и все же который, как "безумец без родства", не имел за спиной влиятельной семьи. Кроме того, весь план Побласьоне вызвал враждебность двух влиятельных классов — монахов, чьи заведения были исключены, и Mesta, чьим стадам не разрешалось разорять поля.

ПАБЛО ОЛАВИДЕ

То, что было запрошено и получено королевское разрешение на судебное преследование, свидетельствует об упадке инквизиции. Олавиде был вызван в суд ближе к концу 1775 года под благовидным предлогом; после некоторой задержки он осознал ситуацию и обратился за защитой к Мануэлю де Роду, тогдашнему министру изящества и юстиции, который сам был слишком уязвим, чтобы ставить под угрозу собственную безопасность, и который просто написал генеральному инквизитору Бельтрану записку, в которой благосклонно отзывался об Олавиде. Мадридский трибунал действовал осторожно, поскольку Олавиде был арестован только 14 ноября 1776 года. На два года он исчез из поля зрения людей. Было допрошено семьдесят два свидетеля, и у фискалов накопилось внушительное количество из ста шестидесяти шести еретических утверждений. Он допустил неосторожные разговоры, отрицая при этом всякое отступление от веры, но он признался достаточно, чтобы инквизиторы предположили, что он втайне разделял мнения модной философии, и его осуждение было неизбежно. Нам говорят, что был желателен общественный автомобиль, чтобы подчеркнуть предупреждение, но было сочтено, что повод вряд ли оправдывает такую торжественность, и были проведены консультации с Римской инквизицией, которая предположила, что этой цели будет соответствовать частный автомобиль с огромным количеством зрителей. Оно состоялось 24 ноября 1778 года в зале для аудиенций после приглашения - приглашения, эквивалентные приказам, — Кампоманеса и многочисленных видных дворян, государственных деятелей и других, кто был связан с Олавиде или подозревался в философизме, так что, когда его привели, он оказался в окружении своих друзей, собравшихся, чтобы засвидетельствовать его унижение. В течение трех часов он слушал длинное перечисление всех еретических утверждений, доказанных против него свидетелями, на что он ответил восклицанием: "Я никогда не терял веры, хотя так говорит налоговый орган". Затем последовал приговор, объявлявший его уличенным еретиком, прогнанным членом Церкви и приговаривавший его к примирению, конфискации и изгнанию навсегда на сорок лиг от Мадрида и всех королевских резиденций, королевств Лима, Андалусия и колоний Сьерра-Морена, к затворничеству на восемь лет в монастыре и к обычным увечьям. для себя и своих потомков до пятого поколения. Эта чудовищная тяжесть настолько овладела им, что он без чувств рухнул на пол. Для его заключения был выбран отдаленный монастырь в Жероне; в 1780 году под предлогом плохого состояния здоровья ему разрешили посетить водопой, откуда он бежал во Францию, не без, как говорят, тайного попустительства суда, хотя, когда потребовали его экстрадиции, он искал безопасности в Женеве. С началом Революции он вернулся во Францию, где чудом избежал гильотины; невзгоды изменили его мнение, и в 1798 году он анонимно опубликовал в Валенсии свою книгу "El Evangelio en Triunfo, история освобождения от философии", которая разошлась огромным тиражом и произвела такое впечатление на генерального инквизитора Лоренцану, что ему разрешили вернуться в Испанию. Ему предложили восстановить его на прежних

должностях, но он разочаровался в мире; он удалился в Баэсу, посвятив себя добрым делам, и умер в 1804 году. [639]

Инквизиция не ошиблась в расчете на благотворное влияние этого примера. Дон Фелипе Саманьего, архидьякон Пампелуны, рыцарь Сантьяго и член Королевского совета, был одним из тех, кто был вынужден присутствовать, и был так напуган, что на следующий день заявил трибуналу о себе как о читателе запрещенных книг, длинный список которых он представил. Это, по его словам, привело его к религиозным сомнениям, но, серьезно поразмыслив, он решил твердо придерживаться католической веры и попросил отпустить ему грехи *ad cautelam*. Его привлекли к ответственности, потребовав представить заявление под присягой о том, где и как он раздобыл книги, как долго он придерживался этих взглядов, кто его учил, с кем он обсуждал эти вопросы и кто опроверг или принял его мнение. Это привело к подробному признанию, компрометирующему почти всех ученых и просвещенных людей двора — Аранду, Флоридабланку, Кампоманеса, О'Рейли, Лейси, герцога Альмодовара и многих других высокопоставленных лиц. Против них всех было возбуждено уголовное дело, но показаний одного свидетеля было недостаточно, а влияние замешанных было настолько велико, что трибунал удовлетворился тем, что дела оставались в подвешенном состоянии. [640]

Менее заметным преступникам повезло меньше, и многочисленные случаи свидетельствовали о решимости инквизиции искоренить новые идеи. Это было милосердием к Бенито Бейлсу, профессору математики и автору серии давно используемых учебников, поскольку его племяннице разрешили войти вместе с ним в секретную тюрьму и заботиться о нем, поскольку он был стар и искалечен на все конечности. Перед публикацией доказательств он признался, что у него были сомнения относительно существования Бога и бессмертия, но уединение и размышления развеяли их, и что он был готов отречься от престола и принять епитимью. Поскольку затворничество в монастыре лишило бы его заботы о своей сестре, его дом был милосердно предоставлен ему в качестве тюрьмы с различными духовными наказаниями. [641] Более показательным был случай с доктором Грегорио де Висенте, профессором философии Университета Вальядолида, за определенные тезисы, в которых были обнаружены двадцать положений, отдающих “натурализмом”, и за проповедь, в которой он утверждал, что истинная религия заключается в практике добродетели, а не во внешнем соблюдении. Восемь лет он провел в секретной тюрьме, но случилось так, что у него был дядя, который был инквизитором Сантьяго, чье влияние побудило трибунал Вальядолида в конце концов, в 1801 году, признать его невменяемым, осудив при этом его утверждения. Однако после своего освобождения он дал такие показания о вменяемости, что трибунал счел своим долгом снова арестовать его и повторить судебное разбирательство. На этот раз хватило года тюремного заключения; он публично отрекся от своих ошибок и принял определенные епитимьи. [642]

КОНСЕРВАТИЗМ И ПРОГРЕСС

Большое внимание привлек случай Д. Рамона де Саласа, известного литератора и профессора из Саламанки, заключенного в тюрьму в 1796 году по обвинению в том, что он поддерживал ошибки Вольтера, Руссо и других представителей новой философии. Он признал, что читал их работы, но только с целью их опровержения, что он и сделал публично и в письменной форме. Дошедшие до нас отчеты о его судебном процессе непримиримо расходятся, но, по-видимому, судебное преследование было результатом личной вражды со стороны высокопоставленных

чиновников, и что у Саласа были могущественные покровители, которые убедили Карлоса IV возбудить это дело после того, как он был осужден. Это вторжение в юрисдикцию инквизиции привело к сопротивлению со стороны генерального инквизитора Лоренцаны, что заставило королеву Марию Луизу воскликнуть ему: “Это ты, лицемер, и тебе подобные вызывают революции в Европе”. Был не только отменен приговор и Салас был освобожден, но и получен королевский приказ о том, что в будущем никакие аресты не должны производиться без предварительной консультации с королем. Это было должным образом составлено, но Вальехо, архиепископ Сантьяго и президент Совета Кастилии, один из врагов Саласа, имел достаточное влияние на Годоя, чтобы добиться его отзыва. [643]

Этот случай иллюстрирует ожесточенную борьбу между силами консерватизма и прогресса, в которой инквизиция, как главный герой первой, не всегда добивалась успеха. Пропагандистов новых идей было трудно заставить замолчать. Еще при Карлосе III нам говорят, что в 1785-1786 годах в Сарагосе появились очерки, шокирующие верующих, поскольку они пытались доказать, что безбрачие наносит ущерб государству, что принятие религиозных обетов должно быть отложено до 24-летнего возраста, что у Церкви были обычаи, наносящие ущерб государству, и что ее злоупотребления и суеверия должны быть подавлены. Очевидно, инквизиция не предприняла никаких шагов для защиты веры, и когда брат Диего де Кадис по просьбе многих священнослужителей выступил с проповедью против этих подрывных положений, он был вынужден бежать, и даже тогда его преследовал гнев новаторов. [644] При аномальном правительстве Карлоса IV постоянные изменения в министерстве и непостоянные прихоти его фаворита Годоя, которому нравилось изображать из себя покровителя литературы и просвещения, по очереди подавляли инквизицию и давали ей полную свободу действий. Выдающейся личностью того времени был граф Франсиско Кабаррус, французский авантюрист, основавший банк Сан-Карлоса и чередовавший, как и другие государственные деятели того периода, руководство судьбами нации с заключением в тюрьму. После своего заключения в замке Батрес в 1792 и 1793 годах он освободил свой разум от накопившихся там мыслей в трех письмах к Ховельяносу, развивая в многословной риторике идеи Руссо и *социального контраста*. Образование, утверждал он, должно быть универсальным, но оно должно быть чисто светским, и духовенству не должно быть позволено вмешиваться в это, поскольку религиозное обучение должно быть предоставлено родителям и приходским священникам. В колледжах обучение должно быть направлено на подготовку молодежи к реальной жизни; существующие университеты были сточными канавами человечества, в которых схоластическая теология и преподавание юриспруденции были одинаково разрушительны для человеческой расы. Численность духовенства была чрезвычайно велика, представляя собой запущенную язву и орган, подрывающий все принципы морали и государственной мудрости. Необходимо стимулировать святое и добродетельное негодование против всех абсурдных и апокрифических религиозных обрядов, которые извращают разум, уничтожают добродетель и заставляют язычество высмеивать христианство. [645] За гораздо меньшее количество таких людей, как Олавиде, жестоко пострадали, но в 1795 году Кабаррус предпослал эти письма одному, адресованному самому Годоя как “*mi amigo*”, и, уверенный в защите всемогущего фаворита, он был вне досягаемости инквизиции, показывая, насколько неопределенными были ее функции во время катастрофического периода, когда абсолютизм находился в руках легкомысленного придворного.

КОНСЕРВАТИЗМ И ПРОГРЕСС

Чувства ортодоксов к этим новаторам исчерпывающе выразил фрай Франсиско Альварадо, ведущий поборник консерватизма в борьбе с Кортами 1810 года. “Эти философы, — говорит он, — пришли, чтобы разрушить наш союз, нарушить наш покой, подорвать нашу оборону, отвлечь наше внимание, подорвать нашу верность, опрокинуть наше государство, завладеть нашими состояниями, унижить наш разум, отменить нашу религию, чтобы - как бы это сказать? - превратить наши свободные города в ад, где не слышно ничего, кроме богохульства, и где мало чего не хватает, чтобы заменить порядок вечным ужасом”. [646] Каким бы злобным ни было это возражение, это всего лишь естественное выражение страстей, возбужденных борьбой в progress, которую каждая сторона воспринимала как битву не на жизнь, а на смерть. Умеренный философизм, как мы увидим, восторжествовал в Кorte 1810-13 годов, и, хотя за этим последовало почти столетие превратностей, некоторые из которых были кровавыми, он, по крайней мере, подтвердил свое право на существование. Инквизиция не ошиблась, с самого начала признав его своим самым опасным врагом — воплощением современного духа, которому суждено, к лучшему или к худшему, в конце концов вытеснить средневековые.

ГЛАВА XIV.

ДВОЕЖЕНСТВО.

С раннего периода Церковь взяла на себя юрисдикцию над браком, вытекающую из функции священника по его надлежащему совершению, и когда в двенадцатом веке брак был возведен в ранг таинства, ее контроль стал абсолютным. Моногамия была отличительной чертой христианства, и брак был объявлен неразрешимым. Причастием можно было насладиться только один раз в жизни обоих супругов, и его повторение было недопустимым, все это, естественно, входило в компетенцию епископальных судов. Однако нарушение церковного законодательства, рассматриваемое как преступление против общества, подпадало под действие светских уголовных законов, и, согласно Partidas, оно каралось высылкой на остров на пять лет и конфискацией в пользу детей, к которым Хуан I в Кorte Бривиекса в 1387 году добавил клеймо на лице. [647] В 1532 году суды Сеговии ходатайствовали о признании этого преступления уголовно наказуемым, в чем Карл V отказал, но добавил половину конфискации, а в 1548 году суды Вальядолида заменили галеры, срок для которых Филипп II в 1566 году определил как десять лет, публичной вергенцией. [648]

СОПРОТИВЛЕНИЕ В КАТАЛОНИИ

Таким образом, существовало достаточно возможностей для судебного разбирательства и наказания за преступление духовными и светскими властями, и не было необходимости в передаче юрисдикции инквизиции. Предположительно, она закрепилась из-за слабости брачных уз между маврами и евреями, так что двоеженство, как и воздержание от свинины и вина и смена белья по субботам, вызвало подозрение в ереси. Впервые это проявилось в Арагоне. Еще в 1486 году трибунал Сарагосы сжег чучело беглого нотариуса Диониса Гинота за то, что тот женился на второй жене при жизни первой, и последовал ряд других дел, в которых двоеженство сочетается с иудейскими обычаями. За простое двоеженство наказанием, по-видимому, было пожизненное заключение, наказание, указанное для двух преступников в авто от 10 февраля 1488 года. [649] Это также включало конфискацию, поскольку в письме Фердинанда от 22 октября 1502 года своему приемнику в Сарагоссе он приказывает ему доставить определенным лицам девяносто четыре головы крупного рогатого скота,

конфискованные у двоеженца Дорнана Моррелла. [650] В некотором смысле двоеженство было истолковано как ересь, поскольку в барселонском автокефалии от 3 февраля 1503 года отец де Сантьяна был обязан отречься от престола за женитьбу на двух женах, а в автокефалии от 2 июля того же года отец Убах отрекся от престола за женитьбу на Родосе и в Барселоне. [651]

Это была одна из претензий каталонцев, которую они думали устранить в Конкордии 1512 года, где было решено, что двоеженцев, мужчин и женщин, должны судить обычные люди, а не инквизиция, но они неосторожно разрешили включить положение, “если только они не верят ошибочно в таинство брака или не подозревают в вере”. [652] Поскольку это практически оставляло это на усмотрение инквизиторов, генеральный инквизитор Меркадер в своих Инstrukциях от 1514 года мог с уверенностью сказать трибуналам, что они не должны рассматривать дела о двоеженстве, если не существует презумпции ошибочной веры в причастие, и это был ответ, отправленный в 1515 году сицилийцам, когда они подали жалобу на злоупотребления инквизиции. [653] Лев X, когда в 1516 году подтверждал Конкордию 1512 года в булле *Pastoralis officii*, был осторожен и сделал ту же оговорку, [654] но в этом, как и во всем остальном, якобы полученном Конкордией, подданные короны Арагона оказались обманутыми, и когда корты около 1530 года пожаловались на то, что инквизиторы присвоили себе юрисдикцию в отношении двоеженства, коротким ответом было то, что они соблюдали положения закона. [655]

Случай, произошедший в 1513 году, дает достаточно оснований для этой борьбы за то, чтобы инквизиция не узнала о двоеженстве. В 1477 году дон Джорджо де Бардакси обручился с помощью слов *де презенти* с Леонор Ользиной, но, узнав, что она беременна или родила ребенка, он так и не женился на ней перед лицом Церкви и не расторг брак. Он оставался холост, но в 1497 году она вышла замуж за Антонио Феррера. Каким-то образом трибунал Сарагосы узнал о помолвке двадцатилетней давности и возбудил против нее уголовное дело в 1513 году. В свою защиту она утверждала, что Бардакси ранее был женат на донье Хуане де Луна, после чего трибунал возбудил против него дело о помолвке в 1477 году и бросил бы его в секретную тюрьму, если бы он не был слишком слаб. Он был человеком рассудительным и обратился за защитой к Фердинанду, который приказал не арестовывать его, принять все меры для устранения лжесвидетельств и по завершении дела направить документы генеральному инквизитору Меркадеру. [656] Результат неизвестен, но Бардакси, по крайней мере, подвергся ужасам инквизиционного процесса из-за туманного утверждения о неблагодарности, совершенном тридцать шесть лет назад.

ЛОГИЧЕСКИ ВЫТЕКАЮЩАЯ ЕРЕСЬ

Была ли какая-либо официальная оппозиция в Кастилии, сказать невозможно. На Совете Севильи, проведенном в 1512 году архиепископом Дезой, бывшим генеральным инквизитором, было принято решение утвердить епископальную юрисдикцию, которое наложило штраф в размере двух тысяч мараведи на двоеженцев в дополнение к наказаниям, предусмотренным законом; длительное отсутствие пропавшего супруга не должно приниматься в качестве оправдания, и смерть должна быть печально известна или должным образом доказана перед Обычным судом, прежде чем он сможет разрешить второй брак. [657] Тем не менее, никаких специальных требований по этому вопросу со стороны кортов Вальядолида в 1518 году не было, равно как и каких-либо положений реформы, предпринятой канцлером Жаном ле Соважем. Как и в Арагоне, теоретически вопрос касался предполагаемой ереси двоеженства. Примерно в

1534 году Арнальдо Альбертино посвятил этому вопросу подробное обсуждение, [658] но все это было скорее академическим, чем практическим. В 1537 году доктор Хирон де Лоайса во время своей инспекции Толедо сообщил, что он повсюду находил двоеженцев; их было так много, что инквизиторы преследовали их без различия вероисповедания, и он предложил издать соответствующие специальные приказы, поскольку преступление было таким жестоким и таким частым. [659] Это было бы излишне. Симанкас признает, что, если преступник скажет, что он знал, что не может иметь двух жен и, следовательно, не заблуждался в вере, может показаться, что инквизиция была отстранена от разбирательства, но обычай возобладал, хотя казалось бы, разумнее оставить их на усмотрение епископальных судов. Однако в более поздней работе он говорит, что инквизиция преследует их за неправильное отношение к таинству и нечестивое злоупотребление им. [660] Таким образом, дело было улажено, и в противном случае инквизиция была бы вынуждена отказаться от своей юрисдикции, ибо примерно в 1640 году опытный инквизитор сообщил нам, что обвиняемый никогда не признавался в ереси, но всегда заявлял о сознании вины. Его всегда спрашивали, считает ли он двоеженство законным, и, если он отвечал утвердительно, его ждало наказание как еретика. [661]

Чтобы поддержать эту выдумку, официальное обвинение фискальной службы утверждало ересь или, по крайней мере, подозрение, сначала в простой форме, но впоследствии со значительным усилением, клеймя обвиняемого как еретика-отступника или, по крайней мере, серьезно подозреваемого в вере за “дурное отношение к святому таинству брака и его институту и принятие ошибки еретиков против запрета полигамии”. [662] С той же точки зрения от него всегда требовали отречения по подозрению в ереси, в более раннее время от *де вементи*, но позже от *де леви*. [663] Надуманность этого предлога, однако, раскрывается тем фактом, что в Suprema дела о двоеженстве всегда рассматривались на дневных заседаниях, на которых помогали два члена Совета Кастилии- мирянина и где обсуждались публичные заявления и другие светские вопросы. [664] Тем не менее, когда юрисдикция однажды была приобретена, утверждалось, что она является исключительной, и ее защищали с обычной агрессивностью. Гражданские судьи не желали отказываться от своей незапамятной осведомленности об этом преступлении и предположили, что это было *mixti fori*, что приводило к частым столкновениям. Упорство, с которым проводились эти состязания, проиллюстрировано на примере Сардинии в 1658 году, когда королевский суд арестовал Микеля Фиори за двоеженство. Когда инквизиторы услышали об этом, они потребовали обвиняемого и документы, но через три часа после того, как требование было предъявлено, Фиори провели парадом по улицам Кальяри, получив двести ударов плетью, и отправили на галеры. Возмущенный трибунал отказался от совещания и компетенции и незамедлительно отлучил вегера и его асессора от церкви. Затем спор был перенесен в Мадрид, где Верховный суд и Совет Арагона поочередно в течение двух лет забрасывали короля консультациями, причем первый предполагал, что преступление было совершено исключительно на почве веры и что юрисдикция инквизиции была исключительной; здесь не могло быть никакой компетенции, потому что генеральный инквизитор был единственным судьей в делах, связанных с верой. В октябре 1659 года король приказал отменить отлучение от церкви своих судей; Suprema ответила, что она приказала это в феврале прошлого года, но инквизиторы привели причины для неподчинения; она повторила приказ в августе и предположила, что он был выполнен, но этого не произошло, и в ноябре король повторил свои приказы. Однако он принял решение, как обычно, в пользу инквизиции, и судьи были вызваны, чтобы выдать заключенного и документы, но они ответили, что Фиори сбежал с галер и что бумаги были

отправлены в Испанию. Верховный суд расценил это как уклонение от ответственности, и максимум, что он мог бы сделать, - это приостановить действие отлучения от церкви на шесть месяцев подряд, тем более что судьи-нарушители отказались предстать перед трибуналом и просить об отпущении грехов. [665]

ШТРАФНЫЕ САНКЦИИ

К освященной веками епископальной юрисдикции в отношении двоеженства относились с такой же властью. В 1650 году Верховный суд приказал трибуналу Валенсии потребовать от Ординарца рассмотрения дела Хоаны Араис, обвиняемой в двоеженстве, поскольку это был вопрос веры, относящийся исключительно к инквизиции. Итак, в 1658 году, когда епископ Саламанки арестовал Доминго Морено по тому же обвинению, как только инквизиторы Вальядолида услышали об этом, они потребовали, заполучили и судили его. [666] Тем не менее, несмотря на это, была признана епископальная власть над таинством брака, и во всех предложениях был пункт, касающийся обычного вопроса о действительности браков.

Римская инквизиция была менее агрессивной, чем испанская, поскольку, хотя она и претендовала на юрисдикцию, она желала, чтобы двоеженство рассматривалось как *смешение сторон* между светским, духовным и инквизиционным трибуналами. Если гражданский судья первым принимал меры, он мог довести дело до конца и наказать правонарушителя в соответствии с муниципальным законодательством, но ординарий епископальной церкви или инквизитор должны были потребовать от виновного допроса на предмет его веры в таинство, а затем, заставив его отречься от престола и наложив соответствующую епитимью, вернуть его светскому суду. [667] С правонарушителями обращались несколько суровее, чем в Испании. Отречение от престола всегда было *насильственным*, и пытки свободно применялись с намерением. Наказанием были галеры — пять лет в обычных случаях и семь или более, когда это оправдывалось обстоятельствами. [668]

В Испании, как мы видели, светские законы предусматривали наказания, но инквизиция пренебрегала ими, когда обеспечивала исключительную юрисдикцию, и на практике суды пользовались широкой свободой действий. Обычно мужчин наказывали одной или двумя сотнями ударов плетью и от трех до пяти лет каторги за вешлом, хотя лица благородных кровей освобождались от бичевания и отправлялись в президиос или на военную службу на галерах. [669] В качестве примера можно привести автокатастрофу в Севилье 13 мая 1565 года, когда было четырнадцать двоеженцев. Десять из них были подвергнуты бичеванию в общей сложности в тысячу семьсот ударов плетью, а пятеро, вдобавок, были отправлены на галеры с общим сроком в двадцать девять лет. Одна женщина получила двести ударов плетью с запретом покидать Севилью в течение десяти лет, а две другие были выставлены напоказ в вергуэнсе. Самым суровым наказанием был казнен Бачиллер Кристоаль де Ордас, врач, который был оштрафован на двести дукатов, при условии, что это не превышало половины его имущества, он получил двести ударов плетью и был отправлен на галеры на шесть лет безвозвратно, после чего он был сослан пожизненно с угрозой вечных галер в случае нарушения. [670]

Были полностью учтены смягчающие обстоятельства. Если муж или жена отсутствовали в течение многих лет и были предприняты разумные усилия для выяснения их судьбы или было получено ложное известие о смерти, обвиняемый оправдывался или наказание смягчалось. [671] Это проиллюстрировано на примере дела Антона де Куэбы, крестьянина из Сьенпоуэлос,

перед трибуналом Толедо в 1606 году. Обе его жены были родом из его родных мест. Он покинул их на некоторое время, а по возвращении обнаружил отсутствие своей первой жены. Затем пришло известие о ее смерти в больнице Антона Мартина в Мадриде. Он отправился туда и подтвердил это, вернувшись со свидетельством, на основании которого и благодаря общественной известности четыре года спустя было выдано разрешение на второй брак. Затем вернулась первая жена, и он предстал перед судом. Все это было тщательно проверено, и дело было приостановлено. [672] Действительно, не может быть никаких сомнений в том, что честно введенным в заблуждение двоеженцам было лучше в руках инквизиции, чем в светских судах, в то время как тщательная организация трибуналов позволяла собирать доказательства по всей стране, будь то для суровости или милосердия, способом, невозможным ни для гражданских, ни для епископальных властей. Его неутомимая настойчивость иногда подвергалась серьезному испытанию в случае с солдатами, переводимыми с поста на пост, и это справедливо проиллюстрировано делом Джозефа Антонио Ферро, рядового Кастильского полка, обвиняемого в 1763 году трибуналом Барселоны. Его корпус сменил дислокацию, и он был переведен в полк дель Рей; за его передвижениями следили годами, по этому делу последовательно работали трибуналы Барселоны, Севильи и Вальядолида, а в 1769 году Мадриду было предъявлено обвинение в его поведении. [673]

ОСПАРИВАЕМАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

Осмотрительность может быть использована как для ужесточения, так и для смягчения наказаний, как это видно на примере самого опытного двоеженца в записях, Антонио ..., который появился в "Авто Вальядолида" 4 октября 1579 года. Он быстро и откровенно признался, что за десять лет у него было пятнадцать жен. Это была профессия, с помощью которой он зарабатывал на жизнь, поскольку он скитался по стране, женись и убегая со всем, что мог раздобыть. Должно быть, он был самым правдоподобным мошенником, поскольку его любимым приемом было выдавать себя за кого-то исчезнувшего, предварительно собрав информацию, достаточную для поддержания обмана. Этот план он повторил одиннадцать раз, в некоторых случаях предъявляя претензии на значительную собственность. Его приговорили к появлению в суде с митрой, на которой были изображены все пятнадцать браков (обычно по женской фигуре на каждом), двумстам ударам плетью и пожизненным галерам. Ввиду последнего пункта казалось несколько излишним передавать Обычному человеку, как обычно, вопрос о том, с кем из женщин ему следует жить. [674]

По мере продвижения XVIII века притязания инквизиции на исключительную юрисдикцию были поставлены под сомнение. В Новом гранаданском деле Альберто Мальдонадо из Сантафе-де-Богота алькальд воспротивился вмешательству инквизиции в судебное преследование преступника; дело было передано на рассмотрение королевской аудиенции, которая приняла решение в пользу трибунала по соображениям целесообразности. Была подана апелляция правительству метрополии, в результате чего 18 февраля 1754 года был издан указ о том, что двоеженство является *mixti fori* и что ответственность за это принадлежит юрисдикции, принимающей первые меры. Против этого Верховный суд представил консультацию 18 марта, но безрезультатно. Указ был разослан всем вице-королям в королевской седуле, предписывающей ни в коем случае не допускать признания компетенции, поскольку ни один обычай не мог возобладать над регалиями без королевского согласия. Если инквизиция желала

принять меры по подозрению в причастности к ереси, она могла сделать это после того, как преступник отбыл наказание, назначенное королевскими судами. [675]

Инквизиция была неудержима, и, несмотря на эти позитивные приказы, в Новой Гранаде возникла компетенция, которая побудила Карлоса III пересмотреть вопросы. Консультации были созваны и представлены Верховной властью в апреле 1765 года и Советом Индии в апреле 1766 года, в результате чего был издан указ от 21 июля 1766 года, которым Карлос восстановил исключительную юрисдикцию инквизиции. Это было отправлено вице-королям 8 сентября, и мы находим, что маркиз де Круа приказал ему должным образом исполняться в Мексике 26 февраля 1767 года. [676] Вскоре Карлос увидел причину изменить свои взгляды. Аудитор де ла Герра судил и приговорил солдата-инвалида, когда вмешалась инквизиция и потребовала документы. Это пробудило в нем ощущение неуместности сложившейся ситуации, и он приказал Королевскому совету рассмотреть этот вопрос. 10 января 1770 года он представил единогласный отчет, в соответствии с которым 5 февраля постановил, что дело принадлежит исключительно Auditoria de la Guerra. Более того, он воспользовался случаем, добавив, что приказал генеральному инквизитору проинструктировать инквизиторов о том, что в делах такого рода они должны соблюдать законы королевства и не ставить в неловкое положение королевских судей в вопросах, относящихся к их компетенции, но должны строго ограничивать использование своих полномочий ересью и вероотступничеством и не позорить королевских вассалов арестами без явных предварительных доказательств. Всем королевским трибуналам было приказано судить и наказывать двоеженцев в соответствии с законами и проявлять ревностность в предотвращении любого нарушения указа. [677]

Это был горький упрек, с угрюмым негодованием отвергнутый инквизицией. В трибуналах находилось много незавершенных дел, и они немедленно приостановили разбирательство. Это привело к королевскому письму от 30 сентября 1771 года, в котором было предоставлено право рассматривать все дела, не рассматривавшиеся в королевских судах, и все, что могло быть передано инквизиции, но при условии, что, когда виновный не был *рео де фе*, из-за веры в то, что двоеженство законно, приговор не должен быть вынесен или назначено наказание, но что затем дело должно быть передано в суды, обладающие юрисдикцией. [678]

РАЗДЕЛЕННАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

Хотя это допускало только возможность судебного разбирательства без вынесения обвинительного приговора, это был вбивающий клин, который Верховный суд, не теряя времени, обратил в свою пользу, стимулируя доносы и заставляя людей верить, что он по-прежнему обладает юрисдикцией. Таким образом, в Эдикт веры 1772 года было включено двоеженство с осторожной формулировкой “чтобы Святая Канцелярия могла предотвратить преступления против Бога, совершенные этим преступлением”. [679] Королевский указ был разослан трибуналам с инструкциями о том, что при получении доносов следует позаботиться о том, чтобы обвиняемый не предстал перед судом в другом месте. В этом случае его должны были регулярно судить и признать виновным, а также заставить появляться в *автозакесо* знаками двоеженства и двойным узлом, указывающим на бичевание; его должны были заставить отречься от престола и поместить в тюрьму на две или три недели покаяния, а затем передать светскому суду, чтобы его последующее наказание могло выглядеть как простое исполнение приговора трибунала. [680]

Хотя эти уловки, несомненно, произвели задуманный эффект, оскорбительный указ 1770 года оставался в силе и был постоянным унижением, которое Верховная власть искренне стремилась устранить. В 1777 году он представил мемориал, свидетельствующий о том, что указ был напечатан, продан и опубликован в журналах, что нанесло бесконечный ущерб религии и дало огромный импульс расточительству и неверности. Это запрещало инквизиции действовать в любых случаях, кроме случаев ереси и отступничества, и даже в этих случаях она не могла производить аресты, пока вина не была окончательно доказана. С того года, говорится в нем, сколько людей предались вымогательству, колдовству и другим преступлениям, полагая, что они в безопасности от инквизиции! Сколько людей позволяли себе высказывать нечестивые или еретические утверждения, полагая, что, даже будучи осужденными, они не могут быть арестованы до тех пор, пока их преступления не будут полностью доказаны, — а это случается редко или вообще никогда! Напрасно инквизиция публикует свой ежегодный Эдикт веры; впечатление, произведенное седулой, неоспоримо, и его следует привлечь к ответственности и пресечь. [681]

Эта апелляция привела к королевскому заявлению от 6 сентября 1777 года о том, что седула 1770 года не препятствует юрисдикции инквизиции в делах, подсудность которых была возложена на нее. Что касается двоеженства, преступление было разделено между тремя юрисдикциями; обман женщины и причинение вреда потомству рассматривались светскими судами; действительность или недействительность брака - епископальными судами; а ересь в отношении таинства, когда оно существовало, - инквизицией. Три юрисдикции должны сотрудничать, каждая назначая соответствующие ей наказания и передавая виновного от одной к другой, чтобы его преступления могли быть проверены. [682] Это деление преступления на три части было слишком неуклюжим с научной точки зрения, чтобы его можно было применить на практике. По внешнему виду это лишь определяло существующий метод, но в такой форме, которая позволяла инквизиции посягать на светскую юрисдикцию. Уже в 1781 году мы обнаруживаем, что двоеженец после суда был передан королевскому суду с сертификатом, обозначающим его не просто как осужденного, но и предусматривающим наказание в виде ссылки и пресидио, показывая таким образом, что трибунал предполагал приговорить его как к временной, так и к духовной епитимье. В 1791 году одно дело указывает на то, что дело зашло еще дальше, поскольку трибунал Толедо вынес в отношении Габриэля Дельгадо аутодафе, в котором был зачитан его приговор, предписывающий не только отречение от престола и духовную епитимью, но и изгнание на восемь лет из Толедо, Мадрида и королевских резиденций. Единственным отличием этого решения от практики столетием ранее был пункт о том, что его личность должна была быть передана светскому правосудию. [683]

КОЛИЧЕСТВО СЛУЧАЕВ

При Реставрации инквизиция взяла на себя полную юрисдикцию в отношении двоеженства; трибунал приговаривал виновного, как и в старые времена, обычно к бичеванию и президиуму или изгнанию, а Супрема, подтверждая приговор, приказывала исключить бичевание под каким-либо предлогом. Ничего не было сказано о передаче преступника светским судам. Они могли, если считали нужным, осуществлять совокупную юрисдикцию и рассматривать дела, которые поступали к ним, но после вынесения приговора инквизиция снова судила виновных и изменяла приговор по своему усмотрению, либо увеличивая, либо уменьшая наказание. Так, в 1818 году уголовный суд Гранады приговорил Эусебио Реулина к шести годам тюремного заключения, один из которых он должен был провести в Африке. Затем трибунал взялся за него,

добавив духовную епитимью и вечное изгнание из определенных мест и увеличив срок тюремного заключения до десяти лет, но, когда это было передано на утверждение Верховному Судье, он сократил срок ссылки до восьми лет, а срок тюремного заключения - до двух. К приговору уголовного суда отнеслись с величайшим презрением. Исключение из этого правила, по-видимому, было сделано, когда речь шла об армии. В 1817 году Эладио де Арагон предстал перед Мадридским трибуналом и был признан виновным в том, что имел трех жен; его приговор включал только отречение от престола и духовную епитимью, после исполнения которых он должен был быть передан генерал-капитану с копией приговора и рекомендацией о помиловании, учитывая его длительное тюремное заключение, его признание и надежды на его исправление. [684] Очевидно, что в отношениях с армией инквизиция чувствовала себя обязанной подчиняться законам.

Двоеженство составляло немалую часть текущей деятельности инквизиции. В записях Толедо за период с 1575 по 1610 год число случаев составляет пятьдесят четыре, что занимает второе место после случаев с Морисками. В том же суде с 1648 по 1794 год рассматривалось шестьдесят два дела, следующие по количеству после вымогательства. Из шестидесяти четырех уголовных дел, проведенных в Испании с 1721 по 1727 год, было возбуждено тридцать четыре дела, причем единственными преступлениями, превышающими это число, были иудаизм и колдовство. В более поздний период, несомненно, из-за вмешательства светской юрисдикции и упадка инквизиции, их число сокращается, и общее число трибуналов с 1780 по 1820 год составляет сто пять. [685]

ГЛАВА XV.

БОГОХУЛЬСТВО.

БОГОХУЛЬСТВО - несколько гибкий термин, но для наших целей его можно в общем виде определить как ругательство, уничижающее или оскорбляющее Божество. Наказанный лапидарностью в соответствии с законом Левитов, он был в средние века предметом бесконечного законодательства, как со стороны светских, так и церковных законодателей, и часто применялись жестокие наказания, такие как прокалывание языка раскаленной проволокой. Энрике IV в 1462 году предписал вырезать язык вместе с бичеванием или изгнанием, и в 1476 году Фердинанд и Изабелла подтвердили это. [686] Юрисдикция в отношении богохульства была совокупной, принадлежала как светским, так и духовным судам, а также находилась в ведении Старой инквизиции, при условии, что она была еретической, но провести различие между нееретическими и еретическими было непросто. Эймерих говорит нам, что проклятия, поносящие Бога или Деву Марию, или выражающие неблагодарность к нему, являются простым богохульством, которым инквизиция не занимается; чтобы признать это, должно быть отрицание какого-либо символа веры, и повторение этого определения Реперториумом в 1494 году показывает, что это продолжало приниматься как правило на практике. [687]

ДОЛЖНО БЫТЬ, ЕРЕТИЧЕСКИЙ

Таким образом, испанская инквизиция с момента своего зарождения обнаружила, что обладает юрисдикцией, и, по крайней мере, в Арагоне, где этот институт имел многовековые традиции, без колебаний воспользовалась ею сразу после реорганизации. В Сарагосском авто от 17 декабря 1486 года появились христианин, наказанный за богохульство, которому палкой проткнули язык, и еврей с уздечкой во рту, митрой и соломенной *эспуэрттой*. В этой области, как и во многих других, инквизиторское рвение превзошло благоразумие; мало внимания уделялось различию между еретическими и нееретическими, и в Инструкции 1500 года инквизиторам было сказано, что они производят аресты по пустяковым вопросам, не имеющим прямого отношения к еретичеству, например, за слова, произнесенные в гневе, которые были богохульством, а не ересью; в будущем никто не должен был быть арестован за подобные вещи, и, если были сомнения, следует проконсультироваться с генеральным инквизитором. [688] Это предупреждение было тем более необходимо, что светские суды не были готовы отказаться от своей юрисдикции, поскольку прагматика Фердинанда и Изабеллы 1502 года предусматривает удары плетью, тюремное заключение и другие наказания за богохульства, столь явно еретические, как *descreo de Dios* ("Я не верю в Бога"). [689] Епископы также продолжали утверждать контроль, поскольку Севильский собор в 1512 году под руководством бывшего генерального инквизитора Дезы наложил на священнослужителей штраф в размере трех золотых флоринов и тюремное заключение по своему усмотрению, в то время как для мирян, в дополнение к юридическим наказаниям, церковному судье было поручено преследовать в судебном порядке за ругань, богохульство или оскорбления Бога, Девы Марии и святых. [690]

Осторожность, предписанная Инструкциями 1500 года, была забыта инквизиторами, и их злоупотребление властью в этом отношении послужило поводом для одной из жалоб кортеса Монзона в 1510 году. В Конкордии 1512 года было предусмотрено, что они не должны знать о богохульстве, если только оно явно не отдавало ересью, такой как отрицание существования Бога или его всемогущества. Генеральный инквизитор Меркадер воплотил это в своих Инструкциях от 1514 года, а Лев X подтвердил это в 1516 году в своей булле *Pastoralis officii*. [691] Верховный суд Арагона принял это, и в Эдикте веры 1515 года было специально указано, что осуждение богохульства не требуется, за исключением случаев, когда оно противоречит символам веры. [692] Однако, как мы видели в случае двоеженства, на это не было обращено внимания, и среди жалоб Кортесов около 1530 года есть жалоба на то, что инквизиция бросала в тюрьму ортодоксальных людей за богохульство и за слова, просто произнесенные в состоянии аффекта, на что невозмутимый генеральный инквизитор ответил, что инквизиторы действовали только в состоянии аффекта. в соответствии с законом и, если стороны пострадали, пусть будут указаны их имена, когда будут приняты надлежащие меры. [693]

Эти неприятности ни в коем случае не ограничивались Арагоном. В Кастилии королевская прагматика 1515 года обращается с мольбой к королю с просьбой, чтобы инквизиторы не были осведомлены о богохульстве, поэтому было приказано, чтобы они рассматривали только те дела, которые они могли и должны были заслушать, и генеральному инквизитору было дано специальное поручение не позволять им поступать иначе и обеспечить прекращение злоупотреблений, если таковые имели место. [694] Это двусмысленное высказывание, естественно, не произвело никакого эффекта, и в 1534 году мадридский суд убедительно продемонстрировал тяжесть того, что богохульство, произнесенное в азарте азартной игры или в пылу ссоры, могло подвергнуть человека благородного и чистокровного аресту инквизицией, когда, поскольку причина не была известна, весь род подвергся позору. Поэтому они просили передать дело о преступлении исключительно светским судам, которые должны были строго

наказать его. На это Карл уклончиво ответил, что судьи будут исполнять законы, а инквизиторы не превысят своих полномочий, и он удовлетворился переизданием "прагматики" 1515 года.

[695]

Легко понять чувства, лежащие в основе этих увещеваний, поскольку ни одна функция инквизиции не приводила ее в более полное соприкосновение с массой старого христианского населения, глубоко православного в душе, строгого в соблюдении обрядов, гордящегося чистотой крови и ничего так не боящегося, как штрафа за малейшее подозрение в ереси. Испанец был холериком и не особенно любезен в выборе слов, когда им овладевал гнев; азартные игры были почти всеобщей страстью, и во все времена ничто так не провоцировало восклицания и ругательства, как превратности карт и игральные кости. То, что для женщин из более скромных слоев общества было преследованием за колдовство, для мужчин всех рангов было преследованием за богохульство. Какой бы тривиальной ни казалась нам эта часть инквизиторской деятельности, мы можем быть уверены, что ни при каких других обстоятельствах влияние Святой Канцелярии не ощущалось так остро и не внушало такого страха той великой части нации, которая ревностно приветствовала преследование новых христиан-евреев и мавров.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТРУДНОЕ

Это правда, что теоретически юрисдикция инквизиции ограничивалась еретическим богохульством, и, если соблюдались старые определения, от самого заядлого игрока или вспыльчивого хулигана требовалось лишь умеренное самоограничение, чтобы оставаться в безопасности, но определения были гибкими и могли быть сформированы в соответствии с характером или агрессивностью трибунала, озабоченного бизнесом и штрафами. Врачам было не легче прийти к согласию относительно определения границ еретического богохульства, чем по тысяче других вопросов, предложенных Моральной теологией. Было легко сказать в общих чертах, что еретическое богохульство состояло в утверждении или отрицании Бога в том, что вера требует отрицания или утверждения, или в приписывании творению того, что относится исключительно к Творцу, но когда дело доходило до применения этих абстрактных принципов в конкретном, возникали разногласия, и легко представить, насколько широкое поле для казуистики предоставляли разнообразие, сила и живописность богохульства южных рас.

Как правило, Верховный Суд был склонен проверять готовность трибуналов выявлять ересь в ругательствах, которые, правда, были богохульными, непочтительными и неприличными, но не свидетельствовали об отсутствии веры. Был класс из них, которые, кажется, были у каждого на устах, неискоренимых самым суровым законодательством, таких как "Mal grado aya Dios" (Пусть это назло Богу), "Pese á Dios" (Пусть Бог пожалеет), "Reniego á Dios" (Я отрекаюсь от Бога), "Descreo de Dios" (Я не верю в Бога) и т.д., За которые Фердинанд и Изабелла в своих законах 1492 и 1502 годов предусматривали наказания в размере от месяца тюремного заключения за первое преступление до прокалывание языка в третий раз, и в 1525 году Карл V добавил к списку "Por vida de Dios" (Клянусь жизнью Божьей). В 1566 году Филипп II, стремясь привлечь новобранцев на флот, добавил десять лет галер к наказанию за богохульство и шесть лет галер к прокалыванию языка за третье преступление, как это было предусмотрено его предшественниками. [696] Когда эти преступления были настолько полно охвачены светским законодательством, Верховный Суд счел ненужным отвлекать суды от их законных функций для

их рассмотрения. В 1537 году доктор Хирон де Лоайса, посетив Толедо, обратился за инструкциями относительно этих ругательств. Он считает их еретическими, но понимает, что Верховный Суд не желает, чтобы суды принимали по ним меры, поскольку они настолько распространены, и для них уже достаточно судей. [697] Вероятно, в ответ на это в том же 1537 году Верховный суд постановил, что подобные высказывания не подпадают под его юрисдикцию, поскольку они были условными, являясь просто взрывами гнева или разочарования, решение, которое он повторил в 1547 году; он уже в 1535 году истолковал Инструкции 1500 года как подразумевающие, что внезапные вспышки гнева должны передаваться епископальным судам, а в 1560 году включил “por vida de Dios” в число нееретических богохульств. Однако в 1567 году среди обвинений против Эстевана Пуэйо в Валенсии фигурирует его восклицание “pese á Dios”, и тенденция инквизиторов расширять определение видна в упреке Верховного инквизитора Морали за то, что в Сан-Себастьяне он наказал за такие высказывания, как “Бог не может причинить мне большего вреда” и “в этом мире вы не увидите, как я страдаю”, если, конечно, мудро заметить, последнее выражение используется с недоверием к окончательному решению. [698]

Это последнее замечание иллюстрирует остроумную казуистику, с помощью которой при желании можно было обнаружить ересь, пример которой мы уже видели в деле Антонио Переса, поскольку одним из обвинений против него была его клятва, что, если Бог-Отец вмешается в его защиту, он отрежет ему нос, в чем брат Диего де Чавес нашел привкус ереси водуа, приписывающих богу человеческие члены. Возможно, успешное применение против Переса юрисдикции за богохульство привело к более либеральному определению ереси, поскольку в семнадцатом веке мы находим единодушное мнение о том, что такие ругательства, как “reniego de Dios”, или “de la fee”, или “de la crisma”, или “de Nuestra Señora”, или “descreo de Dios”, были еретическими. Применимо ли это к отречению от святого Петра, святого Павла и других святых, было более сомнительным вопросом, по которому врачи расходились во мнениях. Были даже строгие конструкционисты, которые считали, что называть Бога премудрым или всепрекрасным, как любовник может обращаться к своей любовнице, было богохульством. На Сицилии восклицание “Sanctus Diabolus” обычно признавалось еретическим, но не преследовалось по закону, поскольку оно использовалось настолько повсеместно, что было удобнее классифицировать его как простое богохульство. [699] Легко увидеть, насколько неуловимыми были вопросы, возникающие из-за разнообразной изобретательности богохульников, и какой простор был для потворства темпераментным особенностям инквизиторов.

СОВОКУПНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

В регионе, столь полном сомнений, где было три претендента на юрисдикцию — светский, духовный и инквизиторский — естественно, можно было ожидать большого столкновения, но я не встречал никаких споров с королевскими судами, вытекающих из этого источника. [700] Стремясь пресечь богохульство, Филипп IV в 1639 году собрал хунту, чтобы рассмотреть вопрос о том, нельзя ли расширить юрисдикцию инквизиции, чтобы она могла наказывать за произнесение одной-единственной “пор вида”, когда результатом ее обсуждения стал всеобъемлющий указ, карающий все нецензурные выражения, за исключением судебных процедур, с постепенной шкалой наказаний, а те, кто пристрастился к этой привычке, были лишены возможности занимать государственные должности. Конечно, это было неэффективно,

и в 1655 и 1656 годах он приказал применить суровое наказание, чтобы обезоружить божественное негодование, проявившееся в общественных несчастьях. [701]

Епископальные суды также не отказались от своей юрисдикции, и то, что они продолжали процветать, несмотря на преследования со стороны всех троих, доказывает неискоренимый характер преступления. Примером их совокупного действия и восприимчивости испанского благочестия является случай с Диего Кабесой из Мансанал-де-ла-Пуэнте, который примерно в 1620 году, поссорившись с одним человеком, сказал, что не знал, что представлял собой Бог, когда создавал его. Местный судья Франсиско Прието взыскал с него штраф в размере сорока дукатов, пригрозив донести на него инквизиции, но епископальный суд, узнав об этом, арестовал, предал суду и наказал его. Затем, примерно десять лет спустя, в 1630 году, на него был донесен трибунал Вальядолида; калификадоры должным образом обдумали его высказывание и объявили его еретическим богохульством, но, когда инквизиторы узнали, что ему было десять лет и что он уже был наказан ординарием епископата, они мудро приостановили дело. [702]

Предположительно, это были наихудшие случаи богохульства, имевшие место до инквизиции, и, как правило, их умеренность выгодно контрастирует с дикой жестокостью светского законодательства. Это правда, что, поскольку было выдвинуто подозрение в ереси, обвиняемого бросили в секретную тюрьму, что само по себе было суровым наказанием, но пытки не применялись. Предписанными наказаниями были отречение от престола, появление в автомобиле, затыкание рта, бичевание и галеры, в зависимости от тяжести правонарушения, в то время как хрупкие заключались в монастыри их собственного Ордена. [703] Они, однако, были зарезервированы для отягчающих случаев обычного богохульства со стороны преступников низкой степени тяжести; дворяне и джентльмены зачитывали свои приговоры в зале для аудиенций, освобождались от отречения и на несколько месяцев уединялись в монастыре. Вспышки страсти, проявлявшиеся в ссорах, азартных играх и даже пьянстве, давали обвиняемому право на оправдание или просто на номинальное наказание. Автор, написанный примерно в 1640 году, действительно, предполагает, что преступник, как правило, получал только выговор в зале аудиенций, без отречения от престола, за исключением очень скандальных случаев, заслуживающих бичевания и галер, но даже в этих случаях подобные наказания больше не применялись. Наложения ареста на имущество не было, и повторение преступления не рассматривалось как рецидив. [704] Более поздний автор, однако, считает, что такие еретические богохульства, как “reniego de Dios”, “descreo de Dios” и тому подобное, караются вергуэнцей или сотней ударов плетью. [705]

КОЛИЧЕСТВО ОБРАЩЕНИЙ

На самом деле можно предположить, что в этих вопросах существовала широкая свобода действий. Мы видели, с какой суровостью относились к диким вспышкам ярости Антонио Переса, однако в 1624 году молодой солдат, который, будучи закован в колодки, воскликнул: “Я отрекаюсь от Бога и святых; дьяволы, почему вы не придете и не заберете меня?” - после надлежащего судебного разбирательства со всеми формальностями в трибунале Вальядолида был освобожден от должности с выговором и без вынесения приговора. Так, в 1630 году две девушки в доминиканском монастыре Вальядолид, будучи запертыми настоятельницей в комнате, в порыве ярости неоднократно отрекались от Бога и святых. Естественно, на суде они

выразили крайнее раскаяние и были уволены с выговором. [706] Эта мудрая умеренность не исключала строгости, когда, казалось, этого требовал случай. В 1669 году Антонио дель Эро за еретическое богохульство “en grado superlativo” был приговорен в Толедо явиться в авто 7 апреля, отречься от де леви, прослушать мессу как кающийся грешник, получить сто ударов плетью и отсидеть три года на галерах. [707]

Учитывая распространенность порока и энергичные усилия по его пресечению, количество дел в инквизиции меньше, чем можно было бы ожидать. В записях Толедо с 1575 по 1610 год их всего сорок шесть. В записях того же трибунала с 1648 по 1794 год их всего тридцать семь. Во всех трибуналах с 1780 по 1820 год их было в общей сложности сто сорок семь. Очевидно, что в этом вопросе активность инквизиции со временем значительно ослабла, будь то из-за роста народного почитания или из-за растущего нежелания изобличать преступление.

ГЛАВА XVI.

ПРОЧИЕ ВОПРОСЫ.

В неопределенной и широко распространяющейся юрисдикции инквизиции существовал ряд вопросов, более или менее связанных с верой, о которых она предполагала знать. Их беглое рассмотрение необходимо, и их удобнее сгруппировать вместе.

Брак по порядку.

Безбрачие, предписанное католическому духовенству, включает в себя светских людей, начиная с иподиаконата и выше, и обычных людей, которые связаны тремя обетами целомудрия, бедности и послушания. Даже унижение из-за орденов не устраняет инвалидность, поскольку остается неизгладимый характер, запечатленный в рукоположении. [708] Каким бы строгим ни было соблюдение канонов, начиная с двенадцатого века, слабость плоти во все времена приводила к случайным нарушениям правил, наказуемым деградацией, затворничеством в монастыре и другими наказаниями. Вопрос о том, подлежало ли преступление суду инквизиции, в более ранний период был предметом споров, некоторые авторы считали, что, если брак был публичным, это подразумевало еретическую ошибку, подпадающую под юрисдикцию инквизиции, но что, если он был тайным, это показывало, что интеллектуального заблуждения не было, что делало преступника виновным только в нарушении закона и подвергало его, если светский, духовным судам, а если обычный, прелатам его Ордена. [709]

БРАК В ЗАКАЗАХ

Реформация, санкционировавшая церковные браки, ввела новый контролирующий фактор, который со временем изменил ситуацию. Тем не менее, в течение значительного периода существовало мощное движение, особенно среди немецких католиков, за ослабление запрета в надежде добиться воссоединения. Этот вопрос считался открытым для обсуждения, поскольку речь шла всего лишь о дисциплине; Арнальдо Альбертино утверждает, что папа может разрешать брак по своему усмотрению, и ссылается на разрешение, данное Александром VI своему сыну Сезару Борджиа, в то время кардиналу-дьякону, жениться на

наследнице Валентинуа. [710] Реакционные влияния, контролировавшие Тридентский собор, изменили все это, когда в 1563 году он сделал целибат священнослужителей вопросом веры, сделав отныне священнический брак бесспорно еретическим. [711]

Инквизиция, однако, не стала дожидаться, пока это перейдет под юрисдикцию, хотя, похоже, она начала действовать только после того, как начало Реформации сделало священническое безбрачие предметом обсуждения. Самый ранний случай, с которым я столкнулся, - это дело Мигеля Гомеса, священника из Сарагосы, приговоренного трибуналом Толедо в 1529 году за вступление в брак по монашеским обрядам, когда необычное наказание, по-видимому, показывает, что это было новшеством, прецедента которому не существовало. В течение трех дней его выставляли на лестнице у портала собора в рубашке и панталонах, со связанными руками, закованными в цепи ногами и митрой на голове, после чего он был пожизненно лишен священнических обязанностей и навсегда изгнан из провинции. В Толедо не было другого дела до 1562 года, когда ему пришлось иметь дело с несколько сложным преступлением брата Хуана Рамиреса, который вступил в религиозный орден, будучи женатым, но дважды покидал его и возвращался снова, во время выступлений он женился на двух женах. [712] То, что юрисдикция полностью зависела от причастия, видно из дела Хуана Каррильо, он же Фрей Хуан Ортис, францисканца, осужденного в 1596 году трибуналом Толедо его прелатом Фре Хуаном де Овандо за вероотступничество и проживание с женщиной, предположительно его женой. Расследование показало, что она была всего лишь его наложницей, поэтому дело было приостановлено, и он был возвращен Овандо для разбирательства в соответствии с правилами Ордена. [713]

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ СВЯЩЕНСТВА

После того, как Тридентский собор однозначно признал преступление ересью, ужасающая формула обвинения фискала описывает преступника как недостойного милосердия, лишенного всех церковных привилегий, отстраненного от своих орденов и предоставленного светской власти, к которой был добавлен *otrosi*, требующий свободного применения пыток. [714] Однако на практике применялась самая широкая свобода действий. Это правда, что писатели говорят о появлении в общественном транспорте, или о деградации, или об отшельничестве в монастыре на несколько лет, или о подобном сроке службы на галерах, но, похоже, такого правила не существовало. [715] Действительно, нелегко понять, как за столь однородное по своему характеру правонарушение могли быть назначены столь разнообразные наказания. В 1597 году Франсиско Агустин, августинец из Барселоны, женившийся в Толедо, пытался защитить себя, ссылаясь на то, что он вступил в орден по принуждению, чтобы избежать своих долгов; его приговором было появление в автозаке, отречение от престола *де леви* и пожизненное заключение в монастыре, где он принял постриг. [716] В 1629 году брат Лоренцо де Авалье, бенедиктинский священник, обвинил себя перед трибуналом Вальядолида в том, что женился и восемь лет прожил музыкантом в Арагоне. Несмотря на его самоосуждение, он был приговорен к словесному унижению и четырехлетнему заключению в монастыре, где он должен был подвергнуться строгому наказанию, в то время как женщина была уведовлена, что она свободна снова выйти замуж. [717] Резко контрастирует с этим дело Хуана Алонсо Паласиоса, женатого иезуита, перед трибуналом Толедо в 1659 году, который, хотя и не был *эспонианеадо*, отделался выговором и четырьмя годами затворничества. Затем, в 1664 году, брат Хуан де

Айала, священник-наемник, был по решению того же трибунала навечно отстранен от своих обязанностей и на три года заключен в монастырь с годичным пятничным постом и некоторой духовной епитимьей. Снова, в 1675 году, тот же трибунал приговорил женатого иподьякона Херонимо де Моралеса к пяти годам каторги, еще трем годам ссылки и дисквалификации за неисполнение орденов. [718] Пять лет галер, еще три года ссылки и лишения функций и привилегий выпали на долю дон Кристовала де Забиати, он же дон Хуан Баптиста де Верганса, священника Талавера-де-ла-Рейна, который появился в великой мадридской автокатастрофе 1680 года. [719] В 1700 году трибуналу Толедо пришлось рассматривать дело, охарактеризованное как “*con circunstancias gravísimas*”, так что мы можем рассматривать приговор как представляющий крайность наказания за преступление. Преступнику не требовалось появляться в автомобиле, но его приговор был зачитан в зале для аудиенций в присутствии двадцати четырех священнослужителей. Оно предписывало отречение *де леви*, вечное лишение должностных обязанностей, вечное заключение в монастырской келье с оставлением только для хора и трапезной, в которой ему отводилось последнее место, четырехлетний пост на хлебе и воде по пятницам и всенощные бдения, а также круговую дисциплину при переводе в монастырь. Подробности его карьеры не приводятся, но есть предположение, что это материал для плутовского романа, поскольку преступником был доминиканец Фрай Томас Джастер, который был калификатором инквизиции и королевским проповедником и пользовался различными псевдонимами дон Хуана де Сан-Фелиу Сиснероса, дон Висенте де Очайта и дон Хуана де Ибаррола. [720] Несколько примечательно, что к деградации, по-видимому, так редко прибегают.

Это преступление, по-видимому, было отнюдь не частым. В отчетах Толедо за период с 1575 по 1610 год есть только два упомянутых выше дела, а в отчетах того же трибунала за период с 1648 по 1794 год их всего десять. С 1780 по 1820 год в сводных отчетах всех трибуналов фигурирует всего шесть дел. [721]

Олицетворение священства.

Почитание, с которым относятся к таинствам, и первостепенное значение, придаваемое им как средству спасения, делают необходимым, чтобы их охраняли с величайшей заботой. Их действительность важна не только для тех, кто их ищет, но и любой обман в их распространении является святотатством, которое, в случае мессы, может ввергнуть всех присутствующих верующих в грех идолопоклонства. За исключением крещения, они могут совершаться только теми, кто имеет полное звание священника, и притворство, что это делают неквалифицированные люди, является неправильным не только для обманутых верующих, но и для Создателя, который создал их для утешения и спасения Своих созданий. [722]

Плата, взимаемая за приготовление и посвящение в таинства, является ценной привилегией священства, и у безблагодатных мирян или священнослужителей низших сословий было велико искушение симулировать обладание необходимыми способностями и предать ничего не подозревающих людей, заставив их принять из их рук никчемные подобию. В эпоху продажности четырнадцатого века это, по-видимому, не считалось особо тяжким преступлением, поскольку в налоговой ведомости Бенедикта XII официальная плата за отпущение грехов за то, что человек выдавал себя за священника, выслушивал исповеди и даровал отпущение грехов, составляла всего шесть *гроссов* или около трех четвертей флорина. [723] После начала Реформации это рассматривалось как более серьезный вопрос. Павел IV в

своих записках от 20 мая 1557 г. и 17 февраля 1559 г. определил преступление как подлежащее инквизиции и подлежащее смягчению наказания, даже если не было рецидива. [724] Сикст V считал необходимым переиздать краткое изложение Павла, а Климент VIII в 1601 году подтвердил деяния своих предшественников, санкционировав судебное преследование либо инквизицией, либо ординарием епископальной церкви. Это было применимо только к преступникам, достигшим 25-летнего возраста, но Урбан VIII в 1627 году снизил лимит до 20. [725]

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ СВЯЩЕНСТВА

Это повторение законодательства показывает упорство зла и решимость папы подавить его. Даже соучастие было сурово наказано за то, что в 1619 году мирянин, помогавший священнослужителю, о котором он знал, что он неквалифицирован, был подвергнут пыткам за намерение отречься от *вечной*, отбыть пять лет на галерах и был навсегда отстранен от участия в мессе. [726] Кардинал Скалья, однако, заявляет, что, когда преступление было совершено по неосторожности, смягчение наказания заменялось десятью годами каторги, [727] но при нанесении наказания не было никаких колебаний. полное наказание в соответствующих случаях. Еще 18 июля 1711 года Доменико Спаллачино, закоренелый преступник, который прожил пять лет, отслужив мессу в Риме, Лорето и других местах, был освобожден и приговорен к повешению и сожжению; он был должным образом повешен на площади Кампо де'Фиори, тело было привязано к железному столбу на куче дров и превратилось в пепел, который собрали и похоронили. [728]

В Испании к этому вопросу относились менее серьезно. Инквизиция поначалу не считала себя обладающей юрисдикцией, если только не возникало неверия в таинства. Хартия акордада от 31 января 1533 года предписывает трибуналам, что в этих случаях следует спрашивать виновного, считал ли он себя обладателем силы, или слышал ли он где-либо, чтобы это утверждалось как мнение, и каковы были его намерения; если он не признает ошибочности своих убеждений, дело не касается инквизиции, и он должен быть передан мировому судье. Записки Павла IV не были приняты в Испании, и дело затянулось до 1574 года, когда 13 января Верховный суд направил трибуналам циркулярный запрос с вопросом, возбуждалось ли какое-либо уголовное преследование за это преступление; если да, то на каких основаниях была основана юрисдикция, какая форма процедуры соблюдалась и какое наказание было назначено; также были запрошены мнения относительно того, как следует рассматривать такие дела. [729] Очевидно, что на этот вопрос еще не было обращено внимания; ответы показали, что общей политики не существовало, и от Григория XIII было получено краткое сообщение от 17 августа того же года, в котором говорилось, что в Испании существуют противоречивые мнения о том, обладает инквизиция юрисдикцией или нет, поэтому он предоставил ей исключительную компетенцию и запретил епископальным судам проводить подобные расследования. случаи. [730] 26 ноября Верховный суд разослал это письмо всем трибуналам с приказом возбуждать судебное преследование в таких случаях и внести соответствующий пункт в Эдикт веры. [731]

Очевидно, что испанская инквизиция не разделяла ужаса, испытываемого в Риме к подобным преступлениям, и это проявляется в сравнительной умеренности назначаемых наказаний. Около 1650 года испанец в Риме, пишущий другу домой и сравнивающий суровость итальянской инквизиции с мягкостью испанской, приводит в пример римские пытки двоеженцев и домогательства исповедников, более длительные сроки каторги для первых и неумолимое послабление тем, кто отслужил мессу без рукоположения. [732] В Испании не было

такой жестокости. Не было потеряно времени на принятие юрисдикции, и уже в 1575 году нашелся виновник автокатастрофы в Толедо Алонсо Гарсия, францисканец, который отслужил мессу и выслушал исповедь, и чьим приговором было всего лишь отречение от престола *де леви* и четыре года службы на галерах. Применялась самая полная свобода действий, и наказания варьировались в одном и том же трибунале в зависимости от обстоятельств дела и нрава инквизиторов. Так, в Толедо в 1578 году Перо Джоан Кейто, студент, имевший при себе поддельные свидетельства и исповедавший многих людей, снявший с них грехи и наложивший епитимью, появился в автомобиле с поводом и свечой, отрекся от *де леви* и получил двести ударов плетью и три года каторги. В том же году француз по имени Пьер Салетас, обвиняемый в том, что в течение двадцати лет выслушивал исповеди и служил мессу по поддельным свидетельствам, подвергся пыткам без признания и был изгнан из королевства на четыре года и ему запретили совершать таинства без подлинных свидетельств. В 1600 году Бальтазар Родригес, дьякон, появился в авто, отрекся от *де леви*, был отстранен на десять лет от исполнения своих приказов с пожизненной нетрудоспособностью для продвижения по службе и получил шесть лет галер. В том же году наемник, брат Грегорио де Паласиос, избежал появления в автозаке, но отрекся от *де леви*, получил пятьдесят ударов плетью и был на три года заточен в монастыре своего Ордена. [733] В 1622 году в Вальядолиде францисканскому диакону Фраю Хуану Тапия за совершение мессы было просто приказано использовать свой монастырь в качестве тюрьмы и являться по вызову. Несколько большая строгость была проявлена к фраю Антонио Фречадо, иподьякону-тринитарию, который за публичное слушание исповеди должен был отречься от *де леви*, был отстранен от своих обязанностей на два года, в течение которых он был затворником в своем монастыре, получил инвалидность для продвижения по службе и наложил некоторую духовную епитимью. [734]

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ СВЯЩЕНСТВА

Было бы бесполезно множить примеры такой разнообразной умеренности. Я встречался лишь с одним случаем, когда папское предписание о послаблении было соблюдено, и это произошло в Мексике в 1606 году, когда Фернандо Родригес де Кастро, мулат, был освобожден от ответственности за совершение таинств без рукоположения, но это не было прецедентом, поскольку в великом аутодафе 1648 года Гаспар де лос Рейес был приговорен к двумстам ударам плетью и пожизненным галерам, а Мартин де Вильявисенсио Салазар - к такому же бичеванию и пяти годам галер. [735]

Авторы-систематики уверяют нас, что папские указы не были получены в Испании, и что наказание варьировалось в зависимости от характера дела, обычно состоящее из бичевания, если только преступник не был слабоумным, галеры, ссылка, затворничество, деградация, отстранение от должности и т.д. Варьировались по усмотрению трибунала и что в случаях незначительной вины оно могло быть смягчено за деньги. Смягчение наказания учитывалось только в связи с каким-то упорно допускаемым заблуждением в вере - чисто академическим предположением, хотя виновный был исчерпывающе исследован на предмет его веры в необходимость священнических орденов для действительности таинств. [736] О том, что священнослужители между собой на самом деле придавали преступлению мало значения, можно сделать вывод из дела наемника Фрая Педро де ла Презентасьон, который служил мессу только по приказу иподьякона. Трибунал Толедо приговорил его 16 июня 1662 года к трем годам каторги. Настоятель его Ордена сразу же заступился за него, и в сентябре Верховный суд заменил наказание тремя годами затворничества в монастыре с последующим трехлетним

изгнанием из Даймиэля, Толедо и Мадрида. Когда истек всего лишь десятимесячный срок, провинция Кастилия ходатайствовала об освобождении от оставшегося срока, но тщетно, и по прошествии двух лет попытка была возобновлена. [737] Очевидно, что добрые фрейлы мало обращали внимания на идолопоклонство, в которое он ввергал всех, кто присутствовал при его служении.

По мере продвижения XVIII века, по-видимому, распространился еще более мягкий взгляд. В 1749 году дело брата Хуана де Санта-Розы, францисканского дьякона, было отягченным, поскольку он совершал таинства крещения, Евхаристии, покаяния и супружества, но трибунал Толедо лишь объявил его “не имеющим права на продвижение по службе”, отстранил от диаконства на два года и наложил пятнадцатидневную духовную епитимью. Никакое особое ожидание исправления не заслужило этого снисхождения, поскольку его Провинциалу было приказано отправить его в монастырь, из которого он не должен был выходить один, чтобы не подвергнуть его рецидиву. [738]

При Реставрации была труднообъяснимая снисходительность. Приговор доминиканскому брату Томасу Гарсиа, вынесенный трибуналом Куэнки 14 ноября 1816 года за служение мессы без приказа священников, заключался в том, что комиссар Вильяескузы должен был объявить ему выговор в присутствии настоятеля его монастыря, указав на суровые наказания, предусмотренные папскими указами, и предписав духовную епитимью сроком на год, а также проинформировав прелата о том, что он не может дослужиться до полного ордена. Это было подтверждено Верховным правителем, с добавлением, что он должен быть переведен в дом более строгого соблюдения. 11 декабря того же года Анхель Сампайо, женатый мирянин из Кампо Рамиро (Луго), был осужден за проведение мессы. Верховный намекает на егоужасный поступок, но просто приказывает сделать ему выговор и отправить обратно домой, где приходской священник и его отец должны присматривать за ним. [739]

В связи с этим предметом можно упомянуть, что инквизиция также приняла к сведению группу дел, упомянутых выше, о домогательствах, в которых мирянам удавалось выслушивать признания женщин не с целью совершения таинства покаяния, а из ревности, или ради возможности задать непристойные вопросы, или в надежде услышать похотливые подробности. Эти случаи были отнюдь не редкими. В 1785 году трое предстали перед трибуналом Валенсии; в 1793 году - один в Мурсии; в 1796 году Джозеф Херранс был привлечен к ответственности в Мадриде за то, что сделал это, чтобы услышать признание своей жены. В том же году был случай в Севилье; в 1797 году - в Барселоне, а в 1807 году Мигель Домингес, ризничий Сан-Мигель-де-Ниебла, притворился капуцином с целью выслушать исповедь женщины. [740] С какой серьезностью рассматривались такие случаи, я не смог установить.

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Персонафикация должностных лиц.

В условиях всеобщего страха, внушаемого Святой Канцелярией, было велико искушение выдавать себя за ее агентов и вымогать деньги в качестве платы за терпение, поскольку никто не осмеливался подвергать сомнению авторитет или действия любого незнакомца, который выдавал себя за должностное лицо.

Открывшиеся таким образом возможности были быстро распознаны и использованы. Еще в 1487 году в Сарагосе 1 апреля состоялось специальное собрание, на котором появился священнослужитель, выдававший себя за инквизитора и как таковой произведший арест. Примененный штраф не зафиксирован, но, очевидно, была использована возможность вынести впечатляющее предупреждение [741].

Авторы систематических статей предполагают, что в этих случаях следует тщательно учитывать причиненный вред, поскольку претендент может заслужить примерное наказание. Обычным преступлением является утверждение о наличии обвинений и о том, что он спасет обвиняемого от судебного преследования; для этого он должен вернуть полученные деньги, появиться в автомобиле и понести двести ударов плетью и пять лет галерной службы. Если самозванство предполагается только для того, чтобы избежать каких-либо неприятностей и не причинять ущерба, то за это полагается некоторое наказание в виде штрафа или ссылки; если имело место только утверждение официального положения, наказание очень легкое и тайное. [742] Другие власти сообщают нам, что, если виновный принадлежит к низшему классу, ему назначается двести ударов плетью и четыре года галер, более или менее в зависимости от тяжести преступления; если он благороден или богат, он оштрафован на одну или две тысячи дукатов и отбывает два или три года без содержания, как джентльмен, на галерах, или против мавров или еретиков [743]. Очевидно, что в преступлении, которое так сильно различалось по мотиву и результату, многое было неизбежно оставлено на усмотрение трибунала, и несколько случаев послужат указанием на различные методы действий и применяемые сдерживающие меры наказания.

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

В севильском авто от 24 сентября 1559 года было зафиксировано три случая персонификации. Алонсо де Гонтиверос, за то, что выдавал себя за фамильяра и пытался произвести аресты с целью вымогательства, явился с поводком и кляпом во рту и был отправлен в Херес по его месту жительства, где получил сто ударов плетью; Хуан де Арагон из Малаги за то же преступление был избавлен от кляпа, но носил митру и подвергся бичеванию в Малаге и еще в одном месте, где было совершено его преступление, помимо двух лет ссылки, в то время как его сообщник Франсиско Прието получил тот же приговор, с заменой вергуэнсы на бичевание [744]. С другой стороны, в Толедо в 1581 году Франсиско де ла Бастиду посетили с особой строгостью. Он представлялся альгуазилем, носил *вару правосудия* и использовал имя генерального инквизитора. Он призывал алькадов и других должностных лиц оказать помощь, которая оказывалась добровольно, без вопросов; он производил аресты, уводил своих пленников на некоторое расстояние, забирал их деньги, оставлял их на попечение какого-нибудь местного знакомого и исчезал. Таким образом, он перебрался из Фуэнте-де-Энсина в Альмаден и Мадрид, а оттуда в Сарагосу, где был арестован. Он сразу же добровольно сознался и был приговорен к смягчению наказания на основании специальной записки, полученной от Григория XIII, но Верховный суд с сомнительным милосердием заменил это шестьюстами ударами плетью — по двести каждому в Толедо, Альмадене и Фуэнте—де-Энсина - и пожизненными галерами [745]. Сапата рассказывает о том, что, очевидно, является подвигом, который положил конец многообещающей карьере этого предприимчивого мошенника. В Альмагро, по его словам, агентом фуггеров из Аугсбурга был Хуан Зельдер, человек весьма уважаемый и считавшийся очень богатым. Внезапно появился незнакомец с варой альгвасила инквизиции, который разыскал двух приближенных и приказал им помочь ему произвести

арест. Проследовав в дом Кселдера, он произвел арест, запер его в комнате и утешил перепуганную семью, заверив их в обычном милосердии инквизиции. Затем он вызвал нотариуса и наложил арест на все имущество заключенного, за исключением двух тысяч дукатов, которые, по его словам, ему было приказано взять на судебные расходы. Весь город был охвачен волнением, но никто не осмелился попросить документы, или полномочия, или удостоверение личности. Кселдера посадили в карету, строго приказав никому не перекидываться с ним ни словом; семьям было предписано сопровождать ее до следующего места стоянки, где они и карета были отпущены с щедрыми чаевыми, и незнакомец доверил Кселдера заботам высокопоставленного семьянина с приказом тщательно охранять его, *incomunicado*, пока он отправится в Толедо и передаст инструкции. Прошло десять дней, когда знакомый, устав от расходов, навел справки и, установив факты, освободил заключенного. Тем временем самозванец, опасаясь перевозить золото, сдал его на хранение банкиру и взял переводной вексель на Сарагосу, так что его легко выследили и арестовали, когда он предъявил вексель к оплате. Светский суд предъявил на него претензии, но инквизиция заявила о своей юрисдикции — к счастью, по словам Сапаты, для виновного преступление каралось смертной казнью, и он избежал бичевания и галер [746].

Другой метод спекуляции на страхах и надеждах беззащитных проявляется в случае с Херонимо Роше, сыном секретаря Университета Лериды. Он выдавал себя за должностное лицо, имевшее большое влияние на трибунал и обладавшее полномочиями назначать четырех санбенито и четырех приближенных. Он подошел к мориске, которая примирилась со своими тремя дочерьми, и предложил освободить ее от санбенито за двести дукатов и от дочерей, если одна из них отдастся ему. Ему запретили входить в дом, но он упорно продолжал писать письма, в которых смешивались угрозы и любовь. За это он предстал перед судом Сарагосы 6 июня 1585 года, где был приговорен к вергуэнце и восьми годам каторги, избежав бичевания из уважения к своему отцу [747].

Похоже, что в 1582 году трибунал Толедо очень снисходительно отнесся к делу Педро Морено, ризничего, который притворился своим семьянином и как таковой посетил больницу и спросил заключенных, сознались ли они, когда он арестовал и увез тех, кто этого не сделал. Было также доказано, что, увидев двух мужчин, ссорящихся в церкви, он арестовал одного из них именем инквизиции. Похоже, что в этих эксцентричных поступках не было денежного мотива, и он отделался выговором и изгнанием на год [748]. Другим мотивом, к которому относились снисходительно, было присвоение официального положения, чтобы пользоваться льготами и привилегиями инквизиции. Таким образом, когда Хайме Корвеллана из Барселоны таким образом обманул представителей правосудия, которые пришли к нему домой, чтобы захватить немного соли, инквизитор Падилья наложил на него штраф в размере пятидесяти дукатов и некоторую духовную епитимью, и получил выговор от Верховного суда за то, что назначил столь суровое наказание по столь незначительному поводу — “en causas tan livianas”. [749]

Персонификация ни в коем случае не была чем-то необычным, но я убежден, что Льоренте ошибается, когда говорит, что редко встречался автомобиль, в котором кто-то не был наказан за это нарушение. В записях Толедо с 1575 по 1610 год количество дел составляет всего тринадцать, а в том же суде с 1648 по 1794 год их всего четыре. [750]

Главный интерес в этих делах представляют представленные ими свидетельства террора, вдохновляемого инквизицией, само название которой, казалось, парализовывало, так что

никто, будь то магистрат или частное лицо, не осмеливался подвергать сомнению авторитет любого самозванца, который предполагал представлять ее, и тот же самый террор, несомненно, является причиной того, что этот, казалось бы, простой метод игры на народном страхе не использовался чаще. Требовалось нечто большее, чем обычная выдержка, чтобы подвергнуться риску мести инквизиции.

В чем-то сродни этому был шантаж угрозами доноса. Без сомнения, во многих случаях жертвы благоразумно страдали молча, предпочитая не привлекать к себе внимания страшного трибунала. Этим делом занималась инквизиция, но единственное дело, с которым мне довелось столкнуться, - это дело Педро Джакоме Прамоселтеса, который был приговорен трибуналом Толедо в 1666 году к трем годам каторги за астрологию и его срок был продлен до пяти за попытки вымогательства подобным образом. [751]

Одержимость демонами.

ОДЕРЖИМОСТЬ ДЕМОНАМИ

То, что злые духи могут вселяться в человека, лишая его свободы воли и подвергать сильнейшим телесным и психическим страданиям, - это поверье, переданное с древних времен и до сих пор в значительной степени являющееся предметом веры. То, что облегчение может быть достигнуто с помощью служения экзорциста, должным образом уполномоченного при вступлении в одну из низших категорий священства, является соответствующей верой, и были подготовлены бесчисленные формулы, позволяющие ему осуществлять свою власть над демоном. Ни в одержимости, ни в экзорцизме нет никакой ереси, и при нормальных условиях инквизиция не призывала к вмешательству, но когда по какой-либо причине такое вмешательство было желательным, не составляло труда найти предлог для ее юрисдикции. Мы видели (Т. II, стр. 135) активные меры, предпринятые в 1628 году в отношении монахинь Сан-Плачидо, чьи откровения, вдохновленные демонами, были в некотором роде революционными. Большее самоотречение было продемонстрировано трибуналом Вальядолида в одновременном деле, когда исповедник-иезуит сообщил ему, что донья Фелиппа и донья Ана де Меркадо, монахини-Бернардино в Санто-Эспириту-де-Ольмеда, совершали жесты и другие непочтительные действия на исповеди и причастии, что вызвало скандал, и, по его мнению, проистекало из одержимости демонами. Трибунал усомнился в своей юрисдикции и проконсультировался с Супремой, которая передала дело калификатору высоких достижений. Было проведено продолжительное расследование, допрошены другие монахини, и было доказано, что две инкриминируемые были женщинами исключительной добродетели и благочестия, которые молили Бога испытать их несчастьями. Дело тянулось более десяти лет, в результате чего было вынесено убеждение, что речь, несомненно, шла об одержимости, в которой монахини не были виноваты, и наконец, 16 апреля 1630 года Верховный суд распорядился о его приостановлении [752]. Везде, где возникало малейшее подозрение в ереси, инквизиция могла заявить о своей юрисдикции.

Это включало в себя вопрос об ответственности демонического за свои высказывания, который был несколько запутанным. В деле одного из них, рассматривавшемся трибуналом Гранады в 1650 году, ученый иезуит падре Диего Тельо, призванный в качестве калификадора, сообщил, опираясь на огромное количество авторитетных источников, после трех посещений обвиняемого в секретной тюрьме, что не может быть никаких сомнений относительно одержимости, поскольку он был способен обсуждать вопросы теологии и другие вопросы,

выходящие далеко за рамки его способностей; он также мог разборчиво говорить по-латыни и цитировал Священное Писание, хотя, поскольку он произносил множество ересей, было очевидно, что дух был злым. В то же время он был рационален по стольким пунктам, что его нельзя было считать безответственным за его ереси. Лютер и Цвингли, добавил он, были общеизвестно одержимы демонами, но, тем не менее, они несли ответственность за свое учение, и инквизиция принимала подобные решения в соответствии с общепринятой практикой. [753]

При истерических эпидемиях, которые являются столь заметной чертой одержимости, инквизиция могла быть вызвана и была готова действовать, хотя было бы трудно определить, на каких основаниях. В 1638 году такая эпидемия произошла в одной из пиренейских долин, и 24 сентября Хасинто де Роблес, секретарь губернатора Арагона, доложил трибуналу Сарагосы, что во время недавнего визита в Хака он обнаружил в Валле-де-Тена около шестидесяти *эндемониад* и что болезнь распространяется. Это приписывалось Педро де Арресибо и его другу Мигелю Гильену, которые были схвачены светскими властями; Гильен был казнен, в то время как суд над Арресибо был близок к завершению. Он признался, что француз дал ему бумагу и несколько заклинаний, с помощью которых можно было завоевывать женщин, но это только делало их одержимыми — заявление, очевидно, сфабрикованное, чтобы удовлетворить его мучителей. Именно демоны обвинили этих двух мужчин, добавив, что их смерть не остановит распространение инфекции, поскольку были и другие сообщники. Пострадавшие женщины были из лучших семей, их возраст варьировался от 7 до 18 лет — некоторые были беременны, а другие кормили грудью своих младенцев, поскольку демоны были способны вызывать такие результаты у добродетельных людей. Епископ Хаки и несколько иезуитов изнуряли себя экзорцизмом, и инквизитор был крайне необходим. Какие функции ожидалось от инквизитора, не указано, но с Верховной властью проконсультировались, и после некоторой задержки она обратилась к королю. Он был готов послать инквизитора и четырех фрейл, но у него не было средств на расходы последнего, которые пришлось бы покрывать из какого-то другого источника. Король отдал соответствующие приказы, но они не были выполнены, и последнее, что мы слышим об этом деле, - это очередная консультация от 28 марта 1640 года, в которой его призывали к немедленным действиям ввиду огромной важности дела. [754]

ОДЕРЖИМОСТЬ ДЕМОНАМИ

Вмешательство инквизиции вполне можно было бы приветствовать, если бы оно всегда было таким же рациональным и эффективным, как во время эпидемии, подобной той, что поразила Керетаро (Мексика) в 1691 году. Две молодые девушки, которые позволили соблазнить себя, притворились одержимыми. Францисканцы и *падре Апостоликос* взяли их под контроль, изгоняя нечистую силу по ночам в церквях с помощью самых впечатляющих церемоний, которые распространяли заразу, пока не набралось четырнадцать пациентов, и община была полностью взволнована. Это, несомненно, распространилось бы гораздо дальше, но, к счастью, доминиканцы, иезуиты и кармелиты, ревниво относившиеся к соперничающим орденам, объявили все это обманом. Две фракции осуждали друг друга с кафедр, люди встали на чью-либо сторону, и страсти накалились настолько, что надвигались серьезные беспорядки. Обе фракции обратились в инквизицию, которая передала дело калификадорес. Они решили, что одержимость демонами была мошенничеством, и что богохульства и святотатственные

действия энергуменов и жестокие проповеди фрейлов подлежали суду инквизиции. Руководствуясь большим здравым смыслом, трибунал издал указ от 9 января 1692 года, предписывающий прекратить все экзорцизмы и все дискуссии, будь то за кафедрой или в частном порядке. Возбуждение немедленно улеглось, и энергумены, предоставленные самим себе, по большей части пришли в себя. Против четырех из них и францисканского брата Матео де Бонилья были возбуждены уголовные дела, которые, по-видимому, были приостановлены через несколько лет. Однако у одной из девочек, подхватившей инфекцию, нервная система была поражена слишком сильно, чтобы ее можно было вылечить; она продолжала находиться под наблюдением инквизиции, постепенно впадая в состояние выраженной ипохондрии, пока мы не потеряли ее из виду в 1704 году. [755]

Случаи самозванства были нередки. Можно сомневаться в том, что само по себе это делало самозванку подлежащей судебному преследованию инквизицией, но во время обмана она была очень склонна совершать действия или произносить богохульства, которые привели ее под юрисдикцию инквизиции. Таким образом, в 1796 году трибунал Валенсии предъявил обвинение Бените Гаргори, мнимой демонице, и Франциске Сайнс, ее сообщнице, за нерелигиозные действия и высказывания. [756]

Экзорцизатор также время от времени подвергал себя инквизиционному обращению с животными. Так, в 1749 году брат Хайме Санс, брат-мирянин ордена Сан-Франциско де Ассис, обычно посещал больных и объявлял их одержимыми, когда осеял их крестным знамением и окроплял святой водой. На него донесли в трибунал Барселоны, который предупредил его воздержаться, поскольку у него нет полномочий для изгнания бесов, и пригрозил возбудить против него дело, после чего он пообещал подчиниться [757]. Экзорцисты также иногда злоупотребляли своими возможностями, совершая непристойности по отношению к своим пациентам. Я не встречался с подобными случаями в испанской инквизиции, но в этом она, несомненно, последовала бы примеру Римской конгрегации, которая в 1639 году распорядилась возбудить уголовное дело по самому вопиющему делу, о котором сообщил инквизитор Бергамо [758].

Если рассматривать в целом, влияние инквизиции, должно быть, было определенно благотворным в сдерживании развития этой болезни, поскольку опытные инквизиторы признавали, что обычно применяемые методы только усугубляли ее. Кардинал Скалья († 1639), рассматривая эти эпидемии среди монахинь, отмечает, что настоятели, не довольствуясь экзорцизмом, начинают судебное преследование, допрашивают свидетелей и мнимых преступников наводящим на размышления и абсурдным образом и угрожают им пытками, таким образом добиваясь любых желаемых признаний и создавая еще большие беспорядки в монастыре и городе [759].

Оскорбления изображений.

Уже делался намек на вторжение в епископальную юрисдикцию из-за предположения инквизиции о том, что надругательства над священными изображениями подпадают под ее юрисдикцию. Для этого было больше оснований, чем для некоторых других логически вытекающих ересей, поскольку умышленное непочтение к объектам универсального культа разумно рассматривалось как вызывающее подозрение в ошибочной вере, а в период активного преследования криптоиудаизма и протестантизма такие правонарушения легко приписывались еретическому фанатизму.

ОСКОРБЛЕНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ

По крайней мере, в одном случае юрисдикцию осуществляли светские магистраты. В декабре 1643 года Мадрид был сильно взволнован ограблением чудотворного образа Нуэстра Сеньора де ла Грасиа, когда были забраны все его драгоценности, украшения и облачения, и, что хуже всего, образ остался лежать лицом вниз на земле. Были приложены огромные усилия, чтобы обнаружить исполнителей этого святотатства, и было сочтено чудом, когда они были опознаны при расследовании другого ограбления. Должно быть, их судили судьи по уголовным делам, поскольку инквизиция не упоминается, и все трое были повешены в марте 1644 года в присутствии огромной толпы [760].

Это было исключительным случаем, и юрисдикция инквизиции в целом признавалась. Один писатель того периода сказал нам, что, когда изображения святых оскорбляются словом или действием, если обвиняемый принадлежит к нации, зараженной иконоборческой ересью, и доказательств достаточно, и он отрицает свои намерения, он должен быть подвергнут пыткам. Преодолев пытку, без достаточной очистки улик, он может быть приговорен к чрезвычайному наказанию и отречению от престола *либо де леви*, *либо де вементи*: если он признает как факт, так и намерение и просит о пощаде, с ним следует примириться, но если он упорствует, его следует смягчить [761]. Это, однако, относится к случаям абсолютных еретиков, в которых святотатство могло быть простоотягчающим обстоятельством, в то время как подавляющее большинство случаев касалось более или менее безрассудных католиков, наказание которых варьировалось в зависимости от обстоятельств и редко было мстительным. В суде Толедо с 1575 по 1610 год было рассмотрено всего четыре дела, которые иллюстрируют общие принципы обращения и крайнюю восприимчивость к любому непочтительному отношению к священным предметам. Первый из них произошел в 1579 году, когда Франсиско дель Эспинара, 13-летнего мальчика, судили за то, что он поднял крест на обочине дороги, играл с ним, пока не сломал и не бросил осколки в виноградник, а затем утверждал, что в этом не было греха, потому что крест не был благословенным. Он свободно признался и умолял, что это было не из-за непочтительности, потому что он был пьян, но он был наказан шестьюдесятью ударами плетью и двумя годами ссылки. Второй случай произошел в 1595 году, когда Фернандо Родригес был обвинен тремя свидетелями в том, что он бросил палку в бумажное изображение Богородицы на алтаре, разорвал его и произнес непристойную шутку, но у него было алиби, и дело было приостановлено. Следующий случай произошел в 1600 году, когда Антон Руизнието был наказан отречением от престола и тремя годами ссылки за жестокое обращение с распятием и использование оскорбительных слов по отношению к нему. Четвертое, 1606 года, иллюстрирует осмотренность, необходимую для того, чтобы избежать даже видимости непочтительности, и опасность доноса, которая постоянно нависала над каждым. Три свидетеля осудили Исабель де Эспинозу за то, что она положила на табурет, который держала в своей гостиной, раскрашенную доску с изображениями Христа и некоторых святых. Сосед снял его, и она заменила его, когда сосед поговорил с ней, и она поменяла его место. Ее перевезли из Оканья в Толедо, и ей выделили дом в качестве тюрьмы. В свою защиту она объяснила, что ее свекровь оставила ей кое-какую старую мебель, которую ее муж только что привез в дом; среди них была эта доска, черная и неразличимая от возраста, и она без осмотра наклеила ее на нежелательный предмет, но когда ей на это указали, она убрала ее. Поскольку она была простой женщиной и в ней не было явного злого умысла, дело было приостановлено [762].

В отличие от суровости светских судов, о чем свидетельствует упомянутое выше мадридское дело 1644 года и французское дело шевалье де Ла Барре, инквизиция была исключительно милосердна. В 1661 году Франсиско де Абилес, главный аудитор приората Святого Иоанна, за оскорбление образа Христа был сослан всего на два года трибуналом Толедо, который аналогичным образом в 1689 году просто сослал на один год Хуана Мартина Сальвадора за нанесение удара ножом по кресту [763]. Возможно, примером наибольшей строгости, с которым я сталкивался, был случай, когда в 1720 году мадридский трибунал вынес приговор юноше по имени Джозеф де ла Саррия. Находясь в королевской тюрьме, он увлекся азартными играми и в гневе швырнул в грязь изображение Пресвятой Богородицы и разорвал другое, за что был приговорен к двумстам ударам плетью, пяти годам каторги и восьми годам изгнания из Мадрида и своей родной провинции Галисия [764].

НЕКАНОНИЗИРОВАННЫЕ СВЯТЫЕ

В период активной деятельности инквизиции случаев совершения этого преступления было исключительно мало. Во всех шестидесяти четырех выставках автомобилей, проведенных в Испании с 1721 по 1727 год, нет ни одного конкретного случая, достаточно серьезного, чтобы требовать появления в автомобиле, что свидетельствует о том, насколько универсальным и глубоко укоренившимся было народное почитание священных символов. Поэтому для духовных и интеллектуальных волнений, характеризующих конец века, важно, что надругательства над изображениями стали сравнительно частыми. За десятилетие, 1780-1789 включительно, было зарегистрировано шестнадцать случаев; за 1790-1799 годы - тридцать три, а с 1800 по 1810 год - девятнадцать, некоторые из них, такие как поспание креста, свидетельствуют об иконоборческом рвении. В настоящее время зарегистрировано всего три случая реставрации. [765]

В этот период дух бунта проявлялся и другими сходными способами. В 1797, 1798, 1799, 1800 и 1802 годах проводились судебные процессы за бросание и топтание освященных облаток. В 1797 году в Валенсии Бернардо Аменгаиль, Игнасио Санчес, Мигель Эскриба и Валентин Дуза были привлечены к ответственности за выставки, пародирующие святых и священные предметы. В 1799 году в Севилье Мануэля Мирасоля судили за кощунственное нападение на священника, несущего причастие больному человеку. В 1807 году доктор Висенте Пенья, священник Сифуэнтеса, был привлечен к ответственности в Куэнке за проведение пародийной мессы, а дон Эусебио де ла Мота - за помощь ему. [766] Это были поверхностные признаки скрытых течений, которые несли Испанию к новым судьбам, и стоит отметить, что они почти прекратились в течение коротких лет инквизиции при Реставрации.

Сродни функции сохранения изображений от оскорблений была благоговейная забота, с которой инквизиция стремилась защитить крест от случайного загрязнения. Хартия акордада от 20 сентября 1629 года предписывает трибуналам пресечь обычай разрисовывать или устанавливать кресты в углублениях улиц или там, где две стены образуют угол, или в других нечистых местах, где они подвергаются воздействию грязи, в то время как все существующие должны быть удалены под дискреционным наказанием. В другой хартии от 19 апреля 1689 года говорится, что этого не только не было сделано, но и что обычай ставить кресты в этих нежелательных местах распространяется, поэтому предыдущие приказы переиздаются с

уведомлением, что будет разрешено через шесть дней после публикации, после чего будут применены наказания. [767]

Неканонизированные святые.

В пышном культе, предлагаемом святым, должен быть какой-то центральный и абсолютный авторитет, определяющий притязания на святость и предохраняющий верующих от суеверия растрчивать преданность на тех, кто не имеет избирательного права. Святой Ульрик Аугсбургский считается первым святым, чья святость была намеренно передана Римом в 993 году, а Александр III в 1181 году определенно запретил поклонение тем, кто не был канонизирован Святым Престолом. [768] Присвоение такого авторитета было необходимо, поскольку культ местного святого приносил пользу храму, которому посчастливилось обладать его останками, и народный энтузиазм был готов в любой момент причислить к лику святых любого приверженца, заслужившего репутацию человека особой святости.

Насколько трудно было даже инквизиции подавить это стремление к новым заступникам между Богом и человеком, видно по беспорядкам, которые беспокоили Валенсию в течение семи лет, между 1612 и 1619 годами. После смерти Мозена Франсиско Симона, священника святой жизни, у всех сложилось стойкое убеждение, что он был святым на небесах. Ему посвящались часовни и алтари, печатались книги, наполненные чудесами, сотворенными его заступничеством, его изображения были украшены нимбом святости, в его честь устраивались процессии и иллюминации, а вопрос о его праве на место в календаре стал не только религиозным, но и политическим. Напрасно Святой Престол настаивал на своем неоспоримом праве принимать решения и приказывал инквизиции подавить это суеверие. Народное волнение достигло такой высоты, что была предпринята попытка убить за кафедрой секретаря трибунала, когда он пытался зачитать эдикт; священник по имени Озар был убит за противодействие народному безумию, а архиепископ Алиага в течение шести лет после своего избрания в 1612 году не мог совершать посещения своей кафедры, потому что он повсюду сталкивался с несанкционированным культом, участие в котором он не мог санкционировать. Верховный суд делал все возможное, постоянно консультируясь с Филиппом III, прося помощи светской власти в подавлении этой раскольнической набожности и позволяя ей публиковать свои осуждающие эдикты. Его усилия были нейтрализованы Советом Арагона, поддержанным всесильным фаворитом Лермой, чей маркизат Дении привел его в пользу валенсийцев. Несомненно, именно его опала в 1618 году позволила Suprema достичь своей цели, когда энергичная консультация от 10 января 1619 года была возвращена с указом в королевском автографе о том, что, если определенные пять согласованных пунктов не будут выполнены в течение месяца, трибуналу может быть приказано опубликовать указы без дальнейших задержек. [769]

НЕКАНОНИЗИРОВАННЫЕ СВЯТЫЕ

В данном случае инквизиция действовала по особым указаниям папы, но растущее злоупотребление несанкционированным культом предполагаемых святых побудило Урбана VIII в 1634 году издать общий указ, уполномочивающий епископов и инквизиторов пресекать, применяя наказания, пропорциональные совершенному преступлению, любое поклонение святым и мученикам, не объявленным Святым Престолом как таковые, или описание их чудес в

книгах, или изображение их нимбом. [770] Под этим Указом Сотомайора в 1640 году и последующих издавался приказ о запрете всех изображений или портретов, украшенных знаками святости, если только изображенные лица не были должным образом причислены к лику блаженных или канонизированы Римом. [771]

Тем не менее, они не осудили работу, выпущенную в 1636 году благочестивым священником из Саламанки и Толедо Франсиско Мирандой-и-Пасом, призывающую к почитанию святого Адама, отца рода человеческого, и дерзко вопрошающую, нельзя ли это сделать без разрешения римского понтифика. [772] На самом деле, то, что инквизиция сделала при исполнении этого долга, менее важно, чем то, что она оставила незавершенным. Мы видели (Т. I, стр. 134), что за предполагаемой мученической смертью *Эль-Санто-Ниньо-де-ла-Гуардиа* последовал популярный культ неизвестной жертвы. Этот культ оказался чрезвычайно прибыльным для тех, кто его эксплуатировал, и продолжается по сей день, хотя Рим так и не удалось заставить санкционировать его, однако инквизиция благоразумно воздержалась от какого-либо вмешательства в него. [773] Аналогичное воздержание наблюдалось в знаменитом деле о подделках, известных как *Пломос дель Сакромонте*— свинцовые пластины с надписями, сопровождаемые костями, предположительно принадлежавшими первым христианским мученикам, эксгумированными в 1595 году на горе недалеко от Гранады. Подделки были достаточно неуклюжими, но они подчеркивали два самых дорогих сердцу испании момента — Непорочное Зачатие Пресвятой Девы и испанский апостолат Святого Иакова. Их встретили с величайшим рвением, на этом месте был возведен дом светских каноников, который разбогател за счет пожертвований паломников, и бесчисленные чудеса засвидетельствовали святость реликвий. Рим отказался признать подлинность *пломосов*, не исследовав их; после долгой борьбы они были отправлены туда в 1641 году, и после еще одного затяжного состязания они были осуждены как фальсификации 6 мая 1682 года Иннокентием XI в специальном заключении. Кости так называемых мучеников не были специально осуждены как поддельные, но и не были признаны подлинными, однако "Индекс Видаля Марина", публикуя осуждение *пломосов* и книг, написанных в их защиту, был осторожен, утверждая, что запрет не распространяется на реликвии или почитание, оказываемое им. Сакромонте по-прежнему является местом паломничества, и на площади Триунфо в Гранаде стоит колонна с именами и мученической смертью святых, записанными в *пломосах*. [774] Тем не менее, до тех пор, пока заявления мучеников не были разрешены Римом и единственное свидетельство в их пользу было осуждено как сфабрикованное, это было суеверием, и его пресечение было обязанностью инквизиции.

Хотя он был уполномочен делать это указом Урбана VIII, нелегко понять, откуда генеральный инквизитор Арсе-и-Рейносо получил полномочия санкционировать культ предполагаемых святых, не принятый Святым Престолом. Успех *plomos* побудил ученого иезуита Романа де ла Игера и его подражателей сфабриковать хроники времен раннего христианства, главным образом предназначенные для стимулирования мариолатрии и веры в христианизацию Испании святым Иаковом. Долгое время они считались подлинными, и в 1650 году Арсе-и-Рейносо приказал включить вымышленных святых и мучеников, фигурирующих в них, в литании как объекты почитания. [775]

Тем не менее инквизиция до последнего отстаивала свою власть в соответствии с указом Урбана VIII. Совсем недавно, в 1818 году, когда Джозеф де Эррера, аптекарь из Херес-де-ла-Фронтера, пожелал установить культ гравюры с изображением Троицы, скопированной с

картины, почитаемой в кафедральном соборе Мексики, трибунал Севильи запретил эту попытку. [776]

НЕПОРОЧНОЕ ЗАЧАТИЕ

Непорочное Зачатие.

Догмат о Непорочном зачатии Девы Марии боролся за признание на протяжении шести столетий, прежде чем Пий IX в 1854 году определил его как символ веры. [777] В Испании, где народная преданность Пресвятой Деве была особенно пылкой, в семнадцатом веке она стала почти общепринятой, за исключением доминиканцев, чье благоговение перед своим великим врачом, святым Фомой Аквинским, заставило их следовать за ним в ее отрицании. В этом они долгое время вели проигранную битву со своими великими соперниками, францисканцами, а в последнее время и со своими еще более злейшими врагами, иезуитами. Сменявшие друг друга папы — Сикст IV, Павел IV, Павел V и Григорий XV — тщетно пытались подавить спорные скандалы, запрещая публичное обсуждение этого вопроса под страхом суровых наказаний, а двое последних распространили эти наказания на тех, кто публично заявит, что Девственница была зачата в первородном грехе, - но все же Святой Престол осторожно воздержался от объявления зачатия непорочным. Приведение в исполнение этих наказаний было поручено всем епископам и инквизиторам.

С 1617 по 1656 год Филипп III и Филипп IV сделали Непорочное зачатие вопросом государственной политики путем долгих и серьезных усилий с папством принять положительное решение по этому вопросу, и с Францией велись переговоры о совместных действиях, но галликанский двор ответил только благочестивыми фразами. [778] То, что в этом корона всего лишь выражала пожелания народа, проявилось, когда в 1636 году человек, осмелившийся в Мадриде заявить, что Девственница была зачата в первородном грехе, был быстро зарублен проходившими мимо солдатами, арестован инквизицией и, как только его раны зажили, брошен в секретную тюрьму для надлежащего судебного преследования в соответствии с папскими указами. [779]

Доминиканцам и их последователям было трудно соблюдать благоразумное молчание, предписанное папами, и в 1661 году испанские епископы объединились в серьезной просьбе к Александру VII, заявив, что все еще находятся люди, которые публично отрицают Непорочное зачатие. Филипп IV отправил епископа Пласенсии в Рим в качестве специального посланника, чтобы передать этот мемориал, результатом чего стало краткое *Решение* от 8 декабря 1661 года, в котором Александр прямо воздержался от определения его как догмы, но запретил учение об обратном, а также заклеил противоположное как ересь, продолжая таким образом политику уклонения от обязательств своих предшественников, направленную на предотвращение дискуссий и ссор без решения вопроса. С этой целью он уполномочил всех прелатов и инквизиторов сурово преследовать и наказывать нарушителей, независимо от того, на какие исключения они могли претендовать, включая даже иезуитов. Он также поместил в Указатель все книги, ставящие под сомнение Непорочное Зачатие, а также те, которые должны обвинять неверующих в ереси. [780]

Это краткое изложение было воспринято сторонниками учения с большой радостью, которые расценили его как триумф. В Валенсии это стало поводом для великолепного фестиваля, на

котором было много пасквилей на соперников. Одна из них, вызвавшая бурные аплодисменты, изображала доминиканца, распростертого на постели больного под наблюдением иезуита. Францисканец, открывающий дверь, спрашивает: “Как поживает добрый брат?” на что иезуит отвечает: “Он потерял дар речи, но все еще жив”. Несомненно, проявленному таким образом настроению мы можем приписать подавление Верховной властью официального городского отчета о праздновании, запрет одной газеты и исправление другой. [781]

ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Протокол был незамедлительно передан Верховным судом трибуналам вместе с приказами о его приведении в исполнение, которые показывают, насколько осторожно следовало обращаться с такими взрывоопасными материалами. Их предупредили, что, когда они или их уполномоченные присутствуют на проповедях доминиканцев, они должны следить за тем, чтобы любые предпринятые действия не привели к скандалу. Им не было доверено преследовать нарушителей, но им было приказано заранее передать Верховному Главе суммарии мнения калификадоров и ожидать инструкций. По-видимому, между епископальной и инквизиторской юрисдикциями возникла обычная зависть, поскольку carta acordada 1667 года требует информации о том, соглашались ли ординарии при рассмотрении дел, или к ним относились как к принадлежащим исключительно инквизиции. [782]

Было невозможно заставить разъяренных спорщиков сохранить мир, и Верховный был занят осуждением и подавлением писаний с обеих сторон. В 1663 году мы находим в нем приказ об аресте в портах двух книг, напечатанных в Италии. Эдиктом от 4 января 1664 года были запрещены пятнадцать книг и трактатов, изданных в 1662 и 1663 годах, как неприличные и непочтительные по отношению к Святому Престолу, Религии Святого Доминика и Ангельского доктора Аквината. Другим указом от 7 декабря 1671 года были запрещены две книги, непристойно нападавшие на доминиканцев, и еще одна, посвященная молитвам и упражнениям во имя Непорочного Зачатия, написанная францисканской провинцией Бонакуа. Таким образом, религиозные книги приобрели противоречивый характер, и мы можем с уверенностью предположить, что это стало причиной приказа в 1679 году изъять в Аликанте и передать Верховной власти коробку доминиканских требников. [783]

Мне довелось столкнуться лишь с несколькими случаями судебного преследования за оспаривание Непорочного зачатия, но они происходили от случая к случаю. Так, в 1782 году дон Антонио Форнес, помощник лоцмана военно-морского судна, предстал перед судом в Севилье за упорное отрицание этого, а в 1785 году дон Исидро Морено, врач, и его сын Хоакин предстали перед трибуналом Сарагосы за то же преступление. [784]

Противоестественное преступление.

Унаследованная от классической античности, противоестественная преступность сохранялась на протяжении всего средневековья, несмотря на совместные усилия Церкви и государства. Это правда, что при снисхождении, проявленном к церковным преступникам, Латеранский собор 1179 года предписал для них только деградацию или покаянное заключение в монастыре, что было включено в каноническое право, но светское законодательство было более суровым, и обычным наказанием было сожжение заживо. [785] В Испании в тринадцатом веке предписанным наказанием была кастрация и лапидизация, но в 1497 году Фердинанд и Изабелла издали указ о сожжении заживо и конфискации, независимо от положения

виновного. Преступление было *mixti fori*— закон рассматривал его как подлежащее рассмотрению светскими судами, но оно также было церковным, и в 1451 году Николай V уполномочил инквизицию разобраться с ним. [786] Когда это учреждение было основано в Испании, оно, по-видимому, приобрело известность, поскольку нам сообщают, что в 1506 году севильский трибунал провел по нему специальное расследование; было много арестов и много беглецов, а двенадцать осужденных были должным образом сожжены. [787] Возможно, это привлекло внимание к несоответствию отвлечения инквизиции от ее законных обязанностей по отношению к новым христианам, поскольку указ Верховного суда от 18 октября 1509 года предполагает, что это уже было признано, и информирует суды о том, что они не должны заниматься преступлением, поскольку оно не входило в их юрисдикцию. [788] Это, по-видимому, решило вопрос в том, что касается кастильских королевств.

ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В Арагоне, по-видимому, ранняя инквизиция не занималась этим вопросом, о чем свидетельствует любопытная связь преступления с восстанием Германии. В 1519 году город Валенсия страдал от эпидемии, которая унесла большую часть знати и высших чиновников, когда в день Святой Магдалины (14 июня) отец Луис Кастелолли произнес красноречивую проповедь, в которой он объяснил эпидемию Божьим гневом, вызванным распространенностью этого преступления. Население было взволновано и разыскало четырех преступников, которые сознались и были должным образом сожжены судьей Иеронимо Фаррагудом 29 июля. Был и пятый, пекарь, который носил тонзуру и был доставлен в епископальный суд, который приговорил его к вергуэнце. Это вызвало недовольство людей, которые оторвали его от духовных властей, задушили и сожгли. Был вызван губернатор, и лидеры толпы опасались наказания. Возникла паника по поводу слухов о нападении мавров, которые побудили ремесленников сформировать военные компании; они были дополнительно организованы, избрали вождя и поклялись в братстве, когда, осознав свою силу, они воспользовались возможностью удовлетворить свою ненависть к знати, и вспыхнуло восстание. [789]

Во всем этом инквизиция, очевидно, не считалась обладающей юрисдикцией, но, возможно, это привлекло внимание к преступлению и привело к обращению к Клименту VII за специальным заключением, передающим дело под юрисдикцию инквизиции. Бледа, однако, сообщает нам, что, когда герцог Сесса, посол в Риме, обратился с просьбой о такой справке, он объяснил это тем, что она была завезена в Испанию маврами. [790] Как бы то ни было, в записке Климента от 24 февраля 1524 года говорится, что Сесса представлял растущую распространенность преступления и просил соответствующее средство правовой защиты, которое папа римский предоставил. Форма, в которой оно составлено, показывает, что этот вопрос рассматривался как совершенно не относящийся к обычным обязанностям Святой Канцелярии, поскольку оно адресовано не генеральному инквизитору, как обычно, а отдельным инквизиторам Арагона, Каталонии и Валенсии, и уполномочивает их делегировать свои полномочия кому им заблагорассудится. Они уполномочены возбуждать дела против всех лиц, мирян или священнослужителей, любого ранга, либо путем обвинения, доноса, дознания, либо по собственной инициативе, и принуждать к даче показаний свидетелей, не желающих этого. То, что преступление не было церковным или еретическим, допускалось тем ограничением, что судебный процесс должен был проводиться в соответствии с местным муниципальным законодательством, но все же, с удивительной непоследовательностью, при вынесении

приговора должен был привлекаться ординарий епископальной палаты. [791] Трибунал Барселоны, похоже, в 1537 году усомнился в том, оставалось ли постановление суда в силе, поскольку Верховный суд написал ему 11 июля, что не было времени принять положительное решение по этому вопросу, но что он может продолжать действовать. [792] Какие бы сомнения ни существовали, они были разрешены в пользу инквизиции, и арагонские трибуналы пользовались юрисдикцией до конца. Архиепископ Сарагосский жаловался на то, что его таким образом лишили осведомленности об этих делах, и она была восстановлена ему кратким постановлением от 16 января 1525 года, но, по просьбе Карла V, папа Климент 15 июля 1530 года отозвал все незавершенные дела к себе и передал их инквизиторам, наделенным всеми полномочиями решать их совместно с Обычными. [793]

Кастилия никогда не была включена в специальный грант. В ответ на запрос какого-то трибунала Верховный судья ответил 6 ноября 1534 года, что этот вопрос не имеет отношения к инквизиции, и не было сочтено целесообразным добиваться краткого наделения такими полномочиями. Этого правила придерживались. В 1575 году трибуналу Логроньо сообщили, что он не может рассматривать такие дела, поскольку у него нет полномочий, а примерно в 1580 году трибуналу Перу было приказано никоим образом не вмешиваться в это дело, за исключением случаев вымогательства. [794] Великая консультация 1696 года гласит, что Филипп II ближе к концу своего правления обратился к Клименту VIII с просьбой ненадолго передать власть Кастильской инквизиции, но папа отклонил просьбу по той причине, что все внимание инквизиторов должно быть сосредоточено на вопросах веры. [795]

Майорка, хотя и принадлежала короне Арагона, не была специально включена в распоряжение Климента VII и никогда не принимала власть. Когда в 1644 году комиссар в Ивизе доложил инквизитору Франсиско Грегорио о Хайме Галлестрии, священнослужителе, осужденном за это преступление, Грегорио ответил, что у него нет юрисдикции; тем не менее трибунал привык арестовывать преступников и передавать их для суда светским судьям, поэтому он выслал ордер на арест Галлестрии, даже несмотря на то, что он нашел убежище в церкви. [796] Симптоматично, что арест инквизицией за преступление, в отношении которого она не имела юрисдикции, считался само собой разумеющимся.

ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Сицилия также принадлежала Арагону, но не была включена в его состав. В 1569 году Филипп II приказал строго приводить в исполнение смертную казнь без исключений и чтобы доносчик получал двадцать унций из имущества осужденного, но светские суды вяло подчинились этому правилу, и в Конкордии 1597 года он оставил преступление исключительно на усмотрение инквизиции, при том понимании, что следует обратиться за папской справкой, освобождающей инквизиторов от нарушений для смягчения наказания виновных. Соответственно, ходатайство было подано Клименту VIII, но после смерти Филиппа вице-король герцог Македы и посол герцог Сесса по просьбе влиятельных сицилийцев убедили Климента отказаться, что он не только сделал, но и запретил инквизиции заниматься подобными случаями. Трибунал пожаловался, что это лишило его юрисдикции в отношении его собственных должностных лиц, на что получил ответ, что в намерения папы не входило освобождать их от ответственности. Таким образом, трибунал продолжал наказывать своих собственных виновных министров, и количество приведенных дел, по-видимому, указывает на то, что это преступление ни в коем случае не было чем-то необычным. Применяемые наказания были сравнительно умеренными — иногда

пожизненное заключение или изгнание, бессрочное или временное, с места совершения правонарушения или лишение должности с крупными штрафами. [797]

Доктор Мартин Реаль, рассказывающий нам об этом в 1638 году, далее сообщает нам, что по всей Италии к преступлению везде относились со снисхождением, совершенно неадекватным его жестокости. Более того, римская инквизиция не придавала этому значения. Когда в 1644 году некоторые францисканцы-монахи проявили себя заметными, восхваляя эту практику, Конгрегация удовлетворилась приказом своему начальству действовать против них сурово. [798]

В Португалии Жуан III не успел наладить работу своей инквизиции, как его охватило желание добиться для нее юрисдикции над *лекадо маао*. Этого он добивался с характерным для него упорством, в то время как папство проявляло свое обычное отвращение. Только после его смерти Пий IV в кратком послании от 20 февраля 1562 года оставил решение на совести кардинала Энрике, заранее подтвердив— что он может сделать, но судебные процессы должны были проводиться в соответствии с муниципальным законодательством. Энрике не испытывал угрызений совести, но в 1574 году он обратился к Григорию XIII за конфирмацией и за использованием процесса в отношении ереси в этих случаях, когда папа снова передал ему решение и заранее ратифицировал его. [799] В 1640 году Правила предписывали, что преступление должно рассматриваться как ересь, а наказанием должно быть либо послабление, либо бичевание и галеры. В случае, имевшем место в Лиссабонском аутодафе 1723 года, приговором было бичевание и десять лет галерной службы. [800]

В своей общей враждебности к инквизиции арагонские королевства возражали против такого расширения ее юрисдикции. Суды подавали жалобы, и в различных Конкордиях и поселениях были достигнуты уступки, которые позволили светским судьям принимать некоторое участие в судебных процессах. В подробности этих более или менее временных договоренностей вряд ли стоит вдаваться, разве что упомянуть, что в борьбе, которая привела к Конкордии 1646 года, Арагон добился того, что преступление было признано *mixti fori*, подлежащим рассмотрению либо светским судом, либо инквизицией, в зависимости от приоритета при возбуждении дела, и что к этому были привлечены приближенные. [801]

О текущей практике можно судить по ответам Валенсии и Сарагосы в ответ на запросы Верховного суда в 1573 году. В Валенсии арест сопровождался секвестром, но не в Арагоне, где преступление не влекло за собой конфискации. В Арагоне, когда был назначен новый инквизитор, ему были представлены папские сводки, и он принял их, и все приговоры начинались с квалификации инквизиторов как *juezes comisarios apostolicos para conocer en el crimen de sodomia*, показывая, что это была особая юрисдикция. Процедура в двух трибуналах не сильно различалась; процесс был несколько проще, чем в процессах о ереси, обвиняемому предоставлялись широкие средства защиты в лице адвокатов и прокураторов, имена свидетелей не скрывались, за исключением Валенсии, когда обвиняемый был высокого ранга, и в этом случае консультировались с Верховным судом. После опубликования доказательств прокурор имел право допросить свидетелей. Конкордия 1568 года предусматривала, что осужденные не должны появляться в автомобилях, но в Арагоне это было оставлено на усмотрение трибунала, который обычно выставлял их там. [802]

ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В этих сообщениях нет никаких намеков на согласие светских судей, но о практике можно почерпнуть из письма Филиппа II от 17 марта 1575 года генерал-капитану Каталонии, где говорится, что, когда осужденному давали отсрочку, королевский суд требовал ознакомиться с материалами дела перед вынесением приговора. Король признал это совершенно неправильным и приказал следовать обычаю Валенсии и Арагона — когда дело было готово к принятию решения, инквизиторы уведомляли генерал-капитана, который делегировал судей для участия в консультации, после чего приговор должен был быть приведен в исполнение без дальнейшего рассмотрения. [803]

Пытки применялись свободно, даже по показаниям единственного сообщника. Это вызвало вопрос в Арагоне, где применение пыток было запрещено, поскольку судебные процессы должны были проводиться в соответствии с муниципальным законодательством, но инквизиция ответила, что ходатайство Климента VII было подано по просьбе светских судей, которые оказались неспособными вынести обвинительный приговор из-за отсутствия пыток, и по этой причине желали, чтобы инквизиция обладала юрисдикцией — истинность этого утверждения вполне может быть поставлена под сомнение. В 1636 году был поднят вопрос о пытках свидетелей, которые отказались от показаний, но он был решен отрицательно. [804]

Наказание менялось в зависимости от времени и места. В Арагоне поощрялось спонтанное признание, когда преступнику просто делали выговор, предупреждали его и приказывали исповедаться сакраментально, и это было подтверждено Верховной властью в указе от 6 августа 1600 года. В Валенсии, однако, самоотвод карался бичеванием и галерами, а в случае подтверждения показаний сообщников — смягчением наказания. [805] Для обвиняемых и регулярно осужденных законодательным и обычным наказанием было сожжение. Когда в 1577 году у генерал-капитана Валенсии возникли некоторые сомнения относительно своего долга в отношении двух преступников, привлеченных к ответственности инквизицией, Филипп II приказал ему немедленно казнить их, и уже в 1647 году в автомобиле в Барселоне один из них был задушен и сожжен. [806] Тем не менее, в целом, похоже, было нежелание смягчать наказание этим преступникам, которые не могли сбежать, как это могли еретики, путем исповеди и обращения. В 1616 году мы находим, что Suprema спрашивает трибунал Валенсии, почему он не конфисковал имущество доктора Переса, осужденного за это преступление, а в 1634 году он спрашивает, существует ли какой-либо закон, запрещающий *обычную пень*, когда вина полностью доказана и преступник достиг совершеннолетия. [807] Примерно в 1640 году опытный инквизитор сообщает нам, что в Сарагосе наказанием для лиц старше 25 лет было послабление; для несовершеннолетних — бичевание и галеры, но он добавляет, что это не соблюдается; он видел многих осужденных таким образом и приговоренных к послаблению, но Suprema всегда смягчал наказание. [808]

Церковнослужители, по-видимому, считались имеющими право на особое снисхождение. В 1684 году Верховный суд призвал к ответу трибунал Валенсии за его благосклонность в деле подобного рода, когда тот дал очень подробный ответ. В нем говорилось, что два указа Пия V в 1568 году предписывали послабление с предварительным понижением в должности в отношении священников, а в 1574 году трибунал таким образом рассмотрел дело иподьякона. Многие авторитеты, однако, считали, что священнослужители не должны подвергаться строгости закона за это преступление, и было распространено мнение, что для оправдания

обычного наказания требуется неисправимость. Такова была практика в Валенсии, особенно с 1615 года, когда священник был признан виновным в единичном деянии и по приказу Верховного суда был приговорен к экстраординарному наказанию. С тех пор этому следовали в различных случаях, так что священнослужители не были расслаблены, если только не были неисправимы, и это было определено как случай, когда повторное наказание показало, что Церковь не может их исправить. Этот аргумент, более того, исключал применение пыток, которые, как указал трибунал, могли быть применены только в том случае, если наказание было хуже пытки. [809]

ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Случай, вызвавший это объяснение, представляет собой очень поучительный пример преимущества открытого судебного разбирательства с возможностью перекрестного допроса для правосудия. Обвиняемым был Фрай Мануэль Санчес дель Кастельяр-и-Арбустан, выдающийся член ордена Мерсед. Судебный процесс длился почти три года, когда в августе 1684 года документы были представлены Верховному суду. Были два свидетеля-сообщника совершенных действий, другие - домогательств, третьи - похотливых и грязных действий, а третьи - общей дурной репутации. В рамках обычного инквизиционного процесса осуждение было бы неизбежным, но повторные допросы и перекрестные допросы выявили расхождения, противоречия и вариации, а знание свидетелей позволило обвиняемому представить доказательства вражды. Трибунал пришел к выводу, что почти вся масса улик была результатом заговора, охватившего ряд немощных обитательниц монастыря, подстрекаемых ревностью к почестям и положению, полученным Санчесом. Тем не менее, были некоторые свидетельства о неблагоразумии, которые не были опровергнуты, и, поскольку разразился крупный скандал, потребовавший жертвы, с обычной инквизиционной логикой он был приговорен к четырехлетнему изгнанию из Валенсии, Ориуэлы и Мадрида, в течение первых двух из которых он был лишен активного и страдательного залога, исповеди и проповеди, а также всех почестей в своем Ордене. При этом учитывались три года, проведенные в тюрьме, так что, если он был невиновен, он жестоко пострадал и был отправлен на свободу с клеймом неизгладимого клейма, в то время как, если он был виновен, ему грозило наказание гораздо меньшее, чем по заслугам. Когда Верховный суд спросил, почему два свидетеля соучастия не были привлечены к ответственности, трибунал ответил, что они считались спонтанно давшими признательные показания, и в таких случаях не принято возбуждать судебное преследование; кроме того, хотя их вражда и противоречия делают недействительными их показания, этого было недостаточно для оправдания судебного преследования за лжесвидетельство. [810] В целом это было неприятное дело, которое трибунал, очевидно, желал завершить с как можно меньшим ущербом для Церкви.

Тенденция к снисхождению усиливалась со временем и проявлялась как к мирянам, так и к священнослужителям. В 1717 году трибунал Барселоны приговорил француза Гийома Амьея к четырем годам тюремного заключения и вечному изгнанию из Испании. Верховный суд заменил пресидию сотней ударов плетью, но, когда был зачитан приговор, Амизель возразил, что его отец был джентльменом и что у него был патент “*teniente del Rey Christianisimo*”, требуя таким образом освобождения от унижающих достоинство телесных наказаний. Разбирательство было приостановлено, и была проведена консультация с Верховным судом,

который обошелся без ударов плетью, и по той же причине мальчик Рамон Хильс, который был сообщником, был избавлен от вергуэнцы, к которой он был приговорен. [811]

РОСТОВЩИЧЕСТВО

Наиболее заметным случаем подобного рода в анналах инквизиции было дело дона Педро Луиса Гальчерана де Борха, великого магистра ордена Монтеса. Он был не только грандом Испании, но и состоял в союзе с королевским домом, он приходился сводным братом Франсиско де Борхе, герцогу Грандиа, а впоследствии генералу ордена иезуитов, и состоял в родстве почти со всеми самыми знатными родами страны. Для его ареста в 1571 году было необходимо согласие Филиппа II; он не был заключен в секретную тюрьму, но имел просторные апартаменты, из которых во время судебного процесса руководил делами Ордена. Он потребовал освобождения на основании привилегий Ордена, и более двух лет ушло на обсуждение этого вопроса, хотя было указано, что, хотя у тринитариев были еще большие привилегии, два члена этого Ордена недавно были освобождены от ответственности за то же преступление, а Борха был даже не священнослужителем, а женатым человеком с детьми. В конце концов иск был отклонен, и судебное разбирательство медленно продолжалось. Доказательства сводились к двум “исключительным” свидетелям, которые дали показания о домогательствах и попытке, и к одному, Мартину де Кастро, который дал показания о завершении, а затем отказался от них. Для спасения обвиняемого было задействовано мощное влияние со всех сторон, и на заключительном консультативном заседании возникли разногласия. Два инквизитора и Рядовой проголосовали за оправдание. Другой инквизитор, которым был Хуан де Рохас, в письменном заключении требовал четырех лет ссылки и крупного штрафа. Верховный судья, после длительной переписки с трибуналом, согласился с этим, но заменил ссылку шестилетним затворничеством в своем монастыре Монтеса. Льоренте намекает, что инквизиторы рассчитывали получить епископство или, по крайней мере, места в Верховной раде, и что была заключена сделка, в результате которой после смерти Борхи орден Монтеса был присоединен к короне, подобно военным орденам Кастилии, находившимся под властью Фердинанда; этому последнему придало некоторую окраску назначение Филиппом внебрачного сына Борхи на пост великого командующего Орденом, из которого он дослужился до кардинала. Очевидный намек на этот случай содержится в замечании итальянского путешественника 1593 года, который, говоря о суровости инквизиции в подобных делах, иллюстрирует это историей о вельможе, который всего лишь за то, что обнял за шею пажа, провел десять лет в тюрьме и получил пятьдесят тысяч дукатов. [812]

Дела были достаточно частыми, чтобы предоставить арагонским трибуналам значительную нагрузку, особенно после того, как это было включено в Эдикт веры в 1574 году как преступление, подлежащее осуждению. [813] У меня есть лишь несколько разрозненных данных, но они наводят на размышления. Таким образом, в Сарагосе во время автокатастрофы 6 июня 1585 года четверо преступников были освобождены. [814] В Каталонии в 1597 году отчет инквизитора Эредиа о посещении епархии Таррагоны и части епархий Барселоны, Вича и Уржеля содержит шестьдесят восемь случаев всех видов, и из этих пятнадцати были за преступления этого класса, хотя большинство из них впоследствии были приостановлены. [815] В Валенсии с января 1598 по декабрь 1602 года в автомобилях фигурировали двадцать семь таких преступников, из которых семеро были слабаками. [816] Поскольку было принято читать приговоры с *благодарностью*, население получало назидательное образование. С 1780 по

1820 год общее количество дел, поступивших на рассмотрение трех трибуналов, составило ровно сто. [817]

Ростовщичество.

Церковное определение ростовщичество - это не непомерная плата за пользование деньгами, превышающая установленную законом норму, а любой процент или иная выгода, какой бы незначительной или косвенной она ни была, получаемая от ссуды денег или другого предмета. Запрещенный Старым Законом для Избранного Народа и распространенный по Новому Закону на братство людей, он был предметом постоянного осуждения со времен первоначальной Церкви до самых недавних времен. Изобретательность была исчерпана при разработке методов подавления и наказания только для того, чтобы показать, насколько невыполнимой была задача борьбы с человеческой природой и человеческими потребностями.

С раннего периода ростовщичество рассматривалось как церковный грех и преступление, подпадающее под духовную юрисдикцию как *внутреннего форума*, так и *внешнего форума*. В 1258 году Александр IV признал это законным для инквизиции, и на Венском соборе 1312 года утверждение о том, что получение процентов не является грехом, было определено как ересь, преследовать которую инквизиция была обязана по долгу службы. [818] В позднее средневековье, когда большие ереси были в значительной степени подавлены, судебное преследование ростовщиков составляло значительную и наиболее прибыльную часть инквизиционной деятельности. Это правда, что ересь заключалась в отрицании того, что ростовщичество является грехом, но, как объясняет Реперторий 1494 года, ростовщик или симонист, который не утверждает и не отрицает, но молчит и молчаливо верит, что совершение ростовщичество или симонии не является грехом, является ментально упорным еретиком. [819]

РОСТОВЩИЧЕСТВО

В Испании ростовщическая практика евреев и конверсос была основным источником народной враждебности, но евреи не были подчинены инквизиции, и в ранние годы она, по-видимому, не признавала свою юрисдикцию в этом вопросе за Конверсос, поскольку в этот период я не встретил никаких следов ее действий против ростовщичество ни в Кастилии, ни в Арагоне. Что касается последнего, то, действительно, ему воспрепятствовал закон кортов Калатаюда в 1461 году, запрещающий судебное преследование ростовщиков как светскими, так и духовными судами, а также предоставление инквизицией полномочий для этой цели. Чтобы обеспечить соблюдение этого, Хуан II должен был поклясться, что он не получит никакого папского рескрипта или комиссии, разрешающей инквизицию по делу о ростовщичестве, и что, если такой рескрипт будет у него, он не должен использоваться, а должен быть доставлен в течение месяца Дипутадо. [820] Можно предположить, что инквизиция добивалась снятия этого ограничения, поскольку Юлий II издал *motu proprio* от 14 января 1504 г., в котором цитировалось "фуэро Калатаюда" и говорилось, что *usuraria pravitas* возросла настолько, что мера пшеницы будет увеличена до двадцати пяти в течение трех лет, главным образом потому, что инквизиция вследствие этого "фуэро" была лишена возможности осуществлять свою законную юрисдикцию. Поэтому он приказал генеральному инквизитору Дезе преследовать всех христианских ростовщиков и заставить их воздержаться, применив наказания, предписанные генеральным советом, в то время как Фердинанд был вызван на помощь инквизиторам, и он и его преемники были освобождены от любых клятв соблюдать фуэро. [821]

Поскольку все коммерческие и финансовые операции в то время были основаны на выплате процентов и, поскольку земледелец обычно брал в долг семенное зерно перед посевом, чтобы вернуть его с прибавкой после сбора урожая, инквизиции, таким образом, открылось обширное поле для своих операций. О том, что она не пренебрегла предоставленной возможностью, вполне можно судить по возбужденной оппозиции. Это было предметом одного из самых энергичных протестов кортов Монсона в 1510 году, и в Конкордии 1512 года была статья, в которой Фердинанд обещал добиться от папы аннулирования полномочий, предоставленных инквизиторам; что он не допустит получения никаких других грантов и что тем временем он позаботится о том, чтобы не было возбуждено никакого судебного преследования, за исключением открытого утверждения, что ростовщичество не является грехом. По этому, как и по другим статьям, он поклялся добиться папского подтверждения. Инквизиторы также были приведены к присяге подчиняться Конкордии, и, когда Фердинанд был освобожден Львом X от своей присяги в записке от 30 апреля 1513 г., 2 сентября последовал *motu proprio*, согласно которому, поскольку ересь и ростовщичество являются самыми отвратительными преступлениями, подлежащими самому суровому преследованию, инквизиторы были освобождены от своих клятв и им было приказано использовать способности, предоставленные Юлием II, для пресечения ростовщичества. [822] Это служит объяснением, почему в компромиссе, воплощенном в Инструкциях генерального инквизитора Меркадера от 1514 года, нет намека на ростовщичество - инквизиторам нельзя было мешать выполнять их функции в этом отношении. [823] Однако, когда Лев в 1516 году подтвердил Конкордию 1512 года, он вывел ростовщичество из-под юрисдикции инквизиции и запретил его преследование, если только виновный не сочтет это не грехом. [824]

Уже было видно, насколько полностью инквизиция игнорировала все эти соглашения, несмотря на королевские и папские подтверждения. Итак, когда в 1518 году Карл V был вынужден принести на кортах Сарагосы конкретную и тщательно продуманную клятву, наложенную на Хуана II, это оказалось столь же бесполезным. [825] Инквизиторы продолжали осуществлять юрисдикцию, но в самом Арагоне им на некоторое время помешала записка Климента VII от 16 января 1525 г., предписывающая им в будущем придерживаться ереси — записка, составленная Хуаном Австрийским, архиепископом Сарагосы, который требовал юрисдикции над ростовщичеством для своего собственного суда. [826] Это принесло небольшое облегчение, поскольку он использовал инквизиционный процесс, и суды Сарагосы в 1528 году приняли закон, подтвержденный Карлом V, в котором говорилось, что законы предусматривают наказание ростовщиков светскими судами, но что церковные судьи преследовали их, поэтому, по желанию четырех бразос, его его величество приказал соблюдать древние законы королевства без каких-либо исключений. [827]

Пока не была задействована инквизиция, Карлу было безразлично, как обращаются с ростовщиками, но, когда каталонцы в суде Монсона в том же году пожаловались на преследование инквизиторами ростовщичества и обратились с петицией о его предотвращении, он сухо ответил, что законы должны соблюдаться и справедливость должна восторжествовать. [828] Большого удовлетворения, чем это, нельзя было получить, когда несколько лет спустя суды трех королевств повторили жалобу на преследования инквизицией за ростовщичество, наложив неизгладимое пятно на партии и их потомков, даже несмотря на то, что они были освобождены от ответственности без покаяния. Ответ генерального инквизитора на это был простым отрицанием в сочетании с требованием назвать имена пострадавших сторон. [829]

МОРАЛЬ

В отсутствие документов нелегко понять, почему инквизиция внезапно отказалась от юрисдикции, за которую она так яростно боролась, но так оно и было. В 1552 году Симанкас утверждает, что инквизиторы не имеют представления о вопросах, возникающих в связи с ростовщичеством, но должны оставить их обычным людям, поскольку ростовщиками движет не ошибочная вера, а стремление к грязной наживе. [830] В этом Симанкас, очевидно, говорил авторитетно, поскольку Супрема в carta acordada от 17 марта 1554 года запретил трибуналам заниматься ростовщичеством, и этот предмет исчезает из записей инквизиции. [831] Светским и духовным судам пришлось вести проигранную битву с промышленным и коммерческим прогрессом, который в конечном итоге вынудил признать тот факт, что оплата за использование денег обычно выгодна обеим сторонам.,,

Мораль

Целью инквизиции было сохранение чистоты веры, а не улучшение нравственности. Мнение о его обязанностях в отношении последнего изложено в комментариях Верховного суда к отчету де Сото Салазара о его посещении барселонского трибунала в 1566 году. Климент, аббат Риполя, был привлечен к ответственности за высказывания о том, что милость Божья настолько велика, что он простит исповедавшегося грешника, даже если у него не было твердого намерения воздерживаться в будущем, а также за то, что он держал монахиню в качестве любовницы. Он был оштрафован на четыреста дукатов и получил приказ разорвать отношения с монахиней под страхом штрафа в тысячу дукатов. Верховный суд резко отчитал инквизитора Падилью за вынесение столь сурового приговора и за превышение своей юрисдикции при запрете незаконной связи. Поэтому, когда инквизиторы оштрафовали Хайме Бокку, незамужнего фамильяра, на двенадцать дукатов за то, что он держал замужнюю женщину в качестве любовницы, Супрема сказал им, что это не их дело. Верно, что в двух других случаях с фамильярами, оштрафованными на двадцать дукатов каждый за содержание любовниц, замечание сводится просто к тому, что строгость была чрезмерной. [832]

Тот же принцип, как мы видели, соблюдался и при рассмотрении дела о домогательстве. Вопрос морали был старательно исключен, как вопрос, полностью выходящий за рамки компетенции инквизиции, и рассматривался только технический вопрос о том, подпадают ли дела под папские определения, составленные для защиты таинства покаяния. То же замечание относится и к решительному преследованию тех, кто считал, что простой блуд не является грехом. Не было попытки искупить сам грех, поскольку это выходило за рамки полномочий, предоставленных инквизиции, а просто установить психическое состояние обвиняемого и наказать его.

Однако по мере того, как шло время и еретиков, которые были законными объектами деятельности Святой Канцелярии, становилось все меньше, возникла тенденция расширить сферу ее действия и занять позицию *acustos morum*. Это проявилось в цензуре, которая в более поздний период стала применяться не только к непристойным книгам, но и ко всем видам произведений искусства, которые не соответствовали установленным цензурой стандартам приличия.

Отсюда было легко вмешаться в частную жизнь отдельных лиц, в дела, совершенно не относящиеся к его законной юрисдикции, случайные примеры чего мы находим в более

поздний период упадка. Так, в 1784 году Хосеф Мас был привлечен к ответственности в Валенсии за исполнение неподобающей песни на танцах, а в 1791 году Мануэль де Пино был привлечен к ответственности за “непристойные и нерелигиозные действия”. В 1792 году трибунал Барселоны заслушал показания Рамона Серолеса из Ллока относительно скандальной жизни приходского священника этого места и его злоупотребления святыми маслами. В 1810 году трибунал Валенсии расследует дело Розы Авинент, содержательницы табачной лавки, попоздрению в жестоком обращении с несколькими детьми в ее доме. В 1816 году трибунал Сантьяго приговаривает дон Мигеля Керейзаэту, служащего почтового отделения, покинуть город, где он вел беспорядочную и скандальную жизнь, и обязывает его примириться со своей женой и жить с ней. В 1819 году дон Антонио Клементе де Поляр предстал перед мадридским трибуналом за высказывания, за то, что одевался так, чтобы удовлетворить страсти, и за другие излишества. [833]

ПЕЧАТЬ ПРИЗНАНИЯ

В этих и подобных случаях можно предположить, что стороны понесли вполне заслуженное наказание, но эта спорадическая защита добродетели и наказание порока с гораздо большей вероятностью способствовали удовлетворению злого умысла, чем повышению уровня общественной морали, и использование огромного механизма инквизиции в таких вопросах свидетельствует о глубине ее падения с прежней высоты. У объекта с самого начала было очищение нравственности и религии, возможно, страх, который он внушал во всех классах, возможно, в результате некоторые этические улучшения, но, за время своей власти, такое впечатление, что он произвел, что нравы были стройные счета в сравнении с верой и в день своего падения, эти отдельные попытки распространить свою юрисдикцию, могут принести только раздражение без изменений.

Печать исповеди.

Когда в 1216 году четвертый Латеранский собор постановил обязательную исповедь через ушко, было важно, чтобы отец-исповедник был обязан хранить абсолютное молчание относительно открывшихся ему грехов. Какое-то время допускались некоторые исключения, например, из-за ереси, но в конце концов это обязательство стало всеобщим, и схоласты исчерпали свою изобретательность, придумывая самые крайние случаи, с помощью которых можно было бы проиллюстрировать нерушимость того, что стало известно как печать исповеди. Поскольку человеческая природа такова, какова она есть, а природа священника подвержена человеческим немощам, нарушение печати во все времена было источником беспокойства и объектом строгого наказания, применяемого к светскому духовенству духовными судами, а к постоянным служителям - их начальством. Римская инквизиция в первые полвека своего существования взяла на себя исключительную ответственность за совершение преступления и потребовала, чтобы все правонарушители, будь то светские или обычные, предстали перед ее трибуналами, но в 1609 году она отказалась от своей юрисдикции и предоставила их епископам и прелатам. [834]

Поскольку ересь, связанная с предательством доверия кающегося, была всего лишь логической ошибкой относительно причастия — искусственным предлогом, подобным тому, который был придуман в отношении домогательств, — испанская инквизиция не считала, что это входит в общее делегирование полномочий, но что требуется специальная папская комиссия. Похоже, не предпринималось никаких попыток добиться этого до 1639 года, когда 11

октября Верховный обратился к Филиппу IV с консультацией, в которой говорилось, что трибуналы получили многочисленные доносы на исповедников, которые дали признательные показания, и что инквизиторы срочно просили разрешения преследовать в судебном порядке такие случаи, как нарушения божественного, естественного и политического права, что делает виновных подозреваемыми в вере, что является еще большим оскорблением таинства, чем домогательство. Было печально известно, что ординарии не проверяли это ни среди светского духовенства, ни своих прелатов среди завсегдатаев, да и в таких руках никакое средство правовой защиты не могло быть эффективным, потому что на публичных процессах свидетелей подкупали или отпугивали, а секретных тюрем, обеспечивающих необходимую изоляцию обвиняемых, не существовало. Поэтому королю было предложено добиться от папы для инквизиции исключительной юрисдикции в отношении этого преступления. [835] Верховный суд, вероятно, не преувеличивал относительно обвинений, полученных трибуналами, поскольку в "Малом одном из Канарских островов" мы находим, что в 1637 году он давал показания против Диего Артиаги, священника Йерро, за это преступление, в 1643 году - против Диего Сальгадо, священника ла Пальмы, а в 1644 году - против Диего Сальгадо, священника ла Пальмы. против фрая Матиаса Пинто из Тенерифа. [836]

Не может быть никаких сомнений в том, что Филипп, как обычно, удовлетворил просьбу Верховного, но Урбан VIII, похоже, не отреагировал. У него была веская причина для отказа, заключавшаяся в том факте, что римская инквизиция отказалась от своей юрисдикции в этом вопросе, и в данный момент у него были разногласия с испанцами по вопросу о цензуре и о Пломос дель Сакромонте. Это преступление никогда не включалось в Эдикт веры, но иногда оно упоминается среди обвинений против исповедников, предстающих перед судом за домогательство, как в делах францисканца брата Хуана Пачона де Саласа в Мексике в 1712 году, кармелита Вентуры де Сан-Хоакина в 1794 году и брата Антонио Ортуньо в 1807 году. [837] Было трудно искоренить веру в компетентность инквизиции, и совсем недавно, в 1808 году, Хосе Антонио Альварес, священник Хоркахо-де-лос-Монтес, был обвинен в этом преступлении трибуналом Толедо, но судебное разбирательство было приостановлено, вероятно, из-за сомнений в юрисдикции. [838] Когда вопрос по делу доктора Дона Франсиско Торнео был поставлен прямо перед трибуналом Валенсии, после надлежащего обсуждения он решил 28 марта 1816 года, что у него нет юрисдикции, и дело было соответственно прекращено. [839]

Общая полезность.

ОБЩАЯ ПОЛЕЗНОСТЬ

Эффективная организация инквизиции и ужас, который она внушала, приводили к тому, что к ней прибегали в бесчисленных случаях, самых разнообразных по характеру и совершенно чуждых целям ее учреждения. Краткое перечисление некоторых из них послужит завершением нашего обзора ее деятельности и, какими бы тривиальными они ни казались, проиллюстрирует, насколько сильным было влияние, которое она оказывала на общественную жизнь Испании.

Ценность его услуг, вытекающая из неопределенного объема его полномочий, была признана на раннем этапе. В 1499 году бенедиктинский монастырь пожаловался Фердинанду на то, что он передал крест в залог некоему Педро де Санта Крису и не смог вернуть его, поскольку он перешел под защиту доминиканцев, которые требовали освобождения от судебных процессов. После этого Фердинанд приказал городским инквизиторам уладить это дело; они пренебрегли им, и он снова безапелляционно написал, приказывая им захватить крест и вершить правосудие

между сторонами. В апреле 1500 года король поручает трибуналу Валенсии вернуть дону Рамону Лопесу из королевской гвардии двух беглых рабов и несколько украденных ими тарелок. [840] Очевидно, что от Священной Канцелярии ожидалось немалого разнообразия обязанностей.

В 1518 году женский монастырь Кларес в Калатаюде пожаловался на то, что в десяти шагах от их дома был построен наемнический монастырь, обитатели которого вели беспорядочный образ жизни; монахини не могли ходить по своему саду незамеченными, и это привело к большим скандалам. Карл V обратился ко Льву X с просьбой заменить наемников бенедиктинцами или геронимитами, и для оказания помощи была призвана инквизиция. [841] Стороны иногда получали папские записки для передачи своих исков в суды. В 1548 году донья Альдонса Сердан сделала это в судебном процессе с доном Эрнандо де ла Кабальерия, а в 1561 году донья Исабель де Франсия в судебном процессе с доном Хуаном де Эредиа. В обоих случаях инквизиторы Сарагосы отказывались действовать, пока генеральный инквизитор Вальдес не приказал им это сделать. [842] Таким образом, не все инквизиторы были сдержанны, поскольку, когда примерно в это же время был издан общий приказ, запрещающий им привлекать к ответственности за лжесвидетельство, совершенное в других судах, это показывает, что их просили сделать это и что, по крайней мере, некоторые из них были готовы взяться за такое дело. [843] В 1647 году, когда распространенность дуэлей потребовала каких-либо эффективных средств подавления, среди предложенных средств защиты было то, что направление вызова должно быть передано в ведение инквизиции на том основании, что бесчестье, постигающее преступника и его потомков, было бы наиболее эффективным препятствием для педантичных джентльменов. [844] Предложение, по-видимому, не было принято, но оно иллюстрирует готовность прибегнуть к гибкой юрисдикции Священной Канцелярии.

Иезуиты сочли инквизицию весьма полезной, когда благодаря благосклонности Оливареса им удалось призвать ее к вмешательству в одну из своих ссор с доминиканцами. В 1634 году брат Франсиско Руалес опубликовал брошюру против Общества, а доктор Эспино, бывший кармелит, опубликовал две другие. На них ответил падре Салазар, и на этом дело могло бы закончиться, но иезуиты обратились к Филиппу IV и Оливаресу, которые пообещали удовлетворение и приказали генеральному инквизитору Сотомайору (сам доминиканец) принять меры, многозначительно намекнув, что за ним будут следить. Королевский указ от 29 января 1635 года упрекал Верховную власть в недостатке рвения и предписывал ей действовать со всем усердием и подвергнуть суровому наказанию. 1 февраля он незамедлительно отреагировал указом, запрещающим публикацию брошюры Руалеса под угрозой суровых наказаний, но этого оказалось недостаточно, и 30 июня он запретил каждому, мирянину или священнослужителю, говорить что—либо в частном или публичном порядке, порочащее любой религиозный орден или его членов, под примерным наказанием, подлежащим строгой казни - указ, который пришлось повторить в 1643 году.

27 июня 1635 года три отвратительных памфлета были сожжены с беспрецедентной церемонией. Состоялась торжественная процессия чиновников и приближенных со штандартами инквизиции, в то время как мул в карминовой бархатной попоне нес разрисованный языками пламени сундук, в котором находились осужденные писания. Он прошел по главным улицам до площади, где был разожжен костер; герольд под звуки трубы провозгласил, что Общество Иисуса освобождено от всего, что было сказано против него, и что эти бумаги были фальшивыми, клеветническими, нечестивыми и скандальными; палач бросил

их в огонь, а затем ящик и процессия торжественно отправились обратно в Доминиканский колледж Сан-Томас. Эффект демонстрации, однако, был несколько подпорчен тем, что население поверило, что в ящике находятся кости неверующего еврея, и сопровождало процессию криками “Смерть собакам!” и другими благочестивыми восклицаниями.

Общая полезность

Эспино был арестован и заключен в тюрьму — не в последний раз, поскольку в 1643 году он хвастался, что пятнадцать раз попадал в тюрьму за свои нападки на иезуитов. Руалесу повезло больше; он был капелланом Филиберта Савойского; его брошюра была напечатана в Милане, и он был в безопасности в Риме, но печатник, выпустивший издание в Сарагосе, был арестован и, предположительно, отправлен на галеры, а доминиканцу Фраю Каньямеро, распространившему три брошюры, было приказано арестовать, но, похоже, он спасся бегством. Тем не менее, неумный конфликт продолжался, и инквизиция была занята судебным преследованием преступников и пресечением отвратительных высказываний. Он даже настолько строго трактовал свой долг, что осудил мемориал несчастных кредиторов, пострадавших в результате банкротства в 1645 году иезуитского колледжа Сан-Эрменгильдо в Севилье, когда около трехсот вкладчиков потеряли четыреста пятьдесят тысяч дукатов и изо всех сил пытались спасти оставшиеся активы из рук иезуитов. [845]

Трибунал Гранады не стал останавливаться, чтобы выяснить свою юрисдикцию, когда в мае 1646 года из-за нехватки пшеницы произошли хлебные бунты и толпа захватила контроль над городом. Он призвал всех мерщиков зерна и носильщиков под страхом отлучения от церкви предстать перед ним по важному делу. При их осмотре были обнаружены значительные запасы спрятанного зерна; коррехидоры зарегистрировали его, и цена была установлена на уровне сорока двух реалов. [846] Это была акция добровольцев, но в 1648 году, когда в Валенсии бушевала эпидемия, трибуналу пришлось поддерживать карантин у одних из городских ворот. Король 1 февраля 1649 года уведомил Супрему о том, что чума прекратилась в Валенсии, но что она была жестокой в Кадисе, Сан-Лукаре и других местах, и призвал к постоянной бдительности, на что Супрема ответил, что с апреля он полностью выполнял свои обязанности, но что муниципальные чиновники были очень небрежны, и он попросил его приказать им внести свою лепту. [847] Очевидно, что в карантинной работе полагались на инквизицию. Не далее как 2 июля 1818 года Верховный суд написал всем трибуналам, что чума появилась в Танжере и угрожает Испании самыми ужасными бедствиями. Король распорядился принять энергичные меры предосторожности, в которых должны были участвовать все ветви правительства, и сейчас было не время для колебаний или щепетильности. Поэтому трибуналам было поручено следить за должностными лицами всех департаментов и следить за тем, чтобы они выполняли свой долг, и, если они смогут разработать более эффективные меры, им было предложено внести свои предложения. [848]

Неограниченное вмешательство инквизиции в вопросы, относящиеся к епископскому надзору, прослеживается в двух или трех делах, рассмотренных мадридским трибуналом. 5 мая 1656 года суд приговорил священника Франсиско Переса Лосано к изгнанию на год из разных мест за его участие в создании братства с так называемыми “статутосогласными”. 6 февраля 1688 года Хуану Морено де Пьедроле, священнику конгрегации Сан-Сальвадора, предложившему создать конгрегацию, в правилах которой трибунал обнаружил порицаемые положения, было приказано сдать все бумаги и не обсуждать это устно или письменно, и он был сослан до тех пор, пока ему

не разрешат вернуться, с предупреждением, что в противном случае он будет привлечен к ответственности по всей строгости закона. Поскольку от него не требовали отречения даже *де леви*, это показывает, что не было никаких подозрений в ереси. Затем, в 1697 году, брат Хуан Мальдонадо из ордена Сан-Хуан-де-Диос провел три года в изгнании за проповедь в церкви своего монастыря в Сьюдад-Реале, проповедь, охарактеризованную как бурлескная и скандальная, хотя нет никакого намека на то, что она в какой-либо мере была еретической. [849]

Общая полезность

Это постоянное вмешательство во всевозможные дела, независимо от ереси, к концу скорее усилилось. В 1788 году Антонио Лопес был привлечен к ответственности в Валенсии за продажу четок с глиняными косточками в качестве реликвий. В 1789 году Андрес Хоанес, кучер, вызвался на беседу на суеверную тему. В 1791 году кармелит арестовал Бонифацио де Сан-Пабло за попытку напечатать сатирическую газету; Жозефа де ла Роса из Кордовы за то, что он носил освященную облатку в мешочке для реликвий; Висенте Фелерита из Валенсии за “тщеславный обряд”. В 1795 году дон Мигель Катала, фискал в Буньоле, и Джозеф Санчес Маскифа, переписчик, были привлечены к ответственности за использование при составлении заветов слов “разнообразные атрибуты” при упоминании Троицы. В 1799 году Хуан Родригес, священник из Сантьяго, был награжден за помощь в проведении церемоний фиктивного бракосочетания. В 1808 году Йозеф Варкес де ла Торре, переписчик из Валенсии, составил акт о раздельном проживании супругов. В 1818 году в Валенсии Висенте Майкас, священник Седрильоса, за то, что не хотел, чтобы его прихожане умирали во францисканском облачении. [850] Поскольку все эти случаи предполагают донос, они иллюстрируют популярную оценку всеобъемлющей власти инквизиции и шпионажа, в условиях которого жил каждый испанец.

На самом деле, почти не было ничего такого, в чем инквизиция не чувствовала бы себя уполномоченной вмешиваться. Широта, с которой инквизиторы толковали свои собственные полномочия, проявляется в их допущении выдавать лицензии на охоту в запрещенных местах, иногда для своей выгоды, а иногда и для других. Это было злоупотребление, которое Верховный Суд пытался исправить, запретив его в 1527 году, но оно было настолько настойчивым, что запрет пришлось повторить в 1530 и снова в 1566 году. [851]

Поскольку инквизиция была высшей в пределах своей юрисдикции и претендовала на право определять пределы своих полномочий, некому было призвать ее к ответу за их произвольное осуществление. Если какой-либо другой орган в государстве чувствовал, что его права ущемлены, единственным средством правовой защиты было обращение к суверену, и мы видели, как при Габсбургах корона, за редким исключением, принимала решение в его пользу.

КНИГА IX.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ГЛАВА I.

УПАДОК И ВЫМИРАНИЕ.

Можно сказать, что инквизиция достигла своего апогея при Филиппе IV. У нас было достаточно возможностей увидеть, как этот благочестивый монарх уступал ее агрессивности, пока она не стала фактически независимой организацией внутри государства, подчиняющейся королевским указам или нет, в зависимости от того, насколько это было ему удобно, и вовлеченной в почти постоянные споры с другими ветвями власти, в то время как король, за редкими исключениями, подчинялся ее требованиям. Это правда, что в своем финансовом затруднении он вынудил возместить небольшую часть конфискаций и что он отстаивал королевскую прерогативу назначать и смещать генеральных инквизиторов и назначать членов Верховного суда, но, когда однажды он осуществил свою власть, его назначенцы действовали независимо. Нелегко было бы представить себе более полное утверждение безответственной власти, чем внезапный арест Вильянуэвы - ведущего министра в отсутствие государя, во время крайней неразберихи, когда промедление ничем бы не грозило, за исключением, возможно, того, что государь мог бы отказаться дать согласие. Однако Филипп не только потворствовал этому, но и с таким рвением бросился в преследование своего фаворита, что едва мог удержаться от риска разрыва отношений со Святым Престолом в защиту Священной канцелярии. При катастрофическом регентстве Марии Аны Австрийской и правлении Карлоса II королевская власть почти исчезла, и, хотя это дало таким людям, как Нитхард и Вальядарес, возможность еще больше утвердить независимость инквизиции, это также позволило дону Джону Австрийскому изгнать Нитхарда и другие правительственные ведомства, чтобы подражать его пренебрежению королевской властью. Это было предзнаменованием будущего, когда в 1696 году они объединились в Великую хунту, чтобы выразить протест против посягательств инквизиции и потребовать ее вывода в надлежащие пределы, хотя благодаря умелому руководству попытка была сорвана.

Бурбоны.

С приходом к власти династии Бурбонов в политическую организацию Испании вошел новый элемент. Абсолютизм Людовика XIV охватил как Церковь, так и государство, и галликанские теории относительно власти Святого Престола поощрялись для того, чтобы обеспечить главенство короны. Было неизбежно, что Филипп V и его французские советники придерживались совершенно иных взглядов на отношения между королем и инквизицией, чем те, которые существовали на протяжении столетия. Даже в разгар Войны за престолонаследие мы видели, как Филипп в деле Фройлана Диаса вмешался в качестве магистра и урегулировал отношения между генеральным инквизитором и Верховной властью, как он взялся реформировать инквизицию и как во многих отношениях обуздал ее дерзость. Если бы не придворная интрига, действующая благодаря неуправляемости Филиппа, Маканаз мог бы преуспеть в своем проекте по полному подчинению инквизиции короне, и хотя мстительность Святой Канцелярии приговорила его к пожизненному наказанию за покушение, это не

помешало дальнейшему утверждению королевского превосходства, в чем мы имели возможность убедиться в неоднократных случаях и во многих различных направлениях.

ФИЛИПП V

Однако утверждение Филиппом королевской прерогативы ни в коем случае не подразумевало отсутствия рвения к вере, и до тех пор, пока инквизиция ограничивалась своими обязанностями по искоренению ереси, она пользовалась его сердечной поддержкой. Выше часто делались намеки на возобновление его деятельности в период после окончания Войны за наследство. Полная статистика отсутствует, но в шестидесяти четырех автомобилях в период с 1721 по 1728 год было задействовано девятьсот шестьдесят два преступника и их изображения, из которых сто пятьдесят один был освобожден. [852] О том, что это встретило его сердечное одобрение, свидетельствует письмо, которое он адресовал 14 января 1724 года своему сыну Луису, когда отрекался от престола в его пользу. При этом увещевания, дышащие высокой моралью, сопровождаются серьезными предписаниями поддерживать и защищать инквизицию как оплот веры, поскольку именно ей приписывается сохранение религии во всей ее чистоте в штатах Испании, так что ереси, поразившие другие земли христианского мира, причиняя им столь прискорбные и ужасные разрушения, никогда там не закрепились. [853] Оспа сократила правление Луиса до семи месяцев, после чего Филипп был вынужден возобновить тяжелое бремя, пока смерть не освободила его 9 июля 1746 г., и если во время этой более поздней части его правления инквизиция была менее занята, это можно смело отнести к ослаблению энергии и нехватке материалов, а не к каким-либо ограничениям со стороны суверена. Наказание, которому он позволил ему подвергнуть Беландо за историю его правления, в которую он и его королева после тщательного изучения приняли посвящение, показывает, насколько беспрепятственным было выполнение им своих признанных функций.

Однако Филипп невольно положил начало движению, которое в конечном итоге должно было подорвать основы, на которых зиждилась инквизиция. Он привез с собой из Франции убеждение, что король должен быть покровителем литературы и учености, и у него было честолюбивое намерение править культурным народом. Он пробудил дремлющий интеллект Испании, основав Академии языка, истории и медицины, Дворянскую семинарию и Национальную библиотеку, а в Каталонии заменил Университет Лериды Университетом Сервера. Несмотря на бдительность цензуры, было невозможно, чтобы пробуждающийся интеллект нации, стимулируемый таким образом, не ухватился с жадностью за запретный плод современного философствования, тем более привлекательный, что им приходилось наслаждаться втайне. Фернандо VI с 1746 по 1759 год следовал примеру своего отца, поощряя распространение культуры. Карлос III был еще более энергичен в призывах к просвещению своих подданных, и таким образом постепенно сформировалась общественность, правда, немногочисленная, но включающая государственных деятелей, находящихся у власти, которая утратила старую испанскую концепцию о том, что чистота веры является первостепенной необходимостью, и рассматривала инквизицию как помеху, за исключением тех случаев, когда ее можно было использовать в политических целях. Инквизиция все еще внушала страх, и случай с Олавиде показывает, что эти мнения нужно было лелеять в тайне, но число тех, кто придерживался их, было указано, когда узы общества были ослаблены и национальные институты рухнули в результате землетрясения наполеоновского вторжения.

Возможно, распространение этого современного рационалистического духа, незаметно влияющего даже на тех, кто ему противостоит, может частично объяснить быстро уменьшающуюся активность инквизиции. Великий трибунал Толедо за пятьдесят пять лет, с 1740 по 1794 год включительно, рассмотрел всего пятьдесят семь дел, или в среднем всего одно в год. [854] Это нельзя объяснить отсутствием виновных, поскольку двоеженство, богохульство, домогательство, колдовство и подобные преступления, которые составляли столь значительную часть кающихся в старину, были столь же распространены, как и прежде. Дело в том, что чиновники становились безразличными и беспечными, за исключением получения своей зарплаты. Когда 22 мая 1753 года священнику Мигелю де Алонсо Гарсия должен был быть вынесен приговор в зале для аудиенций при закрытых дверях и в присутствии официальных лиц, случилось так, что свидетелей торжества не было, потому что никого из официальных лиц не было в секретном помещении. [855]

КАРЛОС III

The *Персонал* инквизиции заметно ухудшался и, следовательно, терял уважение общества. Долгое время поступали жалобы на недостаточность заработной платы, которая оставалась неизменной, в то время как покупательная способность денег значительно снизилась, и не было сокращений в официальном штате, чтобы соответствовать сокращающемуся бизнесу. Таким образом, несмотря на *характерную для нации* эмплеоманию, а также привилегии и изъятия, связанные с официальным положением, заполнять должности должным образом становилось все труднее. Еще в 1719 году инквизиторы Барселоны жаловались Верховному суду на трудности, с которыми они сталкивались, привлекая людей к службе из-за отсутствия желания занимать должности и извлекать из них выгоду. [856] В 1737 году мы обнаружили, что у трибунала Толедо не было ни комиссара, ни нотариуса в Гвадалахаре, столице провинции, которая в 1787 году насчитывала 112 750 душ. [857] В 1750 году писатель выразил сожаление по поводу того, что жалованья в восемьсот дукатов недостаточно для поддержания достоинства инквизитора, так что генеральный инквизитор не всегда может выдвинуть подходящие кандидатуры. Это обуславливает необходимость назначения *calificadores* для изучения доктрин, подлежащих пересмотру, что приводит к затягиванию рассмотрения дел на неопределенный срок, а также к недостаточной бдительности по пресечению ошибок, постоянно распространяемых в книгах; когда *calificadores* не платят, они медлят в своей работе, и, чтобы не платить им, многие вещи, которые следовало бы передать им, пропускаются. [858] То, что уважение, испытываемое к инквизиции, должно уменьшиться при таких обстоятельствах, было неизбежно, и в целом в этот период это представляет аспект института, который пережил причины своего создания и спешил к своему концу. И все же она оказала слишком сильное влияние на формирование испанского характера, чтобы исчезнуть, когда ее миссия была выполнена, и мы увидим, какой жестокой была борьба, сопровождавшая ее распад.

Между тем она влачила свое существование в условиях постоянно растущих ограничений. Фернандо VI, правда, оказывал ей упорную поддержку в ее ссоре с Бенедиктом XIV из-за работ кардинала Нориса, но он нанес ей серьезный удар, когда в 1751 году лишил *фуэро* должностных лиц трибунала Лимы. Карлос III, вступивший на престол в 1759 году, приехал из Неаполя с высочайшими идеалами королевского превосходства в сочетании с меньшим уважением к церковным притязаниям, чем это было принято в Испании; он окружил себя такими

советниками, как Рода, Кампоманес, Аранда и Флоридабланка, которых более чем подозревали в склонности к современному философизму, и его правление благожелательного деспотизма было отмечено рядом мер, направленных на уменьшение или отмену привилегий чиновников инквизиции, пресечение злоупотреблений и укрощение высокомерия. Полный контроль, который он взял на себя над его функциями, проявляется в правилах, введенных в 1768 году в отношении его цензуры, а в 1770 и 1777 годах - в отношении его юрисдикции в отношении двоеженства, когда он приказал ему в будущем ограничивать свою деятельность подавлением ереси и не ставить в неловкое положение королевские суды. Разработанная таким образом теория отношений между короной и Святой Канцелярией сформулирована в консультациях Совета Кастилии от 30 ноября 1768 года: “Король как покровитель, основатель и надельщик инквизиции обладает над ней правами, присущими любому королевскому покровительству.... Как отец и защитник своих вассалов, он может и должен предотвращать совершение насилия и вымогательства в отношении их личности, имущества и репутации, указывая церковным судьям, даже при осуществлении ими духовной юрисдикции, путь, указанный канонами, чтобы они могли соблюдаться. Регалии защиты и этого несомненного покровительства прочно укрепили авторитет принца при издании инструкций, которые он соизволил дать Святой Канцелярии, действующей в качестве церковного трибунала”. [859] В таких условиях он был вполне доволен ее существованием и, когда Рода предложил ее пресечь и представил различные документы в Суд, покажите, что это обсуждалось при Карле V, Филиппе II и Филиппе V, он просто ответил: “Испанцы хотят этого, и это не доставляет мне никаких хлопот”. [860] На самом деле еще не пришло время для столь радикальных мер. Аббат Клеман сообщает о разговоре с Арандой 29 октября 1768 года, в котором граф предупредил его, что об инквизиции необходимо говорить с большой сдержанностью, поскольку люди воображают, что от нее зависит вся религия; по правде говоря, это было препятствием для любого улучшения, но потребуется время, чтобы разобраться с этим, и он посоветовал Клеману упоминать об этом только Роду и Кампоманесу. [861]

С восшествием на престол в 1788 году Карлоса IV для Испании открылась новая и катастрофическая эпоха. Робкий, нерешительный, ленивый, он полностью попал под влияние своей жены Марии Луизы, энергичной и своевольной женщины. До 1792 года он занимал пост Флоридабланки, которого на короткое время сменил Аранда, а затем власть захватил Мануэль Годой, впоследствии известный как принц Мира. Воспитанник малоизвестной семьи Бадахоса, он поступил в королевскую телохранительницу, где привлек внимание королевы, чьим любимым любовником он, по всеобщему мнению, был, а также любимцем ее мужа. Он быстро поднялся до высших санов и стал всемогущим; хотя придворная интрига привела к его увольнению в 1798 году, он был восстановлен в должности в 1800 году, оставаясь вершителем судеб Испании, пока “Бунт лакеев” в Аранхуэсе в 1808 году, направленный против него, не привел к отречению Карлоса в пользу его сына Фернандо VII. Легкомысленный, эгоистичный, тщеславный и беспринципный, он был главным образом ответственен за несчастья, обрушившиеся на его страну и от которых она, можно сказать, до сих пор не оправилась.

ИЗМЕНЕННЫЕ ФУНКЦИИ

Начало Французской революции придало инквизиции новое значение. Когда соблазнительные теории французских философов проповедовались как основа практической политики, свержая

троны и угрожая монархическим институтам доктринами общественного договора, суверенитета народа и всеобщего братства людей, Святая канцелярия могла утверждать, что, поскольку основы общественного порядка основаны на религии, ее труды необходимы для безопасности государства, в то время как государство признавало, что это наиболее доступный инструмент для подавления и исключения ересей свободы и равенства.

В этом бурном крушении стандартов мышления и веры, в этом возникновении нового порядка на руинах старой функции инквизиции приспособились к требованиям времени другими способами, помимо возросшей остроты и бдительности ее цензуры. Выше у меня часто была возможность ссылаться на алфавитный список всех лиц, осужденных различными трибуналами с 1780 по 1820 год, всего около пяти тысяч, и это, взятое в целом, дает нам представление об изменении объектов инквизиционной деятельности. Иудаизм, ислам и протестантизм больше не требуют ее внимания. Церкви больше не угрожают враги извне; чего она должна бояться, так это восстания среди своих собственных детей. Три пятых обвинений касаются “предложений”, в основном среди культурных слоев населения, включая значительную долю духовенства. Их точные ошибки не указаны, но, несомненно, многие были янсенистами, а еще больше были враждебны притязаниям Воинствующей Церкви и абсолютизму монархии. Существует также большой класс случаев, практически неизвестных столетием ранее, свидетельствующих о жизненно важных изменениях в интеллектуальных тенденциях нации, требующих особой бдительности инквизиции. Народный индифферентизм проявляется в многочисленных судебных преследованиях за несоблюдение или неуважение к церковным обрядам. Еще более примечательны те, кто надругался над изображениями Христа, Богородицы и святых, и даже за кощунственное обращение с Священными Дарами. Во многих других отношениях проявлялось ослабление глубокого и беспрекословного почитания, которым в течение трех столетий особенно гордилась испанская раса. С другой стороны, не мало примечательно, что существует очень мало случаев преступлений против инквизиции, поскольку за все эти сорок лет было зарегистрировано всего девять, которые каким-либо образом могут быть включены в эту категорию. [862]

В то же время, когда мы вспоминаем стародавнее педантичное проявление глубокого уважения, это свидетельствует о немалом снижении народного благоговения, когда в 1791 году простой приходской священник доктор Джозеф Гинес из Полопа (Аликанте) осмелился обратиться к трибуналу Валенсии с выражением бурного негодования по поводу поведения его секретаря, доктора Паскуаля Переса, во время миссии по сбору свидетельских показаний. Он сообщает суду, что, если суд не уволит Переса, его оценка сильно упадет, и все его послание дышит духом независимости и равенства, совершенно невозможных в прежние времена. [863] Недаром в 1793 году трибунал, ходатайствуя об увеличении жалованья, жаловался на снижение народного уважения к его чиновникам, которое он объяснял их скудным жалованьем и ограничением их привилегий. [864] О том, насколько полностью трибуналы утратили свою былую энергию, свидетельствует оставление примерно в это же время, как мы видели (Т. II, стр. 98) об опубликовании Эдикта веры, который в древности был так впечатляюще торжественно оформлен и оказался одновременно таким плодотворным источником доносов и таким мощным средством поддержания народного благоговения.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Одновременно с этим, как будто инквизиция чувствовала, что ее судят перед народом, наметилась заметная тенденция к улучшению процедуры в сочетании с мягкостью обращения с преступниками. Выше был сделан намек на введение *аудиенции грузов*, благодаря которой обвиняемому предоставлялась возможность узнать, в чем его обвиняют, и часто оправдаться без позора ареста и суда. Есть очень показательный пример милосердного рассмотрения дела ткача Йозефа Казальса, возбужденного в 1791 году трибуналом Барселоны по обвинению в произнесении шокирующих богохульств в церкви Санта-Каталина. Столетием раньше его арестовали бы и, при доказательстве содеянного, приговорили бы к бичеванию или галерам. Вместо этого падре Мигелю Альберчу было поручено тайно сообщить о характере обвиняемого, что он и сделал, сообщив, что Казальс регулярно давал признательные показания, но был вспыльчив и время от времени раздражался ругательствами. Затем Альбершу было поручено вызвать Казальса и сообщить ему о тяжести совершенного им преступления и понесенного наказания, а также о милосердии, проявленном трибуналом, который будет следить за ним.

В соответствии с этим добрый священник сообщил, что Казальс глубоко раскаялся и желает быть выслушанным на исповеди, что он и разрешил. [865] Случай тривиальный, но такова была основная часть инквизиционных дел, и характер, в котором они велись, имел немалое значение для людей в целом.

Отчасти это может быть связано с современным смягчением нравов, отчасти с растущим чувством незащищенности, а отчасти с инертностью, которая заставляла чиновников избегать любой работы, которой можно было избежать. Она все больше и больше превращалась в политическую машину и пренебрегала целями своего создания. Во время правления генерального инквизитора Мануэля Абада-и-ла-Сьерры, с 1792 по 1794 год, нам сообщили, что во всей Испании было вынесено всего шестнадцать приговоров к публичной епитимье. Абад был просвещенным человеком; он думал об уподоблении инквизиционной процедуры другим судам и консультировался с Льоренте относительно формулы такой реформы, но консерватизм, каким бы мягким он ни был на практике, не был готов к полному отказу от старых методов. Его замысел стал известен: он был вынужден уйти в отставку и сослан в бенедиктинский монастырь Сопетран по обвинению, как мы видели, в янсенизме. [866]

Фактически, абсолютный отказ от старой процедуры в значительной степени лишил бы инквизицию ее полезности в выполнении ее новых политических функций, к которым ее устоявшиеся методы были особым образом приспособлены. Когда в 1796 году разгорелась мощная интрига с целью свержения Годоя, инквизиция, естественно, была выбрана в качестве единственного оружия, с помощью которого можно было нанести удар пофавориту. Были найдены три монаха, которые осудили его за то, что в течение восьми лет он избегал исповеди и причастия, а также из-за его скандальных отношений с женщинами. Если бы генеральный инквизитор Лоренцана проявил решительность, судьба Годоя могла бы быть такой же, как у Олавиде, но он был робок. Архиепископ Севильи Деспуйг и епископ Музкис, в то время Авильский, которые были руководителями заговора, тщетно уверяли его, что арест Годоя обеспечит успех; он отказался действовать иначе, как по приказу Пия VI. Затем Деспуйг убедил своего друга кардинала Винченти убедить папу написать Лоренцане, упрекая его в безразличии к скандалу, столь пагубному для религии. Случилось так, что письмо Винченти, к которому прилагалось письмо Пия, было перехвачено в Генуе Наполеоном, который, чтобы снискать расположение Годоя, переслал ему переписку. Годой укрепил свои позиции и предпринял мягкую месть, которая делает честь его чувству юмора, отправив Лоренцану, Деспуйга и

Маскиза в почетное изгнание в качестве специальных посланников, чтобы выразить соболезнования папе римскому в связи с оккупацией его территорий французами. [867] Фактически, Капмани описывает инквизицию того периода как посвященную нечестивой работе Государственной инквизиции, чтобы сохранить свое находящееся под угрозой существование, а ее министров как трепещущих при виде печально известного фаворита, когда они имели честь присоединиться к толпе его льстецов. [868]

Инквизиторы могли вполне обоснованно беспокоиться о своем положении, поскольку проекты реформ витали в воздухе. Гаспар Мельчор де Ховельянос, самый выдающийся испанец своего времени по интеллектуальным способностям и порядочности, был изгнан от двора в 1790 году и уехал в свой родной Хихон, где в течение многих лет трудился над созданием Астуриенского института. Желая снабдить его библиотекой научных трудов, он обратился в 1795 году к Лоренцане за разрешением на их ввоз, но Лоренцана отказал на том основании, что там были хорошие испанские писатели, что делало ненужным обращение к иностранцам, тем более что иностранные книги развратили профессоров и студентов в различных университетах — процесс рассуждений, применяемый к работам по физике и минералогии, которые Ховельянос охарактеризовал как *памятник варварства*. Внимание, привлеченное таким образом к его библиотеке, вызвало подозрения комиссара инквизиции Франсиско Лопеса Хиля, священника Сомио, который однажды тайно проник в нее, пока владелец отдыхал во время сиесты. Ему сообщили, и он поспешил туда, обнаружив Джилу за изучением тома Локка. Ховельянос выставил его вон, сказав, что его офис делает его объектом подозрений, и запретив входить в здание без разрешения. Гил стал шпионом и, вероятно, был автором доноса, который стоил Ховельяносу многих лет плена. [869]

ХОВЕЛЬЯНОС

23 ноября 1797 года он был внезапно отозван из ссылки, чтобы занять пост министра изящества и юстиции, где он быстро дал инквизиции множество поводов опасаться его. Между сеvilским трибуналом и епископальными властями возникла тяжба по поводу исповедальни, которую он распорядился закрыть. Дело дошло до Карлоса, который поручил Ховельяносу узнать мнение Тавиры, епископа Осмы, которое он должным образом передал королю 15 февраля 1798 года, в котором утверждалось, что пришло время восстановить епископам их старую юрисдикцию в вопросах веры; цель, ради которой была создана инквизиция, была достигнута; ее процессы были громоздкими и неэффективными, а ее члены были невежественны. Только юрисдикция епископов могла бы обеспечить эффективное средство от существующего зла — юрисдикцию более естественную, более авторитетную, более благодарную людям и более полную человечности и мягкости, поскольку она проистекает из силы, данной им Святым Духом, а потому власть, которая была у них узурпирована, должна быть восстановлена. Более того, он принял во внимание состояние Святого Престола, лишённого своих временных полномочий Французской Республикой. Все, по его словам, указывало на страшный раскол после смерти Пия VI, и в этом случае каждая нация должна объединиться под руководством своих собственных пасторов. Папство постаралось бы сохранить громоздкую и дорогостоящую организацию курии, увеличив свои поборы, и ее пришлось бы свести к функциям, выполнявшимся в течение первых восьми столетий. [870]

Ховельянос был искренним католиком, но после столь резких высказываний его врагам не составило труда убедить короля в том, что он склонен к ереси и атеизму. Годой был встревожен властью, которую он приобретал над Карлосом; его коллега-министр Кабальеро вступил в сговор с инквизицией, и 15 августа король подписал увольнение своего министра, официальная жизнь которого длилась всего восемь месяцев. Две недели спустя королевская *хартия ордеров* провозгласила его неизменной волей, что Святая канцелярия должна постоянно пользоваться своей юрисдикцией и прерогативами без каких-либо изменений. [871] Ховельянос вернулся в Хихон, где прожил в достойном уединении два с половиной года. Однако его проступок был слишком велик для прощения, и его влияния все еще опасались. Карлосу было предъявлено анонимное обвинение самого надуманного характера, в котором он описывался как отказавшийся от всякой религии и стоящий во главе крайне опасной партии, участвующей в планах свержения католицизма и монархии. Малодушный король принял курс, предложенный ему тайным обвинителем. Перед рассветом 13 марта 1801 года дом Ховельянос был окружен конным отрядом; он был разбужен, его документы изъяты и переданы в Государственное министерство; его продержали в его доме *инкомуникадо* в течение двадцати четырех часов, затем запихнули в карету и повезли, все еще *инкомуникадо*, через Испанию в Барселону, а оттуда на Майорку, где он просидел в тюрьме до отречения Карлоса в 1808 году, и последовавшие за этим неприятности привели к его освобождению. [872]

ПОПЫТКА ПОДАВЛЕНИЯ

Почти параллельным было дело Мариано Луиса де Уркихо, который последовал за Ховельяносом в министерстве изящества и юстиции. У него не было причин любить инквизицию. Среди его юношеских неосторожностей был перевод книги Вольтера "*Смерть Сезара*", который побудил инквизицию провести секретное расследование, в результате чего было установлено, что он опасно заражен философизмом. Его собирались арестовать, когда Аранда, признавший его заслуги, рекомендовал его королю, и в 1792 году он был назначен на должность в канцелярии Аранды. Инквизиция научилась уважать королевских чиновников и заменила указ об аресте вызовом на *аудиенцию грузов*, закончившуюся приговором о легком подозрении в разделении философских ошибок, отпущении грехов *ad cautelam*, некоторых тайных епитимьях и закрытии его книги, хотя его имя было предусмотрительно опущено в указе о запрете. Его официальное продвижение по службе было быстрым, и в возрасте тридцати лет он оказался министром, используя свою власть, возможно, с большим рвением, чем осмотрительность, для поощрения просвещения и всех видов гуманизирующего влияния. После смерти Пия VI он навлек на себя враждебность ультрамонтанов, вынудив короля подписать указ от 5 сентября 1799 года, восстанавливающий за епископами право выдавать разрешения — мера, которая вызвала долгую и ожесточенную дискуссию. За этим последовало, как мы видели выше (Т. III, стр. 504) 11 октября с резким упреком инквизиции, приказав ей ограничиться своими надлежащими обязанностями, и вскоре после этого он представил Карлосу на подпись указ о запрете этого учреждения и использовании его собственности в целях благотворительности и общественной пользы. Это была слишком смелая мера; король уклонился от ответственности, и Уркихо преуспел лишь в том, что сосредоточил на себе враждебность клерикалов, которая была усилена враждебностью первого консула Бонапарта, политике которого он противостоял. Годой, который начал опасаться его как соперника и которого раздражали некоторые неосторожные шутки, отказался от своей поддержки. Три инквизитора возбудили против него тройное судебное преследование, и в декабре 1801 года он пал. Его отправили в Пампелуну, в камеру, которую занимал

Флоридабланка, и там он пролежал год или два, лишенный огня, ламп, книг и письменных принадлежностей. Он был освобожден под наблюдением; в 1808 году он отказался сопровождать Карлоса и Фернандо в Байонну, но он присутствовал там на так называемой Хунте знати, принял французское господство, занимал пост государственного секретаря и вместе с другими *африканцами* искал убежища во Франции в 1813 году, умерев в Париже в 1817 году. [873]

Из всего этого очевидно, что оппозиция инквизиции набирала силу и смелость, но ее основы были слишком глубоки и прочны, чтобы их можно было свергнуть без потрясений, которые разрушили бы социальную структуру. Благонамеренная, но несколько абсурдная попытка была предпринята Грегуаром, конституционным епископом Блуа, чей пламенный католицизм в сочетании с не менее пламенным либерализмом оказали столь важную услугу в проведении Церкви Франции сквозь бури Революции. В 1798 году он направил письмо генеральному инквизитору Испании, призывая к подавлению инквизиции и всеобщей терпимости в качестве предварительного шага к освобождению Испании от деспотизма и к тому, чтобы позволить ей занять свое место среди наций, восстановивших свои права. Это было переведено на испанский и распространено несколькими тысячами экземпляров; возможно, это привлекло некоторых тайных сторонников, но единственным видимым результатом было получение нескольких ответов. Одно из них, написанное Педро Луисом Бланко, более или менее вежливо посоветовало Грегуару не лезть не в свое дело; заверило его, что, если инквизиция будет подавлена, Испания останется такой же нетерпимой, как и прежде, и утверждало, что ни один испанец никогда не представлял, что для обращения в христианство можно использовать принуждение. Вероятно, именно это, смешанное с искусным преклонением перед королем и его министрами, обеспечило автору в 1800 году епископат Леона. [874] Был также анонимный *“Историко-правовой дискурс”*, очевидно, написанный хорошо информированным инквизитором, вероятно, Риеско из Льерены. Это была самая рациональная история инквизиции из всех, что когда-либо появлялись, хотя она уверяет нас, что опыт показал, что кающиеся были наиболее благодарны за проявленную к ним благосклонность и что это был трибунал, исполненный мягкости, средоточие великодушия, сострадания и милосердия, но также и справедливости. [875]

Третьим был Лоренцо Вильянуэва, калификатор трибунала Валенсии, чья защита чтения Священного Писания упоминалась выше. Она была опубликована под прозрачным псевдонимом Лоренцо Астенго, именем его матери. Учитывая его последующую карьеру, небезынтересно наблюдать его возмущение пропагандой терпимости и его дифирамбическое осуждение ужасов, к которым привел философизм в утверждении свободы человека. Первая часть его работы представляет собой страстную и риторическую защиту преследований, подкрепленную обширными знаниями. Он энергично осуждает современные философские теории и права человека — после первородного греха, спрашивает он, какие права есть у человека, кроме как на рабство, на наказание, на гибель? Поэтому он подробно борется с доктриной суверенитета народа, которую он клеймит как бред, мечту и обман. И все же он признает, что инквизиция несовершенна — что она совершала ошибки по неосторожности, поневежеству, из-за чрезмерного рвения и из-за человеческой слабости, и что она помешала развитию некоторых вещей, которые помогли бы процветанию нации. [876] Если, как утверждалось, он ожидал епископства в награду за это, он был разочарован.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Таким образом, в тот период инквизиция была инертна, и само ее существование, казалось, находилось под угрозой, но ее потенциал зла не уменьшался. Это все еще было объектом ужаса для всех, склонных к либеральным взглядам, и консерваторы рассматривали его как оплот, защищающий страну от наплыва современной мысли.

Каким бы слабым оно ни казалось на первый взгляд, мы увидим, насколько длительной и упорной была борьба, потребовавшаяся для его окончательного подавления.

Кортесы.

Мирный договор в Фонтенбло от 27 октября 1807 года расчленил Португалию, южная часть которой должна была достаться Годю в качестве независимого королевства, а северная - королю Этрурии (Фердинанду Пармскому). Наполеон послал Жюно с армией, которая в сопровождении испанских войск быстро захватила страну, когда Жюно издал указ, объявляющий Португалию присоединенной к империи. Одновременно французские армии под командованием Дюпона и Монси вошли в Испанию и заняли крепости Пампелуна, Барселона, Фигерас и другие места. Мюрат был назначен главнокомандующим и овладел Мадридом. Беспорядки в Аранхуэсе лишили Годя власти, и 19 марта 1808 года Карлос отрекся от престола в пользу своего сына Фернандо VII, восшествие на престол которого было с энтузиазмом воспринято нацией. Богарне, французский посол в Мадриде, и Мюрат, однако, отказались признать его; Карлос заявил Наполеону, что его отречение было вынужденным; различными способами Карлоса и его королеву, Фернандо и его младшего брата Дона Карлоса вынудили отправиться в Байонну, чтобы предъявить свои соответствующие претензии императору. Там, 5 мая, Фернандо был вынужден отречься от короны своему отцу, а последний передать ее Наполеону. Карлоса и Марию Луизу отправили в Компьень, а Фернандо - в Валенсе, где он оставался до 1814 года. Тем временем в Мадриде Мюрат, следуя инструкциям, приказал инфантам Антонио и Франсиско, оставшимся членам королевской семьи, отбыть в Байонну 2 мая. Возмущенное население поднялось с помощью нескольких офицеров и солдат, и после доблестной борьбы с ветеранами Наполеона восстание было подавлено жестокой резней, за которой последовали многочисленные казни. Героический "Дос де Майо" стал сигналом сопротивления захватчику, и через несколько недель Испания была охвачена пламенем; началась отчаянная шестилетняя освободительная война, и нация показала, на что способен народ, брошенный своими неспособными и трусливыми правителями. С солдатским презрением к неорганизованному ополчению Наполеон осуществлял свои планы. Жозеф был вызван из Неаполя, чтобы занять вакантный трон, и был признан королем Собранием знати, созванным в Байонне в июне, которое преобразовалось в Кортес и приняло Конституцию.

Это краткое изложение ситуации необходимо для понимания позиции инквизиции. Какими бы ни были взгляды некоторых местных трибуналов, центральный орган смирился с навязчивым доминированием и была *francesado* — термин, который для патриотов стал символом самого горького презрения. Конституция Байонны предусматривала, что на испанских территориях не должна допускаться никакая религия, кроме Римского католицизма. Раймундо Этенард, декан Suprema, был членом Совета, и, когда он приносил присягу на верность Джозефу, последний заверил его, что Испании повезло в том, что там почитается только истинная вера. Когда рассматривалась Конституция, два члена парламента, Пабло Аррибас и Хосе Гомес Эрмосилья, выступали за подавление инквизиции, но Этнар и его коллеги по инквизиции, Галарса, Хевия Норьега и Амарильяс, успешно выступили против этого, хотя и признали, что в соответствии с

общественным мнением его процедура должна быть приведена в соответствие с процедурой духовных судов по уголовным делам. [877]

ПОДАВЛЕНИЕ НАПОЛЕОНОМ

Таким образом, инквизиция считала себя в безопасности и искренне поддерживала наполеоновское правительство. После кровавого подавления мадридского восстания 2 мая оно поспешило нейтрализовать произведенное впечатление, и 6-го числа Верховный суд направил трибуналам циркулярное письмо, в котором охарактеризовал это дело как скандальное нападение низшей черни на войска дружественной страны, которые никого не оскорбляли и соблюдали строжайший порядок и дисциплину. Такие демонстрации, говорилось в нем, могут привести только к беспорядкам и подрыву доверия к правительству, которое было единственным, кто мог выгодно направлять патриотическую энергию. Поэтому трибуналам было поручено внушить своим подчиненным, а также комиссарам и приближенным в их округах настоятельную необходимость единодушного содействия сохранению общественного спокойствия. Это сообщение было получено трибуналом Валенсии 9 мая, а 11-го оно было зачитано собравшимся должностным лицам, калификадорам, нотариусам и простым жителям города с призывами строго выполнять его распоряжения - действия, которые, несомненно, были предприняты другими трибуналами. [878]

Таким образом, инквизиция оставалась в Мадриде под защитой французского оружия, но свобода ее действий была ограничена. Абате Марчена, прекрасный ученый-классик, но революционер с примесью атеизма, покинул Испанию в начале Французской революции и едва избежал гильотины во время террора. Он вернулся в 1808 году в качестве секретаря Мюрата, когда инквизиция сочла нужным арестовать его, но Мюрат прислал отряд гренадеров и насильно освободил его. [879] Когда Наполеон достиг Мадрида 4 декабря 1808 года, капитуляция, предоставленная городу, предусматривала, что никакая религия, кроме католицизма, не должна допускаться, но в тот же день он издал указ, который подавлял инквизицию, как противоречащую суверенитету и гражданской власти, и конфисковал ее имущество в пользу короны. [880] Инквизитор Франсиско Риеско заявил во время дебатов в кортах Кадиса, что этот внезапный указ был мотивирован отказом членов Верховного суда принести присягу на верность новой династии, но это, очевидно, неверно, поскольку большинство из них уже сделали это в Байонне, а Арсе-и-Рейносо, подавший в отставку со своего поста генерального инквизитора, присоединился к французам и сопровождал их при окончательной эвакуации. Риеско далее утверждает, что Наполеон приказал заключить их в тюрьму, но они сбежали и разбрелись по безопасным местам. [881] Таким образом, инквизиция оказалась в аномальном положении и без главы, поскольку переписка с Пием VII была прервана, и ни о его принятии отставки Арсе, ни о передаче полномочий преемнику не могло быть и речи. Центральная хунта, стремившаяся управлять страной, попыталась заполнить вакансию Педро де Кеведо-и-Кинтано, епископом Оренсе, но он не смог получить разрешения папы и не предпринял никаких попыток действовать. Утверждалось, что во время вакансии юрисдикция Верховного суда сохранялась, но в этом было отказано, и это оставалось открытым вопросом. [882]

В течение последующего периода трибуналы сохраняли свою организацию и выполняли свои функции таким образом, когда этому не препятствовала французская оккупация. Таким

образом, когда захватчики достигли Севильи 1 февраля 1810 года, инквизиция была подавлена, но ее члены укрылись в Сеуте. Валенсия оставалась действующей до тех пор, пока город не был захвачен Суше в 1811 году, в то время как Барселона в свое время перешла к Таррагоне. Активность была прерывистой, и в волнении того волнующего времени было мало энергии для преследования ереси, в то время как, даже когда враг отступал, во многих случаях здания были разрушены. Архив Валенсии показывает, что общее количество дел, переданных на рассмотрение всех трибуналов в 1808 году, составляло 67; в 1809 году - 22; в 1810 году - 17; в 1811 году - 25; в 1812 году - 1; в 1813 году - 6. Вероятно, немногие из этих дел рассматривались регулярно, если судить по делу дона Висенте Вальдеса, капитана добровольцев, который в 1810 году был обвинен трибуналом Валенсии в богохульных высказываниях. 27 октября было приказано, что, принимая во внимание обстоятельства, следует дожидаться подходящего случая *для проверки грузов*, запрошенной налоговым управлением, — отсрочка, которая оказалась затяжной, поскольку суд над ним состоялся только в 1816 году. [883] Тем не менее, когда дело касалось самой инквизиции, она могла действовать быстро и эффективно. В 1809 году французы овладели Сантьяго. Фелипе Собрино Табоада, профессор гражданского права в университете, исполнял обязанности полицейского магистрата и по приказу генерального директора полиции издал прокламацию, призывающую народ сложить оружие и восхваляющую подавление инквизиции. Когда француз вышел на пенсию, университет отказался вновь принять его на свою кафедру. Он добился решения трибунала общественной безопасности Коруньи о его восстановлении в должности, а затем инквизиция арестовала его без соблюдения предписанных предварительных формальностей и продержала пять месяцев в секретной тюрьме. Впоследствии ему разрешили использовать свой дом в качестве тюрьмы, и, когда, наконец, границы были расширены до провинции Галисия, это было при условии, что он не будет занимать никаких государственных должностей. [884]

СОБРАНИЕ КОРТЕСОВ

Центральная хунта, которая пыталась управлять, несмотря на сильное противодействие партикуляристских тенденций провинциальных хунт, удалась в Кадис, когда французы оккупировали Андалусию.

1 января 1810 года он издал указ о созыве судов, а 31-го распустил его, назначив Регентство и возложив на него обязанность созвать суды к 1 марта. Регентство откладывало до тех пор, пока, вынужденное давлением общественного мнения, 18 июня не опубликовало указ о проведении выборов там, где они не проводились, и созыве депутатов на встречу в августе на острове Исла-де-Леон, ныне Сан-Фернандо, недалеко от Кадиса. Избирательное право было практически всеобщим, и в письмах о созыве нацию призывали собраться в генеральных округах “для установления и улучшения основной конституции монархии”, в то время как комиссии делегатов уполномочили их решать все вопросы, содержащиеся в письмах, и все другие без исключения или ограничения. [885] Кортесы соответственно приняли титул Величества, как воплощающие волю народа и занимающие трон отсутствующего суверена. Когда они были открыты 24 сентября, присутствовало около ста депутатов, две трети из которых были избраны провинциями, не оккупированными французскими армиями, а остальные были выбраны в Кадисе из числа уроженцев непредставленных округов, включая колонии, которые тогда более или менее открыто восстали, в то время как, поскольку перипетии войны позволяли, депутаты

прибывали из округов, поначалу непредставленных. В целом, орган справедливо отражал существующее общественное мнение. Либералов было сорок пять, и большинство состояло из священнослужителей, представителей привилегированных классов и государственных служащих. [886] Это был неизбежно опасный эксперимент, этот внезапный рывок Испании со старых швартовов и запуск ее в бурные воды современных идей под руководством людей, не имеющих подготовки или опыта самоуправления. Серьезные ошибки были неизбежны, а их конструктивная работа была идеалистической и обречена на провал — провал, который неизбежно должен был привести к крови и страданиям. Однако в тот момент не было никаких опасений, и Кордоны рассматривались как спасение нации. [887]

Присяга, данная членам клуба, обязывала их поддерживать католицизм как исключительную религию Испании и сохранять для их любимого монарха Фернандо VII все его владения. Их первым актом было принятие серии из пяти резолюций, предложенных священнослужителем Диего Муньосом Торреро, ректором Университета Саламанки, одна из которых предусматривала сохранение Регентства в качестве исполнительной власти после принесения присяги, признающей суверенитет нации, воплощенный в Кортах, и обещающей подчиняться их постановлениям. Вместо того, чтобы сделать это, регентство предложило разогнать Кортес, но угрожающий вид народа и армии заставил их передумать, и в ту же ночь они принесли присягу, за исключением непримиримого консерватора Кеведо, епископа Оренсе, который подал в отставку как с регентства, так и с Кортеса. Его отставка была принята, но он был вынужден принести присягу, требуемую от всех прелатов и должностных лиц, прежде чем ему разрешили удалиться в свою епархию. Было очевидно, что Кортес и Регентство не могут работать вместе; 28 октября последнее было распущено, его состав сократился с пяти до трех и было установлено новое Регентство, с которым Кортес могли работать в гармонии. [888]

ИНКВИЗИЦИЯ АТАКОВАЛА

После урегулирования отношений с другими государственными ведомствами кортесы в первую очередь обратили внимание на свободу прессы. Через два дня после открытия сессии этот вопрос был внесен на рассмотрение комитета; не теряя времени, 8 октября было опубликовано постановление, а 18-го, несмотря на заявления оппозиции, оно было принято 68 голосами против 32. Это было расценено как предварительная атака на инквизицию, которая, таким образом, была косвенно лишена функции цензуры. Некоторые члены Совета пожелали, чтобы это было четко заявлено, что вызвало жаркие дебаты, в ходе которых инквизитор Риеско, член Суда, тщетно умолял о каком-либо почетном упоминании Святой Канцелярии. Было также возмущение, вызванное положением, подвергающим запрет епископов пересмотру светской властью, что подрывало неотъемлемые права Церкви, решения которой окончательны. [889] Если это действительно был первый шаг в кампании против инквизиции, то он не был неумелым, поскольку дал волю рукам, которые до сих пор были скованы. Сразу же возникла толпа памфлетистов и журналистов не только в Кадисе, но и по всей Испании, которые безжалостно атаковали это учреждение, подняв шум, который показал, насколько жестокими были репрессии. В стойких защитниках недостатка не было, и словесная война велась энергично. Двумя наиболее выдающимися сторонниками с обеих сторон были Антонио Пучбланш, который под псевдонимом Натанаэль Джомтоб выпустил серию брошюр, собранных под названием “Грех инквизиции” Маскара“ или ”Инквизиция разоблачена“, и падре маэстро Фрай Франсиско

Альварадо, доминиканец с высокой репутацией ученого и красноречивого, чьи письма под именем *Эль Философо Рансио* или Философ-старик, продолжали в течение двух лет поддерживать борьба против всех нововведений либералов. [890]

Пучбланш не был исключением из общего правила, согласно которому те, кто нападал на инквизицию, старались проявлять высочайшее почитание веры и никоим образом не пропагандировали веротерпимость. Его работа начинается с красноречивого описания религии как основы всех гражданских конституций и католицизма как благороднейшего украшения просвещения и свободы, вопрос лишь в том, является ли инквизиция подходящим институтом для их защиты. Он старается до последнего сохранять свое отвращение к ереси и стремление к ее подавлению, что он предлагает осуществить путем восстановления епископальной юрисдикции с определенными ограничениями. [891] При всем этом его осуждение инквизиции было беспощадным, и у него было достаточно зверств, которыми он оправдывал свои атаки, хотя было несправедливо приписывать ей в девятнадцатом веке жестокости, запятнавшие ее предыдущую карьеру.

Альварадо был человеком обширной образованности, но мало претендовал на звание философа, будь то древнего или современного. Хотя его методы были не таковы, чтобы обращать в свою веру, они были хорошо приспособлены для стимулирования сторонников на его стороне, поскольку он был эффективным партизанским писателем, беглым, саркастичным, часто грубым, вульгарным и бранным, использующим утверждения вместо аргументов и безразличным к истине. Главная ценность его писем - это поток света, который они проливают на консервативные настроения того времени, что многое объясняет в последующих превратностях Испании. Философы, говорит он, - это волки, грабители и дьяволы, чудовища, на которых нельзя смотреть без ужаса, просветители, которые не что иное, как невежды, мошенники и эмиссары, посланные адом. Стремление подорвать доверие населения к священству, по его мнению, является преступлением более тяжким, чем распятие Христа. Свиристость его нетерпимости показывает, как мало испанские церковники изменились со времен Торквемады. Что касается отношений религии и государства, он предполагает, что единственная функция гражданской власти - наказывать того, кто оскорбляет веру; католическая религия так же нетерпима, как свет к тьме или как истина ко лжи, и эта нетерпимость отличает ее от всех религий, изобретенных человеком. Неоднократно и яростно он провозглашает, что сожжение - правильное средство от неверия, и он говорит своим противникам, что, если они желают свободы мысли, они могут отправиться в Англию или в Соединенные Штаты, но в Испании их ожидал *кемадеро*. [892] Такая пропаганда могла бы только усилить стремление либералов выполнить свою работу.

КОНСТИТУЦИЯ 1812 ГОДА

В то время как этот спор способствовал большому просветлению или затемнению общественного мнения, Кортесы были заняты разработкой Конституции. В комитете, на который была возложена эта задача, было большинство консерваторов, включая нескольких священнослужителей, но они были вполне готовы ограничить королевскую власть, стремясь при этом расширить привилегии Церкви, и все члены подписали представленный проект. [893]

Он начался с утверждения суверенитета нации, которая имела исключительное право устанавливать свои основные законы и никогда не могла быть достоянием какого-либо лица или семьи, и в нем утверждалось, что религией нации была и всегда будет католическая, апостольская, римская, единственно истинная, которую нация защищает мудрыми и справедливыми законами и запрещает исповедовать любую другую. [894] Эта очевидная уступка нетерпимости была слишком поздно разоблачена как ловушка, поскольку она давала в руки представителей нации право решать, какими должны быть мудрые и справедливые законы для защиты религии. Как бы то ни было, корты были полны решимости не отказываться от принятия новых рамок правления. На секретном заседании 16 марта 1812 года было постановлено, что всякий, кто откажется присягнуть ему, должен быть объявлен недостойным испанцем и изгнан из Испании, и были приняты меры к тому, чтобы его зачитали в каждой приходской церкви, где собравшиеся люди должны были поклясться повиноваться ему и быть верными королю. Когда французские армии были отброшены назад, испанское командование сочло своим первым долгом проследить за исполнением этой церемонии, а там, где возникало сопротивление, главным образом со стороны священников, применялась сила. Священник Кадисского собора, который пренебрежительно отозвался о ней как о *libelo*, или маленькой книжке, был привлечен к ответственности, а непримиримый епископ Оренсе, отказавшийся принести присягу, был сослан и объявлен недостойным испанцем. В целом, однако, это было с энтузиазмом воспринято как начало новой эры, хотя мы вполне можем задаться вопросом, многие ли из тех, кто принимал присягу, понимали смысл ее трехсот восьмидесяти четырех статей, охватывающих все сложные детали институтов, основанных на совершенно новой концепции отношений между правительством и управляемыми. [895]

Было неизбежно, что в усилиях по созданию новой Испании должна была быть затронута судьба инквизиции, тем более что ее инвалидное состояние грозило нападениями. То, что назревала борьба, давно было очевидно для всех сторон, и то, что это считалось решающим фактором для характера будущих институтов Испании, видно по упорству, с которым за это боролись. Инквизиция была оплотом консерваторов, который следовало защищать до последнего, после того как все внешние укрепления были отброшены, и глубокие корни, которые она пустила, проявляются в тактике, необходимой для ее свержения, и в том факте, что борьба была самой ожесточенной и продолжительной в карьере Кортесов, которые так бесцеремонно превратили Испанию из абсолютизма в либеральный конституционализм.

Консерваторы провели некоторую подготовку к борьбе. Первое регентство попыталось воссоздать все старые Советы монархии, и 10 июня 1810 года Этнард, декан Супремы, направил ему памятную записку с просьбой распорядиться о повторном созыве Супремы, на что оно отреагировало 1 августа изданием такого приказа. Разрозненность членов препятствовала этому, но, когда первые действия Кортеса предвещали то, что должно было произойти, 18 декабря Этенард и Амарильтас попросили новое регентство назначить членом совета фискала Ибара Наварро, а фискалом мадридского инквизитора Галарсу, что позволило органу возобновить свои функции. Поскольку на это не было обращено никакого внимания, старый член церкви Алехо Хименес де Кастро, который был сослан Годоем в Мурсию, был доставлен из своего убежища в Кадис, чтобы иметь материал для кворума. Случай воспользоваться этим представился в январе 1811 года. Свобода прессы позволила дону Мануэлю Альзаибару основать “Тройственный альянс”, откровенно нерелигиозный журнал, во втором номере которого появилась статья, высмеивающая бессмертие души и право голоса за умерших. 28 января этим воспользовались, чтобы попросить суд передать дело инквизиции для вынесения

порицания, которое было вынесено, несмотря на противодействие. На следующий день редакторы потребовали отменить акцию, что привело к трехдневным дебатам, в ходе которых инквизиция была объявлена таинственным, жестоким и антихристианским трибуналом и впервые открыто пропагандировалось ее подавление. Президент Доу постановил, что инкриминируемый журнал должен быть передан Цензурной хунте, поскольку он понимал, что инквизиция не была организована, когда ему сказали, что в Кадисе находятся три члена Верховного суда, а севильский трибунал находится в Сеуте. Это вызвало более серьезные вопросы, и все дело было передано комитету в таком составе, что ожидалось, что он выступит против восстановления, но он долгое время скрывал свой отчет, а тем временем в игре были другие ходы. [896]

ПЕРЕСТРЕЛКА ЗА ПОЗИЦИЮ

16 мая члены Suprema уведомили Регентство о том, что они готовы действовать, в ответ на что министр изящества и юстиции выразил свое удивление по поводу того, что они должны собраться в качестве трибунала, не дожидаясь решения вопросов, представленных в Суды, и запретил им формировать Совет до тех пор, пока они не получат специального разрешения. [897] Дело было передано в суд, и инквизитор Риеско тщетно отстаивал инквизицию; его ходатайство было передано в комитет, где оно было похоронено, несмотря на неоднократные призывы представить отчет. Либералы настаивали на том, что Национальный совет был бы более подходящим органом для зрелого рассмотрения таких вопросов; их целью было исключительно выиграть время, которое было на их стороне, но эта идея была серьезно воспринята даже клерикалами. Комитет по внешней дисциплине духовенства 22 августа сообщил в пользу проекта список вопросов, которые должны быть представлены на рассмотрение Собора; 28 августа Кортес распорядился созвать его, но отложил рассмотрение деталей. Последовали другие дела, и никаких дальнейших действий предпринято не было, что, по заверению архиепископа Велеса, спасло Испанию от раскола или, по крайней мере, от скандала, поскольку в соответствии с предложенной программой это привело бы ко второму Синоду Пистокси. На самом деле, журналы, естественно, проявили живой интерес к этому вопросу; как нам сказали, повсюду появились тысячи брошюр, указывающих на злоупотребления и распущенность нравов духовенства и требующих реформы, которая считалась необходимой. Легко представить, что церковные власти были готовы отказаться от проекта. [898]

Принятие Конституции в марте 1812 года значительно укрепило позиции либералов, что было наглядно продемонстрировано в следующих дебатах об инквизиции. Это было спровоцировано публикацией в апреле 1812 года "Критико-бурлескного словаря" Гальярдо, библиотекаря Кортеса, в котором все, что основная масса населения считала священным, подвергалось насмешкам, не утонченным и не остроумным. Это вызвало огромную сенсацию и было передано в Суд, что позволило Риеско 22 апреля потребовать немедленного представления доклада комитета по делам инквизиции, которого Суд ждал более года. Фактически, в июле 1811 года комитет принял решение в пользу инквизиции, и нам не сообщается, почему оно было отложено, поскольку с ним согласились четыре члена, и только Муньос Торреро выразил несогласие. Соответственно, был представлен доклад, восстанавливающий Верховную власть в ее функциях с определенными ограничениями в отношении политических действий; дебаты были жаркими, но либералы приняли меры предосторожности, чтобы избежать прямого голосования по этому вопросу. В указе от 25 марта о создании верховного суда они ввели

статью, запрещающую трибуналы, известные под названием советов, и указали, что это касается Верховного суда, что дает широкие возможности для обсуждения. Еще более важным было решение кортов, искусно спланированное специально для этой цели, 13 декабря 1811 года, во время обсуждения Конституции, о том, что никакие предложения, касающиеся основного закона, не должны допускаться к обсуждению без предварительного рассмотрения комитетом по Конституции, чтобы убедиться, что они не противоречат его статьям. Общеизвестно, что процедура дознания прямо противоречила конституционным положениям об обеспечении справедливости при уголовном преследовании, и после захватывающей борьбы и отсрочки доклад был передан в комитет по конституции. Консерваторы были настолько раздражены, что предложили распустить Корты и провести новые выборы в соответствии с Конституцией, с чем либералы согласились, за исключением того, что новый орган должен собраться 1 октября 1813 года, а существующий должен оставаться на сессии до тех пор. Архиепископ Велес говорит нам, что политика либералов заключалась в том, чтобы выиграть время, поскольку их личная безопасность была поставлена на карту в случае восстановления инквизиции, и при этом он не признает, насколько чудовищным было допущение, связанное с этим, поскольку учреждение, которое могло преследовать и наказывать законодателей за их официальные действия, было фактически деспотом страны. Несомненно, депутаты чувствовали это и то, что борьба шла не на жизнь, а на смерть. [899]

Таким образом, фланг противника был умело обойден. Комитет по конституции не спешил с отчетом и занялся сбором документальных материалов из архивов, где только можно. Суд пришел к выводу, что инквизиция несовместима с основным законом, и 13 ноября проголосовал за проект создания “Защитных трибуналов государства” в соответствии с конституционными требованиями. Наконец, 8 декабря были представлены два доклада. “Дело меньшинства” Антонио Хоакина Переса, который был инквизитором в Мексике, утверждал, что злоупотребления инквизиции не были присущи ей по природе; что ее процедура противоречит Конституции и поэтому должна быть соответствующим образом изменена. [900]

ДЕБАТЫ О ПОДАВЛЕНИИ

Отчет большинства представлял собой очень подробный документ, прослеживающий отношение к ереси с древнейших времен и указывающий на непримиримую несовместимость инквизиции с конституционными положениями, гарантирующими гражданину право на открытый судебный процесс и возможности для защиты. В заключение был представлен проект декрета “О соборном трибунале протекторатов государства”, в котором была сочтена необходимой такая осторожность, что инквизиция нигде не упоминалась. Он воззвал к национальной гордости, просто возродив закон Партий о преследовании еретиков епископами, он предписал форму и процедуру епископских трибуналов, наказание народными заседателями тех, кто признан виновным, и он предусматривал апелляции, а также запрет сочинений, противоречащих религии. Доклады были должным образом получены, и 4 января 1813 года было назначено начало прений. [901]

Вероятно, ни одно решение Суда до этого не вызывало столь ожесточенных и длительных дебатов. Либералы обеспечили себе преимущество позиции, а консерваторы считали, что этот вопрос затрагивает все будущие отношения Церкви и государства. Предварительная перепалка произошла 29 декабря, когда Санчес де Оканья попросил об отсрочке до тех пор, пока не удастся проконсультироваться с епископами и капитулами, на том основании, что Церковь

является независимым органом. [902] Этот вопрос был отклонен, и дебаты были открыты в назначенный день, 4 января 1813 года. Друзья инквизиции не сидели сложа руки; церковная организация находилась в хорошем рабочем состоянии, и суды были засыпаны памятными записками от епископов, капитулов, аюнтаменто, военных офицеров, городов и провинций, свидетельствующими о том, насколько активной была агитация в течение двух лет, в течение которых обсуждалась эта тема. Тем не менее, консерваторы смогли добиться протестов только от двух архиепископов и двадцати четырех епископов, властей трех вакантных кафедр и четырех капитулов из тех, что заняты французами; в то время как число офицеров армии было невелико, выходцы из городов составляли лишь небольшую часть муниципалитетов, и только две провинции — Алава и Галисия — говорили через свои власти. 10 января Муньос Торреро заявил, что каждая почта приносила ему горы писем в пользу инквизиции, и Торено рассказал о поступавших заявлениях, показывающих, как к подписавшим протесты применялось принуждение. [903]

Дебаты были энергичными и красноречивыми с обеих сторон, но, хотя они охватывали самый широкий круг вопросов, охватывая историю Церкви с апостольских времен и карьеру инквизиции с XIII века, парламентский вопрос на самом деле касался власти Кортесов вторгаться в сферу церковной юрисдикции. После обсуждения предварительных предложений, длившегося до 22 января, сам декрет был рассмотрен статья за статьей и подвергся ожесточенной борьбе; были представлены поправки, которые принимались или отклонялись, поскольку они усиливали или ослабляли меру, и было оказано горячее сопротивление положениям, разрешающим обжалование решений епископов, которые либералы поддержали на том основании, что все члены, выступавшие против инквизиции, были осуждены по всей Испании как еретики, а безопасность граждан требовала, чтобы определение ереси епископом не было окончательным. Обсуждение продлилось до 5 февраля, когда была согласована последняя статья, и постановление в его окончательной форме по существу не отличалось от того, которое было предложено Комитетом. Формального подавления инквизиции не было; она просто была объявлена несовместимой с Конституцией, и закон Partidas был возрожден. Последнее было согласовано 26 января 92 голосами против 30, и эта дата считалась определяющей прекращение деятельности инквизиции, регулирующей распоряжение ее имуществом. Не стоит перечислять подробности епископальных трибуналов и положений о цензуре, поскольку епископы мало интересовались осуществлением своей восстановленной юрисдикции, хотя есть следы их действий в одном или двух делах — Хоакина Рамиреса, священника Москардона, и доньи Антони де ла Торре из Севильи. [904] В течение семнадцати месяцев, прошедших до восстановления инквизиции, нам сказали, что, хотя страна была полна масонов и других антикатоликов, у епископов не было повода никого арестовывать, поскольку никакие информаторы или обвинители не выступили - несомненно, потому, что они понимали, что их имена будут известны. [905]

ИНКВИЗИЦИЯ ПОДАВЛЕНА

В ходе дебатов несколько священнослужителей отличились своей умелой защитой этой меры, среди которых были выдающийся Муньос Торреро, сыгравший ведущую роль в разработке указа; Лоренцо Вильянуэва, защищавший инквизицию от епископа Грегуара, и Руис Падрон,

приходской священник Вальдеорраса в Галисии, а ранее - на Канарах. Как они поступили в результате, мы увидим позже. С другой стороны, одним из самых яростных был Педро Ингуанцо, который был награжден престолом Саморы и, в конечном счете, архиепископством Толедо.

Либералы одержали свою победу неожиданно большим большинством голосов, что свидетельствует о том, насколько велико было продвижение общественного мнения. Никакая мера не вызывала такого накала чувств соеих сторон; ликование либералов было чрезмерным, а гнев клерикальной партии можно оценить по декламации архиепископа Велеса, который так неистовствует, как будто на карту поставлена вся судьба христианства — мерзость запустения, заявляет он, казалось, утвердила свой трон в самом доме Божьем. [906] Духовенство уже было отчуждено различными мерами, противоречащими их интересам — выделением части десятины на поддержку армий, изъятием имущества монастырей, разрушенных захватчиками или имеющих менее двенадцати насельников, и отменой Voto de Santiago, налога на земледельцев в некоторых провинциях, основанного на мошеннической традиции взимания налога с населения. клятва, данная Рамиро I, когда с помощью святого Иакова он одержал предполагаемую победу при Клавихо. [907] Дебаты об инквизиции усилили репутацию Кортеса как нерелигиозной организации, и было неразумно еще больше разжигать враждебность класса, обладающего таким преобладающим влиянием, но либералы, опьяненные своей победой, продолжили делать эту меру как можно более оскорбительной для побежденных клерикалов.

5 февраля, после окончательного голосования, комитету по конституции было поручено подготовить манифест с изложением причин подавления инквизиции, который вместе с указом должен зачитываться во всех приходских церквях в течение трех воскресений подряд, перед началом мессы; что во всех церквях должны быть сняты знаки отличия осужденных и подвергнутых епитимье и что должен быть составлен отчет о распоряжении архивами трибуналов. Подготовка манифеста отложила публикацию декрета до 22 февраля, поскольку это был длинный и многословный документ, в котором упадок Испании приписывался злоупотреблениям инквизиции; таким образом, древние законы были возрождены, вернув их юрисдикцию епископам, в руках которых католическая вера и ее возвышенная мораль были бы в безопасности; Религия процветала бы, процветание вернулось бы, и, возможно, это изменение когда-нибудь привело бы к религиозному братству всех народов. [908]

Вскоре проявилась неосторожность этого шага, поскольку он предоставил Церкви поле битвы, на котором можно было оспорить не только прочтение манифеста, но и исполнение самого декрета, а в случае поражения - занять выгодную позицию мученичества. Оппозиция уже некоторое время находилась в стадии подготовки. Еще 12 декабря 1812 года шесть епископов Лериды, Тортосы, Барселоны, Уржеля, Теруэля и Пампелуны, находившихся в безопасном убежище на Майорке, подготовили широко распространенный в частном порядке манифест, в котором Церковь представлялась оскорбленной в своих служителях, ущемленной в своих иммунитетах и отвергнутой в своих доктринах, в то время как янсенистские члены Кортеса были описаны как приверженцы Собора Пистокси. [909] Не успело состояться решающее голосование 5 февраля, как капитул вакантного престола Кадиса приготовился к состязанию по прочтению декрета и манифеста. Он уже назначил комитет из трех человек, наделенный всеми полномочиями, и теперь поручил комитету тайно поддерживать связь с епископами-беженцами в Кадисе и с другими отделениями с целью выработки совместных действий. В отделения Севильи, Малаги, Хаэна и Кордовы были разосланы письма, в которых говорилось, что

кадисское отделение готово стать жертвой, но будет усилено объединением других. Севилья ответил обещаниями сделать то же самое; остальные были более осторожны, поскольку чувствовали, что ступают на опасную почву.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА

Это несколько охладило пыл пламенного кадисского отделения, и оно обратилось за другой поддержкой. 23 февраля приходские священники и армейские капелланы Кадиса собрались и обратились к капитулу с пространной речью. Читать декрет и манифест было бы профанацией и унижительным раболепием. Папские конституции, учреждающие инквизицию, были обязательны для исполнения совестью верующих до тех пор, пока не были отменены тем же органом власти, и от этой обязанности светская власть освободить их не могла. Подчиниться означало бы подвергнуться риску ужасного святотатства и наказанию за противодействие инквизиции, наложенному Юлием III и Сикстом V; лучше было попасть в руки человека, чем в руки Бога, и они были готовы вынести любую участь, которая могла бы их постигнуть. Это был рядовой бунт, слегка смягченный выражением желания узнать мнение святых прелатов, находившихся в Кадисе. Капитул должным образом препроводил это обращение прелатам — епископам Калаорры, Пласенсии, Сан—Маркос-де-Леона, Сигуэнсы и Альбаррасина (Калаорра и Сан-Маркос были депутатами в Кортесы и подписали Конституцию), — заявив, что он разделяет те же чувства, и повторил запрос об их мнении. Епископы ответили осторожно и, по существу, посоветовали сделать представления правительству, которое можно было бы побудить изменить свои декреты. [910]

Времени оставалось все меньше, ибо 7 марта было назначено первым воскресеньем для оглашения декрета и манифеста. 3 марта было созвано капитулянтское собрание, на котором было единогласно решено подчиниться, но использовать положения, которые разрешают гражданам подчиняться, не приводя в исполнение, и почтительно изложить причины приостановления действий до дальнейшего определения. [911] Это был первый шаг в развитии довольно грозного сюжета, который был организован. 5 марта папский нунций Педро Гравина, архиепископ Никеи, обратился к регентству с весьма значительным протестом против самого указа. Отмена инквизиции, по его словам, противоречит главенству Святого Престола; он протестовал против этого и просил Регентство побудить суды приостановить ее публикацию и исполнение до тех пор, пока более счастливые времена не заручатся согласием папы римского или Национального совета. В тот же день он был виновен в неосмотрительности, когда написал епископу Хаэна и капитулам Малаги и Гранады, соблюдая строгий режим секретности, сообщив им о предполагаемом сопротивлении кадисского капитула и пригласив их к сотрудничеству. [912] На следующий день, 6 марта, капитул направил Регентству обращение священников и капелланов Кадиса с сообщением, в котором излагались причины, которые не только препятствовали выполнению мандата Кортеса, но и властно требовали от светской власти защитить Церковь и избавить ее от действий, порочащих ее честь и достоинство. святость. В нем утверждалось, что Орден не может быть обвинен в неповиновении за то, что он настаивал на духовном законе, который был более обязательным, чем мирской. [913]

Регентство, очевидно, участвовало в заговоре с целью свержения Кортеса с целью спасения инквизиции. Законодательная и исполнительная ветви власти отдалились друг от друга. Возникли разногласия по поводу подавления деятельности монастырей, и расследование, проведенное кортесами в отношении дел регентства, привело к появлению 7 февраля

компрометирующего сообщения. Либералы были убеждены, что оно планирует *государственный переворот*, когда в ночь на субботу, 6 марта, распространился слух, что оно отправило в отставку губернатора Кадиса Д. Каэтано Вальдеса и заменило его Д. Хосе Марией Алосом. Воскресенье прошло без зачитывания декрета и манифеста в церквях, а в понедельник министр изящества и юстиции направил в Корты сообщения капитула Регентству. Немедленно было объявлено о созыве постоянной сессии; корты отправили в отставку регентов и заменили их тремя старшими членами Государственного совета, кардиналом Луисом де Бурбоном, архиепископом Толедо, Д. Педро Агаром и Д. Габриэлем Сискарсом, которые немедленно принесли присягу и в 9 часов вечера вступили во владение своим офисом, причем уволенные регенты не оказали сопротивления. [914]

СОПРОТИВЛЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА

Таким образом, гармония между законодательной и исполнительной властью была восстановлена, и 9 марта кортес приказал регентству принудить к повиновению. Под угрозой принятия мер капитул уступил в 10 часов вечера и пообещал, что на следующее утро и в два следующих воскресенья декрет и манифест будут должным образом зачитаны. Его обязали предоставить подлинные копии всех бумаг и корреспонденции, на основании чего севильскому отделению был сделан резкий выговор, а 24 апреля против викария столицы Кадиса и трех членов комитета было возбуждено уголовное дело по обвинению в заговоре с целью государственной измены. Их временные права были изъяты, и в течение шести недель они находились в заключении, несравненно лучше. Судебный процесс тянулся до тех пор, пока реставрация Фернандо VII не сделала оправдательный приговор само собой разумеющимся и не позволила им в свою защиту заявить, что уничтожить инквизицию или препятствовать ее действиям в вопросах веры - это то же самое, что запретить юрисдикцию римского понтифика, тем самым растоптав догму, установленную Иисусом Христом. [915]

Полученные таким образом документы свидетельствовали о том, что нунций Гравина принимал активное участие в продвижении заговора сопротивления. Теперь, когда оно было разгромлено, политика диктовала бы прекратить это дело, но 22 апреля министр Изящества и юстиции направил ему резкое письмо, выражая уверенность Регентства в том, что он в будущем будет соблюдать пределы своей должности, поскольку в противном случае оно было бы вынуждено использовать все свои полномочия. На это он, конечно, ответил вызывающе; всякий раз, когда речь заходила о церковных делах, он мог оказаться вынужденным следовать тем же курсом, и Регентство могло поступать так, как ему заблагорассудится. Последовала еще какая-то переписка в том же духе, а затем, через некоторое время, ему были высланы его паспорта, изъяты временные документы и ему сообщили, что в его распоряжении находится фрегат "Сабина", который доставит его туда, куда он пожелает. [916] Он отклонил предложенный фрегат и обосновался в Португалии, недалеко от границы, откуда продолжал усердно сеять недовольство, предполагая, что все еще сохраняет свои функции нунция. 24 июля он обратился с протестом к правительству и разослал циркуляр епископам, приглашая их обращаться к нему в случаях, когда требуется его помощь. Это привело к оживленной полемике, в ходе которой правительство обвинило его во лжи, а он в ответ обвинил его во лжи и потребовал опубликовать документы. [917]

Это была далеко не единственная проблема, вызванная принудительным чтением указа и манифеста. Непокорных священников находили во многих местах, дела которых вызывали

бесконечное раздражение и вражду, а епископ Овьедо был заточен в монастырь за отказ от послушания. [918] Правительство восторжествовало, но это была пиррова победа, умножившая его врагов, укрепившая его репутацию безбожника и ослабившая его влияние. [919]

Результат был виден на выборах в новый *Суд ординариев*, когда вернувшиеся депутаты были в значительной степени реакционными из-за влияния клерикала. Однако было много вакансий, которые были заполнены старыми членами на соответствующие места, и, таким образом, партии были равномерно распределены. Новые корты встретились 26 сентября, а 29 ноября отложили заседание, чтобы встретиться в Мадриде 15 января 1814 года; регентство перешло в Мадрид 5 января. [920] К тому времени французы были практически изгнаны из Испании; Веллингтон последовал за Сультом во Францию, а Суше едва держался против Копонса в Каталонии.

Возвращение Фернандо эль Десеадо, очевидно, было близко, и его с нетерпением ожидали. Реакция, последовавшая за длительным волнением войны, начинала ощущаться. В опустошенных провинциях царил повсеместная нищета, облегчение которой было медленным и трудным и усугублялось декретом кортов, обязывавшим покоренных выплатить задолженность по военным контрибуциям. Недовольство кортами было вызвано тем, что считалось их грехами как в совершении, так и в бездействии — снижение стоимости французских денег вызвало большие страдания и неприятности; все, кто служил под началом интрузо, были отстранены от должностей; приходские священники были восстановлены в прежних должностях, что привело к появлению на улицах новых должностных лиц; люди начали роптать на преобладание либералов в кортах — короче говоря, недостатка в предметах для жалоб не было. [921] Истощение и бедность, неизбежные последствия столь длительной и отчаянной борьбы, вызвали недовольство, и было естественно, что те, кто вел нацию через ее невзгоды, должны быть привлечены к ответственности, в то время как об их заслугах следует забыть. Военные также были недовольны, обнаружив, что по окончании успешной войны они не имели того значения, которое, по их мнению, им причиталось, в то время как духовенство открыто выступало против и через два широко распространенных журнала, "Прокуратор Нации и короля" и "Аталайя Ламанчи", яростно атаковало правительство. [922]

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФЕРНАНДО

В течение всего этого периода существование Фернандо в Валенсии было настолько приятным, насколько это соответствовало его безопасности. Единственным ограничением на его передвижения был запрет ездить на лошади; Говорят, что Наполеон снабжал его женщинами, чтобы удовлетворить его сильно развитую чувственность, и он проявлял характерную для него низость в письмах своему похитителю, поздравляя его с победами и добиваясь чести заключить супружеский союз с его семьей. После битвы при Лейпциге Наполеон, стремясь спасти все, что мог, от крушения, сообщил Фернандо, что англичане стремятся превратить Испанию в якобинскую республику; Фернандо был готов согласиться на любые условия, и 11 декабря 1813 года было подписано то, что было известно как Валансайдский мирный договор, согласно которому между Францией и Испанией был объявлен мир, английские и французские войска должны были быть выведены, *Afrancesados*, которые нашли убежище во Франции, должны были быть восстановлены к их собственности и функциям, а Фернандо должен был выплачивать ежегодное пособие в размере 30 000 000 благодарит своих отца и мать. [923]

Фернандо отправил герцога Сан-Карлоса с договором в Мадрид для ратификации, проинструктировав его, что, если он обнаружит, что корты и регентство заражены якобинством, он должен настаивать на ратификации в чистом виде; если он найдет их лояльными, он должен сказать, что король желает ратификации, при том понимании, что впоследствии он объявит ее недействительной. Этот договор вызвал всеобщее возмущение. Еще 1 января 1811 года корты постановили, что они не признают никаких договоров, заключенных королем в плену, и что его нельзя считать свободным, пока он не будет окружен своими верными подданными в Кортесе. Теперь кортес ответил на послание Фернандо указом от 2 февраля 1814 года, переиздав предыдущий и добавив, что повиновение ему не должно оказываться до тех пор, пока он не принесет в Кортес присягу Конституции; по прибытии на границу ему должен был быть вручен этот указ вместе с копией Конституции, чтобы он мог прочитать и понять ее; он должен был следовать маршрутом, предписанным регентством, и, добравшись до столицы, он должен был прибыть прямо в Кортес, принести присягу, и тогда правительство будет сформировано торжественно переданный ему. Все это было согласовано практически единогласно; документ был подписан всеми депутатами и опубликован вместе с манифестом, денонсирующим мирный договор и выражающим самую горячую преданность королю. Публикация вызвала всеобщее возмущение договором, а манифест вызвал всеобщие аплодисменты. [924]

Для Фернандо, воспитанного в традициях абсолютизма, Валансайдский мирный договор был гораздо предпочтительнее приема, уготованного ему, но он не произнес ни слова несогласия, когда после того, как Наполеон освободил его без каких-либо условий 7 марта, 24 марта Сюше передал его на берегах реки Флювия Копонсу, генерал-капитану Каталонии. Однако он проявил волю, отклонившись от маршрута, установленного регентством, и сделал крюк в Сарагосу по дороге в Валенсию, но хранил абсолютное молчание относительно своих намерений. Повсюду его принимали с безумным энтузиазмом; люди идеализировали его как символ национальности, за которую они боролись на протяжении пяти лет безжалостной войны, и их безграничной преданности не было границ.

Реставрация.

Немногим людям было дано, как Фернандо, оказывать столь глубокое и продолжительное влияние на судьбы нации. Перед его предком, Генрихом IV, стояла более сложная задача, когда он взялся навязать гармонию соотечественникам, которые на протяжении целого поколения жестоко перерезали друг другу глотки. Фернандо приехал в страну, которая сплоченно вела войну против внешнего врага. Возникли разногласия относительно принятия или неприятия современных идей, и были сформированы партии, представляющие принципы консерватизма и новаторства; с обеих сторон допускались ошибки, и росло ожесточение, но мудрый и осмотрительный правитель, не склоняющийся ни к одной из сторон и с энтузиазмом встреченный обеими, мог бы изгнать демона фракционности, мог бы добиться компромисса и примирения и мог бы постепенно так обучить нацию, что она смогла бы мирно пережить ожидающую ее неизбежную революцию. Этому не суждено было сбыться. К сожалению, Фернандо был одним из самых низких и презренных существ, которые когда-либо позорили трон. Трусливый, вероломный, лживый, эгоистичный, предавшийся низменному разврату, управляемый камарильей грязных и безнравственных фаворитов, он преследовал единственную цель - обеспечить себе беспрепятственное осуществление произвольной власти

и злоупотреблять ею для чувственного удовлетворения. Жестоким он не был в смысле бессмысленного пролития крови, но он был бессердечно равнодушен к человеческим страданиям, и он заслужил имя Тигрекан, которым либералы стали называть его. [925]

РЕАКЦИЯ

Когда Фернандо приехал в Испанию, он, естественно, не определился с непосредственным отношением к изменениям, произошедшим за время его отсутствия, но энтузиазм, с которым его приняли, и влияние реакционеров, которые его окружали, придали ему смелости в решимости утвердить свою автократию. Во время путешествия было проведено несколько секретных совещаний, чтобы решить, должен ли он присягнуть Конституции, и отрицательное мнение возобладало. На самом деле, для человека с характером Фернандо добровольное подчинение Конституции было невозможным. В нем не только декларировалось, что суверенитет принадлежит нации с соответствующим правом определять ее основные законы, но и полномочия короны были ограничены во многих отношениях; суды оставляли за собой право исключать недостойных претендентов на престолонаследие и отстранять действующего президента по любой причине, делающей его недееспособным, — положения, допускающие самое опасное толкование. Действительно, в это самое время корты обсуждали вопрос о выделении королю средств на содержание его двора, что подразумевало право ставить его в самые невыносимые условия. [926]

Если что-то и требовалось, чтобы побудить его заявить о всей полноте власти, которой пользовались его предшественники, то это было предоставлено манифестом, известным как "Представительство персов", из-за абсурдного упоминания древних персов во вступительном предложении. Это было подписано шестьюдесятью девятью депутатами Кортесов; в нем пространно и с напыщенной риторикой излагались страдания, причиненные Испании либералами; в нем утверждалось, что все акты кортесов Кадиса недействительны; в нем указывались ограничения королевской власти, предписанные Конституцией, и утверждалось, что абсолютная монархия признается совершенством правления. В нем не было упущено заявить, что инквизиция необходима для поддержания религии, без которой не могло бы существовать ни одно правительство; он подробно остановился на беспорядках, последовавших за ее подавлением, и напомнил Фернандо, что со времен Готского королевства нетерпимость к ереси была постоянным законом нации. Даже если бы король счел за лучшее присягнуть Конституции, в манифесте протестовалось, что она недействительна и что ее разрушительные принципы должны быть вынесены на суд кортесов, собранных по старинному обычаю. Этот документ, датированный 12 апреля, был составлен и тайно распространен Бернардо Моза Реалесом, который доставил его в Валенсию и вручил Фернандо, получив в награду титул маркиза Матафлориды. [927]

Фернандо прибыл в Валенсию 16 апреля и пробыл там до 4 мая, пока велись тайные приготовления к свержению правительства. Кортесы, не подозревая о готовящемся предательстве, развлекались тем, что обустроивали зал для торжественной присяги короля и признания его сувереном, и не предприняли никаких мер для самозащиты. Войска были тайно собраны в окрестностях Мадрида под командованием генерала Эгуйи, яростного реакционера, который был назначен генерал-капитаном Новой Кастилии. В ночь на 10 мая, когда Фернандо приближался к столице, Эгуйя уведомила Хоакина Переса, президента Кортеса, что они закрыты;

войска овладели залом, архивы были опечатаны, в то время как полицейские агенты были заняты арестами из списка тридцати восьми человек, внесенных в список запрещенных, включая двух регентов, двух министров и всех наиболее видных депутатов-либералов. [928] Сопротивления не последовало, и был создан прецедент, который оказался столь катастрофичным для Испании.

ВОССТАНОВЛЕННЫЙ ДЕСПОТИЗМ

На рассвете 11-го был обнаружен повсюду развешанный королевский манифест, датированный в Валенсии 4-м числом. В нем, после бессвязного изложения предшествующих событий, Фернандо пообещал как можно скорее собрать корты старого образца и совместно с ними основательно сделать все необходимое для блага королевства. Он ненавидел деспотизм; просвещение и культура Европы никогда бы этого не допустили, а его предшественники никогда не были деспотами. Но суд Кадиса и существующий орган были незаконными, и все их действия были недействительными; он не собирался присягать Конституции или декретам Суда, но он объявил их недействительными и не имеющими силы, и любой, кто каким-либо образом поддерживал их или пытался воспрепятствовать исполнению этого манифеста, был объявлен виновным в государственной измене и подлежал смертной казни. [929] Возможно, излишне говорить, что обещанный созыв кортеса и принятие спасительного законодательства так и не состоялись. Все модернизированные институты, созданные с 1810 года, были сметены одним словом, старая организация правления была восстановлена, и Фернандо стал абсолютным деспотом, распоряжающимся по своему усмотрению жизнями и имуществом своих подданных, которые так отчаянно боролись за его восстановление.

То, как он использовал эту власть, было продемонстрировано в случае с пятьюдесятью двумя заключенными, которые были арестованы во время государственного переворота. Девятнадцать месяцев было потрачено на попытки добиться их осуждения трибуналами и комиссиями, созданными для этой цели, но не удалось доказать ни одного преступления, которое не затронуло бы в равной степени всех, кто голосовал вместе с ними, многие из которых пользовались большим уважением при дворе. Последний трибунал, созданный для их суда, посоветовал Фернандо вынести им приговор в осуществление своего королевского всемогущества, что он и сделал 17 декабря 1815 года, отправив их в отдаленные крепости, африканские пресидиосии и монастыри со строгим приказом не разрешать им ни с кем видеться и не отправлять и не получать писем. [930] Что касается трех особенно несносных депутатов-священнослужителей, то Вильянуэва на шесть лет был заточен в монастыре ла Сальседа, откуда мы увидим, как он выйдет и снова сыграет краткую роль на политической сцене. Муньоса Торреро отправили в монастырь Эрбон в Галисии. В конце концов он попал в жестокие руки португальского дома Мигеля и погиб после жестоких пыток в 1829 году. [931] Руиса де Падрона не было в списке запрещенных лиц; он не был избран в новый суд, но был задержан по болезни в Кадисе. По возвращении в мае в свой приход Вальдеоррас его епископ Мануэль Висенте из Асторги совершил преступление, отказавшись от лечения без епископской лицензии, и привлек его к ответственности за это, а также за поддержку в Корте проектов, враждебных религии и трону. 2 ноября 1815 года он был приговорен к вечному затворничеству в пустынном монастыре Кабеса-де-Альба, и, чтобы предотвратить апелляцию, епископ направил процесс в инквизицию Вальядолида. Руис обратился к митрополиту, но епископ отказался удовлетворить апелляцию. Затем было рассмотрено дело *recurso de fuerza* в канцелярии Вальядолида, которое трижды требовало процесса, прежде чем епископ, чтобы избежать

разоблачения в светском суде, удовлетворил апелляцию. В конце концов метрополитен аннулировал судебное разбирательство, и Руис был выпущен на свободу после четырехлетнего тюремного заключения с подорванным здоровьем и разоренным состоянием. Это действие, вероятно, заменило судебное преследование против него за публикацию его речи в Суде против инквизиции, судебное преследование, начатое Мадридским трибуналом и переданное Вальядолиду. [932]

РЕОРГАНИЗАЦИЯ

Сначала считалось, что манифест от 4 мая, признав недействительными все акты Судов, сам по себе восстановил инквизицию. На самом деле Севилья, его родина, не ждала этого, и 6 мая народные волнения восстановили его. На следующий день его знамя, благочестиво сохраненное доном Хуаном Гарсиа де Негра, фамильяром, было торжественно доставлено в замок Триана процессией, во главе которой шествовал Хуан Ацисла де Вера, соуправляющий епархией; в соборе пели "Те Деум", дома были иллюминированы и великолепно украшены гобеленами. [933] Все это было преждевременным, как и попытки, предпринятые некоторыми трибуналами по реорганизации, поскольку отсутствие генерального инквизитора и Suprema делало ведение бизнеса нерегулярным. Севилья и другие города, капитул Валенсии и епископы обратились к королю с просьбами принять меры, и сомнения относительно вмешательства гражданской власти в духовные дела исчезли. [934] Фернандо соответственно, указом от 21 июля 1814 года зачитал обращенные к нему обращения и объявил, что он считает уместным, чтобы Святая Канцелярия возобновила осуществление своих полномочий, как церковных, предоставленных папами, так и королевских, дарованных его предшественниками. В обоих случаях должны были соблюдаться правила, действовавшие в 1808 году, а также законы, издававшиеся в разное время для пресечения злоупотреблений и ограничения привилегий.

Но, поскольку могли потребоваться другие реформы, он приказал, чтобы, как только соберется Верховная Рада, двое из ее членов, выбранных им, и двое из Королевского совета сформировали хунту для расследования процедуры и методов цензуры, и, если они обнаружат что-либо, требующее реформы, они должны доложить ему, чтобы он мог сделать все необходимое. [935] Даже Корты не смогли бы утвердить более авторитетное господство.

Должность генерального инквизитора была заполнена назначением Франсиско Ксавье де Миер-и-Кампильо, епископа Альмерии, и вакансии в Suprema были заполнены. Была организована реформаторская хунта, с которой проводились встречи и консультации. В 1816 году мы слышали, что они все еще заседали, но нам сказали, что они не нашли ничего, требующего поправок. [936]

Верховный, не теряя времени, принялся за работу. Циркуляр от 8 августа для трибуналов прилагался к королевскому указу и объявлял, что в соответствии с ним совет был в тот же день восстановлен к своим полномочиям и функциям, которые были прерваны только вторжением и так называемыми кордонами. Трибуналам было приказано, как и в прежние времена, заниматься всеми делами, которые только могли возникнуть, а чиновники должны были выполнять свои обычные обязанности до тех пор, пока епископ Альмерии не получит свои буллы. Должны были быть разосланы списки всех должностных лиц с указанием дат их службы и популярных сообщений об их поведении во время смуты и о том, посягали ли они публично на

права суверена и Священной канцелярии. Последовал процесс “очищения”, в ходе которого были изучены досье всех чиновников, многие из которых склонились перед бурей во время недолгого триумфа либерализма. 7 апреля 1815 года в циркулярном письме указывалось, что любой, кто обратился в суды с петицией об упразднении инквизиции или поздравил их с их действиями, больше не должен рассматриваться как занимающий должность или имеющий право носить знаки отличия, но к заблудшим была проявлена значительная нежность. Таким образом, дон Мануэль Паломино-и-Лосано, внештатный секретарь Мадридского трибунала, подписал поздравительный адрес кортесу, но под давлением и страхом ему было разрешено сохранить должность. [937]

Намек уже был сделан (Т. II, стр. 445) о трудностях, возникших при воссоздании учреждения, которое в течение пяти лет войны подвергалось разграблению и разрушению, что привело в некоторых местах к разрушению его зданий, краже движимого имущества и разбросу его бумаг. Так, например, в сентябре и октябре 1815 года трибунал Логроньо, потерявший свое жилье, вел переговоры с маркизом Монастерио о его доме, который он предложил без арендной платы, если он будет содержать помещения в ремонте и вносить необходимые изменения; Супрема поручил ему обеспечить более выгодные условия, если это возможно, и быть очень экономичным в ремонте. [938] Еще в 1817 году нам удалось узнать, что в Сантьяго и Вальядолиде не было тюрем, а в 1819 году Льерена находилась в таком же тяжелом положении. [939]

Финансовый вопрос был еще более серьезным. Мы видели, как при Годое трибуналы были вынуждены конвертировать все имеющиеся у них ценные бумаги в государственные фонды, которые, конечно, обесценились, и как суды декретом от 1 декабря 1810 года применили запрещенные пребенды к ведению войны. Следовательно, он, должно быть, почти умирал с голоду, когда был подавлен кортами, но не было никакого желания подвергать людей страданиям, и, когда его собственность была объявлена принадлежащей нации, были приняты тщательно продуманные меры по выплате жалованья и обычных вознаграждений, хотя мы можем с уверенностью предположить, что в большинстве случаев эти добрые намерения не возымели эффекта. [940]

ФИНАНСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Когда началось восстановление, задача по сбору спасательных средств после крушения за последние шесть лет была самой обескураживающей. Королевский указ просто призывал инквизицию возобновить свои функции и ничего не говорил о ее собственности, восстановление которой, очевидно, считалось само собой разумеющимся в соответствии с манифестом, признающим недействительными акты Суда. Однако со стороны должностных лиц казначейства не было намерения делать это, и в ответ на консультацию от 11 августа король 18-го издал приказ о передаче трибуналам всей недвижимости любого рода, которая была поглощена казначейством, с учетом арендной платы, которая должна быть произведена до 21 июля и распределена на этой основе. Это не учитывало личную собственность, и 3 сентября был издан еще один указ, предписывающий восстановить все, что перешло в Фонд Консолидации, а также плоды запрещенных пребендов, уравнив счета до 21 июля. [941] Этому вяло подчинились; потребности трибуналов были неотложными, и Супрема представила консультации от 1 и 23 октября с просьбой разрешить им собирать доходы и возместить все

прошлые сборы или, в противном случае, выплачивать инквизиции ежемесячное пособие в размере восьмидесяти тысяч реалов. На это Фернандо ответил, что потребности королевской казны не позволяют вернуть взятые назад суммы, и она не может покрыть предлагаемое ежемесячное пособие, но по его воле такие выплаты, которые могут выделить Главное казначейство и Хунта Кредито Паблико, должны производиться в качестве оплаты самых необходимых расходов инквизиции. Последнее, несомненно, было пустым обещанием; королевские финансисты были полны решимости не возвращаться к 21 июля, и из письма от 16 декабря следует, что королевские чиновники все еще собирали средства. Максимум, чего могла добиться Супрема, - это добиться от Хунты Кредито Паблико приказа от 9 января 1815 года, а от начальника казначейства - приказа от 30 января своим подчиненным прекратить взимание сборов с имущества инквизиции при строгом условии, что трибуналы должны вести учет своих сборов, чтобы все, что они могли бы получить из задолженностей, причитающихся до 21 июля, пошло в пользу правительства. [942] В этом, однако, была признана справедливость требования о невыплаченной заработной плате должностных лиц, и были приняты тщательно продуманные меры для выяснения и приведения их в форму, но это была потеря рабочей силы. Казна была на исходе, а претендентов на услуги, оказанные в смутные годы войны и революции, было слишком много, чтобы инквизиция могла получить то, что требовала.

Верховный суд также усердно добивался возмещения сумм, которые трибуналы были обязаны вложить в государственные ценные бумаги, но это было столь же бесплодно, как и другие попытки спасти фрагменты затонувшего судна. Последнее, что мы слышим об этом, относится к 1819 году, когда Suprema все еще пыталась удовлетворить потребности Казначейства в составлении списков дат и номеров облигаций. [943]

Было трудно навести порядок в хаосе разрушения, особенно там, где бумаги были разбросаны, так что доказательства задолженности и счета были утеряны, что сильно мешало усилиям по возврату собственности. В ноябре 1814 года мы находим, что трибунал Валенсии издал указ, требующий вернуть все книги, бумаги и архивы в течение пятнадцати дней под страхом отлучения от церкви и выплаты двухсот дукатов; что касается мебели и других вещей, то они должны были быть возвращены под угрозой судебного разбирательства. Хотя Валенсия в течение двух лет находилась под французской оккупацией, она, похоже, быстрее, чем некоторые другие, привела свои финансы в приемлемое состояние. В ноябре Suprema запрашивает у него подробный график ресурсов и расходов, и в последнем случае он не должен упускать требуемый Suprema взнос в размере 130 896 реалов, и в то же время он не должен ничего выплачивать на заработную плату или другие цели без разрешения. В соответствии с этим было разрешено 21 января 1815 года выплачивать жалование до конца 1814 года, а в мае произвести дальнейшие выплаты. Тем не менее, в 1816 году мы находим, что это свелось к поиску ссуды для выплаты жалования и суммы в тринадцать тысяч реалов, требуемой Верховной властью. [944]

Сама Suprema, несмотря на взносы, которые она пыталась взимать с трибуналов, находилась в состоянии столь крайней нищеты, что 3 июля 1815 года объявила, что у нее нет средств для выплаты жалования своим должностным лицам или оплаты почтовых расходов на официальные сообщения трибуналов, поэтому в будущем она должна договориться с почтовым отделением о предоплате почтовых расходов и производить расчеты ежемесячно или ежеквартально. Это, однако, как было разъяснено 19 августа, относилось только к тому, что было адресовано ему,

поскольку, согласно указу от 19 мая 1799 года, письма генеральному инквизитору и другим главам советов передавались бесплатно. [945]

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ФУНКЦИЙ

Улучшение наблюдалось постепенно, но оно было медленным. В хартии акордада от 3 сентября 1818 года говорится, что Верховный суд не может равнодушно относиться к плачевному финансовому состоянию почти всех трибуналов, чьи уменьшившиеся доходы вынуждают их допускать просрочку выплаты скудного жалования своим должностным лицам, и не может закрывать уши на крики этих несчастных, доведенных до глубочайшей нищеты. Стремясь к частичным средствам правовой защиты, оно должно настаивать на избежании всех расходов, которые не являются абсолютно необходимыми, и упразднении всех лишних офисов. Одним из них является нотариат конфискационного суда; когда он становится вакантным, он не подлежит заполнению, и его обязанности должен выполнять секретарь по конфискациям, жалование которого, следовательно, будет увеличено на пятьдесят дукатов. Это было несколько чрезмерное завершение столь торжественного выступления, учитывая, что фактическую работу трибуналов легко могли выполнять менее половины должностных лиц, которые увеличивали свои платежные ведомости, но это не лишено интереса, поскольку показывает, насколько упорно поддерживалась старая раздутая организация, которая изо всех сил пыталась прокормить себя на остатках своего некогда процветающего состояния. При такой системе бедность, естественно, сохранялась до последнего. Когда разразилась революция 1820 года и севильский трибунал выделил шесть тысяч реалов комитету, организованному для сопротивления восстанию, у него не было средств, и он был вынужден занять деньги под проценты. Поскольку почти первым актом успешных революционеров было подавление инквизиции, кредиторы в данном случае, несомненно, оказались невольными вкладчиками. [946] В то время севильский трибунал насчитывал двадцать восемь должностных лиц с окладом в 92 300 реалов, а об объеме его работы можно судить по тому факту, что революционеры нашли только трех заключенных, которых можно было освободить. [947]

Таким образом, среди трудностей и невзгод трибуналы один за другим возобновили свои функции. В октябре 1814 года Севилья обвинял лейтенанта Дж. Полковника Лоренцо дель Кастильо за предложения; Сарагоса получила самоотвод Матиаса Пинтадо, священника из Бужануэло, за "херегия миста", а Валенсия приостановила деятельность сумарии капуцинского братства Пабло де Алтея *замалую доктрину*, в то время как в декабре Мурсия привлекла к ответственности дона Хосефа де Зайаса, видного генерал-лейтенанта королевской армии, за вольное масонство. [948] Бизнес, однако, поначалу был мизерным. В книге тайных голосований Верховного суда есть интервал с 22 декабря 1814 года по 16 февраля 1815 года. По мере того как проходили месяцы 1815 года, перерывы становились все короче, и к лету 1815 года указы вплотную следовали друг за другом. Вальядолид, похоже, медлил с получением работы, хотя там получали жалование три инквизитора, до января 1817 года по нему не было возбуждено ни одного дела, а из этого следует, что он не работал до октября 1816 года. [949]

Судебное преследование такого человека, как Зайас, показывает, что реорганизованная инквизиция без колебаний вступила в схватку с высокопоставленными лицами, и другой ранний случай иллюстрирует это еще более убедительно. Во время французской оккупации герцог и герцогиня Сотомайорские и графиня Мора завладели книгами и непристойными фотографиями,

хранящимися в Мадридском трибунале. Очевидно, они отказались выдать их; трибунал привлёк их к ответственности и вынес приговор, при условии королевского разрешения, о том, что эти предметы должны быть изъяты, но таким образом, чтобы не привлекать внимания и не вызывать негодования. Верховный суд подтвердил приговор, приказав привести его в исполнение одному инквизитору в сопровождении секретаря, чтобы совместить уважение, причитающееся сторонам, с секретностью, которая была необходима. [950]

Политическим актом был вопрос о всеобщем помиловании всего, что “нечестиво и скандально” было сказано и сделано против инквизиции при фатальных обстоятельствах недавних беспорядков. [951] Оно могло позволить себе проявить такое великодушие, видя, что правительство безжалостно мстит за это своим самым видным противникам. Когда правительство не справилось с этим долгом, инквизиция без колебаний отменила свой эдикт о помиловании. Мы были свидетелями судебного преследования Руиса де Падрона, пока не обнаружили, что епископ Асторги счёл это излишним, и это ни в коем случае не было единичным случаем. В августе 1815 года мы видим, как Супрема действует в отношении сумарии с Канарских островов в делах Мариано Ромеро, священника, за сонет против инквизиции, и Франсиско Герры за сонет и эпитафию того же характера. Итак, в ноябре 1815 года происходит судебное преследование герцога Парка Кастрильо за поздравление кортов с упразднением инквизиции и за общий приказ войскам от 2 декабря 1812 года. Его дело затянулось до 10 июня 1817 года, когда было вынесено постановление о его приостановлении. [952]

БЛАГОСКЛОННОСТЬ ФЕРНАНДО

Однако возродить былое почитание учреждения, которое подвергалось таким ударам и грубому обращению со стороны прессы и судов, было нелегко. Пара случаев в Мадриде в 1814 году, когда женщины выставляли в магазинах скандальные картины и предметы, по-видимому, указывают на то, что его приказам не подчинялись с готовностью. [953] Несомненно, с целью преодоления этого безразличия сам Фернандо вступил в должность инквизитора 3 февраля 1815 года, когда он посетил Верховный суд, председательствовал на его заседаниях и участвовал в принятии решений, осмотрел все кабинеты и выразил свое королевское удовлетворение методами судопроизводства. С королевского разрешения Suprema направила своего президента и трех членов с ответным визитом и выразила свою благодарность за знак королевской милости, подобного которому ни Фердинанд Католик, ни кто-либо из его преемников никогда не оказывали. Полный отчет был напечатан в газете "Гасета" от 16 февраля, копии которого Верховный суд разослал трибуналам с приказом зачитать его должностным лицам и поместить в архивы. [954] С той же целью он возвел конгрегацию Сан-Педро Мартир в рыцарский орден с рясой и значком, и 6 апреля, в праздник Святого мученика Петра, он возглавлял Конгрегацию вместе со своими братьями Карлосом и Антонио, носившими знаки отличия. Доведя это до сведения трибуналов, Верховный суд придал этому особое значение, приказав им начать выплату заработной платы, полученной с 21 июля, и продолжать ее ежемесячно. [955] Знатные придворные, несомненно, обнаружили, что вступление в должность в инквизиции было путем к королевской милости, и мы вскоре видим, что многие из них представляют свои генеалогии с этой целью. Великий герцог Бервик и Альва, Фицджеральд Стюарт Сильва Столберг-и-Палафокс, таким образом, претендует на должность альгвасил-мэра трибунала Кордовы; маркиз Альтамира делает то же самое на должность почетного секретаря трибунала Мадрида, и мы случайно слышим о графе Мазеде, гранде первого класса,

занимающем должность альгвасил-мэра трибунала Сантьяго, а маркиз Искар - почетного секретаря Верховного суда. [956]

Несмотря на все это, инквизиция не смогла восстановить свое прежнее положение. Ее не только не уважали, но и не осмеливались добиваться уважения. Были изданы два указа о помиловании для вольных каменщиков, 2 января и 12 февраля 1815 года, когда трибунал Вальядолида отправил их для Медина-дель-Кампо и его округа своему комиссару Виктору Гонсалесу для отправки. Генеральный викарий и ординарий, доктор Джозеф Суарес Талавера, как церковный судья, потребовал, чтобы они прошли через его руки, и когда они были отправлены, на них стояла подпись MS. “Fixese, доктор Суарес,” таким образом предполагая, что это было с его разрешения, и присваивая себе юрисдикцию, превосходящую юрисдикцию инквизиции. Когда об этом сообщили трибуналу, он приказал Гонсалесу снять их и заменить на незапятнанные, что он и сделал. После этого Суарес прислал ему сообщение, что, если бы он не отправился в путешествие, он заставил бы его покаяться и что, если бы он знал о его пребывании в Медине, он бросил бы его в тюрьму и посмотрел, кто сможет его оттуда вызволить. Трибунал покорно проглотил это вопиющее оскорбление; согласно инструкциям, он не должен был совершать никаких действий, указывающих на юрисдикцию, превосходящую юрисдикцию Обычных судов, поэтому он спокойно собрал доказательства, подтверждающие факты, и 15 сентября отправил документы Верховному суду. [957]

Инквизиция осознала и остро ощутила свое изменившееся положение. В докладе королю по поводу *визитос де навиос*, сделанном Верховной властью в 1819 году, неоднократно признаются в бессилии; времена настолько неудачные, что его постановления не достигают своей цели. [958] То же самое сознание слабости проявляется и в поведении случайных компетентностей, которые все еще имели место. В тех из них, с которыми я имел возможность ознакомиться, присутствуют нарочитая вежливость и очевидное желание избежать оскорблений, не отказываясь при этом полностью от требований Святой Канцелярии.

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Той же причине мы можем, по крайней мере частично, приписать заметную тенденцию к смягчению наказания — за исключением случаев политических преступников - и к избежанию всех ненужных лишений и унижения виновных. Когда в марте 1819 года Мадридский трибунал вынес суровый приговор Теодоро Бачиллеру за высказывания, Верховный суд всячески смягчал его, чтобы, по его словам, дать ему понять, насколько великодушно заботиться о его чести и комфорте его семьи. В январе 1817 года Лоренцо Айллона судили в Севилье за оскорбление священника во время служения мессы и попытку отобрать гостью — проступки, за которые раньше он вряд ли мог избежать кастра, но теперь у него было только отпущение грехов *cautelam*, выговор, два года президентства, за которыми последовали шесть лет ссылки, и Верховный суд освободил его от вергуэнцы, которая была включена. Еще более заметным был случай с Диего Бласкесом, почтмейстером Вильянуэба-де-ла-Серена, который вместе с некоторыми другими совершил святотатство, похоронив собаку с соблюдением похоронных обрядов. Трибунал Льерены возбудил уголовное дело и направил дело сумарии в Верховный суд, который удовлетворился распоряжением направить светским и церковным судьям вежливую записку, в которой выразил надежду, что они не допустят повторения подобных скандалов. [959] Было бы легко умножить подобные примеры, но и этих будет достаточно, чтобы показать, насколько полностью дух инквизиции был укрощен при рассмотрении преступлений

против веры и насколько надуманным было утверждение о том, что ее существование было необходимо для сохранения религии, когда существовало более полусотни епископальных трибуналов, вполне компетентных рассматривать такие преступления и полностью готовых относиться к ним с большей суровостью.

Тем временем правление Фернандо продолжалось так же, как и началось. Под влиянием камарильи низших каст и неблагородных фаворитов, которые потворствовали его порокам и обогащались за счет торговли должностями, контрактами и правосудием, его правительство представляло собой смесь жестокости и идиотизма, и дела нации пришли в полный беспорядок. Все злоупотребления, процветавшие при Годое, усилились в сочетании с постоянным жестоким преследованием тех, кого называли либералами, которые заполняли тюрьмы благодаря постоянно повторяющимся спискам проскрипций. Де Мартиньяк, который в качестве королевского комиссара сопровождал герцога Ангулемского во время вторжения 1823 года, был полностью информированным и непредвзятым наблюдателем, который после энергичного описания плохого правления Фернандо подводит итог, говоря: “Мы можем представить влияние такого режима на процветание страны, и все же трудно осознать масштабы беспорядка, нищеты и слабости, до которых он докатился. Пришлось прибегнуть к произвольным налогам, к непомерным пошлинам, которые разрушали торговлю, к займам, полученным без кредита. Было невозможно обеспечить самые насущные потребности государства; всем пренебрегали или были заброшены; армии не платили; военно-морской флот, уничтоженный при Трафальгаре, лежал в руинах; администрация, лишенная всех средств действия, ничего не делала и не могла сделать для улучшения условий или даже для сохранения того, что было. Из-за этого возникло недовольство народа”. [960] Вряд ли стоит удивляться тому, что безумный энтузиазм, с которым Фернандо был встречен в 1814 году, испарился.

Революция 1820 года.

В течение этого катастрофического периода каждый год предпринимались попытки революции. В 1814 году его судили в Пампелуне генералом Миной, который сбежал; в 1815 году в Галисии Порлье, который был казнен; в 1816 году в Мадриде Ричардом, который разделил ту же участь; в 1817 году в Каталонии Лейси, который был застрелен; в 1818 году в Валенсии Видалем, который был казнен. Снова в Валенсии был составлен заговор, который должен был вспыхнуть 1 января 1819 года, но он был предан, и тринадцать заговорщиков были повешены. О'Доннелл, граф ла Бисбаль, способный солдат и беспринципный интриган, был посвящен в это, но отвел от себя подозрения и был назначен командовать экспедиционным корпусом, собирающимся в Кадисе для Буэнос-Айреса, против восставшей колонии. С обычной небрежностью не были предоставлены транспорты; войска месяцами бездействовали, распространилось недовольство, и был организован грандиозный заговор, который рассчитывал на поддержку ла Бисбаля; он пришел к выводу, что лояльность безопаснее всего, и схватил ведущих заговорщиков, за что был награжден большим крестом Карлоса III., но возникли подозрения; он был смещен и заменен неспособным графом Кальдероном.

Ситуация, однако, становилась все более невыносимой, и революция витала в воздухе. Часть войск была расквартирована в лас-Кабесас-де-Сан-Хуан, городке недалеко от Кадиса. Там 1 января 1820 года Рафаэль де Риего, командир Астурийского батальона, собрал своих людей,

произнес зажигательную речь, и все они выступили за Конституцию. Он бросился к Аркос, где захватил Кальдерона и трех его генералов, соединился с батальонами "Испания" и "Корона" под командованием полковника Антонио Кироги и потерпел неудачу в атаке на Кадис. Последовали задержки и нерешительность, продолжавшиеся до 27 января, когда Риго во главе полутора тысяч человек выступил маршем в Альхесирас, где оставался до 7 февраля. Потерпев поражение при попытке захвата Малаги, он достиг Кордовы 7 марта с примерно пятьюстами отчаявшимися последователями. Не было предпринято никаких усилий, чтобы захватить их; гарнизон и горожане безмятежно наблюдали, как Риго освежил своих людей и направился к Сьерра-Морене; они отступили во время марша, и он остался с пятьюдесятью последователями; по его мнению, движение потерпело неудачу.

РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРШИЛАСЬ

Тем не менее, его предварительный успех пробудил дремлющие элементы недовольства. 21 февраля революция вспыхнула в Ла-Корунье и распространилась на Ферроль и Виго, когда граф Сан-Роман без борьбы покинул Галисию. 2 марта последовала Сарагоса, генерал-капитан и гарнизон присоединились к магистратам и народу. Когда новость достигла Барселоны, 10 марта народ восстал и разогнал инквизицию, но не причинил вреда чиновникам. [961] В течение нескольких дней примеру последовали Таррагона, Жерона и Матаро, гарнизоны которых участвовали в движении. Рассказ Мины о восстании в Наварре показывает, что все было подготовлено заранее и что муниципальные власти и военные были полностью согласны. Когда он достиг Пампелуны с большим войском, собранным по пути от границы, он обнаружил, что революция уже была мирно совершена 11 марта. Тем временем ла Бисбаль, видя, что движение обещает успех, не пожалел обещаний получить командование силами, сосредоточенными в Ламанче, чтобы подавить восстание Риго. Он получил назначение и, добравшись до Оканьи, заставил полк Алехандро крикнуть "Да здравствует Конституция". Революция была совершена бескровно, за исключением отвратительной резни безоружной толпы в Кадисе, хладнокровно учиненной доном Мануэлем Фрейре. [962]

В течение двух месяцев этого беспорядочного движения, которое оперативные действия могли бы так легко подавить, суд был беззащитен и недееспособен. Когда пришло известие о восстании в Галисии, Фернандо 28 февраля опубликовал жалобное обращение, обещая поправки. Его ужас усилился по мере того, как стали поступать дурные вести, и 3 марта он опубликовал указ, оплакивающий состояние королевства и объявляющий, что он приказал Государственному совету подготовить всеобъемлющий план реформ. За этим, 6 марта, последовал другой призыв к немедленному созыву кортеса. Было слишком поздно; он обнаружил, что брошен всеми, даже своей королевской гвардией, которая, по словам генерала Бальестероса, планировала отступить в Буэн-Ретиро и прислать депутацию с просьбой принести присягу Конституции. Это было решающим, и в ночь на 7-е число он издал еще один указ, объявляющий о своем намерении сделать это. Это было встречено 8-го числа народными ликованиями, но, поскольку дальнейших действий предпринято не было, 9-го нетерпеливая толпа окружила дворец с мятежными криками и угрозами. Охрана была невозмутима; Фернандо был покинут и был абсолютно один, когда толпа начала подниматься по лестнице, требуя, чтобы он присягнул Конституции, но они были сдержаны, узнав, что он приказал восстановить Мадридский Аюнтамьенто в том виде, в каком он существовал в соответствии с Конституцией. Его члены были собраны и немедленно отправились во дворец, где Фернандо принял их с теплыми изъявлениями привязанности; он принес требуемую присягу по собственной воле и

приказал Бальестеросу заставить армию сделать то же самое. Было приказано провести всеобщую иллюминацию и звонить в колокола в течение трех ночей, и люди разошлись, однако не без того, чтобы сначала посетить инквизицию, освободить заключенных и разбросать архивы. Были найдены только два или три заключенных, и они были политическими. Родриго рассказывает нам, что толпа хотела, чтобы они изобразили из себя жертв преследований, но они благоразумно отказались, и соседнего сапожника убедили выставить себя главным действующим лицом празднования. [963]

ИНКВИЗИЦИЯ ПОДАВЛЕНА

В тот же день, 9 марта, Фернандо издал указ об упразднении инквизиции. Это означало, что, поскольку его существование было несовместимо с Конституцией 1812 года, по этой причине оно после зрелого обсуждения было отменено кортесом, и в соответствии с мнением установленной сегодня хунты, он приказал, чтобы с этого дня Верховная власть и инквизиция были подавлены по всей монархии, освободив всех заключенных, заключенных за политические или религиозные убеждения, и передав епископам в их соответствующих епархиях их дела для рассмотрения в соответствии с указом Кортеса. [964] За этим 20 марта последовал королевский указ, предусматривающий инвентаризацию всего имущества, относящегося к инквизиции, и возобновляющий действие указа от 22 февраля 1813 г.; Бюро государственного кредита должно было вступить во владение имуществом и управлять им до тех пор, пока его назначение не будет определено кортами, которые вскоре соберутся, в то время как жалованье чиновникам должно было быть продолжено. Когда Кортес встретился, указом от 9 августа это было включено в число другого конфискованного имущества, подлежащего продаже с аукциона национальной кредитной хунтой. [965]

Во время медленного развития революции инквизиция, похоже, наблюдала за событиями с полным осознанием уготованной ей участи, если движение окажется успешным. В письме севильского трибунала Верховному суду от 19 января говорится, что он отложил аресты сторонника Троицы отца Хуана Монтеса и дона Томаса Диаса всвязи сначала с эпидемией, а затем с восстанием, на что 24 января Верховный суд ответил, что оставляет дальнейшие действия на усмотрение трибунала. [966] Учитывая, насколько слабой в то время была демонстрация Riego, это показывает, что ее конечные последствия были полностью осознаны. Инквизиция все еще продолжала свою работу, но последним делом, по которому Верховный суд принял решение, было утверждение 10 февраля приговора, вынесенного 28 января трибуналом Толедо Мануэлю де ла Пенья Паласиосу, священнику Онтобы. Как последнее действие внушающей ужас Святой Канцелярии, после трех с половиной столетий ее деятельности, оно представляет интерес, выходящий за рамки присущего ему тривиального характера, и с ним можно ознакомиться в Приложении.

По крайней мере, один освобожденный заключенный выразил свою радость по поводу своего освобождения. Дон Антонио Бернабеу, священник, был членом кордона Кадиса и был арестован вместе с другими в мае 1814 года, но, кажется, был освобожден примерно через шесть месяцев. Он был янсенистом крайнего толка и в 1813 году напечатал брошюру, доказывающую, что государство может конфисковать всю церковную собственность и сократить непомерно растущую численность духовенства, обеспечив тех, кто остался, умеренной зарплатой. Трактат был ужасным обвинением Церкви в ее жадности к накоплению, пренебрежении долгом и отходе от старых стандартов сосредоточения всей власти в руках

папы, что он приписывал Декреталиям Исидора. Выйдя из тюрьмы 14 декабря 1814 года, он поспешил донести на себя инквизиции и был помещен в затворничество. В 1816 году он во второй раз осудил себя за то, о чем поначалу умолчал. 20 апреля 1817 года фискал представил обвинение, составленное довольно ловко, поскольку оно требовало точного определения его мнений по широкому кругу вопросов, в которых он обвинял Церковь в отклонении от первобытных времен, и конкретных доказательств его несколько расплывчатых заявлений о злоупотреблениях. Чтобы удовлетворить это, потребовались бы ресурсы большой библиотеки и годы исследований, в то время как Бернабеу был заключен в монастырь и ему было отказано даже в экземпляре его оскорбительной брошюры, к тому же он подвергался всевозможным преследованиям со стороны своих сокамерников. Суд над ним все еще продолжался, когда декрет от 9 марта освободил его; он был немедленно возвращен в качестве депутата Корта в 1820 году, и он отпраздновал свое освобождение, переиздав свою брошюру с отчетом о своих страданиях и ответами на обвинения фискалов. [967]

САМОУБИЙСТВО ЛИБЕРАЛИЗМА

Это увело бы нас слишком далеко от нашей темы, если бы мы не стали подробно описывать экстравагантность и безумие, с помощью которых торжествующие либералы вызвали ожидавшую их жестокую реакцию. Пожалуй, вряд ли можно было ожидать умеренности от людей, страдавших от преследований последних шести лет и внезапно вернувшихся из крепостей и президионов или из ссылки, чтобы возглавить правительство и разработать законы для нации. То, что они, в свою очередь, преследовали своих преследователей, было естественно, но невежливо; взаимная ненависть разгоралась, и страна была разделена на фракции, между которыми гармония и терпимость стали невозможны. Долгие века деспотизма и подавления независимой мысли и действий сделали народ неспособным к той значительной мере самоуправления, которая предусмотрена Конституцией. Быстро формировались так называемые патриотические общества — де Лоренчини, де Сан-Фернандо, ла Фонтана-де-Оро, ла Крус-де-Мальта, ла Ландабурана и другие, — которые на самом деле были якобинскими клубами, где пропагандировались самые радикальные меры и применялись самые жестокие средства их осуществления. Необузданная пресса была занята тем, что подливала масла в огонь и стимулировала пыл, который стремился воплотить в жизнь анархические мечты. Масонство было занято подготовкой революции, и с ее успехом масонство стало путем к власти и положению; его ложи множились и быстро заполнялись. Затем, с распространением передовых идей, масонство стало слишком консервативным для *экзальтадос*, которые покинули его и основали Коммунерос, уставы которых сформировали состояние революционного характера внутри государства. Они соперничали с масонами по численности и влиянию, и ожесточенная борьба за превосходство между двумя организациями временами парализовывала правительство и нейтрализовывала силы порядка. Элемент беспорядка, существовавший во всех сообществах, использовался всякий раз, когда нужно было чего-то добиться, и господство толпы стало частым явлением не только в Мадриде, но почти во всех городах. Приказам правительства подчинялись или игнорировались в зависимости от настроения населения или его подстрекателей. Чиновники, назначенные генерал-капитанами, губернаторами или магистратами, допускались или отклонялись; упорядоченное управление становилось невозможным, и повсюду царили беспорядки. Либерализм совершал самоубийство.

Однако либерализм нуждался в своей безраздельной силе, чтобы противостоять противостоящим силам. Фернандо, играя роль конституционного короля, постоянно строил заговоры с целью сбросить ярмо и поддерживал тайные отношения с теми, кто стремился свергнуть правительство. Сменявшие друг друга корты, казалось, получали удовольствие от обострения враждебности духовенства, чье влияние на массы народа было безграничным. Многие из этого законодательства, без сомнения, было благотворным само по себе, но в данный момент оно было опасным, и удары следовали друг за другом так быстро, что пострадавшие вполне могли расценить это как систематическое преследование. 31 августа 1820 года был принят закон об организации национальной армии, освобождавший от службы только тех священнослужителей, которые действительно состояли в священных санах. Постановление от 26 сентября подвергло всех священнослужителей, светских и обычных, светской юрисдикции за преступления, влекущие телесные наказания. В течение недели другим указом была упразднена большая часть монашеских орденов, а оставшиеся нищенствующие были подчинены епископам и поселены в домах, насчитывающих не менее двенадцати обитателей, и за этим последовали другие специальные указы о подавлении. Собственность запрещенных домов была передана в *Публичный кредит*, и, когда Фернандо отказался подписать его, поднялся народный бунт, который напугал его и заставил уступить. 26 октября было приказано, чтобы разрешения на вступление в брак в пределах запрещенных степеней выдавались бесплатно тем, кто подает заявление *in forma pauperis*, тем самым лишая их большого источника дохода. Когда начали появляться банды восставших роялистов, к которым присоединились священники или которыми руководили священники, епископам было приказано 20 апреля 1821 года сообщить, какие шаги они предприняли для их наказания, и в течение восьми дней издать эдикты, требующие от их паствы подчиняться закону. Затем, 29 июня, без разрешения папы, с духовенства был взят взнос в размере тридцати миллионов реалов, и в тот же день десятина была уменьшена наполовину, при этом была разрешена некоторая компенсация за снятие некоторых пошлин. Духовенство, что вполне естественно, способствовало недовольству, и, чтобы пресечь это, декреты от 1 ноября 1822 г. разрешили правительству по своему усмотрению переводить из одного места в другое всех приходских священников и духовных лиц, при этом расходы по содержанию депортированных таким образом возлагались на епископов. [968]

ССОРА С ЦЕРКОВЬЮ

Фактически, непримиримые претензии государства и Церкви сделали вражду неизбежной. Последняя не могла понять, что, когда она вошла в политику и стала политическим фактором, к ней нужно было относиться так же, как к другим политическим организациям. Средневековая теократия так долго пользовалась властью без всякой ответственности, что ее неприкосновенность стала частью латинской доктрины. В других местах была продемонстрирована неосуществимость этого, но в Испании Церковь никогда не переставала бороться за сохранение средневековья или понимала, что к подстрекательству к мятежу за кафедрой не следует относиться иначе, чем к подстрекательству к трибуне. Она отказывалась признавать, что самосохранение является первым законом правительств, как и отдельных людей, и что они не могут позволить искусственным привилегиям привести к их разрушению. Теория либералов заключалась в том, что внешняя церковная дисциплина подчинялась гражданской власти, в то время как внутренняя дисциплина была зарезервирована за Церковью. Церковь утверждала, что во всем она правит сама и что любое светское вмешательство является возложением нечестивых рук на Ковчег. Начало сражения фактически

было положено Веремундо Ариасом, архиепископом Валенсии, который 20 октября 1820 года обратился к Кортам с длинным манифестом, поддерживающим все крайние требования Церкви и отрицающим различие между внешней и внутренней дисциплиной. 10 ноября он был арестован, а 24-го посажен на корабль и отправлен во Францию. Это было началом гонений, от которых пострадали многие епископы. Альварес де Пальма из Гранады был отстранен от должности и заменен либеральным протоиереем Винегасом. Уриз-и-Лафага из Пампелуны был вызван в Мадрид, но по дороге был спасен роялистами и переправлен во Францию. Блас Бельтран из Кория был изгнан. Избранный епископ Санта-Марты (Колумбия) получил свой приговор к изгнанию на смертном одре в Пласенсии. Сьенфуэгосу Кадисскому пришлось бежать, чтобы спасти свою жизнь. Пабло де Сичар из Барселоны бежал и отсутствовал до 1823 года. Рентерия-и-Рейес из Лериды была доставлена под охраной в Барселону, чудом избежала казни и содержалась под стражей в Малаге до 1823 года. Рамон Страух-и-Видадь из Виша был заключен в тюрьму в Барселоне, затем отправлен в Таррагону, а по дороге под благовидным предлогом был вынужден спуститься вниз и расстрелян вместе со своим сопровождающим. Другими изгнанниками были Хайме Креус из Таррагоны, Черуэло де ла Фуэнте из Овьедо, Рафаэль де Велес из Сеуты и Кастильон-и-Салас из Тарасоны. [969] Это правда, что худшие из этих актов были совершены толпами или безответственными партиями в условиях нарастающих беспорядков того времени, но они остались безнаказанными.

Правительство, которое таким образом обращалось со своим духовенством, вряд ли поддерживало дружеские отношения со Святым Престолом. Одной из первых мер нового правительства был закон от 17 августа 1820 года о подавлении деятельности иезуитов. [970] Пий VII отреагировал на это письмом Фернандо от 16 сентября, в котором выразил сожаление по поводу опасностей, угрожающих религии и Церкви, и перечислил принятые возмутительные меры, в связи с которыми он приказал своему нунцию внести исправления, но безрезультатно. [971] Отношения не улучшились, когда 21 апреля 1821 года указом были отменены все выплаты, будь то в деньгах или другом эквиваленте, за папские буллы для архиепископов, епископов, разрешения на брак и другие рескрипты, вместо которых предлагалась ничтожная годовая сумма в 9000 серебряных долларов. [972] Это было неразумно, но еще более неразумной была отправка в Рим в качестве посла Хоакина Лоренцо Вильянуэвы в конце 1822 года, когда надвигалась интервенция Священного союза. В Турине его встретил папский приказ, запрещающий ему приезжать дальше и просящий министерство назначить кого-нибудь другого. Эваристо Сан Мигель, государственный секретарь, настаивал; министр иностранных дел папы ответил, что мнения, высказанные Вильянуэвой в “Картах дона Роке Леаля” и в Кортес, были таковы, что Святой Престол никогда не сможет принять его. На это ответом было отправить нунцию его паспорта с приказом покинуть Испанию. Разрыв с Римом был полным, и в глазах благочестивых испанцев правительство оправдывало клерикальное определение Конституции как ереси. [973]

Стимулируемый таким образом клерикальный темперамент справедливо показан в небольшой брошюре падре Мигеля Канто, приходского священника Каллоса-де-Сегура, посвященной падению конституционализма. Он изрядно пьян от радости и с бурным восторгом отправляет либералов в бездонную яму на вечные времена. То, что гражданская власть осмелилась взять на себя какой-либо контроль над внешней деятельностью Церкви, наполняет его изумлением и яростью, тем более сильными, учитывая страдания, которые она причинила, особенно постоянным членам Церкви. Канто рассказывает нам, что доход его церкви составлял четыре тысячи песо и что она была доведена до такой нищеты, что ему не на что было купить облатки и

вино для причастия или масло для ламп. [974] Однако ресурсы Испанской церкви были таковы, что у нее все еще оставалось достаточно средств для политических целей. Когда в октябре 1823 года, после своего освобождения французами, Фернандо отправился из Кадиса в Мадрид, он получил в качестве добровольных пожертвований от капитулов Толедо, Севильи, Гранады, Хаэна и Куэнки 11 970 000 реалов серебром, хотя земля находилась в состоянии полного истощения. [975]

РАЗВИТИЕ ВОССТАНИЯ

Нетрудно поверить, что кафедра и исповедальня были энергично использованы для разжигания и организации недовольства, которое быстро сменилось энтузиазмом по поводу Конституции. Новая администрация была не более эффективной, чем старая. Министерства, которым мешали тайные интриги короля, постоянно защищавшиеся от нетерпеливых соперников и быстро поглощенные подавлением вооруженного сопротивления, возникающего со всех сторон, имели мало возможностей исправить злоупотребления, которые сделали Фернандо непопулярным. Для народа в целом единственным видимым результатом революции было то, что либералы, в свою очередь, преследовали рабов. Более того, дворяне были отчуждены из-за подавления *Майорасгос* и *Винкуласион*, или влекущих за собой вечные сборы земель, реформы, к которой давно призывали такие государственные деятели, как Ховельянос. [976] Желающих и восприимчивых слушателей клерикальных оскорблений было предостаточно, и движения по свержению правительства быстро начали обретать форму. Еще до того, как закончился 1820 год, в Галисии была организована Апостольская хунта, а в Бургосе был сумасшедший заговор нескольких слабаков и генерала. [977] Вскоре появились бродячие банды повстанцев, среди которых выделялись представители духовенства, как будто это была священная война. Подавленные в одном месте, они появлялись в другом, ведя партизанскую войну, подобную той, что велась против Наполеона. Страну раздирали фракции, и либералы и роялисты, казалось, подражали друг другу, внося свой вклад в ее разорение. В начале июля 1822 года королевская гвардия при тайном попустительстве короля попыталась овладеть Мадридом; после кровопролитного столкновения на улицах они потерпели поражение, когда Фернандо с балкона своего дворца призвал граждан преследовать летающих негодяев. Гражданские разборки обычно бывают безжалостными, но в Испании они приобрели свирепость, которую не часто можно увидеть где-либо еще. Если роялисты в Каталонии хладнокровно вырезали гарнизон Сео де Уржел, то либеральная нойяда в Корунье отправила на тот свет пятьдесят одного политического заключенного, многие из которых были священнослужителями и выдающимися личностями. [978]

Восстание постоянно принимало все более тревожные масштабы, особенно в Каталонии, где оно пользовалось почти единодушной поддержкой крестьянства. Повстанческие банды объединились в пятитысячную армию Веры, которая 21 июня 1822 года захватила Сео-де-Уржел и сделала его своим оплотом. Там 15 августа было организовано роялистское регентство, в состав которого вошли Креус, изгнанный архиепископ Таррагоны, барон Эролес, солдат с определенной репутацией, и маркиз Матафлорида. Контр-революция, таким образом, приняла публичный и официальный характер; регентство взяло на себя ответственность за короля, которого якобинцы держали в ежовых рукавицах — фактически, еще 1 июня он уполномочил Матафлориду организовать ее и поддерживал с ней постоянную связь через одного из придворных чиновников. Она получила квази-признание за границей; она договорилась о займе в размере 8 000 000 долларов с парижским капиталистом Уваром и, при

поддержке Пия VII, начала переговоры с Австрией и Россией, предлагая сдачу территории в обмен на помощь. [979]

Испания быстро скатывалась к анархии. Правительство было слишком слабо, чтобы подавить беспорядки, независимо от того, были ли они совершены друзьями или врагами. Надеяться на компромисс между фракциями не приходилось, и даже патриоты могли видеть, что единственный путь к порядку лежит через вмешательство из-за рубежа. То, что это надвигалось, становилось все более и более очевидным. Примеру Испании последовали Неаполь и Португалия, а затем Пьемонт, навязав своим суверенам конституции, подобные конституции 1812 года; Священный союз поднял тревогу; конгрессы Троппау в 1820 году и Лайбаха в 1821 году отдали приказ о вооруженном вмешательстве, и новые институты Неаполя и Пьемонта были с готовностью свергнуты. В мае 1821 года в сообщениях из России в Испанию и российском циркуляре ко дворам Европы открыто выражалось недовольство успехом вооруженного восстания с едва завуалированными угрозами принятия мер в случае неповиновения королей монарху; а конфликт с королевской гвардией в июле 1822 года дал министрам иностранных дел в Мадриде повод для предупреждений, которые представляли собой дипломатически завуалированные угрозы вмешательства. [980] Подготовка к нему во Франции уже шла полным ходом. Эпидемия желтой лихорадки в Барселоне послужила предлогом для установления *санитарного кордона* на границе, который постепенно укреплялся, пока не превратился в наблюдательную армию и фактически в поддержку каталонских повстанцев, в чем убедился Мина, проведя успешную кампанию, которая в начале 1823 года вынудила Регентство укрыться во Франции. [981]

ВМЕШАТЕЛЬСТВО СВЯЩЕННОГО СОЮЗА

Веронский конгресс собрался осенью 1822 года. Регентство Уржель направило туда графа де Эспанья в качестве своего представителя, чтобы призвать Испанию вернуться к состоянию, существовавшему до 9 марта 1820 года; правительство не посылало посланника, полагаясь на дружескую помощь Англии в лице герцога Веллингтона. Без его ведома союзные державы подписали 22 ноября секретный договор, в котором они выступили против суверенитета народа, представительного правления и свободы прессы, а также в пользу духовенства как инструмента принуждения подданных к пассивному повиновению; и каждая подписавшая обязалась выплачивать Франции субсидию в размере двадцати миллионов франков ежегодно, на которую была возложена обязанность подавления этих разрушительных принципов в Испании и Португалии и восстановления на полуострове условий, существовавших до 1820 года. [982] Даже пока не было уверенности во вмешательстве, поскольку Франция не стремилась к выполнению этой задачи, и были некоторые переговоры о внесении изменений в Конституцию, но либералы не стали бы прислушиваться к таким предложениям. Однако Шатобриан, это любопытное сочетание идеализма, напыщенности и тщеславия, который, будучи министром иностранных дел Франции и представителем в Вероне, приписывает себе всю заслугу в этом предприятии, особенно тщательно подчеркивает, что его реальной целью было восстановление гегемонии Франции на Континенте после подавления Реставрации иностранными штыками — цель, которая, по его мнению, была полностью достигнута. [983]

В начале января 1823 года были представлены четыре ноты от союзников, в которых в более или менее оскорбительной форме предлагалась альтернатива возвращения к абсолютизму или

вторжения. [984] Эти знаменательные сообщения были восприняты с предельной беззаботностью. В ночь их приема государственный секретарь Сан-Мигель отвез их в Гранд-Ориент и составил свои ответы, в которых Фернандо, как говорят, хитро стимулировал неповиновение объединенной Европе. Каким бы ни было решение Франции, сказал Сан-Мигель, Испания спокойно пойдет по пути долга и справедливости; ее правилом поведения будет твердая приверженность Конституции 1812 года и отказ признавать право на вмешательство какой бы то ни было стороны. [985]

Это были бы достойные и решительные слова для объединенной нации, противостоящей коалиции, но в сложившихся обстоятельствах они были просто пустой болтовней. Правительство, по сути, едва ли смогло противостоять восстанию, за исключением Каталонии. В Наварре, Бискайе и Арагоне шла открытая гражданская война, силы которой были одинаково сбалансированы. В Мурсии знаменитый разбойник Хайме Альфонсо выдавал себя за защитника веры; в Кастилии Кура Мерино и эль Рохо де Вальдерас развязывали войну; в Андалусии Залдивар держался, несмотря на неоднократные поражения; в Толедо и Куэнке Хоакинсильо и Кура Атанасио поддерживали восстание; в Сигуэнсе организовывалось восстание Куэсты, которое вскоре должно было вспыхнуть. Короче говоря, вся Испания была в конвульсиях. [986]

Единственное объяснение позиции либералов заключается в том, что они жили в раю для дураков и, похоже, приветствовали вмешательство в надежде, что оно разожжет национальные чувства и восстановит национальное единство. Галлюцинации были доведены до того, что они ожидали народного восстания, подобного восстанию 1808 года, что сорок тысяч вооруженных повстанцев обратятся против захватчика, даже что французские войска откажутся от своих штандартов в пользу испанских, и что Англия, которая спокойно наблюдала за свержением Конституции в 1814 году, спровоцирует войну со всей Европой в свою защиту. Они закрывали глаза на тот факт, что в 1808 году духовенство подняло массы против французов и теперь было их самыми горячими союзниками, жаждущими отомстить за систематические преследования; что трон тайно подрывал их авторитет и что у них не было средств, поскольку казна была истощена, армия существовала только на бумаге, журналы были пусты, а партия власти раскололась на резко противостоящие группировки. Депутатами овладело нечто вроде бреда, когда 9 января Сан-Мигель передал корреспонденцию в суды, и его ответы были шумно одобрены без различия партии. [987]

ФРАНЦУЗСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

Однако это возбуждение вскоре улеглось. Решающая победа, одержанная повстанцами при Бриуэге, недалеко от Мадрида, 24 января, повергла столицу в трепет, и 16 февраля корты приняли указ, предусматривающий смену правительства в случае необходимости. [988] Новые суды открыли свои заседания 1 марта, и их первой мыслью было укрыться в безопасности, взяв с собой Фернандо, как заложника, так и необходимого для предположения, что правительство Испании путешествовало с ними. Соппротивление с его стороны отложило переезд до 20 марта, когда состоялся массовый отъезд в Севилью. Там они оставались до июня, когда приближение французов потребовало дальнейшего бегства, и 9-го числа Кадис был выбран в качестве места убежища. На этот раз Фернандо решительно отказался бежать от своих освободителей, и, поскольку принуждение монарха было несовместимо с теорией о том, что он все еще правил страной, предполагалось, что он был недееспособен по причине временного помешательства; он был свергнут, и было назначено регентство, которое приказало перевезти его в Кадис; 12-го

король и королевская семья покинули Севилью; корты отложили заседание в Кадисе 18 июня; через четыре дня Фернандо был объявлен снова в здравом уме, и регентство ушло в отставку. Зрелище беглого правительства, волочащего за собой плененного короля, который, по его признанию, все еще активно правил, было хуже, чем смехотворно; это дало Фернандо право на сочувствие, которого он лишился, и послужило стимулом и оправданием для жестоких репрессий. [989]

Тем временем на границе собиралась армия вторжения под командованием герцога Ангулемского, племянника Людовика XIV. Из Байонны 2 апреля он издал манифест о том, что он прибыл не воевать, а освободить плененного короля, восстановить Алтарь и Трон, освободить духовенство из ссылки и весь народ от господства, которое готовило разрушение Испании. 7 апреля армия пересекла Бидассоа, состоящая из 91 000 человек, из которых 35 000 были испанскими роялистами. Дисциплина в ней была безупречной, а поведение достойным восхищения. Повсюду его встречали как освободителя, с криками “Да здравствует абсолютный король, да здравствует Религия и инквизиция”. Сопrotивление было невозможно, и, хотя были организованы пять армий, ни одна достойная упоминания попытка предпринята не была, за исключением Каталонии, где неукротимый Мина продлил бесполезную борьбу до ноября, и Кадиса, где так называемое правительство боролось за существование. Осада была начата там 23 июня и продлилась до 1 октября, когда Фернандо был торжественно доставлен в лагерь своих французских освободителей. И все же, если бы риторика могла дать отпор захватчикам, они были бы рады избавиться от красноречия, которым сопровождалось торжественное объявление войны 29 апреля, когда Флорес Кальдерон хвастался, что груди депутатов создадут непробиваемый вал вокруг конституционного короля и его семьи. [990]

Если французы пришли как умиротворители, они совершили ошибку, приведя с собой Временную хунту из четырех бешеных роялистов, официально сформированную в Озарзуне 9 апреля. Оно представилось правительством и издало манифест, отменяющий все акты революции и восстанавливающий условия, существовавшие до 7 марта 1820 года. [991] Оно использовало свой авторитет для таких беспощадных проскрипций, что даже роялисты встревожились и обратились к де Мартиньяку, королевскому комиссару, сопровождавшему Ангулем, указывая на зло, которого можно ожидать от такой жестокости. Ссоры внутри хунты послужили предлогом для ее замены, и Ангулем, достигнув Мадрида, уполномочил советы Кастилии и Индии назначить регентство, во главе которого стоял герцог дель Инфантадо. Этот орган 4 июня опубликовал манифест, обещающий использовать свою власть для предотвращения преследований и эксцессов, поддержания внутреннего мира, исполнения законов и обеспечения уважения королевской власти. [992]

Это были справедливые слова, опровергнутые действиями. Вся договоренность была продиктована секретными инструкциями Фернандо, и проскрипции и преследования продолжались так же активно, как и прежде. Регентство подтвердило меры хунты по организации отрядов так называемых добровольцев-роялистов, в обязанности которых входило арестовывать и сажать в тюрьму всех, кого жадность или недоброжелательность могли определить в качестве объектов подозрения, в этой работе им помогала толпа, всегда готовая к насилию и грабежу. В Сарагосе полторы тысячи человек были отправлены в тюрьму населением во главе со священниками и монахинями. В Наварре вождь партизан, известный как эль Трапенсе, совершил отвратительные бесчинства. В Мадриде и Кордове тюрьмы были переполнены заключенными. Эта работа продолжалась в большинстве городов, когда

национальные силы отступали, жертвами были в основном богатые и влиятельные граждане, в то время как с кафедр раздавались призывы к преследованиям и истреблению, а французские войска, насколько могли, сдерживали беспорядки. [993]

ОСВОБОЖДЕНИЕ ФЕРНАНДО

Несмотря на свое нежелание вмешиваться, Ангулем почувствовал себя призванным положить конец жестокости и невежливости этих преследований, и по пути в Кадис он издал из Андухара 8 августа указ, запрещающий аресты испанскими властями без разрешения комендантов войск округов, которым было поручено освободить всех политических заключенных и арестовывать тех, кто нарушал эти приказы, в то время как все периодические издания подвергались проверке комендантов. Министры иностранных дел, однако, протестовали против этого как посягательства на независимость Испании, что придало смелости регентству выступить с протестом в надменной и дерзкой манере. Роялистские добровольцы Наварры в манифесте от 20 августа расточали оскорбления и угрозы в адрес герцога; мемориал, адресованный ему 23 августа, подписанный Эгией и большим количеством военачальников и священников, клеймил его усилия по умиротворению как попытку увековечить нечестивую фракцию, и требовал восстановления инквизиции. Везде, где не было французских войск, указ игнорировался, и в конце концов Ангулем, то ли по указанию своего двора, то ли боясь открыто выступить против регентства, издал пояснительный приказ, который фактически отменил указ. Очевидно, что на обезумевшей земле не должно было быть мира. [994] Даже Регентство сочло необходимым снять с себя ответственность за ужасы, творившиеся повсюду. 10 августа он приказал привлечь к ответственности бунтовщиков, которые в Алькале, Гвадалахаре и Торрехоне совершили ужасные бесчинства под предлогом мести за перевод короля в Кадис, а 13 августа он приказал народу умерить свое рвение в проведении арестов, но, хотя он мог разжечь страсти, он был бессилён обеспечить порядок. [995]

Когда, ввиду безнадежности дальнейшего сопротивления в Кадисе, Фернандо 28 сентября сообщили, что он может отправиться во французский лагерь, поднялась суматоха и прозвучало требование гарантий. Он вызвал министров, сказав им, что желает дать гарантии, и приказал Хосе Марии Калатраве составить указ, объявляющий по его собственной воле и на вере в его королевское слово, что он примет форму правления, обеспечивающую счастье нации, личную безопасность, собственность и гражданскую свободу испанцев, с полным забвением прошлого. Документ об амнистии был дополнен тщательно продуманными деталями, и, когда 30-го числа он был представлен ему на подпись, он сказал, что, чтобы устранить все сомнения, внесет некоторые изменения собственноручно, что он, соответственно, и сделал, сделав некоторые пункты более четкими и выразительными. [996] Когда на следующий день он был принят Ангулемом, он заперся с герцогом дель Инфантадо и Виктором Дамьеном Саезом, своим бывшим духовником, которого он назначил всеобщим министром, и, прежде чем беседа закончилась, был составлен и подписан указ из двух статей; первая объявляла недействительными все акты с 7 марта 1820 года; вторая подтверждала запреты озарзунской хунты и регентства. Распечатанные копии этого документа, а также опубликованного накануне, были распространены, к немалому недоумению всех заинтересованных сторон. Затем генерал Бурмон, французский командующий, узнал, что Фердинанд тайно вынес смертный приговор некоторым присутствовавшим там видным либералам, после чего они были доставлены на военно-морских судах в Гибралтар и спасены от его кровавой мести. Это было всего лишь

предвкушением грядущего гнева. [997] Предписывающие и репрессивные меры следовали друг за другом, и преследование, начатое регентством, было обострено и систематизировано.

Десять лет реакции.

Французы уже обнаружили, что они вырастили демона, которого не могли изгнать. Они безоговорочно вернули к абсолютной власти принца, который был совершенно неверен, которого не могли связать никакие обещания, который заботился только об удовлетворении своих страстей и который был окружен мстительными советниками, жаждущими крови и добычи своих соотечественников. Тюрьмы были переполнены до отказа, и неукротимая свирепость толпы, подстегиваемая кафедрой, обрушивалась на беззащитных жертв. Это был скандал перед лицом всей Европы, и он остро ощущался. Были предприняты усилия, чтобы исправить причиненный вред, но без особого успеха. Фернандо, покидая Кадис, написал Людовику XVIII, выражая свою благодарность, и Людовик воспользовался возможностью, чтобы в своем ответе внушить ему свой собственный пример и пример их предка Генриха IV как единственное средство установления мира в обезумевшей стране, предупредив его, что слепой деспотизм ослабляет, а не укрепляет королевскую власть. Ангулем выразил свое неодобрение декрету от 1 октября, и между ним и Фернандо возникла прохлада, которая продолжала нарастать. Они расстались 11 октября, Ангулем отказался от всех почестей на обратном пути и оставил командовать Бурмона. Французская армия постепенно сокращалась, но последние отряды покинули Испанию только в ноябре 1827 года.

НЕУДАЧА ШАТОБРИАНА

Уверенный в такой защите, фернандо был глух к возражениям. Это правда, что, когда послы держав встретились с ним в Севилье, под их давлением он издал указ от 22 октября, в котором выражались ожидания относительно того, что он будет делать по прибытии в Мадрид, но обещания ничего ему не стоили, и они были такими же бесполезными, как и обещания от 30 сентября. Чтобы подчеркнуть необходимость примирения, французский кабинет убедил российского посла Поццо ди Борго посетить Мадрид во имя Священного союза. Он прибыл туда 28 октября и провел долгие совещания с Фернандо и Виктором Саесами, призывая к помилованию и всеобщей амнистии, но в ответ не услышал ничего, кроме расплывчатых обобщений. [998]

Если бы на карту не было поставлено благополучие нации, размышления Шатобриана об успехе своего предприятия и его переписка с Талару, французским послом, вполне могли бы вызвать улыбку. По его словам, ему претит иметь дело с монархом, который готов сжечь свое королевство с помощью сигары, и он заявил, что современные монархи, похоже, специально созданы для разрушения общества, готового погибнуть. В Испании политической язвой является король, и применить лекарство практически невозможно. Сначала он предполагал, что может диктовать политику, и утверждал, что не потерпит безумств короля и не позволит Франции выглядеть соучастницей глупости и фанатизма. Талару должен был говорить как хозяин; если министерство было ему не по душе, он должен был изменить его, поскольку угроза вывода войск была тем, что заставило бы Фернандо прислушаться к голосу разума. Однако вскоре он обнаружил, что за министерством стоит камарилья — реальная сила, которую невозможно сместить, — и что духовенство также является органом, с которым нужно считаться. Пыл Шатобриана иссяк перед непроницаемостью разума и аргументов Фернандо и его советников, и его требования сократились до просьбы об указе об амнистии — он знал, что

это было бы плохо оформлено, но, по крайней мере, создавалось бы впечатление, что он что-то делает. После нескольких месяцев настойчивых попыток Фернандо, наконец, согласился на это. Был разработан довольно либеральный план, но после того, как он был представлен на доработку друзьям дона Карлоса, епископам, тайной хунте Эстадо и Совету Кастилии, его создатели едва ли смогли его распознать. Хотя он предлагал помилование всем участникам беспорядков с 1820 года в поддержку Конституции, существовало пятнадцать категорий исключений, некоторые из которых были расплывчатыми и всеобъемлющими. Он приказал освободить всех заключенных, не включенных в исключения, но этому не подчинились. Он приказал епископам внести свой вклад в достижение унии, но лишь немногие из них сделали это. Оно было датировано 1 мая 1824 года, но опубликовано было только 20-го, и этот промежуток времени использовался по всей Испании для сбора доказательств, чтобы отнести лиц к исключенным классам, чтобы их можно было арестовать одновременно с опубликованием указа; тюрьмы были заполнены новыми жертвами, а суды завалены судебными преследованиями. Кроме того, суды были дополнены военными комиссиями, процедура которых была неофициальной и краткой. *Мадридская касета* с 24 августа по 12 октября 1824 года зафиксировала 112 казней через расстрел или повешение. Какая бы мизерная милость ни была оказана либералам в этом указе, она была более чем уравновешена другим указом от 1 июля, дарующим прощение за все нападения и телесные повреждения, совершенные в отношении них или их имущества, за исключением случаев, когда в результате произошло убийство. [999] Таким образом, добровольцы-роялисты получили полную свободу действий, а либералы были фактически объявлены вне закона.

ТРЕБОВАНИЯ ИНКВИЗИЦИИ

Проскрипции и преследования были систематизированы беспрецедентным образом путем составления списков всех подозреваемых. В течение конституционного периода Фернандо вел "Либро Верде", записывая имена всех, кто вызывал у него недовольство, таким образом отмечая их для будущей мести. После его возвращения к власти была сформирована тайная хунта эстадо, состоящая в основном из духовенства, в обязанности которой входил сбор информации против всех, кто выступал против абсолютизма. Доносы поступали от священников и немощных, от врагов и от доносчиков самого низкого пошиба, которым была обещана нерушимая тайна, и все накопленные таким образом скандалы и ложные свидетельства записывались напротив названия партии для использования в случае необходимости. Список был разделен на округа, и копии были разосланы соответствующим интендантам полиции, которые внесли такие дополнительные имена и обвинения, какие смогли почерпнуть из всех источников, какими бы мерзкими они ни были. Таким образом, свобода и собственность каждого человека находились во власти тайных и безответственных осведомителей. Это было Либро Верде в масштабах, которые сама инквизиция никогда не могла себе представить, и система была более тщательной и более опасной для невинных, чем система инквизиции. [1000] Таково было положение Испании в течение ужасных десяти лет, с 1823 по 1833 год, известных как *Эпоха Шаперона*— Шаперон был президентом военной комиссии Мадрида и печально известен своей жестокостью.

Один из результатов этого хорошо изложен в исключительно откровенном заявлении, адресованном Хавьером де Бургосом Фернандо 24 января 1826 года. Его послали в Париж для переговоров о займе, и он приписывает свою неудачу не столько бедности страны, сколько отсутствию мира, необходимого для процветания, и это стало результатом последовательных

проскрипций, опустошивших Испанию. Теперь, говорит он, простые полицейские приказы лишают общих прав целые классы и подвергают их наказаниям, которые в странах с хорошим порядком могут быть назначены только трибуналами. Много говорится о лиге европейских банкиров против испанских кредитов, но она стала непобедимой только благодаря усилиям шести или восьми тысяч изгнанников, объявленных вне закона в Англии, Франции и Бельгии. Несколько дней назад журнал, представляющий интересы торговли и промышленности, написал: “Что касается Испании, то она продолжает стремительно скатываться в варварство. Это вторая Турция, только более несчастная и хуже управляемая”. Мексика, Колумбия, Перу и Чили получают кредиты, хотя их независимость и не признана, но Испания не может получить мараведи. [1001] Следует отдать должное Фернандо за то, что он добродушно воспринял эту простую фразу и впоследствии вручил писателю крест Карлоса III, но он остался невосприимчив к хорошему совету.

Указы регентства и Фернандо, восстанавливающие условия, существовавшие до 7 марта 1820 года, и аннулирующие все последующие акты, казалось, неизбежно возродили инквизицию. Его чиновники, однако, не решались возобновить свои функции без положительного приказа, и было известно, что французы были против его восстановления. В Ангулем были поданы многочисленные петиции об этом, но он уклонился от категорических ответов, заявив, что добьется освобождения короля и предоставит ему самому определять, что наилучшим образом будет способствовать счастью нации. [1002] После освобождения Фернандо посыпались поздравления, в которых его тепло благодарили за запретительные меры, и среди них было много призывов к инквизиции приступить к работе. Если в данный момент он хотел удовлетворить эти пожелания, его сдерживало серьезное противодействие союзников, которые особенно уклонялись от ответственности за возрождение института, вызывающего всеобщее отвращение. Как написал Шатобриан Талару 1 декабря, “Мы не допустим, чтобы наши победы были опозорены проскрипциями или чтобы костры инквизиции были воздвигнуты как алтари нашим триумфам”, а 11 декабря он заявил, что необходимо, чтобы королевский духовник не был инквизитором. [1003]

Однако Фернандо, похоже, уже задавался вопросом, действительно ли инквизиция могла бы принести ему политическую пользу, и, поскольку религия для него была всего лишь вопросом политики, он предпочел оставить этот вопрос в покое, не связывая себя обязательствами. Рассказывают, что однажды, когда епископ крайних взглядов убеждал его в полезности инквизиции для короны, он прошел через комнату к балкону и, взглянув на безмятежное небо, воскликнул: “Какие облака! надвигается сильная буря”. [1004] Его намерения, однако, были косвенно проявлены указом от 1 января 1824 года, который отнял у *публичного учреждения* управление имуществом инквизиции и передал его *генеральному коллектору Эсполиоса*, которому было поручено выплачивать жалованье всем должностным лицам трибуналов. [1005] Это указывало на то, что не было намерения восстанавливать деятельность учреждения, и Фернандо придерживался этого, несмотря на сохраняющуюся срочность.

ИНКВИЗИЦИЯ БЕЗДЕЙСТВУЕТ

Фактически, когда реакция установилась, Фернандо не мог не признать, что он ничего не выиграет от инквизиции и может чем-то рискнуть. Его единственной целью был неограниченный абсолютизм. Обстоятельства позволили ему достичь этого в такой степени,

какой не достиг ни один из его предшественников. Поражение либералов было настолько полным, а раболепие роялистов столь велико, что он мог пренебречь остатками старых испанских институтов, которые все еще сдерживали корону. Из этого не делалось никакого секрета. Королевский указ от 17 октября 1824 года одним ударом уничтожил все муниципальное самоуправление Испании; *аюнтаменты* городов больше не должны были быть выборными; лица, занимающие посты, должны были выбирать своих преемников по трети за раз, а назначенцы подвергались пересмотру королевской аудиенцией, в то время как в преамбуле открыто заявлялось, что целью этого было то, чтобы с испанской земли навсегда исчезла самая отдаленная идея о том, что суверенитет находится где-либо еще, кроме королевской особы, и люди должны знать, что ни малейшее изменение никогда не коснется Испании. быть внесенным в основные законы монархии. [1006]

Единственная претензия инквизиции на эффективность, большую, чем у полиции и королевских трибуналов, заключалась в делегированных ей папой полномочиях, и монарху, решившему таким образом сосредоточить в своих руках всю власть, естественно, было неприятно использовать в политических целях иностранную власть, которая, по крайней мере номинально, не находилась под его собственным контролем. Этим возражением он мог бы пренебречь, если бы у него были основания ожидать от инквизиции каких-либо особых услуг, но таковых не было. Пока в Испании все еще существовал закон, инквизиция могла быть полезна, поскольку стояла выше закона, но теперь, когда закон был просто *sic volo, sic jubeo*, инквизиция была излишней, в то время как ее секретная процедура была более медленной и громоздкой — возможно, даже менее определенной — чем у военных комиссий; и описанная выше система списков подозреваемых с доказательствами, собранными из всех источников тысячами информаторов, была гораздо более всеобъемлющей по плану и деталям, чем все, что когда-либо пыталась сделать инквизиторская организация.

Инквизиции, таким образом, нечего было предложить, и, каким бы беспечным ни был Фернандо по отношению к общественному мнению Европы, даже он мог признать мудрость избегания гнусности восстановления института, столь повсеместно осуждаемого. Для жертв не имело большого значения, назывались ли их судьи военными комиссарами или инквизиторами; их преступления подлежали суду со стороны обоих, поскольку с кафедр звучала доктрина о том, что все конституционалисты и либералы были янсенистами и еретиками — доктрина, оправданная королевским указом епископам от 2 мая 1824 года, требующая от них совершать в своих епархиях Миссии, призывающие либералов к покаянию. [1007]

Однако в этом молчаливом предположении о том, что регалии позволяли королю по своему усмотрению продлевать упразднение Священной канцелярии, которое в 1813 году было доказано учеными богословами как нарушение канонов и авторитета Святого Престола, присутствовал скрытый янсенизм. Клерикальная партия была беспокойна и недовольна, тем более что, поскольку теория правления Фернандо заключалась в том, чтобы обезопасить его собственную власть, посеяв раздор среди своих последователей, он иногда отдавал предпочтение умеренным роялистам против экстремистов. Последние не были довольны даже господствующими жестокими преследованиями и жаждали еще одного расследования с инквизицией в качестве ее инструмента. Тайная организация, известная как *Апостольская хунта*, или *Ангел Экстерминадор*, обратила свой взор на Дона Карлоса как на лидера, который мог реализовать их устремления, поскольку он был полностью под влиянием священников и принадлежал к экстремистской фракции, к тому же был предполагаемым наследником в

вероятном случае смерти Фернандо, не оставив потомства. Карлос, однако, хотя и не отличался сильным характером, отличался строгой честностью и был связан с Фернандо узами взаимной привязанности, которые сохранились до конца. Он был вполне доволен шансами наследования престола, но его жена Франциска Португальская и ее сестра принцесса Бейрская, вдова инфанта Педру, были честолюбивы. Его апартаменты в королевском дворце были центром интриг, в которых он лично не участвовал, в то время как Фернандо, который через своих шпионов был в курсе событий, не вмешивался, полагаясь на лояльность своего брата и свою собственную способность подавлять попытки покушения на себя.

ВОССТАНИЕ В КАТАЛОНИИ

В 1824 и 1825 годах в различных провинциях происходили движения и восстания экстремистов, которые свидетельствовали о согласованных действиях и были подавлены с большей или меньшей легкостью, за исключением Каталонии. Там скрытые лидеры заговора обнаружили население, недовольное, по их мнению, вялостью правительства, которое, как им сказали, теперь контролируется вольными каменщиками. Более того, старые члены Армии Веры сочли себя недостаточно вознагражденными за свои услуги и организовались под названием *Agraviados*, образовав ядро "Федерации чистых реалистов", более роялистской, чем король. Ближе к концу 1826 года был распространен манифест Федерации, призывающий к необходимости возвести на трон Дона Карлоса; ее организация быстро расширилась, и на 1 апреля 1827 года было назначено восстание, которое было быстро подавлено, а повстанцам было даровано помилование. Умиротворение было лишь временным. В июле в Манресе была сформирована *Высшая хунта*, а в августе колокольный звон призвал *соматинцев* или новобранцев в массовом порядке взяться за оружие, когда часть войск присоединилась к восстанию, которое вскоре достигло апогея в Каталонии. В отчете, сделанном 27 августа Дехесой, фискалом суда Барселоны, говорится, что боевой клич повстанцев был "Да здравствует инквизиция! Смерть Конституции! Смерть неграм! Смерть полиции!" Им сказали, что восстание было организовано по приказу папы римского и что король был окружен вольными каменщиками; предполагалось, что это дело рук духовенства, которое желало восстановления инквизиции и сделать себя всемогущими, потакая фанатизму невежественных горцев. [1008]

О том, что ситуация становилась опасной, свидетельствует единственный королевский поступок в послужном списке Фернандо, поскольку он решил сам посетить Каталонию, предварительно отправив туда графа Испании со всеми полномочиями. Он прибыл в Таррагону 28 сентября, где был повсюду встречен с энтузиазмом, хотя большой отряд добровольцев-роялистов, собранных как бы для того, чтобы оказать ему честь, безуспешно пытался похитить его. Из Таррагоны он издал прокламацию о том, что те, кто не сложит оружие в течение двадцати четырех часов, не должны ожидать пощады и что он поступит с их лидерами так, как сочтет нужным. Тайные общества уже издали приказы о умиротворении; организованное сопротивление было прекращено, девять вождей были повешены, и в стране быстро воцарился мир. Карлос не принимал участия в восстании, но он знал о планах и не выступал против них, и впоследствии название карлистов использовалось для обозначения крайних роялистов. [1009]

Примечательно, что, когда Фернандо приказал епископам призвать своих подданных к миру, некоторые из них подчинились, но Пабло де Хесус де Коркуэра-и-Казерта, прелат Вича, отказался в письме от 6 октября на том основании, что он не мог добросовестно это сделать.

Фернандо, по его словам, не сдержал своих обещаний; он собрал хунту для проверки всех находящихся в обращении книг, но ядовитые, такие как книга Томаса Кемписа, были разрешены к прочтению; он приказал восстановить все условия, существовавшие до 7 марта 1820 года, однако инквизиция не была восстановлена; были указаны другие королевские недостатки, и перед лицом всего этого епископ не мог не участвовать в мирских делах; проповедовать послушание, как требуется, означало бы скомпрометировать епископат и стать орудием враги Бога, и это ни к чему не привело бы, потому что было бы невозможно заставить людей думать иначе. Эти откровенные чувства вспыльчивого епископа объясняют многое из того, что является самым печальным в современной испанской истории; он не был наказан за них, но, когда граф Испании прибыл в Вичем, он вызвал к себе непокорного прелата и напомнил ему о судьбе Акуньи Саморской, которая могла бы повториться, если бы это было угодно католическому королю. [1010]

После этого больше не было требований о восстановлении инквизиции, поскольку решимость Фернандо была признана неизменной. Однако какое-то время он не принимал свое подавление как окончательное и все еще стремился выполнять некоторые из своих функций в надежде на повторное возрождение. Это подтверждается реестром Валенсии, кропотливо и добросовестно составленным и доведенным до конца 1824 года, и, по-видимому, то же самое было сделано в Мадриде, поскольку в документе 1817 года есть примечание, относящееся к Мадридскому реестру от 31 января 1824 года. По мере того как продолжалась выплата заработной платы, поддерживалась организованность и устраивалось шоу выполнения какой-то работы. Таким образом, регистр Валенсии содержит несколько дел, в которых он действовал в 1824 году, хотя он скромно называет себя “*este tribunal eclesiastico*“, а не “*Santo Oficio*”. Таким образом, Валеро Андреу был обвинен в богохульном предложении и был должным образом приговорен. Уголовный суд Валенсии считал, что он все еще функционирует, и, когда в ходе судебных процессов появлялись доказательства того, что инквизиция могла установить, доказательства направлялись в трибунал, который вызывал преступника и выносил ему приговор, однако наказание было не более чем выговором. Зарегистрировано три случая такого рода, последний из которых произошел 3 июля 1824 года. [1011] Мы можем справедливо предположить, что по крайней мере в некоторых других трибуналах тривиальная работа такого рода выполнялась аналогичным образом.

ОСТАТКИ ИНКВИЗИЦИИ

Некоторые документы, связанные со ссорой между должностными лицами трибунала Майорки, дают нам представление о его внутреннем состоянии в 1830 году. Его бизнес заключался в сборе переписей и других источниках дохода. Таких было много — займы городам и деревням, а также частным лицам по всем островам; платежи, как правило, запаздывали, а их взыскание требовало значительных усилий, часто связанных с судебными разбирательствами. Инквизитор исчез, хотя из другого документа мы узнаем, что его звали Франсиско Антонио Андрака и что он получал свое жалованье в другом месте. Нынешним главой трибунала был хуес *субделегато*, представитель старого судебного округа; существовали казначейство и аудиторский отдел *с администратором тесореро* Хуаном Антонио Тогоресом, который был инвалидом, и которого представлял его сын Хосе Антонио Тогорес. Секретарем *secreto* был Бартоломе Серра-и-Беннассар, исполнявший обязанности аудитора *временно*, секретарем которого был Педро Маскаро, нотариус секвестраций. Единственным другим официальным лицом был портье Себастьян Банза. Тогорес утверждает, что, когда здания были разрушены в 1820 году, он навлек

на себя множество враждебных действий из—за попыток добиться возврата награбленных материалов - среди прочего, на графа Айаманов подали в суд за кражу строительного камня. Тогорес возвел стену вокруг этого места, и груды камня и черепицы до сих пор лежали там разбросанными. За пределами ограды были возведены несколько небольших зданий для офисов, а внизу - склад для хранения спасенных материалов. Одно из выдвинутых против него обвинений заключалось в том, что он использовал участок старого сада старшего инквизитора для выращивания овощей и цветов для себя. [1012] Этот взгляд на старых чиновников, цепляющихся за руины того, что когда-то было таким грозным, впечатляет.

Из этой ссоры мы узнаем, что центральным органом инквизиции был Генеральный управляющий имуществом инквизиции — очевидно, подчиненный генерального колектора де Эсполиоса, которому активы были переданы указом от 1 января 1824 года. В 1830 году этим генеральным суперинтендантом был старый инквизитор Валентин Зорилья, а фискалом у него был другой инквизитор, Висенте Алонсо де Вердехо. Генеральный инквизитор Херонимо Кавильон-и-Салас, епископ Таразоны, по-прежнему получал жалованье в размере 71 491 реала 24 млн. евро и умер только в 1835 году. Из Супремы в живых остались только двое: декан Этенар и Кристоаль Бенкомо, архиепископ Гераклеи, которые к 1833 году исчезли, оставив Этенара одного. Оставался еще *релятор*, личный секретарь генерального инквизитора, хранитель архивов и четыре младших чиновника. Однако все они были простыми пенсионерами. Активная организация состояла из суперинтенданта и его фискала, а также казначея и генерального приемщика *временно исполняющего обязанности* дона Анхеля Абада, чьи отчеты за 1830 год показывают, что он получал чеки, составленные несколькими трибуналами

Из	Валенсии	35 000	рупий.
	Кордова	26 000	
	Барселона	28 000	
	Гранада	60 000	
	Америка	93 417	.17
	Сантьяго	52 000	
	Мурсия	60 000	
	Майорка	50 000	
	Сарагоса	84 000	
	Канары	112 635	.17

Логроньо, Мадрид, Куэнка и Льерена, по-видимому, ничего не внесли. Суммы, зачисленные Америке и Канарским островам, вероятно, были старыми балансами. Квитанции от пребендов, должно быть, направлялись непосредственно суперинтенданту, поскольку указ об окончательном уничтожении в 1834 году показывает, что они все еще хранились в интересах инквизиции. Были и другие источники доходов, в основном от цензоров, наиболее заметным из которых был доход графа Альтамыры, с которого в 1830 году была взыскана сумма в 272 335 реалов 25 млн., что является задолженностью, которая, по-видимому, относится к 1818 году. Он все еще был наследственным альгуасиль-мэром севильского трибунала, и в этом качестве получал годовое жалованье в размере 4411 реалов 26 млн. Герцог Мединасели, будучи альгвасильским мэром мадридского трибунала, по-прежнему получал свою ежегодную стипендию в размере тысячи реалов и лично подписывал ежемесячные квитанции. Имеются

разрозненные записи о выплатах должностным лицам различных трибуналов, свидетельствующие о том, что они постепенно сокращались, а в платежной ведомости оставались беженцы от американских инквизиций. [1013] Таково было предсмертное состояние Святой Канцелярии накануне ее исчезновения.

В то время как инквизиция, таким образом, была приостановлена, более ревностные епископы заменили ее так называемыми *Хунтами фе*, основанными на тех же принципах, с соблюдением тайны процедуры и осуществляющими юрисдикцию как во внешнем, так и во внутреннем суде. По-видимому, не сохранилось никаких записей о разбирательствах этих необычных трибуналов, за исключением случая Валенсии, где архиепископство было присвоено Симону Лопесу в награду за его защиту Священной канцелярии в кордонах Кадиса. Едва ли не первым его поступком при вступлении в новый сан, в 1824 году, было издание пастырского указа, подтверждающего государственную хунту, созданную его предшественником Веремундо Ариасом, и уполномочивающего ее принимать доносы. Он занял президентский пост вместе со своим коллегой доктором Мигелем Торансой, бывшим инквизитором Валенсии, доктором Хуаном Баутистой Фалько в качестве финансового директора и доктором Хосе Ройо в качестве секретаря. [1014]

JUNTAS DE FE

Таким образом, старый трибунал был возрожден под другим названием, и это быстро доказало, что такие хунты были более опасны, чем хунты инквизиции, поскольку они не подлежали надзору и контролю Верховного Суда. Бедный школьный учитель из Ризаффы по имени Каэтано Рипол, участвовал в Освободительной войне и был перевезен в качестве пленника во Францию, где стал извращенцем. Он отказался от христианства ради деизма, и в то же время был живым воплощением учения Христа, делился своими скудными средствами с нуждающимися и постоянно повторял: “Не делай другим того, чего не сделали бы тебе”. Он не стремился распространять свои убеждения, но некая беата осудила его перед хунтой за то, что он не водил своих учеников на мессу, не заставлял их преклонять колени перед проходящим виатиком и за замену в его школе восклицания “Хвала Господу” вместо “Аве Мария пуриссима”. Он был арестован 29 сентября 1824 года, и суд над ним длился почти два года. Показания подтвердили донос и показали, что единственным религиозным наставлением, которое он давал своим ученикам, были Десять заповедей. Во время своего затянувшегося судебного процесса он не жаловался; он делил свою скудную тюремную пищу со своими товарищами по заключению; он открыто признавал свои убеждения, и неоднократные попытки теологов обратить его в свою веру были тщетны. В приговоре указывалось, что трибунал проконсультировался с хунтой де Фе и пришел к выводу, что ему следует смягчить наказание как формальному и упрямому еретику, что было подтверждено архиепископом. Не было никакой лицемерной мольбы о пощаде, и Сала дель Кримен Аудиенции, куда он был передан, не предоставила ему ни слушания, ни возможности для защиты. Его функция была чисто министерской, и он ничего не знал о его действии, пока ему не был объявлен приговор о том, что в течение двадцати четырех часов он должен быть повешен и сожжен, но сожжение могло быть образным, если изобразить пламя на бочке, в которую его тело должно быть брошено в неосвященную землю. Он выслушал это с терпеливой покорностью, которую демонстрировал на протяжении всего судебного процесса, и

его последними словами на виселице 26 июля 1826 года были: “Я умираю примиренным с Богом и людьми”. [1015]

Это варварство возмутило всю Европу и оказалось последней казнью за ересь в Испании. Хотя это удовлетворило фанатиков, которые требовали возрождения инквизиции, это вызвало недовольство Фернандо, который уведомил Аудиенцию о том, что правительство не признает такие трибуналы, как хунтас де фе. [1016] Несмотря на этот упрек, епископальная хунта продолжала осуществлять незаконную и безответственную юрисдикцию, пока пострадавшие не обратились к Святому Престолу за защитой, в которой им было отказано дома. Пий VIII прислушался к их молитве, будь то из соображений гуманности или установления в Испании юрисдикции, которую инквизиция так усердно стремилась исключить, и в конституции от 5 октября 1829 года он перечел многочисленные молитвы, доходящие до него от тех, кого преследовали в Испании за вопросы веры, с просьбой дать им возможность обжаловать приговоры, вынесенные архиепископами и епископами, прежде чем быть подвергнутыми наказанию. Чтобы избавить их от расходов и задержек с апелляциями в Рим, он уполномочил трибунал Роты при папской нунциатуре рассматривать все апелляции по вопросам веры, даже дважды, трижды, четыре или пять раз подряд, пока не будут вынесены три согласующих приговора. [1017] Фернандо был менее чувствителен, чем его предшественники, к папским посягательствам, и он придал этому силу закона королевским указом от 6 февраля 1830 года.

Кристина.

ВОПРОС О ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИИ

Смерть королевы Амалии 17 мая 1829 года стала обильным источником интриг, поскольку четвертый брак Фернандо мог оказаться плодотворным и, таким образом, разрушить перспективы дона Карлоса. Усилия карлистов предотвратить это были тщетны, и 9 декабря Фернандо женился на своей дочери, неаполитанской принцессе Марии Кристине де Бурбон, чья сестра Карлотта была женой инфанта Франсиско де Паула, второго брата Фернандо. Вскоре появилась перспектива появления наследника престола, и неопределенность в отношении пола привела к тому, что было целесообразно заранее определить, действует ли салический закон, исключающий женщин из права наследования, или нет. Древнее испанское право, выраженное в Partidas, предусматривало наследование дочери в отсутствие сыновей или детей сына. [1018] Согласно этому, Испания была свидетелем славного правления Изабеллы Католички и несчастной Хуаны ла Лока, и наследование по женской линии, за исключением детей мужского пола, было прочно закреплено в национальной традиции до 1713 года, когда Мария Луиза Савойская убедила своего мужа Филиппа V внести изменения. Для достижения этого потребовалось большое давление, но прагматика, согласованная Кортами, предусматривала, что только в случае полного отсутствия представителей мужского пола дочери последнего правящего монарха должны были унаследовать престол в соответствии с возрастом, и все законы, противоречащие этому, были аннулированы. [1019]

В 1784 году поговаривали об отмене этой прагматики, но это было отложено до восшествия на престол Карлоса IV, когда корты 1789 года обратились с петицией о возрождении закона о Партиях. Король согласился, но, чтобы не оскорблять правящие дома, чьи возможные претензии на престолонаследие были таким образом пресечены, это было сохранено в

строжайшем секрете, хотя и хранилось в архивах. [1020] Такова была позиция, когда Фернандо, чтобы обеспечить наследование возможной дочери, прагматичным указом от 29 марта 1830 года приказал опубликовать закон 1789 года и потребовал буквального соблюдения закона Сторон. [1021] Карлисты открыто осудили судебные процессы 1789 года как мошеннические, они были уверены в поддержке двухсот тысяч добровольцев-роялистов и рассматривали новую прагматику как повод для более энергичной организации.

В положенный срок, 10 октября, родилась девочка, известная в истории как Изабелла II. Карлос считал, что его права были принесены в жертву, и, хотя он отказался схватиться за скипетр при жизни своего брата, он заверил своих сторонников, что не позволит своему племяннику взойти на трон. Здоровье Фернандо быстро ухудшалось из-за повторяющихся приступов подагры, и 17 сентября 1832 года его жизнь была под угрозой. Перспектива была самой критической. Карлосу были сделаны предложения разделить власть, но он заявил, что совесть и честь не позволят ему отказаться от прав, данных ему Богом при рождении. В сложнейшей ситуации Каломарде, которая в течение десяти лет была самым доверенным министром короля, рассказала Кристине об ужасах неизбежной гражданской войны и опасностях для нее самой и ее детей, поскольку она недавно родила вторую дочь, Марию Луизу Фернанду. Она уступила, Фернандо согласился и подписал документ, аннулирующий "прагматику" 1830 года, который был зачитан собравшимся министрам в ночь на 18 сентября под строжайшими требованиями сохранения тайны, но он был предательски разглашен, и копии были разосланы по двору. Слуги Кристины начали паковать ее вещи к отъезду, и Карлоса в его апартаментах приветствовали как короля.

Фернандо, однако, начал сплачиваться; многие дворяне предложили свои жизни Кристине и сформировали ассоциацию для защиты требований Изабель. Карлотта, которая была в Андалусии, поспешила в Мадрид, добравшись туда 22-го числа, и, будучи решительной по характеру, отругала Кристину и пригрозила Каломарде — говорят даже, что она ударила его по лицу, когда он с готовностью процитировал Кальдерона — “Белые руки не позорят”. Фернандо согласился отозвать указ, когда она получила оригинал и копии и уничтожила их. Это только побудило последователей Карлоса подготовиться к отстаиванию своих притязаний силой, и нельзя было терять времени на организацию отряда для сопротивления им. [1022]

Это потребовало пересмотра политики последних десяти лет, отождествляемой с Каломардом — фактически тот период часто обозначали как *Эпоха Каломарда*. Министерство было распущено; Каломард был сослан на родину, а затем отправлен в цитадель Менорки, но его спрятали в монастыре, из которого он бежал во Францию. Фернандо 6 октября подписал указ о назначении Кристины регентшей на время его болезни; на следующий день она объявила всеобщее помилование всех политических заключенных, а 15-го - всеобщую амнистию, включая изгнанников, которым было разрешено вернуться, единственными исключениями были те, кто в Севилье проголосовал за замену короля регентством, и те, кто командовал войсками против него, всех из которых Фернандо упрямо отказывался помиловать. Этот полный поворот от политики привел к некоторым преждевременным повстанческим движениям карлистов, но они были легко подавлены. [1023]

ИЗАБЕЛЛА УЗНАЛА

Декларация от 18 сентября была уничтожена, но не признана недействительной. Чтобы произвести это самым впечатляющим образом, 31 декабря было проведено собрание всех высших должностных лиц правительства, представителей вельмож и депутатов провинций, на

котором Фернандо представил голографический документ, в котором говорилось, что его отчаянной болезнью воспользовались, чтобы пригрозить ему гражданской войной и побудить подписать отмену прагматической санкции от 29 марта 1830 года; теперь, убедившись в своей неспособности изменить извечные обычаи страны, он объявил недействительной декларацию, которая была у него неожиданно вырвана. Затем он подписал документ и присвоил ему рубрику, всех присутствующих спросили, поняли ли они его смысл, и на следующий день, 1 января 1833 года, были опубликованы протоколы судебных заседаний 1789 года и их подтверждение Карлосом IV. [1024]

Следующим шагом было собрание Кортеса для принесения присяги на верность Изабель, и для этого повестка была разослана 4 апреля с назначением на 20 июня. Карлоса убрали с дороги, убедив португальского дома Мигеля пригласить его, но, когда Фернандо пожелал увезти его еще дальше, в Италию, между братьями завязалась долгая и очень любопытная переписка, изложенная в самых нежных выражениях, в которой Карлос уклонялся от повиновения. Он был единственным отсутствующим членом королевской семьи, когда состоялось заседание Кортесов, на котором все, включая епископов, вельмож, дворян и прокураторов городов, должным образом принесли присягу на верность. Все королевство последовало этому примеру, и бискайцы под историческим дубом Гуарница спонтанно признали Изабеллу наследницей Бискайи. Тем не менее, искры восстания проявлялись в одном месте за другим, и в армии были признаки неподчинения, свидетельствующие о том, что карлистская организация действовала и ждала только смерти Фернандо. [1025]

К началу сентября он был немногим больше живого трупа, а 29-го наступил конец. Похороны состоялись 3 октября, свинцовый гроб был снабжен стеклянной пластиной, через которую можно было разглядеть лицо. Герцог Алагонский, как капитан телохранителей, приказал замолчать и громким голосом воскликнул: "Сеньор!" Señor! Señor! Поскольку ответа не последовало, он добавил: "Поскольку его величество не отвечает, он действительно мертв". Несмотря на свинцовый гроб, зловоние было таким, что несколько человек упали в обморок. [1026] Можно сказать, что его пагубное влияние продолжалось до тех пор, пока могила не накрыла его — или, возможно, истина более полно выражена Бенито Пересом Гальдосом: "Этот король, который обманул своих родителей, своих хозяев, своих друзей, своих министров, своих партизан, своих врагов, своих четырех жен, свой народ, своих союзников, фактически весь мир, обманул и смерть, которая думала осчастливить нас избавлением от такого дьявола, ибо он оставил нам своего брата и свою дочь, которые разожгли ужасную войну, и наследие страданий и скандалов все еще остается в наших сердцах". неисчерпаемый". [1027]

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ВЫМИРАНИЕ

Не в нашей компетенции переживать ужасы жестокой карлистской войны, которая вспыхнула немедленно и продолжалась до Вергарского съезда в 1839 году. Беглого очерка, который мы дали о его прошлом, достаточно, чтобы показать, как Кристина, чтобы противостоять экстремистам, была вынуждена объединить партию, состоящую из умеренных роялистов и либералов, в то время как ход событий все больше и больше бросал ее в объятия последних. Торжественное провозглашение престолонаследия Изабеллы 20 октября сопровождалось мерами, ограничивающими репрессивные полномочия добровольцев-роялистов, восстановлением законов, касающихся мэров, и другими реформами конституционного

периода. То, что этот процесс, однажды начавшись, должен был продолжаться ускоренными темпами, было неизбежно, а также то, что он должен был смести жалкие остатки инквизиции. Это было настолько само собой разумеющимся и в коматозном состоянии учреждения имело столь незначительное значение, что авторы мемуаров и историки того периода, если они вообще упоминают об этом, делают это в самой краткой и небрежной манере. И все же глубокие корни, которые она пустила в национальной жизни, и влияние, которое она приобрела в народе, проявляются в том факте, что борьба за ее исчезновение продолжалась более двадцати лет и потребовала для своего завершения изменения идеалов большинства людей. Время для этого, наконец, пришло, и окончательный роспуск был завершен лишь после того, как было проведено столько обсуждений, чтобы показать, что мнения тех, кто был призван принять решение, были практически единодушны в принципе и различались только относительно целесообразности этой меры.

На заседании Совета Гобьерно 9 июля 1834 года был представлен проект указа об упразднении инквизиции и отчуждении ее имущества. Это было рассмотрено 11 июля, когда большинство, состоящее из архиепископа Мексики, герцога Байлена, маркиза лас Амарильяса и дона Хосе Марии Пуча, одобрило указ с некоторыми несущественными изменениями. Меньшинство, состоящее из маркиза Санта-Круса, герцога Мединасели и дона Франсиско Ксавье Каро, выступило против статьи, запрещающей инквизицию, на том основании, что она уже упразднена, вопросы веры рассматриваются в епископальных трибуналах, и было неуместно привлекать внимание общественности к делу, которое весь мир считал улаженным, в то время как заявление о собственности должно быть представлено в приближающийся суд. На следующем заседании, состоявшемся 13 июля, был принят указ, отражающий взгляды большинства и предлагающий определенные поправки, не имеющие принципиального значения, которые были фактически приняты Регентством. [1028] Не теряя времени, был подготовлен окончательный вариант, который был опубликован 15 июля. В преамбуле говорилось о желании Регентства укрепить общественный авторитет всеми способами, совместимыми со справедливостью; что покойный король считал непреложную епископальную юрисдикцию и законы страны достаточными для защиты религии; что указом от 4 января 1834 года епископы подвергли цензуре труды о религии, морали и дисциплине; что работа над уголовным кодексом, которая сейчас завершена, устанавливает соответствующие наказания за посягательства на религию, и что *эклезиастическая хунта*, созданная указом от 22 апреля, была занята предложением того, что было сочтено необходимым с этой целью. Поэтому Регент, чтобы обеспечить средство правовой защиты, в той мере, в какой действовал Патронат, и с согласия Святого Престола, насколько это было необходимо, после консультаций с Правительственным советом и министрами, постановил:

Статья I. Трибунал инквизиции объявляется окончательно упраздненным.

Статья II. Его имущество присваивается для погашения государственного долга.

Статья III. Сто одна канония, прилагаемая к инквизиции, применяется к тому же объекту в соответствии с королевским указом от 9 марта прошлого года и на время, указанное в апостольских буллах.

Статья IV. Сотрудники, которые владеют пребендами или получают оплачиваемые гражданские должности, не будут претендовать на средства Трибунала.

Статья V. Остальные сотрудники будут получать из компенсационного фонда точную заработную плату, соответствующую классификации, которую они установят совместно с еклезиастической хунтой. [1029]

Таков был краткий и решительный указ, положивший конец существованию института, созданного благочестием Изабеллы и фанатизмом Торквемады.

ПРЕВРАТНОСТИ ТЕРПИМОСТИ

Все еще оставались хунты епископов, по крайней мере, некоторые из которых упорно поддерживали их старыми инквизиторскими методами, несмотря на конституцию Пия VIII и королевский указ от 6 февраля 1830 года. Их продолжение было несовместимо с быстро растущим антиклерикальным духом доминирующей партии, и они были запрещены указом от 1 июля 1835 года, в котором, сославшись на игнорирование папских и королевских заявлений, Кристина приказала немедленно прекратить их, где бы они ни были созданы. Обычные епископальные суды были обязаны соблюдать закон *Partidas*, каноны и общее право во всех делах веры и других, о которых знала упраздненная инквизиция, согласовывая свою процедуру с процедурой в других церковных вопросах и принимая апелляции, разрешенные законом. Случаи вымогательства были предусмотрены пунктом, предусматривающим, что в случае возможного скандала или оскорбления нравственности должна соблюдаться благоразумная секретность, слушания должны проводиться при закрытых дверях, в присутствии обвиняемого и его адвоката, от которых ничего нельзя утаивать. [1030] Таким образом, последние следы инквизиционных процедур были запрещены на испанской земле.

После стольких веков сознательной нетерпимости урок терпимости было трудно усвоить. 14 августа 1836 года *Мотин де ла Гранха* вынудил Кристину еще раз провозгласить Конституцию 1812 года с ее запретом любой религии, кроме Римского католицизма. Этот инструмент, при всех его грубостях, вскоре был признан неработоспособным, и Конституция 1837 года ознаменовала собой прогресс, в ее простой декларации о том, что государство обязалось поддерживать культ и служителей католической религии, которой были испанцы. Затем последовала реакция, и, когда в 1845 году Конституция была пересмотрена, принцип нетерпимости был подтвержден. Европейские беспорядки 1848 года укрепили этот дух в Церкви, и он нашел выражение в уголовном кодексе 1851 года, статьи 128, 129, 130 и 131 которого предусматривают тюремное заключение и изгнание за любую попытку изменить религию Испании, за публичное богослужение в других конфессиях, за отступничество от католицизма или за публикацию доктрин, противоречащих ему. [1031] Испанских епископов даже поощряли призывать к возрождению инквизиции под их руководством, но это было бы излишним. [1032] То, что закона было вполне достаточно для подавления протестантской пропаганды, было показано в 1855 году длительным тюремным заключением и ссылкой Франсиско Руэта в Барселоне. Это правда, что в 1856 году, во время кратковременного возвращения либералов к власти, была разработана Конституция на более терпимой основе, но быстрая реакция помешала этому вступить в силу, и документ 1845 года оставался в силе до революции 1868 года. Главным учеником Руэта был Мануэль Матаморос, который обратил множество людей в Малаге, Гранаде и Севилье, но в 1860 году судебное преследование вынудило его бежать в Барселону, где он был брошен в тюрьму и доставлен обратно в Гранаду. Было арестовано еще около двадцати человек, среди которых были два его главных помощника

Хосе Альхама и Триго. Матаморос и Альхама были приговорены к восьми годам тюремного заключения, а Триго - к четырем, в то время как аналогичные приговоры были вынесены в Севилье Томасу Бордальо и Диего Месе Сантаэлло. Это дело произвело сенсацию по всей Европе; Евангелический альянс пришел в движение, и депутация, представляющая почти все нации, собралась в Мадриде, чтобы вступить за осужденных. Давление было настолько велико, что 20 мая 1862 года приговор, вынесенный тремя неделями ранее, был заменен на девять лет ссылки, что позволило евангелистам из безопасного убежища Гибралтара поддерживать отношения со своими тайными новообращенными. [1033] О том, что при такой реакции всерьез рассматривалось возрождение инквизиции, можно предположить из публикации в 1859 году брошюры, содержащей речь Остолазы в кордонах Кадиса в пользу инквизиции, и речь Муньоса Торреро и Торено против нее, с указанием манифест Кортеса, таким образом, способствующий обсуждению, под видом беспристрастности, весомости аргументов против Священной канцелярии. [1034]

Когда произошла революция 1868 года, Учредительные суды после ожесточенных дебатов 8 мая 1869 года утвердили принцип религиозной свободы решающим голосованием 163 против 40. В новой Конституции, провозглашенной 6 июня, как иностранцам, так и испанцам было гарантировано свободное исповедание иных вероисповеданий, государственных и частных, помимо католицизма. [1035] В соответствии с этим *уголовно-исполнительная реформа Кодиго*, которая все еще действует, предусматривает наказание в виде штрафа и тюремного заключения за любое вмешательство в религиозные убеждения, будь то путем принуждения к богослужениям или препятствования исповеданию выбранной человеком веры. [1036] Наконец, в 1876 году была принята еще одна Конституция, которая сохранилась до настоящего времени, после объявления римско-католицизма государственной религией, запрещающая растление кого-либо из-за религиозных убеждений или отправления культа, поскольку соблюдается христианская мораль, но она не разрешает публичные церемонии, отличные от церемоний государственной религии. [1037]

ПРЕВРАТНОСТИ ТЕРПИМОСТИ

Этот краткий обзор перипетий в развитии веротерпимости после подавления инквизиции не чужд нашему предмету, поскольку он преподает два урока. Во-первых, основные нападения на церковную систему Испании, ее членов и ее временные структуры были совершены до того, как терпимость была распространена на еретиков, поскольку секуляризация церковной собственности, отмена десятины и первых плодов и подавление регулярных орденов были осуществлены главным образом мерами, принятыми между 1835 и 1855 годами. Другая заключается в том, что слабые результаты протестантской пропаганды, начиная со времен Джорджа Борроу и заканчивая пастором Флиднером, показывают, как мало католицизму следует опасаться подобных усилий среди людей, которые, если они оставляют веру своих отцов, гораздо более склонны искать убежища в отрицании религии, чем в ереси. Вместе они демонстрируют, что ужасы инквизиции были излишними и что ущерб, который она нанесла Испании, не был компенсирован никакими соответствующими льготами даже с точки зрения Церкви.

ГЛАВА II.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД.

НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ

НИ одна современная европейская нация не пережила таких превратностей судьбы, как испанцы. Из фактической анархии кастильских королевств при Хуане II и Энрике IV решительная воля Фердинанда и Изабеллы восстановила порядок, и благодаря союзу с Арагоном, завоеванию Гранады, Неаполя и Наварры и приобретению Нового Света они оставили Испанию в самом выгодном положении. Когда при Карле V к этому добавились Нидерланды, австрийские владения, Милан и главенство Священной Римской империи, гегемония Европы была обеспечена, и перспектива установления всемирной монархии казалась достаточно возможной, чтобы возбудить опасения в Европе. Потеря империи и Австрии, доставшихся младшей ветви Габсбургов, скорее усилила, чем ослабила наследство Филиппа II, сделав его менее громоздким, в то время как приобретение Португалии объединило полуостров, а растущее богатство Индии обещало почти неограниченные ресурсы для расширения его власти. Однако эта власть, столь колоссальная внешне, уже становилась всего лишь оболочкой, прикрывающей пустоту и нищету, поскольку ее правители истощили нацию предприятиями, превосходящими ее силы и чуждыми ее интересам. На протяжении всего семнадцатого века его нисходящий прогресс был быстрым, пока после смерти Карлоса II в 1700 году он не достиг такой глубины нищеты и беспомощности, что мог почти отчаяться в выздоровлении. Тем не менее, ее усилия в Войне за престолонаследие показали, что она все еще обладает мужественной национальностью; ее упадок был остановлен, и начался медленный прогресс вверх, ускорившийся при просвещенном правлении Карлоса III, пока, после его смерти в 1788 году, она настолько восстановила свои позиции, что, если еще и не стала державой первого ранга, то вполне могла надеяться на достижение этого положения. Затем последовало слабое и катастрофическое правление Карлоса IV под руководством Годоя, когда бессилие привело к вторжению Наполеона, что привело к проявлению национальной энергии, которая удивила мир в героической Освободительной войне. После Реставрации в 1814 году страна более полувека была аренной почти непрекращающегося конфликта между антагонистическими силами, что привело к апатии истощения после достижения формы демократической конституционной монархии. И все же нам говорят, что абсолютная монархия просто была заменена абсолютным *Касиквизмо* или, на американском жаргоне, правлением политического “босса”. [1038] Правительство, похоже, эксплуатируется исключительно в личных интересах чиновничьего класса, и сила нации была растрочена впустую, ее развитием пренебрегали, пока неожиданная слабость, выявленная в войне 1898 года, не заставила искренних патриотов заявить, что, если существующее плохое управление будет продолжаться, было бы лучше искать убежища в Англии или Франции, и положить конец истории Испании как независимого государства. [1039] Этот шок для национального сознания и искусная и энергичная агитация, которую он породил, обещают результаты как в политическом, так и в материальном и промышленном развитии страны, и мы можем разумно надеяться, что нация, которая так много страдала, с мужеством вступает на новую карьеру, которая может загладить невзгоды прошлого.

Перипетии, подобные этим, имеют свои причины, и мы не можем завершить эту долгую историю инквизиции, не задаваясь вопросом, что общего в ней и в духе, который она сразу же создала и стимулировала, способствовало несчастьям, пережитым испанским народом с небольшими перерывами с момента ее организации. Этих причин множество, многие из них напрямую не связаны с нашей темой, но все же должны быть перечислены, чтобы влиянию инквизиции не приписывалось чрезмерное значение.

Начнем с того, что испанская монархия превратилась в чистый деспотизм, основанный на максиме Институтов — *quod principi placuit legis habet vigorem*— желание принца имеет силу закона. Все законодательные и исполнительные функции были сосредоточены в короне; король издавал законы, взимал налоги, набирал войска, объявлял войну, заключал мир по своей воле, и исполнение Justicia Lanuza в 1591 году без суда показывает, что жизни его подданных были в его распоряжении. То же самое было и с их свободами, о чем свидетельствует заключение в тюрьму без судебного разбирательства таких министров, как Кабаррус, Флоридабланка, Ховельянос и Уркихо. Некоторое время древние фуэро королевств Арагонской короны служили некоторым сдерживающим фактором на этих территориях, но Филипп V в 1707 и 1714 годах воспользовался Войной за престолонаследие, чтобы объявить их утраченными. При такой концентрации власти судьба нации зависела от характера и способностей монарха. Карл V обладал неоспоримыми способностями, но его амбициозные предприятия, хотя и льстили национальному тщеславию, не только истощили ресурсы Испании в конфликтах, чуждых ее интересам, но и подорвали ее процветание из-за безрассудных ухищрений, использованных для удовлетворения его потребностей. Филипп II был человеком очень умеренных талантов, нерешительным и медлительным до такой степени, что венецианский посланник Вендрамино в 1595 году заявил, что то, что обошлось бы другому принцу в десять дукатов, обошлось ему в сотню из-за его медлительности. [1040] Его огромная и разрозненная империя была слишком велика для его узкого интеллекта, а огромные расходы на защиту латинского христианства поглощали все его ресурсы и держали его в постоянном финансовом затруднении. После своей смерти в 1598 году ему нечего было сказать о разорении своей страны, кроме мрачной груды Эскориала и приобретения Португалии. Голландия была безнадежно потеряна; его соперник, Генрих IV, прочно восседал на троне объединенной Франции, а папство было отчуждено. Внутреннее состояние страны описано в отчаянных жалобах Кортесов 1594 года— “Истина, которая не подлежит сомнению, заключается в том, что королевство полностью истощено. Почти ни у кого нет денег или кредита, и те, у кого они есть, не используют их в торговле или для получения прибыли, а копят, чтобы жить как можно экономнее, в надежде, что их хватит до конца. Так наступает всеобщая бедность всех классов.... Нет ни одного города, население которого в значительной степени сократилось бы, о чем свидетельствует множество закрытых и пустых домов и падение арендной платы в тех немногих, которые заселены ”. [1041]

ПРАВИТЕЛЬСТВО ФАВОРИТОВ

С Филиппа III мы начинаем длинную череду фаворитов, которые правили Испанией в семнадцатом веке. Благонамеренный, но слабый и неспособный, он оставил все герцогу Лерма, под руководством которого был взят курс на безрассудную расточительность, как будто единственной проблемой было избавиться от избыточных доходов. Карл V отказался от суровой простоты старого кастильского двора ради величественного великолепия бургундского двора;

его преемники последовали его примеру, несмотря на протесты кортов, но там, где Филипп II тратил на это четыреста тысяч дукатов в год, Филипп III расточал миллион триста тысяч, в то время как он выпрашивал деньги у своей знати и прелатов и стремился завладеть всей посудой в королевстве, чтобы отчеканить ее. Он был не одинок в этом, поскольку дворянство погрязло в ростовщичестве и погрязло в долгах из-за своей расточительности. Венецианский посланник Контарини в 1605 году описывает страну как охваченную бедностью и всеобщим недовольством, а также всеми пороками, сопутствующими коррумпированному и порочному правительству под руководством ленивого короля и алчного и неспособного министра. Он приходит к выводу, что худшая война, которую можно было развязать против Испании, заключалась в том, чтобы позволить ей мирно уничтожать себя при плохом правительстве, в то время как нападение на нее означало бы пробудить непреклонную решимость народа. Отчеты луккезских посланников рассказывают ту же историю. [1042] Таково было условие, когда изгнание морисков лишило землю ее самого производительного класса.

Положение ухудшилось, когда в 1621 году на трон взошел Филипп IV. Добродушный, приветливый, ленивый и любящий удовольствия, его тридцать один непризнанный внебрачный ребенок, не считая признанного - второго дона Иоанна Австрийского, — служат объяснением того, почему он оставил государственные заботы своему фавориту, графу—герцогу Оливаресу, после падения которого в 1643 году этот пост унаследовал его племянник, дон Луис де Аро. Официальный историограф описывает Испанию при его восшествии на престол как находящуюся в крайнем положении, а народ раздавлен своим бременем; все было в беспорядке, и положение нации было настолько ослаблено, что о нем можно было только сожалеть, но ничего не менять. Однако первым действием Филиппа было нарушение перемирия с Голландией, и с этого времени и до конца своего долгого правления он был вовлечен в почти непрерывную войну. Он созвал кортов и попросил припасов, на что они ответили просьбой попытаться остановить всеобщую депопуляцию и найти занятие для людей, которые скитались со своими семьями по стране в тщетных поисках работы. [1043] Однако Филипп, поглощенный своими плебейскими похождениями и удовольствиями своего двора, продолжал свои войны и расточительность, не задумываясь о страданиях своего народа, который он сокрушал все новыми поборами. Придворные празднества проводились с невиданным до тех пор великолепием; официально было признано, что карнавал 1637 года обошелся в триста тысяч дукатов, а в народе оценивался в полмиллиона. [1044] В 1658 году венецианский посланник сообщает, что он подарил сыну дона Луиса де Аро пятьдесят тысяч песо за искусную организацию балета для придворных дам. Каждый бой быков обходился ему в шестьдесят тысяч реалов, а празднование дня рождения принца Проспера (который вскоре скончался) потребовало расходов в размере восьмисот тысяч песо. Все это, как отмечает посланник, было добыто из крови несчастных людей, которые в Испании были беднее, чем где-либо еще. Огромные ресурсы королевства были поглощены алчностью министров или растрачены расточительностью короля. [1045]

РЕСУРСЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

В 1665 году Карлос II, которому тогда было всего четыре года, наследовал своему отцу при регентстве вдовствующей королевы Австрии Марии-Аны. Мы видели, как она передала дела своему духовнику, иезуиту Нитхарду, а когда в 1669 году он был уволен усилиями дона Иоанна Австрийского, она заменила его никчемным фаворитом Фернандо де Валенсуэлой. Снова был вызван дон Джон; Валенсуэла был сослан на Филиппины, и дон Джон взял бразды правления в

свои руки. Его ограниченные способности были недостаточны для выполнения этой задачи; он был отстранен от власти и вскоре после этого умер в 1679 году. Карлос был объявлен совершеннолетним в 1675 году; он был совершенно недееспособен, и, хотя вряд ли можно сказать, что у него были фавориты, при таких министрах, как герцог Мединасели и граф Оропеса, Испания все глубже погружалась в нищету и деградацию вплоть до его смерти в 1700 году. Королевство было доведено до последней крайности, без денег, без промышленности, без средств обороны, чтобы противостоять агрессивным войнам Людовика XIV или защищать колонии от опустошительных набегов пиратов. Говорят, что население сократилось до 5 000 000 человек; в 1586 году венецианский посланник Градениго оценивал его в 8 000 000 человек. [1046] Таков был результат двух столетий абсолютного правления монархов, не намеренно злых, которые просто правили в соответствии с дарованным им светом.

Однако не столько расточительность двора, или непрекращающиеся войны Габсбургов, или эмиграция в колонии привели к сокращению населения и могущества Испании. Земля могла бы пережить все это, если бы ее богатые ресурсы и обширные возможности были разумно освоены. Расположенная между двумя морями и удерживающая Сицилию и Неаполь, она господствовала над Атлантикой и Средиземным морем; с ее богатыми колониями, источником драгоценных металлов, которые произвели революцию в финансах Европы и обеспечили основу для самой прибыльной торговли, которую когда-либо видел мир, ей было предложено стать величайшим из морских государств, с военно-морским флотом и торговым флотом вне конкуренции, господствующим на морях, как каталонцы господствовали на Средиземном море в тринадцатом и четырнадцатом веках. Она была в значительной степени защищена от враждебной агрессии со стороны Пиренеев и могла вершить свою судьбу, практически не опасаясь внешних врагов. Это правда, что большая часть его поверхности гористая и что обширные районы страдают от недостатка осадков, но Мавры показали, какие чудеса может сотворить орошение, и как благодаря терпеливому труду даже склоны гор можно увеличить. Ни одна земля не могла бы похвастаться большим разнообразием сельскохозяйственной продукции, в том числе из полутропических и умеренных зон, которые в сочетании с богатыми полезными ископаемыми должны были сделать ее самообеспечивающей. Все, что было необходимо, - это устойчивая и разумная промышленность, подкреплённая мудрым законодательством, поощряющая производство и торговлю и позволяющая каждому человеку строить свою карьеру с как можно меньшим количеством искусственных препятствий, и Испания могла бы сегодня стать тем, кем она была в шестнадцатом веке, лидером среди цивилизованных наций.

Этому не суждено было сбыться. Роковой дар бургундского наследства отвлек внимание ее правителей от истинной арены ее экспансии в Африке и за океаном на отдаленные предприятия, совершенно чуждые ее истинным интересам, в то время как непоколебимая решимость обеспечить единство веры у себя дома и бороться с ересью в других местах привела к изгнанию наиболее полезного населения и вовлекла ее в разорительные расходы за границы. Чтобы вымогать средства для продолжения этой политики, промышленность была задушена самой обременительной и сложной системой налогообложения, которую только могла изобрести человеческая глупость, тяжесть которой ложилась почти исключительно на угнетенные производящие классы, которые были наименее способны это вынести, в то время как дворяне, дворянство и духовенство, владевшие гораздо большей частью испанского богатства, были освобождены. [1047] Поскольку налогообложение фактически находилось на усмотрении монарха, пошлины добавлялись по мере необходимости, обычно без особой мысли

об их последствиях, пока налогоплательщик не запутывался в сети, которая калечила его на каждом шагу. Более того, это сопровождалось введением правил, направленных на предотвращение уклонений и защиту потребителя за счет производителя, что значительно усилило смертоносное влияние аномального и неуместного накопления поборов.

ЖЕСТКОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Все это с особой тяжестью легло на сельское хозяйство и на *лабрадоров*, или крестьян, от которых в конечном счете зависели поддержка и процветание нации. Когда в 1619 году Королевский совет, повинаясь приказу Филиппа III, представил подробную консультацию о причинах депопуляции, он начал с того, что приписал это изнурительному и невыносимому налогообложению производящих объектов налогообложения и освобождению потребляющих классов — мулы и телеги крестьян были конфискованы для уплаты налогов, они были изгнаны с земли и скрывались в крупных городах или искали средства к существованию за границей.

[1048] Предупреждение осталось без внимания, и десять лет спустя брат Бенито де Пеньялоса-и-Мондрагон, с энтузиазмом превознося мощь и богатство Испании, описывает положение лабрадоров как самых бедных, совершенно несчастных и подавленных из всех, как будто все остальные классы объединились и сговорились разорить и уничтожить их. Их хижины и хижины с глинобитными стенами ветшают и рушатся, у них есть плохо обработанные земли и тощий скот, вечно голодный из-за отсутствия общего пастбища, и они обременены данью, закладными, налогами, цензурами и множеством поборов, требований и подаяний, которых невозможно избежать. Вместо того чтобы удивляться обезлюдению деревень и ферм, удивительно то, что они вообще остались. Вероятно, большинство из тех, кто отправляется в Колонии, - лабрадоры, и они также стекаются в города, занимаясь всеми видами служения.

[1049]

Процесс продолжался без перерыва. Столетие спустя опытный финансовый чиновник рассказывает ту же историю в отчете Филиппу V. Бремя налогов легло на бедных; все, что было неуплачено, добавлялось к налогам следующего года; орда кровопийц жила за счет продажи правонарушителей, когда расходы превышали налоги. Следовательно, бедняки были вынуждены продавать свое имущество, чтобы удовлетворить требования сборщика налогов, или позволять конфисковывать его и продавать, становясь таким образом нищими и бродягами, и с каждым годом их число увеличивалось. Более того, крестьянин подвергался особым и разорительным ограничениям. Таса, или цена на его зерно, официально определялась каждый год, и при максимуме, выше которого ему запрещалось его продавать; более того, оно не могло быть экспортировано или перевезено морем из одной провинции в другую, чтобы предотвратить нарушения запрета. Результатом этого было то, что если урожай был недостаточным, зерно хранилось в секрете по непомерно высоким ценам, и на это нарушение закона при необходимости закрывали глаза. Страдальцем был крестьянин, у которого не было средств хранить свое зерно, но он был вынужден продавать его богатым, которые могли его удержать, и, таким образом, независимо от того, были ли урожаи обильными или скудными, ему приходилось плохо. Таким образом, производство не поощрялось и сокращалось; производитель мало что понимал, в то время как потребитель платил экстравагантно, контролируя как производство, так и потребление. Земли оставались необработанными, а рабочая сила была безработной; все двигалось по замкнутому кругу, и зло постоянно росло. Торговля была точно так же задушена. 10-процентный показатель в алькавале. и 4-процентный сбор. взимался с каждой сделки, независимо от того, как часто товар переходил из рук в руки.

Мануфактуры при такой системе почти исчезли. Испанцы были вынуждены продавать свои сырые продукты иностранцам по низким ценам, поскольку других покупателей не было, и выкупать их обратно в готовом виде по ценам продавцов. Высокий тариф увеличил издержки для потребителя, в то время как бесчисленные контрабандисты позволили импортерам осознать выгоду от пошлин. Более того, иностранец получал в свое распоряжение все драгоценные металлы Индии, поскольку весь экспорт туда осуществлялся иностранными товарами, с которыми испанцы не могли конкурировать из-за чрезмерных пошлин, удваивавших цену всего для потребителя. Однако из-за системы сбора налогов, контрабанды и мошенничества в казну поступало лишь немного от этого непосильного бремени. [1050]

МЕСТА—ЗАКОНЫ О ЛЕСНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Ограничения, налагаемые таким образом на сельское хозяйство, промышленность и торговлю, значительно усугублялись отсутствием средств связи, и симптоматичным для испанской политики является то, что энергия правителей была сосредоточена на подавлении ереси, иностранных войнах и придворных празднествах, исключая заботу о внутреннем развитии. Это правда, что при Карле V и Филиппе II значительные усилия были потрачены на водные пути; вдоль Эбро был построен Империял-де-Арагонский канал, а также более мелкие каналы Харама и Мансанарес, и были улучшения в судоходстве по Тахо и Гвадалквивиру, но они прекратились, и на дороги, которые по большей части были *простокаминос де эррадура*, или тропами для мулов, не обращали внимания. Ховельянос сообщает нам, что еще в 1795 году между соседними провинциями Леон и Астурия не было сообщения на повозках, так что вина и пшеница Кастилии не могли покрыть расходы на перевозку мулов к побережью. В 1761 году Карлос III взялся за строительство шоссейных дорог из Мадрида в Андалусию, Валенсию, Каталонию, Галисию, Старую Кастилию, Астурию, Мурсию и Эстремадуру, но в 1795 году ни одна из них не прошла и половины пути, и не было уделено внимания межпровинциальным дорогам для фургонов, которые позволили бы бедному крестьянину добираться из деревни в деревню или с рынка на рынок, за исключением изнурения своего скота и риска потерять все в грязевой яме. [1051]

Другим невыносимым бременем для сельского хозяйства были *Места*, или объединение владельцев огромных отар овец, которые зимовали в низинах, а летом - в горах. Благодаря привилегиям, датируемым четырнадцатым веком и постепенно увеличивавшимся, провинции, через которые проходили трашуманты или мигрирующие стаи, подвергались серьезным ограничениям. Пастбища не могли быть разбиты для возделывания, их аренда устанавливалась неизменной *тассой*, и *арендатор из местеньо* не мог быть выселен. Все ограждения были запрещены для того, чтобы стада во время миграции могли бесплатно кормиться на стерне осенью и на залежных землях весной, хотя эта привилегия была несколько урезана в 1788 году, разрешив огораживать сады, виноградники и плантации. Таким образом, земледелец был лишен контроля над своей собственностью, а разведение лошадей и стационарных стад крупного рогатого скота и овец — гораздо более важных, чем *трашуманты* — в пределах ареала Места было фактически пресечено. Столь же недальновидными были законы о лесном хозяйстве, призванные стимулировать производство пиломатериалов, которые были крайне необходимы как для строительства, так и для судоходства. Владелец был обязан получить и оплатить разрешение, прежде чем он мог срубить дерево, подчиняться установленным правилам обрезки, продавать против своей воли и по фиксированной цене, допускать инспекции и официальные визиты, а также отвечать за состояние и количество своих деревьев

— таким образом, открывая дверь для неограниченного вымогательства. Короче говоря, свобода действий, с помощью которой люди отстаивают свои интересы и таким образом вносят свой вклад в общее благосостояние, была уничтожена патернализмом абсолютного правительства, которое слепо препятствовало любому совершенствованию и сдерживало любую индивидуальную инициативу и честолюбие. [1052]

Это объясняет *деспобладос* и *бальдиос* - обезлюдившие деревни и невозделанные земли, — которые были причиной отчаяния государственных деятелей, обсуждавших возможное возрождение Испании. По словам Завалы, только в пределах Бадахоса *бальдиос* занимал площадь более трехсот квадратных лиг, в основном это были хорошие сельскохозяйственные угодья, на которых можно было проследить остатки построек, но затем они выросли в перелесках и чащобах, предоставляя убежище волкам, контрабандистам и грабителям. В Андалусии, по словам Ховельяноса, эти бальди были огромными; в Эстремадуре, Ламанче и двух Кастилиях их было меньше, в то время как в северных провинциях, от Пиренеев до Португалии, население было более плотным, а бальди реже встречались и были более низкого качества. [1053] Мы видели попытку Карлоса III вернуть эти районы с помощью *нуэвас побласьонес*, и как многообещающий эксперимент был проверен инквизицией.

ЛЕНЬ

Как будто этой слепой и иррациональной политики было недостаточно для разрушения процветания, был изобретен не менее эффективный фактор для фальсификации чеканки монет. Это началось ориентировочно в 1566 году Филиппом II с уменьшения содержания серебра в веллонских или медных монетах. В 1602 году Филипп III, испытывая финансовые затруднения, был смелее и решительно выпустил монеты из чистой меди фиктивной номиналом семь к двум, вызвав протест падре Марианы, который стоил ему судебного преследования инквизицией. В 1605 году посланник Луккезе сообщает нам, что казначейство уже получило прибыль в размере 25 000 000 дукатов от этих бумажных денег, из которых марка стоила 80 мараведи и имела принудительный оборот в 280 марок. Это было первое из длинной серии насильственных мер, продолжавшихся на протяжении всего семнадцатого века и представлявших собой попеременное расширение и сжатие. Таким образом, в 1642 году фиктивная стоимость законного платежного средства была внезапно снижена до одной шестой, за чем в 1643 году последовало повышение ее вчетверо, а в 1651 году - еще большее увеличение. В 1652 году была предпринята попытка демонетизировать веллон 25 июня, которая была прекращена 14 ноября. В 1659 году *веллон грузо* обесценился наполовину, а в 1660 году был утроен. Предпринимались попытки регулировать цены с помощью декретов о *максимумах* и предотвратить или определить неизбежную надбавку на золото и серебро, но неписанные законы торговли были императивными, пока, наконец, в 1718 году *реал де плата* не был признан вдвое дороже *реала де веллон*, соотношение, которое оставалось почти постоянным. Самой крупной монетой веллона был *куартильо*, или четвертая часть реала, эквивалентная примерно трем центам американских денег, которые стали стандартом ценности в испанской торговле; монеты упаковывали в мешочки определенного количества, и они переходили из рук в руки, поскольку драгоценные металлы неизбежно исчезали, и их редко видели, за исключением Севильи, несмотря на самые жестокие указы против их вывоза. [1054] Было бы невозможно преувеличить

катастрофическое влияние этих постоянных колебаний оборотной среды на промышленность и торговлю. Отношения между должником и кредитором, между производителем и потребителем всегда зависели от какого-нибудь нового указа, который мог нарушить все расчеты. Все сделки, от покупки дневного запаса хлеба до заключения контракта на поставку товара, были всего лишь азартными спекуляциями.

Эти причины упадка усугублялись отвращением и презрением к труду, которые считались характерной чертой испанцев, что, возможно, объяснялось длительной войной за Отвоевание и бесконечными междоусобицами, которые сделали военное дело единственной подходящей профессией для испанца и приучили его видеть всю полезную работу выполняемой теми, кого он считал принадлежащими к низшим расам — евреями и мудехарами. Их изгнание было разрушительным для всех промышленных занятий, но старые христиане по-прежнему смотрели свысока на потомков конверсос, которые по статутам Лимпьесы были в значительной степени лишены испанских возможностей жить без труда, входя в Церковь или занимая должности. Пагубные последствия этого были усилены конституционной ленью. Испанские конкистадоры подавали незабываемые примеры неутомимой энергии и отваги, не жалея труда, когда их воображение было воспламенено жаждой завоеваний или надеждами на золото, но они не хотели работать как колонисты. Один из них, Бернардо де Варгас Мачука, который в течение тридцати лет был губернатором Маргариты, защищает порабощение индейцев, откровенно заявляя, что испанцы не стали бы селиться на незанятых землях, независимо от того, насколько они здоровы или насколько богаты золотом и серебром, но отправились бы туда, где есть индейцы, даже если бы земля была стерильной и нездоровой для здоровья, потому что, если бы у них не было индейцев, которые работали бы на них, они не смогли бы наслаждаться ее продуктами, и обладание ею не принесло бы никакой пользы. [1055] Испанцы, о которых он говорит, также не были джентльменами, искателями приключений, но в основном происходили из более скромных слоев населения. Дома было то же самое. Уже в 1512 году Гвиччардини, проводивший два года в Испании в качестве посланника из Флоренции, описывает Испанию как страну, богатую природными ресурсами, но малонаселенную и в значительной степени неразвитую. Люди, по его словам, воинственны и искусны в обращении с оружием, но они смотрят на промышленность и торговлю с презрением; ремесленники и земледельцы будут работать только под давлением необходимости, а затем будут пребывать в праздности, пока не истратят свои заработки. [1056] Кортес Вальядолида в 1548 году жаловались, что сельскохозяйственные рабочие и механики не приходили на работу раньше 10 или 11 часов и заканчивали работу за час или два до захода солнца. Столетие спустя Дормер, историограф Арагона, порицает леность людей, за исключением Каталонии, поскольку они работали не так, как это было принято в других странах, а всего несколько часов в день, возможно, с частыми перерывами, и они ожидали, что это обеспечит их так же полно, как непрерывный труд в других странах. [1057]

ОБРАЗОВАННАЯ ПРАЗДНОСТЬ

Испанская лень была частой темой для венецианских посланников, которые описывают Испанию как страну, изобилующую ресурсами и способную удовлетворить все свои потребности, но зависящую от иностранных государств из-за укоренившейся неприязни к труду. Как писал Джанфранческо Морозини в 1581 году, у людей мало способностей к какому-

либо из механических искусств, и они наиболее небрежны в сельском хозяйстве, в то время как в ручном труде они настолько медлительны и ленивы, что то, что в другом месте было бы сделано за месяц, здесь занимает четыре. [1058] Посланцы Луккезе в следующем столетии рассказывают ту же историю. Говорят, что мало испанцев, за исключением чиновников, которые готовы работать; большая часть рабочих - иностранцы, которые создали новую Испанию в ущерб старым королевствам. Это объясняет, почему Испания - всего лишь порт, через который проходят драгоценные металлы; испанцы потребляют только иностранные товары, ввозимые иностранными купцами; среди подрядчиков нет ни одного кастильца, а в Китае больше монет восьмерки, чем в Испании. [1059] Итак, в 1687 году Луис де Салазар-и-Кастро приписывает упадок монархии ее веществу, вытекающему через каждую пору, и конечной причиной этого является нехватка энергии. "Я говорю, что это наша лень, невежество и отсутствие приложения сил ... мы приписываем малочисленному населению то, что является ленью. Может ли наша апатия зайти дальше, чем требование от французов делать плитку, точить ножи, носить воду и месить хлеб?" [1060] Моралист того времени чрезмерно суров к этой лени в сочетании с безрассудной расточительностью, которую он сравнивает с неутомимым трудолюбием и бережливостью француза. [1061] Этому он приписывает бедность Испании, как мы видели (Т. III, стр. 390) было сделано в 1594 году Франсиско де Идиакесом, секретарем Филиппа II.

Одно из проявлений этого нежелания трудиться затронуто консультацией Королевского совета в 1619 году, когда в ней упоминается об увеличении числа гимназий, в которые крестьяне отправляют своих детей для получения поверхностного образования и, таким образом, отрывают их от производственной деятельности. [1062] Кортесы того же года просили ввести ограничения на это, и Наваррете в своем комментарии к "консульте" довольно подробно останавливается на эле, возникающем отсюда, поскольку сыновья крестьян стекаются туда, чтобы получить льготы ученых классов; бесконечному числу из них не удастся достичь священства, они становятся нищими, бродягами и преступниками, в то время как многие из них те, кто поступает в ордена, вынуждены заниматься бесчестными делами, вследствие чего общество страдает от нехватки рабочих рук и ремесленников. [1063] Протесты были напрасны, и в 1753 году Грегорио Майанс и Сискар все еще привлекал внимание к толпам недоучившихся студентов, которые кормились за счет общества, - трутням, которые сосали мед, в то время как они могли быть полезны в управлении плугом или мушкетом — жалоба, с еще большей энергией повторенная Ховельяносом в 1795 году. [1064]

К этой тенденции можно отнести бешеную погоню за должностями, которой было дано наводящее на размышления название *эмплеомания*, обременяющая государство огромным избытком служащих и лишаящая его их услуг в полезном производстве. В 1674 году посланник Луккезе удивляется доходам, оцениваемым в семьдесят пять миллионов, без видимого результата, которые он частично приписывает расточительству при сборе, нанятых коллекционерами в количестве двухсот тысяч человек - явное преувеличение, но все же наводящее на размышления. [1065] Примерно в 1740 году Маканас ставит это на первое место в своем перечислении причин состояния Испании; по его словам, в стране насчитывается тысяча служащих, где сорока было бы достаточно, если бы они оставались на работе, а остальных можно было бы направить на какой-нибудь полезный труд. [1066] Зло все еще продолжается, если верить современным авторам, которые рассматривают его как одно из серьезных препятствий на пути к процветанию. [1067]

УЛУЧШЕНИЕ

Из глубины нищеты, беспорядков и унижений, в которые впала Испания, процесс восстановления при Бурбонах был медленным и поначалу неустойчивым. Кое-чего удалось добиться Филиппу V, несмотря на его постоянные войны и меланхолическое безумие, когда он избавился от таких авантюристов, как Альберони и Рипперда, и дал простор практическому гению Патиньо. [1068] Восходящий импульс продолжался при Фернандо VII, в то время как при Карлосе III и его просвещенных министрах прогресс был быстрым. Мемориал, адресованный Флоридабланкой королю в конце его правления, перечисляет реформы и полезные работы, предпринятые за время его правления. Существовали каналы, как для судоходства, так и для орошения, осушения болотистых земель, основания новых *побласионов*, улучшения дорог. Торговля с колониями была открыта для всех портов вместо того, чтобы ограничиваться Севильей, в результате чего экспорт быстро утроился, а таможенные поступления удвоились. Был основан Национальный банк, и государственный кредит, который упал очень низко, был быстро восстановлен. Были созданы страховые компании и другие торговые ассоциации, которые дали жизнь промышленности и коммерции. Тариф на импорт стал единым во всех портах, и его графики были составлены таким образом, чтобы способствовать внутреннему развитию, поскольку он был легким для оборудования и сырья и тяжелым для изделий, произведенных в Испании, что не только стимулировало промышленность к великому процветанию страны, но и увеличило таможенные поступления до ста тридцати миллионов, тогда как ранее они никогда не превышали тридцати миллионов в самые благополучные годы. Сложные и обременительные арендные платы *провинциальных* платежей регулировались таким образом, чтобы они в равной степени ложились на различные провинции и были легко оплачиваемы; *Millones* были сокращены наполовину; формальности алькавалы были упрощены, а ее процент значительно снижен, чтобы не сказываться на промышленности и с расчетом на ее отмену. Число льготников сократилось. Все механические искусства были “приучены”, чтобы дворяне, занимающиеся ими, не теряли своего благородства, тем самым лишая оправдания праздности и пороков тех, кто называл себя благородными и отказывался работать, какими бы бедными они ни были. Благодаря этой политике во время правления Карлоса III население полуостровной Испании увеличилось на полтора миллиона человек, и под его руководством она вышла из средневековья и начала занимать место среди современных наций. [1069]

Многое из того, что было достигнуто таким образом, еще многое оставалось сделать, как изложил в 1795 году Ховельянос в своей знаменитой “Информации”. К сожалению, прогресс был остановлен ленивым Карлосом IV и его любимцем Годоем. Затем начались наполеоновские войны, и ход событий, прослеженный в предыдущей главе, не способствовал улучшению положения. Тем не менее, несмотря на все превратности, которые пережила Испания с тех пор, если мы можем доверять росту населения как показателю прогресса, замена абсолютизма либеральными институтами оказалась успешной, и, какими бы реальными ни были злоупотребления, на которые жалуются реформирующие элементы, нынешняя ситуация значительно лучше прошлой. Перепись 1768 года показала в общей сложности 9 309 804 человека; перепись 1787 года - 10 409 879 человек; перепись 1799 года - что-то более 12 000 000 человек. Затем произошел спад, и в 1822 году их было 11 661 980. Тем не менее, несмотря на карлистские войны и политические неурядицы, в 1885 году их число возросло до 17 228 776, и сейчас оно оценивается в 19 000 000, что примерно вдвое больше, чем в период величия

Испании. Справедливый вывод из этого состоит в том, что у Испании есть будущее; что, хотя многое еще предстоит сделать, многое уже достигнуто, и что есть прогресс, который, если его продолжить, в значительной степени восстановит ее древнюю мощь, хотя огромный рост современных наций исключает надежду на то, что она сможет восстановить свое командное положение.

В дополнение к этим светским причинам испанского упадка, остается рассмотреть другой класс, не менее важный — те, которые возникают из клерикализма, или отношений Церкви с государством, и ее влияния на характер и тенденции населения.

Накопление земель и богатств Церковью, и особенно религиозными орденами, с самого начала было источником беспокойства государственных деятелей и жалоб народа, поскольку освобождение от королевской юрисдикции, от военной службы и от налогов, на которые Церковь претендовала как на неотъемлемые права, ослабляло власть государства и ложилось все большим бременем на население. Почти все европейские нации пытались обуздать это стяжательство законами, примерами которых могут служить английский статут о смертной казни и французское *право на помолвку*. Эти приобретения поступали из двух источников, каждый из которых был чрезвычайно продуктивным, — подарков или завещаний и покупок. Грешник, неспособный искупить деньгами каноническую епитимью за свои грехи, которую невозможно было исполнить, приобретал участок земли и получал отпущение грехов или, находясь на смертном одре, завещал часть своего имущества для поминовения своей души — возможно, основав *капелланию* для этой цели или в качестве обеспечения сына, который служил бы капелланом. Настолько смелыми стали требования Церкви к имуществу умирающих, что в 1348 году суды Алькалы пожаловались, что все Распоряжения, полученные из писем королевской канцелярии, уполномочивали их проверять все завещания, после чего они требовали все завещания, переданные неопределенным местам или лицам; кроме того, если не было завещания для каждого Распоряжения, те, которые были опущены, требовали одно, равное самому большому в завещании, и они также требовали все состояния тех, кто умер без завещания. Если эти требования оспаривались, они утомляли наследников судебными разбирательствами, чтобы добиться компромисса. Альфонсо пообещал отозвать все подобные письма, но вскоре последовавшая Черная смерть привела к огромному приросту земель для основания юбилеев и капелланств, что привело к оживленным протестам кортов Вальядолида в 1351 году. [1070]

БРЕМЯ ЦЕРКВИ

Постоянно накапливая таким образом богатство, церковь или монастырь приобретали земли у мирян, а поскольку они освобождались от налогообложения, они могли позволить себе платить больше, чем светский покупатель. Все, что таким образом переходило во владение церкви, никогда не отчуждалось; оно оставалось во власти Мертвой Руки, которая путем постоянного наращивания прибирала к рукам значительную часть наиболее желанных земель и, следовательно, богатства королевства.

Было бы утомительно перечислять жалобы кортов и те законодательные уловки, которые предпринимались начиная с XI века для сдерживания этого роста, который считался угрожающим нации самым серьезным злом. [1071] Законы принимались только для того, чтобы их обходили или забывали, и процесс продолжался. Однако в борьбу был внесен новый элемент, когда в 1438 году корты Мадригала решительно заявили Хуану II, что, если не будет

применено никаких мер, все лучшие земли в королевстве будут принадлежать Церкви, что нанесет многократный ущерб народу и короне, на что слабый король уклончиво ответил, что обратится к папе римскому. [1072] До обретения испанией независимости папства все подобные вопросы рассматривались как подлежащие национальному регулированию, но это заявление указывало на то, что папская конфирмация начала признаваться необходимой во всем, что касалось Церкви. Это было признано не сразу, поскольку Хуан в 1447 году в ответ на решение суда Вальядолида и указом 1452 года ввел налог в размере двадцати процентов на все покупки, завещания и пожертвования, [1073] но постепенно это утвердилось и стало готовым ответом на энергичные заявления, которые с растущей настойчивостью выдвигали власти. Карты шестнадцатого века, сделанные в 1515, 1518, 1523, 1528, 1532, 1534, 1537, 1538, 1542, 1544, 1551 и 1573 год. [1074] Это исключало возможность каких-либо средств правовой защиты, поскольку нельзя было ожидать, что ни один папа не установит пределы церковному богатству и влиянию, от которых курия получала свои доходы; а петиции кортов служили лишь для того, чтобы подчеркнуть масштабы зла и его всеобщее признание народом.

Пагубным было не только постепенное поглощение богатств и земель, но и соответствующее увеличение численности духовенства, обычного и светского, которое было освобождено от всех обязанностей гражданина и чей обет безбрачия способствовал ускорению сокращения населения. Этот процесс продолжался с еще большей энергией, особенно после начала семнадцатого века, отчасти из-за волны религиозного рвения, которая привела к основанию часовен и монастырей в большем масштабе, чем когда-либо, а отчасти из-за растущей нищеты, вынуждающей мужчин искать убежище в монастырях, где они могли бы, по крайней мере, избежать голодной смерти, и побуждающей родителей давать своим сыновьям такое поверхностное образование, которое могло бы позволить им принять сан и иметь, по крайней мере, шанс обеспечить себе средства к существованию, свободные от сокрушительного бремени налогов. Результат этого виден в хвастовстве отца Бледы в 1618 году о том, что четверть христиан Испании были священниками, немощными или монахинями, и, хотя это явно завышенная оценка, она показывает, насколько велика была задача, возложенная на производящие классы, поддерживать в праздности столь большую часть населения. [1075] Увеличение произошло в основном за счет нищенствующих орденов, чье систематическое попрошайничество, в котором никто не осмеливался отказать, было тяжким дополнением к десятине и первым плодам.

Один-единственный пример проиллюстрирует этот чрезмерный рост. Кардинал Мендоса, архиепископ Толедо, "третий король" при Фердинанде и Изабелле, упорно отказывался разрешить основание монастырей в своей провинции, заявляя, что уже было много таких, которые причиняли вред людям, обязанным их содержать, но это прекратилось с его смертью в 1495 году. Его биограф, доктор Педро де Салазар, пенитенциарий кафедрального собора, сообщает нам, что город Толедо получил привилегию Альфонсо X, запрещающую возводить там монастыри. В то время их было шесть, но в 1625 году, когда он писал, они были расширены и было основано множество других, так что тогда они занимали более пятидесяти королевских и благородных домов и более шестисот домов поменьше. Пагубное влияние этого на процветание этого места самоочевидно, и Салазар рассматривает это знаменательное развитие церковности как главную причину сокращения населения Испании, которое, по его оценкам, составляет двадцать пять процентов. [1076]

ВРЕМЯ ЦЕРКВИ

Консультация Совета Кастилии в 1619 году, естественно, включила в свой перечень причин национального бедствия основание стольких религиозных домов, которые были заполнены теми, кого привлекало не призвание, а праздная жизнь, в то время как их земли были освобождены от налогообложения. [1077] В подобном настроении корты, собранные Филиппом IV при его вступлении на престол, выступили с резким и несколько риторическим заявлением, в котором просили принять меры по ограничению увеличения фондов и покупки земли, что не только уменьшило количество алькавалас, но и через несколько лет освободило бы всю недвижимость от королевской юрисдикции и накапливало бы все налоги на несчастных бедняков, таким образом, уничтожалось население провинций, ибо было очевидно, что, если бы духовенство продолжало увеличиваться, как это происходит сейчас, деревни остались бы без жителей, поля без работников, море без моряков и искусства без ремесленников; торговля исчезла бы, а из-за презрения к браку мир не просуществовал бы и столетия. [1078]

По настоятельной просьбе королевства, которое заявляло, что оно не может содержать эти праздные толпы или поставлять солдат для войны, Урбан VIII в 1634 году издал буллу о реформе религиозных орденов и подавлении некоторых босоногих, но противодействующее влияние было слишком сильным, и это оказалось неэффективным. [1079] В 1677 году этот вопрос снова обсуждался, включая чрезмерную численность светского духовенства, но действие было отложено до тех пор, пока не появится лучшая перспектива получения результатов. Признанное зло было слишком серьезным, чтобы оставаться таким скрытым, и в 1691 году была предпринята еще одна попытка, слабость которой демонстрирует, насколько полно Церковь доминировала в государстве и не могла быть реформирована без ее собственного согласия. Король выразил сожаление по поводу увеличения числа монастырей и связанного с этим ослабления дисциплины, и у папы должны были попросить разрешения назначать посетителей со всеми полномочиями. Чрезмерное увеличение числа светских священнослужителей, по его словам, стало причиной многочисленных расстройств, для лечения которых к папе нужно было обратиться за предоставлением полномочий, позволяющих епископам и аббатам сократить свою численность, чтобы все занимающие должности могли жить прилично. Священнослужители второстепенных орденов были настолько многочисленны, что их освобождение от королевской юрисдикции и общественных обязанностей нанесло тяжкий ущерб мирянам, и епископов попросили ограничить их рукоположение. Поглощение земель Церковью было злом, которое озадачивало мудрейшие головы всех веков; многие штаты приняли законы, регулирующие это, но он не решался прибегать к таким мерам до тех пор, пока не будут собраны статистические данные и не будет решено, как сократить численность светского духовенства. [1080] Короче говоря, Церковь была Морским Стариком, душившим государство, которому не хватало сил избавиться от своего угнетателя.

С приходом к власти бурбонов эта безнадежность стала проявляться реже, и в 1713 году откровенный Маканаз в докладе королю представил ужасную картину нищеты и обнищания, вызванных чрезмерным ростом численности и богатства духовенства. [1081] Тем не менее, без революции эффективное средство было невозможно, и Филипп V удовлетворился указом, в котором выразил сожаление по поводу того, что без согласия папы или конкордата он не мог предоставить общую помощь своим вассалам. Однако, ожидая этого, он сурово охарактеризовал мошенничество исповедников, побуждающих умирающих разорять своих наследников. Такие завещатели были объявлены несвободными, их завещания были недействительными, а составителям завещаний угрожали снисходительным наказанием. [1082]

Большая часть этого зла была бы предотвращена, если бы были проведены в жизнь благотворные реформы, предписанные Тридентским собором, [1083] но они были мертвой буквой, по крайней мере, в Испании. Однако в 1723 году Филипп убедил испанских епископов обратиться с мольбой к Иннокентию XIII по этому вопросу, в результате чего была принята конституция, в которой он подробно изложил тридентские декреты об ограничении рукоположений и количества верующих в монастырях. [1084] Скорее благодаря обширным познаниям, чем последовательности Маканаса, Регулярные Ордена наняли его для составления мемориала королю, протестующего против исполнения папского указа, в котором он расточал им похвалы и энергично выступал против любого ограничения численности, превышающей возможности поддержки. [1085] Это, однако, было всего лишь аргументом юриста в пользу клиента и не помешало ему в памятных записках Филиппу V около 1740 года и Фернандо VI в 1746 году выразить свое истинное мнение о зле, которое было главной причиной бедственного положения Испании — более половины земель, находившихся в мортмейне и освобожденных от общественных обязательств, и огромном количестве тех, кто, в свою очередь, вместо хороших работников были плохие священники, бродившие повсюду в качестве попрошаек из-за скандала с религией, в то время как разросшиеся религиозные ордена были бесполезными потребителями, живущими за счет остальной части нации. [1086]

БРЕМЯ ЦЕРКВИ

В ходе переговоров о конкордате 1737 года Филипп с трудом добился уступки, предусматривающей налогообложение будущих приобретений, но ее невозможно было привести в исполнение, и неоднократные указы, изданные им в 1745 году, Фернандо VII в 1756 году и Карлосом III в 1760 и 1763 годах, лишь свидетельствуют о бессилии государства в отношениях с Церковью. В 1795 году Годой вынашивал проект секуляризации церковной собственности, чтобы покрыть расходы, связанные с катастрофической войной с Францией, но был вынужден отказаться от этого проекта и ввел налог в размере пятнадцати процентов только на новые приобретения. [1087] Было неизбежно, что суды Кадиса и конституционное правительство 1820-3 годов частично выполняют то, чего веками требовали испанские публицисты, и заслужат жесточайшую клерикальную враждебность.

Само собой разумеется, что богатство столь многочисленной, могущественной и мирской Церкви было огромным. Еще в 1563 году Паоло Тьеполо утверждал, что духовенству принадлежало немногим менее половины всех доходов Испании. Он оценивает доход архиепископа Толедского в 150 000 дукатов, и вдобавок у толедской церкви было 300 000. [1088] Освобождение от общественных обязанностей давало широкие возможности для роста, и в конце восемнадцатого века доход архиепископа оценивался в полмиллиона долларов. [1089] Наваррете в 1624 году рассматривал в качестве одной из ведущих причин ненависти мирян к Церкви контраст между ее достатком и общей бедностью, [1090] это маловероятно, поскольку в самые тяжелые периоды национальных бедствий Церковь, похоже, всегда пользовалась чрезмерными ресурсами. Поскольку его доход, помимо продукции с его земель, в основном получался от десятины, он неизбежно менялся из года в год, но всегда был огромным. В 1653 году мы находим, что о Пласенсии говорят как об одном из четырех самых прибыльных епископств Испании с доходом в 40 000 дукатов, но были годы, когда она стоила 80 000 — и это в то время, когда государство было практически банкротом, валюта в ужасном беспорядке,

торговля и промышленность в упадке, а вся страна погрязла в бедности. [1091] Против этого, правда, должна быть установлена привычка монарха обращаться за пожертвованиями к епископам, а также к знати, как мы видели в случае с Вальдесом; так, кардинал Кирога, будучи архиепископом Толедо с 1577 по 1594 год, как говорят, пожертвовал Филиппу II в общей сложности полтора миллиона дукатов. [1092] Существовали также определенные папские субсидии короне на доходы всего духовенства, известные как *субсидирование* и *оправдание*, которые в 1573 году оценивались в 575 000 крон в год, а в 1658 году - в сумму, превышающую два миллиона дукатов. [1093]

БРЕМЯ ЦЕРКВИ

Это выдает сознание непомерно возросшего богатства, которое тщательно скрывалось. В 1741 году Бенедикт XIV предоставил Филиппу V восемь процентов. о доходах духовенства, регулярных и светских, за этот год. Сбор этого в Гранаде был делегирован со всеми принудительными полномочиями архидьякону Хуану Баутисте Симони, который после Пасхи 1742 года издал указ, обязывающий всех должностных лиц в течение десяти дней предоставить под присягой заявления о своем имуществе и доходах. Это вызвало сильное волнение. Под тем или иным предлогом все, начиная с архиепископа, пытались избежать разоблачения своего богатства; проводились собрания и звучали открытые угрозы *cessatio a divinis*, если на этой мере будут настаивать. Был предложен компромисс в виде выплаты двойного *servicio*, который, как предполагалось, был эквивалентен восьми процентам, но они категорически отказались возвращать имущество и доходы. Симони, по-видимому, искренне желал выполнить свой неприятный долг с как можно меньшим трением, но, сообщая об этом нежелании давать показания под присягой, он без колебаний заявляет, что его целью было помешать королю узнать, что около трех четвертей всей собственности в Испании находится в руках духовенства, светского и регулярного, и особенно картузианцев, иезуитов, иеронимитов и доминиканцев. Оказалось невозможным заставить архиепископа вернуть долг, и, в конце концов, это было скомпрометировано путем использования среднего значения оценки, проведенной за пять лет вакансии, 1728-1732 гг., в результате чего доходы престола были оценены примерно в 39 000 дукатов — очевидно, заниженная оценка, хотя Гранада считалась самой бедной из пяти кастильских архиепископств. [1094]

Все это богатство и великолепие черпались в своем конечном источнике из труда земледельца и отправления таинств, ложась тяжким бременем на сельское хозяйство и во многом способствуя всеобщему обнищанию. Когда незначительноеразвитие протестантизма в 1558 году вызвало такой ужас, предполагалось как само собой разумеющееся, что люди приветствуют реформу, которая принесет облегчение от бремени церковного истеблишмента. Ховельянос спрашивает, что осталось от древней славы Кастилии, кроме остовов ее городов, когда-то густонаселенных и полных мастерских и магазинов, а теперь заполненных церквями, монастырями и больницами, которые переживают причиненные ими страдания. [1095] Итак, в 1820 году ученый каноник Франсиско Мартинес Марина, указывая на меры, необходимые для восстановления процветания, говорит, что первая из них заключается в уменьшении богатства духовенства в интересах сельского хозяйства и бедных и угнетенных крестьян, и навсегда отменить несправедливую и невыносимую дань в виде десятины, дань, неизвестную Испании до двенадцатого века, дань, которая никогда не взималась. непосредственно препятствует прогрессу сельского хозяйства и является одним из тех, которые причинили земледельцу величайшие страдания. [1096]

Духовенство, столь мирское и столь далекое от апостольской бедности, не было склонно быть преданным своим обязанностям или подавать пример нравственности своим подданным. Проект, составленный испанским епископом для рассмотрения на Латеранском соборе в 1512 году, позволяет взглянуть на плачевное состояние Церкви, которая была так глубоко озабочена спасением Маррано и морисков. Мало кто из мирян соблюдал предписанные посты и праздники, и даже пасхальным причастием пренебрегали. Священники были небрежны, и даже в соборах иногда было трудно совершать богослужение. Среди духовенства, от епископов до низших чинов, наложничество было повсеместным и бесстыдным, в то время как симония царила повсюду. [1097] Положения Севильского собора 1512 года и Корийского собора 1537 года указывают на порочный и деградировавший характер духовенства и невозможность ограничить их обычное сожительство. [1098] Альфонсо де Кастро утверждает, что если бы не защита Бога, было бы трудно сохранить религию ввиду недостойности священников и их нечестия. Всем известно, говорит он, что презрение, испытываемое к ним, проистекает, во-первых, из их чрезмерной численности, во-вторых, из их невежества и, наконец, из их жалкой жизни. [1099] Архиепископ Карранса решительно осуждает халатность священнослужителей, которые были настолько безразличны к своему долгу, что отказались от своих церквей и с таким же успехом могли бы вообще не существовать, в дополнение к чему были их порочная и скандальная жизнь и злоупотребление своим богатством. [1100]

КЛЕРИКАЛЬНАЯ ДЕМОРАЛИЗАЦИЯ

Это подтверждает генеральный инквизитор Вальдес, который утверждает, что, когда в 1546 году он принял сан архиепископа Севильи, он обнаружил духовенство и сановников своего собора полностью деморализованными. Они не стыдились своих детей и внуков; их женщины жили с ними открыто, как замужние, и сопровождали их в церковь, и многие из них держали в своих домах публичные игорные столы, которые были пристанищем разгульных людей. Если мы можем ему верить, он решительно взялся за реформу и осуществил ее с большим трудом и затратами из-за апелляций и исков в Риме и Гранаде, в Королевском совете и перед апостольскими судьями. Затем Франсиско де Эрасо, фаворит Карла V, получил каноническое звание и присоединился к тем, кто желал вернуться к своей прежней распутной жизни, против чего в 1556 году он обращается к Филиппу II за защитой. [1101] Низшие чины духовенства были не лучше, если верить синоду Ориуэлы в 1600 году, который утверждает, что их сожительство было причиной вражды народа против них, [1102] и мы видели, при рассмотрении домогательств, насколько часто использовались возможности исповеди.

Было мало прелатов, столь же добросовестных, какими себя представляет Вальдес. Альфонсо де Кастро приписывает существование ереси их небрежности; они были настолько ленивы, что не обращали внимания на свои обязанности; те, кто поступал иначе, были настолько редки, что были подобны драгоценным камням среди гальки. [1103] Венецианский посланник Джованни Соранцо менее осторожен в своих высказываниях, поскольку описывает их как живущих роскошно и растрачивающих свои доходы на великолепные заведения; у немногих из них не было детей, которых они не стыдились и для продвижения которых использовали все средства. [1104] На другом конце шкалы были клерки низших чинов, погруженные в светские дела, которые приняли постриг, чтобы пользоваться защитой от правосудия, предоставляемой

Церковью. Таково было отчаяние тех, кто отвечал за общественный порядок. Фернандо де Арагон, вице-король Валенсии, жалуется 21 августа 1544 года на невозможность свершить правосудие из-за рвения, с которым церковные власти защищали пострижение, правильное или неправильное. Чиновники архиепископов, по его словам, были униженными и невежественными людьми, единственной целью которых было спасти преступников от наказания за их преступления. Назначение архиепископом Сан-Томас-де-Виланова вселяет в него надежду на лучшее, и последнее следует за ним 8 сентября с намеками на его собственные страдания в результате его усилий исправить это состояние, которое является оскорблением правосудия и Бога и наносит большой ущерб людям. [1105]

ФАНАТИЧНАЯ НЕТЕРПИМОСТЬ

Церковь, состоящая из таких элементов, не была способна эффективно использовать то огромное влияние, которым она пользовалась в общественных делах, не только в формировании политики королевства, но и в руководстве национальными тенденциями. Теория все еще оставалась средневековой — что церковная власть - это солнце, а королевская власть - луна, которая черпает свой свет от солнца. [1106] Его влиянию, представленному Торквемадой, было обусловлено изгнание евреев; Хименесом - насильственное обращение мавров; Эспинозой - восстание в Гранаде; Хуаном де Риберой и его товарищами - изгнание морисков. В королевских советах, которые образовывали бюрократическую систему, прелаты занимали ведущие и часто доминирующие должности, а их подчиненные были в основном набраны из духовных чинов. В 1602 году предложение об увеличении числа артиллерийских школ было передано хунте под председательством королевского духовника, которая сообщила, что расходы не могут быть потрачены; школы оказались в ведении иезуитов и фрейлов и быстро сошли на нет. [1107] Должность королевского духовника имела наивысшее политическое значение. При Карле V он участвовал во всех обсуждениях и имел подавляющее влияние. [1108] При Филиппе II его духовник Фрай Диего де Чавес сыграл главную роль в трагедии Антонио Переса. Брат Каспар де Толедо, духовник Филиппа III, хвастался, что всякий раз, когда он говорил королю, что что-то должно быть сделано под страхом совершения смертного греха или что это греховно, ему повиновались без обсуждения. [1109] Регентша Австрии Мария Анна находилась полностью под властью своего духовника Нитхарда, и письма к нему Климента XI о европейской политике указывают на то, что он был настоящим правителем. [1110] Замена Фройлана Диаса на брата Педро Матилью, в качестве духовника Карлоса II, была единственным шагом, необходимым для совершения революции в правительстве, и, когда Диас бежал в Рим, он был объявлен беглым главным государственным министром. Мы видели, какой властью обладали при Филиппе V его духовники Добентон и Робине, и какую роль играл Рабаго при Фернандо VI. То, что таким образом определяло суд, постоянно действовало в каждом приходе и в каждой семье, где кафедра и исповедаля оказывали неисчислимое влияние. Испанец стал таким, каким хотела видеть его Церковь. Таким образом, клерикализм, к добру или ко злу, был ведущим фактором в управлении судьбами Испании, в истощении ее ресурсов, в формировании характера ее народа, и инквизиция была его венцом.

Под таким влиянием терпимость, которая была столь заметной чертой средневекового периода, постепенно уступила место фанатизму, нашедшему свое выражение в инквизиции и разгоревшемся до еще большей ярости из-за существования этого института и реакции на него. Не может быть никаких сомнений в искренней набожности Карла V, согласно единодушному свидетельству венецианских посланников, которые описывают его пунктуальное

соблюдение всех религиозных обрядов и заявляют, что самым верным путем к его благосклонности было проявление искреннего рвения к религии. [1111] Незадолго до своей смерти он выразил глубокое сожаление по поводу того, что не казнил Лютера в Вормсе, несмотря на его обещанную подписку о невыезде, поскольку он должен был нарушить свое слово, чтобы отомстить Богу за оскорбление. В своем завещании, исполненном в 1554 году в Брюсселе, он самым серьезным образом поручил Филиппу II всячески содействовать инквизиции из-за многочисленных и тяжких преступлений перед Богом, которые она предотвращает или наказывает, и в дополнении от 9 сентября 1558 года, продиктованном на смертном одре, его первая мысль - повторить предписание и призвать своего сына, повинувшись отцовскому долгу, преследовать ересь строго, беспощадно и безжалостно. [1112] Филипп II не нуждался в подобных увещеваниях. С самой ранней юности он дышал атмосферой, отягощенной борьбой с ересью; его учили, что высшим долгом государя перед Богом и людьми является обеспечение единства веры не только как первостепенной религиозной обязанности, но и потому, что аксиомой государственной мудрости того времени было то, что никаким другим способом мир в королевстве не может быть сохранен. Нет причин сомневаться в его совершенной искренности, когда в 1568 году эрцгерцог Карл прибыл в Испанию в качестве представителя немецких князей, чтобы настаивать на заключении соглашения с Нидерландами, и Филипп, помимо своего официального ответа, дал эрцгерцогу секретные инструкции передать императору, что никакое человеческое влияние, или государственные соображения, или все, что может сказать или сделать весь мир, ни на волос не заставят его отклониться от курса, который он избрал и намеревался проводить в этом вопросе религии во всех своих владениях; что он не будет слушать никаких советов по этому поводу, и заболел бы всем, что могло бы быть предложено. В то же время он написал Шантоне, своему послу в Вене, что то, что он делает в Нидерландах, служит их выгоде и сохранению католической веры, и что он не изменит своей политики, даже если для этого придется рисковать всем своим имуществом и если весь мир обрушится на его голову. Итак, в 1574 году инструкции комиссарам, отправленным в Бреду для переговоров с депутатами Вильгельма Молчаливого, заключались в том, чтобы решительно заявить, что он не допустит, чтобы под его троном жил кто-либо, кто не был бы полностью католиком. [1113] Филипп просто воплощал на практике учения Церкви и завоевал ее безграничное восхищение. Кардинал Паллавичини противопоставляет нерешительные преследования во Франции своей кровожадной строгости, которая была не только благодарна небесам, но и благосклонна к его королевству, спасенному таким образом спасительным кровопусканием. [1114]

ФАНАТИЧНАЯ НЕТЕРПИМОСТЬ

Было естественно, что Филипп в своем завещании, составленном 7 марта 1594 года, повторил своему сыну и преемнику предписания, которые он получил от своего отца. Инквизиция должна была стать объектом особого благоволения, даже большего, чем в прошлом, поскольку времена были опасными и полными стольногочисленных заблуждений в вере. [1115] Филиппу III не хватало энергии, чтобы быть активным преследователем, и если под руководством Лермы он изгнал морисков, то под той же опекой он заключил мир с Англией в 1605 году и перемирие с Голландией в 1609 году, к отвращению благочестивых людей, которые не могли понять никаких отношений с еретиками. И все же он был очень религиозным принцем, который каждый день

проводил часы в молитвах и испытывал свою совесть и подавал яркий пример тем, как часто он искал исповеди и причастия. [1116]

Само собой разумеется, что в своем завещании он должен был оставить своему преемнику обычные инструкции по развитию инквизиции. Что касается Филиппа IV, то мы видели множество примеров его подчинения ей за полвека своего правления и его готовности подчинить ей все другие интересы. Он продемонстрировал свою последовательность в этом, когда под диктовку Верховного начал войну с Англией из-за своего отказа подписать договор, запрещающий преследование англичан в Испании из-за их религии [1117] и в своем завещании, исполненном в 1665 году, он возложил на своего преемника обычные предписания помогать инквизиции, добавив призыв уважать и защищать духовенство во всех его изъятиях и иммунитетах и усердно трудиться для реформирования религиозных орденов. [1118]

Карлос II был ничтожеством, с которым не нужно считаться, и вместе с бурбонами мы вступаем на зарю новой эры, в которой фанатизм больше не доминирует в политике государства. Это правда, что Филипп V, отрекаясь от престола в 1724 году, завещал своему сыну Луису сохранять веру с помощью инквизиции так же ревностно, как и любой из его предшественников, и что в течение первой трети века наблюдался яростный всплеск инквизиторской деятельности, но мы видели, как постепенно давал о себе знать дух эпохи, и, хотя обязанность истреблять ересь все еще признавалась в теории, на практике ее исполнение было значительно смягчено.

Нам, в условиях индифферентизма двадцатого века, трудно осознать или осмыслить неистовство страстей, возбуждаемых вопросами веры, оторванными от всех мирских интересов, и их влияние на такой эмоциональный народ, как испанцы, и столь склонный, как они сами говорят нам, поддаваться влиянию воображения, а не разума. Мы видели (Т. III, стр. 284) все королевство Португалия было повергнуто в волнение кражей пиксы с освященным воинством, и что только своевременное обнаружение преступника спасло всех новых христиан от изгнания. Нам может показаться весьма тривиальным тот факт, что накануне Страстной пятницы 1640 года в здании капитула Гранады был вывешен плакат, высмеивающий христианскую религию, восхваляющий Закон Моисея и порочающий чистоту Пресвятой Девы, но это вызвало величайшее волнение по всей Испании. Во всех церквях были проведены специальные службы, чтобы умиловать оскорбленное божество и выявить злоумышленника. Он был обнаружен в лице отшельника Санта-Имаген-дель-Триунфо, который был арестован, и инквизитор Родезно счел целесообразным нарушить нерушимую тайну инквизиции, чтобы утихомирить общественное волнение, сообщив людям, что преступник был обнаружен и осужден. Ученые врачи воспользовались случаем, опубликовав диссертации, в которых доказывалось, что он должен быть сожжен заживо, если нельзя придумать более жестокую смерть, соответствующую преступлению. [1119] Фанатичная ненависть к ереси *как таковой*, столь усердно прививаемая и укоренившаяся в моральных устоях каждого испанца, прослеживается в статутах Лимпьесы, которые закрыли пути к отличию потомкам Конверсос и тем, кто был наказан инквизицией, так что даже арест и тюремное заключение за незначительное правонарушение, совершенное согласно распространенному предрассудку, это несмыслимое клеймо на семье. Мы видели, до какой безумной степени это было доведено и какое зло это причинило социальной организации, но более плодотворной во зле была привычка мыслить, благодаря которой это было порождено и которую усиливало.

ПОВЕРХНОСТНАЯ НАБОЖНОСТЬ

Однако практически религия, столь чувствительная к чистоте веры, носила очень поверхностный характер. Внешние обряды строго соблюдались, и инквизиция всегда была начеку, чтобы наказать за любую непочтительность в действиях или словах, однако Альфонсо де Кастро рассказывает нам, что в горных провинциях, таких как Астурия, Галисия и в других местах, слово Божье так редко проповедовалось людям, что они соблюдали множество языческих обрядов и суеверий. [1120] Трудиться в воскресенье или в праздничный день было серьезным преступлением, связанным с подозрением в ереси, однако Карранса говорит, что по воскресеньям было совершено больше преступлений против Бога, чем за все будние дни вместе взятые; те, кто ходил на мессу, в основном проводили время в бизнесе, разговорах или сне; те, кто не ходил, тешили свое тщеславие или свои аппетиты; древние Евреи привыкли говорить, что в свои праздничные дни демоны покидали города и укрывались в горных пещерах, но теперь кажется, что в будние дни демоны избегали людей, занятых своими трудами, а в праздничные дни радостно приходили толпами из пустынь, ибо тогда они находили двери открытыми для всех видов пороков. [1121]

Паоло Тьеполо в 1563 году замечает, что во всех внешних признаках религии испанцы чрезвычайно набожны, но он сомневается, соответствует ли этому внутреннее убранство; духовенство живет так, как оно хочет, и никто их не осуждает, и он возмущен шутовством и бурлесками, разыгрываемыми в церквях по праздничным дням. [1122] Церкви, на самом деле, похоже, были местами для всего, кроме богослужения. Аспилькуэта описывает нечестивые обряды во время богослужения, невниманье священников, шествия масок и демонов, банкеты и пиршества и другие позорные профанации, так что среди верующих мало тех, кто не грешит в церкви, и мало тех, кто не произносит праздных, тщеславных, грязных, порочных или непристойных слов; в жаркую погоду прохлада церковей делала их излюбленными местами отдыха для обоих полов, включая монахов и монахинь, и происходило многое неприличное; более того, они были местами для богослужений. там происходили деловые операции, и торгов было больше, чем на рынках. [1123] Это был не просто мимолетный обычай. Столетие спустя Франсиско Сантос рисует нам церковь, переполненную так называемыми прихожанами, где службы едва слышны из-за шума; нищие просят милостыню и ссорятся между собой; двое мужчин яростно ссорятся и готовы обнажить мечи; группа молодых кавалеров болтает и жестоко обращается с бедняком, который случайно прикоснулся к ним, проходя мимо; люди покидают одну мессу, которая началась, чтобы последовать за священником, который имел репутацию более ответственного в своих священных обязанностях; в часовне компания прекрасных дам пьет шоколад, обсуждая моду и прислуживание ее почитателям — все мирское, а религиозные обряды - всего лишь предлог. [1124] Эту непочтительность разделяли священники. Краткое изложение Урбана VIII от 30 января 1642 года содержит жалобы декана и капитула Севильи на употребление табака в церквях, как при курении, так и при нюхании табака, даже священниками во время службы, и на осквернение ими священных тканей, используя их и окрашивая табаком, в связи с чем он объявляет отлучение от церкви с опозданием на сентенцию за использование травки в священных пределах. [1125] Очевидно, что инквизиция, насаждая соответствие догмам и внешним обрядам, не смогла внушить подлинного уважения к религии.

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕПЕРЕНОСИМОСТИ

Таким образом, будет видно, как мало на самом деле принес религии дух яростной нетерпимости, в значительной степени ответственный за материальные причины упадка, которые мы быстро рассмотрели. Иррациональная решимость обеспечить единство веры любой ценой побудила Фердинанда и Изабеллу сжечь и обнищать тех из своих подданных, которые представляли наибольшую экономическую ценность, изгнать тех, кого нельзя было принудить к подчинению, и ввести систему конфискации, которая, как мы видели, оказывает разрушительное влияние на промышленность и на кредит, от которого зависят торговля и промышленность, в то время как применение этого для осуждения мертвых не только принесло страдания невинным потомкам, но и лишило титулов и поставило под угрозу все сделки. Это осватило честолюбие Карла V ореолом религии. Это был мотив, лежавший в основе самоубийственной политики Филиппа II, приведшей к бесконечным войнам с Нидерландами, восстанию Гранады и расточительной поддержке Лиги. Это было причиной недовольства мориско, достигшего кульминации в изгнании в 1610 году, сразу после того, как Филипп III практически смирился с потерей Голландии по перемирию 1609 года. Земля была лишена своих самых трудолюбивых классов, она была лишена своих храбрейших солдат, ее торговля и продуктивность были смертельно подорваны, и она была доведена до крайнего финансового истощения, и все это во имя вящей славы Божьей и в вере, что это было возмездием за нанесенные Богу оскорбления. Чтобы удовлетворить потребности, вытекающие из этого, а также из бездумной расточительности монархов, труд, на котором основывались ресурсы государства, был повержен на землю и подвергнут нагрузкам, которые сводили на нет их собственные цели, ибо они в отчаянии вытесняли производителя с земли. Производительная промышленность и торговля, ослабленные изгнаниями, были настолько ослаблены, что пришли в упадок почти до полного исчезновения и фактически перешли в руки иностранцев, которые действовали под маской *testas ferrias* — испанцев, которые присвоили свои имена настоящим руководителям, по большей части тем самым еретикам, которых Испания изнуряла себя уничтожением. Торговля и кредитование были затруднены не только из-за обесценения валюты, но и из-за постоянно нависающего риска секвестра и конфискации, а также из-за препятствий, связанных с цензурой, введенной *visitas de navios*. Слепота и неэффективность правительства всячески усиливали зло, порожденное его ошибочной политикой, но в основе всего лежала длительная и неустанная решимость насаждать конформизм в то время, когда открывалась промышленная и коммерческая эра, которая должна была принести богатство и могущество нациям, достаточно мудрым и либеральным, чтобы воспользоваться ее возможностями — возможностями, которые Испании было предложено фактически монополизировать через ее контроль над торговлей Индией и производством драгоценных металлов. Есть печальная правда в хвастовстве доктора Педро Перальты Барнуэво в его рассказе об автокатастрофе в Лиме 1733 года о том, что решимость любой ценой обеспечить единство веры сделала Испанию скорее церковью, чем монархией, а ее королей защитниками веры, а не суверенами. Она была храмом, в котором алтарями были города, а приношениями — люди, и она презирала процветание государства по сравнению с преданностью религии. [1126]

Изабелла и ее потомки Габсбургов всего лишь подчинялись велениям совести и исполняли законы Церкви, когда стремились силой подавить ересь и отступничество, и они вполне могли считать это и долгом, и хорошей политикой в то время, когда повсеместно учили, что единство веры является самой надежной гарантией счастья и процветания наций. Испания с привычной тщательностью проводила эту теорию в течение трех столетий до доведения до абсурда с помощью инквизиции, организованной, вооруженной и оснащенной до последней точки

возможного совершенства для своей работы. Тщательно продуманные аргументы его последнего защитника только показывают, что его нельзя защищать, не защищая также всю политику Дома Габсбургов, которая привела к таким страданиям и деградации. [1127] Это была существенная часть системы и, как таковая, она внесла свою полную лепту в разорение Испании.

ВЛИЯНИЕ НА ЛЮДЕЙ

То, что иногда даже у инквизитора может появиться проблеск истины, следует из очень примечательного меморандума, адресованного Филиппу IV членом Верховного суда в отношении португальских евреев. Он заявляет, что они считают строгость инквизиции благословением, поскольку она гонит их из Испании в другие страны, где они могут наслаждаться своей религией и обрести процветание. Он хочет предотвратить этот массовый исход, который лишает Испанию населения и богатства и подвергает ее опасности, и вернуть тех, кто сам эмигрировал, с этой целью он предлагает значительно смягчить инквизиционную строгость в отношении конфискации, тюремного заключения и ношения санбенито, за исключением случаев закоренелых нераскаявшихся преступников. Он приветствовал бы их возвращение, и, даже если бы их католицизм был всего лишь внешним, он утверждает, что их дети стали бы добрыми католиками, как это оказалось в случае с потомками кастильских евреев. Действительно, он заходит так далеко, что призывает поощрять иностранцев в целом переносить свои капиталы в Испанию, селиться и натурализовываться, жениться на испанских женах и таким образом служить богатству и процветанию страны. [1128] Житейская мудрость этого была слишком противоречива предрассудкам того времени, которое требовало, как мы видели, истребления и изоляции, и его мудрые советы остались без внимания. Иудействующие были изгнаны, чтобы помочь в строительстве Голландии своим богатством и интеллектом, а Испания, во все возрастающей бедности, продолжала лелеять идеалы, которые она воплотила в инквизиции.

Была одна услуга, на выполнение которой она никогда не уставала претендовать и на которую до сих пор претендуют ее защитники, — в шестнадцатом и семнадцатом веках она спасла Испанию от религиозных войн, опустошивших Францию и Германию. Это служение вполне может быть поставлено под сомнение, поскольку темперамент и воспитание испанской нации делают смехотворным предположение, что пара сотен еретиков, среди которых лишь полдюжины приняли дух мученичества за свою веру, могли вызвать такое распространение диссидентства, что поставили под угрозу мир; но даже если мы признаем это служение, его метод, вызывающий интеллектуальное оцепенение и изолирующий нацию от всех влияний из-за рубежа, только отсрочил неизбежное, усилив беспокойство, когда должен был произойти переход от средневековья к модернизму. Деятнадцатый век в обостренной форме перенес на себя основную тяжесть, которая должна была бы обрушиться на шестнадцатый. Когда дух Революции прорвался внутрь, он обнаружил, что население усердно приучается к пассивному повиновению государству и покорности Церкви. Теократический абсолютизм так долго учил ее, что она не должна думать или рассуждать самостоятельно, что она утратила способность рассуждать о великих проблемах жизни. Оно не испытывало почтения к закону, поскольку привыкло видеть, что произвольная воля абсолютного суверена превалирует над законом, и у него не было опыта выбирать между трезвыми реалиями ответственного правительства и блестящими обещаниями пламенных идеалистов. Однако Революция прошла, оставив все так, как было раньше. Привычка к беспрекословному подчинению, унаследованная из поколения в

поколение, настолько прочно вошла в национальный характер, что, как нам говорят, люди не в состоянии осознать, что они так же полностью подчинены кастилизму, как раньше были подчинены монархии, — что на самом деле нация все еще находится в зачаточном состоянии и не способна управлять собой. [1129]

Как в мирской, так и в духовной сфере. В суматохе революции инквизиция умерла естественной смертью, но Церковь заполнила образовавшуюся вакансию. Оно так привыкло ко всеобщему признанию своей божественной миссии, оно так долго наслаждалось несметным богатством и властью, что не могло приспособиться к потребностям новой ситуации и, когда оно не могло полагаться на грубую силу государства, оно дало волю народным страстям, которые само же и взращивало. Будучи непримиримой, она спровоцировала нападки на свое непомерно возросшее богатство и численность; она была бескомпромиссной и не желала слушать никаких корректировок, поскольку претендовала на все преимущества канонического права, согласно которому она была освобождена от всякого вмешательства государства; ее отношение было непоколебимой враждебностью к новому порядку вещей, и она страдала от грубого обращения, которое неизбежно приводило к тому, что она стремилась скорее к мученической смерти, чем покорно позволить нечестивым возложить руки на ковчег. Таким образом, оно продолжало оставаться неусвояемым элементом политической ситуации, его политика направлялась из Рима, а огромное влияние его совершенной организации использовалось скорее для замедления, чем для стимулирования прогресса в хорошем управлении и материальном процветании. [1130] Каким может быть исход предстоящей борьбы между Церковью и государством, вызванной признанием гражданского брака, предсказывать слишком рано.

БЕЗРАЗЛИЧИЕ К МОРАЛИ

Таким образом, вывод, который можно сделать из нашего обзора причин, лежащих в основе несчастий Испании, заключается в том, что инквизиции можно справедливо приписать ее служение в качестве официального инструмента нетерпимости, приведшего к таким серьезным результатам, и ее влияние на испанский характер, превратившее эту нетерпимость в национальную черту, одновременно притупив испанский интеллект до такой степени, что на какое-то время, можно сказать, она почти перестала думать. Цели, ради которых она была так проникательно и тщательно организована, были успешно достигнуты, и в глазах опытных государственных деятелей во времена своего наивысшего развития она была оплотом веры. В 1573 году Леонардо Донато отражает преобладающее мнение в правительственных кругах, когда он говорит о его авторитете и суровости как об абсолютно необходимых, поскольку повсюду было так велико число новых христиан, недавно крещенных с Бог знает какими наклонностями, и с все еще живыми воспоминаниями предков, что, если бы не непрерывающийся надзор инквизиции за ними, существовала бы большая опасность того, что Испания утратила бы свою религию. В 1581 году Джоан Франческо Морозини заявляет, что, хотя испанцы внешне были самой набожной и католической нацией, все же, что касается евреев, морисков и еретиков, Испания была бы заражена больше, чем Германия или Англия, если бы не страх, внушаемый суровостью инквизиции; и те же взгляды выражены Джамбаттистой Конфалоньери в 1591 году и посланником Луккезе Дамиано Бернардини в 1602 году. [1131] Однако вера, столь усердно сохранявшаяся такой страшной ценой, была в значительной степени, как мы видели, верой внешнего соблюдения, без соответствующего

внутреннего благочестия, готовой вспыхнуть пламенем ради поддержания такой догмы, как Непорочное Зачатие, и заслужить небеса, оплачивая мессы, юбилеи и должности капелланов, но не трудиться для этого чистотой жизни и самоотдачей. отречение, или повиновение божественному повелению зарабатывать себе на хлеб в поте лица. Естественным результатом этого, когда сталкиваешься лицом к лицу с современными условиями, является то, что Канавас дель Кастильо в ходе дебатов в Кортес в 1869 году с сожалением заявил, что Испания из всех наций наиболее безразлична к религии, а недавний автор утверждает, что не было бы никакого риска утверждать, что испанцы - самый нерелигиозный, безразличный и практически атеистический народ в Европе. [1132]

Фактически, отделение религии от морали — несовместимая связь горячего рвения к догме с распущенностью жизни — стимулировалось инквизицией. Как мы видели, он не уделял внимания морали и таким образом преподавал урок о том, что они неважны по сравнению с точностью веры. Каким бы распутным ни было поведение духовника по отношению к своим духовным дочерям, он был в безопасности до тех пор, пока не совершал технического проступка, вызывающего подозрение в неверии в причастие, и даже когда он пренебрегал этими мерами предосторожности, мы видели, насколько благожелательным было обращение с ним. Это правда, что ближе к концу шестнадцатого века инквизиция проявила замечательное рвение в судебном преследовании тех, кто высказывал общепринятое мнение о том, что в простом прелюбодеянии между неженатыми нет греха и что в значительной степени это пресекало высказывание, но, поскольку наказывалось только высказывание, а не грех, это никак не способствовало продвижению морали. То же самое можно сказать и о его невежественном уничтожении произведений искусства, которые оно считало неприличными, и о случайном запрете книги или пьесы, вызвавших его неодобрение. В отсутствие более серьезной работы можно найти несколько случаев, когда она направлена на защиту морали, но они слишком редки, чтобы мы могли приписать им какой-либо мотив, кроме желания вмешаться. На самом деле продвижение морали не входило в его функции оплота веры; скорее, действительно, он способствовал распространению коррупции благодаря своему обычаю зачитывать на аутодафе приговоры *по делу*, подробности которых были эффективным средством народного просвещения в области порока. [1133] Результат виден в семнадцатом веке, когда единственными еретиками были рассеянные и преследуемые португальцы, и все же, вероятно, никогда не существовало общества, более подверженного коррупции — настолько подверженного, что было утрачено даже чувство стыда. Падре Корелла не был ригористом, но к концу столетия он рисует отвратительную картину социальных условий; повсюду, по его словам, порок и преступность, похоть и жестокость, мошенничество и грабеж, в торговых центрах, в залах правосудия, в семье, в суде, в церквях, в то время как духовенство, если это возможно, хуже мирян. Филипп IV, который так религиозно поддерживал инквизицию, был не только печально известен своей распущенностью, но и развлекался скандально кощунственными комедиями и фарсами в своем дворцовом театре, где сцены и персонажи Священного Писания становились предметом насмешек, и этот стиль перешел в популярную литературу и стихи, которые избежали порицания. [1134]

НЕУВАЖЕНИЕ К ЗАКОНУ

Испанское богословие, которое было высшим в шестнадцатом и начале семнадцатого веков, внесло только один реальный вклад — изобретение вероятностного подхода Бартоломе де Мединой в его комментариях к Аквинскому в 1577 году. На этом была основана новая наука

Нравственного богословия, посвященная уклонению от наказания за грех и применению к указам Божиим излюбленного испанского метода уклонения от указов короля - повиновения, а не исполнения. Эскобар, которому Паскаль приписывал печально известное бессмертие, просто собрал то, что нашел у богословов высочайшего авторитета, и, когда небрежность *Opusculum* иезуита Мойи вызвала папский запрет в 1666 году, повторенный в 1680 году, испанская инквизиция заявила о своей независимости, отказавшись включить эту работу в Указатель. [1135] Практическое влияние всего этого описано в мемориале девяти испанских епископов Клименту XI в 1717 году против *Консульта Моралеса* капуцина Мартина де Торричеллы, в котором они заявляют, что вероятностный подход подорвал всю мораль и всякое подчинение божественному, муниципальному и каноническому праву, и что множество людей вели беспорядочную жизнь, апеллируя к вероятностная казуистика, поскольку так называемые вероятностные мнения могли использоваться для оправдания любых действий людей. [1136]

Если таким образом власть инквизиции была ограничена, когда она могла бы быть использована с пользой для общества, то при более поздних Габсбургах она активно использовалась для ослабления уз общественного порядка и стимулирования презрения к закону. Во многом этому способствовала фактическая анархия Испании в семнадцатом веке, возникавшая из-за многочисленных конкурирующих юрисдикций и презрения, испытываемого к королевским чиновникам. Это произошло из-за дерзкой наглости, с которой инквизиция отстаивала свои претензии на юрисдикцию. Когда королевских чиновников без зазрения совести отлучали от церкви, арестовывали и сажали в тюрьму, а к высшим судам относились с презрением и поруганием, уважение к закону и его служителям было фатально ослаблено. То, что другие привилегированные юрисдикции — Крусада, духовная и военная — последовали этому примеру, было неизбежно, и социальное положение Испании стало плачевным. [1137] В 1677 году Совет Кастилии представил Карлосу II зло, причиненное народу двумя главными преступниками, инквизицией и Крузадой, наиболее репрессивной формой которого было злоупотребление отлучением от церкви по чисто светским делам. Совет пытался исправить это, но его полномочия были приостановлены, и он был бессилен защитить вассалов короны. Карлос слабо ответил, что, хотя он и мог лишить их королевской юрисдикции, которой они злоупотребляли, все же он счел, что лучше этого не делать, и удовлетворился запретом на использование порицаний в мирских делах — запретом, который, конечно, был проигнорирован. [1138] Уже в следующем году Карлоса заставили почувствовать свое бессилие перед лицом высокомерного превосходства, утверждаемого инквизицией.

Когда в 1678 году набег на все торговое сообщество Майорки обещал огромные конфискации, Карлос благоразумно приказал вице-королю 30 мая позаботиться о сохранности секвестров. Вслед за этим вице-король запросил описи или заявления, а в ответ на их отказ пригрозил принять дальнейшие меры. Трибунал отчитался перед Верховной Властью, которая поручила инквизиторам защищать свою юрисдикцию путем порицания и, при необходимости, *cessatio a divinis*, когда, если этого окажется недостаточно, они должны были доверить своих заключенных епископу и отплыть в Испанию, отчитавшись перед папой. Отправив это вызывающее и революционное послание, Верховный судья 8 августа снизошел до того, чтобы сообщить о нем королю в форме язвительного упрека. Запрос вице-короля, говорилось в нем, был беспрецедентным нападением на религию и Святой Престол, а также профанацией самой почтенной святости инквизиции; конфискованное имущество было церковной собственностью до конфискации, и позволить мирянину управлять им было бы нарушением всех законов, а также тайны инквизиции. Карлос смиренно извинился; он не хотел вызывать недоверия и

накажет вице-короля, если тот превысит свои инструкции, но он пожаловался, что инквизиторам следовало приказать покинуть Майорку без его ведома и таким образом причинить непоправимое зло. Супрема, в ответ, воспользовался своим преимуществом. Оставление Майорки инквизиторами было бы меньшим злом, чем нарушение тайны инквизиции; вице-король должен был бы иметь четкие приказы держаться подальше, а король должен был бы проконсультироваться с ним, прежде чем давать такие инструкции; это предотвратило бы все неприятности, поскольку операции инквизиции были настолько особенными, что даже его превосходный интеллект не мог понять их без объяснений. [1139] Эта дерзость достигла своей цели; Карлосу было эффективно отказано, и мы видели, насколько мала была доля добычи, в конечном итоге доставшаяся ему.

Доминирование

Инквизиция, по сути, была фактически независимой силой в государстве, которая утвердилась после того, как энергичная личность Фердинанда была забыта. Его стремление доминировать на земле проявилось в проектируемом Ордене *Санта-Мария-де-ла-Эспада-бланка*, который Филипп II был достаточно проницателен, чтобы сокрушить, пока еще было время, но мера независимости, которой он уже достиг, стала очевидной, когда суды королевств Арагон попытались получить подпись генерального инквизитора, а также короля, на уступках, которых они добились, и когда инквизиция проигнорировала королевские соглашения, вплоть до преднамеренного нарушения их в вопросе конфискаций. Это проявилось в деле Антонио Переса, когда Филипп II был вынужден призвать ее к себе на помощь, и она следовала своим собственным интересам, игнорируя королевскую политику. Таким образом, в длительной борьбе с Бильбао за *визитас де навиос* это фактически бросило вызов как короне, так и всем властям Бискайи. Если это помогло монархии в борьбе с Римом из-за регалий, то, обеспечив таким образом свою независимость от папской инквизиции, она без колебаний обратила свои цензурные полномочия против королевской прерогативы. Если бы не приход династии Бурбонов, она могла бы разумно рассчитывать на то, что в конечном итоге станет доминирующей, поскольку сочетала законодательные и исполнительные функции, светскую и духовную юрисдикцию и утверждала, подобно Церкви, право определять пределы своих собственных полномочий. Вся его карьера, действительно, показывает, насколько безосновательна современная теория о том, что он был инструментом государства в установлении самодержавия монарха. Если ошибочность этого требует дальнейших доказательств, то она достаточно продемонстрирована, даже при первых бурбонах, судьбой Маканаса, которого это отстранило от власти и обрекло на жизнь в бедности и изгнании, потому что, находясь на службе королю, он пытался сделать ее такой, какой она представлялась Ранке и Гамсу. Это правда, что в период своего упадка она объединила силы с короной, чтобы противостоять нашествию свободной мысли, которая была одинаково опасна для обеих, и что она использовала свою истекающую власть для подавления политической, а также духовной ереси, но в этом она вела свою собственную битву в той же степени, что и монархия, от которой зависело ее существование.

Защитники инквизиции в споре о ее подавлении и с тех пор в значительной степени полагались на утверждение, что за время ее существования ни один голос не был поднят против нее, что все органы общественного мнения и все писатели восхваляли ее как защитницу религии и как

чрезвычайно осторожную в отправлении точного правосудия. Пока что это далеко не так, мы видели его собственные признания (Vol. I, стр. 538) о искренней ненависти, которую испытывали к нему и его чиновникам, и мы слышали жалобы кортов Вальядолида в 1518 и 1523 годах, Коруньи в 1520 году и Мадрида в 1575 году, помимо непрекращающейся борьбы Арагона и Каталонии, чьи корты не были низведены до раболепия. Какова была его репутация во всей Европе, можно судить по тому факту, что в 1535 году, когда Жуан III пытался создать собственную инквизицию в Португалии и шли разговоры о передаче вопроса на рассмотрение генерального совета, который, как ожидалось, вскоре соберется, его посол в Риме Мартиньо, архиепископ Фуншала, предупредил его, что, если этот вопрос будет поднят на совете, это приведет к упразднению инквизиции в Испании. [1140] О его репутации в Испании следует судить по беспристрастным сообщениям венецианских посланников, которые восхваляли его заслуги в подавлении ереси, и для которых, как для практичных государственных деятелей, он был объектом удивления и восхищения, как машина, идеально разработанная для удержания людей в полном подчинении. Из этих сообщений видно, что, хотя все подчеркивают его строгость, никто не рискует одобрить его справедливость. Посланники были глубоко впечатлены всеобщим благоговением, которое он внушал. Еще в 1525 году Гаспаро Контарини рассказывает нам, что все трепетали перед ним, ибо его суровость и страх, испытываемый им, были даже больше, чем перед Советом Десяти. В 1557 году Федерико Бадозеро говорит об ужасе, вызванном этой безжалостной процедурой. В 1563 году Паоло Тьеполо, остановившись на секретности и беспощадной строгости его суждений, говорит, что каждый содрогается от самого его названия, поскольку оно обладает высшей властью над собственностью, жизнью, честью и даже душами людей. Два года спустя Джованни Соранцо говорит о великом страхе, внушаемом им, поскольку его авторитет несравнимо превосходит авторитет короля. В 1567 году Антонио Тьеполо повторяет эти утверждения, и все соглашались в своих комментариях относительно влияния таинственной секретности его действия и неустанной суровости его действия. [1141]

ПРИВЫЧНОЕ САМООГРАНИЧЕНИЕ

Вряд ли нужно это свидетельство, чтобы объяснить, почему за время ее существования от испанцев не следует ожидать неблагоприятного мнения об инквизиции, за исключением тех, кто выступал от имени людей в Кортах или высокопоставленных чиновников в спорах о компетенции. Ужас сделал молчание обязательным, а секретность сделала невежество всеобщим. Освобожденный заключенный поклялся ничего не рассказывать о том, что он пережил, и любая жалоба на несправедливость подвергала его судебному преследованию. Критика считалась препятствующей его действию и являлась преступлением, подлежащим заслуженному наказанию. Писатели всегда должны были помнить о цензуре, будучи уверенными, что любое необдуманное слово приведет к закрытию книги, а любая попытка самооправдания приведет к худшим последствиям, как обнаружил Беландо, когда рассмотрение петиции стоило ему пожизненного заключения и запрета пользоваться пером. Когда в ежегодном Эдикте веры от каждого требовалось под страхом отлучения осудить любое препятствие, прямое или косвенное, трибуналу или любую критику справедливости его работы, сдержанность стала всеобщей и привычной, и в инстинкте самосохранения люди, естественно, стремились научить себя и своих детей даже не думать плохо об инквизиции, чтобы в какой-нибудь неосторожный момент случайное высказывание не привело к судебному преследованию и позору. *The popular refrain, Con el Rey y la Inquisicion, chiton!* Молчание в отношении короля и инквизиции раскрывает нам лучше, чем мир споров, результат этого

подавления на протяжении поколений, и его эффективность видна в том факте, что в Толедо с 1648 по 1794 год был всего один судебный процесс за плохие высказывания о Святой Канцелярии. Такое обучение принесло свои плоды, когда самодержавие рухнуло в результате революции и был проведен эксперимент по самоуправлению.

Испанца учили не только подавлять свое мнение относительно инквизиции, но и держать язык за зубами при любых обстоятельствах, не только публично, но и в священной тайне от своей семьи, поскольку обязанность доноса возлагалась на мужа и отца, жену и детей. Еще в 1534 году ортодоксальный Хуан Луис Вивес жаловался Эразму, что в те трудные времена было опасно ни говорить, ни молчать. [1142] Осторожная Мариана говорит нам, что самым тяжким притеснением, вызванным введением инквизиции, было лишение свободы слова, которое некоторые люди считали рабством хуже смерти. [1143] Мы видели, как серьезно относились даже к самым тривиальным и неосторожным выражениям, которые могли быть истолкованы как пренебрежение к какому-нибудь богословскому догмату или неуважение к какому-нибудь церковному обряду, и каждому надлежало быть настороже всегда и во всех местах. Ежегодный Эдикт веры постоянно держал ужас инквизиции перед каждым человеком и был, пожалуй, самым эффективным средством, когда-либо изобретенным для внушения населению страха перед постоянно надвигающейся опасностью. Ни одна другая нация никогда не жила на протяжении веков в условиях столь полного, столь незначительного и столь всепроникающего морального гнета.

То, что инквизиция внушала страх больший, чем страх перед королевской властью, иллюстрируется любопытным примером, в котором она была использована во благо при умирении беззаконного сообщества. В 1588 году Люпус Мартин де Говилла, инквизитор Барселоны, с визитом прибыл в Монбланш, где уже много лет не бывал ни один инквизитор. Он нашел это густонаселенным городом, раздираемым настолько ожесточенными группировками, что мужчин убивали на улицах, сражения происходили на площади, а женщин в их окнах расстреливали из аркебуз. После опубликования Эдикта веры он обнаружил, что свидетели боятся подходить к нему по улицам, и, расценив это как неуважение к инквизиции, издал прокламацию, запрещающую ношение аркебуз и арбалетов, и его приказу подчинились. Он подал пример одному преступнику, потребовав, чтобы тот отслужил мессу как кающийся грешник, изгнав его и конфисковав его аркебузу, что успокоило людей, чтобы инквизиция могла продолжаться. Затем произошло убийство, и регидоры добились от вице-короля предоставления ему всех полномочий для умиротворения города; по общему согласию все перешли под юрисдикцию инквизиции, поскольку при королевской власти не было безопасности, и они возблагодарили Бога за то, что мир был восстановлен и что люди могли передвигаться без оружия. Говилла отправился в Поблет, когда ему принесли известие о другом убийстве; он вернулся, заключил в тюрьму и наказал виновных, которые пожаловались вице-королю, но Аудиенция после рассмотрения отклонила жалобу, и эта странная юрисдикция инквизиции, кажется, продолжалась около десяти лет. [1144]

СТАТИСТИКА ЖЕРТВ

Прежде чем отвергнуть впечатление, производимое суровостью инквизиции, не лишним будет высказать некоторые предположения относительно совокупности ее действий, особенно в том, что касается сожжений, которые, естественно, сильнее воздействовали на воображение. Нет

сомнений в том, что их количество было сильно преувеличено в общественном мнении, преувеличению, которому Льоренте в значительной степени способствовал своим абсурдным методом подсчета, основанным на произвольном допущении определенного среднегодового показателя для каждого трибунала в последовательные периоды. Сейчас невозможно восстановить статистику инквизиции, особенно в период ее ранней деятельности, но некоторые общие выводы можно сделать из деталей, доступных нескольким трибуналам.

Сожжений, без сомнения, было много в течение первых нескольких лет из-за нерегулируемого рвения инквизиторов, мало сведущих в каноническом праве, которые, похоже, осуждали направо и налево на основании неубедительных доказательств и не давали своим жертвам возможности ходатайствовать о примирении, поскольку, хотя негативов могло быть много, упорных нераскаявшихся, безусловно, было немного. Свобода, предоставленная им судить о подлинности обращения, давала опасную власть, которой, несомненно, злоупотребляли zelotes, а принцип, согласно которому несовершенно признание является доказательством нераскаянности, добавил многих в список жертв, в то время как массовые примирения в соответствии с Эдиктами Благодати давали обильную жатву, которую можно было собрать в соответствии с правилом, осуждающим рецидивы. Более того, в ранние годы отсутствующие и умершие своими изображениями в значительной степени способствовали ужасным торжествам в кемадеро.

Современные авторы непримиримо расходятся в своих оценках, на которые в большей степени влияют субъективные соображения, чем имеющиеся в их распоряжении несовершенные статистические данные. Родриго хладнокровно утверждает как положительный факт, что число погибших в Испании на костре за ересь не превышало 400 человек и что это были добровольные жертвы, отказавшиеся отречься от своих ошибок. [1145] Отец Гамс считает 2000 лет за период до смерти Изабеллы в 1504 году и еще столько же с этой даты до 1758 года. [1146] С другой стороны, Льоренте подсчитал, что до конца деятельности Торквемады было осуждено 105 294 человека, из которых 8800 были сожжены заживо, 6500 изображены в виде статуй и 90 004 подвергнуты публичному покаянию, в то время как до 1524 года общее количество составило 14 344 9372 и 195,937. [1147] Даже эти цифры превышены Амадором де лос Риосом, который обычно не склонен к преувеличениям. Он предполагает, что до 1525 года, когда мориски начали страдать как еретики, число сожженных заживо составляло 28 540 человек, из них сожженных в виде чучела - 16 520, а наказанных - 303 847, что составляет в общей сложности 348 907 обвинений в иудаизме. [1148] Дон Мельгарес Марин, чье знакомство с документами неоспоримо, сообщает нам, что в Кастилии в 1481 году более 20 000 человек были примирены по эдиктам милосердия, более 3000 были наказаны санбенито и более 4000 были сожжены, но он не приводит никаких авторитетных источников в поддержку этой оценки. [1149]

СТАТИСТИКА ЖЕРТВ

Единственный современник, который дает нам цифры для всей Испании, - Эрнандо де Пульгар, секретарь королевы Изабеллы. Его официальное положение давало ему возможности для получения информации, и его едва скрываемая неприязнь к инквизиции вряд ли могла привести к недооценке ее деятельности. Он утверждает о 15 000 тех, кто пришел по Милостивому Указу, и о 2000 тех, кто был сожжен, не считая мертвых, чьи кости были эксгумированы в большом количестве; количество кающихся он не оценивает. К несчастью, он не называет даты, но, поскольку его Хроника заканчивается 1490 годом, мы можем

предположить, что это термин "состоящий". [1150] С некоторыми вариациями его рисунки были приняты последующими авторами. [1151] Бернардес лишь делает общее заявление о том, что по всей Испании бесконечное количество людей было сожжено, осуждено, примирено и заключено в тюрьму, и из тех, кто примирился, многие вернулись к жизни и были сожжены. [1152]

Какими бы несовершенными ни были протоколы, мы можем попытаться проверить эти различные оценки с помощью тех доказательств, которые имеются в наличии в отношении нескольких трибуналов. В этом мы можем начать с Севильи, которая, несомненно, была самой активной. Инквизиция зародилась там, как в центре криптоиудаизма; это был самый густонаселенный город Кастилии с населением почти в полмиллиона человек, и его непревзойденная коммерческая активность делала его особенно привлекательным для конверсов, в то время как андалузский указ Изабеллы об изгнании, должно быть, значительно увеличил число псевдопрозелитов. В 1524 году над воротами замка Триана, занимаемого трибуналом, была помещена надпись, смысл которой не совсем ясен, но означающая, что к тому времени она привела к отречению более 20 000 еретиков и сожжению почти 1000 упрямцев. [1153] Вероятно, это преуменьшение, если верить Бернальдесу, который утверждает, что за восемь лет, с момента основания севильского трибунала до 1488 года, было лично сожжено более 700 еретиков, не считая множества изображений беглецов и бесконечного количества костей; тех, кто примирился за тот же период, он оценивает в 5000. [1154] Тем не менее, вскоре его активность, должно быть, значительно снизилась, поскольку в 1502 году Антуан де Лалан, посетив замок Триана, описывает его как место содержания более двадцати заключенных-еретиков, что он, очевидно, считает большим числом, но что свидетельствует об очень умеренном количестве преследований ввиду неторопливой процедуры, которая становилась обычной. [1155] Таким образом, существует очевидная тенденция преувеличивать достижения Святой Канцелярии в заявлении ее секретаря Зуриты, сделанном примерно полвека или более спустя, что в одной только Севилье до 1520 года было сожжено более 4000 виновных и более 30 000 примирились и понесли наказание, не считая многочисленных беглецов, и он добавляет, что автор, очень прилежный в данном случае подтверждает, что эти цифры являются чрезвычайно ошибочными и что только в архиепископстве Севильи было осуждено как иудействующие еретики более ста тысяч человек, включая примирившихся. [1156] Кардинал Контарини, будучи венецианским посланником в 1525 году, был, очевидно, введен в заблуждение этой тенденцией к преувеличению, когда он описывает инквизицию как сделавшую невозможным преувеличение резни новых христиан. [1157]

СТАТИСТИКА ЖЕРТВ

К сожалению, до нас не дошло ни одного достоверного документа, с помощью которого можно было бы проверить точность этих различных оценок деятельности самого разрушительного трибунала в ранний период. Иначе обстоит дело с несколькими из тех, что стоят рядом с ним по значимости. Для провинции Толедо, как мы видели, первый трибунал был учрежден в Сьюдад-Реале, где за два года своего существования он вынес решение лично 47 и в виде изображения 98. [1158] Переведенный в Толедо в 1485 году, его деятельность сначала была энергичной, но к концу столетия она значительно сократилась, пока в 1501 году у него не был период спазматической активности из-за открытия "La Moça de Herrera" (Vol. I, стр. 186) молодая

еврейская пророчица, к многочисленным верующим которой не было проявлено милосердия, ибо те, кто был примирен таким образом, понесли наказание в виде рецидива. Общая деятельность трибунала Толедо с момента его основания в 1485 году до 1501 года составила 250 освобожденных лично, более 500 изображенных, около 200 заключенных и 5200 примиренных в соответствии с эдиктами милосердия. Из тех, кто был лично освобожден, почти половина, или 117 человек, были последователями пророчицы, в результате чего осталось только 139 обычных иудействующих, а из тех, кто был заключен в тюрьму, около 140 могут быть учтены таким же образом. [1159] Сарагоса считалась одним из самых смертоносных трибуналов в Испании — действительно, Льоренте отмечает, что если бы он взял ее и Толедо за основу своих расчетов, то утроил бы число жертв. [1160] Для этого у нас есть подробные сведения о шестидесяти пяти автомобилях, находившихся с 1485 по 1502 год, представленные в отчете, напечатанном в Приложении к тому I. Обобщая, это дает общее количество 119 сожженных заживо, 5 четвертованных, обезглавленных или задушенных перед сожжением, 3 сожженных тела, 29 сожженных изображений и 458 наказанных, или в совокупности 614. [1161] *Libro Verde de Aragon*, кроме того, дает нам официальный список сожженных жителей Сарагосы с 1483 по 1574 год, из которого следует, что за эти девяносто два года общее количество умерщвлений лично составило 125, а в изображениях 77, включая семь ведьм, трех колдунов и четырех протестантов. Таблица по годам подчеркивает снижение активности после окончания пятнадцатого века. [1162]

Барселона - еще один важный трибунал, о котором у нас есть точные статистические данные за первые годы его существования, предоставленные королевским архивариусом отцом Мигелем Карбонелем. С момента основания и до окончания карьеры Торквемады в 1498 году в Барселоне, Таррагоне, Лериде, Жероне, Перпиньяне, Виче, Эльне и Балагере был выпущен тридцать один автомобиль. В них всего 10 задушенных и сожженных, 13 сожженных заживо, 15 мертвых и 430 сожженных в виде чучела, 1 примиренный в виде чучела, 116 приговоренных к тюремному заключению и 304 примиренных за спонтанное признание. [1163]

Валенсия, из всех трибуналов, была тем, который лучше всего сохранял свою деятельность на протяжении всего шестнадцатого века из-за плотного населения мориско. У нас есть список всех лиц, заключенных в тюрьму за ересь, с начала 1485 года по 1592 год включительно, всего 3104 человека, из которых 530 были заключены за последние четыре года, 1589-92, когда преследование морисков было особенно активным. Существует также алфавитный список лиц, освобожденных от наказания, с начала до 1593 года, к сожалению, несовершенный и заканчивающийся буквой N, но с добавлением двадцати пяти процентов. мы можем получить достаточно близкое приближение к общей сумме. Список в том виде, в каком он у нас есть, дает 515 послаблений лично и 383 в изображении, или, с добавлением двадцати пяти процентов, 643 первых и 479 последних, что составляет почти в среднем шесть послаблений в год для первых и четыре с половиной для последних. [1164]

Вальядолид обладал самой обширной территорией из всех трибуналов, но она включала северные провинции, где новых христиан было сравнительно немного. Он не был организован для работы до 1488 года, произведя свой первый арест 29 сентября того же года и проведя свой первый автопробег 19 июня 1489 года, когда после девяти месяцев работы на новой территории было произведено всего восемнадцать послаблений лично и четыре в виде изображений. Следующая авторегистрация произошла только 5 января 1492 года, когда число релаксаций лично составило тридцать два, а в изображении - два. [1165] Это, хотя и достаточно жестоко,

указывает на то, что жертв в северных провинциях было лишь небольшое количество по сравнению с жертвами в южных.

СТАТИСТИКА ЖЕРТВ

На другом конце Испании находился маленький трибунал Майорки, который приобрел внезапную и зловещую репутацию в результате событий 1678 и 1691 годов. Это началось в 1488 году и в течение нескольких лет было довольно активным, со временем впав в фактическое оцепенение в том, что касалось преследований, так что, включая его автографы 1678 и 1691 годов, вся совокупность его работы за более чем два столетия составила 139 личных послаблений, 482 портрета и 637 примирений, в дополнение к 338 примирениям по Эдиктам Благодати в 1488 и 1491 годах. [1166]

В более поздние периоды имеются записи, которые позволяют нам составить довольно точное представление о деятельности, по крайней мере, некоторых трибуналов. С некоторыми из них я имел возможность проконсультироваться, и исследования будущих студентов, несомненно, со временем составят достаточно полную статистику за второе и третье столетия инквизиции, после того как Верховный суд вынудил трибуналы представлять периодические отчеты.

СОЗНАТЕЛЬНАЯ ЖЕСТОКОСТЬ

У нас есть рукописи из Толедо с 1575 по 1610 год, не совсем полные, поскольку авто 1595 года опущено, а рукопись обрывается в начале рукописи 1610 года. Толедо в то время был самым важным трибуналом в Испании, поскольку в него входил Мадрид, однако за эти тридцать пять лет послаблений было всего одиннадцать лично и пятнадцать в отношении изображений, так что, с учетом пропусков, возможно, одно лично каждые три года и одно в отношении изображений каждые два года, в то время как различных епитимий насчитывается всего девятьсот четыре. [1167] Какими бы маленькими ни были эти результаты, они продолжали уменьшаться. Для того же трибунала у нас есть послужной список, датируемый с 1648 по 1794 год, и за эти полтора столетия было совершено всего восемь личных казней и шестьдесят три - в виде чучела, последняя казнь произошла в 1738 году. Это дает нам в среднем одного из первых каждые восемнадцать лет и одного из последних каждые два года с четвертью. Кроме того, на тысячу девяносто четыре человека было наложено различное наказание. [1168] Это правда, что примерно в 1650 году в Мадриде был учрежден отдельный трибунал, но список тамошних послаблений с момента его основания до 1754 года, когда послабление практически устарело, дает нам в совокупности только девятнадцать человек лично и шестнадцать в изображении, или по одному на каждые пять лет первого и на шесть лет второго. [1169] В разгар возобновившихся преследований иудействующих в восемнадцатом веке, во время шестидесяти четырех аутодафе, отмечавшихся по всей Испании с 1721 по 1727 год, общее количество послаблений составило семьдесят семь лично и семьдесят четыре чучела, что составляет в среднем около одиннадцати в год для каждого класса - достаточно мрачный рекорд, но значительно меньше, чем в прошлом году. получил всеобщее признание. [1170] Также не следует забывать, что в подавляющем большинстве случаев жертва была милосердно задушена до того, как был устроен пожар. Мы видели, как мала была доля нераскаявшихся, которые упорствовали до последнего и отказывались заслужить удавку, заявляя о своем обращении.

Имеющихся пока материалов явно недостаточно, чтобы обосновать даже предположение об ужасающей сумме. И все же, в конце концов, определение того, сколько человеческих существ

инквизиция отправила на костер, сколько костей она эксгумировала, сколько чучел сожгла, скольких кающихся она бросила в тюрьму или отправила на галеры, скольких сирот ее конфискации оставили без гроша в мире, не имеет такого большого значения, как кажется, представлялось. История достаточно ужасна и без того, чтобы сводить ее к цифрам. Его ужасное значение заключается в том факте, что были найдены люди, которые добросовестно делали это, в меру своих возможностей, во имя евангелия мира и Того, Кто пришел учить братству людей. Достаточно знать, что инквизиторы прилагали все усилия, чтобы искоренить то, что они считали ересью, и рассказы об их жертвах являются показателем не их жестокости, а количества еретиков, которых они смогли обнаружить. За исключением случаев, когда гордость, алчность или честолюбие могли быть движущим мотивом, винить следует не людей, а учение, которое дало им такое представление о долге, который они так неустанно выполняли, и создало систему процедур, которая окутала их действия мраком и лишила обвиняемого его законных средств защиты. Добрый священник де лос Паласиос, очевидно, был добродушным человеком, но он заявляет, что костры, зажженные инквизицией, будут гореть до самой сердцевины леса, пока все иудействующие не будут перебиты и не останется ни одного, даже среди их детей, зараженных той же проказой. [1171]

В спешной работе раннего периода не предпринималось никаких усилий, чтобы склонить обвиняемого к обращению, которое спасло бы его от костра, но в более поздние времена упорный труд, которому подвергались осужденные в течение трех дней, предшествовавших аутодафе, свидетельствует о том, что трибуналы действовали не из жажды крови и что они искренне желали спасти как тело, так и душу еретика, в том же духе, в каком пытки иногда применялись благочестиво, чтобы утвердить страдальца в вере. Тем не менее, временами, несомненно, присутствовала определенная гордость за то, что население демонстрировало зрелище расслабления и таким образом демонстрировало авторитет Святой Канцелярии. То, что публика наслаждалась таким развлечением, было естественно, как из-за врожденной привлекательности, которую зрелище страданий имеет для определенного класса умов, так и из-за усердного учения о том, что ересь должна быть искоренена и что убийство еретика является приемлемым подношением Богу. Инквизитор Лоренцо Флорес рассказывает, что на великом авто в Вальядолиде в 1609 году, где было семьдесят кающихся, многие из которых примирились или были приговорены к отречению *de vehementi*, люди роптали, потому что приговоренный к послаблению вовремя заявил о своем обращении и, таким образом, избежал костра, и было много жалоб на то, что авто не стоило затрат на посещение. Он добавляет, что в Толедо, где никто не расслаблялся, люди заявили, что автомобиль неисправен. [1172]

ВЫГОДНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Есть что-то ужасное в неистовом ликовании, которое фанатизм испытывал при агонии неверующего. Падре Гарау в своем отчете о Майоркинском авто от 6 мая 1691 года с восторгом, который, как он знал, разделят его читатели, злорадствует по поводу агонии трех нераскаявшихся, сожженных заживо. Когда пламя добралось до них, они отчаянно пытались освободиться от железного кольца, приковывавшего их к столбу. Рафаэлю Бенито Теронги удалось высвободиться, но безуспешно, так как он боком упал в огонь. Его сестра Каталина, которая хвасталась, что бросится в пламя, когда они начали лизать ее, закричала, требуя, чтобы ее освободили. Рафаэль Вальс, который исповедовал стоическую бесчувственность, стоял неподвижно, как статуя, пока до него доходил только дым, но, когда пламя атаковало его, он сгибался, извивался и корчился до тех пор, пока больше не мог; он был толст, как поросенок, и

сгорел изнутри, так что после того, как пламя покинуло его, он продолжал гореть, как раскаленный уголь, и, лопааясь, его внутренности вываливались, как у Иуды. Так, сгорая заживо, они умерли, чтобы вечно гореть в аду. [1173] Таковы были уроки, которые привила Церковь, и таково было обучение, которое она дала Испании, так что аутодафе стало рассматриваться как захватывающее религиозное развлечение по случаю королевского визита или в честь бракосочетания принцев. Сопутствующим этому было жестокое увековечение позора предков путем демонстрации санбенитос в церквях, что Филипп II справедливо расценил как самое суровое наказание. Это усилило ужас, внушаемый трибуналом, который одним словом мог обречь на позор целую родословную. Это поддерживало живым и энергичным ужас ереси и усугублялось статутами Лимпьезы.

Я не решаюсь оспаривать мотивы тех, кто принимал активное участие в этих ужасных "торжествах веры", как их ласково называли, и, как указывалось выше, попытки склонить к обращению показывают, что абсолютной жажды крови не было, однако, рассматривая карьеру инквизиции, невозможно не признать, насколько мощным дополнением к фанатизму была выгода преследований. Если бы Святая канцелярия была источником расходов, а не доходов, мы могли бы обоснованно усомниться в том, что пыла Фердинанда и Изабеллы хватило бы для ее введения, и у нее, безусловно, была бы сравнительно короткая и бездеятельная карьера. Мы видели, как внимательно Фердинанд следил за его расходами и старался снизить их стоимость, одновременно наслаждаясь результатами его продуктивности, и как неохотно корона удовлетворяла его потребности, когда помощь была неизбежна. Более того, мы видели, с каким рвением сама инквизиция хваталась за все источники наживы, как перспектива конфискации побуждала ее выносить приговоры своим жертвам и как штрафы и епитимьи определялись не виной преступников, а их потребностями; как ревниво она охраняла свои поступления и как мало считалась с обманом и лживостью, когда предпринимались попытки исследовать ее финансы. В конце концов, инквизиция была институтом с двойной обязанностью — уничтожением ереси и сбором денег на это уничтожение, — и нет недостатка в указаниях на то, что последнее имело тенденцию вытеснять или, по крайней мере, затушевывать первое. Мы вполне можем усомниться в чистоте рвения, которое предусматривало наказания и инвалидность за ересь и в то же время оспаривало рыночную цену смягчений и диспенсаций, с помощью которых этих наказаний можно было избежать. Не только конфискация, но и денежное взыскание и штрафы были источником дохода, провоцирующим постоянные злоупотребления, а ярость по поводу Limpieza предоставляла широкие возможности для вымогательства. Мерзкий запах наживы пропитывает весь активный период инквизиции, и ее сравнительное бездействие в течение более поздней карьеры, возможно, можно объяснить как отсутствием богатых еретиков, так и ослаблением духа нетерпимости.

Были выдвинуты различные остроумные теории, призванные снять с инквизиции ответственность за поразительный спад интеллектуального прогресса Испании после шестнадцатого века. [1174] Одной из интересных проблем в истории литературы является то, что Испания, чьи блестящие достижения на протяжении периода Реформации обещали сделать ее такой же доминирующей в мире литературы, как в военном и военно-морском деле, в течение пары поколений превратилась в самую некультурную страну в христианском мире, без общественной, поощряющей обучение и гениальность, и без обучения и гениальности, стимулирующих развитие культуры. публика. Для этого должна была быть причина, и не было

обнаружено никакой другой адекватной причины, кроме инквизиции, объясняющей это сокращение.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ АПАТИЯ

Действительно, если бы не попытка опровергнуть это, казалось бы излишним настаивать на том, что система жестокого подавления мысли всеми инструментами инквизиции и государства является достаточным объяснением упадка испанского образования и литературы, особенно в сочетании с препятствиями, создаваемыми книгопечатанию их совместной цензурой. Невзгоды Луиса де Леона и Франсиско Санчеса иллюстрируют опасности, которым подвергались независимые мыслители; великая типография в Портонаресе была разрушена из-за требований инквизиции в вопросе о Библии, подлежащей облагению. Все априорные соображения возлагают ответственность на цензуру мысли, будь то напечатанной или выраженной устно в так называемых “пропозициях”, и бремя доказывания ложится на тех, кто это отрицает. Они опираются на тот факт, что Изабелла стимулировала развитие испанской культуры и, в то же время, учредила инквизицию, которая, таким образом, просуществовала более века, прежде чем начался заметный упадок. Это довольно легко объяснимо. Инквизиция была основана для искоренения еврейского и мавританского вероотступничества; в этом у нее долгое время было достаточно работы, не развивая свои пагубные способности в направлении цензуры, за исключением такого единичного случая, как судебное преследование Диего Дезой в 1504 году выдающегося ученого своего времени Элио Антонио де Небриха за то, что он рискнул исправить ошибки Вульгаты для комплутенского полиглота на службе у Хименеса, который защищал его и, когда стал генеральным инквизитором, позволил ему возобновить его труды. [1175] С приходом лютеранства постепенно начался поиск ошибок; были составлены грубые указатели запрещенных книг, чтение и исследования стали ограниченными; прагматика 1559 года запретила обучение в зарубежных учебных заведениях, и постепенно была организована сложная система защиты Испании от интеллектуальных контактов с другими странами, в то время как дома осуждалась каждая фраза, которая могла быть истолкована в нежелательном смысле. Некоторое время люди, чье обучение было свободным от этих оков, сохранялись, несмотря на более или менее жестокие преследования, но постепенно они вымерли, и у них не было преемников. В 1601 году Мариана объяснила, что он перевел свою Историю с оригинальной латыни, потому что мало кто понимал этот язык; такое изучение не приносило ни чести, ни выгоды, и он опасался неумелости тех, кто угрожал взяться за эту задачу. [1176] Однако верно, что латынь широко изучалась как необходимая для завоевания места в Церкви или государстве, но с пренебрежением ко всему остальному. Отец Пеньялоса-и-Мондрагон в 1629 году, хвастаясь тридцатью двумя университетами и четырьмя тысячами латинских школ, а также превосходством Испании в высшей науке теологии, за которую были бесконечные награды, признает, что в других науках и искусствах не было ничего такого, к чему не относились с благосклонностью или не ценили так, как раньше. [1177] Интеллектуальная энергия нации, отвлеченная от более серьезных каналов, продолжала проявляться в течение другого периода в более легких областях литературы, где имена Сервантеса, Лопе де Веги, Тирсо де Молины, Кальдерона де ла Барка, Кеведо де Вильегаса и других показывают, на что все еще был способен испанский интеллект, если бы ему была предоставлена свободная игра. Однако даже они ушли в прошлое и не имели преемников в растущем интеллектуальном оцепенении, вызванном мракобесной цензурой, и последовала унылая пустота, которую не смогла развеять даже стимуляция, предпринятая Филиппом V.

ВЛИЯНИЕ ВО ЗЛО

Чтобы вызвать и сохранить это оцепенение, подавляя всю опасную интеллектуальность, Испанию тщательно оберегали от потока европейского прогресса. В других странах дебаты Реформации вынудили католиков, а также протестантов к исследованиям и спекуляциям, шокирующим испанский консерватизм. Человеческий разум получил возможность сбросить оковы Темных веков и был направлен на исследование законов природы и отношений человека ко вселенной и Богу. Испания была тщательно изолирована от всего этого шумного интеллектуального движения. Близорукий оппортунизм, видя беспорядки, охватившие Францию, Англию и Германию, мог бы благословить учреждение, которое сохранило полуостров в состоянии мирного застоя, но цена, заплаченная за оцепенение, была страшно непомерной, поскольку Испания превратилась в интеллектуальное ничтожество. Даже великие теологи и мистики исчезли с поля, которое они сделали своим собственным, и им на смену пришла раса вероятностных казуистов, которые стремились только поощрять и оправдывать потакание своим желаниям. Насколько развивался интеллектуальный прогресс под этим влиянием, можно оценить на одном примере. Когда в Англии Галлей исследовал периодичность кометы, носящей его имя, в Испании ученые профессора университетов Саламанки и Сарагосы публиковали трактаты, чтобы успокоить напуганных людей, доказывая, что ужасное предзнаменование сулит зло только нечестивцам — туркам и еретикам. [1178] Абсолютный успех инквизиции в ее работе проявляется в контрасте между восемнадцатым и началом шестнадцатого веков, что иллюстрируется заявлением Хуана Антонио Майанса-и-Сискара о том, что тележка с драгоценными рукописями, подаренными Хименесом его Университету Алькала, была продана изготовителю огнеупоров Торресилье для демонстрации. в честь Филиппа V и что несколько других подобных коллекций постигла та же участь. [1179] Даже после полувековых усилий Бурбонов оживить дремлющий интеллект Испании отец Рабаго, королевский духовник, жалел денег, потраченных на историографов и академии; по его словам, это был чистый дар, поскольку он не принес плодов. [1180] На самом деле пробуждение от интеллектуального ступора было медленным, поскольку дом Клеменсен говорит нам, что в начале девятнадцатого века в Испании было меньше книгопечатания, чем в пятнадцатом при Изабелле. [1181]

Невозможно не прийти к выводу, что инквизиция парализовала как интеллектуальное, так и экономическое развитие Испании, и со стороны Валеры вряд ли разумно жаловаться на то, что, когда Испания пробудилась от своего умственного маразма, она приняла иностранца, а не возродила родную культуру. [1182]

То, что наука, искусство и литература были таким образом затоплены, было национальным несчастьем, но еще более прискорбными были косвенные последствия. Материальный прогресс стал невозможен, промышленность пришла в упадок, а неспособность противостоять иностранной конкуренции способствовала ошибочной внутренней политике правительства, продлевавшей и усиливавшей бедность народа. И это не было главным из зол, возникших из-за того, что разум нации держали в узде, из-за подавления мысли и исключения чужеродных идей, поскольку люди, таким образом, оказались абсолютно неприспособленными к неизбежным переменам, которые пришли с революцией. К этому в значительной степени можно отнести

страдания, через которые прошла Испания при переходе от абсолютизма к современным условиям.

Таким образом, мы проследили путь испанской инквизиции от ее основания до ее подавления; мы изучили ее методы и действия и попытались оценить ее влияние и ее долю в несчастьях, обрушившихся на нацию. Вряд ли можно избежать вывода о том, что его работа была почти полностью злой и что из-за его рефлекторных действий преследователи страдали вместе с преследуемыми. И все же, кто может винить Изабеллу, или Торквемаду, или принцев Габсбургов за их участие в создании и поддержании этого катастрофического орудия зла? Церковь веками учила, что безоговорочное принятие ее догматов и слепое повиновение ее заповедям - единственные пути к спасению; что ересь - это измена Богу, а ее искоренение - высшее служение Богу и высший долг перед человеком. Это стало всеобщей верой, и когда протестантские секты сформировали свои несколько конфессий, каждая из них была настолько уверена в обладании тайной Божественного Существа и его отношений со своими созданиями, что все разделяли рвение служить Богу одинаково жестоким образом.

Испанская инквизиция была лишь более совершенным и долговечным институтом, чем другие, которые смогли создать, — что касается колдовства, то более гуманным и рациональным, поскольку никто не может оценить услугу, которую она оказала Испании в этом вопросе, если не осознал ужасов процессов над колдовством, в которых соперничали католическая и протестантская Европа. Настрой у всех был одинаковый, и никто не имеет права бросить первый камень, разве что мы, за исключением смиренных и презираемых моравских братьев и учеников Джорджа Фокса. "Хворост Мигеля Сервета" свидетельствует о суровой решимости кальвинизма. В лютеранстве есть свои поименные списки жертв. Англиканство при Эдуарде VI в 1550 году взяло на себя обязательство организовать инквизицию по испанскому образцу, которая сожгла Джоанну Кентскую за арианство, а судебный приказ *об эретико комбурендо* был отменен только в 1676 году. [1183] Как бы мы ни ненавидели и ни сожалели об этой жестокости, мы должны снять с действующих лиц моральную ответственность, ибо они действовали, искренне веря, что служат Творцу и его созданиям. Настоящая ответственность может быть прослежена в далекие века, до св. Августина, святой Лев Великий и отцы церкви, которые вывели из доктрины исключительного спасения, что упрямый диссидент должен быть предан смерти не только в наказание за свой грех, но и для спасения верующих от заражения. Это отвратительное учение, оформившееся в практическую систему, с течением веков стало существенной чертой религии, которую оно так сильно исказило от любви и милосердия, привитых Основателем. Оспаривать это было ересью, подвергающей спорящего наказанию за ересь, а не приводить это в исполнение означало злоупотреблять полномочиями, вверенными Богом правителям с целью установления его царства на земле.

ВОЗМЕЗДИЕ

В Испании, в особых условиях, эта решимость обеспечить единство веры в убеждении, что это необходимо для счастья человека здесь и в будущей жизни, привела к созданию системы так называемого правосудия, более несправедливой, чем та, которая была создана самым жестоким деспотизмом; которая отдала жизни, состояния и честь не только отдельных людей, но и их потомков в руки тех, кто мог совершать зло без ответственности; которая соблазняла слабых людей безудержно потакать своим страстям и жадности и которая подвергла население

слепому и неразумному насилию. тирания, против которой малейший ропот жалобы считался преступлением. Процедура, оставлявшая судьбу обвиняемого фактически в руках его судей, была вдвойне порочной из-за нерушимой секретности, которой она была окутана, — секретности, которая поощряла несправедливость, защищая ее виновников и позволяя им демонстрировать благожелательную праведность. Венцом беззакония инквизиции было то, что она таким образом предоставляла злонамеренным людям широчайшую возможность совершать несправедливые поступки. История не может провести параллель с такой искусно организованной системой, неустанно действующей на протяжении веков.

Инквизиторы были людьми, а не демонами или ангелами, и когда несправедливость и угнетение царили в светских судах, было бы безумием не ожидать их появления в непроницаемых закоулках Святой Канцелярии. Если мы иногда встречались с проявлениями доброты и искреннего желания поступать правильно, то случайно слишком часто сталкивались с противоположным, чтобы сомневаться в его распространенности. То, что правители инквизиции осознавали опасность этого и стремились уменьшить ее моральным влиянием, очевидно из замечательной молитвы, произнесение которой было предписано хартией акордада от 13 апреля 1600 года ежедневно после мессы в начале утреннего заседания. Это умоляло Святого Духа наполнить их сердца и направлять их суждения, чтобы они не были введены в заблуждение невежеством или благосклонностью, или не были развращены подарками или принятием людей; чтобы их решения были в согласии с Его волей, чтобы в конце концов они могли заслужить вечную награду добрыми делами. [1184] Тем не менее, мы могли бы чувствовать больше уверенности в искренности этой попытки обуздать моральным влиянием порочные тенденции, поощряемые системой, если бы официальные правонарушения подвергались суровым репрессиям и наказанию, а не обычному милосердию, которое служило поощрением.

В конце концов, великий урок, преподанный историей инквизиции, заключается в том, что попытка человека контролировать совесть своих собратьев отражается и на нем самом; он может причинять страдания, но в свое время эти страдания отражаются на нем самом или на его потомках, и полное наказание будет взыскано с лихвой. Никогда еще эта попытка не предпринималась так тщательно, так непрерывно и с таким успехом, как в Испании, и никогда последующее возмездие не было столь ощутимым и суровым. Грехи отцов легли на плечи детей, и это еще не конец. Следствием этого является то, что единство веры, которое было идеалом как государственных, так и церковных деятелей в шестнадцатом веке, губительно для здорового духа соперничества, посредством которого поощряется прогресс, моральный и материальный. Улучшение было невозможно до тех пор, пока Святой Престол обладал монополией на спасение, и, какими бы прискорбными ни были ненависть и раздоры, вызванные соперничеством, последовавшим за Реформацией, это все же принесло неоценимую пользу в повышении моральных стандартов обеих сторон, в преодолении упрямства консерватизма и в обеспечении возможности развития. Какими бы ужасными ни были религиозные войны, последовавшие за лютеранским восстанием, все же они были лучше, чем застой, сохранявшийся в Испании усилиями инквизиции. До тех пор, пока человеческая природа остается такой, какая она есть, до тех пор, пока средний человек нуждается в стимуляции как извне, так и изнутри, до тех пор, пока прогресс является наградой только за серьезные усилия, мы должны признать, что соперничество является условием продвижения и что соревнование в добрых делах является наиболее благотворной сферой человеческой деятельности.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Я.

Отречение Джозефа Фернандеса де Торо, епископа Овьедо.

(Bulario de la Orden de Santiago, Libro V, fol. 150). (См. стр. 75).

Ego Joseph Fernandez de Toro, olim episcopus Ovetensis, coram Sanctissimo in Christo Patre et Domino nostro Domino Clemente Divina Providentia papa undecimo humiliter genuflexus vobis E^{mis} et R^{mis} DD. cardinalibus contra hæreticam pravitatem Generalibus Inquisitoribus ei assistantibus, sacrosancta Dei Evangelia coram me posita manibus tangens, sciens neminem salvum fieri posse extra illam fidem quam tenet, credit, profitetur ac docet Sancta Catholica et Apostolica Romana Ecclesia contra quam fateor et doleo me graviter errasse quia tenui et docui respective errores et hæreses formales ac dogmata contra veritatem ejusdem S. Ecclesiæ, et præcipue quia tenui et credidi quod non peccaverim nec peccare fecerim ex speciali Providentia Dei in quibusdam actibus turpibus a me habitis cum fœminis. Quod concussionem et corporis tremores cum pollutione sequuta attribuendi essent operationi Dæmonis ideoque absque peccato essent. Quod actus exteriores amplexuum, osculorum aliarumque operationum inhonestarum essent supernaturales in causa, adeoque a Deo et a Jesu procederent. Quod prædicta oscula et amplexus essent immunes a motu libidinis et essent motiva maximæ humiliationis ex supposita unione cum Deo. Quod facta turpia cum fœmina complici procederent ex redundantia amoris erga Jesum adeoque a parte inferiore procederent et ex motu ipsius Jesu impellerentur. Quod stante supposita tam mea quam fœminæ complicitis unione cum Deo, posset utriusque status componi una simul cum exterioribus actibus peccaminosis omnesque impulsus quos in eandam fœminam habebam, Dei et Jesu essent impulsus. Quod pessima doctrina a me insinuata Dei esset doctrina. Quod a Deo haberem donum discretionis, spirituum impulsus et illustrationes ad agnoscendum spiritualem animæ statum, ipsaque spirituum discretio ac doctrinarum cognitio, esset lux mihi a Deo infusa, essem super omnes illustratus, ideoque essem omnibus superior. Quod facta turpia a me habita cum fœmina complici essent exercitium et martyrium a Deo missum ad utriusque humiliationem et purificationem. Quod deosculando et amplectendo fœminam complicem in me adesset Jesus ipseque Jesus mediante me ita ageret et loqueretur. Quod stante dicta supposita unione cum Deo ab ipso motæ essent potentiæ meæ, memoria, intellectus et voluntas, ipseque Deus esset meus intellectus, memoria, voluntas et spiritus idque esset idem, ac tres distinctæ personæ, una Majestas et unus Deus, et alias credidi propositiones et dogmata mihi in processu contestata; quæ quidem propositiones tanquam temerariæ, erroneæ, scandalosæ, Christianæ disciplinæ relaxativæ, male sonantes, periculosæ, præsumptuosæ, errori proximæ, abusivæ verborum Sacræ Scripturæ, injuriosæ in Sanctos, insanæ, sacrilegæ, hæresim sapientes, de hæresi suspectæ, impiæ, blasphemæ, coincidentes cum propositionibus Molinos et hæreticæ respective censuratæ et qualificatæ fuerunt. Nunc de prædictis erroribus et hæresibus dolens, certus de veritate fidei Catholicæ, corde sincero ac fide non ficta abjuro, detestor, maledico, anathematizo et respective retracto omnes supradictos errores et hæreses, quos et quas tenui et credidi, et promitto ac juro me nunc toto corde absque ulla hæsitatione credere et in futurum firmiter crediturum quicquid tenet, credit, prædicat, profitetur ac docet eadem S. Catholica Ecclesia, et abjuro, detestor, maledico et anathematizo non solum supradictos errores et hæreses verumetiam generaliter omnem alium errorem dietæ sanctæ Ecclesiæ contrarium, omnemque aliam hæresim et promitto et juro me neque corde neque voce neque scripto unquam recessurum quacunque occasione sive prætextu a sancta fide Catholica nec crediturum vel edocturum aliquem errorem eidem contrarium seu aliquam hæresim. Promitto etiam

me integre adimpleturum omnes et singulas pœnitentias mihi a Sanctitate vestra impositas sive imponendas et si unquam alicui ex dictis meis promissionibus et juramentis (quod Deus avertat) contravenero me subijcio omnibus pœnis a sacris canonibus aliisque constitutionibus generalibus et particularibus contra hujusmodi delinquentes inflictis et promulgatis. Sic me Deus adjuvet et illius sancta Evangelia quæ propriis manibus tango. Ego Joseph Fernandez de Toro supradictus abjuravi, juravi, promisi et me obligavi ut supra et in fidem veritatis præsentem schedulam meæ abjurationis propria mea manu subscripsi eamque recitavi de verbo ad verbum. Romæ, in palatio Quirinali hac die, 17 Julii, 1719.—Ego Joseph Fernandez de Toro Episcopus abjuravi ut supra manu propria.

II.

Краткое изложение дела Каталины Матео в 1591 году.

(Relacion de las causas despachadas en el auto de la fee que se celebros en la Inquisicion de Toledo, Domingo de la SS^{ma} Trinidad, nueve dias de Junio, 1591 años.—Königl. Universitäts Bibliothek of Halle, Yc, 20, T. I.). (See p. 224).

Catalina Matheo, viuda, vezina del Cazar, de edad de cinquenta años fue presa por el vicario de Alcala con diez y seis testigos de que en la dicha villa de quatro años a esta parte abian muerto quatro o cinco criaturas de muertes violentas que era imposible averlas hecho sino bruxas, y de que la dicha Catalina Matheo y Olalla Sobrina y Joana Yzquierda eran tenidas por tales publicas, y specialmente la dicha Matheo. Hizòle proceso y diòle tormento y en el la dicha Catalina Matheo dixò que era berdad, que podria aber quatro o cinco años que Olalla Sobrina la abia dicho si queria ser bruxa, ofreciendole que el Demonio tendria con ella aceso torpe y que era buen officio. Y que una noche por medio de la dicha Joana Yzquierda la abia llamado a su casa adonde estando todas tres abia entrado el demonio en figura de cabron, y hablando aparte primero con las dichas Olalla y Joana las abia abraçado y despues a la dicha Matheo, porque ellas le abian dicho que tambien ella queria ser bruxa, y que el dicho Demonio le abia pedido alguna cosa de su cuerpo, y ella le abia ofrecido una uña de un dedo del medio de la mano derecha, y que por regozijo del concierto abian bailado con el dicho cabron y el se abia echado carnalmente con todas tres en presencia de todas. Y que aquella noche la dicha Olalla la abia untado las cojunturas de los dedos de pies y manos y en compañía del dicho cabron abian ydo a una casa y llebando unas brosas en una teja abian entrado por una ventana a las doze de la noche y echando sueno a los padres con unas dormideras y otras yerbas puestas debaxo de la almohada, les abian sacado una niña de la cama y apretandola por las arcas la abian ahogado, y encendido lumbré con lo que llebaban, y la quemaron las partes traseras, y quebrantando los braços, y que al ruido abian despertado los dichos padres, y ellas se abian buuelto con el dicho cabron por el ayre a casa de la dicha Olalla, adonde se abian bestido y ydo cada una a su casa, y que a la yda y buelta yban por elayre desnudas, y diziendo de viga (?) con la yra de Sancta Maria. Y que de alli a pocos dias el dicho cabron abia ydo una noche a casa de la dicha Matheo y hallandola acostada la abia forçado y tenido cuenta carnal con ella, diziendo en esto algunas particularidades y lo mesmo abia tenido otras diez o doze noches, y en los dichos quatro años otras vezes a menudo, y lo mesmo abia hecho en las carceles del dicho vicario. Y que a cabo de algunos pocos dias en casa de la dicha Olalla le abia dado un cuchillo y con el se abia cortado la uña que le abia mandado y se la abia entregado. Y otras noches untandose en casa de la dicha Olalla y en compañía de lo dicho cabron abian ydo a otra casa y ahogado un niño y arrancadole sus berguenzas, y despues a otras dos casas en diferentes noches y ahogado otras dos criaturas. Y que una sola vez abia inbocado al demonio diziendole Demonio ven a mi llamado y mandado. Y pasadas las oras del derecho se ratifico en la dicha confesion, y el dicho

vicario hiço acareacion de la dicha Catalina Matheo con la dicha Olalla y en su presencia la dicha Matheo le dixo todo lo arriba dicho, afirmandose en ello, y la otra negandolo. Y en este estado remitió a la dicha Matheo a este S^{to} Off^o al qual aviendo sido trayda presa en la primera audiencia que con ella se tubo dixo que pedia misericordia del grave pecado que havia hecho en lewantarse a si y las dichas Olalla y Yzquierda lo que dellas avia dicho y de si confessado ante el dicho vicario lo qual avia dicho por miedo del tormento. Y abiendose examinados diez y seis testigos en el Cazar consto ser verdad que los dichos niños abian sido muertos y se hallaron de la misma manera y forma muertos y maltratados que la sobredicha Matheo lo abia confessado. Y aviendose substanciado su processo fue puesta a question de tormento, y abiendose pronunciado la sentencia y abaxadola a la camara para executarse antes de desnudarse abiendo sido amonestada dixo ser berdad todo lo que abia dicho antel vicario de Alcala, y en efecto lo refirio en substancia, aunque en algunas circunstancias mudo alguna cossa, asegurando mucho ser berdad ansi en la manera del confesar como del jurarlo, y pasadas las oras del derecho se ratifico en sus confesiones, y en otras audiencias que con ella se tubieron despues dixo lo mesmo, negando saber de que fuesen hechos los dichos inguentos ni aber tenido otro pacto tacito ni expreso con el Demonio mas de que abia dicho, y dixo las causas que abia tenido de bengarse de los padres en la muerte de sus hijos que son las mesmas que los padres testificaron, por donde sospechaban que ellas se los obiesen muerto. Y subtenciose su causa y votose auto con coroça, levi, doçiento açotes y reclusa por el tiempo que pareciere.

///.

Письмо Верховного о беспорядках 2 мая 1808 года.

(Archivo histórico nacional, Inquisicion de Valencia, Cartas del Consejo, Legajo 17, No. 3, fol. 31).
(См. стр. 401).

Las fatales resultas que se ban experimentado en esta Corte el dia 2 del corriente por el alboroto escandaloso del bajo Pueblo contra las tropas del Emperador de los Franceses hacen necesaria la vigilancia mas activa y esmerada de todas las autoridades y cuerpos respetables de la Nacion para evitar que se repitan iguales excesos y mantener en todos los pueblos la tranquilidad y sosiego que exige su propio interes no menos que la hospitalidad y atencion debida á los oficiales y soldados de una nacion amiga que á ninguno ofenden y han dado hasta ahora las mayores pruebas de buen orden y disciplina, castigando con rigor á los que se propasan ó maltratan á los Españoles en su persona ó bienes. Es bien presumible quela malevolencia ó la ignorancia haian seducido á los incautos y sencillos para empeñarles en el desorden revolucionario so color de patriotismo y amor al Soberano, y corresponde por lo mismo á la ilustracion y zelo de los entendidos el desimpresionarles de un error tan prejudicial, haciendoles conocer que semejantes movimientos tumultuarios lejos de producir los efectos propios del amor y lealtad bien dirigidos, solo sirven para poner la Patria en convulsion, rompiendo los vinculos de subordinacion en que esta afianzada la salud de los Pueblos, apagando los sentimientos de humanidad y destruyendo la confianza que se debe tener en el Gobierno, que es el unico á quien toca dirigir y dar impulso con uniformidad y con provecho al valor y á los esfuerzos del patriotismo. Estas verdades de tanta importancia ninguno puede persuadirlas mejor que los Ministros de la Religion de Jesu Cristo, que toda respira paz y fraternidad entre los hombres igualmente que sumision, respeto y obediencia á las autoridades; y como los individuos y Dependientes del Santo Oficio deban ser y han sido siempre los primeros en dar exemplo de Ministros de paz y que procuran la paz, hemos creydo, Señores, conveniente y muy propio de la obligacion de nuestro Ministerio el dirigiros la presente carta para que enterados de su contexto y penetrados de la urgente necesidad de

concurrir unanimemente á la conservacion de la tranquilidad publica la hagais entender á los subalternos de ese Tribunal y á los Comisarios y Familiares del Distrito, á fin de que todos y cada uno contribuir (sic) por su parte con quanto zelo, actividad y prudencia les fuere posible á tan interesante objeto. Tendreislo entendido, y del recibo de esta dareis el correspondiente aviso. Dios os guarde.

Мадрид, 6 мая 1808 года.—Доктор Д. Габ^л. Невия—и-Норьега.-Д. Раймундо Эльтенхард-и—Салинас.-фр. Человек^л из Сан-Джозефа.—Рубрикадо. Recibida en 9 de Mayo de 1808.—SS.

Bertran, Laso, Acedo, Encina.—Executese como S. A. lo manda. Rubrica. Валенсия.

Certifico el infrascrito Secretario del Secreto del Santo Oficio de la Inquisicion de Valencia que en el dia once del mes de Mayo del año mil ochociento y ocho, estando en su audiencia de la mañana los S^{res} Inquisidores Dr. D. Mathias Bertran, Licen^{do} D. Nicolas Rodriguez Laso, Dr. D. Pablo Acedo Rico y Dr. D. Fran^{co} de la Encina, entraron en ella los Ministros, Calificadores, Titulados, Notarios y Familiares que viven en esta ciudad, á los quales, precedida convocacion para este fin, se les leyó esta carta de los Señores del Consejo de S. M. de la Santa y General Inquisicion y en seguida se les exortó por el Señor Inquisidor Decano á su mas exacto cumplimiento. Y para que lo susodicho conste doy la presente Certificacion que firmo en la Camara del Secreto de la Inquisicion de Valencia, en el dia 11 del mes de Mayo de 1808.—D. Man^l Fuster y Bertran, Secretario. Рубрикадо.

IV.

Указ Фернандо Vii от 9 сентября 1814 года о восстановлении Собственности Или инквизиции.

(Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 559).

(См. стр. 427).

Exc^{mo} Señor:—Por Real decreto de veintiuno de Julio ultimo, se sirvio S. Magestad mandar restablecer en todos sus dominios el Santo Oficio de la Inquisicion al pie y estado en que se hallaba el año de mil ochocientos ocho y que para la subsistencia y decoro de los Ministros y demas empleados de sus tribunales se restituyesen toda clase de bienes y efectos pertenecientes á su dotacion, como son frutos, credits, reditos de censos, vales y caudales que se hallan impuestos en la Caja de consolidacion, asi como de los rendimientos de las canongias perpetuamente anejas al Santo Oficio afectas por Brebes apostolicos.

Comunicado este Real decreto al supremo Consejo de Inquisicion para su observancia consulto á S. Magestad lo que en su razon tubo por combeniente al cabal cumplimiento de las piadosas Reales intenciones, manifestando al propio tiempo los ruinosos y destruidos que se hallaban los edificios destinados al tribunal del Santo Oficio, estravio de sus papelea mas interesantes, ya de causas de fe, ya de la Hacienda del Real fisco que fueron presa de los executores de los decretos de abolicion de los tribunales de Inquisicion. Enterado S. Magestad de todo y deseoso de llevar á debido efecto su citado Real Decreto de veinteuno de Julio ha resuelto se pongan desde luego sin demora ni detencion alguna á disposicion de los tesoreros de los respectivos tribunales de Inquisicion todas las fincas y efectos de qualquiera clase que sean pertinecientes al tribunal y que en este concepto hayan sido secuestrados, confiscados, detenidos ó aplicados á lo que se llama hacienda publica ó Nacional, devolviendo todos los titulos de propiedad y legitimacion de credits que hubiesen recebido y cortando la cuenta el dia veinteuno de Julio del presente año den razon de las personas obligadas al pago de sus arrendamientos y obligaciones con expression de sus cantidades y procedencias.

De orden del Rey lo comunico á V. E. para su inteligencia y puntual cumplimiento, y á fin de que esta real resolucion la haga circular á los Gobernadores, Intendentes, Directores del credito publico ó sugetos encargados de la Real recaudacion de intereses en los Pueblos de sus distritos. Dios guarde á V. E. muchos años. Madrid, 3 de Setiembre de 1814.

С^р Виррей, генерал-капитан де и т.д.

V.

Указ о запрете, 9 марта 1820г.

(Miraflores, Documentos á los qué se hace referencia en los Apuntes histórico-criticos, I, 93.—Rodrigo, Historia Verdadera, III, 494). (См. стр. 436).

Considerando que es incompatible la existencia del Tribunal de la Inquisicion con la constitucion de la Monarquia Española promulgada en Cádiz en 1812 y que por esta razon lo suprimieron las Córtes generales y extraordinarias por decreto de 22 de Febrero de 1813, previa una madura y larga discusion: oida la opinion de la Junta formada por decreto de este dia, y conformandome con su parecer, he venido en mandar que desde hoy quede suprimido el referido Tribunal en toda la Monarquia y por consecuencia el Consejo de la Suprema Inquisicion, poniendose inmediatamente en libertad á todos los presos que estén en sus cárceles por opiniones políticas ó religiosas, pasandose á los Reverendos Obispos las causas de estos últimos en sus respectivas Diócesis para que las sustancien y determinen con arreglo en todo al espresado decreto de las Córtes extraordinarias. Tendréislo entendido y dispondréis lo conveniente á su cumplimiento. Palacio, 9 de Marzo de 1820. Esta rubricado. Al Secretario de Gracia y Justicia.

VI.

Последнее голосование Верховного Совета, 10 февраля 1820 года.

(Libro de Votos Secretos, Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 890). (См. стр. 437).

Толедо.—Don Manuel de la Peña Palacios.

En el consejo á 10 de Febrero de 1820. Señores Hevia, Ettenhard, Amarilla, Galarza, Martinez, Beramendi, Prado.—Hagan justicia como lo tienen acordado.

Voto del Tribunal. En el Santo Oficio de Toledo en 29 dias del mes de Enero de 1820, estando en la audiencia de su mañana el Señor Inquisidor Doctor Don José Francisco Bordujo y Rivas (que asiste solo) haviendo visto esta causa contra Don Manuel de la Peña Palacios, Presbitero Cura que fué del lugar de Ontoba y actualmente de Torrejon del Rey en este arzobispado por delitos de proposiciones y propagar doctrinas peligrosas contrarias al sentir de la Iglesia: Dixo, Que su voto y parecer es que á este reo á puerta cerrada en la sala de Audiencia y a presencia del Secretario de la causa se le reprenda amoneste y conmine por las proposiciones propaladas ya en sus sermones ya en sus conversaciones familiares; se le absuelva ad cautelam y por quince dias se le exercite spiritualmente en el convento de Padres Carmelitas Descalzos de esta Ciudad al cargo de Director que se le señale; se le advierta que por ahora le trata el Tribunal con toda conmisericordia y clemencia por haversele implorado en las audiencias que con él se han tenido y por esperar su total enmienda en el modo irregular con que hasta aqui se ha conducido con sus Feligreses y se estará á la mira de su conducta y operaciones; y antes de executarse se remita á S. A. con todos los expedientes que han precedido

para su aprobacion; y lo rubricó de que certifico. Está rubricado.—D. Domingo Sanchez Fijon, Secretario.

VII.

Диктат Совета Гобьерно по поводу Указа об упразднении инквизиции.

(Archivo de Alcalá Ministerio de Estado, Legajo 906, n. 88). (См. стр. 467).

Señor Secretario de Estado y del Despacho de Gracia y Justicia.

Exmo Señor: He recibido el oficio de V. E. de 9 del presente con el proyecto de decreto en que se declara suprimido el Tribunal de la Inquisicion, se adjudican sus bienes y rentas á la estincion de la deuda publica y se fija la suerte de los dependientes del Tribunal, cuyo proyecto remite V. E. de Real orden al Consejo por que lo examine y esponga su dictamen.

Enterado de todo y despues de una detenida discusion ha acordado el Consejo manifieste á V. E. que reconoce la conveniencia de coadyubar al sostenimiento del credito del Estado por cuantos medios esten al alcance del Gobierno y reconoce asi mismo que los bienes de la Inquisicion (suprimida á lo menos de hecho por el Rey difunto que nunca permitió que restableciese) podran proporcionar algun auxilio á la caja de amortization sin agravio de nadie, pues en el proyecto de Decreto se establece el conveniente para asegurar á los empleados del Tribunal las asignaciones que les correspondan segun sus circunstancias y clasificaciones.

Por estas consideraciones no halla reparo el Consejo en que S. M. apruebe en lo substancial el proyecto de Decreto aunque en su dictamen podrian hacerse en el las siguientes modificaciones.

1^a En la parte del preambulo donde hablando de la autoridad Pontificia se usa de la espresion: *Primado de la Iglesia universal*, cree el consejo que podria seguirse el uso constante de designar dicha autoridad Pontificia con el nombre de Santa Sede ó Sumo Pontifice; no porque el Consejo desconozca la propiedad del titulo de Primado de la Iglesia universal con arreglo á los sacros canones, sino porque en materia de denominaciones y fórmulas es siempre preferible el uso de las establecidas y mas comunes que inovarlas, porque puede darse lugar à que se crea que la inovacion envuelva algun designio que la malignidad interpreta segun su antojo.

2ª Cuando en el Artº 1º se dice *que se declara suprimido el Tribuno de la Inquisicion* podra darse motivo á que se infiera por esta espresion que el Gobierno lo había creido subsistente hasta el dia de derecho: cuya idea no parece enteramente exacta, pues el Señor Don Fernando 7º resistiendo siempre á las gestiones de algunas corporaciones para su restablecimiento, y habiendo restituido á los Arzobispos y Obispos el conocimiento sobre las causas de fe que les corresponde por derecho comun dió bastante á entender que su Real animo estaba decidido á la estincion de la Inquisicion aunque por ciertas consideraciones no la hubiere pronunciado mas esplicitamente, cree pues el Consejo preferible que en dicho articulo se haga algun mencion de lo hecho por el difunto Rey sobre esta materia, á que aparezca dicha estincion como un acto de la Regencia en su totalidad: Y si no juzga S. M. que haya necesidad de ello, por lo menos el Consejo cree que al espresado articulo combendra añadir la palabra definitivamente, para que diga se declara suprimido definitivamente el Tribunal de la Inquisicion.

3º El consejo entiende que en la actualidad convendria suprimir enteramente el Artº 4º por el que se autoriza al Señor Secretario del Despacho de Hacienda para la pronta enagenacion de las fincas:

pues habiendose vendido muchas de ellas en tiempo del Gobierno constitucional, y no siendo posible todavia hacer distincion alguna entre las que se enageraron y las que no se enageraron en dicha época hasta que las Córtes examinen la grave cuestion relativa á los compradores de bienes nacionales, podria darse motivo á que se sospechase que se decidia este punto general por el presente Decreto de una manera indirecta, mandando vender todos los bienes de la Inquisicion indistintamente y sin hacer diferencia alguna entre los enagenados y los non enagenados. Parece pues que por ahora conviene limitarse á lo que se previene en el Artº 2º aplicando la masa de los bienes de la Inquisicion á la estincion de la deuda publica sin mas esplicacion.

4º El artº 6º en que se ordena que los sueldos de los empleados del Tribunal se paguen del Tesoro público, cree el Consejo que podria modificarse mandando que este pago se hiciese por la caja de Amortizacion pues no parece justo imponer este nuevo gravamen al Real Tesoro cuando nada es mas natural que satisfacer el gravamen vitalicio que pesa sobre los bienes y rentas del Tribunal por el mismo establecimiento adonde han á ingresar sus productos. Esto no ofrecerá inconveniente aun despues que se vendan todas las fincas que pertenecian á la Inquisicion, pues siempre quedarán las ciento y una Canongias de que habla el Artº 3º del proyecto que no son susceptibles de enagenacion, y con cuyo producto habrá mas que lo suficiente para pagar a los cesantes del ramo cuyo número se hallará muy reducido por los que han fallecido ó pasado á otros destinos desde el año de 1823 hasta el dia, y se reducira todabia mas por las disposiciones de los Artºs 5º y 6º del mismo proyecto de Decreto.

Lo que por acuerdo del Consejo digo á V. E. en contestacion á su citado oficio con devolucion del Proyecto.

Диос и т.д. Madrid, 13 de Julio de 1834. El Conde de Ofalía.

VIII.

Указ от 15 июля 1834 года об отмене инквизиции.

(Printed by Castillo y Ayensa, Negociaciones con Roma, Madrid, 1859.

Том. I, Приложение, стр. 165). (См. стр. 468).

Deseando aumentar el crédito público de la Nacion por todos los medios compatibles con los principios de justicia: teniendo en consideracion que mi augusto Esposo (Q. E. E. G.) creyó bastante eficaz al sostenimiento de la Religion del Estado la nativa é imprescriptible autoridad de los muy RR. Arzobispos y RR. Obispos, protegida cual corresponde por las leyes de la Monarquia: que mi Real decreto de 4 de Enero próximo pasado ha dejado en manos de dichos Prelados la censura de los escritos concernientes á la fe, á la moral y disciplina, para que se conserve ileso tan precioso depósito: que están ya concluidos los trabajos del Código criminal en que se establecen las convenientes penas contra los que intenten vulnerar el respeto debido á nuestra Santa Religion; y que la Junta eclesiástica, creada por mi Real decreto de 22 de Abril se ocupa de proponer cuanto juzgue conducente á tan importante fin, para que provea yo de remedio hasta donde alcance el Real Patronato, y con la concurrencia de la Santa Sede en cuanto menester fuere: en nombre de mi excelsa Hija Doña Isabel II, oido el Concejo de Gobierno y el de Ministros, he venido en mandar lo siguiente: Artículo Iº. Se declara suprimido definitivamente el Tribunal de la Inquisicion. 2º Los predios rústicos y urbanos, censos ú otros bienes con que le habia dotado la piedad soberana ó cuya adquisicion le proporcionó por medio de leyes dictadas para su proteccion, se adjudican á la estincion de la Deuda

pública. 3º Las ciento una canongias que estaban agregadas á la Inquisicion se aplican al mismo objeto, con sujecion á mi Real decreto de 9 de Marzo último y por el tiempo que expresan las Bulas apostólicas sobre la materia. 4º Los empleados de dicho Tribunal y sus dependencias que posean prebendas eclesiásticas ú obtengan cargos civiles de cualquiera clase con sueldo, no tendrán derecho á percibir el que les correspondia sobre los fondos del mismo Tribunal, cuando servian en él sus destinos. 5º Todos los demas empleados, mientras no se les proporcione otra colocacion, percibirán exactamente de la Caja de Amortizacion el sueldo que les corresponda, segun clasificacion que solicitarán ante la Junta creada al efecto. Tendréislo entendido y dispondreis lo necesario á su cumplimiento. En San Ildefonso á 15 de Julio de 1834.—A. D. Nicolás María Garellly.

IX.

Молитва, читаемая Ежедневно при открытии утреннего заседания.

(Национальная библиотека, Отдел рукописей, 122, т. 1). (См. стр. 583).

Adsumus Domine, Sancte Spiritus, adsumus quidem peccati immanitate detenti, sed in nomine tuo specialiter aggregati. Veni ad nos, adesto nobis, dignari illabi cordibus nostris; doce nos quid agamos, quo gradiamus; ostende quid officere debeamus ut, te auxiliante, tibi in omnibus placere valeamus. Esto salus et suggestor et effector judiciorum nostrorum, quisolus cum Deo patre et ejus Filio nomen possides gloriosum. Non nos patiaris perturbatores esse justitiæ qui summam diligis æquitatem, ut in sinistrum nos ignorantia non trahat, non favor infectat, non acceptio muneris vel personæ corrumpat, sed junge nos tibi efficaciter solius tuæ gratiæ dono ut simus in te unum et in nullo deviemus a vero quatenus in nomine tuo collecti, sic in cunctis teneamus cum moderamine pietatis justitiæque ut hic a te in nullo dissentiat sententia nostra, ut in futuro pro bene gestis consequamur premia sempiterna. Аминь.

СНОСКИ:

[1] Я более подробно рассматривал эту тему в “Главах из религиозной истории Испании”, но высказанные там взгляды были несколько изменены благодаря доступу к дополнительным документам.

[2] II. Коринф. xii, 2-4.

[3] Est hodie soror apud nos revelationum charismata sortita quas in ecclesia inter Dominica solemnia per ecstasin in spiritu patitur; conversatur cum angelis, aliquando etiam cum Domino, et vidit et audit sacramenta et quorumdam corda dignoscit et medicinas desiderantibus submittit.—De Anima, cap. ix.

[4] Rufini Aquileiensis Historia Monachorum, *passim*.—Жизнеописание, библиотека. III, с. 141.

[5] Глава Вилли Гестта. Понтифик. Леодиенс., II, 256-7.

[6] Трактаты Ричарда Ролла, VIII, стр. 14-15 (Общество раннего английского текста).

[7] Водопой в Канисии, Фес. Monum. Ecclesiae, IV, 366-7.

[8] Johann. PP. XXII, Булла. В агро Доминико (Рипол. Буллар. Ord. Традиционный. VII, 57).

[9] Послание С. Киприани. iv Помпоний.—Консилиум. Антиохия. (Harduin Concil. I, 198). — Лактант. Divin. Institt. VI, XIX.

Это испытание воздержанием было испробовано святым Альдхельмом (Girald. Cambrens. Gemm. Eccles., Dist. II, cap. xv) и практиковался последователями Сегарелли и Дольчино (Берн. Guidonis Practica, Ed. Douais, p. 260).

[10] Клементин. Библиотека V, Тит. iii, глава 3.

[11] Abecedario spiritual, Стр. III, Трат. xiii, глава 3, том 122 (Бургос, 1544).

[12] Субида дель Монте Кармело, III, 38.

[13] Об Орасионе и Медитации, II, ii.

[14] Об ораторском искусстве и медитации, cap. iv.—Ср. С. Педро де Алькантара, Оракул II, IV.

[15] Архив Симанкаса, Сала 40, Библиотека. IV, т. 231 (см. т. III, стр. 570).

[16] Р. С. Виктор Бенджаминис Минорис, ок. lxxxi.—С. Т. Аквин. Итоговый раздел, раздел Q. clxxv, статья 1.

[17] Joh. Gersoni. Трактат. de Distinct. verar. Видение ложное (Указ. изд. 1494, Т. I, xix. L).

[18] Б. Хуан де Авила, Ауди Филия и видео, загл. li-lv.

[19] Арбиол, Эньяньос мистикос, Библиотека. III, глава xv (1707).

[20] Amort de Revelationibus etc. P. I, стр. 259-68 (август. Виндель. 1744).

[21] Abecedario spiritual, П. III, Трат. vi, глава 2, fol. 52.—Ср. Молинос, Гуида, Книга III, глава xvii, № 163-4.

[22] Мельгарес Марин, Процессуальные действия инквизиции, II, 88 (Мадрид, 1886).

[23] Процесс против Иеронима. де ла М. де Диос (Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Т. VII).

[24] Режиссер Эймерици. П. II, Q. ix, № 5.—Репертуар. Инквизитор. с. в. *Беаты, Бегарды, Бегинки, Хересы, Хересыи* др.

[25] Духовный наставник, П. III, Трат. xxi, глава 4, fol. 204.—Менендес-и-Пелайо, Неортодоксальные, II, 526.

[26] Домашнее животное. Март. Рыболов. Epistt. 428, 431.

[27] Д. Мануэль Серрано и Санс (Revista de Archivos etc., Enero, 1903, стр. 2).

[28] Смотрите судебный процесс над Алькарасом, описанный Д. Мануэлем Серрано-и-Сана, в "Revista de Archivos", Enero, 1903, стр. 1-16; Фебреро, стр. 127, 130 кв.

[29] С. Бонавентура о чистоте совести, глава 14.

[30] Дон М. Серрано и Санс опубликовал (Boletín, XLI, 105-37) основные характеристики и документы этого судебного процесса. Он заявляет, что большая часть показаний совершенно непригодна для расшифровки.

[31] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. III, фол. 133.

[32] Этот отчет о Франсиско Ортисе взят из умелого анализа судебного процесса над ним Эдуардом Бемером в его книге "*Франциска Эрнандес и фрай Франциско Ортис*" (Лейпциг, 1865).

[33] Мельгарес Марин, Процессуальные действия инквизиции, II, 94-5.

[34] Хуан и Мария были дядей и тетей семьи Касальяс, пострадавших за протестантизм.

[35] Мельгарес Марин, указ. соч., II, 74-88.

[36] Ibidem, pp. 147-53.

[37] Архив, история. национальный, Inq. de Toledo, Лег. III, u. 46.—Cf. Schäfer, II, 119.

[38] МИСС *пенес меня*.

[39] Улица Меркурио-и-Карон, загл. lxxv.

[40] Об этом судебном преследовании Лойолы было сказано так много, что падре Фидель Фита оказал услугу по распечатке документов по делу в Boletín, XXXIII, 431-57.

[41] Кабальеро, Вида де Мельчор Кано, стр. 549-50, 557-9, 568-9, 572-7, 582-3, 592-3, 598, 601.

[42] Салазар де Мендоса, Вида де Карранса, глава xxxiii.

Первое из них, несомненно, содержится в Комментариях (Стр. III, Obra iii, глава 3), но в то время это была вполне приемлемая доктрина. Аспилькуэта, который не был мистиком, говорит нам в 1577 году, что молитва ничего не стоит, если она не произносится с живой верой и горячим милосердием; бесчисленные священники отправляются в чистилище или в ад из-за своих молитв, каждая из которых является, по меньшей мере, простительным грехом.—De Oratione, cap. viii.

Прогресс движения против мистицизма иллюстрирует тот факт, что "Указатель Сапаты" в 1632 году (стр. 980) называет отрывок из "Дон Кихота" *borrado*, в котором это выражено гораздо менее оскорбительно — "Las obras de Charidad que se hasen tibia y floxamente no tienen merito ni valen nada".

[43] Реуш, Die Indexes, стр. 237, 438.

[44] Против де ла Фуэнте, Эскрито Святой Терезы, I, 3-4, 557; II, 439-40, 557, 568, 571.—Указатель Сотомайора, 1640, стр. 529.—Indice Ultimo, стр. 118.

[45] José de Jesus María, Vida de San Juan de la Cruz (Escritos de S. Teresa, II, 511-14).

[46] Указатель Сандовала, 1612, стр. 379 (Изд. Женева, 1620).

[47] Реуш, Die Indexes, стр. 224.

[48] Caballero, Vida de Melchor Cano, p. 597.—Barrantes, Aparato para la Historia de Extremadura, II, 346-7.—Giovanni da Capugnano, Vida del P. Luigi Granata.—Theiner, Annal. Экллз., III, 361.—Палафокс-и-Мендоса, Обрас, VII, 65.

[49] Альфонсо Родригес, Эхерсисио де ла Перфексион, П. I, Трат. v, глава 7, 12.

[50] Рибаденейра, Вит. С. И. Г. Лойола, Библиотека v, глава 10.

[51] Алегамбе, Библ. Сценарий. Сок. Иисус, стр. 136.—Ньеремберг, Честь Великого Патриарха Сан—Игнасио, стр. 513.—Л. де ла Пуэнте, Духовная жизнь, П. II, Трат. 1, глава 15, № 3; глава 18, № 2 (Рим, 1628).—Де Бакер, III, 639-53.

[52] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 76, fol. 343.

[53] Кабальеро, указ. соч., стр. 526.—Ср. стр. 359.

[54] Мемориал Фраю Алонсо, из которого взяты последующие подробности, был напечатан доном Мигелем Миром в *Revista de Archivas* за август-сентябрь 1903 г.; январь 1904 г.; август-сентябрь 1904 г.; июнь 1905 г.; июль 1905 г.; и август-сентябрь 1905 г.

[55] Баррантес, Отрывок из истории Эстремадуры, II, 332-47.

[56] Национальная библиотека, рукопись, С. 151, фол. 54-67.—Баррантес, указ. соч., II, 329, 347-57.—Мисцеланея де Сапата (Мемориальная история. español, XI, 75).—Cipriano de Valera, Dos Tratados (Reformistas antig. españoles, p. 272).—Dorado, Compendio histórico de Salamanca, p. 423.

В 1576 году Алонсо Гонсалес Кармена предстал перед судом в Толедо за то, что сказал, что единственной целью инквизиции было получение денег, и привел в пример богатую девуцу из Льерены, недавно арестованную как Алумбрадо. Вероятно, он счел свои утверждения подтвержденными, поскольку ему пришлось заплатить штраф в размере 4000 мараведи в дополнение к шестимесячному изгнанию.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.

[57] Парамо, стр. 302.

[58] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 939, fol. 108; Библиотека 979, fol. 30. Подробности Эдикта взяты из копии, опубликованной в Мексике 17 июля 1579 года, которой я обязан доброте покойного генерала Дона Рива Паласио. В Эдикте, опубликованном при открытии мексиканской инквизиции 3 ноября 1571 г., нет никаких упоминаний об этом предмете. См. Приложение к Vol. II, стр. 587.

[59] Парамо, стр. 302, 681-2, 688-9, 854.

[60] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.

[61] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Т. VII.

[62] Архив Симанкаса, Inq., Раздел 552, fol. 1.

[63] Мистическая теория, Библиотека. II, главы 1, 4, 5, 6.

[64] Менендес—и-Пелайо, II, 547-8.-РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, свод S, 130.

[65] Баррантес, Апарато, II, 363.

[66] Баррантес, указ. соч., II, 364-70. Этот экземпляр несколько несовершенен; лучший находится в национальной библиотеке, фонд Дюпюи, 673, стр. 181.

Мальвазия (Cathologus omnium Heresum et Conciliorum, Рим, 1661, стр. 269) приводит список из пятидесяти ошибок иллюминатов из этого эдикта Пачеко. Cf. Bernino, Historia di tutte l'Heresie, IV, 613 (Venezia, 1717).

[67] Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 927, fol. 475.

Этот смелый протест, по-видимому, привлек внимание к способностям Портокарреро, поскольку в 1624 году мы находим его назначенным инквизитором Майорки и пишущим книгу в защиту инквизиции против королевской юрисдикции.

[68] Баррантес, указ. соч., II, 363, 371-2.

[69] РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, Свод S, 130.

[70] РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, архив С. А., подт. 11; Свод, стр. 130.

[71] Льоренте, Hist. крит., глава xxxviii, № 5. — Заявление Льоренте подтверждается описанием в "*Истории тутте л'Хереси*" Бернино, IV, 613. См. также Терзаго, Историко-мистическая теология, стр. 6 (Венеция, 1764).

[72] Библия. nacional, Рукопись, V, 377, глава xxi.

[73] Картас де Иезуитас (Память. история. испанский, XIII, 122, 150-62, 165, 173, 175, 177-80, 184, 205-7, 214, 222, 245, 267, 324, 435, 528, 543, 547; XIV, 12, 21, 47; XV, 80; XIX, 383).—Пеллисер, Avisos históricos (Semanario erúdito, XXXIII, 99, 168).—Указатель Видаля Марина, 1707, II, 19.—Исторический архив. nacional, Inq. de Valencia, Часть 1, № 6, fol. 591.—Расшифровка. аутентично. Sacrae Congr. Индульгенция. № 4, 14.

[74] Vida, стр. 6, 10, 275 (Изд. 1784).

[75] Различные биографии ее были написаны Мораном де Бутроном, Пьетро дель Спирито Санто, П. Хихоном-и-Леоном, П. Джусом. Боэро и Хуан дель Кастильо, некоторые из которых были опубликованы повторно.

[76] Пеллисер, Ависос историкос (Семанарио эрудито, XXXIII, 171).

[77] Очоа, Испанский эпистолярио, II, 81.

[78] Вита Иен. Mariæ de Agreda, §§ 4, 6, 8, 13, 38.—Præfat. реклама. I, Vitæ B. Virginis.

[79] Архив де Симанкаса, Inq. Leg. 1465, fol. 101.—Index Libb. prohib. Невинный. С. XI, стр. 167; Приложение. стр. 41.—Реуш, Der Index, II, 253.—Мендхэм, Литературная политика Римской церкви, стр. 272-4 (Лондон, 1830).Фелиппо, "Отношение к Происхождению" и др. "О квиетизме", I, 178-83 (s. l. 1732).

[80] Д'Аржантре, Забратъ. Джудик. de novis Erroribus, III, I, 156.

[81] Францисканский анализ, I, 92.—Reusch, Der Index, II, 256.—Amort de Revelationibus, П. II, стр. 226.

[82] Индекс Клементис Стр. XI, стр. 292. —Указатель дополнен. СТР. XIV, 1744, стр. 313. Показательно, что в результате сомнительного положения книг Каэтано Марчекалес в своем "Энхиридиум мистикум" (Верона, 1766), приводя два списка мистических произведений, одно из которых разрешено, а другое запрещено, полностью опускает труды Марии де Агреды.

[83] Архив истории. nacional, Inq. de Toledo, Раздел 1.—Библиотека Казанатенсе, MS. X. v, 27, fol. 235.

[84] Судебный трибунал крестца Бордони, стр. 508 (Рим, 1648).—Ign. Lupi Bergomens. Новая Роскошь в Эдикте S. Инквизиция. (Бергоми, 1648).

[85] Reusch, Der Index, II, 610-11.

[86] Скалья, Практика по делу Святого Престола, глава 25 (г-жа пенес меня). Экземпляры находятся в национальной библиотеке, итальянские фонды, 139; в Королевской библиотеке Мюнхена, Cod. Итал. 598, и в муниципальной библиотеке Пьяченцы.

[87] Бернино, "История тутте л'Эреси", IV, 712 (Венеция, 1717 г.)

[88] Королевская библиотека Мюнхена, Cod. Ital. 185, pp. 1-7.—Library of the Seminario della Curia arcivescovile di Firenze, Chiese, Spogli, Vol. I, pp. 407 aqq.—[Modesto Rastrelli] Fatti attinenti all' Inquisizione, pp. 173-77 (Venezia, 1782).—Cf. Cantù, Eretici d'Italia, III, 336.

[89] Библиотека государственного архива Рима, Сборник статей, стр. 577-630.—Королевская библиотека Мюнхена, Cod. Итал. 185, стр. 13-26.—L'Ambasciata di Romolo a Romani, стр. 689 (Двоеточие. 1676).—Сборник. Декрет. Конгресса США, стр. 7 (Г-жа пеняет мне).—Cantù, op. cit., III, 330.

[90] РУКОПИСЬ Библиотеки Амброзиана в Милане, H, S, VI, 29, fol. 140.

[91] Бернино, "История тутте л'Ереси", IV, 722-6.—Рукопись Амброзианской библиотеки, Ч. S, VI, 29, fol. 14. Этот последний представляет собой значительный массив документов, из которых вытекают нижеследующие факты.

[92] Рукопись Амброзиана. *поддержка ubi.* следующий. 111, 113, 117, 119, 121, 135, 137, 138.

[93] Ibidem, fol. 58, 61, 66, 80, 83, 86.

[94] Рукопись Амброзиана. *поддержка ubi.*, далее. 18, 22, 24, 34, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 49, 50, 51, 53, 54, 61, 81, 91.

[95] Ibidem, fol. 44, 54, 66, 81.

[96] Амброзианская РУКОПИСЬ. *поддержка ubi.*, далее. 65, 82, 113, 117, 119.

[97] Руководство по спиритуализму, Библиотека. I, n. 128.—“Non parlando, non pensando, non desiderando, si giunge al perfetto silenzio mistico, nel quale Iddio parla con l'anima e a lei si comunica e le insegna nel più intimo fondo la più perfetta e alta sapienza.”

Ср. Osuna, *Abecedario spiritual*, P. III, Trat. xxi, Cap. 3, fol. 203.—Санта-Тереза, Библиотека Откровений.—San Juan de la Cruz, *Subida del Monte Carmelo*, II, vii.

[98] Руководство, Библиотека. I, п. 68-70.

[99] Руководство, Библиотека. III, п. 3, 40.

[100] Библиотека Казанатенсе, MS. X, v, 27, fol. 231 кв.

[101] Reusch, *Der Index*, II, 612-14. Из этих противоречивых работ я смог изучить только *Lettera* Сегнери и *Clavis Aurea*. Главное впечатление, производимое этой полемикой, заключается в неуловимости этих мистических снов, когда предпринимается попытка дать жесткое определение и дифференциацию.

[102] Библиотека Казанатенсе, MS. X, IV, 39, fol. 19 кв.

[103] Бернино, *указ. соч.*, IV, 726.

[104] Библиотека Казанатенсе, РУКОПИСЬ X, VII, 46, фол. 289 кв.м. Это отчет об этом деле, составленный человеком, очевидно, обладающим точным знанием деталей.

[105] Национальный исторический архив, Inq. de Valencia, Legajo 1, n. 4, fol. 164.—Archivo de Simancas, Inq., Legajo 1465, fol. 101.

[106] Архивная история. национальный, Inq. de Valencia, Legajo 12, n. 1, fol. 106.

[107] Три письма, касающиеся настоящего времени Италии, стр. 90-120 (Кельн, 1688)

Эти девятнадцать ошибок напечатаны здесь вместе с их опровержениями, но без указания даты или органа, в соответствии с которым они были подготовлены. Они также содержатся, с другой серией опровержений, в массе документов, касающихся Пелагини, в Амброзианской библиотеке, H, S., VI, 29, fol. 28.

Это также содержит (fol. 30) серию инструкций по выявлению квиетистской ереси, состоящую из списка из сорока трех ошибок. Некоторые из них настолько сжато излагают ведущие принципы, с приемлемой точностью приписываемые квиетистам, что их стоит представить здесь.

21. Они стремятся уничтожить память, интеллект и волю; ничего не помнить, ничего не понимать, ничего не желать, и они говорят, что, опустошив себя таким образом, они вновь наполняются Богом.

22. Они говорят, что Бог действует в их душах без сотрудничества; что их дух отождествлен с Богом, так что они чисто пассивны, отдавая свою свободную волю Богу, который овладевает ею.

23. Таким образом, такие души защищены даже от незначительных грехов невнимательности, и, если они совершают что-то непреднамеренно, они не вменяются.

24. Также некоторые продолжают претендовать на безупречность, потому что они не могут грешить, когда Бог действует в них без их участия.

25. Если эти души совершают греховные поступки, они говорят, что это происходит из-за насилия демона, с позволения Бога, для их мучений и очищения.

28. Проверка совести на предмет наличия согласия на такие действия нецелесообразна, поскольку это отвлекает от интроверсии и нарушает душевный покой.

[108] Библ. Рукопись Казанатенсе, X, VII, 45, фол. 289.

Я не могу не расценивать это как правдивый отчет. Это согласуется с более кратким резюме в последнем предложении, в котором проводится различие между статьями, доказанными свидетелями и опровергнутыми Молиносом, и теми, которые он признал. Ройш (*Der Index*, II, 617-18) утверждает, что это предложение было напечатано в *Analecta Juris Pontificii*, 6, 1653, и в Приложении к переводу Франке "*Руководства по спиритизму*", опубликованному в 1687 году. У меня есть экземпляр из Королевской библиотеки Мюнхена, Cod. Итал. 185, и есть еще одна в национальной библиотеке, итальянские фонды, 138, которая также содержит 263 статьи, взятые из его переписки, с его ответами.

[109] Д'Аржантре, Забратъ. джудик. de novis Erroribus, III, II, 357-62.

[110] Рассказ об атто ди феде взят из рукописи г-жи Касанатенсе, X, VII, 45, и отношения, напечатанного Леммером, *Meletematum Romanorum Mantissa*, стр. 407 кв., который также печатает (стр. 412-22) предложение Педро Пеня.

Современными печатными источниками всего этого дела являются *три письма, касающиеся настоящего времени Италии*, Кельн, 1688 г.; *Обзор различных произведений, касающихся квиетизма и тихих людей*, Амстердам, 1688 г., и Бернино, *История тутте л'Ереси*, IV, 711 кв. м. Краткий отчет Ройша (*Der Index*, II, 611 кв.м) написан с присущей ему тщательностью и тщательным использованием всех доступных источников. "Квиетист Молинос" Джона Бигелоу (Нью-Йорк, 1882) - популярное повествование, отвергающее обвинения в безнравственности. See also Herpe, *Geschichte der quietistischen Mystik*, pp. 110 sqq., 260 sqq. (Berlin, 1875).

[111] Innocentii Стр. XI, Булла. *Селестус Пастор* (Булла. X, 212).

[112] Reusch, *Der Index*, II, 618.—Индекс без изменений. XI, Приложение, стр. 7, 28, 45, 47 (Рим, 1702).

[113] РУКОПИСЬ Амброзианской библиотеки, H. S. VI, 29, fol. 67 кв.

[114] Бернино, указ. соч., IV, 727-8.

[115] Королевская библиотека Мюнхена, Cod. Итал. 209, фол. 67 кв. м. — Ср. Фелиппо, "Отношение к квиетизму", II, 117, 154.

[116] Леммер, указ. соч., стр. 427.—Хеппе, "История квиетистической мистики", стр. 445.

[117] Mongitore, *L'Atto pubblico di Fede celebrato à 6 Aprile, 1724* (Palermo 1724).

[118] Смотрите выдержки из С. Франсуа де Салье, собранные Фенелоном в его Пятом письме.—*Œuvres*, II, 95-98 (Париж, 1838).

[119] Ноак, Христианский мистик, II, 236 (Кенигсберг, 1853).

[120] Хеппе, указ. соч., стр. 88.

[121] Abomination des Abominations des fausses Devotions de ce Tems divisées, en Trois, la premiere des Illuminez; la seconde des nouveaux Adamites; la troisieme des Spirituels à la mode, p. 88 (Paris, 1632).

[122] Боссюэ, прочитавшая свою автобиографию в MS., рассказывает нам об этом состоянии барабанной перепонки и разрыве ее одежды (De Quietismo, *ап.* Леммер, указ. соч., стр. 423). В печатном житии эта особенность опущена, но отрывок имеет все признаки сокращения (II, 33, ср. 234; III, 9).

[123] Позиция Боссюэ в этом споре подробно изложена в посмертном труде Фелиппо “Отношение к происхождению, прогрессу и осуждению квиетизма”, 2 тома., 1732 (s. l.). Также в книге Боссюэ “Отношение к квиетизму” и последующих противоречивых работах, Париж, 1698. Высказывания мадам Гийон содержатся в “Жизни мадам Ж. М. Б. де ла Мот Гийон, в книге для избранных”, 3 тома. Кельн, 1720. Ее защищают в “Письмах М. ххх (аббата де ла Блаттери) о дружбе в судьбе отношений квиетизма”, 1733 (s. l.). Работы Фенелона на эту тему находятся в его *Трудах*, Т. II, Париж, 1838.

Comprehensive accounts may be found in Matter, “Le Mysticisme en France au temps de Fénelon,” Paris, 1865 and Heppe, “Geschichte der quietistischen Mystik in der katholischen Kirche,” Berlin, 1865.

[124] Compendio de la asombrosa Vida del gran Siervo de Dios, Fr. Juan Joseph de la Cruz, pp. 276 sqq. (Мадрид, 1790).

[125] Архив истории. “насьональ”, Inq. de Valencia, Этап 1, № 4, fol. 164.

[126] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека V, fol. 103; Библиотека. III de copias, fol. 703, 704.—Archivo hist. nacional, Inq. de Valencia, Этап 12, № 4, fol. 124.

[127] Рукописи муниципального архива Севильи, Специальная секция, Сигло XVIII, Литра А, Томо IV, п. 48-49. — Это отношения авто, одно из которых я напечатал в “Главах из религиозной истории Испании”.

[128] История отношений. de la Judería de Sevilla, pp. 99-103.

[129] Муниципальный архив Севильи, *лок. цит.*, № 52.

[130] Матуте и Лукен, стр. 211.

[131] Поссадас, Триумф Кастилии против дьявольской роскоши Молиноса, Кордова, 1698.

Это второе издание; третье вышло в Мадриде в 1775 году.

[132] Архивная история. “насьональ”, Inq. de Valencia, Часть 2, № 15; Часть 12, № 2, fol. 126.

[133] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Т. XI.

[134] Матуте и Лукен, стр. 216-23.

[135] Указатель Видаля Марина, 1707, II, 195.

[136] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека V, fol. 141, 144, 146, 150.— Архиво де Симанкас, Inq. Legajos 418, 419 (números antiguos).—Смотрите отречение от престола в Приложении, в котором кратко описаны ошибки.

[137] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 876, fol. 153.—Льоренте (История. критерий. Глава. XLII, № 15) возлагает это дело на Карлоса III.

[138] Льоренте, Hist. критерий, глава. XL, ст. ii, п. 1-14.

[139] Намек на этот указ содержится в "*Деле против дона Педро Фернандеса Ибаррарана*" (РУКОПИСЬ Дэвида Фергюссона, эсквайра).

[140] Процесс борьбы с братом Эусебио де Вильяроха (рукопись Дэвида Фергюссона, эсквайра).

[141] Библиотека. XIII де Картас, fol. 192 (Рукопись Ам. Философского общества).

[142] История архива. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.

[143] Там же, Inq. de Valencia, Этап 100.

[144] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 890, fol. 82.

[145] Там же, Библиотека. 890.—Матуте и Лукен, стр. 296.

[146] История архива. nacional, Inq. de Toledo, Раздел 114, № 18.

[147] Библ. nationale de France, fonds espagnol 354, fol. 248-69.—Llorente, Hist. критерий, заглущка. XVI, ст. iv. —Мисцеланеа де Сапата (Память, история. español, XI, 70).—Cipriano de Valera, Dos Tratados, p. 480 (Reformistas antiguos españoles).—Рибаденейра, Вит. IGN. Лойола, Библиотека V, глава 10.—Луиджи де Граната, Жизнеописание Джованни д'Авилы, стр. 143 (Рим, 1746).—Матуте и Лукен, стр. 18.—Симанка из Катх. Institt. Синица. XXI, n. 24.

Французский перевод приговора и признания был напечатан М. Кампаном в приложении к *Воспоминаниям Франсиско де Энзинаса*.

[148] Godoy Alcántara, Historia de los falsos Cronicones, p. 2.—Cf. V. de la Fuente, Hist. эклз., III, 255.

[149] Relatione del Miracolo delle Stimmate, venute nuovamente ad una Monacha dell' Ordine di S. Domenico, in Portogallo, nella Città di Lisbona.—Bologna, 1584.—Printed also in Rome and in Verona.

[150] Cipriano de Valera, Enjambre de falsos Milagros, pp. 564, sqq. Усоз-и-Рио в своих примечаниях к этому переизданию, в его книге "*Антиреформисты*", говорит, что версии Валеры точно взяты из "Великих чудес и приключенческих пледов по мотивам книги Р. М. Приора монашества Анонсиады". Парижская работа Жана Брессана, 1586 год.

[151] Сиприано де Валера, стр. 575-80.—Парамо, стр. 233-4, 302-4.

В 1650 году падре Диего Телло, S. J., в заключении, представленном трибуналу Гранады, ссылается на политические цели самозванцев Сор Марии, как будто это был хорошо известный факт.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 17.

[152] Архив Симанкаса, Inq., библиотека 939, fol. 700.

[153] Там же, Inq. de Toledo, Раздел 113, п. 6.

[154] Картас де Иезуитас (Память. история. español, XIII, 49, 51).

[155] Библ. nacional, рукопись, D, 111, fol. 127.

[156] РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, арх. С., 130.—Библ. nacional, рукопись, V, 377, загл. XXI, § 7.

[157] Картас де Иезуитас (указ. соч., XIII, 42, 51, 457).—Архив Симанкаса, Inq., Раздел 552, fol. 17.

[158] Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава xxi, § 5.

[159] История архива. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.

[160] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 405, п. 66.

[161] Olmo, Relacion, стр. 201-3, 240.

[162] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Т. XI.—Архив истории. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.

[163] Королевская библиотека Берлина, квартал 9548.

[164] История архива. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.

[165] Менендес—и-Пелайо, III, 405.—РУКОПИСЬ муниципального архива Севильи, Специальная секция, Siglo XVIII, Letra A, Т. 4, п. 56.—Картас дель Фильософо рансио. II, 495 (Мадрид, 1824).

[166] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, этап 100.

[167] Льоренте, Hist. критика, глава. XLIII, статья iv, № 1. —Архив истории. nacional, Inq. de Toledo, Часть 115, № 25; Inq. de Valencia, часть 100.

Указом от 23 июня 1805 года все произведения, в которых хоть как-то упоминались милости, которые беата якобы получила с небес, были категорически запрещены.—Suplemento al Indice expurgatorio, p. 25 (Madrid, 1805).

[168] Льоренте, *местное издание*, № 2. —Архив, история. "насьональ", Инк. де Валенсия, Этап 100.

[169] Выдержка из книги "Причины сегидского преступления" (Мадрид, 1865).

[170] Ревиста Кристиана, Марцо-Абриль, 1891 (Мадрид).

Испания ни в коем случае не является единственным местом проведения этих манифестаций. В 1848 году в Нидербронне, недалеко от Страсбурга, жила невеста Христа по имени Элизабет Эппингер, которая, хотя и отказывалась от высшей милости стигматов, обладала трансами,

видениями и даром пророчества. Она основала орден *искупительниц*, которым руководила как сеньор Альфонс.—Аббат Бюссон, "Леттре об экстаике Нидербронна" (Безансон, 1849-53).

Изящество стигматов также не редкость. Примерно в 1825 году расцвела Катарина Эммерих, монахиня из Дюльмена, и современницами ее были три девушки из Тироля: Мария фон Мерль, Доменика Лаццари и Кресценция Никлуч, все они также наслаждались обычными видениями и экстазами. Ученый Джозеф Геррес был одним из верующих паломников, которые записали свой опыт. В то же время Прованс мог похвастаться похожей *беатой*, мадам Миолис, известной как *стигматиза дю Вар*, в Виллекрозе.—Die Tyrolen ekstasischen Jungfrauen (Regensburg, 1843).—Nicolas, L'extatique et les stigmatisées du Tyrol (Paris, 1844).—Boré, Les stigmatisées du Tyrol, 2e. Ed. (Paris, 1846).

Хорошо известен более недавний случай с Луизой Лато в Бельгии. Все это, однако, тривиально по сравнению с развитием стигматизации среди последователей Пьера-Мишеля Винтраса во Франции. В 1850 году считалось, что не менее трехсот человек удостоились этого отличительного знака божественного одобрения.—Андре, "Дело Розы Тамизье", стр. 5 (Карпантра, 1851).

[171] С. Т. Аквин. Краткое дополнение, Q. VIII, ст. 4. Итоги Астесани, Lib. V, Тит. xiii, Q. 2.—Итоги Сильвестрины С. против Исповедника, I, §§ 10-11.

[172] Манипулятор Гвидониса де Монте-Рошери. Хранитель. П. II, Трактат, iii, глава 9.

[173] Итоги С. Антонини, П. III, Тит. xiv, глава 19, § 8.

[174] С. Т. Аквин. в IV послании, раздел. XIX, Q. 1, ст. 3.—Иоанн. Фрибургенс. Итоги исповеди., Lib. III, Тит. xxxiv, Q. 65.

[175] Бурриэль, Видас де лос Арзобиспос де Толедо (библ. национальный, рукопись. Ff, 194, fol. 9).

[176] Краткое содержание. Валентин, ann. 1565, Тит. ii, глава 17 (Aguirre, V, 417).—С. Mediolanensis I, ann. 1565, глава 6 (Harduin. X, 653). — С. Провен. Mediolanens. IV, ann. 1576 (Acta Eccles. Mediolanens. I, 146).—Римский ритуал., Тит. iii, глава 1.

[177] РУКОПИСЬ Дэвида Фергюссона, эсквайра—Архиво де Симанкас, Inq., Sala 39, Leg. 4, fol. 34, 55, 81.—Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Часть 9, n. 2, fol. 236, 237.—Библия. nacional, рукопись, фото, fol. C, 17, n. 38.

[178] Архив истории. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 16, № 6, следующий. 9.

[179] Постановление Грациани. Причина. xxx, q. i, can. 8, 9, 10.—Составитель. Р. Пур, глава 9 (Хардуин. VII, 91).

[180] Сальседо, Каноническая практика уголовного судопроизводства, стр. 276 (Compluti, 1587).

Поучительный очерк Гиберти, сделанный мисс М. А. Такер, смотрите в "Английской истории". Ревью, январь.-июль 1903 г.

[181] Архив истории. nacional, Inq. de Toledo, Раздел 233, № 100.

[182] Архив истории. nacional, Inq. de Toledo, Раздел 231, № 71.

[183] Архив Симанкаса, Inq., библиотека 939, fol. 374.

[184] Стр. Паули. IV Бык. *Cum sicut nuper*, 16 Apr., 1559 (Bullar. Римлянин. II, 48).

[185] Páramo, p. 880.

[186] Pii Стр. IV, стр. 51, *Пасторис этерни*, 1 апреля 1562 г. Возможно, наводит на мысль тот факт, что в Люксембургском буллариуме (III, 71) упущение слова "не" полностью меняет смысл краткого изложения. Оно будет правильно напечатано в издании Керубини.

[187] Парамо, стр. 881.

[188] Паули, Стр. V, Конст. *Cum sicut nuper*, 16 Sept. 1608 (Trimarchi de Confessario abutente etc. Трактат., стр. 7, 10.—Genuæ, 1636).—Архив де Симанкаса, Inq., 1465. fol. 16.

[189] Trimarchi, стр. 10, 11.

[190] Буллар. Римлянин. III, 484.—Тримархи, стр. 14-18.

[191] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Библиотека. VIII авто, Этап 2, fol. 114.

[192] Ант. де Суза, Опус. приблизительно Конституция. Паули V, трактат. I, глава 20.

[193] Архив Симанкаса, Inq., Lib. 939, fol. 371.—Архив истории. национальный, *ubi supp.*

[194] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 940, fol. 212; Gracia y Justicia, Inq., Leg. 631, fol. 27.

[195] РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, Свод, S, 130.

[196] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Часть 1, № 6, fol. 274, 393.—Архив Симанкаса, Inq., Часть 1465, fol. 16.

Положение о домогательстве в Эдикте веры, опубликованном в Валенсии 24 февраля 1630 года, показывает это, а также способы, используемые для уклонения от технического определения преступления. "Или, независимо от того, обращался ли какой-либо исповедник или исповедницы, священнослужители или религиозные деятели любого положения, положения или состояния, в акте исповеди или непосредственно до или после него, или при случае или видимости исповеди, хотя нет возможности и исповедь не могла последовать, но в исповедальне или в любом месте, где делаются признания, или которое предназначено для этой цели, когда создается впечатление, что исповедь делается или выслушивается, обращался или пытался к кому-либо, побуждая или провоцируя их на грязные инепристойные действия, будь то между кающимся и исповедником". или других лиц, или вели с ними непристойные и недозволенные разговоры. И мы призываем и приказываем всем исповедникам увещевать своих кающихся, к которым, как они понимают, были обращены просьбы, об обязанности донести на поверенных этой Святой канцелярии, которая обладает исключительной осведомленностью об этом преступлении ". —Archivo hist. nacional, Inq. de Valencia, Библиотека 7 Autos, Этап 2, fol. 114.

[197] Архивная история. nacional, Inq. de Valencia, Библиотека 7 Autos, Этап 2, fol. 114.

[198] “Cuyo conocimiento pertenece al Santo Oficio de la Inquisition, sin embargo del Breve de la Santidad de Gregorio XV expedido en treinta de Agosto de 1622 años, por declaracion suya, para las Inquisiciones de los Reynos de su Magestad, toca privativamente el castigo de este delito al Santo Oficio y no á los obispos ni á sus vicarios, provisos ni ordinarios.”—Библия. nacional, Рукопись, D, 118, стр. 148.

[199] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 28, fol. 246; Lib. 890.

[200] Там же, библиотека 939, fol. 107; Библиотека 942, fol. 23, 31; Раздел 1465, fol. 16. Вряд ли стоит ссылаться на дику историю Гонсалеса де Монтеза (Inquis. история. artes detectæ, стр. 185), что в Севилью из-за этого поступило так много доносов, что двадцать секретарей и столько же инквизиторов не смогли разобрать их в течение отведенных тридцати дней и что потребовалось четыре продления срока.

[201] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 216, n. 60.

[202] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 1665, fol. 16; Lib. 939, fol. 107; Lib. 942, fol. 31.

[203] История архива. nacional, Inq. de Valencia, Часть 2, № 16, fol. 254.—Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 83, fol. 25.

Римская инквизиция с опозданием последовала примеру испанцев в указе 1677 года.—Berardi de Sollicitatione et Absolutione Complicis, стр. 6 (Фавентия, 1897).

[204] “La experiencia acredita que muchos contestes, singularmente mugeres y en causas de sollicitacion, nada declaran, ya por miedo, ya por vergüenza, ya por una falsa caridad, de que tiene el Santo Oficio freqüentes y lastimosas experiencias.”—Instrucion que han de guardar los Comisarios, n. 21.

[205] Архивная история. nacional, Inq. de Toledo, Раздел 227, № 7.

[206] Там же, Inq. de Valencia, участок 2, № 15.

[207] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 939, fol. 371.

[208] Библ. nacional, рукопись, B, 159, fol. 161-2. Различные рассуждения на эту тему см. в Rod. a Cunha pro, стр. Pauli V Statuto, Q. xix (Бенавенте, 1611).—Ant. de Sousa Opusc. около Конституции. Pauli V, трактат. ii, главы 7-10.

[209] Карточка. Cozza, Dubia selecta circa Sollicitationem, Дубляж. XLII (Lovanii, 1750).

[210] Архивная история. nacional, Inq. de Valencia, Этап 365, № 46.

[211] Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава XX.

[212] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 264.

[213] Архив де Симанкаса, Inq., стр. 1465, fol. 16. Рукопись библ. nacional de Lima, Protocolo 223, Exp^{te} 5270.

[214] Род. Кунья, Q. XIV, XV.—Ант. де Суза, Тит. I, глава 19.—Matteucci Cautela Confessarii, Lib. I, глава 5, № 3 (Венеция, 1710).—Козза, Дублированный. XVII.—Библия. nacional, Рукопись, V, 377, глава XX.

[215] Ант.-де-Суза, трактат. I, глава XV.

[216] Было много авторитетных специалистов по теории вероятности, которые считали, что тот факт, что такие действия, как поцелуи, пожатие рук, прикосновение к груди и т.д., Были совершены на исповеди, не переводит их из разряда простительных в разряд смертных грехов. См. Del Bene de Officio S. Inquis. P. II, Dub. 237, Раздел 3, п. 3 (Лугдуни, 1666). Ср. Cozza, Dub. III, п. 18.

В 1743 году между ригористами и иезуитами возник оживленный спор по поводу *Tammi маммиллари*, вызванный предложением отца Бенци С. Дж. о том, что поглаживание щек монахинь и прикосновение к их груди простительны, если не сопровождаются порочными намерениями.—Concina, Explicazione di quattro Paradossi, cap. 1 § 1 (Lucca, 1746).

[217] Козза, Дублированный. III, IV, V.—Франц. Bordoni Sacrum Tribunal Judicum, cap. XXIII, n. 53-61 (Romæ, 1648); Ejusd. Manuale Consultorum, Sect. XXV, n. 91 (Romæ, 1693).

[218] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 365, № 46, следующий. 26.

[219] Род. Кунья, Q. XVII.—Ант. де Суза, трактат. I, глава xiv.—Джо. Sánchez, Disputationes Selectæ, Disp. XI, № 43, 44 (Лугдуни, 1636).

[220] Род. Кунья, Q. XIV.—Ант. де Суза, трактат. I, глава xi.—Козза, Дубляж XXXVII.—Тримарчи, стр. 160. —Библ. nacional, рукопись, B, fol. 160.

[221] Trimarchi, стр. 145.—Cozza, Дубликат. XXXVIII.

[222] Парамо, стр. 886.

[223] Кунья, Q. IX, XI.—Де-Суза, трактат. Я, кэп. vi, vii, xvii.—Alberghini Manuale Qualificatorum, cap. XXXI, § 1, п. 10, 11, 17.—Trimarchi, стр. 193, 199, 201, 212.—Козза, Дубляж. IX, X, XI.—Руководство Бодони, раздел. XXV, № 169—Библия. nacional, Рукопись, V, 377, глава. XX, §§ 5, 10.

[224] История архива. nacional, Inq. de Valencia, Раздел 376.—Архив Симанкаса, Inq., Юридическая регистрация, A, 7, fol. 2 (Библиотека 1002, fol. 2).

[225] Наиболее важными из этих решений были—

3 В вымогательстве нет *парвитас матери*.

8 Когда домогательства взаимны, исповедник должен быть осужден.

9 Исповедник, уступающий домогательствам из страха, подлежит осуждению.

10 Ходатайство о других таинствах не подпадает под действие папских булл.

11 Подстрекательство к иным грехам, кроме плотских, во время исповеди не требует осуждения.

12 Когда исповедник восхваляет красоту кающегося, если похвала серьезна и без злого умысла, он не подлежит осуждению; если же нет, то подлежит.

13 Если исповедник, сидящий в исповедальне, домогается стоящей перед ним женщины без предложения исповеди, он, вероятно, не подлежит осуждению.

14 Духовник, который делает во время исповеди подарок кающемуся без злого умысла, не подлежит доносу; в противном случае он подлежит.—Берарди де Соллицитационе, стр. 5.

[226] Буллар. Роман. Т. VI, Приложение. стр. 1.

[227] Буллар. Бенедикти, стр. XIV, Т. I, стр. 23-4.

[228] Буллар. Римлянин. *ubi sup.*

[229] Буллар. Бенедикти, стр. XIV, лок. цит. по

[230] История архива. национальный, Inq. de Toledo, Часть 1; Inq. de Valencia, Часть 365, № 46.—Архив Симанкаса, Inq., библиотека 890.

[231] Дж. Sánchez Disputt. Select., Дисп. xi, п. 3, 4.—Хуан Санчес был одним из наиболее слабых моральных теологов семнадцатого века, некоторые из положений которого вызвали порицание папы, но этого не произошло. Хертер характеризует его как “in morum doctrina versatissimus”.—Номенклатурный богослов. Католик. I, 414.

[232] Ант-де-Суза, трактат. II, глава. XX.—Berardi de Sollicitatione, p. 129.—Il Consulente Ecclesiastico, Vol. IV, стр. 19 (1899).—С. Alph. de Ligorio Theol. Мораль. Книга. VII, п. 519. Подеста, однако, сообщает нам, что в его время в Неаполитанской епархии это право принадлежало епископу.—Examen ecclesiasticum, Т. II, № 601 (Венеция, 1728).

[233] Процесс против доктора Педро Мендисабаля (МИСС *пенес меня*).

[234] История архива. nacional, Inq. de Toledo, Статья 228, № 18.

[235] Там же, Inq. de Valencia, Leg. 365, п. 46, fol. 32.

[236] Берарди, указ. соч., стр. 36-7.

[237] Архив Симанкаса, округ Логроньо, Процессос-де-фе, Часть 1.

[238] Библ. nacional, рукопись, V, 377, загл. XXI, § 6.

[239] Там же, загл. XX, § 3.—Де Суза, Афоризм. Библиотека. I, глава xxxiv, № 40.—Альбергини, Человек. Квалификатор. глава xxxi, § 1, п. 19.

[240] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 1006, fol. 25.

[241] История архива. nacional, Inq. de Toledo, Раздел 227, № 4.

[242] Там же, Раздел 1.

[243] Там же, Inq. de Valencia, Раздел 4, п. 2, fol. 79.

[244] История архива. "насьональ", Чемпионат Толедо, этап 1; Чемпионат Валенсии, этап 66.

[245] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 942, fol. 23; Leg. 1465, fol. 16.

[246] Там же, библиотека 939, fol. 107; Библиотека 942, fol. 38; Раздел 1465, fol. 16.

[247] История архива. nacional, Inq. de Valencia, Часть 2, № 16, fol. 264.—Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 942, fol. 52.

[248] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 1465, fol. 16.

[249] Там же, библиотека. 890.

[250] Там же, библиотека 939, fol. 107; Библиотека 941, fol. 2; Часть 1465, фол. 16.—Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 2, № 16, fol. 254.

[251] Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 939, fol. 107; Библиотека 942, fol. 45; Раздел 1465, fol. 16.

[252] Парамо, стр. 875.

[253] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 1465, fol. 16.

[254] Там же, библиотека 939, fol. 342.—Де Соуза, Опус. около Конституции. Паули V, Трактат. II, главы 13, 21; Ejusd. Афоризм. Inquis. Библия. 1, глава. xxxiv, № 64, 65.—Альбергини, Мужчина. Уточнение. глава. xxxi, § 2, п. 3, 4.—Библ. национальная рукопись, V, 377, глава xx, 9. — Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, стр. 61; Inq. de Toledo, стр. 498.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 423.

[255] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 876, fol. 208.

[256] Человек Бодони. Consultorum, стр. 224, 232, 235. —Cp. Trimarchum, стр. 288-92.

[257] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 386-7.

[258] Козза, указ. соч., Дубляж XIV. Это все еще остается правилом. Смотрите Краткое изложение. Plenar. Americæ Latinæ, ann. 1899, Приложение, CXXXII, Т. II, стр. 761 (Рим, 1900).

[259] История архива. "насьональ", Инк. де Валенсия, Матч 299.

[260] Там же, Раздел 228, п. 24.

[261] Архив Симанкаса, Inq., Leg. 1473 (Cartilla de Comisarios, §§ ix, x).—Там же, Библиотека. 890, fol. 156.

[262] Там же, библиотека 83, fol. 25.

[263] РУКОПИСЬ Библ. nacional, de Lima, Protocolo 233, Exp^{te} 5270.

[264] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 1465, fol. 16.

[265] Парамо, стр. 879.

[266] Кунья, указ. соч., Q. XXIII.—Де Суза, указ. соч., Трактат. II, глава 12.

[267] Архив де Симанкаса, Inq., Раздел 552, fol. 1.

[268] Библ. nacional, MSS., V, 377, глава xx. — В современной практике, согласно правилам, изданным римскими инквизиторами в 1867 году, первый и второй доносы приводят только к наблюдению за обвиняемым, а третий необходим для оправдания действий.—Берарди, стр. 126.

[269] История архива. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 365.

[270] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 1002, fol. 2-4.—Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, часть 66; Inq. de Toledo, Часть 233, № 108, fol. 90, 97, 140, 181.

[271] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена 218^b, стр. 264.—Исторический архив. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 9, № 2, fol. 38.

[272] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 1002.

[273] Там же, Раздел 1465, fol. 16.

[274] Архив де Симанкаса, Inq., стр. 1465, fol. 16.Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 265.

[275] Архив Алькала, Гасиенда, Участок 544³ (Библиотека 4).

[276] Кунья, Q. XXIV.—Де-Суза, трактат. II, главы 16, 18, 21.

[277] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 552, fol. 6, 22, 23, 29.

В Риме была более здравая суровость. В 1626 году Конгрегация инквизиции оставила за собой определение наказания (Collect. Decret. Sac. Конгр. S. Officii, стр. 397—*ср. пеняет мне*). Примерно десять лет спустя Тримарх (*op. cit.*, стр. 302, 304) после перечисления наказаний, назначенных Григорием, добавляет, что на практике, если преступник только один раз домогался обычной женщины, достаточно лишения признания; если два раза, неоднократно, добавьте отстранение от священнических функций и, для регулярного, особенно если был скандал, вечное затворничество в монастыре или, для светского, вечное служение в больнице. Если кающаяся грешница - монахиня или жена магната, или среди них много женщин и много популярных скандалов, унижения или галер.

Хотя Григорий включал расслабление, Бенедикт XIV (De Synodo DiœCesana, Lib. IX, cap. vi, п. 7) говорится, что ни в одном случае, каким бы отягчающим обстоятельством он ни был, нельзя обнаружить, что было применено смягчение, и это повторяет Фрай Мануэль де Нахера в своем *Каноническо-моральном кодексе исповеди*. стр. 161 (Мексика, 1764).

[278] Библ. национальный, Рукопись, V, 377, глава xx.

[279] История архива. "насьональ", Inq. de Valencia, этап 290, фол. 80.

[280] Там же, Inq. de Toledo, раздел 229, п. 32.

[281] Там же, Раздел 1.

[282] Процесс против брата Эстевана Рамонеды (РУКОПИСЬ Am. Фил. Общество).

[283] Причина публичного излияния крови человека - загрязнение церкви.—Clericati de Virtute Pænitentice Decisiones, p. 214 (Vinetiis, 1706).

[284] РУКОПИСЬ Тринити-колледжа, Дублин, класс II, том. IV, стр. 63, 294.—Берарди, указ. соч., стр. 129. —Ср. Бенедикти, стр. XIV de Synodo Diœcesana, Lib. VI, глава xi, н. э.

[285] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.

[286] Ibidem, T. XI.

[287] Библия. nacional, рукопись, V, 377, глава. XX, § 8.

[288] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 876, fol. 32.

[289] История архива. nacional, Inq. de Toledo, Статья 231, № 70.

[290] РУКОПИСЬ Дэвида Фергюссона, эсквайра.

[291] История архива. nacional, Inq. de Valencia, Этап 365, № 45, fol. 4-12.

[292] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 387.

[293] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, Часть 4, n. 2, fol. 79.

[294] Архив Симанкаса, Inq., библиотека 1006.

[295] Исторический архив. национальный, Inq. de Toledo, Раздел 227, № 10; Раздел 228, № 28.

[296] Архив Симанкаса, Inq., библиотека 890.

[297] Архив Симанкаса, Inq., Visitas de Barcelona, этап 15, следующий. 5.

[298] Льоренте, История. критика, глава. XXVIII, ст. 1, п. 17.

[299] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.

[300] Доминиканский маэстро Альварадо в своей горячей защите инквизиции в 1811 году обращает внимание на тот факт, что в более поздний период ее существования кающиеся были в основном церковниками, потому что, во—первых, их богословие заставляло их высказывать компрометирующие утверждения; во-вторых, “порка соло для клеригос и фрейлес сын для исповеди и тодос сабен бьен бьен ло пелигросо де эсте материя и лос мучос ке эл хан науфрагадо”. -Картас дель Философ Рансио, I, 316 (Мадрид, 1824).

[301] История архива. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.

[302] Эти статистические данные собраны из различных регистров, охватывающих соответствующие части периода. Есть некоторые незначительные перерывы, которые позволили бы несколько увеличить совокупность, но несущественно. Смотрите Archivo hist. nacional, Inq. de Toledo, Раздел 233, № 108; Inq. de Valencia, Раздел 66.—Архив Симанкаса, Библиотеки 1002, 1003, 1004.

Возможно, есть некоторый интерес в описании соответствующих обязанностей различных классов и орденов духовенства по отношению к этим правонарушителям следующим образом:

Светские священники, каноники и т.д.	981
францисканцы, монахи и босоногие	552
Обсервантины	506
Капуцины	183
Вспоминает	56
Кармелитов	355
доминиканцы	288
августинцев	156
троечники	144
Mercenarians	131
иезуитов	92
Минимов	69
бенедиктинцы	35
Geronimites	30
Сан-Педро-де-Алькантара	29
Клеригуш Менорес	20
съезда. из Сан-Филиппо-Нери	20
бернардинцев (цистерцианцев)	20
Эскуэлас Пайас	16
базилианцев	16
S. Франсиско де Асис	5
летН.э. Сеньора де ла Витория	5
Ордена Сантьяго	4
Ордена Калатравы	3
Театинцев	3
Сервитов	3
Миссионеров	2
Агонизантов	2
Отшельников Святого Павла	2
Сан-Хуана	2
премонстратианцев	2
Бывших иезуита	2
картезианца	1
Святой Урсулы	1
Сан-Диего	1
Не указано	38

Сравнительно небольшое число иезуитов, которые так сильно посвятили себя исповеди, частично объясняется изгнанием Общества в 1767 году.

[303] Пучбланш, Тушь для ресниц "Инквизиция", стр. 422-5 (Кадис, 1811).

[304] Инструктировать. S. Запрос. Роман. 20 февраля 1867 г. (Собрание. Concil. Lacens. III, 353). —Берарди, указ. соч.

[305] A priest, who could speak from experience, concisely described, in 1820, the conditions produced by the system “En donde la doctrina infernal de la delacion tenia en una habitual consternacion á las familias y á los individuos que se correspondian con la mutua desconfianza que inspiraba el continuo recelo de encontrar en amigo, en el padre, en el hijo, en la esposa, un verdugo que armado con el puñal del fanatismo religioso contribuyese á los asesinatos naturales que solo Dios conoce y a los civiles que no son tan desconocidos.”—P Antonio Bernabeu, España venturosa, p. xvi (Madrid, 1820).

[306] У теологов был запас эпитетов, с помощью которых они характеризовали различные классы утверждений. Некоторые из наиболее распространенных, с их значением, приведены Альбергини (Man. Qualificator. cap. xii, n. 1-18) следующим образом:—

Еретический— тот, который противоречит католической истине.

Ошибочное— то, что прямо не противоречит вере, но какой-либо вывод, очевидно выводимый из веры.

Вкус к ереси— противоречие вере не из-за очевидных последствий, а из-за очень вероятных и морально определенных последствий.

Дурно звучащий- то, что имеет двойной смысл, один католический, а другой еретический, но обычно принимается в последнем.

Опрометчивость— то, что не управляется разумом и лишено всякого авторитета.

Скандальное или оскорбительное для благочестивых ушей— то, что дает повод другому человеку ошибиться, например: “еретиков следует терпеть, а не убивать”.

Раскольнический или мятежный— стремящийся нарушить единство Церкви.

Нечестивый— противоречащий католическому благочестию.

Оскорбительный— порочащий какую-либо христианскую профессию или выдающегося человека.

Богохульный—оскорбляющий Бога.

Симанкас (Энчирид., Тит. xxiv) приводит аналогичный список. Дандино ("О подозрениях Хереси", стр. 477-512) - более подробное изложение. Однако бранному словарю Церкви не было предела. Подборку дополнительных можно найти в булле *Auctorem fidei* Пия VI (1794), осуждающей янсенистский собор Пистойи.

[307] Память г-жи де Диверсиос Автос, Авто 27, № 10; Авто 37, № 5 (см. Приложение к тому I).

[308] Архив истории. nacional, Inq. de Toledo, Раздел 112, № 73.

[309] Д. Мануэль Серрано и Санс (Revista de Archivos, Abril, 1902, стр. 260-80). Этот Альваро де Монтальван был тестем Франсиско де Рохаса, автора "Селестины", который также был конверсо.

[310] Архив Симанкаса, Inq., Vistas de Barcelona, Этап 15, следующие 9, 20.

Высказывание Клеменцы Парезы, по-видимому, было популярной поговоркой. В 1572 году Родригес Руис был наказан за это на Канарах.—Ibidem, Canarias, Exp^{tes} de Visitas, Leg. 250, Lib. 3, fol. 8.

[311] Архив Симанкаса, Inq., Канарии, Exp^{tes} de Visitas, Библиотека 3, fol. 16-17.

[312] История архива. "насьональ", Инк. де Валенсия, Матч 30-го тура.

[313] Рохас де Эрет. П. I, № 2, 67, 96; П. II, № 310-13.

[314] Архив истории. "насьональ", Inq. de Valencia, этап 299, fol. 80.

[315] Рукописи Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.

[316] Разъяснения S. Officii, § 36 (Архив Алькалы, Гасиенда, Закон. 544², Библиотека. 4).

[317] C. Trident Sess. XXIV, De Statu Matrimonii, can. 10.—“Si quis dixerit statum conjugalem anteponendum esse statui virginитatis vel cœlibatus et non esse melius ac beatius manere in virginitate aut cœlibatu quam jungi matrimonio: anathema sit.”

[318] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.

[319] История архива. "насьональ", Inq. de Valencia, этап 299, fol. 80.

[320] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 926, fol. 25.

[321] Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава 2.

[322] Исповедь С. Антонини.

[323] Архиво-де-Симанкас, Гасиенда, участок 25, фол. 3.

[324] Там же, Inq., Sala 40, Lib. 4, fol. 264.

[325] Schäfer, Beiträge, II, 324.

[326] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 787.

[327] Там же, Библиотека 82, fol. 228; Библиотека 939, fol. 108; Библиотека 942, fol. 38. Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 168.

[328] Библ. nacional, рукопись, S, 121, fol. 54.—Архив Симанкаса, Inq., Leg. 1157, fol. 155.

[329] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.

[330] Библ. национальный, рукопись, стр. 3, № 20. —Исторический архив. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 99; Этап 2, № 10.

[331] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 939, fol. 342; Раздел 552, fol. 1. Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 260.

[332] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 926, fol. 25; Библиотека. 1002.—Архив истории. "насьональ", Inq. de Toledo, Этап 1. —МИСС *пенес меня*.

[333] Хертер, Номенклатурный богослов католический, I, 158. —Ник. Antonii Bibl nova, a.v. *Ludovicus de Leon*.—Greg. Майя и Сискар, Вида дель М. Луис де Леон, № 37.—Тикнор, История испанской литературы, II, 87, 89 (Изд. 1864).

Существует значительное количество литературы на тему неприятностей отца Луиса с инквизицией. Протоколы его первого судебного процесса, исключая излишества, занимают 925 страниц в томах. X и XI из *Коллекции международных документов*. Его второй судебный процесс увидел свет совсем недавно, с предисловием падре Франсиско Бланко Гарсиа, Мадрид, 1896. *Fray Luis de Leon. Eine Biographie aus der Geschichte der spanischen Inquisition u. "Kurхе"* (Галле, 1866) доктора К. А. Уилкенса представляет собой красноречивый и сочувственный отчет о его карьере, в то время как книга доктора о. Генриха Ройша "*Луис де Леон и испанская инквизиция*" (Бонн, 1873) представляет собой научное исследование этого дела, насколько позволяют доступные в то время документы. Лис. Аранго и Эскандон опубликовал "*Процесс П. М. Луиса де Леона*" (Мексика, 1856, переработан и дополнен в 1866 году), в котором он оправдывает как инквизицию, так и страдальца. Последний вклад в эту тему, основанный на дополнительных документах, внес доминиканец Фрай Луис Г. Алонсо Гетино в *Revista de Archivos* (1903-4) в "Оправдании инквизиции". Падре Бланко также написал *биографическую критику отца Луиса де Леона*, с которой у меня не было возможности ознакомиться. Старое соперничество между доминиканцами и августинцами, похоже, все еще живо.

[334] Комментарий Азпилкуэты. Колпачок. *Si quis autem*, n. 44-47.—Coleccion de Documentos, X, 193; XI, 276.

[335] Список, X, 261; XI, 256, 259.

[336] С. Трезубец. Сессия. IV, Правка. et Usu SS. Libb.

[337] Список, X, 115, 129.

[338] Там же, X, 102, кв.

[339] Coleccion, X, 96-110.

[340] Там же, X, 179.

[341] Там же, X, 206-8.

[342] Coleccion, X, 249; XI, 255-84.

[343] Записи об этом в процессе нет, но Фрай Луис неоднократно ссылается на это как в трибунале, так и в Верховном суде, и в ней нет отказа от ответственности.—Coleccion, XI, 48, 190, 196.

[344] Coleccion, X, 562-7; XI, 7-18, 21-128.

[345] Там же, XI, 164-86.

[346] Coleccion, XI, 187-253.

[347] Там же, XI, 351-3.

[348] Coleccion, XI, 353-8.—Брат Луис приписал эту неожиданную милость влиянию генерального инквизитора Кироги, которому в 1580 году он посвятил свое Изложение XXVI Псалма с теплыми выражениями благодарности.—García, Segundo Proceso, p. 17.

[349] Coleccion, XI, 147.

[350] Coleccion, XI, 50, 52.

[351] Там же, XI, 188, 193-4.

[352] Там же, XI, 196-8.

[353] Реуш, 113-14.—Аранго и Эскандон, стр. 91.—Падре Алонсо Гетино (Revista de Archivos, Август-сентябрь 1903 г.) обещает рассказать нам о судебном процессе над Мартинесом, которого вынудили отречься от престола *де леви* (Менендес и Пелайо, II, 693).

Леон де Кастро разнообразил свое преследование Луиса де Леона, Грахаля и Мартинеса нападениями на великую Королевскую библию, которую Ариас Монтано, самый образованный испанец того времени, редактировал по просьбе и при поддержке Филиппа II. После ее появления с одобрения Святого Престола де Кастро в 1575 году в своем рвении к Вульгате наполнил Испанию, Фландрию и Италию доносами на нее и ее редактора. Монтано, находившийся во Фландрии, поспешил в Испанию через Италию, чтобы защитить себя, но, обнаружив большое волнение по этому поводу в Риме, задержался там и написал Кироге с просьбой защитить его — призыв, который он повторил в 1579 году. Он не подвергся судебному преследованию, но инквизиция отклонила его библейские комментарии и внесла в Индекс длинный список исключений, помимо осуждения некоторых его положений — к счастью для него, спустя долгое время после его смерти.—Собрание документов, XLI, 316, 321, 328, 387.—Указатель Сапаты, 1632, стр. 86-89.

[354] Гарсия, Второй Процессо, стр. 20-23, 29-30.

[355] Там же, стр. 20-1, 26-7, 44.

[356] Гарсия, стр. 28-35.

[357] Там же, стр. 52-4.

[358] Там же, стр. 53.

[359] Существующие протоколы судебных процессов над Санчесом напечатаны в Vol. II из “Коллекции международных документов”.

Единственное из его произведений, с которым я имел возможность ознакомиться, - это его “Минерва” (Salmanticæ, 1587), которая в достаточной степени иллюстрирует его способность оживлять детали этимологии и синтаксиса своим едким утверждением о превосходном знании.

- [360] Сборник, II, 1-37.
- [361] Там же, II, 40-45.
- [362] Сборник, II, 40-58.
- [363] Сборник, II, 57-88.
- [364] Там же, II, 89-109.
- [365] Сборник, II, 109-26.
- [366] Там же, II, 127-8.
- [367] Там же, II 130-5.
- [368] Сборник, II, 136-65.
- [369] Процесс борьбы с братом Джозефом де Сигуэнса (Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, т. IV).
- [370] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 552, fol. 1.
- [371] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.
- [372] Порядок действий, фол. 67 (Библ. nacional, рукопись, D, 122).
- [373] История архива. национальный, Квартал, Этап 1.
- [374] Архивная история. "насьональ", Inq. de Valencia, этап 45, fol. 13-33.
- [375] РУКОПИСЬ Утра. Философское общество.
- [376] История архива. "насьональ", Инк. де Валенсия, Этап 100.
- [377] История архива. "насьональ", Инк. де Валенсия, Этап 100.
- [378] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 890; Библиотека 435².
- [379] Там же, библиотека. 890.
- [380] Мариана, Hist. de España, Lib. VI, n. 75.—José Amador de los Rios (Revista de España, XVII, 388).
- [381] Флорес де лас Лейес (Мемориал истории. español, II, 243).
- [382] Partidas, П. VII, Раздел ix, лей 17; Раздел xxiii, листы 1, 2, 3.
- [383] Amador de los Rios, *op. cit.*, XVII, 382, 384-5.
- [384] Ibidem, XVIII, 14.
- [385] Флорес, Собор Святой Софии, XLIX, 188, 504.
- [386] Анализ итогов дела совести, Р. I, Lib. i, Тит. 14.

[387] Рейнальд. Летопись, ann. 1317, № 52-4; ann. 1318, № 57; ann. 1320, № 51; ann. 1327, № 43.—Буллар. Римский. I, 204. —Рипол, Буллар. Ord. Традиция. II, 192.

[388] Орденансас Реалес, VIII, iv, 2.

[389] Ibidem, VIII, i, 9.

[390] Новизна. Копия. Библиотека. XII, Тит. iv, лей 2.

[391] Законодательные документы Мухамеданы, стр. 143, 251 (Память. español, Tom. V).—Bleda, Corónica, p. 1025.

[392] Вильянуэва, Литературный сборник, XX, 190.—Директор Эймерики, стр. 202 (Изд. Венет. 1607).

[393] Пулгар, Кроника, П. II, глава iv.

[394] Новая редакция, Библиотека. VIII, Тит. iii, лей 7.

[395] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 3, fol. 156, 158, 170, 186; Lib. 927, fol. 446.

Сторонами в этом деле, несомненно, были Гарсия де Горуалан и Мартин де Сория. Расслабленные лично, а также Мигель Санчес де Ромераль в образе *эрехеса сортилегоса*, 16 июня 1511 года в Сарагосе. —Libro Verde (Revista de España, CVI, 576, 581, 582). До этого несколько женщин были сожжены как ведьмы, как мы увидим ниже.

[396] Прагматика и другие проблемы Каталонии, Библиотека. I, Тит. viii, глава i, § 34; глава 2.

[397] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 918, fol. 382.

[398] Libro Verde de Aragon (Revista de Aragona, CVI, стр. 575, 582).

[399] Льоренте, История. критическая глава. XV, ст. 1, п. 21.

[400] Защита прав человека, Р. I, глава i, № 14.

Эта книга - испанская классика на эту тему. Маэстро Педро Сируэло тридцать лет служил инквизитором в Сарагосе и был профессором в Алькала. Его работа появилась в Саламанке в 1539 году, где была переиздана в 1540 и 1556 годах и снова в Барселоне в 1628 году с примечаниями ученого врача Педро Антонио Жофреу по просьбе Мигеля Сантоса, епископа Сольсоны.

[401] Рейнальд. Летопись., ann. 1258, № 23.—Поттаст, Регеста, № 17,745, 18,396.—Lib. V в Сексте, Тит. ii, с. 8, § 4.

[402] Д'Аржантре, забрать. джудик. de novis Erroribus, I, II, 154.

[403] Урочище бассейна реки Бернарди. de Artibus magicis, Concl. I-X.

[404] Репертор. Inquisit. s. v. *Sapere hæresim post v. Hæresiarcha*—Pegnæ Comment. Директор LXVII в Америке. П. II.

[405] Рипол, Буллар. Ord. Prædic., III, 301. —Ср. Alph. de Castro de justa Hæreticor. Наказание, Либ. I, глава 13.

[406] Симанс де Кат. Institt., Tit. XXX, № 20, 21; Тит. LXIII, № 12.—Ср. Альфонс. de Castro, *loc. cit.*, сар. 14, 15.

[407] Библ. pública de Toledo, Sala 5, Estante 11, Tab. 3.—Archivo de Simancas, Inq., Visitas de Barcelona, Leg. 15, fol. 20.

[408] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека. 726.

[409] Библ. национальный, РУКОПИСЬ, фото, 3, № 20.

[410] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. I.—Catálogo de las causas seguidas ante el tribunal de Toledo, стр. 84, 326 (Мадрид, 1903).

Мендо говорит нам (Воплощение морального мнения, Прил. de Matrimonio, п. 4) о подобных случаях, когда несчастные были сожжены.

[411] Торребланка, Воплощение Деликатной магии, Библиотека. II, глава ix.

Первое издание этого труда появилось в Севилье в 1618 году. Мой экземпляр написан в Лионе, 1678 год.

[412] Т. Санчес в библиотеке Præcepta Decalogi. II, глава xl, № 13.

[413] Добавить ссылку. в Eymerici Director., стр. 142.

[414] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. IV, fol. 118, 124, 137; Lib. V, *passim*.— Archivo de Simancas, Gracia y Justicia, Leg. 629.

The clause reads—“necnon de hæresi seu apostasia de fide suspectos, sortilegia manifestam hæresim sapientia, divinationes et incantationes aliaque diabolica maleficia et prestigia committentes, aut magicas et necromanticas artes exercentes, illorumque credentes, sequaces, defensores, fautores et receptatores.... per te vel alium seu alios prout juris fuerit inquirendi, procedendi et exequi seu inquiri, procedi et exequi faciendi.”

[415] Torreblanca, Библиотека. III, глава. ix, Приложение.; Защита, глава. ii, стр. 536. — Исторический архив. "насьональ", Inq. de Valencia, этап 299, fol. 80.

Бык, однако, не был принят в Валенсии до 1616 года.—Там же, Раздел 6, п. 2, fol. 56.

[416] Торребланка, загл. IX, п. 25-26.

[417] Новая редакция, библиотека. VIII, Тит. iii, ley 8.—Novís. Копия., Библиотека. XII, Тит. V, лей 2.

[418] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.

[419] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 552, fol. 37.

[420] Там же, Библиотека 52, fol. 48.

[421] История архива. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 1, № 3, следующие 14-15.

- [422] Защита прав человека, П. II, глава iii.
- [423] De Cath. Institt. Синица. XXI, № 9; Тит. LXIII, № 7.
- [424] Реуш, Индексы штампов, стр. 217, 225, 227, 236, 239.— Две запрещенные книги - это "*Тайна рождения после смерти фаталиса*" и "*Иоганн Шонерус из книги о рождении*".
- [425] Córtes de Cordova del año de setenta, Peticion 71 (Alcalá, 1575).
- [426] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 1157, fol. 17-20.
- [427] Указатель Кироги, правило IX (Мадрид, 1583, следующий раздел 4).
- [428] Занкторнато, Relatione della Corte di Spagna, стр. 6, 7 (Cosmopoli, 1678).
- [429] Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава xiv, § 1.
- [430] Там же, D, 118, стр. 148.
- [431] Архивная история. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.
- [432] Там же, Inq. de Valencia, Стр. 100.—Ср. Bedæ Opera, Изд. Migne, I, 963-66.
- [433] Praxis procedendi, глава xviii, № 3 (Архив истории. nacional, Inq. de Valencia).—Библия. nacional, рукопись, S, 294, fol. 116.
- [434] Судебный процесс против Изабель де Монтойя (МИСС *пеняет мне*).
- [435] Praxis procedendi, загл. VIII, № 5 (Архив истории. nacional, Inq. de Valencia).
- [436] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 382.
- [437] Матуте и Лукен, стр. 84-105.
- [438] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.
- [439] Защита прав человека, Р. I, сар. ii; П. II, глава i; П. III, глава v.
- [440] Воплощение деликатеса, Библиотека. III, глава i, п. 1-6.
- [441] Мигель Кальво (Архив Алькалы, Гасиенда, Лег. 544², Библиотека 4).—Разъяснения священных писаний, §§ 40, 43 (там же).
- [442] Архив истории. национальный чемпионат, Inq. de Valencia, этап 2, № 7, следующие 4, 7; № 10, следующие 10-13.
- [443] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 552, fol. 11, 13.
- [444] Там же, стр. 26, 28, 29.
- [445] История архива. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 2.
- [446] РУКОПИСЬ Библ. nacional de Lima.
- [447] РУКОПИСЬ Дэвида Фергюссона, эсквайра.

[448] Положение о государственной службе в пело-Кардеаль-да-Кунья, стр. 118-20, 123-7.

[449] Льоренте, Аналес, II, 270.

[450] Архив истории. "насьональ", Инк. де Валенсия, Этап 100.

[451] Процесс против Розы Конехос (МИСС *пенес меня*).

[452] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 890.

[453] История архива. "насьональ", Inq., Валенсия, Этап 100.

[454] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 890; Библиотека 559.

[455] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Т. I.—Архив истории. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.

[456] Королевская библиотека Берлина, стр. 9548.—Матуте и Лукен, стр. 278-92.

[457] Архив истории. "насьональ", Инк. де Валенсия, Этап 100.

[458] Амадор де лос Риос (*Revista de los Rios*, XVIII, 338-40). See also Menéndez y Pelayo, *Heterodoxos Españoles*, I, 237.

[459] П. Рикардо Каппа, Испанская инквизиция, стр. 242 (Мадрид, 1888).

Отец Каппа лишь излагает веру, которой до сих пор учит Церковь. См. S. Alpha. Лигуори, *Theol. Мораль*, Lib. III, Дубликат V, и Марк, *Альфонсианские институты морали*, I, 396-7 (Рим, 1893).

[460] Самое раннее появление Шабаша в записях инквизиции, по-видимому, относится к некоторым судебным процессиям между 1330 и 1340 годами в Каркассоне и Тулузе, где он любопытным образом связан с остатками дуализма катаров.—Hansen, *Zauberwahn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter*, p. 315 (München, 1900).

[461] Рейнальд. *Летопись.*, 1437, № 27; 1457, № 90; 1459, № 30. —Рипол, Буллар. *Ord. Традиционный*. III, 193.—Буллар. *Римлянин*. I, 429.—Декрет Септими, Lib. V, Тит. xii, глава 1, 3, 6.—Барт. *Spinæi de Strigibus*, p. 14(Romæ, 1576).

[462] Фрагмент. Капитул. глава 13 (Балуз, II, 365).—Регинон. *de Eccles. Ученик*. II, 364.—Берчард. Декрет. XI, i; XIX, 5. —Ивон. Декрет., XI, 30.—Грациан. Декрет. II, XXVI, V, 12.

[463] Исповедь С. Антонини.—*Angeli de Clavasio Summa Angelica*, s. v. *Interrogationes*.—Барт. *de Chaimis Interrogatorium*, fol. 22 (Venetiis, 1480).

[464] Hansen, *Quellen und Untersuchungen, zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter*, pp. 105-9 (Bonn, 1901).

[465] *Fortalicium Fidei*, Библиотека V, см. X.—Хансен, *указ. соч.*, стр. 113-17.

[466] Мартини де Арль, *Трактат о суевериях*, стр. 362-5, 413-15 (Франкофурти ад Моенам, 1581).

Хансен (*указ. соч.*, стр. 308) говорит, что Мартин Арийский известен только по этому трактату, первое издание которого датировано 1517 годом. Мартин не ссылается ни на какие авторитетные источники позже Джона Нидера, который умер в 1438 году, и не делает никаких

намеков на инквизицию, чего он вряд ли мог бы не сделать, если бы она существовала, когда он писал. Его работу, вероятно, можно отнести к третьей четверти пятнадцатого века.

[467] Бассейн Бернарди, урочище. de Magicis Artibus, Prop. IX.

[468] Реперт, Инквизитор, с. против *Хоргины*.

[469] Алонсо де Спина, однако (*лок. цит.*), не знает ни о каких собраниях Шабаша ближе, чем Дофини и Гасконь, и о них он узнал по изображениям их в инквизиции в Тулузе, которая сожгла многих из тех, кто имел к ним отношение.

[470] Libro Verde de Aragon (Revista de Aragona, CVI, 573-6, 581-3).

[471] Льоренте, Аньялес, I, 340; История. критерий, глава. XXXVII, статья. ii, п. 41.

[472] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 72, P. I, fol. 120; P. II, fol. 50.

[473] Обр. Albertini de agnoscendis Assertionibus, Q. XXIV, n. 13 (Romæ, 1572, fol. 114).

[474] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 73, fol. 215.

[475] РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, архив, стр. 130.

[476] О бесчеловечных методах, используемых для получения признания вины и осуждения на основе самых надуманных доказательств, читайте в очень поучительном эссе профессора Джорджа Берра "Судьба Дитриха Флейда" (Нью-Йорк, 1891), перепечатанном из "Трудов Американской исторической ассоциации".

[477] Маллей Малификар, P. I, Q. xiv; P. II, Q. i, C. 3, 16.—Приериат. de Strigimagarum Lib. III, глава 3.

Правило о том, что еретик или вероотступник, признавшийся и отрекшийся, должен быть допущен к примирению, лежало в основе стремления светских магистратов сохранить свою юрисдикцию в отношении колдовства, и отношения между ними и инквизицией были предметом многочисленных споров. Арн. Альбертино утверждает, что инквизиция не может проводить различия между ведьмами, совершившими убийство, и теми, кто не совершал его; все они должны быть примирены, но могут снова быть обвинены в убийстве перед компетентным судьей; однако инквизитор, чтобы избежать нарушений, не должен передавать светскому суду признания и доказательства, а также не должен упоминать об этих преступлениях в приговорах, поскольку это направило бы судью по ложному следу.—De agnosc. Assertionibus, Q. XXIV, n. 28, 66, 67, 68, 70, 72, 75.

[478] РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, архив с. 130.—Archivo de Simancas, Inq., Lib. 78, fol. 216.

[479] Библия. национальный, Рукопись, II, 88.—Рукопись Бодлианской библиотеки, свод, стр. 130.

Этот документ можно с уверенностью считать источником, из которого Пруденсио де Сандовал, сам епископ Пампелуны и историограф Карла V, черпал свой отчет о преследованиях 1527 года (Hist. del Emp. Карлос V, Библиотека. XVI, § 15) скопировано Льоренте (История. критик., загл. XV, ст. 1, п. 6-9).

[480] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 76, fol. 51, 53.

Кажется, что несколько ранее было преследование бискайских ведьм со стороны отца Хуана де Зумарраги, уроженца Дуранго. По предложению Карла V, который им очень восхищался, он был направлен туда с этой целью в качестве комиссара инквизиции, поскольку обладал особой квалификацией благодаря знанию местного языка. С большим мастерством выполнив этот долг, Карл в 1528 году отправил его в Мексику в качестве ее первого епископа. Он взял с собой отца Андреса де Ольмоса, который был его помощником в Бискайе. В 1548 году в возрасте 80 лет он умер, благоухая святостью, и в тот же день о его смерти чудесным образом стало известно по всей Мексике.—Мендьета, История. экз. Индиана, стр. 629, 636, 644 (Мексика, 1870)

[481] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 939, fol. 108.

[482] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 76, fol. 369.

[483] Ibidem, fol. 388.

[484] Обр. Albertini de agnosc. Assertionibus, Q. XXIV.—Alph. de Castro de justa hæreticor. Наказание, Либ. I, глава xvi.

[485] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 78, fol. 144.

[486] Архив де Симанкаса, Inq., Sala 40, Lib. 4, fol. 191-5.

[487] Там же, Библиотека 78, fol. 215-17, 226, 258.

[488] Защита прав человека, P. I, cap. ii, № 6; П. II, глава i, № 5-7.

[489] De Cath. Institt., Tit. XXXVII, п. 6-12.

С другой стороны, Аспилькуэта придерживается теории иллюзии и утверждает, что вера в то, что ведьмы попадают на Шабаш, является смертным грехом. —Руководство по исповеди, глава. XI, п. 38.

Кардинал Толетус утверждает о телесном перемещении ведьм и всех ужасах Шабаша, но добавляет, что иногда это мнимо. Демоны обладают способностью внедрять ведьм в дома через закрытые двери, где они убивают младенцев.—Summæ Casuum Conscientiæ, Lib. IV, глава XV.

[490] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I. — Этот случай не является беспрецедентным. В 1686 году сестра Тереза Габриэль де Варгас, по воспоминаниям бернардинки, обвинила себя в том же преступлении перед мадридским трибуналом, но, поскольку она добавила отрицание силы Божьей, она примирилась с ересью.—Архив Симанкаса, Inq., Lib. 1024, fol. 31.

Еще более знаменательным является случай с сестрой Розой де Сан-Джозеф Барриос, клирикой монастыря Сан-Диего, Гарачико, Канарские острова, женщиной 25 лет, которая в июле 1773 года на сакраментальной исповеди перед братом Николасом Перазой рассказала, как из желания удовлетворить свою похоть она отдалась сатане в письме, которое исчезло из ее руки, и по его приказу отреклась от Бога и Пресвятой Девы и обошлась с освященным воинством и распятием самым отвратительным образом. В награду за это в течение четырех лет он служил ей инкубом, приходя по ее зову примерно два раза в месяц. Фрай Переза обратился в

трибунал за разрешением отпустить ей грехи, которое было удовлетворено, и 15 августа он сообщил, что сделал это, с более полными подробностями относительно ее отступничества. Затем трибунал решил, что он превысил свои полномочия; очевидно, он не рассматривал это дело как галлюцинацию, поскольку потребовал от нее официального примирения и предписал курс пожизненного духовного покаяния, которое она с благодарностью приняла. Инцидент, который нелегко объяснить, заключается в том, что епископ лишил брата Перазу права выслушивать исповеди.—Берч, Каталог рукописей инквизиции на Канарских островах, I, стр. 21; II, стр. 922-30.

[491] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 927, fol. 462.

[492] Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 79, fol. 226; Inq. de Logroño, Procesos de fe, Раздел 1, n. 8; Sala 40, Библиотека 4, fol. 221.

[493] Архив Симанкаса, Патронато Реал, Легион унико, fol. 86, 87; Inq., Lib. 83, fol. 7.

[494] Ibidem, Lib. 83, fol. 1.

[495] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. I.—Библ. nacional, рукопись, D, 111, fol. 127.—См. Приложение.

[496] Archivo de Simancas, Inq., Visitas de Barcelona, Leg. 15, fol. 5.

[497] Архив Симанкаса, округ Логроньо, участок 1, Процесос-де-фе, № 8.

[498] Там же, Часть 1, Процесс о фе, № 8; Библиотека 19, фол. 85.

[499] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 19, fol. 85.

[500] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека. 564, fol. 341, 343.

[501] Описание этого автомобиля, а не официальный отчет, было напечатано в Логроньо в 1611 году, копия которого находится в Библ. nacional, D, 118, стр. 271. Она была переиздана в Кадисе в 1812 году и снова в Мадриде в 1820 году с примечаниями Моратина эль Хиджо под псевдонимом Бахиллер Гинес де Посадилья (Menéndez y Pelayo, III, 281). В рукописи Бодлианской библиотеки, Arch Seld, есть еще один реферат об автомобиле, составленный на основе различных источников Педро из Валенсии. А, подпункт 10.

Пьер де Ланкр из Бордо в своей современной книге о колдовстве предполагает, что вспышка в Наварре была вызвана бегством ведьм из фонда оплаты труда, который он и его коллега очистили с беспощадной суровостью. Он комментирует разницу, показанную в деле Логроньо, между инквизиционной практикой в Испании, где преступление рассматривалось как духовное, и те, кто сознался и раскаялся, были допущены к примирению, и практикой Франции, где это было преступление, и те, кто сознался, были сожжены светскими властями.—Pierre de Lancre, Tableau de l'Inconstance des mauvais Angels et Demons, pp. 391, 561-2 (Paris, 1613).

[502] Archivo de Simancas, Inq. de Logroño, Leg. 1, Procesos de fe, n. 8.

[503] Это выступление не было напечатано, но было распространено в двух экземплярах у г-жи Николас Антонио (Биб. нова, II, 244). Один находится в архиве Симанкаса, библиотека. 939, fol. 608, а другой - в Бодлианской библиотеке. Архив Seld. А, подпункт 10.

[504] Наиболее плодотворным источником улик против отдельных лиц был тот, который был получен путем требования от тех, кто сознался, перечислить лиц, которых они видели в аквеларесе. Это объясняет огромное количество обвиняемых во время эпидемий повального увлечения колдовством. Ценность таких доказательств была спорным вопросом, поскольку утверждалось, что демон часто вызывал обман, заставляя призраков появляться в облике отсутствующих лиц.

[505] Archivo de Simancas, Inq. de Logroño, Leg. 1, Procesos de fe, n. 8.

В Королевской библиотеке Копенгагена (MS. 218^b, стр. 379) есть напечатанный четырехстраничный набор инструкций для уполномоченных по получению признаний и свидетельских показаний относительно колдовства. Оно находится в соответствии с вышеизложенным, но содержит множество подробностей относительно допросов, которые должны быть проведены после тщательной записи признания или дачи показаний под присягой — своего рода перекрестный допрос, явно наводящий на мысль о полном недоверии. На нем нет даты, но типография, похоже, семнадцатого века.

[506] Архив Симанкаса, Inq., библиотека 30, fol. 1.

[507] Архив де Симанкаса, Inq., Раздел 552, fol 1.

[508] Архиво де Симанкас, Inq., стр. 552, fol. 26, 28.

[509] Воплощение деликатеса, Библиотека. II, глава xxviii, xxxix, xl; Библиотека. III, глава. xiii.

[510] Там же, Defensa, стр. 517; загл. ii, п. 4, 7.

[511] Защита прав человека, стр. 251-63 (Ред. 1628).

[512] Руководство по квалификации, глава xviii, раздел 3, § 9.

[513] Библия. nacional, рукопись, V, 377, глава. xiii, §§ 1, 2.

[514] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 17.

[515] Elucidaciones S. Officii, § 42 (Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544², Lib. 4).

[516] Архив де Симанкаса, Inq., стр. 552.

[517] История архива. nacional, Inq. de Toledo, Раздел 1.—Королевская библиотека Берлина, Кв. 9548.

[518] Архивная история. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 390.

[519] Там же, Раздел 365, № 45, следующий. 34.

[520] Там же, стр. 100.

Некоторые авторы утверждают, что женщина была сожжена как ведьма в Севилье в 1780 году, но это ошибочная ссылка на Марию де Долорес, осужденную там в 1780 году за молинизм (выше, стр. 89).

[521] Картас дель Филос рансио, II, 493.

[522] Предложение напечатано братом Михаэлисом в конце его "*Пневматологии*" (Париж, 1587).

[523] Раггуаль для смертной казни в Салесбурге, стр. 173 (Венеция, 1751).

[524] Собирать. Декрет. С. Конгр. S^{ti} Inquisit., стр. 333 (МИСС *пеняет мне*).— Декрет. S. Конгр. S. Inquisit. стр. 385-88 (Библи. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo Camerale, Congr. официальное дело, Том 3).

Инквизитор Милана не принимал участия в судебных процессах над теми, кого обвиняли в возникновении и распространении ужасной эпидемии 1630 года с использованием мазей и порошков, предоставленных демоном. Его единственным поступком был отрицательный ответ на вопрос, законно ли использовать дьявольские искусства для спасения города. Безрассудные судебные преследования и жестокие наказания были полностью делом рук гражданской магистратуры. —Оригинальный процесс Унтори (Милан, 1839).

Эпидемия не распространилась на Испанию, но паника распространилась, что привело к самым экстравагантным мерам предосторожности против всех иностранцев. —РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, архив Seld. A, подпункт 11.

[525] Декрет. S. Конгр. S. Inquis., *ubi supp.*

[526] Декрет. S. Конгр. S. Inquis., *ubi supp.*

[527] Грегори. СТР. XV, Конст. *Omnipotentis Dei*, 20 Mart. 1623 (Bullar. Римлянин., III, 498).

Урбан VIII был столь же жесток в 1631 году, предписав послабление любому, кто будет консультироваться с прорицателями или астрологами о состоянии христианской республики или жизни папы римского или любого из его родственников третьей степени (Bullar. IV, 184).

Вероятно, именно под этим предлогом инквизиция в 1634 году смягчила наказание Джачинто Чентини и двум его сообщникам и приговорила еще четверых к галерам. Он был племянником кардинала Асколи и получил от прорицателя предсказание, что Урбан умрет через несколько лет и ему наследует его дядя. Чтобы ускорить свершение, были изготовлены восковые фигурки, изображающие Урбана, которые были расплавлены. Чентини, как дворянин, был обезглавлен, а двое его самых виновных сообщников были повешены, прежде чем их сожгли. — Королевская библиотека Мюнхена, Cod. Итал. 29, fol. 104-18.

[528] Предварительная инструкция по лечению *causis Strygum*, включая аннотацию к *Carenæ* (*Carenæ Tract. de Off. SS. Inquisit.*, Лугдуни, 1669, стр. 487 кв.м). Комментарии Карены показывают, насколько отличалось отношение к этим случаям в Италии от практики за Альпами.

Смотрите также правило Мазини, запрещающее принимать меры по доносу тех, кого видели на Шабаше.—Священный арсенал, *Decima Parte*, № 141.

[529] Ристретто, посвященное частому употреблению С. Оффицио, стр. 57-9 (СР. *пенес меня*).

[530] Казус совести Бенедикта XIV, декабрь 1743 г., Кас. iii (Ferrariæ, 1764, p. 155).—*De Servorum Dei Beatificatione*, Lib. IV, П. i, глава 3, п. 3.

[531] С. Альфонси Лигуори Теол. Моралис, Библиотека. III, п. 26.

[532] Сетевой адаптер. Remigii Demonolatreiæ Libri Tres. Двоеточие. Agrip. 1596.

[533] Г. Плитт Хенке в "Реальной энциклопедии", VI, 97.

[534] Pierre de Lancre, Tableau de l'inconstance des mauvais Anges, pp. 114, 119 (Paris, 1613).

Де Ланкр был ученым советником парламента Бордо, а его коллегой по комиссии был президент Испании. Поучительно заметить, что пока он составлял свой потрясающий отчет о том, каким образом они усилили увлечение колдовством, пока церкви по ночам не заполнялись детьми, которых приносили туда их матери, чтобы предотвратить их увод в аквелларес (стр. 193), инквизитор Салазар по другую сторону Пиренеев гасил это простым рациональным способом.

[535] Роджерс, Шотландия, Общество и быт, стр. 302. (Лондон, 1869).

[536] Комментарии, IV, 60 (Оксфорд, 1775).

[537] Lettres à un Gentilhomme Russe, Let. I.—“L’Inquisition est un instrument purement royal; it est tout entier en la main du roi, et jamais il ne peut nuire que par la faute des ministres du prince.”

[538] “Sie ist kein kirchliches, sondern ein Staats institut, theilweise mit kirchlichen Formen.” (Gams, Die Kirchengeschichte von Spanien, Buch XIII, Kap. 1, § 3.) “Das neue Herrscherpaar ... gestaltete die Inquisition zu einem wichtigen Staatsinstitut.” (Hergenrother, Handbuch der Kirchengeschichte, II, 765. Freiburg, 1885).

[539] Хефеле, "Дер кардинал Хименес", XVIII, стр. 265 (Тюбинген, 1851).

Самый свежий апологет, уверяющий нас, что Церковь никогда не использовала ничего, кроме моральной силы, демонстрирует свою точность, сообщая нам, что в 1521 году Лев X отлучил Торквемаду от церкви за его жестокость вопреки протестам Карла V, а также что в Англии Генрих VIII казнил 70 000 человек, а королева Елизавета — 43 000. Romain, L’Inquisition, son rôle religieux, politique et social, pp. 10, 11, 2^e Edition, Paris, 1900.

[540] Ranke, Die Osmanen und die Spanische Monarchie, pp. 195-8 (Leipzig, 1877).—Maurenbrecher, Geschichte der Katholischen Reformation, I, 45 (Nördlingen, 1880).

[541] Родриго, "История веры", I, 264; II, 87; III, 363.—Орти—и—Лара, "Инквизиция Испании", стр. 2 (Мадрид, 1877).-Каппа, S. J., "Инквизиция Испании", стр. 28 (Мадрид, 1888).-Пастор, Гештальт дер Пяпсте, II, 584.

[542] Льоренте, Аньялес, II, 209, 229.—Дормер, Аньялес-де-Арагон, Либр. I, глава 27.

[543] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 43, fol. 297.—Críticos Documentos que sirven como de segunda Parte al Proceso de Fr. Froilan Diaz, pp. 7-8 (Madrid, 1788).

[544] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 939, fol. 270.

В то же время нет сомнений в том, что современные государственные деятели, склонные с циничным недоверием относиться к пылу фанатизма Филиппа, были склонны рассматривать инквизицию как искусный инструмент для удержания народа в повиновении. Смотрите замечания Джованни Соранцо в т. I, стр. 442.

[545] Архив де Симанкаса, рукопись, библиотека 1.

[546] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 1; Lib. 2, fol. 4.

[547] Льоренте, Hist. критерий, глава. XXVII, статья iii.

[548] Данвила-и-Колладо, Германия Валенсии, стр. 178, 492.

[549] Льоренте, История. критика, глава. XXVII, ст. iv, п. 5-10.

[550] История Венеции, Серия I, Т. V, стр. 279.—Мисцеланея де Сапата (Память. español, XI, 244).

[551] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 19, fol. 48.

[552] Немногие эпизоды в истории Испании были исследованы более исчерпывающе, чем карьера Антонио Переса и ее последствия. Достаточные материалы для его разъяснения имеются в испанских архивах, в коллекциях Льоренте, хранящихся в национальной библиотеке Франции, в Гааге и в Британском музее, и они усердно использовались современными авторами. Современными источниками являются...

Las Obras y Relaciones de Antonio Pérez, Paris, 1654.

Proceso criminal que se fulminó contra Antonio Pérez, Madrid, 1788.

Argensola, Informacion de los sucesos del Reino de Aragon en los años de 1590 y 1591. Мадрид, 1808 год.

Coleccion de Documentos inéditos, Vols. XII, XV, LVI.

Giambattista Confalonieri, in Spicilegio Vaticano, Vol. I, П. II, стр. 226 кв.

Tommaso Contarini, in Relazioni Venete, Serie I, Т. V, p. 401.

Кабрера, История Фелипе II, Т. II, стр. 448, 540; Т. III, стр. 529 кв. м. (Изд. 1876-77).

Lanuza, Historias eclesiasticas y seculares de Aragon, Т. II, Lib. II, III. (Сапагока, 1622).

Основными современными авторитетами являются...

Llorente, Historia crítica, cap. XXXV, XXXVI.

Mignet, Antonio Pérez et Philippe II, Paris, 1854.

Pidal, Historia de las Alteraciones de Aragon en el Reinado de Felipe II, 3 vols, Madrid, 1862-3.

Muro, Vida de la Princesa de Eboli, Madrid, 1877.

Филиппсон (Ein Ministerium unter Philipp II, Берлин, 1895) и майор Юм (Españoles é Ingleses, Мадрид, 1903) сообщают интересные подробности о более ранних событиях.

[553] Relazioni Venete, Серия I, Т. V, стр. 485.

Утверждение о сотрудничестве инквизиции и Королевского совета, которые обычно были враждебны, показывает, как мало посланник знал о внутренней работе испанской администрации.

[554] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.

[555] Виды и секреты П. Хуана де Марианы, стр. lxi-lxxviii (История Испании, Валенсия, 1783, T. I).—Алегамбе, Сценарий. Сок. Иисус, стр. 258.—Де Бакер, V, 518.

"Тратадо и дискурсо денег Веллона", конечно, была подавлена и стала редкостью. Мой экземпляр находится в рукописи, переписанной в 1799 году.

Мариана не скрывала от него самого, какой опасности подвергалась. In his address to the Reader he says—"Bien veo que algunos me tendrian por atrevido, otros por inconsiderado, pues no advierto el riesgo que corro."

[556] Archivo de Simancas, Inq. de Barcelona, Córtes, Leg. 17, fol. 9.—Libro XIII de Cartas, fol. 195 (Рукопись Am. Философ. Общество).

[557] Льоренте, Hist. критика, глава. XXXVIII, № 17, 19.

[558] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, Раздел 10, № 2, fol. 153.

[559] Библия. nacional, рукопись, Ч. 177, фол. 251.

[560] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 56, fol. 605.

[561] История архива. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 383.

[562] Библ. национальный, РУКОПИСЬ, Мм, 130.

[563] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, этап 100.

[564] Картас дель Филос рансио, II, 496.

[565] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 559.

[566] МИСС пенес меня.

[567] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 559.

[568] Relacion histórica de la Judería de Sevilla, p. 49 (Sevilla, 1849).

[569] Кортес—де-Леон-и-де-Кастилия, I, 450.-Новая Редакция, библиотека. VI, Тит. xviii, лей 12.

[570] Дормер, Аньялес-де-Арагон, Либерия. II, глава xli.

[571] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 79, fol. 75.

[572] Fueros y Observancias del Reyno de Aragon, fol. 215. Cf. fol. 194 (Сарагоса, 1624).

[573] Библиотека. V в сексте, Тит. vi, глава 6.—Дигард, Реестры Бонифация VIII, № 2354.—Буллар. Римлянин. I, 507, 718; II, 496.

[574] История архива. nacional, Inq. de Valencia, Часть 2, № 16, fol. 272.—Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 82, fol. 130; Библиотека 939, fol. 115.

[575] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 83, fol. 26.

[576] Аргенсола, указ. соч., стр. 199.

[577] Архив Симанкаса, Inq., Visitas de Barcelona, этап 15, следующий 8.

[578] Библ. nacional, Рукопись, V, 377, главы xxv, xxvi.

[579] Библ. nationale de France, fonds espagnol, T. 85, fol. 7.

[580] Весы XIII Картаса (Рукопись Ам. Философ. Общество).

[581] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 259.—Новизна. Копия., Библиотека. IX, Тит. xii, лей 11.

[582] Urbanі Стр. VIII Булла. *In eminenti*, 6 марта 1641 г. —Иннокентий П. X. Булла. *Cum occasione*, 31 Maii, 1653 (Bullar. V, 369, 486).

Предшественником Янсена был Мишель де Бэй, или Байус, богослов из Лувена, чьи семьдесят девять положений были осуждены Пием V и Григорием XIII и были публично отвергнуты им перед Университетом 24 мая 1580 года. Его имя не встречается в испанских указателях до 1632 года (стр. 761), где о нем говорится как о человеке с высокой репутацией, который отказался от своих ошибок.

[583] Письмо Бенедикта XIV генеральному инквизитору Прадо и Куэсте (Семанарио эрудито, XXX, 53).

[584] Индекс 1707, I, 19, 28, 231-2, 478.

[585] Сетевой адаптер. Антон. Библиотека. Ветеринария. Библиотека. VI, глава xi, № 268.

[586] Memorial espagnol présenté á sa Majesté Catholique contre les pretendus Jansenistes du Pays-Bas, p. 45 (s. 1. 1699).

Это мемориал, составленный Хуаном де Паласолем, S. J., от имени и по приказу Тирсо Гонсалеса, генерала-иезуита. Именно ему я обязан последующими подробностями.

В январе 1691 года конгрегация фламандских епископов обратилась к Римской инквизиции с настоятельным призывом о помощи в их борьбе с янсенистами, чьи миссионерские и противоречивые усилия были постоянными и успешными. Это иллюстрирует иллюзорный характер богословских тонкостей, связанных с тем, что епископы послали, в качестве особо успешного разоблачения янсенистских приемов, небольшую книгу под именем Корнелиса ван Кранеберга, но Рим отнесся к ней иначе и осудил указом от 19 марта 1692 года. Его настоящим автором был иезуит Жак де Лафонтен, который был одним из самых ревностных борцов с янсенизмом. — Архиепископ Синодального собрания. Mechliniensis, I, 575.—Reusch, Der Index, II, 645.—De Backer, IV, 230.

[587] Ле Телье, Обзор Булл и конституций и т.д. стр. 125 (Монс, 1697).

[588] Эти подробности небезынтересны, поскольку указывают на причины, приведшие к созданию все еще существующего раскольниковского престола в Утрехте.

[589] Suplemento á el Indice, 1739, p. 36.—Manuel F. Miguélez, Jansenismo y Regalismo en España, pp. 98 sqq. (Вальядолид, 1895). Брат Мигелес - августинианец, стремящийся защитить святого

Августина и его орден от нападков иезуитов. Его работа основана на неотредактированных документальных материалах.

[590] Мигелес, указ. соч., стр. 90-5.—Семанарио эрудито, XXX, 53.

[591] Мигелес, указ. соч.—В связи с падре Рабаго можно упомянуть, что в 1747 году, когда он уже был королевским духовником, на него был донесен трибунал Сантьяго за домогательство, но избежал суда в соответствии с правилом, требующим двух доносов. Исторический архив. национальный, Inq. de Toledo, Leg. 233, n. 108, fol. 60.

В Окончательном обвинительном заключении 1790 года (стр. 192) зафиксировано изъятие книг Норис и запрещены все публикации с обеих сторон по этому делу.

[592] Relazioni Venete, Серия I, T. V, стр. 484.

[593] Jo. Nic. von Hontheim, De Statu Ecclesiæ et legitima Potestate Romani Pontificis. Буллиони, 1763 год.

[594] Мигелес, указ. соч., стр. 274, 364, 366, 380.

[595] Рафаэль де Велес, Апология алтаря и Трона, I, 442 (Мадрид, 1825).-Клеман, Журнал переписки и путешествий для мира в Эглизе, II, 31 (Париж, 1802).

Клеман, в то время каноник и казначей Осера, а впоследствии епископ Версаля, был самозванным участником переговоров в 1768 году, чтобы предотвратить раскол, который, по его мнению, надвигался, и объединить все дворы в оппозиции ультрамонтанству. Его искреннее самодовольство и вера в собственную значимость придают определенную жизнь его бесформенному в остальном отчету о своей миссии, в то время как его страх перед тем, что инквизиция узнает о том, что он делал, показывает, насколько тщательно это было сделано со стороны ультрамонтанов.

[596] Cartas del Filósofo rancio, II, 32.

[597] Мюриэль, История Карлоса IV (Память. español, XXXIV, 119).

[598] Менендес-и-Пелайо, III, 245.

[599] Клеман, II, 102.

[600] Льоренте, История. критика, глава xxix, ст. iii, п. 1, 2; глава XLIII, ст. iii, п. 1.

[601] Клеман, указ. соч., II, 44, 83-5, 296-7.

[602] Феррер дель Рио, История Карлоса III, Библиотека. II, глава. ii, iv.

Судебный процесс над доктором Бенито Наварро, иезуитом высшего образования, был опубликован в то время и указывает на участие иезуитов в смутах с целью принудительного восстановления власти маркиза ла Энсенады. Кстати, факты свидетельствуют об огромном влиянии, которым пользовались иезуиты, имея своих приспешников на правительственных должностях, где они могли вводить в заблуждение и предавать свое начальство. Для таких государственных деятелей, как Аранда, Кампоманес, Рода и Флоридабланка, дальнейшее существование иезуитов в Испании было очевидной невозможностью.

Документы, связанные с изгнанием, напечатаны Мирафлоресом в его “Документах о том, как получить справку об истории революции Испании”, II, 38-71 (Лондон, 1834).

[603] Новизна. Копия, Библиотека viii, Тит. i-ix.—Хартия Хосефа Климента, Обиспо-де-Барселона, 26 июня 1767 года.

[604] РУКОПИСИ Am. Философия. Общество.

[605] Art de Vérifier les Dates depuis l’année 1770, III, 358. Последующий указ от 11 марта 1798 года разрешал бывшим иезуитам жить со своими родственниками или в монастырях, при условии, что это было не в какой-либо королевской резиденции (Оригинал *penes me*).

[606] Мюриэль, гистолог. de Carlos IV, *loc. cit.*—Cartas del Filósofo rancio, II, 34.—Vélez, Apología, I, 44-6.

Тем не менее, *Закон и Декрет Синода о борьбе с писториозом 1786 года*, против которого была направлена булла *Auctorem fidei*, не были запрещены до 18 марта 1801 года.—Дополнение к разъяснению, стр. 1 (Мадрид, 1805).

18 мая 1801 года уполномоченные канарского трибунала в Оротаве доложили ему, что указ был должным образом прочитан и прикреплен к дверям приходских церквей.—Берч, Каталог рукописей Inq. на Канарских островах, II, 1008.

[607] История архива. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 17, № 3, следующий за 16.

[608] Льоренте, История. критика, глава. XXV, № 33, 34; глава. XXIX, ст. iii, № 5; глава. XLIII, статья. iii, п. 5.

[609] Se vió á todos los jansenistas, impios y hombres desmoralizados ponerse del lado de los invasores.—Vic. de la Fuente, Hist. eclesiastica, III, 463.—Cf. Cartas del Filósofo rancio, *passim*.

[610] Велес. Apología del Altar y del Trono, I, 391-2.

[611] Г. де Кастро, Il Monde Segreto, IV, 59 (Милан, 1864).—Исторический обзор Ордена Франко-масонства, par J. C. B.... (Париж, 1829).—Луиджи Параскандало, La Frammassoneria figlia e erede del Манихейство, 4 тома, 8 глав (Неаполь, 1865). —Гл. Van Dusen, S. J., Rome et la Franc-Maçonnerie (1896).—L’Abbé V. Davin, Les Jansénistes politiques et la Franc-Maçonnerie, p. 5 (Paris, s. d.).

[612] Mariano Tirado y Rojas, La Masonería en España, I, 241-3, 252, 255-6 (Madrid, 1893).

[613] [История] Acta Latomorum, I, 35 (Париж, 1815).

[614] Буллар. Роман., XV, 184.

[615] Закон Латоморум, I, 43-44.

[616] Compendio della vita di Giuseppe Balsamo, denominato il Conte Cagliostro, che si è estratto dal Processo contra di lui formato in Roma l’anno 1790 (Roma, 1791).

О важности, придаваемой этому делу, свидетельствует официальное снятие грифа секретности и полуофициальная публикация тома. Указ о введении смертной казни цитируется на стр. 80.

[617] Буллар. Бенед. СТР. XIV, III, 167 (Рим, 1761).

[618] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека V, fol. 280.

[619] Acta Latomorum, I, 47.

[620] Брат Джозеф Торрубиа, Сентинела контра Франс Массонес, Указ Второй Лиги, Мадрид, 1754 год. Судя по датам апробации, первое издание было выпущено в 1751 или 1752 году.

[621] Фейджу, Картас, Т. IV, Корзина. xvi. Это письмо, должно быть, было написано между 1751 и 1754 годами, поскольку оно отсылает к *Сентинело*, в то время как второе издание последнего отсылает к письму. Фейджу ссылается на другую недавнюю книгу на эту тему отца Хуана де ла Мадре де Диоса, которую я не видел.

[622] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека. 879, fol. 301 B; Библиотека. 1024, fol. 10.—Льоренте, История. критерий, глава. XLI, статья. ii, n. 10-16.

[623] История архива. nacional, Inq. de Toledo, Раздел 108, n. 1.

Португальская инквизиция действовала так же оперативно, как и испанская. Смотрите “Страдания Джона Кустоса за вольное масонство”, Лондон, 1740 г., и это продолжалось после реформ Помбала, как явствует из “Повествования о преследовании Ипполита Джозефа да Коста Перейры Фуртадо де Мендосы ” ... за предполагаемое преступление вольного масонства”, 2 тома., Лондон, 1811.

[624] Тирадо-и-Рохас, I, 269-73, 354.

[625] Там же, I, 274-8, 289-99, 355.

[626] Архив де Симанкаса, Inq., Страница 1473; Библиотека 559.

[627] Acta Latomorum, I, 265.

[628] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 890.

[629] Там же, библиотека. 435²; Библиотека. 890.

[630] Архив Симанкаса, Inq., библиотека 890.

[631] Там же.

[632] История архива. "насьональ", Инк. де Валенсия, Этап 100.

В этот список не включено любопытное дело епископа Гаваны Хуана Хосе Диаса де ла Эспада-и-Ланда, обвиненного в масонстве на Кубе ревностным инквизитором Элосуа в 1815 году. Дело было передано в Испанию и приостановлено 11 ноября 1819 года (J. T. Medina, La Inquisicion de Cartagena de las Indias, стр. 416). Похоже, это не повлияло на положение доброго епископа, который сохранял свою кафедру до своей смерти 12 сентября 1832 г. (Gams, серия Episcoporum, стр. 152).

[633] Tirado y Rojas, II, 46, 72-3, 81-88.—Miraflores, Apuntes historico-críticos, p. 28.—Modesto Lafuente, Hist. de España, XXIX, 213-15, 333-4.

“Мемуары дон Хуана ван Халена” (Лондон, 1830), имевшие широкое распространение на многих языках, не представляют исторической ценности. Однако он был реальным персонажем, чье ловкое предательство при дезертирстве от французов в 1814 году описано Торено (*Historia del Llevamiento* и др., III, 323). В 1822 году он состоял в штабе генерала . Мина в Каталонии (*Memorias del Gen . Эспози Мина*, III, 7), а в 1838 году занимал высокое командование в Валенсии (Манифестация генерала. *Córdoba*, p. 13).

В 1818 году его имя фигурирует на суде в Толедо (а не в Мадриде, как он представляет), и обвинение касалось противодействия инквизиции, а не масонства и заговора —*Catálogo de las causas* etc., стр. 131 (Мадрид, 1903).

[634] [Martinez de la Rosa] *Examen crítico de las Revoluciones de España*, I, 417-18 (Paris, 1837).

[635] Архив истории. "насьональ", *Inq. de Toledo*, Этап 1.

[636] Vélez, *Apología del Altar y del Trono*, I, 41.

[637] Клеман, *Журнал*, II, 89.

[638] Муниципальный архив Севильи, Специальная секция, Сигло XVIII, Литра А, Томо 4, № 55.

[639] В этом знаменитом деле я полагался главным образом на Феррера дель Рио, *Hist. del Reinado de Carlos III*, Lib. IV, глава i, и о Менендесе-и-Пелайо, *Неортодоксальные*, III, 205 кв. См. также Льоренте, *История. критика.*, глава. XXVI, арт. iii, № 13, 35, и Пучбланш, *"Инквизиция в Маскаре"*, стр. 295.

Олавиде часто упоминался в дебатах кортов Кадиса о подавлении инквизиции. Сеньор Мехиа заявил, что он посетил его в Баэсе; что *"Триумф"* был всего лишь переводом *Религиозных трудов* аббата Ламуретта (Париж, 1788), несколько расширенным, с добавлением политико-экономической части, взятой из *"Друзей человека"* маркиза Мирабо, —Обсуждение проекта инквизиции, стр. 254-5. (*Cádiz*, 1813).

В 1831 году Де Кюстин говорит, что от процветающей колонии, основанной Олавиде, мало что осталось (*L'Espagne sous Ferdinand VII*, II, 98-107), но в Ла-Каролине, главном городе, в 1877 году проживало 6474 человека. Район представляет исторический интерес как место победы при Лас-Навас-де-Толоса в 1212 году и сдачи Байлена в 1808 году.

[640] Льоренте, *Hist. критерий*, глава. XXVI, статья. iii, п. 42.

[641] Там же, № 10.

[642] Там же, загл. XXV, статья i, п. 112.—Менендес-и-Пелайо, III, 255.

[643] Льоренте, cap. XXV, art. i, n. 89.—Art. de vérifier les Dates depuis l'année 1770, III, 355.—Modesto Lafuente, *Hist. Gen.* XXII, 127. —Ср. Родриго, *Hist. verdadera*, III, 365.—Discusion del Proyecto, p. 464 (*Cádiz*, 1813).

[644] Vélez, *Apología*, I, 40.—Cf. Menéndez y Pelayo, III, 227.

[645] Картас эскритас о Конде Кабарруса, стр. 81, 83, 87-9 (Витория, 1808).

[646] Картас дель Фильософо рансио, I, 299.

[647] Partidas, П. VII, Тит. xvii, лист 16.—Córtes de Leon y de Castilla, II, 378.

В середине шестнадцатого века клеймение буквой “q” все еще было в силе в Кастилии.—Rojas de Haeret., P. 1, n. 544.

[648] Кольмейро, Кортес-де-Леон-и-де-Кастилия, II, 160, 219.—Новая редакция, библиотека V, Тит. i, лейес 6, 7.—Новис. Перепись., Библиотека. XII, Тит. xxviii, страницы 8, 9.

[649] Память о различных автомобилях (см. Приложение к тому I).

[650] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 2, fol. 21.

[651] Карбонель де Гестис Херет. (Doc. de la C. de Aragon, XXVIII, 154).

[652] Прагматика и альтернативные источники Каталонии, Библиотека. I, Тит. viii, глава 1, § 4.

[653] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 933; Lib. 918, fol. 381.

[654] Pragmaticas etc. из Каталонии, Библиотека. I, Тит. viii, глава 2.

[655] Архив Симанкаса, Патронато Реал, чернильница, нога. único, fol. 38.

[656] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 3, fol. 241.

[657] Краткое содержание. Испанский язык, 1512 год, глава xxxvii (Агирре, V, 374).

[658] В издании 1534 года его *"Повторение новама"* (Кол. 363) Альбертино говорит, что он подробно рассмотрел этот вопрос в своем *"Зеркале инквизитора"*, впоследствии воплощенном в его *"Трактате об утверждении агностицизма"* как Q. XXIII (Romæ, 1572).

[659] Библ. публика-де-Толедо, Сала v, Est. 11, табл. 3.

[660] Симанс де Кат. Институт., Тит. XL, № 3; Энчирид., Тит. XII, № 4-6.

[661] Библ. nacional, рукопись, V, 377, загл. XVII.—Разъяснение должностных обязанностей, § 33 (Архив Алькалы, Гасиенда, Закон. 544², Библиотека. 4).

[662] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 361, fol. 7.Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 418.

[663] Пенья, Комментарий. LXXXI in Eymerici Direct., П. II.—Библ. nacional, *ubi sup.*—Archivo de Simancas, Inq., Lib. 921, fol. 231.

[664] Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544²; Lib. 10.

[665] Библ. nacional, Рукопись, Мм, X, 157, стр. 190.

[666] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Раздел 9, № 3, fol. 313.—Архив Симанкаса, Inq., Раздел 552, fol. 42.

То же самое было и в Португалии, где епископам пришлось уступить. Вопрос был передан в Рим, и в 1612 году архиепископу Лиссабона было приказано передать двоеженцев инквизиции.— Собрать. Декрет. S. Congr. S. Inquis., стр. 361 (МИСС *пеняет мне*).

[667] Декрета S. Congr. S. Officii, стр. 461, 466 (Библ. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo Camerale, Congr. del. S. Officio, Vol. 3).

[668] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 54, fol. 117.—Ristretto cerca li Delitti più frequenti, pp. 113-141 (MS. *penes me*).

[669] Мигель Кальво (Архив Алькала, Гасиенда, Лег. 544,² Библиотека. 4).—Архив истории. национальный, Inq. de Valencia, этап 299, fol. 80; Inq. de Toledo, Этап 1.

[670] Архиво де Симанкас, Inq., Лег. 787.

[671] Разъяснения S. Officii, § 33 (Архив Алькалы, Гасиенда, Раздел 544², Библиотека. 4) —Библ. национальный, Рукопись, V, 377, глава xvii, § 1.

[672] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, т. 1.

[673] Процесс против Jos. Ант Ферро (рукопись Am. Филолог. Общество).

[674] Национальная библиотека, фонды Испании, № 354, фол. 242.

[675] Memorias de los Vireyes del Perú, III, 38.—Archive de Simancas, Inq., Lib. 28, fol. 115.

[676] МИСС *пенес меня*.

[677] Новизна. Копия., Библиотека. XII, Тит. xxviii, лей 10.

[678] Библ. национальный, РУКОПИСЬ, Мм, 93.

[679] Архив истории. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 15, № 11, следующий за 7; № 10, следующий за 92.

[680] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, Часть 15, № 11, fol. 1-6; Inq. de Toledo, Часть 1.

[681] Там же, Inq. de Valencia, Раздел 15, n. 11, fol. 5.—Archivo de Alcalá, Estado, Leg. 2843.

[682] Alcubilla, Códigos antiguos, II, 1908.

[683] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Часть 16, № 5, fol. 50; Inq. de Toledo, Часть 1, fol. 286.

[684] Архив Симанкаса, Inq., библиотека 890.

[685] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Т. I.—Исторический архив, национальный, Inq. de Toledo, Раздел 1; Inq. de Valencia, раздел 100.—Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.

[686] Новая редакция, Библиотека. VIII, Тит. iv.

[687] Режиссер Эймеричи, П. II, Q. XLI.—Репертуар. Инквизитор. С.В. *Богохульник*.

[688] Аргуэлло, фол. 14.

[689] Льоренте, Аньялес, I, 278.

[690] С. Hispalens. ann. 1512, cap. xxxviii (Aguirre, V, 374).

[691] Прагматика и альтернативный путь Каталонии, Библиотека. I, Тит. viii, главы 1, 2.—Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 933.

[692] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 918, fol. 382.

[693] Там же, Патронато Реал, Англ., Лег. унико, фол. 37.

[694] Andres de Burgos, Reportorio de todas las Prematicas, fol. xxxix (Medina del Campo, 1551).

[695] Córtes de los Reinos de Leon y de Castilla, IV, 589.

[696] Новая редакция, Библиотека. VIII, Тит. iv.

[697] Библ. публика-де-Толедо, Зал V, Est. xi, табл. 3.

[698] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 939, fol. 106; Lib. 81, fol. 27. Архив истории. "насьональ", "Валенсия", Матч 31-го тура.

[699] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, страница 299, fol. 80.—Альбергини, Мужчина. Квалификация, глава xvi.

[700] Этого не было в Италии, где в 1555 году инквизиция взяла на себя юрисдикцию в отношении богохульства. Время от времени возникали конфликты со светскими властями, особенно на венецианских территориях, например, когда в 1595 году подеста Брешии отказался допустить, чтобы инквизитор заключил в тюрьму богохульника. Римская конгрегация запротестовала, но подеста одержал верх и наказал преступника, вероятно, с большей суровостью, чем это сделала бы инквизиция. Существовала такая же трудность в различении еретического и нееретического богохульства. В 1606 году Конгрегация решила, что *путмана де Дио* не является еретической, хотя за пределами Рима это считалось таковой.—Decret. S. Cong. S. Officii, стр. 29 (Рукопись Библ. del Reale Archivio di Stato in Roma, Fondo Camerale, Congr. del. S. Officii, Vol. 3).

[701] Картас де Иезуитас (Память. история. español, XV, 191).—Новая редакция, Библиотека. I, Тит. i, лей 10.—Autos Acordados, Библиотека. VIII, Тит. ii, Автограф 1.

[702] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 552, fol. 13.

[703] Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544², Lib. 4.

[704] Там же. Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, стр. 299, fol. 80.—Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава 1.

[705] Разъяснения S. Officii, § 37 (Архив Алькалы, *ubi sup*).

[706] Архиво де Симанкас, Inq., стр. 552, fol. 3, 13.

[707] Архив истории. "насьональ", Inq. de Toledo, Этап 1.

[708] Репортаж инквизиции. С.Против *Деградации*, § *священнослужитель*.

[709] Симанс де Кат. Институт., Тит. XL, № 8-13; Ejusd. Энчирид., Тит. XII, № 1-3.—Арналиди Альбертин. *Repetitionem novam*, Q. xiii, № 47 (Изд. 1534, кол. 331).

Возможно, стоит отметить, что в *Реперториуме* 1494 года нет никаких упоминаний на эту тему под названиями *Castitas*, *Clericus* и *Matrimonium*. В то время это, очевидно, считалось находящимся вне сферы деятельности инквизиции.

[710] Arnaldi Albertini de agnoscendis Assertionibus, Q. XXIII, n. 41. В Германии многие католические священники брали жен. *Временным* правлением Карла V в 1548 году им было разрешено оставаться в покое до тех пор, пока Совет Трента не решит этот вопрос.— Временный, глава. XXVI, § 17.

[711] С. Трезубец. Сэсс. XXIV, De Sacr. Matrimonii, can. ix. И все же собор признал папскую власть диспенсации.

[712] Catálogo de las causas seguidas ante el tribunal de Toledo, pp. 306, 307.

[713] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. I.

[714] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 420.

[715] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, раздел 299, fol. 80.—Разъяснение должностных обязанностей, § 34 (Архив Алькала, Гасиенда, Раздел 544,², библиотека 4).

[716] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.

[717] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 552, fol. 11.

[718] Архив истории. "насьональ", Inq. de Toledo, Этап 1.

[719] Олмо, Автореферат, стр. 204.

[720] Архив истории. "насьональ", Inq. de Toledo, Этап 1.

[721] Там же, Inq. de Valencia, Leg. 100.

[722] "Consentaneum visum est de sanctissimis ecclesiæ sacramentis agere, per quæ omnis vera justitia vel incipit, vel cœpta augetur, vel amissa reparatur."—С. Трезубец. Сэсс. VII, De Sacramentis, Procem.

[723] P. Denifle, Die älteste Tax-rolle der Apost. Pönitentiarie (Archiv f. Litt. u. K.-Geschichte, IV, 224-5).

[724] Местонахождение судебного сочинения инквизитора., стр. 475, 476 (Рим, 1570).—Farinacii de Hæresi, Q. CXCI, § 1, n. 39.

[725] Буллар. Римлянин. III, 142; IV, 144.

[726] Собирать. ОБЦС. Собр. соч., стр. 50 (Г-жа *пенес меня*).

[727] Ristretto circa li Delitti più frequenti nel S. Offizio, p. 104-5 (MS. *penes me*).

[728] Королевская библиотека Мюнхена, Cod. Итал. 185.—Библ. del R. Archivio di Stato in Roma, Miscellanea MS., p. 729.

[729] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 939, fol. 107.—Ant. de Sousa. Opusc. приблизительно Конституция. Pauli V, стр. 57.—Rod. a Cunha pro, стр. Pauli V Statuto, p. 65.

[730] Буллар. Римлянин. II, 415.

[731] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 939, fol. 108; Библиотека 942, fol. 39.

[732] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 114.

[733] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.

[734] Архив Симанкаса, Inq., Leg. 552, fol. 1, 11.

[735] Обрегон, Мексика, Вьехо, II, 353, 383.—Мексиканский музей, T. I, стр. 338-40 (Мексика, 1843).

[736] Библ. национальный, рукопись, V, 377, глава XIX.—Мигель Кальво (Архив Алькала—Гасиенды, раздел 544,² Библиотека. 4).—Разъяснения S. Officii, § 38 (Там же).—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 385.

[737] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 1183, fol. 13.

[738] История архива. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.

[739] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 890.

[740] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, этап 100.

[741] Память г-жи де Диверсиос Автос (см. Приложение к Тому I).

[742] Библия. nacional, Рукопись, V, 377, глава xvi.

[743] Разъяснения S. Officii, § 47 (Архив Алькала, Гасиенда, раздел 544², библиотека 4).—РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 332.

[744] Архиво-де-Симанкас, Гасиенда, участок 25, фол. 3.

[745] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. I.—См. Выше, том. III, с. 189. Simancas (De Cath. Институт, Тит. XLVI, п. 92, 93) говорится, что инквизиция не может расслабиться из-за персонификации, каким бы серьезным ни было дело, что объясняет необходимость специального папского заключения.

[746] Мисцеланеа де Сапата (Память, история Испании, XI, 60). Здесь, очевидно, имеет место путаница между Альмагро и Альмаденем.

[747] Данвила-и-Колладо, Изгнание лос-Морискоса, стр. 208.—Библия. национальный, РУКОПИСЬ, фото, 3, № 20.

[748] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.

[749] Архив Симанкаса, Inq., Visitas de Barcelona, Этап 15, следующий. 20.

[750] Льоренте, Хист. крит., капитан. XXIV, ст. 1, № 11.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. I.—Архив истории. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.

[751] Архив истории. национальный, *местный житель*.

[752] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 552, fol. 13.

[753] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, т. XVII.

[754] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 34, fol. 394.

[755] Процесс против Франциски Мексики и Франциски де ла Серна (РУКОПИСЬ Дэвида Фергюссона, эсквайра).

Более подробные сведения об этом поучительном случае вы найдете в моих “Главах из религиозной истории Испании”, стр. 428-35.

[756] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, этап 100.

[757] РУКОПИСЬ Утра. Философия. Общество.

[758] Декрет. S. Congr. S. Officii, стр. 388 (Библ. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo Camerale, Congr. официальное дело, Том 3).

[759] Практическое руководство по делу Святого Престола, глава 25 (МИСС *пенес меня*).

[760] Пеллисер, Ависос историкос (Семанарио эрудито, XXXIII, 116, 124, 149).

[761] Библ. национальный, Рукопись, V, 377, глава. vii, § 1.

[762] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.

[763] Исторический архив, nacional, Inq. de Toledo, Часть 1.

[764] Библ. национальный, рукопись, Bb, 122.

[765] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, этап 100.

[766] Ibidem.

[767] Там же, часть 1, п. 4, fol. 179.—РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 167.

[768] Глава 1, Дополнительная, Библиотека. III, Тит. xlv.

[769] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 19, fol. 70-76, 108-116.—Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, участок 6, № 2, фол. 158 кв.

[770] Urbani Стр. VIII Конст. *Лестис* (булл. Рим. IV, 85, Приложение, стр. 33).

[771] Индекс 1640 года, Регламент xvi.—Окончательный вариант, стр. xxvi.

[772] Discurso sobre si se le puede hacer fiesta al Premier Padre del Genero Humano Adan y darle culto y veneracion publica como á Santo, sin licencia del Romano Pontifice. Por D. Francisco Miranda

у Paz. Мадрид, 1636. Книга была сочтена достойной опровержения, которое появилось в 1639 году (Ник. Антон. Библ. nova s. v. Franciscus de Miranda).

[773] Padre Fidel Fita, in Boletin, 1887.—Martínez Moreno Historia del Martirio del Santo Niño de la Guardia (Madrid, 1866).

[774] Лучший отчет об этих и родственных им подделках принадлежит Хосе Годою Алькантарой в его *Критической истории фальшивых хроник* (Мадрид, 1868). Современный президент канонов Сакромонте изложил другую сторону в своем "*Священном Монте-де-Гранада*" (Мадрид, 1883).

Влияние инквизиции поначалу было неблагоприятным для пломоса. См. Архив Симанкаса, Inq., Lib. 20, fol. 127, 188, 236, 319. Целый том архива (библиотека 44¹) занят документами, связанными с этим делом с 1604 по 1636 год.

[775] Баррантес, Отрывок из истории Эстремадуры, II, 392.

[776] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 435².

[777] Я довольно подробно рассмотрел развитие этой веры в "Истории инквизиции средних веков", III, 596 кв.

[778] Собирать. Декретор. S. Конгр. S. Officii, s. v. *Концепция* (ГОСПОЖА пеняет мне).— Сборник. Декрет. S. Конгр. S. Inquisit. (Библ. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo camerale, Congr. официальное дело, Том 3).

[779] Картас де Иезуитас (Память. история. español, XIII, 450).

[780] Le Tellier, Recueil des Bulles concernans les erreurs etc., p. 296 (Mons [Rouen] 1697).

[781] Библ. национальный, рукопись, Cc, 99, fol. 230.—Исторический архив. nacional, Inq. de Valencia, Этап 11, № 1, fol. 111-16.

[782] Архивная история. "насьональ", Inq. de Valencia, Часть 10, № 2, fol. 58, 90; Часть 11, № 2, fol. 217.

[783] Там же, Раздел 1, n. 4, fol. 114; Раздел 11, n. 3, fol. 62.

[784] Там же, Стр. 100.

[785] С. Lateran., ann. 1179, глава xi (глава 4, Дополнительная, Lib. V, Тит. xxxi).—Древний контур Бретани, статьи 112, 142.—Statuta criminalia Mediolani, глава 51 (Bergomi, 1594).Хорн, Мирпор Правосудия, глава. iv, § 14.

[786] Фуэро-Реаль-де-Испания, Либ. IV, Тит. ix, часть. 2.—Новая редакция, Библиотека. VIII, Тит. xxxi, лей 1.—Рипол, Буллар. Ord. Prædic., III, 301.—Innocent. PP. IV, Глянец в заглавной части. *Что с ним*, Дополнительная, Библиотека. III, Тит. xxxiv.

[787] Льоренте, Аналес, I, 327.

[788] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 933.—“En lo que toca al crimen nefando, si otras cosas no hay con ello que abiertamente sepan heregia, contra las tales personas ya sabeis que por esto no debeis vosotros proceder, ni es de vuestra jurisdiccion.”

[789] Эсколано, История. де Валенсия, II, 1449-70. —Буа, История. de la Ciudad y Reino de Valencia, I, 347.

[790] Бледа, Защита веры, стр. 423-4. Ср. Парамо, стр. 184.

[791] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. IV, fol. 6.—Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 927, fol. 408.—Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 2, № 16, fol. 259.

[792] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 78, fol. 145.

[793] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 927, fol. 429.—Llorente, Añales, II, 373.

[794] Архив Симанкаса, Inq., Lib. 939, fol. 107; Lib. 82, fol. 163.—Рукопись Библ. nacional de Lima, Protocolo 223, Expediente, 5270.

[795] Библия. национальный, РУКОПИСЬ, Вопрос, 4.

[796] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, Часть 2, № 16, fol. 259.

[797] Аргумент доктора Мартина Реала (Рукопись Бодлеанской библиотеки, арх. С. 130).

[798] Собрать. ОБЦС. Собр. Соч., с. 396 (Г-жа *пеняет мне*).—Decr. S. Congr. S. Inquisit., pp. 503, 539 (Bib. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo camerale, Congr. официальное дело, Том 3).

[799] Дипломатический корпус Португалии, VI, 379; VII, 211, 235, 439; VIII, 227, 296; IX, 477; XI, 600, 656.

[800] Регламент Санто-Оффицио-да-Инквизитор, Лив. III, Тит. XXV, §§ 1, 12.—Королевская библиотека Берлина, Кв. 9548.

[801] Fueros y Actos de Corte, стр. 10 (Сапагоса, 1647).

[802] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 2, № 16, fol. 270.

[803] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 927, fol. 414.

[804] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, раздел 299, fol. 80; Раздел 61.—Разъяснения S. Officii, § 55 (Архив Алькалы, Гасиенда, Раздел 544², Библиотека 4). —Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава xxiv, § 1.

[805] История архива. nacional, Inq. de Valencia, Часть 299, фол. 80.—Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава xxiv, § 6.

[806] История архива. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 2, № 16, fol. 259.—Паретс, Сучесос де Каталония (Память, история. español, XXIV, 297).

[807] Архивная история. "насьональ", Inq. de Valencia, Часть 6, № 2, fol. 52; Часть 8, № 2, fol. 497.

[808] Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава xxiv, § 2.

Инквизиция была гуманнее кастильских судов. 27 января 1637 года в Мадриде были сожжены двое преступников. 14 октября 1639 года еще двое были сожжены, а третьего вывезли, чтобы разделить ту же участь, когда епископальный викарий заявил о своих правах на него, поскольку его выманили из церковного убежища. Еще девять человек в то время находились в тюрьме. 10 октября 1640 года были сожжены мужчина и мальчик.—*Cartas de Jesuitas* (История Испании, XIV, 26; XV, 343).—Пеллисер, *Avisos históricos* (Семанарио эрудито, XXXI, 87, 228).

В Мексике для таких случаев существовало специальное кемадеро, отличное от инквизиции.—*Obregon, Mexico viejo*, II, 391.

[809] Архив истории. "насьональ", Инк. де Валенсия, Матч. 61.

[810] История архива. "насьональ", Инк. де Валенсия, Матч. 61.

[811] Архив Симанкаса, Inq., Sala 39, Стр. 4, fol. 71.

[812] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. IV, фол. 6. Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Leg. 61; *Cartas del Consejo*, Leg. 5, n. 1, fol. 5. Льоренте, История. критик., загл. XXIV, art. 4, n. 2.—*Giambattista Confalonieri* (*Spicilegio Vaticano*, I, 461).

[813] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 82, fol. 91.

[814] Библия. национальный, РУКОПИСЬ, фото, 3, № 20.

[815] Архив Симанкаса, Inq., *Visitas de Barcelona*, Этап 15, следующий. 5.

[816] Архивная история. "насьональ", Инк. де Валенсия, Этап 99.

[817] Там же, Раздел 100.

[818] Рейнальд. *Annal.*, ann. 1258, № 23.—Поттаст, *Регеста*, № 17745, 18396.—Глава 1, Климент., Lib. V, Тит. v.

[819] Репертуар. *Inquisit. s. v. Hæreticus, § Pertinax*.

Хотя симония была повсеместным разъедающим Церковь пороком и хотя она считалась ересью, иерархии было слишком выгодно когда-либо подвергаться инквизиции. В проекте инструкций для испанских делегатов Латеранского собора 1512 года симонианская ересь осуждается как всеобщее разрушение Церкви из—за открытости, с которой она практикуется в Риме и во всем христианском мире, и им предлагается приложить все усилия, чтобы инквизиция преследовала ее как ересь - (*Döllinger, Beiträge zur politischen kirchlichen und Cultur-Geschichte*, III, 204).

[820] Фуэрос-де-Арагон, фол. 110. О более ранних законодательных актах аналогичного значения см. статью 49 (Сарагоса, 1624).

[821] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I, fol. 109. Генеральный совет, о котором здесь говорится, был собором в Лионе в 1273 году. Смотрите главы. 1, 2, в *Sexto*, Lib. V, Tit. v. Это относится к *Concil. Lateranens. III*, ann. 1179, cap. XXV.

[822] *Pragmaticas y altres Drets de Cathalunya*, Библиотека. I, Тит. viii, глава 1, § 20.—Архив Симанкаса, прокуратура Барселоны, Кортес, Раздел 17, fol. 32. Парамо, стр. 185.

- [823] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 933.
- [824] Pragmaticas etc. из Каталонии, Библиотека. I, Тит. viii, глава 2, §§ 20, 35.
- [825] Ардженсола, Аньялес-де-Арагон, Либерия. Я, капитан лив.
- [826] Льоренте, Аньялес, II, 298.
- [827] Фуэрос-де-Арагон, фол. 110.
- [828] Дормер, Аньялес-де-Арагон, Либерия. II, глава. xli, стр. 384.
- [829] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Чернигов, Лег. унико, фол. 37, 38.
- [830] Симанкас-де-Кат. Институт., Тит. LXVI, № 3.
- [831] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 939, fol. 106.
- [832] Там же, Визитас де Барселона, этап 15, следующий. 20.
- [833] История архива. nacional, Inq. de Valencia, часть 100.—Рукопись Am. Филология. Общество.
- [834] Собрать. Decret. S. Congr. S. Officii, стр. 125 (Г-жа *пеняет мне*).—Декрета S. Congr. S. Inquisit., стр. 36, 515 (Библ. del R Archivio di Stato in Romæ, Fondo camerale, Congr. официальное дело, Том 3).
- [835] Архив де Симанкаса, библиотека 21, fol. 198.
- [836] Берч, Каталог рукописей Inq. Канарских островов, II, 541, 542, 559, 560.
- [837] РУКОПИСЬ Дэвида Фергюссона, эскайра —Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 1002.
- [838] Каталонский суд по уголовным делам перед трибуналом Толедо, стр. 325.
- [839] История архива. "насьональ", Инк. де Валенсия, Этап 100.
- [840] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека. 1.
- [841] Там же, библиотека 9, следующий раздел 6.
- [842] Там же, Sala 40, Lib. 4, fol. 164, 266.
- [843] Там же, библиотека 939, fol. 106.
- [844] Ant. Rodríguez Villa, La Corte y Monarquía de España, p. 95.
- [845] Картас де Иезуитас (Память. история. испанский, XIII, 9, 11, 13-17, 19, 24, 27, 67-71, 73, 78-9, 119, 181, 185, 230; XIV, 395; XVII, 218; XVIII, 52, 59, 81, 105-17).—Хуан де Палафокс, Послание. III н.э. Inpos. X, п. 126 (Обрас, XI, 107).—Театр иезуитов, стр. 375.—Моральная практика иезуитов (Кельн, 1684).
- [846] Картас де Иезуитас (*loc. cit.*, XIX, 187).
- [847] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 38, fol. 12, 216, 260, 319, 320, 321, 326.

- [848] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 559.
- [849] Архив истории. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.
- [850] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, этап 100.
- [851] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 939, fol. 64.
- [852] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.
- [853] Семанарио эрудито, XI, 274.
- [854] История архива. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.
- [855] Там же.
- [856] Архив де Симанкас, Inq., Sala 39, Leg. 4, fol. 80.
- [857] История архива. nacional, Inq. de Toledo, Раздел 111, № 49.
- [858] Библия. национальный, РУКОПИСЬ, Мм, 130.
- [859] Хоакин Лоренцо Вильянуэва, в "Обсуждении проекта судебного заседания инквизиции", стр. 432 (Кадис, 1813).
- [860] Против де ла Фуэнте, История. эклз., III, 381.
- [861] Клеман, Журнал, II, 124.
- [862] История архива. "насьональ", Инк. де Валенсия, Этап 100.
- [863] Архивная история. nacional, Inq. de Valencia, Этап 365, № 46, следующий. 56.
- [864] Там же, Раздел 4, п. 3, следующий за 58.
- [865] РУКОПИСЬ Утра. Философия. Общество.
- [866] Льоренте, Hist. критик, глава. XXIX, ст. iii, п. 2; глава. XLVI.—Мюриэль, История. де Карлос IV (История памяти, испанский, XXXIII, 154).
- Льоренте рассказывает нам, что он выполнял задачу, доверенную ему Абадом, и в 1797 году выпустил свои "Рассуждения о порядке судебного разбирательства в Санто-Официо", которые в 1801 году расширили его до разумного преследования.—*Memoria histórica*, p. 11 (Madrid, 1812).
- [867] Мюриэль (*loc. cit.*, XXXI, 190).—Лафуэнте, историк. de España., XXII, 124.—V. de la Fuente, Hist. эклз., III, 400.
- [868] Обсуждение проекта, стр. 473 (Кадис, 1813).
- [869] Сомоса де Монсориу, Лас-Амаргурас-де-Ховельянос, стр. 47-8 (Хихон, 1889).
- [870] Сомоса, указ. соч., стр. 301-5.—Мюриэль, указ. соч., XXXII, 117. Об ортодоксальности Ховельяноса см. Менендес и Пелайо, III, 287-90.

[871] Somoza, *op. cit.*, pp. 57-60.—Discurso histórico-legal sobre el Origen, Progresos y Utilidad del Santo oficio, p. 101 (Valladolid, 1803).

[872] Сомоса, *указ. соч.*, стр. 77-84, 86-90, 141-2, 312-20.—Сеан Бермудес, Воспоминания о жизни Д. Гаспара Мельхора де Хове Льяноса, стр. 81 (Мадрид, 1814).

[873] Льоранте, *Hist. крит.*, кепка, XLII, арт. ii, № 1-18.—Мюриэль, *указ. соч.*, xxxiv, 110-19.—Менендес-и-Пелайо, III, 172-3.

[874] Respuesta pacífica de un Español á la Carta sediciosa del Frances Grégoire, que se dice Obispo de Blois, pp. 3, 31, 63, 74, 75, 76, 87 (Madrid, 1798).

[875] Дискурсивный историко-правовой сборник Оригена и др. в S. Oficio, стр. 126, 185, 187 (Вальядолид, 1803).

[876] Картас Пресбитеро Испании, стр. 3, 7, 98, 121, 123, 129, 152-4 (Мадрид, 1798).

[877] Хосе Клементе Карнисеро, "Инквизиция юстаменте рестабликида", I, 8 (Мадрид, 1816).—Торено, Революция и др. Испании, I, 160.—Льоренте, История. критика, глава. XLIV, статья i, № 19.—Родриго, История. verdadera, III, 486.—Menéndez y Pelayo, III, 417.

[878] См. Приложение.—9 января 1813 года это письмо было представлено в Кортес сеньором Аргуэльесом во время обсуждения вопроса о подавлении инквизиции.—Discusion del Proyecto, p. 143.

[879] Менендес-и-Пелайо, III, 386-7. Яркий очерк полной приключений жизни Марчени см. у Антуана де Латура, "Испания, традиции, История литературы", стр. 51 (Париж, 1869).

[880] Карнисеро, *указ. соч.*, I, 9.—Кодиго де Хосе Нап. Бонапарт, Тит. XIII, § 5 (Мадрид, 1845).

[881] Обсуждение проекта, стр. 148.

[882] Торено, История революции, III, 106 (Париж, 1838).

[883] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, Стр. 100.

[884] Puigblanch, тушь для ресниц La Inquisicion, стр. 429.

[885] Торено, *указ. соч.*, II, 197-202.

[886] Марлиани, История современной Испании, I, 171.

[887] Даже Эваристо Сан Мигель, один из *экзальтадо* 1822 года, который, будучи государственным секретарем, был в значительной степени ответственен за безумства, вызвавшие французскую интервенцию 1823 года, признает ошибки кортов Кадиса. Конституция 1812 года, говорит он, была экзотикой, которая не пустила корней в почве; масса людей, погрязших в невежестве и нищете, знала о ней только по рассказам своих духовных наставников, что это сплетение нечестия.—De la Guerra Civil de España, p. 88 (Madrid, 1836).

[888] Toreno, II, 208, 211, 223, 249.—Coleccion de los Decretos y Ordenes que han expedido las Córtes Generales, I, 1-3 (Madrid, 1820).

[889] Vélez, Apología del Altar y del Trono, I, 107-10, 113-19, 211-12 (Madrid, 1825).—Coleccion de Decretos, I, 16.

[890] Эти письма неоднократно переиздавались. Мое издание - Мадридское, 1824-1845 гг., в пяти томах. При Реставрации Альварадо был назначен членом Верховного суда, но вряд ли он мог действовать, поскольку умер 31 августа 1814 года.

[891] "Инквизиция в Маскаре", стр. 5-12, 28, 299, 480-3 (Кадис, 1811). Английский перевод Уильяма Уолтона появился в Лондоне в 1816 году с ценным введением.

[892] Картас дель Фильософо Рансио, Я, 86, 87, 96, 98, 262, 265, 268, 297; II, 21, 457, 461.

[893] Марлиани, указ. соч., I, 175.

[894] Тит. I, глава i, статьи 2, 3; Тит. II, глава li. ii, art. 12 (Coleccion de Decretos, II, 98, 100).

[895] Велес, Апология, II, 116-27.—Марлиани, I, 179.—Карнисеро, История. de la Revolucion, III, 160, 184.—Coleccion de Decretos, II, 166; III, 60.

[896] Велес, Апология, I, 126-34, 212-13.—Родриго, III, 370.—Торено, III, 106-7.

[897] Апология инквизиции, стр. 16-18 (Кадис, 1811).—Риеско в речи перед Кортами сказал, что функции Suprema были приостановлены под предлогом того, что ее члены не были "очищены" (Обсуждение проекта, стр. 148). Все официальные лица, которые каким-либо образом были связаны с французами, должны были пройти очищение, то есть представить доказательства патриотизма. Это так называемое очищение неоднократно проявлялось в калейдоскопических изменениях испанской политики.

[898] Велес, Апология, I, 214, 384-5, 399-418.

[899] Велес, Апология, I, 134-52, 217, 219.—Торено, III, 105-10.

[900] Обсуждение проекта, стр. 40-1, 398.

[901] Обсуждение, стр. 38-40.—Закон Partidas, возрожденный таким образом, был П. VII, Тит. xxvi, лист 2, в котором говорится, что еретики могут быть обвинены любым лицом перед епископом или его викарием, которые должны исследовать их на предмет символов веры и таинств. Если ошибка обнаружена, он должен приложить усилия, чтобы обратить их разумом и убеждением, когда, если они желают быть обращенными, они должны быть примирены и прощены. В случае упорства они должны быть переданы светскому судье для наказания огнем или иным способом. Возрождение закона касалось только функций епископов.

[902] Там же, стр. 42-7.

[903] Картас дель Филос Рансио, II, 453.—Менендес и Пелайо, III, 473.—Обсуждение, стр. 215, 229, 397.

[904] Обсуждение проекта, стр. 59, 325, 495, 564, 630-9, 683, 687.—Собрание декретов, III, 215, 220.—Исторический архив. национальный конгресс Валенсии, раздел 100.—Архив Симанкаса, раздел 890.

Указ о собственности сохранил заработную плату всем чиновникам. Последующий декрет от 13 сентября, регулирующий государственный долг, применил имущество *государственной инквизиции* к имуществу, понесенному в войне с Францией.—Сборник, IV, 257.

[905] Карнисеро, Инквизиция юстаменте рестаблиеда, II, 115.

[906] Велес, Апология, I, 252-4.

[907] Собрание сочинений, III, 26, 30, 66, 137, 211.

[908] Обсуждение проекта, стр. 683, 689-94.

[909] Торено, III, 204.

[910] Memoria interesante para la Historia de las Persecuciones de la Iglesia Católica y de sus Ministros en España, Append., pp. 1-16 (Madrid, 1814).

[911] Там же, стр. 17-20.

[912] Исторический манифест кардинала Пьетро Гравины, стр. 63-68 (Рим, 1824).-E. Nuñez de Taboada, Le dernier soupir de l'Inquisition, pp. 43-9 (Paris, 1814).

[913] Память об интересующем, Приложение., стр. 23-6.

[914] Торено, III, 193-203.

[915] Память об интересе, стр. ix, x, 58; Приложение., стр. 27-30.—Велес, Апология, I, 262-87.

[916] Табоада, указ. соч., стр. 50-71.—Гравина, Исторический манифест, стр. 68-106.

[917] Велес, Апология, I, 303.—Гравина, Исторический манифест, стр. 106-116, 1-41.

[918] Велес, Апология, I, 260.

[919] Казалось бы, некоторые трибуналы продолжали действовать. Известен случай с доминиканским иподьяконом, братом Томасом Гарсией, который осудил себя за то, что отслужил мессу в церкви Валенсии, которая переправила "сумарию" в Куэнку 15 августа 1813 года. —Исторический архив. "насьональ", Инк. де Валенсия, Этап 100.

[920] Торено, III, 284-305.

[921] Карнисеро, История революции, III, 169-76.

[922] Miraflores, Apuntes para escribir la Historia de España, pp. 11-13 (Londres, 1834).

[923] Miraflores, Documentos á los que se hace referencia en los Apuntes, I, 9-23.

[924] Марлиани, I, 195-200.—Торено, III, 317, 395.—Собрание сочинений, I, 43; V, 87.

[925] Консерваторы согласны с либералами в осуждении памяти Фернандо. See Menéndez y Pelayo, III, 495 and V. de la Fuente, III, 472.

[926] Торено, III, 355-9.—Мирафлорес, Документы, I, 30.—Конституция, искусство. 3, 144-9, 173, 181, 187 (Коллекция декораций, V, 148, 153, 182, 185).

[927] Representacion y Manifiesto que algunos Diputados á las Córtes ordinarias firmaron en los mayores Apuros de su Opresion en Madrid, pp. 12, 17, 59, 60 (Madrid, 1814).

[928] Торено, III, 359, 361-4.—Коска Вайо, История Вида и Рейнадо де Фернандо VII, II, 26, 32-5, 377 (Мадрид, 1842).—Марлиани, I, 206.

[929] Собрание лас-Реалес Седулас и др. Фернандо VII, стр. 1 (Валенсия, 1814).—Торено, III, 400.— Было бы трудно найти более неряшливое произведение, чем этот знаменитый и судьбоносный манифест. Его авторство приписывалось Хуану Пересу Вильямилу, главе регентства, уволенному Кортами в марте 1813 года.—Торено, III, 364.

[930] Марлиани, I, 208-17.—Коска Вайо, II, 48-52.—Торено, III, 405.

[931] Менендес-и-Пелайо, III, 545.

[932] Хервас, Руис де Падрон и су темпо, стр. 101-5 (Мадрид, 1898).—Архив Симанкаса, Inq., Libro 890.—Его речь была опубликована в Ла-Корунье в 1813 году под названием “Диктамен доктора Антонио Хосе Руиса де Падрона Инквизиции”. Другими священнослужителями, которые страдали от затворничества в монастырях, были Оливерос в ла-Кабрере; Гальего в Картуха-де-Херес; Рамос в церкви Валенсии; Ариспе в церкви Севильи; Лопес Чеперо в капуцинах Новельды; Антонио Ларрасабаль, где бы его ни назначил архиепископ Гватемалы, и Бернабеу в одном из неустановленных мест. Кроме того, Ла Канал и Хайме Вильянуэва были отстранены от работы над периодическим изданием. —V. de la Fuente, III, 471.

[933] Амадор де лос Риос, III, 555. —Когда был получен королевский указ от 21 июля, 16 августа, собор был иллюминирован и зазвонили колокола, за которыми 23 и 24 августа последовали большие торжества.—Relacion histórica de la Judería de Sevilla, pp. 46-8.

[934] Родриго, III, 480.—Архив Севильи, секция VI, 1ª Эскрибания дель Кабильдо, Томо 49, п. 14.

[935] Собрание Седулас де Фернандо VII, стр. 85.

[936] Родриго, III, 485.—Карнисеро, La Inquisicion justamente restablecida, II, 51.

[937] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 559; 890.

[938] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 559.

[939] Там же, библиотека. 890.

[940] Собрание декретос, III, 220.

[941] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 559.—См. Приложение.

[942] Там же, Библиотека. 559.

[943] Там же.

[944] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 17, № 4, следующий. 9, 21, 36, 57, 85, 88, 93.

[945] Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 559.

[946] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 559; Lib. 435².

[947] Отношение к Судье Севильи, стр. 49-51.

[948] Архив истории. "насьональ", Инк. де Валенсия, Этап 100.

[949] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 890.

[950] Архив Симанкаса, Inq., библиотека 890.

[951] Там же, Sala 39, Leg. 1473, fol. 29.

[952] Там же, библиотека. 890.

[953] Там же.

[954] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 559.—Rodrigo, III, 489.

[955] Архив де Симанкаса, *официальный сайт*

[956] Архив Симанкаса, Генеалогический реестр, № 916, fol 4, 12.—Inq., Lib. 435²; Lib. 559; Leg. 1473.

[957] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 1473.

[958] Там же.

[959] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 890.

[960] "Великая и настоящие революции", стр. 148 — цитируется Марлиани, I, 235. Смотрите также Мирафлореса (Apuntes, стр. 23, 26), который, как аристократ, не имел отношения к либералам.

[961] Многие документы были собраны на улицах и отправлены в Соединенные Штаты, которые в основном погибли из-за небрежности, но некоторые, которые были сохранены мистером Эндрю Торндайком, в то время проживавшим в Барселоне, были представлены в 1840 году Американскому философскому обществу, благодаря любезности которого я получил возможность ими воспользоваться.

Некоторые материалы из аналогичного источника были переведены и напечатаны в Бостоне в 1828 году под названием "Отчеты испанской инквизиции, переведенные с оригинальных рукописей".

На Майорке население было более агрессивным и разрушило дворец инквизиции.

[962] Koska Vayo, II, 133-54, 170.—Miraflores, Apuntes, pp. 26-37; Documentos, I, 73-81.—Memorias de Francisco Espoz y Mina, II, 255-72.—Martínez de la Rosa, Examen crítico de las Revoluciones de España, I, 14-22.

[963] Urquinaona, La España bajo el Poder arbitrario de la Congregacion Apostólica, p. 14 (Madrid, 1835).—Miraflores, Apuntes, pp. 40-5; Documentos, I, 87-91.—Cappa, La Inquisicion española, p. 239.—Rodrigo, III, 495.

[964] См. Приложение.

[965] Архив Севильи, раздел VII, 1820-3, Томо XVII, № 2.—Родриго, III, 495.—Собрание декретос, VI, 33.

[966] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека. 435³.

[967] España venturosa por la vida de la Constitucion y la muerte de la Inquisicion. Мадрид, 1820 год.

Конечно, памфлетисты не упустили возможности сбежать, но я познакомился только с двумя их постановками — “Мемориал Святой инквизиции сеньоров-министров Франции” и “Погребальный оракул в поисках объяснения причин смерти инквизиции в эль-храме фанатизма на Вилле невежества для министра юстиции Франции”. Их единственный интерес заключается в выражении чувств того времени.

[968] Собрание декретос, VI, 64, 141, 155, 258; VII, 57, 60, 245, 251; IX, 384; X, 16, 17, 31.

[969] H. Brück, Die geheimen Gessellschaften in Spanien, pp. 233-9, 250-60.—V. de la Fuente, III, 477-9.

[970] Собрание декретос, VI, 43.

[971] Модесто Лафуэнте, XXVII, 83.

[972] Собрание сочинений, VII, 36.

[973] Коска Вайо, III, 42. В ответ на реакцию 1823 года Вильянуэва бежал в Англию, где, как рассказывает нам Менендес-и-Пелайо (Heterodoxos, III, 527), под давлением нищеты он почти или полностью принял протестантизм. Пучбланш, который тоже был беженцем, развлекался тем, что писал яростные обличительные речи в адрес своих товарищей по несчастью и особенно в адрес Вильянуэвы, который отвечал тем же. Он умер в Дублине, примилившись с Церковью, 25 марта 1836 года в возрасте 80 лет.

[974] Песня конституционного Колосо деррокадо (Ориуэла, 1823).

[975] Коска Вайо, III, 181.

[976] Собрание декретос, VI, 145; VII, 4, 92, 105.

[977] Мирафлорес, Апунтес, стр. 65.

[978] Коска Вайо, II, 317; III, 121.

[979] Мирафлорес, Документы, II, 76, 79.—Коска Вайо, III, 8.

[980] Мирафлорес, Документы, I, 214-25; II, 15.

[981] Мина, Воспоминания, III, 16, 111-13, 159, 169.

[982] Мирафлорес, Документы, II, 32-99.

[983] Ibidem, II, 114-72.—Koska Vayo, II, 317; III, 8.—Mina, Memorias, III, 88-9.—Châteaubriand, El Congreso de Verona, Traducela Cayetano Cortés, II, 379-80, 384.

- [984] Мирафлорес, Документы, II, 172-4, 177-80.
- [985] Ibidem, pp. 174-6.
- [986] Мирафлорес, Апунтес, стр. 163.
- [987] Там же, стр. 172-5.
- [988] Собрание сочинений, X, 162.
- [989] Мирафлорес, Апунтес, стр. 185, 215; Документы, II, 284-94—Коска Вайо, III, 72, 101-12.
- [990] Мирафлорес, Документы, II, 240, 244; Апунтес, стр. 189, 191, 194.—Коска Вайо, III, 74.
- [991] Miraflores, Documentos, II, 242.
- [992] Мирафлорес, Документы, II, 247-70.
- [993] Коска Вайо, III, 97-8.—Мирафлорес, Апунтес, стр. 219-21.
- [994] Мирафлорес, Апунтес, стр. 221-4; Документы, II, 294-6.—Коска Вайо, III, 442.
- [995] Коска Вайо, III, 128.
- [996] Там же, III, 126-154.—Мирафлорес, Апунтес, стр. 234-44; Документы II, 316-38.
- [997] Коска Вайо, III, 159-64.
- [998] Коска Вайо, III, 175, 184.
- [999] El Congreso de Verona, II, 234, 265, 268, 302, 307, 311, 317, 319, 322, 324, 339, 342.—Martínez de la Rosa, I, 372, 392, 394, 408.—Koska Vayo, III, 319.
- [1000] Коска Вайо, III, 185.—Мирафлорес, Апунтес, стр. 224; Документы, II, 296.—Уркинаона, стр. 195.
- [1001] Javier de Burgos, Añales del Reinado de Dª Isabel II, I, 46 (Madrid, 1850).
- Характерной причудой Фернандо было создание в Севилье школы боя быков во главе с доном Педро Рамиро с жалованьем в 12 000 реалов. Когда Бургос стал министром внутренних дел при Изабелле II, он имел удовольствие подавить это.
- [1002] Родриго, III, 497.—Мирафлорес, Документы, II, 299.—Баррантес, Отрывок из истории Эстремадуры, III, 43.
- [1003] Конгресс Вероны, II, 283, 302.
- [1004] Коска Вайо, III, 206.
- [1005] Родриго, III, 498.
- [1006] Мартинес де ла Роса, I, 422.—Коска Вайо, III, 241.
- [1007] Коска Вайо, III, 222.

- [1008] Модесто Лафуэнте, XXVIII, 453-63; XXIX, 393-5.—Уркинаона, стр. 141-2.
- [1009] Модесто Лафуэнте, XXVIII, 465-71; XXIX, 7-13.—Коска Вайо, III, 305, 311.
- [1010] Уркинаона, стр. 143.—Модесто Лафуэнте, XXVIII, 475.
- [1011] Архив истории. национальный конгресс Валенсии, раздел 100.—Архив Симанкаса, раздел 890.
- [1012] История архива. национальный, участок 463, Гасиенда XVI.
- [1013] История архива. "насьональ", Лег. 6462.
- [1014] Коска Вайо, III, 207.
- [1015] Модесто Лафуэнте, XXIV, 346.—Менендес—и-Пелайо, III, 524.—Висенте де ла Фуэнте, III, 482.
- [1016] Модесто Лафуэнте, *местный житель*—В. де ла Фуэнте, *местный житель*
- [1017] Стр. VIII Конст. *Новые размышления*, 5 октября 1829 г. (Булл. Рим. Продолжение, IX, 76).
- [1018] Часть, П. II, Раздел xv, лей 2.
- [1019] Руководство пользователя, Библиотека V, Раздел vii, Авто 5.
- [1020] Андрес Мюриэль, историк. де Карлос IV (память, история. español, XXIX, 14-29).
- [1021] Хуан Перес де Гусман (Revista de Archivos, апрель 1904 г., стр. 267).—Модесто Лафуэнте, XXIX, 51.
- [1022] Коска Вайо, III, 342, 352, 358-68.—Модесто Лафуэнте, XXIX. 191.
- [1023] Коска Вайо, III, 369-75, 387.—Модесто Лафуэнте, XXIX, 152.
- [1024] Коска Вайо, III, 380.

В том, что карлисты расценили своевременное воскрешение этой давно похороненной прагматики как мошенничество, не было ничего противоестественного, но записи, представленные в ее пользу, содержат все доказательства подлинности. Из них явствует, что 31 мая 1789 года Карлос IV созвал кортов на собрание 23 сентября, чтобы принести присягу на верность своему сыну Фернандо и обсудить другие дела. В тот день присяга была должным образом принесена; 30-го числа королю в обычной форме было адресовано прошение об отмене прагматики Филиппа V и восстановлении древнего закона о престолонаследии. Сессия продолжилась принятием различных законодательных актов; 7 октября Карлос получил одобрение этой меры от четырнадцати архиепископов и епископов, которые присоединились к присяге на верность; 30 октября он подтвердил прагматику, но приказал соблюдать в отношении нее абсолютную секретность, и в этом все заинтересованные стороны принесли торжественную клятву. Тем не менее, это не осталось полностью неизвестным, и в декабре 1809 года Донья Карлота, принцесса Бразилии, обратилась к верховной Центральной хунте, правившей тогда королевством, с просьбой признать ее возможные права на престолонаследие в соответствии с ней. Хунта заседала в Севилье; архивы находились в

Мадриде, в то время находившиеся во владении французов, и были наведены справки о тех, кто выжил во время переворота 1789 года, до кого удалось добраться, которые подтвердили факт принятия прагматики и предписанной секретности, после чего Совет Испании и Индии сообщил в пользу заявления португальской принцессы. То, что эти записи с их множеством имен, дат и тщательно продуманных деталей могли быть сфабрикованы, просто невероятно.— Testimonio de las Actas de Córtes de 1789 sobre la Sucesion en la Corona de España, y de los Dictámenes dados sobre esta materia; publicado por real decreto de S. M. la Reina N^{ra} S^{ra}. Año de 1833, Madrid, en la Imprenta Real.

[1025] Коска Вайо, III, 393-425.

[1026] Там же, стр. 437.

[1027] Цитируется Хервазом, Руисом де Падроном, стр. 160.

[1028] Архив Алькалы, Министерство юстиции, Закон 897, № 30; Закон 906, № 87, 88.— (См. Приложение.)

Следует помнить, что герцог Мединасели был альгвасилом мэром мадридского трибунала и в качестве такового получал ежегодное жалованье в тысячу реалов.

[1029] Смотрите Приложение. Намек на согласие Святого Престола является чистым предположением, поскольку по политическим причинам Изабелла и Регентство не признавались папством в течение многих лет.

[1030] Кастильо-и-Айенса, "Переговоры с Ромой", I, Приложение, стр. 156 (Мадрид, 1859).

[1031] Антекера, История законодательства Испании, стр. 419 (Мадрид, 1884).

[1032] Солер, "Оон Милагро и уна Ментира", стр. 5 (Валенсия, 1858).

[1033] Menéndez y Pelayo, III, 682-3, 686.—Hermann Dalton, Die evangelische Bewegung in Spanien, pp. 40-5 (Wiesbaden, 1872).

[1034] А. Луке-и-Висенс, Инквизиция, за и против, Указ Второй Лиги, Мадрид, 1859.

[1035] Парады, Политический курс, стр. 720 (Мадрид, 1883).

[1036] Уголовное дело Новизимо Кодиги, ст. 236-41 (Валенсия, 1872, стр. 126-7).

[1037] Паредес, указ. соч., стр. 666.

[1038] Посмотрите очень интересную подборку статей, опубликованную *Научным и литературным центром* Мадрида под названием *"Олигофрения и Касиквизмо, комическая форма фактического гобьерна в Испании; срочность и способы камбьярлы"* (Мадрид, 1903).

Этот касикизм описывается как "деспотизм, в сто раз худший, чем деспотизм абсолютных королей" (стр. 33).

[1039] Реконструкция и европеизация Испании, стр. 113, 123, 289 (Мадрид, 1900).—Ricardo Macías Picavea, El Problema nacional, p. 304 (Madrid, 1899).

Еще одним красноречивым свидетельством плачевного состояния общественных дел в Испании является книга доктора Мадразо "*Испанское пуэбло в муэрто?*" (Santander, 1903).

[1040] Relazioni Venete, Серия I, Т. V, стр. 463.

[1041] Клеменсин, Элогио де ла Рейна Исабель, стр. 302 (Мадрид, 1821).

[1042] Кабрепа, Relaciones, *passim*; Приложение. стр. 582-3.—Relazioni di Ambasciadori Lucchesi, стр. 29, 31 (Лукка, 1903).

[1043] Сеспедес-и-Менесес, Дон Фелипе Кварто, либр. II, глава i, х.

[1044] А. Родригес Вилья, Королевский дворец Испании, стр. 110 (Мадрид, 1886).

[1045] Занкторнато, Relazione della Corte de España, стр. 76-82 (Cosmopoli, 1672).

[1046] Relasioni Venete, Серия I, Т. V, стр. 396.

[1047] Корты 1570 года жаловались на продажу *идальгии*, которые были куплены более богатыми налогоплательщиками, бремя которых, таким образом, легло на бедных и обездоленных. На это Филипп II ответил, что к этому его вынудили потребности, но что в будущем будет проявлено больше внимания. —Кордова-дель-аньо-де-сетента, том 5 (Алькала, 1575).

Согласно переписям 1768 и 1787 годов освобожденные классы были...

	1768.	1787.
Идальго	722,794	480,589
духовенства	183,965	151,973
	906,759	632,562

Флоридабланка поздравил себя с сокращением, таким образом, показанным в исключениях, в результате большей строгости в принятии претензий, в то время как население увеличилось с 9 309 804 до 10 409 879 человек.—Censo español en el año de 1787.

[1048] Давила, Вида де Фелипе III, стр. 216.

[1049] Libro de las Cincas Excelencias del Español que despueblan á España, fol. 163, 170 (Pamplona, 1629).

[1050] Представительство аль-Рей Д. Фелипе Против дирижиды аль-мас-сегуро-аументо-дель-Реал-Эрарио. Hecha por D. Miguel de Zavala y Auñon, pp. 7-35, 74-97 (Madrid, 1732).

Следует отметить, что ни в одном из описаний бремени, налагаемого на крестьянство, нет ни малейшего намека на то, что, возможно, было самым тяжелым из всех, как по размеру, так и по способу сбора, — десятину, за счет которой содержалось огромное церковное учреждение. Это было полностью неподконтрольно светской власти и поэтому не принималось во внимание.

В 1820 году доктор Себастьян де Миньяно в своей книге "*Картас дель Побрекито Ольгазан*" дает наглядную картину церковного бремени крестьян — первых плодов, десятины и обязательной "милостыни" всем соседним монастырям.—Ochoa, Epistolario español, II, 616.

[1051] Ховельянос, Информация о целесообразности развития сельского хозяйства (Obras, VII, 165-8).

Проблема все еще существует. В 1898 году Сельскохозяйственная палата Верхнего Арагона заявила, что, несмотря на крупные субсидии железным и шоссейным дорогам, большая часть населения остается такой же изолированной, как и прежде, и настоятельно призвала потратить 400 или 500 миллионов песет на превращение 250 000 километров пути для мулов в дешевые дороги для фургонов.—Reconstitucion de España, pp. 24, 89.

[1052] Улицы Леона и Кастильи, II, 344.—Jovellanos, Informe, стр. 48-80.

Непомерные привилегии Mesta были в значительной степени урезаны властями Кадиса, но были быстро восстановлены Фернандо VII указом от 2 октября 1514 г. (Coleccion de Cédulas etc., стр. 170).

[1053] Завала—и-Аунон, стр. 104-30.—Ховельянос, стр. 44.

[1054] Relazioni Lucchese, стр. 29.—О различных законах, касающихся чеканки монет, см. *Autos Acordados*, Lib. V, Tit. xxi.

[1055] Апостол Дискорсос (колл. de Doc. inéd., LXXI, 220).

[1056] Я обязан этим отрывком “Чтениям по европейской истории” профессора Джеймса Харви Робинсона, II, 25.

[1057] Кольмейро, Кортес-де-лос-антигуос-Рейнос, II, 223.

[1058] Relazioni Venete, Серия I, Т. III, стр. 256, 287; V, 18; VI, 360.

[1059] Отношения Луккезе, стр. 58, 70.

[1060] Политический дискурс (Semanario erúdito, II, 143).

A modern writer attributes to the infusion of Saracen blood this characteristic—“este carácter indolente y apático, que nos impede llegar á tiempo en nuestras empresas, ó que no nos consiente llevarlas á termino bien cumplido.”—Madrazo, *El pueblo español ha muerto?* p. 29 (Santander, 1903).

[1061] Франсиско Сантос, Испанский импорт, стр. 149, 203 (Мадрид, 1668).

[1062] Давила, Вида де Фелипе III, стр. 216.

[1063] Педро Фернандес Наваррете, “Политические дискуссии”, fol. 66 (Барселона, 1621).

Смотрите также его более позднюю “*Консерваторию монархий*”, “Дискурс XLVI” (Мадрид, 1626), где он утверждает, что в стране было тридцать два университета и более четырех тысяч гимназий, где преподавался латинский язык.

[1064] Семанарио эрудито, XXVI, 108.—Jovellanos, Informe, стр. 154.

[1065] Отношения Луккезе, стр. 89.

[1066] Семанарио эрудито, VII, 167, 169.

[1067] Juan de Valera, Disertaciones y Judicios literários, p. 201 (Madrid, 1878).—Reconstitucion de España, p. 29.

[1068] Посмотрите очень поучительный набросок Д. Антонио Родригеса Вильи, “Патиньо и Кампильо”, Мадрид, 1882.

[1069] Вида политики и министерства Конде Флоридабланки. Это, я полагаю, никогда не печаталось. Мой экземпляр находится в рукописи MS.

[1070] Кортес-де-лос-антигуос-Рейнос, I, 605; II, 55, 66, 134, 140, 143.

[1071] Кортес-де-лос-антигуос-Рейнос, 1, 2, 24, 42, 43, 51, 244, 246, 289, 291, 360-1, 470.—Фуэро вьехо, Библиотека v, Раздел ii, лей 1; Библиотека Я, Тит. я, лей 3.

[1072] Адреса и т.д. III, 339-40.

[1073] Там же, 516-18.—автоакордадос, Библиотека V, Тит. х, Авто 1.

[1074] Colmeiro, Córtes, II, 88, 98, 121, 147, 163, 168, 180, 192, 199, 207.—Córtes de Madrid del año de Setenta y tres, Peticion 57 (Alcalá. 1575).

[1075] Бледа, Короника-де-лос-Морос, стр. 864, 1025.

[1076] Салазар, Crónica del Gran Cardenal de España, Библиотека. I, глава 68 (Мадрид, 1625).

[1077] Давила, Вида де Фелипе III, стр. 216.

[1078] Сеспедес-и-Менесес, Дон Фелипе Кварто, Библиотека, II, глава 10.

[1079] Картас де Иезуитас (Память. история. español, XIII, 86).

[1080] Autos Acordados, Библиотека. IV, Тит. i, Авто 4.

[1081] Льоренте, Дипломатическая коллегия, стр. 44.

[1082] Руководство пользователя, Библиотека V, Tit. х, Auto 3.

[1083] С. Трезубец. Сессия. XXI, Глава о реформе. глава. 2; Сессия. XXIII, Глава о реформе. глава. 4, 5, 7, 10, 11, 12, 13, 14; Сессия. XXV, De Reg. et Mon. cap. 3.

[1084] Innocent. PP. XIII, Конст. *Apostolici ministerii*, 13 Maii, 1723. Подтверждено Бенедиктом XIII 23 сентября 1724 г. (Буллa. Римская. XIII, 60).

[1085] Семанарио эрудито, X, 149-58.

[1086] Там же, VII, 172, 182-4; VIII, 231-33.

[1087] Новизна. Перекоп., Библиотека 1, Тит. v, лейес 14, 15, 17, 18. При Карлосе III численность духовенства была:

	1768.	1787.
Приходские священники	15 639	16 689
пожертвовали духовенству, викариям и т.д.	51 408	42 707

обычных священнослужителей, мужчин	55 453	47 515
Делай. Женщины	27,665	24,559
Слуг, ризничих, послушников и т.д.	25,248	16,376
Казначеев религиозных домов	8,552	4,127
	183,965	151,973

Падение цен в 1787 году, вероятно, связано с большей строгостью при рассмотрении заявлений об освобождении.

[1088] Relazioni Venete, Серия I, Т. V, стр. 19.

[1089] Рикорди сулла Испания нелланно 1853 (Там же, III, 469).

[1090] Консерватория Монаркиас, Дискурс XLV.

[1091] Библия. nacional, рукопись, D, 118, fol. 146, n 49.

[1092] Relazioni Venete, Серия I, Т. V, стр. 450.

[1093] Там же, Т. VI, с. 378.—Занеторнато, с. 88.

В *subsidio* был грант от Павла IV в руку шестидесяти галер, целью которой был быстро забыт. *Excusado* - это грант Павла V, уполномочивающий короля требовать в каждом приходе десятину от крупнейшего плательщика десятины, но это привело к трудностям со сбором и было заменено.

[1094] Архив Симанкаса, Инквизиция Гранады, Различные методы, Раздел 2.

[1095] Jovellanos, Informe, стр. 88.

[1096] Марина, Теория-де-лас-Кортес, Р. I, сар. xiii, № 24 (Мадрид, 1820).

Бремя десятины было таким же во Франции при *старом режиме*. As a recent writer remarks “Les dimes étaient une des plus lourdes, peut-être même celle qui pesait sur les campagnes de la façon la plus générale et la plus fâcheuse ... on ne devrait pas oublier que le droit en lui-même était, le plus souvent, bien moins odieux, moins funeste, que les abus auxquels il donnait lieu ou servait de prétexte.”—Edme Champion, *La Séparation de l’Eglise et de l’Etat en 1794* (Paris, 1903).

Десятина и первые плоды ни в коем случае не были единственными церковными поборами, которые разоряли земледельца. Анонимный *светский пресвитер*, который в 1828 году энергично защищал временные рамки Церкви, откровенно признает непомерность некоторых ее доходов. Среди перечисленных был один, известный как *Luctuosa*— право на лучшую голову скота в случае смерти крестьянина. Светские лорды в основном смягчали это за небольшую денежную выплату, но духовенство распределяло ее по хозяйству, а фермеры требовали ее с предельной строгостью не только в случае смерти главы семьи, но и каждого члена, так что оставшиеся в живых в час тяжелой утраты часто лишались средств для возделывания своих владений. В 1787 году жители епархии Луго после долгой борьбы добились от Карлоса III указа, ограничивающего это право смертью главы семьи и заменяющего его денежной выплатой в размере шестидесяти реалов при владении четырьмя головами крупного рогатого скота и

меньшими суммами за меньшее количество. —История и Происхождение аренды испанской Иглесии, стр. 90-7 (Мадрид, 1828).

Это взыскание ни в коем случае не ограничивалось Испанией. Смотрите Юридический словарь Берна с. В. Гериота и Дю Канжа с. в. *Hereotum, Luctuosa*.

[1097] Breve Memoria (Döllinger, Beiträge zur polit. kirchl. u. Cultur-Geschichte, III, 203).

[1098] С. Hispalens. ann. 1512, загл.. 13, 17, 23, 26, 27 (Агирре, Т. В.). —Баррантес, Отрывок из истории. de Extremadura, I, 469.

[1099] О справедливом наказании, Библиотека. III, глава 5.

[1100] Комментарии, fol. 167, 260.

[1101] Архив Симанкаса, Патронато Реал, Inq., Leg. уни, fol. 76.

[1102] Синод. Ориолан, 1600 год, глава xxviii (Агирре, VI, 457).

[1103] Альфонс а Кастро адверсус Хересес, Либр. I, глава xii.

[1104] Relazioni Venete, Серия I, Т. V, стр. 79.

[1105] Кол . de Doc. inéd., V, 83, 85.

[1106] Бледа, Короника—де-лос-Морос, стр. 910.-См. Бонифаций, стр. VIII. Булла. *Unam Sanctam* (Extrav. Коммун., Либ. Я, Тит. VIII, глава 1). Также *О принципах режима*, Lib. III, глава x, xiii, xix, которая проходит под именем Фомы Аквинского.

[1107] Пикатосте, Грандеза и Декаденция Испании, III, 192 (Мадрид, 1887).

[1108] Relazioni Venete, Серия I, Т. II, стр. 208.

[1109] Давила, История. де Фелипе III, Библиотека. II, глава. lvii.

[1110] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека V, фол. 93, 95, 97.

[1111] Relazioni Venete, Серия I, Т. I, стр. 341-2; II, 61, 213; III, 222-3.

[1112] Сандовал, Вида-дель-Эми. Карлос V, II, 740, 777, 792 (Барселона, 1625).

[1113] Гашар, Корреспондент Филиппа II, Том. II, 27, 44, 58; III, 588.

[1114] Паллавичини, Hist. Продолжение. Trident., Lib. XIV, глава xi, n. 2.

Смотрите также письмо святого Пия V от 26 апреля 1569 г. герцогу Анжуйскому (Генриху III), поздравляющее его с победой над гугенотами при Жарнаке и призывающее его проявить неумолимость по отношению к тем, кто должен умолять о милосердии к еретикам и мятежникам.—Pii Quinti Epistolar. Lib. V, стр. 168 (Antverpiae, 1640).

[1115] Завещание и Кодекс короля Дона Фелипе II, стр. 14 (Мадрид, 1882).

[1116] Отношения Луккезе, стр. 16.

[1117] В своих инструкциях полковнику Локхарту, своему посланнику во Франции после переговоров по мирному договору 1656 года, Кромвель велит ему объяснить кардиналу Мазарини, “каковы мои принципы, которые привели меня к сближению с Францией, а не с Испанией ... а именно. что один дает свободу совести исповедующим протестантскую религию, а другой преследует ее, лишая жизни и имущества”. — Профессор Ч. Х. Ферт, в "Английском историческом обзоре", октябрь 1906 г., стр. 744.

[1118] Коллекция Тратадос-де-Пас; Фелипе IV, П. VII, стр. 685.

[1119] РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, архив, 130.

[1120] A. de Castro adv. Хересес, Библиотека. I, глава. xiii.

[1121] Комментарии, fol. 209.

Испания не была исключением в этом. В 1700 году в пасторали архиепископа Мехлинского Преципиано с не меньшей энергией описывается эта профанация дней святых.—Collectio Synodorum Archiep. Mechliniensis, II, 434 (Mechliniæ, 1829).

[1122] Relazioni Venete, Серия I, Т. V, стр. 18.—В 1565 году Джованни Соранцо делает то же заявление и оба замечания о легкости, с которой испанские войска перешли к неверным —Там же, стр. 82.

[1123] Аспилькуэта-де-Орационе, глава v, № 25-35.

Только в 1772 году Карлос III запретил в церквях Мадрида танцы и *гигантоны* и *тараски*, или огромные картонные фигуры великанов и змей, во время процессий, как вызывающие беспорядки и мешающие богослужению; а в 1780 году это действие было распространено на все королевство.—Novís. Копия., библиотека. I, Тит. i, лей 12.

[1124] Santos, El no Importe, стр. 107-31.—Аналогичное описание Хуана де Сабалеты см. в его “El día de fiesta”, Obras, стр. 166 (Мадрид, 1728). *El no Importe* был переиздан в 1787 году.

Эти богохульства распространялись не только в Испании и были осуждены Турским собором в 1583 году и архиепископом Мехлинским Преципиано в 1700 году.—Консилиум. Turonens., ann. 1583, Tit. xv (Harduin X, 1424).—(Collect. Синод. Мехлин., II, 436).

[1125] Национальная библиотека Франции, фонд Дюпюи, № 589, fol. 30.

[1126] Отношение к авто из fe de 1733. Discurso isagogico, § 2 (Lima, 1733).

[1127] П. Рикардо Каппа, S. J., испанская инквизиция, Мадрид, 1888.

[1128] Дон А. Родригес Вилья напечатал основные фрагменты этого мемориала в “*Болетине*” за июль—сентябрь 1906 г., стр. 87-103. Рукопись анонимна и без даты, хотя он сообщает нам, что пометка на рукописи, сделанная рукой современника, приписывает ее П. Эрнандо де Салазару или Д. Диего Серрано де Сильве из Suprema. Несомненно, это сделал член Верховного Суда, поскольку никто другой не обладал бы такими знаниями о внутренних делах инквизиции и не говорил бы о них так свободно, даже с сувереном. Упоминание об успехах голландцев в Бразилии относят ко времени, между 1620 и 1630 годами, когда было так много дискуссий о

португальских новых христианах (см. Т. III, стр. 275), вкладом в которую, несомненно, стала эта статья.

[1129] *Oligarquía y Caciquismo*, стр. 22, 679 (Мадрид, 1903).

[1130] Доктор Мадразо, осуждая антinationальную политику церковного истеблишмента, решительно свидетельствует об индивидуальных добродетелях духовенства, обычного и светского, и их усилиях реализовать, каждое в своей сфере, идеал христианства. Он приписывает их влияние на испанскую политику силе, которой обладает папство, способное в любой момент спровоцировать восстание карлистов.—*El Pueblo español ha muerto?* с. 140-6 (Сантандер, 1903).

В очень вдумчивой статье профессор Рафаэль Альтамира и его коллеги из Университета Овьедо ссылаются на теократическую реакцию, которая противостоит любому прогрессу в направлении терпимости и культуры и которая угрожает гражданской войной, которая станет концом Испании.—*Oligarquía y Caciquismo*, стр. 192.

[1131] "Отношения Венеции", Серия I, Т. VI, стр. 371; Т. V, стр. 288.—*Spicilegio Vaticano*, I, 461.—*Отношения Луккезе*, стр. 21.

[1132] Орти—и-Лара, "Инквизиция", стр. xiv.-Масиас Пикавеа, "Проблема", стр. 229.

[1133] Это в значительной степени относится к деталям, часто приводимым о практике колдовства. Для этого могло бы быть предложено какое-то оправдание, но его нет, когда включаются совершенно излишние описания порока, слишком тошнотворного, чтобы выдержать транскрипцию.

[1134] Корелла, Практика исповеди, П. II, Перорат. № 3.—*Пикатосте*, III, 113-23, 158, 162.—*Вилла, Ла-Корте-и-Монаркия*, стр. xvi.

[1135] Главы из религиозной истории Испании, стр. 102.

[1136] Деллингер у. Ройш, Моральная улица, I, 319.

[1137] Об этой социальной анархии см. *Picatoste*, III, 86-9.

[1138] Рода, Диктатор для консультаций (г-жа *обращается ко мне*).

[1139] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 69, fol. 2, 8.

[1140] Дипломатический корпус Португалии, III, 247.

[1141] *Relazioni Venete*, Серия I, Т. II, стр. 40; Т. III, стр. 252; Т. V, стр. 22, 83, 144, 288, 392, 485; Т. VI, стр. 367, 412.

[1142] Эпистола Эрасми, Ауктарий, стр. 114 (Лондон, 1642).

[1143] Мариана, гистолог. de España, Lib. XXIV, глава XVII.

[1144] Архив Симанкаса, Inq. de Barcelona, Córtes, Leg. 17, fol. 74.

[1145] История вердадеры, III, 509.

[1146] Die Kirchengeschichte von Spanien, Bd. III, Abt II, стр. 74.—Ср. Хефеле, "О кардинале Хименесе", стр. 327 кв.

Отец Гамс демонстрирует свое невежество, когда говорит нам, что исключает сожжения за другие преступления, кроме ереси, как будто таковые существуют, за исключением редких случаев неестественных преступлений в Арагоне. Он даже подразумевает, что инквизиция сожгла за ростовщичество и контрабанду.

[1147] История. критика, Т. IX, стр. 209, 211, 213, 214 (Мадрид, 1822).

Общее количество экстравагантных догадок Льоренте с момента основания инквизиции до 1808 года составляет:

Сгоревший лично	31 912
-----------------	--------

Сожжено в виде чучела	17 659
-----------------------	--------

Сильно наказанных	291 450
-------------------	---------

	341 021
--	---------

Хист. крит, IX, 233.

Это слегка изменено Галлуа в его сокращенном изложении работы Льоренте (Histoire abrégée de la Inquisition d'Espagne, 6e изд., стр. 351-2, Париж, 1828). Он приводит цифры:

Сожжено заживо	34 658
----------------	--------

Сожженных изображений	18 049
-----------------------	--------

приговоренных к галерам или тюремному заключению	288 214
--	---------

	340 921
--	---------

Следует заметить, что Галлуа недобросовестно классифицирует все личные послабления как сожжение заживо, а все наказания - как галеры или тюрьму.

[1148] История. de los Judíos de España, III, 492-3.

[1149] Процессуальные действия инквизиции, I, 116-17 (Мадрид, 1886).

[1150] Пулгар, Cronica, Стр. II, загл. lxxvii.

[1151] L. Marinæi Siculi de Reb. Испанский., Библиотека XIX.—Иллескас, История. Папский, П. II, Библиотека. VI, в. XIX.—Мариана, История. de España, Lib. XXIV, глава XVII.—Парамо, стр. 139.—Гарибай, сост. История, Библиотека. XVIII, глава XVII.

[1152] История. de los Reyes Católicos, cap. xlv.

[1153] Зуньига, Анналы Севильи, 1524 год, № 3—Варфлора, Сборник Севильи, Стр. II, глава 1.

[1154] Бернардес, *супруг ubi*.

[1155] Лален, Путешествие Филиппа ле Бо (Гашар, "Путешествия Суверена", I, 203).

[1156] Зурита, Аньялес, Библиотека XX, глава xlix. Тот факт, что у такого тщательного историка, как Зурита, который повсюду искал документальные свидетельства, не было официальной

статистики, на которую можно было бы сослаться, показывает, что в Suprema, относящейся к ранним годам инквизиции, ничего подобного не существовало.

[1157] Relazioni Venete, Серия I, Т. II, стр. 40.

[1158] Архив истории. nacional, Inq. de Toledo, стр. 262.— Не исключено, что эти цифры могут относиться только к жителям Сьюдад-Реаля. Парамо (стр. 170) приводит цифры, по которым трибунал за два года своего существования получил 52 послабления лично, 220 в виде портрета и 183 примирения. Только что процитированный отчет показывает, что в Сьюдад-Реале с 1484 по 1531 год 113 человек были освобождены лично, 129 - изображены, 16 примирились, 11 понесли наказание, 19 получили отпущение грехов, 3 освобождены под залог и 8 из них приговор не оглашен — все, по-видимому, жители города.

[1159] Связь инквизиции Толеданы (Болетин, XI, 292 кв.м).

Трибунал Кордовы также сжег 90 жителей Шильона, которых обманула пророчица Эррера (Там же, стр. 308).

[1160] История. крит., IX, 210.

[1161] Смотрите Приложение к Тому I. Следует иметь в виду, что в первые годы небольшие автомобили хранились не в центрах. Так, в *Libro Verde* есть намеки на них в Барбастро, Уэске, Монзоне, Лериде и Тамарите (Revista de España, CVI, 250-1, 263-4, 266). Однако совокупный показатель для них мало что изменил бы в итоговых показателях.

[1162] Libro Verde (Revista de España, CVI, 570-83). Послабления по годам были следующими:

1483—1	1495—9	1512—4	1542—1
1485—4	1496—1	1520—1	1543—1
1486—26	1497—18	1521—2	1546—2
1487—25	1498—2	1522—1	1549—1
1488—13	1499—13	1524—1	1561—4
1489—2	1500—5	1526—1	1563—1
1490—1	1502—2	1528—2	1565—1
1491—10	1505—1	1534—1	1566—1
1492—15	1506—5	1535—1	1567—2
1493—11	1510—1	1537—1	1574—2
1494—1	1511—5	1539—1	

Число в 1486-7-8 связано с убийством Сан-Педро Арбуэса.

[1163] Карбонель де Гестис Херет. (Col. de Doc. de la C. de Aragon, XXVII, XXVIII).

[1164] История архива. "насьональ", Инк. де Валенсия, Матч 98, 300.

[1165] Cronicon de Valladolid (Colon. de Doc. inéd., XIII, 176-9, 187).

[1166] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 595.

[1167] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.

[1168] История архива. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.

[1169] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека. 1020.

[1170] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.

Чтобы проиллюстрировать несоответствие между фактами, изложенными выше, и опрометчивыми расчетами Льюренте, которые получили столь широкое признание, возможно, будет нелишним сравнить факты с соответствующими цифрами, полученными на основе его системы расчетов для названных трибуналов и периодов:

		Рекорды. Llorente.			
Толедо,	1483-1501.	Расслабленный лично	297	666	
		Расслабленный в изображении	600	433	
		Заклучен в тюрьму, около	200	6200	
	Примирен согласно эдиктам	5200	До.		
1575-1610.	Расслабленный лично	11	252	252	
		Расслабленное чучело	Наказан		
		Наказан	904	1,396	
До.	1648-1794.	Расслабленный лично	8	297	
		Расслабленный в изображении	63	129	
		Наказан	1094	1,188	до 1746 года.
Saragossa,	1485-1502.	Расслабленный лично	124	584	
		Расслабленное чучело	32		
		Наказан	458	7,004	
Барселона,	1488-98.	Расслабленный лично	23	432	
		Расслабленное чучело	430	316	
		Заклучен в тюрьму	116	5,122	

		Примирился согласно эдиктам	304		
Валенсия,	1485-1592.	Расслабленный лично	643	1,538	
		Расслабленный в изображении	479	869	
		Судили	3104	16 677	осужденных.
Вальядолид,	1485-92.	Расслабленный лично	50	424	
		Расслабленное чучело	6	312	
		Покаянных	?	3,884	
Майорка,	1488-1691.	Расслабленный лично	139	1,778	
		Расслабленное чучело	482	978	
	Покаянных в изображении	975	17,861	Всех трибуналов,	
Все трибуналы,	1721-27.	Расслабленный лично	77	238	
		Расслабленный в изображении	74	119	
		Наказан	811		

Таким образом, будет видно, насколько ошибочными были догадки, на которых Льюоренте основывал свою систему.

Еще более убедительное сравнение приводится в "маленьком трибунале Канарских островов". После 1524 года Льюоренте включает его в число трибуналов, на которые он умножает количество ежегодных жертв, назначаемых каждому из них. Таким образом, он возлагает на него ответственность, от начала до конца, за 1118 релаксаций лично и 574 в изображении. Милларес ("История инквизиции на Канарских островах", III, 164-8) опубликовал официальный список *quemados* за всю карьеру трибунала, и всего их было сожжено одиннадцать лично и сто семь в виде изображений. Количество последних объясняется тем фактом, что для придания интереса своим авторам, они часто преследовали *заочно* мавританских и негритянских рабов, которые бежали в Африку после крещения и которые, таким образом, были конструктивно рецидивированы.

Доктор Шефер (Beiträge, I, 157) после исчерпывающего изучения доступных записей собрал упоминания о 2100 лицах, осужденных за протестантизм во второй половине шестнадцатого века. Протестанты были наказаны с особой суровостью, но в этих случаях общее количество наказаний лично составило около 220, а в изображении - около 120, и все они, как мы видели, были в основном иностранцами.

[1171] Бернардес, Hist. de los Reyes Católicos, cap. xlv.

[1172] Архив Симанкаса, Inq., библиотека 979, fol. 40.

[1173] Гарау, Триумфальная арка, стр. 86, 91.

Не следует забывать, что только в 1790 году в Англии сожжение женщин за государственную и мелкую измену было заменено на рисование и повешение на 30 лет. III, глава 48 (Статуты в целом, XVI, 57).

[1174] Juan de Valera, Del Influjo de la Inquisicion (Disertaciones, p. 108).—Menéndez y Pelayo, II, 707.—Ortí y Lara, La Inquisicion, p. 270.—P. Ricardo Cappa, La Inquisicion española, p. 146.

[1175] Студия Маэстре Небриха, стр. 53-7, 97 (Мадрид, 1879).

[1176] История Испании, Пролог.

[1177] Las Cinco Excelencias del Español, fol. 49, 52 (Памплона, 1629).

[1178] Смотрите трактаты Лореана Переса из Саламанки и Херонимо Лопеса из Сарагосы в Бодлианской библиотеке, А, подзаголовки 16.

[1179] Критический обзор истории и литературы, Т. VI, стр. 6.

[1180] Очоа, Испанский эпистолярио, II, 182.

[1181] Элоджио де ла Рейна Католика Донья Исабель, стр. 51 (Мадрид, 1821 г.)

[1182] Влияние инквизиции (Исследования, стр. 108, 121).

[1183] Мемориалы Страйпа, II, 214-15.—Реформация Бернета, том. II, Сборники, № 33.—XXIX Цар. II, с. 9 (Законы в целом, II, 390).

[1184] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 942, fol. 53.Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 200. —См. Приложение.

Типографские ошибки, исправленные переводчиком электронного текста:

Арчиво де Симанкас=> Архиво де Симанкас {стр. 25 н.}

Технические вопросы=> Технические вопросы {стр. 115}

Если бы это было религиозно => Если бы это было религиозно {стр. 178}

Archvio de Simancas=> Archivo de Simancas {pg 304}

для дочери=> для племянницы {стр. 312}

pronuncdd=> произносится {стр. 367}

После битвы при Лиепциге=> После битвы при Лейпциге {стр. 419}

активность инквизиции=> активность инквизиции {стр. 501}

коммерческая эра=> коммерческая эра {стр. 505}

Берньер-Лувины, его квиетизм, iv, 63=> Берньер-Лувины, его квиетизм, iv, 63 {указатель стр. 554}

конфликты юрисдикций, i, 514=> конфликты юрисдикций, i, 514 {указатель стр. 555}

Климент, р.п., из Барселоны, iv, 293=> Климент, р. п., из Барселоны, iv, 293 {индекс стр. 561}

Дias, Бланкина, случай, ii, 122=> Диас, Бланкина, случай, ii, 122 {стр. 567 указателя}

осуждает *Мистику Сьюдад*, iv, 40=> осуждает *Мистику Сьюдад*, iv, 40 {указатель стр. 579}